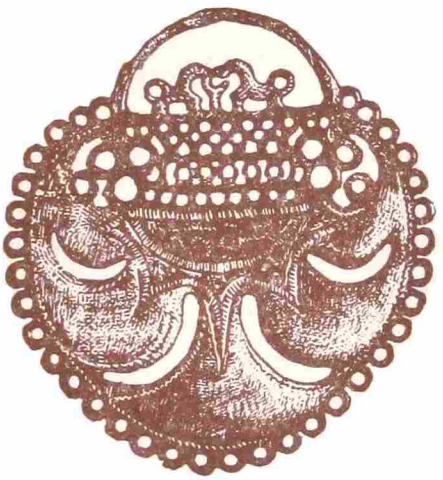
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4

1980

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1980

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, В. Д. Блаватский, Н. Н. Гурина,
Л. В. Кольцов (отв. секретарь), *В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев,
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

110-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина 5
Цетлин Ю. Б. (Москва). Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита 9
Антонова Е. В. (Москва). О некоторых чертах погребального обряда древних земледельцев Средней Азии и Месопотамии 16
Медведская И. Н. (Ленинград). Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э. 23
Котович В. Г., **Давудов О. М.** (Махачкала). О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе 38
Рузанов В. Д. (Москва). К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры 55
Масленников А. А. (Москва). К истории населения хоры Европейского Боспора в I в. до н. э. 65
Шляхова В. И. (Москва). Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ) 75
Гуревич Ф. Д. (Ленинград). Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг. 87
Никольская Т. Н. (Москва). К пятисотлетию «стояния на Угре» 102

Публикации

Косменко М. Г., Витенкова И. Ф. (Петрозаводск). Мезолитический слой поселения Муромское VII 120
Кольцов Л. В., Жилин М. Г. (Москва). Малоокуловский грунтовой могильник волосовской культуры 132
Кожомбердиев И., Кузьмина Е. Е. (Фрунзе, Москва). Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии 140
Рындина Н. В., Дегтярева А. Д., Рузанов В. Д. (Москва). Результаты химико-технологического исследования находок из Шамшинского клада . . 154

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1980 г.

Смирнов Ю. А. (Москва). Погребение с бычьими черепами в Нижнем Подонье 173
Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А. (Харьков). Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище 181
Ольговский С. Я. (Москва). Цветной металл с Березани 190
Пичикян И. Р. (Москва). Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии . 202
Пилипко В. Н. (Ашхабад). Парфянский слой поселения Коша-депе у Бабадурмаза 213
Лившиц В. А. (Ленинград). Парфянские остраки из Коша-депе 232

Заметки

Щелинский В. Е., Гагашьян В. М. (Ленинград). Ашельское рубило из окрестностей Туапсе 244
Чернай И. Л. (Бронницы). Пекторали из Селецкого городища 248
Гурин М. Ф. (Минск). Металлографические исследования железных предметов из Абидни (Белоруссия) 251
Гаряинов В. А. (Саратов). Гуннское погребение в пещере Южного Приуралья 259
Коновалов П. Б. (Улан-Удэ). К коллекции хуннских бронз 263
Швецов М. Л. (Донецк). Стела V — VII вв. из Приазовья 268
Мамаев Х. М. (Грозный). Литейная форма из Ялхой-Мохка (Юго-Восточная Чечня) 270
Флеров В. С., Косяненко В. М. (Ростов-на-Дону). Салтово-маяцкие деревянные сосуды с Нижнего Подонья 272
Леквинадзе В. А. (Тбилиси). Вислая печать с именем Сергия из Грузии 275
Дудорова Л. В. (Владимир). Новые данные о местонахождении древних ворот в древнем городе Владимире 281
Алешковский П. М. (Москва). Языческий амулет-привеска из Новгорода 284
Маланин И. Д. (г. Пушкино, Московской обл.). Каменный крест из Калининской области 287

Критика и библиография

Абрамова З. А. (Ленинград). Léon Pales et Marie Tassin de Saint Péreuse. Les gravures de La Marche. v. II. Paris, 1976 289
Алексеев В. П. (Москва). Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977 297
Авилова Л. И. (Москва). Patay P. Das Kupferzeitliche Gräberfeld von Tiszavalk-Kenderföld. Budapest, 1978 300
Винокур И. С. (Каменец-Подольск). [Рец.] Справочники по археологии Украины 305

Хроника

Козенкова В. И. (Москва). Совещание по хронологии — периодизации памятников Кавказа 307
Семенов Г. Л., Шкода В. Г. (Ленинград). Всесоюзная конференция в Пенджикенте 312
Памяти Владимира Герасимовича Котовича 314

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1980 год 317

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 4
1980

Editor-in-chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

To the 110th anniversary of V. I. Lenin's birthday 5
Tsetlin Yu. B. (Moscow). Some peculiarities of the neolithic pottery technology at the Upper Volga basin 9
Antonova E. V. (Moscow). On some features of the funeral rites of ancient farmers of the Middle Asia and Mesopotamia 16
Medvedskaya I. N. (Leningrad). Metal arrowheads of the IInd-first half of the Ist millenium B. C. from the Near East and the Eurasian steppes . . . 23
Kotovich V. G., Davudov O. M. (Makhachkala). On the periodization and chronology of the late Bronze-early Iron Age sites at the North-Eastern Caucasus 38
Ruzanov V. D. (Moscow). On the metalwork of the tribes of the Chust culture 55
Maslennikov A. A. (Moscow). To the history of the population of rural districts of the European Bosporus in the Ist century B. C. 65
Shlyahova V. I. (Moscow). The cobalt painted pottery from the Golden Orda (on the materials from the Selitrennoye and Tsarev skoye fortified settlements) 75
Gurevich F. D. (Leningrad). The fortress and the roundabout town of the Ancient Russian town Novogrudok in the light of archaeological investigations of 1956—1977 87
Nikolskaya T. N. (Moscow). To the 500th anniversary of the «staying at the Ugra» 102

Publications

Kosmenko M. G., Vitenkova I. F. (Petrozavodsk). The mesolithic layer of the site Muromskoye VII 120
Koltsov L. V., Zhilin M. G. (Moscow). The ground cemetery of the Volosovo culture near the village Maloye Okulovo 132
Kozhomberdiev I., Kuzmina E. E. (Frunze, Moscow). The Shamshi Hoard of the Late Bronze age from Kirgizia 140
Ryndina N. V., Degtyareva A. D., Ruzanov V. D. (Moscow). The results of chemical-technological analysis of the artifacts from the Shamshi hoard . . . 154
Smirnov Yu. A. (Moscow). Burial with bull skulls at the Lower Don region 173
Radzievskaya V. E., Shramko B. A. (Kharkov). A homestead with a bone-carver's workshop at the fortified settlement Belskoye 181
Olgovski S. Ya. (Moscow). The bronze artifacts from Berezan 190
Pichikyan I. R. (Moscow). The sheathes of the Greek swords from the Northern Bactria 202
Pilipko V. N. (Ashkhabad). The Parthian layer of the settlement Qosha-depe near Babadurmaz 213
Livshits V. A. (Leningrad). Parthian ostraca from Qosha-depe 232

Notes

Schelinski V. E., Gagashyan V. M. (Leningrad). An achelean hand axe from the neighbourhood of Tuapse 244

Chernay I. L. (Bronnitsy). The pectoral from the Seletskoe fortified settlement 248
Gurin M. F. (Minsk). Metallographic investigation of iron artifacts from Abidnya (Byelorussia) 251
Garyainov V. A. (Saratov). A Hunn burial in a cave at the Southern Urals . 259
Konovalov P. B. (Ulan-Udae). On the collection of Hunn bronzes 263
Shvetsov M. L. (Donetsk). A tombstone of the Vth-VIIth centuries from the Azov region 268
Mamayev H. M. (Grozny). A smelting form from Ialhoy-Mohka (South-Eastern Chechnya) 270
Flerov V. S., Kosyanenko V. M. (Rostov-on-Don). Wooden vessels of the Saltovo-Mayak culture at the Lower Don 272
Lekvinadze V. A. (Tbilisi). A seal with Sergius name from Georgia 275
Dudorova L. V. (Vladimir). The new data on the place of ancient gates in ancient Vladimir 281
Aleshkovski P. M. (Moscow). A pagan amulet-pendant from Novgorod . . . 284
Malanin I. D. (Pushkino). A stone cross from Kalinin region 287

Reviews and bibliography

Abramova Z. A. (Leningrad). Léon Pales et Marie Tassin de Saint Péreuse. Les gravures de la Marche, v. II. Paris, 1976 289
Alekseev V. P. (Moscow). Koltsov L. V. The final palaeolithic and mesolithic of the Southern and Eastern Baltic region. M., 1977 297
Avilova L. I. (Moscow). Patay P. Das Kupferzeitliche Gräberfeld von Tiszavalk-Kenderföld. Budapest, 1978 300
Vinokur I. S. (Kamenets-Podolski). [Rev.] Guidebooks on the archaeology of the Ukraine 305

Chronicle

Kozenkova V. I. (Moscow). A conference on the chronology of the sites of Caucasus 307
Semenov G. L., Shkoda V. G. (Leningrad). The All-Union conference in Pendjikent 312
To the memory of Vladimir Gerasimovich Kotovich 314

110-я ГОДОВЩИНА СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Исполнилось 110 лет со дня рождения великого мыслителя и революционера Владимира Ильича Ленина. Эту знаменательную дату вместе с советским народом отмечает весь прогрессивный мир.

Создатель Коммунистической партии, основатель Советского государства, В. И. Ленин стоит у начала всех наших дел и свершений. С Лениным, с его учением связаны победа Октября, строительство социализма и коммунизма, социальное обновление мира. Учение Ленина знаменует собой новый этап в развитии марксизма. С именем Ленина связаны все успехи современного международного, рабочего и национально-освободительного движения.

С каждым годом, с каждым десятилетием все более раскрывается огромное теоретическое и практическое значение ленинского учения. Под знаменем ленинизма протекали все революционные события нашего века. Великие ленинские предначертания неуклонно претворяются в жизнь как в нашей стране, так и в самых разных районах земного шара.

Сила ленинизма определяется в первую очередь тремя факторами.

Во-первых, учение Ленина, как никакое другое, воплощается в жизнь, а жизнь — это самый лучший и самый высший критерий истины.

Во-вторых, ленинизм является методом и теоретической основой для анализа и понимания событий современной эпохи как на мировой арене, так и на фронте социалистического и коммунистического строительства.

И в-третьих, ленинизм развивается и обогащается. Подобно тому как Ленин развил и обогатил марксизм, сделал его учением современной эпохи, последователи, продолжатели учения и дела Ленина развивают ленинские идеи, взгляды и принципы. Решающая роль в этом принадлежит нашей ленинской партии.

В решениях съездов, пленумов Центрального комитета, в трудах Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева и других руководящих деятелей нашей партии и государства применительно к современной эпохе конкретизируются и творчески развиваются ленинские идеи, его указания, его советы и пожелания.

В последние годы сокровищница марксизма-ленинизма пополнилась учением о развитом социализме, существенно обогатившим и уточнившим наши представления о закономерностях становления новой общественно-экономической формации, о путях построения коммунизма. Огромное теоретическое и политическое значение имеют выводы о том, что в процессе создания развитого социалистического общества партия рабочего класса становится партией всего народа; положение о перерастании государства диктатуры пролетариата в социалистическое общенародное государство, а также положение о советском народе как новой исторической общности людей.

Успешно проводится в жизнь программа дальнейшего развития и углубления социалистической демократии, совершенствования советской государственности, всей политической системы развитого социализма.

Новая Конституция СССР — Основной Закон первого в мире общенародного государства — выдающийся документ творческого марксизма-ленинизма, развитие и конкретное воплощение ленинских идей о народовластии.

В центре идейной жизни КПСС всегда было, есть и будет теоретическое наследие Ленина — вечно живой источник революционной мысли и революционного действия.

Велико значение трудов В. И. Ленина для развития общественных наук. В его теоретическом наследии получили дальнейшее творческое развитие основополагающие идеи Маркса и Энгельса, в частности в области методологических основ исторической науки. Величайшим достижением марксизма В. И. Ленин считал учение об общественно-экономической формации как исторически определенном способе производства материальных благ и соответствующем ему общественном и государственном строе. Важнейшую задачу марксистской исторической науки он видел в исследовании состояния производительных сил и производственных отношений. Ленин дал нам образцы применения диалектического метода для изучения конкретных явлений общественной жизни. Он особо указывал на важность исторического подхода при рассмотрении и оценке общественных явлений и закономерностей, подчеркивал необходимость для исследователя тщательно изучать фактический материал, чтобы создать прочный фундамент для выводов и обобщений.

Ленинские положения относительно материалистического понимания истории, диалектического метода познания общественных явлений, его приемы использования источников имеют огромную ценность для исследователей различных периодов истории. На базе ленинских идей и методологических принципов успешно развивалась и продолжает развиваться советская историческая наука, в том числе археология, изучающая историю материальной культуры докапиталистических формаций. Обращение к научному наследию В. И. Ленина всякий раз творчески обогащает археологов, заставляет их задумываться над новыми проблемами, учит правильно понимать многие явления далекого прошлого.

Исторический подход к изучаемому объекту пронизывает все труды и высказывания Ленина по различным вопросам прошлого и современности. Благодаря этому ленинские заключения и оценки различных явлений общественной жизни были всегда верны и убедительны. В предельно обоснованной форме принцип конкретно-исторического подхода в изучении общества выражен В. И. Лениным в его известной лекции «О государстве» (1919 г.), где он отмечал: «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,— самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[1].

Ленинские советы «не забывать основной исторической связи», прослеживать генезис каждого общественного факта и явления, учитывать специфику исторического развития разных стран, их конкретно-исторические условия чрезвычайно важны для нас, археологов, специалистов по истории материальной культуры давно прошедших эпох. Ведь памятники материальной культуры являются для нас нередко единственными и наиболее объективными историческими источниками. Любая археологическая находка — это овеществленный сгусток человеческого труда, кусочек истории народа, трудом которого создан этот предмет. Разуме-

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 39. М., 1963, с. 67.

ется, они требуют глубокого тщательного изучения и прежде всего возможно более точного определения времени, места и условий их появления. В них должно содержаться и посильное освещение самой истории или генезиса изучаемого объекта. Без этого изучение тех или иных объектов потеряет смысл, исследование не будет иметь конкретного характера, а следовательно, и научно-практической ценности.

Изучение археологических объектов с учетом их поэтапного развития и картографирования открывает широкие возможности для важных исторических построений и выводов. В своей научно-практической деятельности, поисках и исследованиях советские ученые давно руководствуются изложенными выше принципами.

Каждая археологическая находка должна стать объектом изучения не только как историческая категория, но и как результат познания человеком в процессе своей практики тех или иных законов и явлений природы, как объект, отразивший в своем материале или структуре какие-либо другие явления природы в древности. В изучении этой стороны археологического объекта должны быть применены также методы и достижения современных естественных наук. Археология привлекает к решению своих задач математику, физику, химию, геологию, почвоведение и многие другие науки. Таким образом, понадобились долгие годы упорного труда, прежде чем удалось выявить великое разнообразие форм, видов и типов археологических находок и объектов и перед исследователями раскрылось изумительное богатство археологических источников. Овладение этим огромным богатством потребовало не только выработки специальных приемов описания, но и формирования специального языка науки, специфической археологической номенклатуры и терминологии.

Несмотря на то что период «великих открытий» в археологии еще далеко не завершен и ученых ждут новые факты и новые открытия, современное ее состояние свидетельствует о вступлении на новую ступень научного познания. Определяющим фактором археологии сегодняшнего дня является не проблема источников, а характер и способы их исторической и социологической интерпретации. В этой методологической области мы пока еще не избавились от многих неясностей, противоречивости, разнобоя во взглядах исследователей. Требуется дальнейшая разработка собственно методологических проблем археологии. Выдвижение на первый план теоретических проблем — явление вполне закономерное, свидетельствующее о том, что археологическая наука переживает сложный переходный период от эмпирического этапа развития к синтетическому.

Для успешного решения методологических проблем археологии неоценимо значение ленинского теоретического наследия. Оно помогает археологам умело использовать, применять в научных поисках и исследованиях методы и принципы диалектической логики. В. И. Ленин, великий теоретик материалистической диалектики, умел блестяще применять ее на практике при анализе самых различных вопросов из области общественных явлений. Ленин глубоко обосновал положение марксистской философии о единстве диалектики, логики и теории познания. Выступая в единстве, они выполняют роль стратегии научного исследования, помогают правильно ставить и разрешать сложные научные проблемы. Ленин дает нам единственно верное учение о сущности познания, о путях его развития, о том, какими должны быть понятия и суждения каждой науки, если в них хотят видеть объективно верное отражение изучаемых явлений и предметов. Только опираясь на ленинское теоретическое наследие, можно понять и объяснить специфическую сущность и особенности развития археологического знания, правильно определить его тенденции, формы и методы исследования, получаемые выводы.

Творческое применение теоретического наследия В. И. Ленина является одной из главных задач, которые ставят перед собой общеинститут-

ский методологический и секторальные семинары Института археологии АН СССР. Одна из тем общеинститутского семинара — «Поселения — как источник социально-экономической истории ранних государств» — особенно интересна. Проблема эволюции поселений, возникновения городов неразрывно связана с вопросом образования классового общества, первых государств. Именно эти проблемы неоднократно поднимались в трудах В. И. Ленина. Достаточно вспомнить, что именно В. И. Ленин впервые дал научное определение классов, занимался проблемой становления государства.

Велика роль В. И. Ленина в сохранении культурного наследия нашей Родины. Ленин не раз говорил о его значении для построения коммунистического общества, о необходимости беречь его и изучать. «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» [2].

В первые же дни Октябрьской революции Петроградский военно-революционный комитет назначил комиссаров по охране музеев, дворцов и художественных ценностей. В. И. Ленин был инициатором многих работ по спасению и реставрации памятников старины. 14 апреля 1918 г. Совнарком принял декрет «О памятниках республики», разработанный по инициативе В. И. Ленина и им подписанный.

Принятие новых законов Союза ССР и РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» является закреплением и развитием ленинской политики в отношении исторических памятников нашей Родины. 18 апреля 1919 г. В. И. Ленин в тяжелых условиях гражданской войны и интервенции подписал декрет о создании Российской Академии истории Материальной культуры, позднее переименованной в Государственную академию истории материальной культуры, которая со временем стала Институтом истории материальной культуры, а затем — Институтом археологии АН СССР.

Роль Института археологии как головного учреждения велика прежде всего в формировании археологических центров и кадров на местах, в национальных республиках СССР, что является конкретным проявлением интернациональной политики КПСС. Подготовка кадров осуществляется как через систему аспирантуры, так и путем оппонирования и рецензирования диссертаций, монографий и статей, а также благодаря контролю экспедиционной работы на местах. В результате неизмеримо выросла армия археологов, расширилось поле их деятельности. Созданы новые археологические учреждения, кафедры и институты по всей нашей стране. Активно ведется археологическая работа на грандиозных новостройках. Накоплены колоссальные фонды археологических источников.

В этих условиях главным в работе многочисленных коллективов археологов нашей страны является проведение археологических исследований на высоком методическом и теоретическом уровнях и отражение этих исследований в печатных высококвалифицированных трудах.

---

[2] *Ленин В. И.* ПСС, т. 41. М., 1963, с. 304, 305.

Ю. Б. ЦЕТЛИН

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Технология гончарного производства распадается на ряд последовательных ступеней: поиска и отбора исходного сырья, составления формовочной массы, непосредственного конструирования изделий, их сушки и обжига. В предлагаемой статье изложены результаты изучения одной из ступеней этого производственного процесса — ступени составления формовочных масс — по керамике из раскопок нескольких неолитических памятников бассейна Верхней Волги [1].

Интерес к изучению особенностей состава формовочных масс объясняется прежде всего тем, что знания о навыках изготовления глиняной посуды, в частности о способах подготовки формовочных масс, имели эмпирический характер. Это обстоятельство с неизбежностью вело к консервации их в среде непосредственных производителей. Такие знания передавались у разных народов из поколения в поколение путем непосредственной передачи навыков и, как показывают этнографические данные, главным образом по родственным каналам [2]. Эти два фактора создавали условия для возникновения внутри разных групп древнего населения устойчивых технологических традиций гончарного производства, в том числе традиций составления формовочных масс.

Наиболее общим разделительным признаком традиций в этой области технологии являются разные уровни развития представлений о глине как о сырье для изготовления посуды. Из трех известных уровней развития таких представлений для эпохи неолита изучаемого района характерны главным образом два: первый уровень, когда глина рассматривается как особый вид примеси-связки с неглинистыми материалами органического происхождения, обладающими клейкостью и некоторой пластичностью; второй уровень, при котором глина фигурирует как сырье-связка, используемое для скрепления непластичных материалов минерального происхождения [3].

Более детальное представление о культурных особенностях древнего населения дает изучение отдельных технологических традиций. Для первого уровня по изученным материалам отмечены две технологические традиции: использование при подготовке формовочных масс 1 — птичьего помета и 2 — пресноводных моллюсков вместе с их раковинами; для

---

[1] Вся керамика происходит из памятников, раскопанных Верхневолжской археологической экспедицией под руководством Д. А. Крайнова, предоставившего ее для анализа в лабораторных условиях. Выражаю ему искреннюю признательность за разрешение использовать эти материалы в данной работе.

[2] *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978, с. 242.

[3] Там же, с. 67.

второго уровня — использование: 1 — шамота и 2 — дресвы [4]. По своему состоянию технологические традиции приготовления формовочных масс разделяются на смешанные и несмешанные. Первые характеризуются несмешанными рецептами, т. е. содержащими какой-либо один специально введенный компонент, а вторые — смешанными, содержащими два или большее число таких компонентов [5]. На основании контактного способа передачи навыков в гончарстве и распределения готовой продукции неремесленных производств керамики главным образом в среде населения отдельных поселений [6] смешанные технологические традиции составления формовочных масс могут рассматриваться в качестве признаков начального этапа смешения самих носителей различных гончарных традиций. Это позволяет использовать данные о составе рецептуры формовочных масс для изучения процессов смешения разных в культурном отношении групп древнего населения.

В статье приводятся результаты изучения качественного состава формовочных масс керамики пяти памятников эпохи неолита: Сахтыш I (187 определений), Сахтыш VIII (762), Ивановское III (135), Ивановское VII (281) и Стрелка II (99). По своей культурной принадлежности [7] изученные материалы из этих памятников относятся: 1) к верхневолжской археологической культуре, 2) к культуре с ямочно-гребенчатой керамикой и 3) к группе населения с так называемой редкоямочной керамикой [8]. В общей сложности было проделано 1464 микроскопических анализа неолитической керамики.

Особенности рецептуры формовочных масс выяснялись путем изучения свежих сколов и поверхностей керамики с помощью бинокулярного микроскопа (МБС-2) при увеличении в 5—56 раз и сравнения полученных данных с эталонными образцами формовочных масс, изготовленными в лаборатории. Фиксировался качественный состав искусственно введенных компонентов, их отличия от естественных включений, а также степень крупности минеральных примесей [9].

Ниже разбираются особенности навыков составления формовочных масс керамики носителями разных археологических культур эпохи неолита в рамках изученных памятников. Естественно, что сделанные на основании проработанных материалов предварительные выводы не могут быть распространены на всю территорию указанных культур.

Верхневолжская культура. Население ранненеолитической верхневолжской культуры имело посуду, сильно отличающуюся по морфологическим признакам от посуды других культур этого района [10]. Микроскопическому обследованию подверглись образцы керамики этой культуры из памятников Сахтыш I, Сахтыш VIII, Ивановское III, Ивановское VII и Стрелка II. В общей сложности было проведено 620 анализов, в результате которых выделено девять рецептов (табл. 1).

Судя по данным табл. 1, в количественном отношении несмешанные и смешанные рецепты представлены почти одинаково (приблизительно 58,4 и 41,6%). Из четырех несмешанных рецептов два являются мас-

---

[4] При изучении неолитической керамики обнаружены дресва и шамот только «крупные», размером более 2 *мм* в поперечнике. Поэтому ниже нигде указания на степень крупности не приводятся.

[5] Во всех рецептах формовочных масс в качестве обязательного компонента присутствует природная глина.

[6] *Бобринский А. А.* Ук. соч., с. 26.

[7] Культурная принадлежность образцов определена Д. А. Крайновым.

[8] *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья.— КСИА АН СССР, № 153, 1978, с. 61.

[9] Методика изучения технологии изготовления глиняной посуды, в том числе состава рецептуры формовочных масс, разработана А. А. Бобринским, которому приношу благодарность за консультации. Подробное изложение методики см.: *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы, с. 84—113.

[10] *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура.— СА, 1977, № 3, с. 50—54.

Таблица 1

Особенности состава формовочных масс керамики верхневолжской культуры

Рецепты формовочных масс	Число образцов	%
Чистые рецепты: глина +		
помет птичий	145	23,29
дресва	13	2,1
шамот	196	31,61
пресноводные моллюски вместе с их раковинами	8	1,29
Смешанные рецепты: глина +		
помет птичий + дресва	23	3,71
дресва + шамот	55	8,87
помет птичий + шамот	133	21,45
пресноводные моллюски вместе с их раковинами + шамот	8	1,29
помет птичий + дресва + шамот	39	6.29
Итого	620	100,00

совыми: шамот+глина (около 32%) и помет птичий+глина (около 23%), а из пяти смешанных рецептов массовым является только один — помет птичий+шамот+глина (около 21,5%). В целом эти три рецепта характеризуют свыше 76% изученного материала. Шесть других рецептов представлены незначительно (менее 24%) и придают некоторую пестроту составу технологических традиций приготовления формовочных масс, зафиксированных у гончаров верхневолжской культуры.

При микроскопическом анализе керамики с примесью шамота удалось установить, какие примеси содержала керамика, из которой был изготовлен этот шамот. В абсолютном большинстве случаев (около 88%, т. е. 83 образца) внутри шамота отмечено повторение этого же самого рецепта. Только единично (около 3% — три образца) зафиксировано присутствие в шамоте помета птичьего. Массовость несмешанных рецептов: помет птичий+глина и шамот+глина, а также массовое повторение последнего рецепта в шамоте и практическое отсутствие случаев замещения шамотом рецепта с пометом птичьим позволяют заключить, что традиции использования помета птичьего и шамота при подготовке формовочных масс были достаточно устойчивыми.

Смешанный рецепт: помет птичий+шамот+глина — господствующий среди смешанных формовочных масс. Этот рецепт возник как результат сращивания традиций использования шамота и помета птичьего, которые широко представлены в материалах верхневолжской культуры. Кроме того, в составе шамота, входившего в рецепт помет птичий+шамот+глина в 42% случаев (25 образцов), отмечено повторение этого же самого рецепта, указывающее на устойчивость данной технологической традиции. Другие смешанные рецепты малопредставительны и не обладают признаками устойчивости.

В более обобщенном виде сведения о технологических традициях составления формовочных масс позволяют получить результаты так называемого компонентного анализа, который показывает в процентах, в каком количестве случаев встречен в данной совокупности материала тот или иной компонент рецепта независимо от того, присутствует ли он как единственная примесь или в составе сложного рецепта (табл. 2). На основании данных компонентного анализа можно говорить о существовании двух господствующих технологических традиций составления формовочных масс — традиций использования шамота и помета птичьего.

Полученные сведения о навыках составления формовочных масс позволяют, как отмечалось выше, судить о некоторых культурных особенностях носителей этих навыков и древнего населения в целом. Прежде

Таблица 2

Частота использования разных видов искусственных примесей в керамике верхневолжской культуры

Виды примесей	Число образцов с данным видом примеси	Общий % образцов с данной примесью
Помет птичий	340	54,84
Дресва	130	20,97
Шамот	431	69,52
Пресноводные моллюски вместе с их раковинами	16	2,58

всего, исходя из разнообразия отмеченных технологических традиций, можно предполагать сложный в культурном отношении состав населения данной археологической культуры. На основании сведений об устойчивости традиций применения рецептов с шамотом и рецептов с пометом птичьим допустимо заключить, что в рамках верхневолжской культуры существовали две группы населения со своими особыми традициями составления формовочных масс. Некоторое время они сохраняли свою культурную специфику. Однако в результате смешения произошло сращивание их технологических традиций и возникновение новой устойчивой традиции — применение формовочных масс, содержавших помет птичий+шамот+глину. Остальные рецепты представлены в виде незначительной примеси и характеризуют, вероятно, нерегулярные контакты разнокультурного населения.

Две господствующие технологические традиции: использование шамота (около 70%) и помета птичьего (около 55%) — относятся к различным уровням развития представлений о глине как о сырье. Помет птичий характеризует первый уровень развития таких представлений, а шамот — второй уровень. По своей сущности эти два уровня принципиально различны и указывают на глубокие культурные различия между двумя группами населения, оставившего памятники данной культуры.

На основании сделанных наблюдений можно предположить, что в сложении облика верхневолжской ранненеолитической культуры участвовали в основном две глубоко различные в культурном отношении группы населения, каждая из которых обладала своими технологическими традициями приготовления формовочных масс.

Культура с ямочно-гребенчатой керамикой. Особенности состава формовочных масс керамики данной культуры изучались по материалам памятников Сахтыш I, Сахтыш VIII и Стрелка II. Всего было проведено 508 микроскопических анализов и выделено шесть различных рецептов формовочной массы (табл. 3).

Из данных табл. 3 видно, что только два рецепта являются массовыми: несмешанный — дресва+глина и смешанный рецепт — помет птичий+дресва+глина. В целом они составляют около 90% изученного материала культуры. Судя по их массовому использованию, оба рецепта характеризуют наиболее устойчивые традиции, существовавшие в данной области гончарной технологии.

Результаты компонентного анализа, представленные в табл. 4, позволяют установить, что господствующими у гончаров культуры с ямочно-гребенчатой керамикой были традиции применения формовочных масс с дресвой и с пометом птичьим. Явное преобладание смешанной традиции в изученных материалах — помет птичий+дресва+глина — указывает на интенсивный ход смешения между носителями двух разных технологических традиций.

На основании имеющихся данных можно заключить, что основное участие в сложении облика рассматриваемой культуры приняли две группы населения, каждая из которых характеризовалась своим уров-

Таблица 3

Особенности состава формовочных масс керамики культуры с ямочно-гребенчатой керамикой

Рецепты формовочных масс	Число образцов	%
Чистые рецепты: глина +		
помет птичий	21	4,13
дресва	101	19,88
Смешанные рецепты: глина +		
помет птичий + дресва	355	69,88
дресва + пресноводные моллюски вместе с их раковинами	8	1,57
дресва + шамот	7	1,38
помет птичий + дресва + шамот	16	3.16
Итого	508	100.00

Таблица 4

Частота использования разных видов искусственных примесей в керамике культуры с ямочно-гребенчатой керамикой

Виды примесей	Число образцов с данным видом примеси	Общий % образцов с данной примесью
Помет птичий	392	77,17
Дресва	487	95,87
Шамот	23	4,53
Пресноводные моллюски вместе с их раковинами	8	1,58

нем развития представлений о глине как о сырье: одна группа — с традицией использования помета птичьего (первый уровень), другая — с традицией использования дресвы (второй уровень). Различия в уровне развития представлений о глине — один из признаков глубоких культурных различий между отдельными группами древнего населения. Поэтому допустимо предположить, что сложение культуры с ямочно-гребенчатой керамикой произошло в результате смешения двух первоначально глубоко различных в культурном отношении групп населения.

Группа населения с так называемой редкоямочной керамикой. Технологические традиции составления формовочных масс изучались по материалам памятников Сахтыш I, Сахтыш VIII, Ивановское III, Ивановское VII и Стрелка II. Всего изучено 336 образцов, по которым выделено пять рецептов формовочной массы (табл. 5).

Три рецепта оказались массовыми: дресва+глина, пресноводные моллюски вместе с их раковинами+глина и дресва+пресноводные моллюски вместе с их раковинами+глина. В целом на эти рецепты приходится около 98% всего изученного материала. Массовое использование двух несмешанных рецептов, различных по своему составу, говорит о существовании внутри группы населения с так называемой редкоямочной керамикой гончаров с разными технологическими традициями подготовки формовочных масс. Судя по тому, что несмешанные рецепты использовались широко (они составляют около 65% всего материала), эти технологические традиции были достаточно устойчивыми. В результате смешения носителей этих разных традиций сложилась новая технологическая традиция, представленная рецептом: дресва+пресноводные моллюски вместе с их раковинами+глина. Она отмечена примерно у 33% изученных образцов (см. табл. 5).

На существование двух разных технологических традиций указывают и результаты компонентного анализа (табл. 6).

Таблица 5

Особенности состава формовочных масс керамики группы населения с так называемой редкоямочной керамикой

Рецепты формовочных масс	Число образцов	%
Чистые рецепты: глина + дресва	122	36,31
пресноводные моллюски вместе с их раковинами	96	28,57
Смешанные рецепты: глина + дресва + пресноводные моллюски с их раковинами	111	33,03
помет птичий + дресва	6	1,79
пресноводные моллюски вместе с их раковинами + шамот	1	0,30
Итого	336	100,00

Таблица 6

Частота использования разных видов искусственных примесей в керамике населения с так называемой редкоямочной керамикой

Виды примесей	Число образцов с данным видом примеси	Общий % образцов с данной примесью
Помет птичий	6	1,79
Дресва	239	71,13
Шамот	1	0,30
Пресноводные моллюски вместе с их раковинами	208	61,90

В целом проанализированные материалы позволяют предположить, что население с так называемой редкоямочной керамикой сложилось из двух культурных групп неолитического населения. Для одной из них была характерна традиция использования формовочных масс с дресвой, а для другой — с пресноводными моллюсками вместе с их раковинами. Гончары каждой из этих групп находились на различных уровнях развития представлений о глине как сырье для изготовления керамики, что свидетельствует о глубоких культурных различиях, которые первоначально существовали между ними. Таким образом, и в этом случае имеет место ситуация смешения двух первоначально глубоко различных в культурном отношении групп древнего населения.

Подводя общие итоги проделанной работы, можно отметить, что при изучении керамики археологических культур эпохи неолита основное внимание обычно уделяется детальному описанию форм и орнаментации глиняной посуды. Проведенный технологический анализ позволяет в определенной степени дополнить характеристику этих культур новыми признаками — специфическими особенностями навыков составления формовочных масс для изготовления керамики гончарами разных культур — и сделать предварительный вывод о том, что каждая из рассмотренных неолитических культур бассейна Верхней Волги сложилась, вероятно, в результате смешения двух глубоко различных в культурном отношении групп неолитического населения. Естественно, что здесь речь идет только о господствовавших тенденциях в процессах смешения. Присутствие в керамике изучаемых культур в небольшом количестве иных смешанных рецептов указывает, что в этих процессах участвовали и носители некоторых других гончарных традиций.

Дальнейшее изучение истории навыков приготовления формовочных масс керамики, а также анализ других элементов технологии позволят в большей степени детализировать процессы смешения разных групп населения в эпоху неолита.

Yu. B. Tsetlin

SOME PECULIARITIES OF THE NEOLITHIC POTTERY TECHNOLOGY AT THE UPPER VOLGA BASIN

Summary

The article gives the results of microscopic analysis of ceramic samples from five neolithic sites of the Upper Volga basin. It was found out, that potters of different archaeological cultures had different traditions of making of forming paste: potters of the Upper Volga early neolithic culture used mainly birds' excrements and crocks; potters of the Pit-Comb Pottery culture used mainly birds' excrements and gravel, potters of the so-called «Rarefied Pits Pottery» group used gravel and fresh-water molluscs together with their shells. In all three cases mixing of two original traditions was marked, which led the author to the preliminary conclusion, that each neolithic culture in the Upper Volga basin appeared as a result of mixing of two groups of population with deeply different cultural traditions. This concerns only the main tendencies in the process of mixing. The presence of some other mixed recipes in the pottery of investigated cultures indicates, that other population with some distinct ceramic traditions took part in this cultural mixing.

Е. В. АНТОНОВА

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И МЕСОПОТАМИИ

При реконструкции тех представлений древних, материальными воплощениями которых располагают археологи, особое значение приобретает проблема сопоставления памятников. Воплощение даже сходных идей в материальной культуре разных народов и племен часто находит различное выражение, и для выяснения сходства и различий должны быть выделены некоторые их существенные черты. Кроме того, археологический материал отражает лишь небольшую долю того, что составляло когда-то достояние культуры. Наконец, отсутствие письменных источников, в частности на окраинах древнеземледельческой ойкумены, заставляет обращаться к памятникам письменности древнейших цивилизаций, а также к их археологическим памятникам. Для южных областей Средней Азии такой была цивилизация, существовавшая на протяжении тысячелетий в Месопотамии. Обращение к историко-типологическим аналогиям для материалов древности может быть весьма плодотворно. «Историко-типологические схождения между явлениями материальной и духовной культуры, обусловленные общими социально-историческими причинами, выступают наиболее отчетливо на ранних ступенях общественного развития благодаря относительной простоте и недифференцированности элементов, из которых эта культура слагается» [1].

В данной статье излагаются некоторые соображения, возникшие в связи с публикациями материалов эпохи бронзы с поселения Сапаллитепа (Узбекская ССР) [2]. Сопоставляя элементы погребального обряда обитателей поселения с некоторыми чертами погребений «царского» некрополя Ура и опираясь на известные из письменной традиции Месопотамии представления о судьбе человека после смерти, мы попытаемся показать, что эти представления были не только близки у населения двух интересующих нас регионов, но и находили воплощение в некоторых практически тождественных реалиях.

Поселение Сапаллитепа, раскопанное практически полностью, но опубликованное, к сожалению, недостаточно полно, представляет интерес с разных точек зрения. Центральная его часть — обнесенный стеной сложных очертаний комплекс из нескольких многокомнатных домов. Под их полами и стенами обнаружены многочисленные погребения катакомбного или подбойного, по определению А. А. Аскарова, типа. В данном случае нас интересуют погребения, в которых обнаружены сохранившиеся благодаря уникальным почвенным условиям остатки ветвей деревьев. Один деревянный гроб с мужским костяком был усыпан ветвями

[1] *Жирмунский В.* Народный героический эпос. М.— Л., 1962, с. 9.

[2] *Аскаров А.* Сапаллитепа. Ташкент, 1973; *его же.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

с листьями (погр. 85) [3]. В погребении 1, принадлежащем женщине, по всему скелету были рассыпаны небольшие ветки плакучей ивы, причем автору раскопок удалось даже определить, что листья были молодыми [4]. В обоих случаях в качестве ритуальных предметов использовались непосредственно живые растения. В погребениях обнаружены и листья, сделанные из металла. В состав головного убора женщины 25—30 лет (погр. 57) входили три бронзовых листочка со стеблями, лежавшие в ряд на лбу. На черепе и грудной клетке костяка «рассыпаны бусы и бисер из пасты, сердолика, бирюзы и лазурита» [5]. Уши украшали серебряные серьги, на руки одеты бронзовые браслеты, а под черепом лежало бронзовое зеркало [6].

Головной убор с растительными мотивами и большое число бус, покрывавших подобно пелерине верхнюю часть костяка, напоминают находки, сделанные в погребениях «царского» некрополя Ура, в частности в погребении «царицы» Шубад. Головные уборы сложной формы были как на ней самой, так и на сопровождавших ее дамах. Они различаются деталями, наиболее полный вариант представлен, естественно, убором Шубад. Он состоял из двух рядов золотых листьев, верхний из которых чередовался с цветами. Нижний ряд составляли золотые кольца, а венчала сложную конструкцию булавка с пятью цветками. Все было перевито двойной нитью бус из сердолика и лазурита. «Пелерина» из бус покрывала верхнюю часть костяка [7]. Уборы сопровождавших «царицу» женщин были проще, но также включали подвески в форме листьев, булавки, завершающиеся цветами, и разнообразные бусы, среди которых преобладали сердоликовые и лазуритовые [8].

Семантическому сближению растительных мотивов в предметах погребального обряда Сапаллитепа и Ура не может, по-видимому, препятствовать существующий между ними хронологический разрыв более чем в 1000 лет, потому что рассматриваемые моменты должны быть отнесены к числу устойчивых, мало подверженных изменениям. Семантическое сближение человека и растения, дерева вообще характерно для культур, хозяйство которых базируется на земледелии. Однако вещная реализация этих широко распространенных, но варьирующихся в деталях представлений, их место и роль в обрядах достаточно разнообразны и могут, по-видимому, иметь значительное сходство только в культурно-исторически связанных регионах.

В эпоху бронзы на северо-восточной границе земледельческой ойкумены, в анауской культуре, как о том свидетельствуют антропоморфные статуэтки, образ женщины (богини) постоянно ассоциировался с растительностью. Анализ опубликованных В. М. Массоном и В. И. Сарианиди материалов [9] показывает, что из всех условных изображений на статуэтках периода Намазга V наиболее распространенными являются именно растительные мотивы. Так, на 100 достаточно хорошо сохранившихся экземплярах изображение растения встречается у 50%, а у 30% отбитых головок растительные мотивы включены в оформление головного убора. Кроме того, многие статуэтки имеют косу, трактованную, как обычно было принято трактовать растение [10]. Растения изображались и на муж-

---

[3] *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура..., с. 40.

[4] Там же, с. 137.

[5] Там же, с. 139.

[6] Там же, с. 152.

[7] *Вулли Л.* Ур халдеев. М., 1961, с. 67; *Waolley L.* Ur Excavations, v. II. The Royal Cemetery. Oxford. 1934, pl. 127, 128.

[8] *Вулли Л.* Ук. соч., с. 64.

[9] *Массон В. М., Сарианиди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973.

[10] Нужно при этом учитывать то обстоятельство, что при подсчете принимались во внимание только безусловные растительные мотивы, сомнительные случаи опущены.

ских статуэтках, но последних найдено очень немного. В эпоху поздней бронзы традиция изготовления антропоморфных изображений из глины оборвалась, но открытия в погребениях Сапалли показали, что образы растительности продолжали сближаться в определенных ситуациях с женщинами и, видимо, в более специальном значении — с мужчинами. Функции мужчин, в первую очередь воинов и типичных для религий земледельческих обществ богов войны и погоды, порождали символику более дифференцированную и значительно меньше связанную с образами растительного мира.

Аналогичная традиция была широко распространена в древности на Востоке. В Месопотамии божества растительности выступали преимущественно в облике женщин. Ашнан, богиня зерна, представлялась обитающей среди посевов в пышной растительной короне [11]. Отправляясь в подземный мир, Инанна надевает на голову, как полагают, растительную «корону равнины» шугурру, которую исследователи представляют состоящей из колосьев и веток [12]. С растениями сравнивались и смертные женщины. В послании некоего Лу-дингир-ры (XVIII в. до н. э.) своей матери он сообщает посланцу ее приметы: это смиренная, богобоязненная женщина, достойная сравнения со звездой, драгоценными камнями, овцой. Она — льющийся на семена растений небесный дождь, щедрая жатва, сад, хвойное дерево, покрытое плодами, ранний, созревший в первый месяц года плод, начало весны. Эта женщина танцует на новогоднем празднике Акиту [13]. Завершается перечень превосходных качеств женщины сравнением ее с благоухающей пальмой, связкой фруктов, чашей, полной благоухающего масла. В этом письме, кроме сравнения с растениями вообще, обращает на себя внимание сравнение именно с весенними растениями и воспоминание о празднике Нового года и каком-то весеннем празднике Дильмуна [14]. Эта временна́я привязка важна для нас потому, что может способствовать определению более четкого круга представлений, в которых сближались образы растений и людей.

Анализ сезонных обрядов земледельцев древности и нового времени [15] показывает, что они варьируют одну тему — жизни и смерти, рождения и исчезновения, начала и конца, причем, естественно, пользуются для этой цели образами природы, растительного и животного мира, неотъемлемой частью которой (и это всячески подчеркивается) является и человек. В календарях шумеров и их культурных преемников — вавилонян почитание богов того света и покойных происходило преимущественно в месяцы таммуз (июнь — июль), аб (июль — август), арахсамна (октябрь — ноябрь), кислев (ноябрь — декабрь), тебет (декабрь — январь) [16]. Месяцы таммуз, кислев, тебет, а также элул (август — сентябрь) считались неудачными для браков, видимо, в силу особой активности вредоносных сил того света. Нетрудно заметить, что почитание богов Нижнего мира и покойных происходит в те месяцы, когда растительность пребывает в состоянии покоя или гибнет от летней

---

[11] *Крамер С.* История начинается в Шумере. М., 1965, с. 135.

[12] Там же, с. 185. См. также: Поэзия и проза древнего Востока. М., 1973, с. 144, комментарий на с. 669. Примечательно, что Инанна надевает эту корону, чтобы отправиться в мир мертвых по случаю погребения его бога.

[13] *Civil M.* The message of Lu-dingir-ra to his mother and a group of akkado-hittite «proverbs».— JNES, v. XXIII, № 1, 1964.

[14] Есть сведения, что новогодний праздник отмечался не только весной, в Вавилоне — в нисане, но и осенью, в тишрите. В отдельных городах так было при Саргоне Аккадском, Гудеа, Хаммурапи (*Labat R.* Hémérologies et ménologies d'Assur. Paris, 1930). Все же в Шумере, Аккаде и позже в Вавилоне и Ассирии это был преимущественно весенний праздник (*Pallis S.* The Babylonian Akitu Festival. København, 1926).

[15] *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: зимние праздники (М., 1973), весенние праздники (М., 1976), летне-осенние праздники (М., 1978).

[16] *Langdon S.* Babylonian menologies and the semitic calendars. London, 1935.

жары, т. е. отходит в Нижний мир и пребывает вместе с предками и богами. Растительность, как и вообще все живое, по представлениям древних обитателей Месопотамии, первоначально обитает внизу, появляется оттуда, туда нисходит. Все наземное появилось снизу: известен шумерский миф, в котором говорится, что бог Энлиль вызвал людей из-под земли при помощи мотыги, они появились, подобно растениям [17]. Возможно, временная гибель растительности и некоторое замедление ритма жизни существ в определенные моменты года образно осмыслялось как нисхождение богини Инанны в растительной короне в Нижний мир, богиня которого Эрешкигаль, кстати, также обладала чертами божества плодородия. В Нижнем мире привратник снимает корону с Инанны, как принадлежащую теперь «Стране без возврата». С. Смит отметил, что большинство вавилонских богов проводило время то на земле, то в подземном мире, как это вообще свойственно растительным и астральным божествам [18]. Их могилы существовали, почитались и украшались зеленью: так поступил Хаммурапи с могилой богини Айи [19].

Известен и миф о пленении богини Эрешкигаль чудовищем Нижнего мира Куром. Миф сохранился во фрагменте, поэтому судить о деталях его невозможно. Не исключено, что в нем Эрешкигаль выступает в роли божества, типологически близкого Персефоне [20].

Судя по шумеро-вавилонским календарям, перелом между подземным и наземным существованием растительности мыслился совпадающим с моментом перехода от зимы к весне. Пробуждение растений, оживление всех природных сил провозглашалось и утверждалось на празднике Нового года. С этими представлениями и были связаны танцы женщин, о которых сообщается в письме Лу-дингир-ры. Аналогичные танцы украшенных растениями женщин зафиксированы у многих земледельческих народов [21]. Новогодний праздник и его обрядность служили квинтэссенцией и образцом для всех прочих, в которых реализовалось единство космоса и людей, не отдельных личностей, а коллективов. В разных городах этот праздник связывался с мифологией разных божеств — покровителей города. Независимо от локальных особенностей он включал церемонии очищения, предания забвению прошлого, церемонии временного поражения и конечного торжества божества, определения судеб будущего года, пиршества и священного брака, призванного стимулировать всяческое благополучие [22]. Практически все церемонии представляют собой характерные для «обрядов перехода», и нечто подобное им, вне сомнения, может быть обнаружено и в погребальном обряде, принадлежащем к той же категории.

В новогодних церемониях постоянно фигурируют растительные символы. Ритуалы совершались правителем в специальном доме, окруженном садом. Деревьями обсаживались и зиккураты, где также осуществлялись обряды [23]. На табличке из Сиппара упоминается «одежда из колосьев», в которой во время новогоднего ритуала появлялся Мардук [24]. На печатях аккадского периода известны изображения божества, вокруг которого и из которого — из головы, рук, плеч — растут колосья [25].

---

[17] *Jacobsen T.* Toward the image of Tammuz and other essays on Mesopotamian history and culture. Cambridge, 1970, p. 112.

[18] *Smith S.* A babylonian fertility cult.— JRAS, 1928, 4, p. 857.

[19] Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963, с. 197.

[20] *Крамер С.* История начинается в Шумере..., с. 205, 206.

[21] *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974 с. 107.

[22] *Pallis S.* Op. cit.; *Dhorme E.* Les religions de Babylonie et d'Assyrie. «MANA». Paris, 1949, p. 177; *Rutten M.* Les religions asianique. Paris, 1963, p. 44.

[23] *Smith S.* Op. cit., p. 851, 852.

[24] *Frankfort H.* Cilinder Seals. A Documentory Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East. London, 1939, p. 113.

[25] Ibid., t. XXc.

С новогодним праздником Г. Фрэнкфорт связывал довольно многочисленные в раннединастическое время, по-видимому, вотивные плитки с рельефными изображениями. Последние группируются в двух-трех ярусах. В верхнем — сидящие мужчина и женщина (или божества) с сосудами и ветвями в руках. В нижних ярусах размещены фигуры людей с приношениями в виде фруктов и животных, пасущиеся среди деревьев овцы и козы. Головные уборы или тиары пирующих божеств представляют комбинацию символов растительного и животного мира — рога и дерево между ними [26]. Набор персонажей и реалий на этих плитках соответствует обнаруженному в «царских» погребениях Ура: музыканты со своими инструментами, сосуды с пищей, колесницы, наконец, сами несущие дары люди. Это сходство и еще ряд обстоятельств, на которых здесь нет возможности останавливаться, привели С. Смита к заключению, что погребения «царского» некрополя Ура, как и подобные им в Кише, представляют собой жертвоприношения, совершавшиеся в момент новогоднего празднества [27]. Такой вывод кажется слишком категоричным и односторонним, не учитывающим структурного сходства различных ритуалов, которые могут быть отнесены к «переходным», долженствующим знаменовать гибель старого и рождение нового, создание чего-то в новом качестве. Скорее можно думать, что общий и характерный для древних обрядов космогонизм, понимание смерти как чреватой жизнью и жизни, невозможной без смерти, приводил к использованию в различных церемониях одних и тех же символов, Представление о жизни и смерти, гибели и рождении воплощалось в образах перехода из одного мира в другой (повозка или ладья в шумерских могилах), пиршества (многочисленные сосуды в погребениях), брака, они принимали разный облик, но по сути были «синонимами». Смерть в представлениях древних — рождающее начало, преисподняя — это земля-мать, из которой появляется все сущее [28]. Естественно, что аксессуары погребального обряда могли дублировать те, которые фигурировали на праздниках сезонного цикла, в частности на новогоднем празднике.

Необходимо подчеркнуть, что растительные символы в погребениях эпохи бронзы, как и прочие черты погребального обряда, предназначались не столько для конкретного покойника, сколько для него как представителя иного мира, мира предков, мертвых, обладавших большой силой. Эти идеи лежат в русле традиционного и неизжитого в древнейших государствах первобытного коллективизма. Нельзя согласиться с мнением Л. Вулли, что «...покойный просто брал с собой предметы, которые могли ему понадобиться на пути в загробный мир или в самом загробном мире... Погребальная утварь должна была служить для удовлетворения сугубо материальных потребностей...» [29]. «Материальные» потребности человека древности не могут быть сведены к простейшим и совершенно лишены духовной наполненности. Покойный участвовал в поддержании равновесия вселенной, был хранителем и подателем благ, находившихся в «Стране без возврата». Две опубликованные С. Крамером шумерские «элегии» содержат, кроме всего прочего, пожелания благополучия оставшимся в живых членам рода умерших мужчины и женщины [30].

Письменные памятники Месопотамии содержат достаточно сведений, позволяющих судить о смысловых перспективах элементов погребального обряда. Так, в надписи ассирийского царя, чье имя не сохранилось,

---

[26] *Frankfort H.* Sculpture of the Third Mill. B. C. from Tell Asmar and Khafājah. Chicago. 1939. p. 43; *Contenau G.* Manuel d'archéologie oriental. Paris. 1927—1947. V.I, f. 318, p. 419; f. 338, p. 441; f. 340, p. 444; f. 347, p. 450; f. 348, p. 452; f. 350, p. 459; f. 354, p. 474; V.IV, p. 2016—2021.

[27] *Smith S.* Op. cit.

[28] *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л., 1936. с. 67.

[29] *Вулли Л.* Ур халдеев..., с. 55.

[30] *Крамер С.* История начинается в Шумере..., с. 199 сл.

идет речь о погребении им своего отца. Говорится, что погребальные приношения должны быть положены перед богом солнца, в могилу опускаются дары духам земли и обитающим под землей богам [31]. Не менее красноречивые сведения содержатся и в шумерских источниках. Из них известно, что покойный на том свете приносит дары своим богам и обитателям того света, и эти дары и составляют погребальный инвентарь, по крайней мере, некоторую его часть [32]. Таким образом, положенные в могилу дары рассматривались и как жертва потусторонним силам. Но как жертва им воспринимался и сам погребенный [33], в чем убеждает, в частности, то обстоятельство, что его жизнь могла быть выкуплена жизнью другого существа. Так поступила Инанна, отправив в мир мертвых вместо себя своего супруга Думузи [34].

Те же идеи о смертном как жертве духам или богам смерти воплощались в ритуальных действиях, направленных на избавление человека от болезни. В Вавилоне в этом случае божеству того света Эрешкигаль приносились дары. Закалывалась коза, а по горлу больного проводили тамарисковым ножом [35]. Козу хоронили, как человека, произнося при этом заклинания, обращенные к семейным духам. Эти ритуалы смыкаются с обрядами изгнания зла, искупления его путем послания божествам мертвых жертвы за живущих [36]. Так, в Вавилоне в особых случаях Шамашу — судье того света предлагался выкуп за человека — его фигурка из серебра. При этом больной менял одежду и произносил: «Ты получил мою жертву, дай мне жизнь!» [37] В некоторых заклинаниях серии «Маклу» жрецы обращались, кроме Шамаша и Гильгамеша, к духам предков: им приносили заупокойные дары и просили удалить зло от тела больного, отправив это зло божествам мертвых — Намтару, Нингишзиде, Неду [38].

Опираясь на данные об искупительных жертвах-погребениях, можно попытаться интерпретировать те погребения молодых коз и овец, которые не получили убедительного объяснения в книге А. Аскарова [39], считающего их воплощением богатства по мужской линии или заменителями пропавшего человека. Животные встречены в четырех могилах Сапаллитепа (№ 7, 44, 90, 99). В двух случаях (погр. 7 и 44) это одиночные костяки животных 6—7-месячного возраста, лежащие на правом боку головой на север, т. е. в положении покойников мужского пола. В погр. 90 лежало два животных: одно на правом, другое на левом боку (положение женских костяков). Во всех случаях погребальный инвентарь состоял из большого числа сосудов с пищей (от 11 до 21), а в погр. 90 найдены и кости «принесенного в жертву животного» [40]. Наконец, в погр. 99 на полу могильной ямы молодой козел лежал рядом с костяком женщины, а выше, над ними, был похоронен мужчина.

Наличие целых костяков животных, лежащих в положении людей с соблюдением всех особенностей ритуала, как представляется, может убедительно истолковываться с помощью данных приведенных выше мето-

---

[31] *King L. W.* Babylonian Religion and Mythology. London, 1899, p. 49.

[32] *Kramer S. N.* The Sumerians. Chicago, 1964, p. 130, 131.

[33] В древнеиндийской традиции, для которой вообще характерно широкое использование образа жертвы, покойный прямо называется жертвой, приравниваясь тем самым в определенном смысле к заупокойным дарам (см.: Атхарававеда. Избранное. Перевод и комментарии Т. Я. Елизаренковой. М., 1976, с. 247 сл.)

[34] О Думузи как жертве за людей, животных, растений см.: *Langdon S.* Tammuz and Ishtar. Oxford, 1914.

[35] Le mond du sorcier. Paris, 1966 (Sours orientales VIII), p. 90.

[36] Ibid., p. 87. См. аналогичные ритуалы у хеттов: Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. Пер. с древнемалоазиатских языков Вяч. Вс. Иванова. М., 1977, с. 220 сл., 234—237.

[37] Le mond du sorcier..., p. 84.

[38] Ibid., p. 87.

[39] *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура..., с. 42, 137—139, 141.

[40] Там же, с. 138.

потамских ритуалов. Они — заменители людей на том свете, искупительная жертва за тех, кому удалось избегнуть смерти. Разумеется, это толкование не может считаться единственным. Так, возможно, что иногда животное клали вместо пропавшего человека, как это полагает А. А. Аскаров. Для того чтобы судить об этом, недостаточно того беглого описания, которое дается погребениям в публикациях. Не исключено также, что животные, почитавшиеся священными, заслуживали специального погребения [41]. Быть может, не сами они почитались священными, но их шкуры употреблялись в сакральных целях [42]. Тем не менее факт погребения животного по обряду, абсолютно сходному с обрядом людей, совместные погребения животного и человека — все это указывает скорее на то, что в данном случае оно выступало как ритуальный заместитель человека, а не объект культа.

E. V. Antonova

ON SOME FEATURES OF THE FUNERAL RITES OF ANCIENT FARMERS OF THE MIDDLE ASIA AND MESOPOTAMIA

Summary

Some details of funeral rites of the inhabitants of the Bronze Age settlement Sapallitepa (Uzbekistan) and ancient Mesopotamia are analyzed in the article. Especially interesting are the specifik group of head-dresses and the burials of lambs and goat-kids, buried at the same poses, as people. The author considers the mentioned head-dresses connected with the views of the ancient on the identity of people and plants, coming from the earth and going back after death. These views are evidently reflected in the myths about the death and return of gods of nature. The burials of animals are connected with the widespread at the ancient East ritual of burying an animal instead of a sick human being. The possibility of a ritual burial of an animal instead of a person, who perished away from home is not excluded.

---

[41] *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 97 сл.

[42] Известна копия селевкидского времени более древнего ритуала из Урука, где говорится о захоронении быка, шкура которого была использована для изготовления ритуального барабана. Его заворачивали в красное одеяние, подобно умершему человеку (*Oates D.* The excavations at Tell al Rimah, 1966.— «Iraq», v. XXIX, p. 2, 1967, p. 92. Эти данные любезно сообщены мне Б. А. Литвинским).

И. Н. МЕДВЕДСКАЯ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ПЕРЕДНЕГО ВОСТОКА И ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ II — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

Металлические наконечники стрел, появившиеся у передневосточных и евразийских народов во II тысячелетии до н. э. и просуществовавшие около трех тысяч лет, всегда привлекают внимание археологов. Считается, что в силу своего назначения этот вид вооружения быстро видоизменяется, совершенствуется, заимствуется и т. п., что делает его хорошо датирующим материалом. Традиционно считается, что Древний Восток — очаг древних цивилизаций — одновременно является и очагом технических изобретений. По крайней мере, что касается наконечников стрел, то в археологической литературе в вопросах происхождения и датировки евразийских наконечников стрел II—I тысячелетий до н. э. такая точка зрения существует. При этом база для такого подхода в обоих регионах неравноценна. Если для евразийских наконечников стрел II—I тысячелетий до н. э. разработана классификация, то для передневосточных этого пока не сделано. Не выяснив общего характера эволюции и частных особенностей наконечников стрел Переднего Востока, делать такие сопоставления, видимо, преждевременно. Поэтому предлагаемая работа в первую очередь посвящена такой характеристике. Постоянное внимание археологов привлекает период распространения так называемых скифских стрел на Переднем Востоке. Исследование их распространения тесным образом связано с анализом особенностей развития этого вида оружия на Переднем Востоке. Со «скифским» периодом связан ряд частных вопросов: сколь широким было распространение скифских типов наконечников стрел на Переднем Востоке, каково было взаимодействие «скифских» типов с местными, были ли последние вытеснены или нет? Наконец, только ли скифы могли быть распространителями этого типа наконечников стрел на Переднем Востоке.

Металлические наконечники стрел на Переднем Востоке известны уже в первые века II тысячелетия до н. э. (рис. 1). Находки их немногочисленны. В Палестине бронзовые наконечники стрел появляются в период средней бронзы (СБ II) и существуют все II тысячелетие, сменяясь на рубеже II—I тысячелетий до н. э. железными. На основании стратиграфии поселения Мегиддо можно проследить их развитие в течение всего II тысячелетия до н. э.[1] Все они в этот период только черешковые двулопастные. В слое X (1650—1550 гг. до н. э.) на пере наконечника появляется ребро, усиливающее пробойную силу стрелы. Самые ранние наконечники стрел (слой XII, 1750—1700 гг. до н. э.) имели листовидную форму пера, сохранившуюся и позднее. В слоях X и IX (1550—1479 г.. до н. э.) уже известны экземпляры с подтреугольной формой пера, в слое VII (не позднее 1200-х годов до н. э.) они стано-

[1] *Loud G.* Megiddo II.— OIP, 1948, LXII, tabl. 174—176.

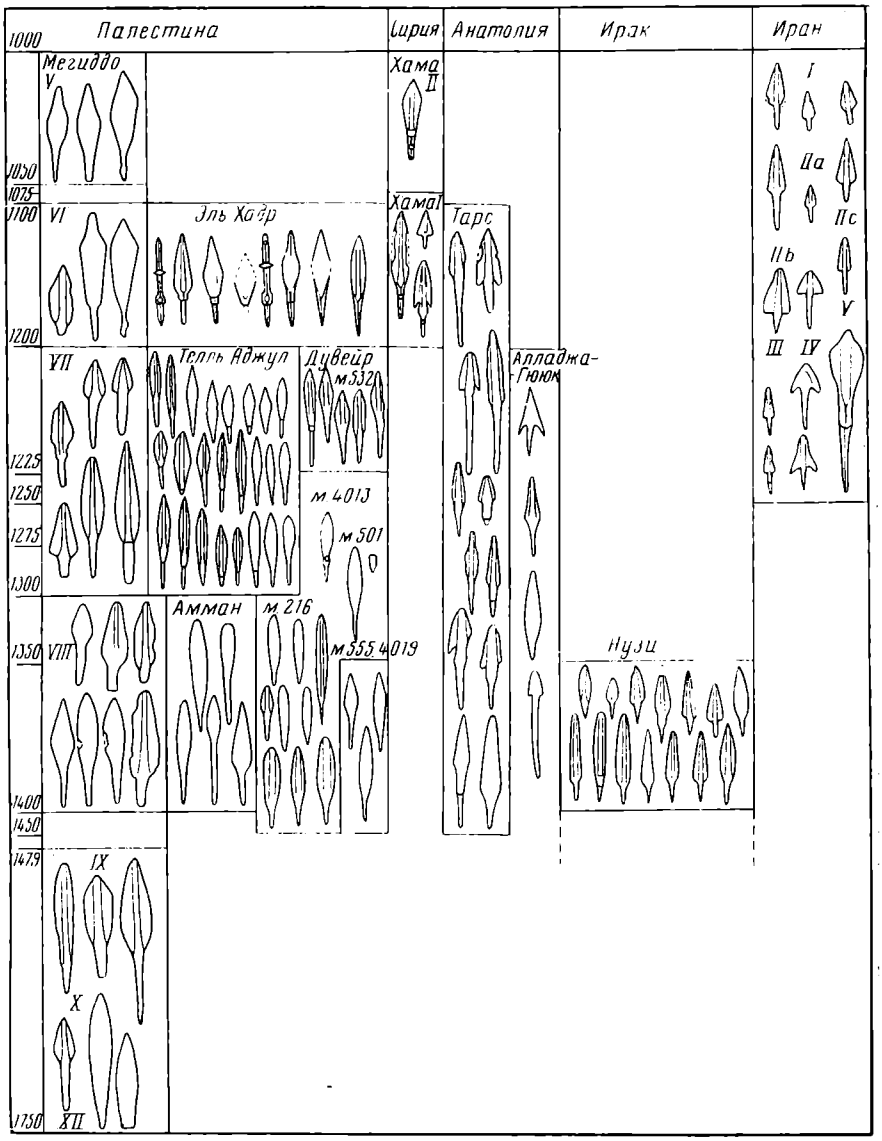


Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел Переднего Востока II тысячелетия до н. э.

вятся четко выраженной треугольной формы. У некоторых наконечников выделяется нижний конец граней, но наконечники стрел с заостренными жальцами так и не появились.

Линию развития наконечников стрел, прослеживаемую в Мегиддо, дополняют находки на других памятниках Палестины. В многочисленном наборе черешковых наконечников стрел из могилы 419 в Телль Аджуле (Газа) помимо преобладающей листовидной формы пера известны и ромбовидные наконечники. На некоторых из них имеется упор при переходе от пера к черешку [2]. Обе формы пера характерны для слоя VIII в Мегиддо, но у последних нет еще упора, поэтому наконечники стрел из могилы 419, вероятно, позднее слоя VIII и чуть раньше или одновременны со слоем VII (раньше, поскольку нет наконечников с треугольной формой пера, имеющейся в слое VII, но, впрочем, они вообще редки в этом районе). Близкими по форме и времени являются наконечники стрел из могил периодов ПБ II—III Дувейра (1450—1350, 1350—

[2] *Cross F. M., Milik J. T.* A typological study of the El Khadr javelin- and arrowheads.— ADAJ, v. III, 1956, pl. III.

1200 гг. до н. э.)[3]. Датировка могил со стрелами основана на независимом материале (украшения, скарабеи с именами фараонов, керамика). Форма пера листовидная и ромбовидная, с упором и без него. Аналогичные наконечники стрел происходят из храма в Аммане (1400—1300 гг. до н. э.) [4].

Самыми поздними в этой линии развития являются наконечники стрел, найденные в кладе Эль-Хадр [5]. Они свидетельствуют о ряде технических усовершенствований: появляется утяжеленная головка ромбического сечения и массивный упор. Эти наконечники датируются приблизительно около XI в. до н. э. по надписям на наконечниках копий из того же клада. Формы этих копий почти аналогичны наконечникам стрел, отличаясь лишь бо́льшими размерами [6]. Аналогии этому типу находятся в Палестине, Сирии и Иране [7].

Наконечники стрел близких типов происходят из домов Нузи II (Ирак), которые датируются концом XV — началом XIV в. до н. э.[8] Исключением из этого обширного региона является Хама (Сирия), где в период I (1200—1075 гг. до н. э.) известны наконечники стрел с опущенными жальцами, а также с треугольной формой пера, грани которого переходят под прямым углом к черешку [9]. Это исключение, видимо, следует объяснять близостью к Анатолии, для которой эти формы были наиболее характерными. Железные наконечники стрел в этом регионе известны в XI—IX вв. до н. э.[10]

В Анатолии металлические наконечники стрел изредка появлялись уже в III тысячелетии до н. э. (Тарс), но распространились достаточно широко только с позднебронзового периода (XVII в. до н. э.). С самого начала они были только черешковые, двулопастные. Начиная с периода ПБ II (1450—1100 гг. до н. э.) характерными становятся наконечники с треугольной формой пера и жальцами [11]. Эта картина, представленная материалами Тарса, подтверждается данными, хотя и немногочисленными, других памятников Анатолии: Богазгёй III (1265—1200 гг. до н. э.), Кузура (1300—1200 гг. до н. э.), Бейджесултан (около 1340—1250 гг. до н. э.) и Аладжа Гююк [12]. Наконечники стрел из Аладжа Гююк датируются всем хеттским периодом, однако аналогии им находятся главным образом в Тарсе периода ПБ II.

---

[3] *Tufnell O.* Lachish (Tell ed Duweir). Bronze Age. Oxford, 1958, v. IV, p. 79, tabl. 25.

[4] *Hennesy J. B.* Excavations of a late Bronze Age Temple at Amman.— PEQ, 1966, july — dec., tabl. XXXV B. Слой VIII Мегиддо имеет две даты: 1479—1350 и 1350—1200 гг. до н. э. Последняя дата для слоев VIII—VII. См.: *Loud G.* Op. cit., p. 5; *Tufnell O.* Op. cit., p. 67. На основании сравнения наконечников стрел из Аджула, Дувейра, слоев VIII—VII Мегиддо и Аммана кажется, что, действительно, слой VIII следует считать более поздним. В нем нет наконечников такой развитой формы, как в Дувейре и Аджуле. Условную дату для него можно предположить в пределах 1400—1300 гг. до н. э., синхронную для Аммана с аналогичными наконечниками стрел.

[5] *Cross F. M., Milik J. T.* Op. cit., fig. 2.

[6] Ibid., fig. 2.

[7] Ibid., p. 19, 22; *Ghirshman R.* À propos des Bronzes du Luristan de la Collection Foroughi.— IA, 1962, v. II, pl. XXVI—XXIX.

[8] *Starr R. F. S.* Nuzi. Report on the Excavations at Yorgan Tepa near Kirkuk. Iraq, 1927—1931. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1937—1939, p. 473. Уточненная датировка слоя II любезно сообщена автору Н. Б. Янковской.

[9] *Riis P. J.* Hama; Les Cimetières à crémation. Copenhague, 1948, p. 122, 123.

[10] *Riis P. J.* Op. cit., p. 122, 202; *Loud G.* Op. cit., pl. 176.

[11] *Goldman H.* Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. The Bronze Age. Princeton, 1956, v. II, p. 283, pl. 427. Об использовании наконечников стрел в период 2100—1650 гг. до н. э. свидетельствуют находки литейных форм в Тарсе.

[12] *Schaeffer C.* Stratigraphie comparèe et chronologie de L'Asie Occidentale. London, 1948, fig. 183, *27, 35* (датировку слоя см. *Mellaart J.* The second millennium Chronology of Beycesultan.— AS, 1970, v. XX, p. 66); *Lamb W.* Excavations at Kusura near Afyon Karahisar.— Archeologia, 1936, v. 86, p. 41, fig. 19, *2—4*; *Lloud S., Mellaart J.* Beycesyltan Excavations.— AS, 1955, v. V, fig. 21, *11, 10* (датировку слоя см. *Mellaart J.* Op. cit., p. 66); *Koşay H. Z.* Les Fouilles d'Alaça Höyük (1937—1939). Ankara, tabl. LXXXV.

В Тарсе, в слое раннежелезного века (около 1100—850 гг. до н. э.), обнаружены наравне с черешковыми бронзовыми наконечниками два втульчатых наконечника ромбической формы с шипом на втулке [13]. Такие наконечники стрел известны в Причерноморье, где они датируются второй половиной или концом VIII — первой половиной VII в. до н. э.[14]. Столь раннее появление их в этом слое требует пристального внимания к условиям их находки. В каталоге находок не оговорено, где именно они были обнаружены (в других случаях указывается — в очаге, под стеной и т. п.), сказано лишь, что найдены на отметке 15.40 и 15.20—15.30 [15]. Уровни полов строительных остатков этого периода находятся на отметке от 16.40 до 15.25. Уже это показывает, что если наконечники и связаны с этим строительным периодом, то с самым его концом. К следующему периоду среднежелезного века (около 850—700 гг. до н. э.) относятся находки близких по форме втульчатых наконечников. Полы строительных горизонтов этого слоя начинаются с отметки 15.20, т. е. частично совпадают с верхним уровнем предшествующего периода. Это объясняется очень плохой сохранностью нижнего слоя. Поскольку нет указаний о перекрытии этих наконечников стрел стеной, полом, очагом, не исключено, что они попали сюда из верхнего слоя. В любом случае вряд ли их следует датировать намного раньше среднежелезного века. Уточнение времени появления этих наконечников стрел в Анатолии связано с датировкой таких стрел в Причерноморье. В середине IX в. до н. э. в Тарсе появляются железные наконечники стрел [16].

В Иране в эпоху бронзы наконечники стрел практически неизвестны. Два черешковых двулопастных наконечника с пером ромбической формы найдены в Гиссаре III С (2000—1800 гг. до н. э.) [17]. Наконечники из могилы 11 тепе Гурана (первая половина II тысячелетия до н. э.). судя по размерам, могли быть наконечниками копий [18].

В период ЖВ I—II (1300/1250—1000, 1000—800 гг. до н. э.) бронзовые наконечники стрел черешковые двулопастные. Хронологически они принципиально не различаются между собой. Отличием периода ЖВ II служит лишь появление железных наконечников стрел, которые используются и в период ЖВ III (750/700—550 гг. до н. э.). Они обычно повторяют наиболее простые формы бронзовых.

В период ЖВ I в Иране были распространены пять типов (с подтипами) наконечников стрел, различающихся по форме пера. Локализация типов не прослеживается (рис. 1).

Тип I. Листовидные наконечники стрел с заостренным пером и наибольшим расширением в нижней его части: пять наконечников из Чога Занбиля [19], по одному из Хурвина, Шураба, Барди Бала [20].

Тип II. Наконечники стрел с пером треугольной формы. Среди них выделяется несколько подтипов. IIа. Перо с прямыми лопастями, переходящими под тупым углом к черешку. Черешок гладкий или с упором:

---

[13] *Goldman H.* Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. The Iron Age. Princeton, 1963, v. III, tabl. 174, *10, 11.*

[14] *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975, с. 105; *Тончева Г.* О фракийцах нынешних Украины, Молдовы, Добруджи и северо-восточной Болгарии в XI—VI вв. до н. э.— Studia Thracica, 1975, № 1, p. 45, 46; *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой могилы.— СА, 1974, № 1, рис. 9, *1—11.*

[15] *Goldman H.* ...The Iron Age, p. 35, 373.

[16] Ibid., p. 365.

[17] *Schmidt E.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937, p. 204.

[18] *Meldgaard J., Mortensen P., Thrane H.* Excavations at Tepe Guran, Luristan.— Acta Archaeologica, 1963, v. 34, fig. 32, *1, 2.*

[19] *Ghirshman R.* Tchoga Zanbil.— MDAI, 1966, v. XXXIX, pl. XCIII, *204—207, 210.*

[20] *Vanden Berghe L.* La nècropole de Khurvin. Istanbul, 1964, p. 6; *idem.* Recherches archéologiques dans le Luristan. Cinquième campagne: 1969.— IA, 1972, v. IX, fig. 11, *39*; *idem.* Recherches... Sixième campagne: 1970.— IA, 1973, v. X, fig. 5, 7.

Сиалк А — 9 экз., Барди Бал — 2 экз., Кутали Гулгул — 5 экз., Чога Занбиль — 3 экз.[21] С упором: источник Бит Сорх — 2 экз., Барди Бал (могила 64) — 2 экз., Намин (Талыш) — 1 экз[22] IIb. Перо с прямыми или чуть выпуклыми лопастями, переходящими под прямым углом к черешку: Вери (Талыш) — 2 экз., Ага Евлар (Талыш) — 1 экз., Барди Бал (могила 67) — 1 экз., Кутали Гулгул — 2 экз.[23] IIc. Узкое перо с заостренными жальцами: источник Бит Сорх — 1 экз., Кутали Гулгул — 1 экз., Ага Евлар — 1 экз., Кайтарие — 2 экз.[24]

Тип III. Наконечники стрел с узким листовидным пером и с упором: Ага Евлар — 2 экз., Барди Бал — 1 экз.[25]

Тип IV. Наконечники стрел с заостренными жальцами, среди которых есть «крылатые»: Ага Евлар — 1 экз., Намин — 1 экз., Вери — 1 экз., Кайтарие — 1 экз., Кутали Гулгул — 2 экз.[26] «Крылатый» наконечник, найденный возле источника Бит Сорх, назван копьем, но размеры его не указаны[27].

Тип V. Листовидные наконечники стрел с резко заостренным пером. Наибольшее расширение пера приходится на его срединную часть или ближе к бойку. Суживаясь, перо переходит в массивный четырехгранный упор, который в свою очередь переходит в тонкий черешок. На нервюре, проходящей через все перо, расположены клинописные надписи с именами вавилонских правителей X в. до н. э. Все наконечники происходят из луристанской коллекции Форуги, насчитывающей 32 экз., из которых не менее 12 с надписями[28]. Эти наконечники стрел обнаруживают близкое сходство с оружием из уже упомянутого клада Эль Хадр, более раннего по времени.

Из Талыша (Вери) происходят пять плоских треугольных очертаний с коротким черешком. Датировка их неясна[29].

В период ЖВ II продолжают бытовать наконечники стрел тех же типов: Сиалк В (типы I, IIa), Гиян (I, III), Дарванд (III, V), Марлик (IIa, IIc, IV), Тангн Хамамлан (I, IIa, IIb, IIc, плоские), Хурвин, коллекция Малеки (I, IIa, IIc, III)[30].

Железные наконечники стрел чаще всего повторяют типы I и Ia. Перо типа IIa в ряде случаев становится четкой ромбической формы (Сиалк В, Вар Кабуд, Хафтаван-Тепе)[31]. В Сиалке В (тип IIa) отме-

---

[21] *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk près de Kashan, v. II. Paris, 1939, pl. XXXIX, *460*; XLIII, *525*; *Vanden Berghe L.* Recherches... Sixième campagne, fig. 11, *46, 47*; *idem.* Bronzes Iran — Luristan Caucausus.— Évocations metallurgiques, v. XIII, 1973, pl. XVII, *2*; *Ghirshman R.* Tchoga Zanbil, pl. XCIII, *208, 209, 211.*

[22] *Dyson R.* Notes on Weapons and Chronology in Northern Iran around 1000 B. C.— In: Dark ages and Nomads. Instanbul, 1964, fig. 1, *1, 2*; *Vanden Berghe L.* Recherches... Sixième campagne, p. 29, fig. 15, *6, 7*; *Morgan J.* La Prehistoire Orientale, v. III. Paris, 1927, fig. 203, *2.*

[23] Ibid., fig. 202, *12*; *Morgan H.* Recherches au Talyche Persan.— MDP, v. VIII. Paris. 1905, fig. 609; *Vanden Berghe L.* Recherches... Sixième campagne, fig. 17, *8*; *idem.* Bronzes Iran.... pl. XVII. *2.*

[24] *Dyson R.* Op. cit., fig. 1, *3*; *Vanden Berghe L.* Bronzes Iran..., pl. XVII, *2*; *Morgan J.* Op. cit., fig. 611; *Медведская И. Н.* Могильник Кайтарие — новый памятник раннежелезного века Ирана.— СА, 1977, № 1, рис. 2.

[25] *Morgan H.* Op. cit., fig. 610, 617; *Vanden Berghe L.* Recherches... Sixième campagne, fig. 17, *17.*

[26] *Morgan H.* Op. cit., fig. 621; *Morgan J.* Op. cit., fig. 203, 202, *11*; *Медведская И. Н.* Ук. соч., рис. *2; Vanden Berghe L.* Bronzes Iran..., pl. XVII, *2.*

[27] *Morgan H.* Op. cit., fig. 621.

[28] *Ghirshman R.* À propos des Bronzes..., pl. XXVI—XXIX.

[29] *Morgan J.* Op. cit., fig. 202. *6—10.*

[30] *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk..., pl. XCII, *22;* XCII, *2, 10, 13, 14, 16; Contenau G., Ghirshman R.* Fouilles du Tepe-Giyan pres de Nehavend, 1931 et 1932. Paris, 1935, pl. 8, *15*; *Vanden Berghe L.* Recherches... Sixième capmagne, fig. 26, *3—6*; *Negahban E. O.* Preliminary Report on Marlik Excavations 1961—1962. Tehran, 1964, photo 49; *Vanden Berghe L.* La necropole de Khurvin..., pl. XXXV. Последние три комплекса датируются ЖВ I—II.

[31] *Burney C.* Excavations at Haftavan Tepe 1969. Second Preliminary Report.— Iran, 1970, v. VIII, pl. VIII *b.*

чается взаимовстречаемость бронзовых и железных наконечников стрел (могилы 3, 15). В Хасанлу IV преобладают листовидные (тип I) наконечники стрел [32]. В Луристане периода ЖВ III известны только железные наконечники: Шала Шури (тип I с упором), Таттульбан (I, IIа), Вар Кабуд (I, IIа) [33].

Завершая краткий обзор неконечников стрел Переднего Востока II — начала I тысячелетия до н. э., необходимо подчеркнуть главное, что характеризует этот тип оружия. В указанном регионе традиционной была только черешковая форма насада наконечника стрелы. Втульчатые копья на этой территории известны. И хотя принято, что они обычно оказывают влияние на форму насада наконечников стрел, здесь этого не произошло [34]. В течение II тысячелетия до н. э. эволюция наконечников стрел шла медленно. И справедливо отметили Ф. Кросс и Т. Милик, что форма пера, будучи очень простой, не является критерием для хронологических различий [35]. Лишь к концу II тысячелетия до н. э. наметились технические сдвиги. Аморфные формы пера если не полностью, то частично заменяются более усовершенствованными (Эль Хадр, Хама, памятники Анатолии). Но уже в начале I тысячелетия до н. э. бронзовые наконечники стрел стали заменяться железными, более простых форм. Особенно наглядно это в Иране, Сирии и Палестине. Правда, в ряде мест наблюдается длительное сосуществование бронзовых и железных черешковых наконечников стрел (например, в Тарсе до VI в. до н. э.).

Совершенно очевидны коренные различия между древневосточной традицией, с ее господствующей черешковой формой насада, и традицией степей, где господствующей, а в Причерноморье и Поволжье единственной была втулка. Втульчатые наконечники стрел возникли около середины II тысячелетия до н. э. в среде андроновских племен [36]. В восточной части евразийских степей одновременно со втульчатой появилась черешковая форма насада, но во II тысячелетии до н. э. она не была широко распространена [37]. Лишь в Средней Азии и Казахстане после рубежа II—I тысячелетий до н. э. черешковые наконечники становятся определяющей формой «доскифских» наборов стрел. Но в VI в. до н. э. они вытесняются втульчатыми скифскими наконечниками [38]. Отличительным признаком евразийских наконечников стрел с момента их появления была четко разработанная форма пера, втулки и насада, что позволяет составить достаточно дробную классификацию для наконечников стрел уже II тысячелетия до н. э. На Переднем Востоке, как уже отмечалось, форма пера была плохим хронологическим критерием. Следовательно, первым различием двух традиций являются формы насада и разная степень развития наконечника. Последнее, вероятно, обусловливалось разной значимостью этого вида оружия и потребностью в его развитии в этих регионах. В данном случае мы имеем, очевидно, лишнее доказательство кардинального различия организации войск в государствах Древнего Востока и степей. В первых первостепенное значение имели колесницы, а конница в лучшем случае играла вспомогательную роль, лук был далеко не основным оружием. В евразийских степях, напротив,

---

[32] *Dyson R.* Op. cit., p. 40.

[33] *Vanden Berghe L.* Recherches... Sixième campagne, fig. 27, *7—9*; *idem.* Excavations in Pusht-i kuh (Iran). Tombs Provide Evidence on Dating «Typical Luristan Bronzes».— Archaeology 1971, v. 24, *3*, p. 265; *idem.* Het Archeologisch onderzoek naar de Bronscultuur van Luristan. Brussel, 1968, pl. 27, *a*.

[34] О единичных находках втульчатых наконечников стрел на Переднем Востоке во II тысячелетии будет сказано дальше.

[35] *Cross F. M., Milik T.* Op. cit., p. 16.

[36] *Аванесова Н. А.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы.— Тр. СаГУ, 1975, вып. 270, с. 38, табл. 2.

[37] Там же, с. 38.

[38] *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана.— СА, 1972, № 3, с. 76—89.

главную роль играла конница и основным видом наступательного оружия был лук.

Второе различие заключается в том, что, в то время как на Переднем Востоке в начале I тысячелетия до н. э. бронзовые стрелы начали заменяться, а кое-где уже были заменены железными, в евразийских степях бронзовые наконечники стрел только начинают входить в широкое употребление (столь широкое, какого Древний Восток не знал), только начинаются поиски их оптимальных форм [39]. Именно здесь этот вид оружия достигает наивысшего своего развития, что в какой-то степени не замедлит сказаться на исторических событиях. Под влиянием столь явной эффективности «скифских» бронзовых стрел происходит нарушение эволюции. На Древнем Востоке снова входят в употребление бронзовые наконечники стрел теперь уже «скифских» форм. Это было связано с изменением военной тактики, в результате чего возросла роль лука. Большое количество наконечников стрел легче отлить из бронзы, чем ковать из железа,— необходимо «облако» стрел. Правда, эти перемены, как будет показано ниже, не носили всеобъемлющего характера.

Такое хронологическое несоответствие в использовании бронзы и железа также свидетельствует о независимом развитии двух традиций на Древнем Востоке и в Евразии вплоть до скифского времени, когда начинается взаимодействие этих традиций. Выявленная изолированность и независимость двух традиций показывает несостоятельность прямых сопоставлений между этими регионами с целью установления хронологии и происхождения тех или иных типов евразийских наконечников стрел эпохи бронзы. Необходимо проверить основания для этих сопоставлений. К. Ф. Смирнов очень осторожно отнесся к идее о заимствовании втульчатых наконечников стрел с Переднего Востока, считая, что, если даже они там и появились не позднее X в. до н. э., этот факт не может опровергнуть независимого и более раннего появления таких стрел в Евразии [40]. Тем не менее он допускал возможность влияния на лавролистные наконечники восточной Евразии «листовидных черешковых и втульчатых стрел с нервюром, широко распространенных на Переднем Востоке в конце эпохи бронзы и в мидо-ахеменидское время». Ссылается при этом К. Ф. Смирнов на наконечники стрел Сиалка В, Персеполя (V в. до н. э.) и Каркемиша (конец VII в. до н. э.)[41]. Следует признать эти сопоставления не очень удачными, тем более что в степях им есть прекрасные прототипы XIV—IX вв. до н. э.[42] Н. А. Аванесова уже писала о несостоятельности сопоставлений с Передним Востоком, сделанных Н. Л. Членовой [43]. Последняя считает, что втульчатые наконечники стрел попали в евразийские степи с территории Переднего Востока через Среднюю Азию [44]. Эта точка зрения не подтверждается, с одной стороны, датами среднеазиатских наконечников стрел, более поздними, чем даты казахстанских; с другой стороны, малочисленностью таких наконечников стрел на Переднем Востоке, что заставляет сомневаться в возможности их влияния на евразийские. По существу известен один втульчатый наконечник стрелы первой половины II тысячелетия до н. э. из Газы. Находки из Рас Шамры в действительности являются вотивными наконечниками копий. Экземпляр из Мохлоса (о. Крит) Г. Ш. Буххольц датирует 1400—1200 гг. до н. э. и признает его зависимость от северобалкан-

---

[39] Железные наконечники стрел появляются у скифов в конце VII в. до н. э., но вытесняют бронзу не раньше III в. до н. э.; у савроматов и среднеазиатских саков — еще позднее.

[40] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, № 101, 1961, с. 38.

[41] Там же, с. 39.

[42] *Аванесова Н. А.* Ук. соч., табл. 2.

[43] Там же, с. 37.

[44] *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 61.

ских и южнорусских прототипов [45]. Нет оснований связывать единственный наконечник из Газы с появлением втульчатых наконечников стрел на огромной территории евразийских степей. Логичнее предположить, что это была попытка на основе втульчатых копий создать втульчатый наконечник стрелы. Но дальнейшего развития этот эксперимент не получил, и на всей этой территории единственной формой насада осталась черешковая.

Взаимодействие обеих традиций начинается в киммерийско-скифский период, когда на Переднем Востоке распространяются втульчатые наконечники стрел «скифских» типов. Появление здесь втульчатой формы насада безусловно связано с евразийским влиянием. Это доказывается в первую очередь, как мы уже отмечали, традиционностью втульчатого насада в северном регионе, количественным преобладанием и той важной ролью, которую играл этот вид оружия, судя по исследованным памятникам, в степях Евразии.

Однако этому выводу противоречит точка зрения ряда ученых, допускающих возможность обратного — влияния передневосточного, в частности персидского, оружия на появление в Скифии втульчатых трехлопастных наконечников [46]. Попытаемся уточнить это положение, основываясь на хронологическом соотношении трехлопастных наконечников стрел обоих регионов.

Материалы, собранные Т. Сулимирским, показывают, что на Переднем Востоке находки трехлопастных наконечников стрел относятся в основном к концу VII в. до н. э. и позднее. Находки в Джераре датируются 930—600 гг. до н. э. Однако Т. Сулимирский, основываясь на типологическом сходстве всех обнаруженных наконечников стрел, считает, что они все одновременны и относятся к концу указанного периода, а в ранние слои попали с впущенными в них мусорными ямами [47]. В Египте они датируются VI—V вв. до н. э., в Греции — началом V в. до н. э.

В Иране первой половины I тысячелетия до н. э. (включая V в. до н. э.) находки втульчатых трехлопастных наконечников стрел известны в восьми пунктах: Сиалк, Зендани-Сулейман, Хасанлу, Зивие, Бабаджан-Тепе, Сузы, Персеполь, Амлаш.

Сиалк — 2 экз.: один листовидной формы, другой — треугольной с заостренными жальцами. Найдены на поверхности недалеко от могильника Сиалк В и, следовательно, с его датой не связаны. Вероятная их дата IV—III вв. до н. э.[48] (рис. 2, *9*).

Бабаджан-Тепе — один наконечник ромбовидной формы, найден в кирпичном заполнении под постройкой VI в. до н. э.[49] (рис. 2, *7*).

Хасанлу — один наконечник, не издан. Найден в кирпичном заполнении периода III В (650—600 гг. до н. э.) [50] и, следовательно, датируется временем разрушения, т. е. рубежом VII—VI вв. до н. э.

Зивие — несколько наконечников. Один, найденный Р. Дайсоном, без выделенных жалец листовидной или ромбовидной формы (из-за корро-

---

[45] *Аванесова Н. А.* Ук. соч., с. 37.

[46] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 44, 45; *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, вып. Д1-4. М., 1964, с. 19; *Воробьева М. Г.* Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973, с. 196.

[47] *Sulimirski T.* Scythian Antiquities in Western Asia.— Artibus Asiae, v. XVII, 1954, 3/4, p. 297. Сводка материала по Переднему Востоку, сделанная Т. Сулимирским, до сих пор остается достаточно полной.

[48] *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk..., pl. VCII, *17, 18*; *idem.* A propos de la necropole B de Sialk.— IPEK, 1974/1977, Bd 24, p. 46.

[49] *Goff C.* Luristan in the First Half of the First Millenium B. C.— Iran, 1968, v. VI, p. 158; *idem.* Excavations at Baba Jan: Pottery and Metal from levels III and II.— Iran, 1978, XVI, fig. 14, *23*, p. 42.

[50] *Dyson R.* Protohistoric Iran..., p. 207.

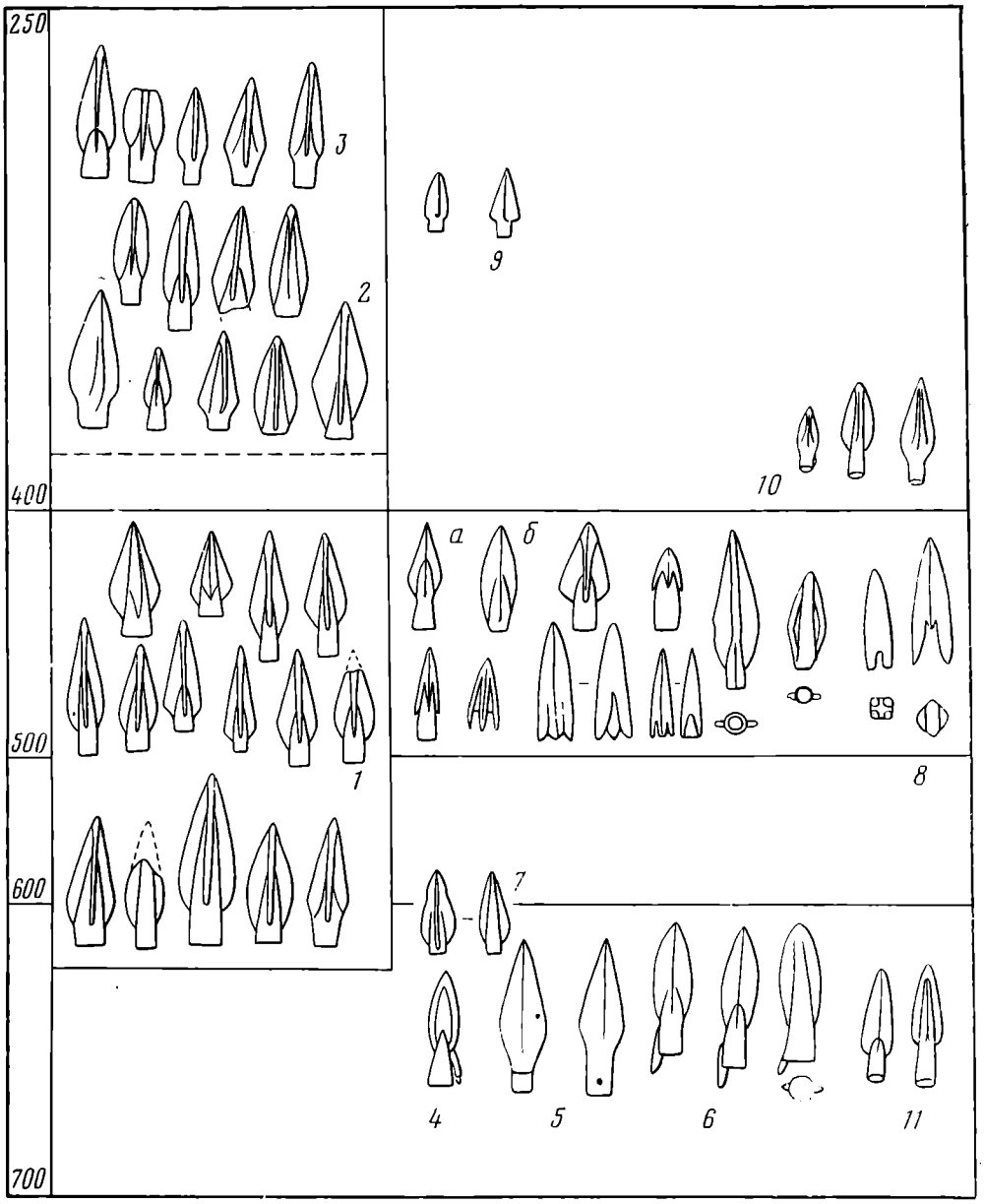


Рис. 2. Бронзовые втульчатые наконечники стрел «скифских» типов (Иран, Афганистан); *1—3* — ахеменидская деревня в Сузах (*1* — слой I, *2* — слой II, *3* — слой III); *4* — Зендани-Сулейман; *5* — Амлаш; *6* — Зивие; *7* — Баба Джан; *8* — Персеполь (типы *а, б* — около 3780 экз., остальные — единичные паходки); *9* — Сиалк; *10, 11* — Нади-Али (Афганистан) (*10* — слой I, ахеменидское время; *11* — слой II)

зии определить точно нельзя)[51]. Три наконечника, изданные Р. М. Гиршманом, без выделенных жалец с шипами на выступающей втулке датируются временем Хасанлу III В[52]. Здесь же найдены два двулопастных наконечника — один листовидный, другой со скошенными у основания лопастями[53] (рис. 2, *6*).

[51] *Dyson R.* Archaeological Scrap.— Expedition, 1963, v. 5/3, p. 36, 37.

[52] *Ghirshman R.* Village Perse — Achéménide. MDP, 1954, v. XXXVI, p. 65, pl. XXIV, *4*.

[53] А. И. Тереножкин опубликовал ромбический двулопастной наконечник стрелы из Зивие. Однако здесь вкралась ошибка, так как во всех публикациях материала из Зивие такой наконечник отсутствует. Их вообще нет в Иране (*Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, рис. 83, *19*).

Зендани-Сулейман — опубликовано два листовидных наконечника, один из которых Р. Дайсон датирует временем около 600 г. до н. э.[54] Этот наконечник был найден в заполнении. Другой обнаружен на полу помещения, относимого к периоду II (710—620/610), сам наконечник датируется, по мнению автора, второй четвертью VII в. до н. э.[55]

Ахеменидская деревня в Сузах — в трех слоях найдено 29 наконечников (соответственно 15, 9 и 5 экз.). Все они однотипные с листовидной или ромбической головкой и выступающей втулкой без шипа. Р. М. Гиршман датировал слои VII—VI вв. (не исключая и конец VIII в.); VI—V вв.; V — частью IV вв. до н. э.[56] Этих дат придерживался и Т. Кайлер Янг. Однако недавно Д. Стронах передатировал все слои: слой I — конец VII—V вв.; слои II—III после небольшого перерыва — до середины III в. до н. э.[57] (рис. 2, *1—3*).

Амлаш (могила 9) — опубликовано два из трех наконечников с ромбическим пером. Дата неопределенная[58] (рис. 2, *5*).

Персеполь — около 4 тыс. наконечников найдено в сокровищнице дворца, построенной в V в. до н. э. Из 3858 бронзовых экземпляров, зарегистрированных Е. Шмидтом, 3787 с листовидной и ромбической головкой[59] (рис. 2, *3*).

Все иранские трехлопастные наконечники стрел датируются не ранее конца VII в. до н. э. Часто ссылаются на раннюю дату трехлопастных наконечников стрел из Нади-Али II. Однако, датируя их VIII в. до н. э., Р. М. Гиршман имел в виду лишь то, что слой II позднее Сиалка I (X—IX вв. до н. э.). При этом он указывал на южнорусское происхождение этих наконечников стрел. Поскольку датировка Сиалка B колеблется у разных авторов в пределах X—VI вв. до н. э., вряд ли можно считать дату Нади-Али II бесспорной[60] (рис. 2, *11*).

Рассмотренный материал не может служить для обоснования более ранней даты передневосточных наконечников стрел потому, что в Скифии трехлопастные наконечники становятся обычными в колчанных наборах уже со второй половины или конца VII в. до н. э. (1-я хронологическая группа скифских наконечников стрел, выделенная А. И. Мелюковой)[61]. Но они известны уже в нескольких пунктах предскифского времени[62]. Согласно А. И. Мелюковой, для 1-й хронологической группы (до середины VI в до н. э.) помимо трехлопастных были обычны двулопастные наконечники стрел с овальной или лавролистной головкой. Для предскиф-

---

[54] *Dyson R.* Protohistoric Iran..., p. 207.

[55] *Von der Osten H. H., Naumann R.* Takht-i Suleiman.— Teheraner Forschungen, Bd 1, 1962, pl. 43, 7; *Naumann R., Huff D., Kleis W., Boehmer R. M., Wiegartz H.* Takht-i Suleiman und Zandan-i Suleiman. Vorlanfiger Bericht über die Ausgrabungen in den Jahren 1963 und 1964.— Archäologischer Anzeiger, 1965, Bd 80, H. 4, Berlin, 1966, 775—777, Fig. 77, *c*.

[56] *Ghirshman R.* Village Perse — Achéménide, p. 31, 32, pl. XLIII—XLIV.

[57] *Stronach D.* Achaemenid Village I at Susa and Persian Migration to Fars.— Iraq, 1974, v. XXXVI, 1/2, p. 240, 244.

[58] *Samadi H.* Les decouvertes fortuites: I Mazanderan et Guilan.— II Klardasht.— III Garmabak.— IV Amlash...— Arts Asiatiques, 1959, v. VI/3, p. 190, fig. 26, *g. h.* Остальной инвентарь могилы, за исключением пяти наконечников копий, не имеющих точной даты, не опубликован.

[59] *Schmidt E.* Persepolis II. Chicago, 1953, p. 99, tabl. IX, *76.* Кроме указанных трехлопастных, 22 трехлопастных с заостренными жальцами, 12 двулопастных, 4 наконечника редкой формы, 33 черешковых.

[60] *Ghirshman R.* Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afgan.— Revue des arts asiatiques, 1939, t. XIII, 1, p. 20; *idem.* À propos de la nécropole B... p. 46—49. О более поздней дате Нади-Али II см. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, № 73, 1959, с. 46, 60.

[61] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 18, 19.

[62] Енджа, Белградец (Болгария), Носачевский и Обрывский курганы — около 750—650 гг. до н. э., курган 376 у с. Константиновка (железный наконечник) — первая половина VII в. до н. э.; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 135; *Тончева Г.* О фракийцах..., с. 49.

ского времени более характерными были двулопастные наконечники с ромбовидной головкой. В комплексах второй половины VII—VI в. до н. э. они представлены обычно одним-двумя экземплярами. Исключение составляет жаботинский комплекс, наиболее поздний для одноименного этапа. В последнее время наметилась тенденция удревнять жаботинский этап примерно на 50 лет и относить его частично еще к предскифскому времени [63]. Следовательно, трехлопастные наконечники этого периода тем более должны иметь более раннюю дату, чем передневосточные.

Во второй половине VI в до н. э. в Причерноморье происходит смена типов наконечников стрел. Наконечники с заостренными жальцами, появившиеся в начале VI в. до н. э., вытеснили два основных типа 1-й хронологической группы без выделенных жалец с лавролистным и остролистным пером [64]. Одновременно происходит смена колчанных наборов в Средней Азии. Там широко распространяются трехлопастные втульчатые наконечники стрел скифских типов, в том числе и с заостренными жальцами, с выделенной и скрытой втулкой [65].

На Переднем Востоке бронзовые наконечники так называемого архаического скифского типа, относящиеся к сравнительно непродолжительному отрезку времени — VII—VI вв. до н. э., встречены на относительно компактной территории, исключающей Египет и Средиземноморье. Эта территория концентрируется возле районов, где непосредственно действовали скифы, а также киммерийцы. Именно последним могли принадлежать двулопастные наконечники стрел с ромбической головкой. Для скифских колчанных наборов второй половины VII — первой половины VI в. до н. э. они были уже не характерны. Один из выводов Т. Сулимирского относительно наиболее раннего появления киммерийских стрел во «фригийских» землях подтверждается их отсутствием на востоке, в Иране [66].

Наконечников стрел VI—V вв. до н. э. известно в целом немного, но найдены они на более широкой территории, включающей Грецию и Египет. Смена типов наконечников стрел, происшедшая в евразийских степях в VI в. до н. э., отразилась и здесь. Об этом свидетельствуют трехлопастные втульчатые наконечники стрел с заостренными жальцами, найденные в Вавилоне, Аль-Мине (слой III, 430—375 гг. до н. э.), Каркемише, Телль-Дефене (Танис), Мемфисе и ряде других мест, указанных Т. Сулимирским.

Исключение составляет Иран, где еще в V в. до н. э. и позднее продолжали использоваться трехлопастные наконечники стрел архаических скифских типов (без жалец). Это демонстрируют материалы ахеменидской деревни, где в трех слоях (с конца VII по IV вв. включительно) обнаружены однотипные трехлопастные наконечники ромбовидных и листовидных очертаний. В Персеполе они насчитывают 3787 из 3858 экз. Аналогичная картина, видимо, была и в Афганистане (рис. 2, *10*, *11*). Ниже дается возможное объяснение этому странному на первый взгляд несоответствию.

На персепольских рельефах, созданных между 520—450 гг. до н. э., значительное место занимают изображения персидской и мидийской гвардии и знати. Одежда и вооружение гвардии подчеркнуто различны. Ми-

[63] *Ильинская В. А.* Относительная хронология раннескифских курганов бассейна р. Тясмин.— СА, 1973, № 3, с. 22.

[64] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 19, 21.

[65] *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы хронологии..., с. 88, 89.

[66] *Sulimirsky T.* Op. cit., p. 308. В связи с этим отметим справедливость замечания Б. Б. Пиотровского об идентичности трех наконечников стрел из Мусиери и Шайтан-тага (Кавказ) трем наконечникам, происхождение которых Ж. Морган, видимо, ошибочно связывал с Талышом; два из них — двулопастные ромбической формы. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959, с. 247; *Morgan J.* Mission Scientifique au Caucase, v. I. Paris, 1889, p. 100, fig. 58—60; *idem.* La Prehistoire Orientale..., p. 291, fig. 284.

дийцы всегда в кафтанах и штанах, на голове круглый кулах, на левом бедре горит с небольшим «скифским» луком, на правом — акинак, в руках копье. Иногда мидийцы только с копьем и акинаком. Изображений колчанов нет. Персы в длинном платье с рукавами, на голове ребристая тиара, на левом плече большой лук передневосточного типа [67] и закрытый колчан. Кинжал в отличие от мидийских акинаков носился заткнутым за пояс (так по крайней мере он носился персидской знатью, изображенной иногда в фас, на профильных изображениях гвардейцев этого не видно). Иногда персы только с копьем и щитом, что обычно сочетается с изображениями мидийцев с копьем и акинаком. Аналогично вооружена персидская гвардия на рельефе из дворца Дария I в Сузах (около 490 гг. до н. э.) [68].

Одежда знати не отличается от одежды гвардейцев, разве что у мидийцев поверх кафтана изредка изображена накидка с рукавами. Знать вооружена только кинжалами и луками, причем у персидской знати лук, как и у мидийцев, «скифского», а не передневосточного типа. Всадники на рельефах Персеполя и Суз не изображены.

Признано, что мидийцы первыми по сравнению с персами заимствовали «скифский» лук. Мидийский царь Киаксар (625—585 гг. до н. э.) отдал скифам своих сыновей в обучение искусству стрельбы из лука [69]. Известно также, что Киаксар первым разделил азиатское войско на боевые отряды по родам оружия на копьеносцев, лучников и всадников [70]. «...Реформы, которые в конце VIII—VII вв. до н. э. были проведены в ассирийской, урартской и наиболее последовательно в мидийской армиях, были направлены на увеличение контингентов легковооруженной конницы, прежде всего лучников» [71]. Изображения мидийцев доахеменидского времени неизвестны. Гробница Кызкапан, прежде датировавшаяся VII—VI вв. до н. э. и рельефы которой считались самым ранним изображением мидийцев и «скифского» лука, теперь датируются IV—III или даже III—II вв. до н. э.[72] Поэтому в лучшем случае эти изображения могут подтвердить живучесть канонических образов, созданных ахеменидским искусством. Помимо ахеменидских рельефов, изображения мидийцев, и именно всадников, известны на ритоне из Эребуни и на печати Аршама (сатрап Египта в 428—408 гг. до н. э.) [73]. На печати изображение мидийца точно следует персепольскому образцу.

Персы первоначально не имели конницы (конных лучников). Вероятно, этим следует объяснять сообщение Геродота о страхе Кира II перед лидийской конницей в сражении его с лидийским царем Крезом в 546 г. до н. э.[74], а также описание Геродотом сражения Кира II с массагетами в 530 г. до н. э.: «Сначала... противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем, исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями» [75]. Это не означает, что персы не могли быть конными лучниками. Их с детства обучали верховой езде и стрельбе из лука [76]. Дарий I (521—486 гг. до н. э.) в над-

---

[67] *Хазанов А. М.* Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху.— В сб.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, с. 31, рис. 1, *4*.

[68] *Yadin Y.* The Art of Warfare in Biblical Lands. London, 1963, p. 464.

[69] *Herod.*, I, 73.

[70] *Herod.*, I, 103.

[71] *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 64.

[72] *Gall H. von.* Zu den «medischen» Felsgabern in Nordwest Iran und Iraqi Kurdistan.— Archäologischer Anzeiger, Bd 81, H. 1, 1966, S. 37; *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 112, 113.

[73] *Аракелян Б. Н.* Клад серебряных изделий из Эребуни.— СА, 1971, № 1, рис. 1—4; *Moorey P. R. S.* The Iconography of an Achaemenid Stampseals acquired in the Lebanon.— Iran, 1978, XVI, fig. 8.

[74] *Herod.*, I, 80.

[75] *Herod.*, I, 214.

[76] *Herod.*, I, 136.

писи на гробнице в Накш-и Рустаме сообщает о себе: «...Я хорошо стреляю из лука с лошади и спешившись» [77]. Но из какого лука он стрелял? На рельефе из этой гробницы, на монетах и печатях Дарий I изображен с луком сегментовидной формы [78]. Вероятно, уже при Дарии I «скифский» лук был известен персам (он изображен уже на рельефах Персеполя, но только у знати, а не у гвардии).

Таким образом, речь идет о том, что только мидийцы в армии имели на вооружении «скифский» лук и необходимые для него стрелы с легкими бронзовыми наконечниками скифских типов. Именно мидийцы наравне со среднеазиатскими кочевниками составляли ядро персидской конницы. Персы составляли ядро пехоты [79]. Вероятно, в походе могло происходить смешивание вооружения. При описании армии Ксеркса (начало V в. до н. э.) Геродот по существу не различает одежду и вооружение мидийских и персидских пеших лучников и всадников, хотя и отмечает, что вооружение тех и других собственно мидийское, а не персидское [80]. Но в данном случае важнее свидетельства самих персов, которые подчеркивали это «идеальное» различие на рельефах, печатях и т. п.

Следовательно, многочисленные трехлопастные наконечники стрел, найденные в Персеполе, по сути являются мидийскими. Заимствовав их у скифов в VII в. до н. э., мидийцы продолжали их использовать в V—IV вв. до н. э., не совершенствуя и не видоизменяя их. В евразийских степях, как уже говорилось, в это время бронзовые наконечники стрел существенно видоизменились.

Иначе обстояло дело на остальной территории Переднего Востока. Согласно Геродоту, скифы, совершив в конце VII в. до н. э. опустошительный набег на Сирию, дошли до границ Египта. Им навстречу вышел фараон Псамметих I, который при помощи даров уговорил скифов не идти дальше в Египет [81]. Следовательно, скифов в Египте не было. Тем не менее при раскопках египетских городов обнаружено большое количество наконечников стрел «скифских» типов, которые датируются VI—V вв. до н. э. Кому они могли принадлежать? Прежде всего тем, кто пользовался небольшим скифским луком. Насколько сейчас известно, в Египте он не получил распространения. Ф. Петри полагал, что наконечники стрел могли принадлежать ионийским и карийским наемникам, которые в большом количестве поступали на египетскую службу около VI в. до н. э.[82] Греки, действительно, заимствовали скифский лук в VI в. до н. э. и стали главным его распространителем на Западе [83]. Однако греческие стрелы, как отметил Б. Б. Пиотровский, отличаются от скифских в Передней Азии [84]. Т. Сулимирский допускал присутствие среди греческих наемников в Египте также и скифских воинов, находя подтверждение этому в многочисленных находках терракотовых фигурок всадников в остроконечных шапках, которые сопровождали находки «скифских» наконечников стрел [85]. Помимо Египта эти фигурки обнаружены и в других местах Переднего Востока, и часто с

---

[77] Перевод М. А. Дандамаева в кн.: *Уилбер Д.* Персеполь. М., 1977, с. 19.

[78] *Schmidt E.* Persepolis III. The Royal Tombs and other Monuments. Chicago, 1970, pl. 19. Канонический изображение царя с таким же луком повторено на всех гробницах последующих царей в Накш-и Рустаме; *Rausing G.* The Bow. Some Notes on its Origin and Development. Lund, 1967, fig. 51; *Dalton O. M.* The Threasure of the Oxus. London, 1964, pl. XXI, 177, fig. 7; *Хазанов А. М.* Сложные луки..., с. 31.

[79] *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 230.

[80] *Herod.*, VII, 62.

[81] *Herod.*, I, 105.

[82] *Sulimirsky T.* Op. cit., p. 305.

[83] *Raysing G.* The Bow..., p. 141, 142.

[84] *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство, с. 239.

[85] *Sulimirsky T.* Op. cit., p. 305.

рассматриваемыми наконечниками стрел. В литературе распространено мнение, что это изображение евразийских кочевников. Однако для этого нет достаточных оснований. Они не могли быть сделаны руками самих скифов или среднеазиатских саков, так как для кочевой среды искусство коропластики не свойственно. Допустить же возможность изготовления их жителями Переднего Востока можно было бы только при условии синхронности появления кочевников и их изображений. Но терракотовые фигурки всадников известны были здесь задолго до появления кочевников евразийских степей [86]. Следовательно, это заманчивое сопоставление, видимо, не может быть принято.

Наличие «скифских» наконечников стрел в Египте и других районах Переднего Востока в период, когда скифы сошли с исторической арены, все же требует своего объяснения. В короткий промежуток времени, между 550 и 512 гг. до н. э., на огромной территории Древнего Востока, от Малой и Средней Азии до Египта и долины Инда, было создано государство Ахеменидов. Во вновь завоеванных странах были размещены войска для предотвращения восстаний. Это были или военные гарнизоны (в Египте, завоеванном в 525 г. до н. э., самый крупный гарнизон был в Мемфисе), или военные поселения, в которых воины имели земельные наделы (в Египте лучше всего известна элефантинская военная колония) [87]. Были созданы такие колонии в Вавилонии [88]. Состав персидских гарнизонов был пестрым, но в них, как правило, не было представителей местного населения. В составе гарнизонов обычно присутствует среднеазиатский контингент войск: хорезмийцы, бактрийцы, саки. Последние снабжали Ахеменидов значительным числом привычных к постоянной военной жизни конных лучников [89]. М. А. Дандамаев доказал, что в вавилонских документах VI—V вв. до н. э. под киммерийцами (гимирри) подразумеваются среднеазиатские племена саков хаумаварга и тиграхауда [90]. Хотя Дарий и включил причерноморских скифов в список подвластных ему народов, но это было лишь формальное включение, и уже в надписях Ксеркса они не упоминаются. Вероятно, что какие-то скифы осели в Передней Азии, но к этому времени они должны были ассимилироваться [91]. По крайней мере в военном деле ахеменидской армии скифы не принимали никакого участия. Все это служит основанием полагать, что бронзовые наконечники стрел второй половины VI—V вв. до н. э., найденные на Переднем Востоке, принадлежали среднеазиатским воинам, служившим в ахеменидских гарнизонах. С IV в. до н. э. в персидской армии большой удельный вес приходится уже на долю греческих наемников. В Грецию эти стрелы попали вместе с персидской армией, а также могли быть заимствованы греками непосредственно в Причерноморье.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в течение II тысячелетия до н. э. на Переднем Востоке и в Евразии существовали две независимые традиции развития бронзовых наконечников стрел, поэтому недопустимо сопоставлять отдельные наконечники стрел обоих регионов с целью установления их происхождения, хронологии и т. п. Отсутствие интенсивного развития форм наконечников стрел на Переднем Востоке в течение II тысячелетия до н. э. затрудняет их периодизацию, поскольку их форма не является критерием для хронологических различий.

Начавшееся в начале I тысячелетия до н. э. на территории Переднего Востока взаимодействие обеих традиций не привело к подавлению

---

[86] *Goldman H.* ...The Iron Age.... tabl. 160, *69, 79, 80.*

[87] *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Ук. соч., с. 236.

[88] *Дандамаев М. А.* Данные вавилонских документов VI—V вв. до н. э. о саках.— ВДИ, 1977, № 1, с. 30—32; *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Ук. соч., с. 237—239.

[89] *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Ук. соч., с. 229, 236.

[90] *Дандамаев М. А.* Ук. соч., с. 32, 39.

[91] *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.— Л., 1956, с. 292.

одной традиции другой. Бронзовые наконечники стрел евразийских типов не вытеснили местные типы железных наконечников стрел. Напротив, наблюдается их повсеместная взаимовстречаемость [92]. Именно эта взаимовстречаемость, относительная редкость находок (даже если учитывать их неполную сохранность, поскольку они находятся обычно не в погребениях, как в Скифии, а на поселениях), а также их территориальное распределение позвляют предполагать следующее: бронзовые наконечники стрел не были заимствованы местным населением, а распространялись вместе с представителями евразийских степей [93]. Вначале это были киммерийцы и скифы, позднее — представители среднеазиатских народов, служившие в ахеменидской армии. Исключение составляет Иран, где мидийцы заимствовали у скифов вместе с луком бронзовые наконечники стрел. Но, видимо, само это заимствование привело к тому, что они в дальнейшем не подчинялись общим закономерностям развития наконечников стрел, происходившего в евразийских степях [94].

I. N. Medvedskaya

METAL ARROWHEADS OF THE IInd — FIRST HALF OF THE Ist MILLENIUM B. C. FROM THE NEAR EAST AND THE EURASIAN STEPPES

Summary

Metal arrowheads from the vast territory from Anatolia and the Eastern Mideterranean to Iran and Egypt dated to the IInd — first half of the Ist millenium B. C. are studied in the article. The comparison of this material with the Eurasian let the author establish the existence of two independent traditions of development of bronze arrowheads at the Near East and in Eurasia during the IInd millenium B. C. For the first only tanged arrowheads are characteristic and for the second the plugged ones. The development of the point is also different, which can be explained by different importance of this weapon and the need for its development and also by asynchronous transition from bronze to iron. The interaction of the two traditions, which began at the Near East in the early Ist millenium B. C. didn't lead to submission of one to the other. Bronze arrowheads of Eurasian types didn't dislodge the local types of iron arrowheads. They were spreading first with the representatives of the Eurasian steppes peoples — the Kimmerians and Scythes and later — with the representatives of the Middle Asian peoples, serving in the Persian army.

---

[92] Каркемиш, Телль эль Насбех, Нимруд, Тарс, Кайялидере, Топрак Кале и др.

[93] Находки литейных форм не обосновывают местное производство этих стрел, поскольку они могли перевозиться в обозе для пополнения истратившихся запасов стрел.

[94] Когда эта статья уже была сдана в печать, мне удалось ознакомиться с работой С. Клезиу, посвященной «скифским» наконечникам стрел на Ближнем и Среднем Востоке. С удовлетворением можно отметить, что его заключения существенно не расходятся с выводами соответствующей части предлагаемой статьи. *Cleuziou S.* Les pointes de flèches «scythiques» au Proche et Moyen Orient.— «Le plateau iranien et L'Asie centrale des origines a la conquète islamique». Colloques internationaux du centre national de la recherche scientifique, № 567. Paris, 22—24 mars 1976. Paris, 1977.

В. Г. КОТОВИЧ, О. М. ДАВУДОВ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

В последние годы все более остро ощущается необходимость уточнения, а в отдельных случаях и пересмотра существующей периодизации и хронологии северокавказских памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа, основные звенья которой были разработаны еще в 30—50-х годах. Побудительными причинами к подобной постановке вопроса служат несколько обстоятельств. Среди них отметим прежде всего значительные различия в определении хронологии культур эпохи поздней бронзы — раннего железа в разных областях Кавказа: в Закавказье они датируются от XV—XIV до VIII—VII вв. до н. э., а на Северном Кавказе в рамках XI (иногда XII) — первой половины VII в. до н. э.

Существование этих различий в свою очередь обусловлено все еще крайне недостаточной изученностью памятников эпохи поздней бронзы на Северном Кавказе, без чего невозможно создать достоверное представление о характере местных культур той эпохи, особенностях их эволюции, и, естественно, хронологии. Так, на Северо-Западном Кавказе докобанский этап позднебронзовой культуры известен в основном по материалам кладов (Агурский, Боргустанский, Бекешевский), хронологическое место которых А. А. Иессен определил вслед за Андрюковскими курганами, датированными им 1200—1100 гг. до н. э.[1]. Позднее датировка этих памятников была значительно удревнена[2], а в последние годы все более отчетливо выступает тенденция к удревнению верхнего хронологического рубежа северокавказской культуры в Прикубанье[3]. Очевидно, все эти изменения должны учитываться и при определении нижнего хронологического рубежа позднебронзовой культуры данного региона. Довольно неопределенная ситуация сложилась и вокруг вопроса о начальном — докобанском этапе эпохи поздней бронзы в центральной части Северного Кавказа. Как известно, этот этап был выделен Е. И. Крупновым по материалам могильника Беални-Куп и целого ряда внекомплексных находок[4]. Но В. И. Марковин отнес большинство этих материалов к третьему этапу северокавказской культуры эпохи средней бронзы[5], поставив тем самым под сомнение правомерность выделения данного этапа в рамках эпохи поздней бронзы.

[1] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, № 23, 1951, с. 119.

[2] *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, № 93, 1960, с. 51, 52; *Gimbutas M.* Borodino, Seima and their Contemporaries.— PPS, XXII, 1957, p. 147, 148.

[3] *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 104, 105.

[4] *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, № 23, 1951, с. 60—70.

[5] *Марковин В. И* Ук. соч., с. 80, 81.

Произошли изменения в периодизации и хронологии кобанской культуры. Как известно, Е. И. Крупнов сначала считал ее позднебронзовой культурой, расцвет которой приходился на XI—VIII вв. до н. э.[6] Затем он перенес ее целиком в раннежелезный век, выделив в своей трехчленной схеме два ранних периода: 1 — период перехода от бронзы к железу (XI—X вв. до н. э. с возможным углублением ранней даты до XII в. до н. э.), когда «только возникают ведущие формы Кобана», 2 — период начального освоения железа (IX — первая половина VII в. до н. э.), на который «падает блестящий расцвет кобанской культуры» [7]. Как видим, в этой схеме Е. И. Крупнова эпоха поздней бронзы вообще не представлена. Это упущение было устранено Б. В. Теховым, в периодизации которого, обоснованной огромным количеством новых, прекрасно документированных археологических материалов, выделены как эпоха поздней бронзы, подразделенная на два этапа (первый датирован сначала XIV — первой половиной XII в. до н. э., затем XIV — XIII вв. до н. э., второй — сначала второй половиной XII—X в. до н. э., затем XII—X вв. до н. э.), так и эпоха раннего железа, подразделенная на три этапа (первый — конец X—IX в. до н. э., второй — VIII — первая половина VII в. до н. э., третий — вторая половина VII—VI в. до н. э.). По Б. В. Техову, расцвет кобанской культуры приходится на второй — классический период эпохи поздней бронзы (XII—X вв. до н. э.) [8].

Наконец, требует уточнения и хронология периода начального освоения железа или предскифского периода на Северном Кавказе. Как известно, А. А. Иессен первоначально ограничивал этот период рамками VIII — первой половиной VII в. до н. э.[9], но затем Е. И. Крупнов опустил его нижнюю дату до IX в. до н. э.[10] Правомерность подобного расширения рамок данного периода была подтверждена и на материалах Тлийского могильника: Б. В. Техов датирует эпоху раннего железа с конца X—IX в. до н. э.[11] Тем не менее многие северокавказские археологи до сих пор пользуются укороченной хронологией А. А. Иессена [12]. Основываясь на этом, А. И. Тереножкин поставил новочеркасскую ступень развития предскифских культур после черногоровской и сделал вывод о приоритете степняков-киммерийцев в овладении железоделательным производством, которое, по его мнению, у них переняли другие племена, включая северокавказские [13].

Но, пожалуй, самая острая проблемная ситуация вокруг периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа сложилась на Северо-Восточном Кавказе, где долгое время в рамках названных

---

[6] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 108.

[7] *Kroupnov E.* A propos de la chronologie de l'Age du Fer au Caucase Nord.— VI Congress International des Sciences prehistoriques at protohistoriques. M., 1962, p. 6—12; *Крупнов Е. И.* Раннежелезный век Северного Кавказа.— УЗ ИИЯЛ, т. XIV, 1965, серия историч., с. 331—338; *его же.* Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры.— СА, 1969, № 1, с. 16.

[8] *Техов Б. В.* Тлийский могильник и проблема хронологии культур поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа.— СА, 1972, № 3, с. 35, 36; *его же.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 4.

[9] *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, XVIII, 1953, с. 104—110; *его же.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 126—130.

[10] *Крупнов Е. И.* Раннежелезный век..., с. 354; *его же.* Об уточненной датировке..., с. 16.

[11] *Техов Б. В.* Тлийский могильник..., с. 35, 36.

[12] *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник с. Николаевского.— СМАА, т. II, 1961, с. 103—126; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 131; *Чеченов И. М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры.— АЭС, вып. 1. Нальчик, 1974, с. 19, 28; *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.— АЭС, т. IV, Грозный, 1976, с. 52.

[13] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, с. 20, 22, 186—208.

эпох определялось историческое место каякентско-хорочоевской культуры, считавшейся одновременной кобанской культуре[14]. Придержавшийся этих взглядов Е. И. Крупнов, распространяя свою периодизацию на Северо-Восточный Кавказ, отнес к первому и даже второму периодам раннежелезного века целый ряд таких памятников (каякентско-хорочоевские могильники, Талгинский могильник и др.), где железо вообще не было представлено[15]. Без достаточных оснований он отказался принять нижнюю радиокарбонную дату Серженьюртовского поселения 1190±95 г. до н. э.[16], блестяще подтвердившую достоверность определенного им же самим возможного начала первого периода именно с XII в. до н. э.[17]

Все это определило необходимость дальнейших разработок периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа Северо-Восточного Кавказа. Один из первых шагов в этом направлении сделал В. И. Марковин, датировавший Зандакский могильник концом II тысячелетия до н. э.— VIII в. до н. э. и поставивший вопрос о начале использования железа древним населением Северо-Восточного Кавказа в те же исторические сроки, что и в Закавказье[18]. Однако в вышедшей вскоре монографии, содержавшей трехчленную периодизацию памятников Северо-Восточного Кавказа конца II — начала I тысячелетия до н. э., Зандакский могильник был отнесен им к третьему периоду (после IX в. до н. э.) — периоду «явного перехода к железу», тогда как памятники (в основном каякентско-хорочоевские) первого (XIII—XI вв. до н. э.) и второго (XI—IX вв. до н. э.) периодов были отнесены к эпохе поздней бронзы, поскольку в их материалах «еще нет железа, хотя в соседнем Закавказье с XII—XI вв. до н. э. начинают появляться первые изделия из нового металла»[19].

Большая работа в области хронологии памятников «восточного варианта» кобанской культуры проделана В. И. Козенковой, выделившей три разновременные группы погребений на Серженьюртовском могильнике. Первая из них датирована ею X—IX вв. до н. э., в том числе всадническое захоронение — концом IX — серединой VIII в. до н. э., а две других — переходная и вторая суммарно датированы серединой VIII — рубежом VIII—VII вв. до н. э.[20] В. И. Козенкова в отличие от Е. И. Крупнова признает достоверность нижней радиокарбонной даты Серженьюртовского поселения[21]. Но и эти хронологические разработки нельзя признать окончательными, поскольку нижняя дата Серженьюртовского поселения отнесена теперь к XII в. до н. э., а одновременного ему могильника — на два столетия позднее — к X в. до н. э.

Разработкой периодизации и хронологии соответствующих памятников занимались и дагестанские археологи, которым удалось доказать принадлежность каякентско-хорочоевской культуры к заключительному этапу эпохи средней бронзы[22], выявить памятники эпохи поздней бронзы[23],

[14] *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.— МИА, № 68, 1958, с. 93; *Крупнов Е. И.* Новый памятник древних культур Дагестана.— МИА, № 23, 1951, с. 225.

[15] *Крупнов Е. И.* Раннежелезный век..., с. 339, 340.

[16] *Крупнов Е. И.* Об уточненной датировке..., с. 17.

[17] Там же, с. 16.

[18] *Марковин В. И.* Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни.— КСИА АН СССР, № 98, 1964, с. 87.

[19] *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 82, см. также таблицу на с. 85.

[20] *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии.— В сб.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 81, 82.

[21] *Козенкова В. И.* Кобанская культура, восточный вариант.— САИ, В2—5. М., 1977, с. 8; *ее же.* Вопросы хронологии..., с. 71.

[22] *Котович В. Г.* К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры.— В сб.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 46—76.

[23] *Пикуль М. И.* Раскопки на Сулаке.— МАД, т. I, 1959, с. 157—164; *Котович В. М.*

охарактеризовать местные культуры начала широкого распространения железа[24], уточнить хронологический рубеж между эпохами поздней бронзы и раннего железа[25].

Все эти и многие другие, не упомянутые здесь исследования создали необходимую основу для решения главной задачи — выработки периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа Северо-Восточного Кавказа, опирающейся на новейшие археологические материалы и увязанной с соответствующими схемами, принятыми ныне для других областей Кавказа.

Предлагаемая статья является первым опытом подобного исследования, ставящим своей целью сопоставление материалов из обнаруженных в Дагестане и Чечено-Ингушетии могильников широкого хронологического диапазона (Мугерган, Зандак, Серженьюрт) с подобными же материалами из хорошо изученных и надежно датированных памятников Кавказа, в первую очередь Закавказья. При этом во главу угла нами ставятся изменения предметов вооружения, включая принадлежности конской сбруи, поскольку именно эти категории материальной культуры наиболее чутко и быстро реагировали на эпохальные и региональные изменения в производстве и военном деле, что представляет несомненную важность для хронологических построений.

По имеющимся материалам представляется возможным выделить в пределах рассматриваемых эпох три последовательных периода: а) первый период эпохи поздней бронзы (ПБ-I) в хронологических рамках XIV—XIII вв. до н. э.; б) второй период эпохи поздней бронзы (ПБ-II) — XI—X вв. до н. э.; в) период начального освоения железа (РЖ-I) — IX — первая половина VII в. до н. э.

ПБ-I характеризуется материалами Талгинского, Кабартыкутанского и Мискинбулакского могильников в Дагестане, еще тесно связанных почти всеми чертами погребального обряда и керамикой с памятниками предшествующей каякентско-хорочоевской культуры. Ощутимые изменения претерпел, однако, металлический инвентарь (рис. 1, *1—12*). Из него почти полностью изчезли широколопастные височные подвески и сурьмяные украшения, характерные для каякентско-хорочоевской культуры. Взамен них появляются массивные прутковые подвески и браслеты[26].

Более многочисленны, чем в каякентско-хорочоевских памятниках, предметы вооружения. Отметим среди них кинжальные клинки (рис. 1, *1*, *8*, *11*), типичные для конца среднебронзовой эпохи[27]. Крупные бляхи — принадлежности панциря и конской узды — представлены как архаическими формами, восходящими к образцам среднебронзовой эпохи (рис. 1, *9*)[28], так и более развитыми формами с петлей на обратной стороне (рис. 1, *10*)[29].

Мискинбулакский могильник.— В сб.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане, с. 77—98.

[24] *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 31—110.

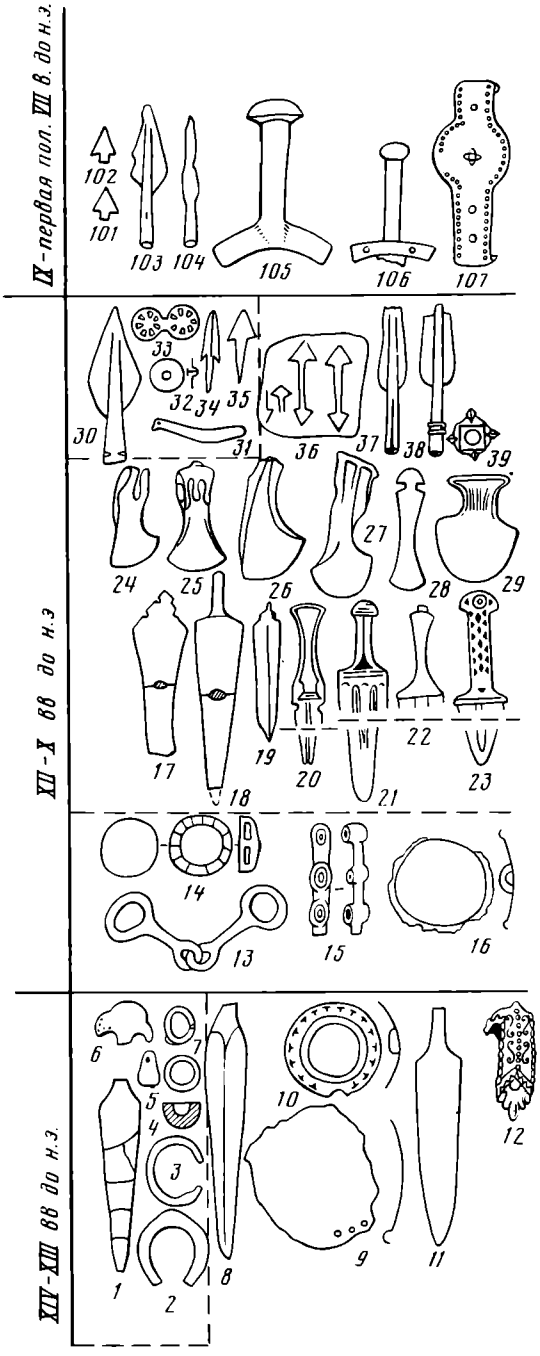
[25] *Котович В. Г.* О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе.— Изв. СКНЦВШ. Сер. Общественные науки, 1978, № 3, с. 17—23.

[26] *Исаков М. И.* Талгинский могильник.— КСИИМК, № 67, 1957, рис. 53, *2, 3*; *Пикуль М. И.* Ук. соч., рис. 2, *1, 3, 4*; *Котович В. М.* Мискинбулакский могильник, рис. 3, *53, 56*; рис. 6, *7*.

[27] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг..., с. 115, рис. 51, *2, 3*; *Джапаридзе О. М.* Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии.— КСИИМК, № 60, 1955, с. 24, рис. 2, *10—12*; *Чубинишвили Т.* Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, табл. XVI; *Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 84, рис. 22; *его же.* Центральный Кавказ..., с. 20—24, рис. 30; *Гогадзе Э. М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972, табл. 33, *1, 3, 6, 15, 17*; *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье..., рис. 39, *110—112*.

[28] Ср.: *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня..., с. 69, рис. 30, *3, 4*; *Гогадзе Э. М.* Ук. соч., табл. 12, *5*.

[29] *Котович В. М.* Мискинбулакский могильник..., с. 92, 93, рис. 3, *50*.



Отмеченные особенности погребального обряда и инвентаря названных памятников позволяют поставить их следом за каякентско-хорочоевскими памятниками и датировать по ним ПБ-I XIV—XIII вв. до н. э.

К ПБ-II нами отнесены памятники с богатыми наборами бронзовых изделий, включающими разные типы оружия (втульчатые наконечники копий, наконечники стрел, кинжалы, топоры, принадлежности конской сбруи и др.) и украшений (браслеты, головные булавки, гривны, бусы, подвески и др.). Многие из них без заметных морфологических изменений бытовали и в последующем РЖ-I. Это существенно осложняет возможности разграничения периодов ПБ-II и РЖ-I. Решающим критерием в этом отношении должно служить, по нашему мнению, железо; в ПБ-II

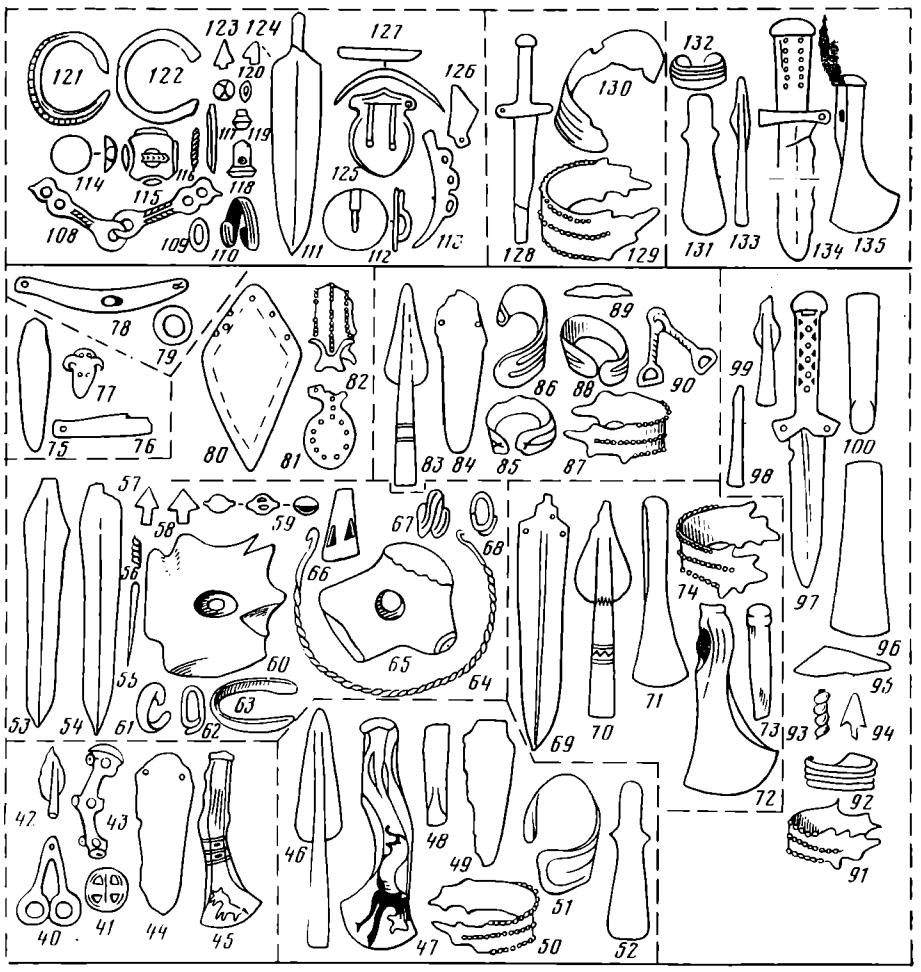


Рис. 1. *1—9* — Талги (*1—7* — погр. 1; *8, 9* — погр. 6); *10* — Мискин-булак (погр. 4); *11* — Кули; *12, 26* — Хасавюрт; *13—16, 30—35, 103—105, 107* — Мугерган (*13—16* — конск. погр. 1974 г., *30—35* — погр. 6 1975 г.— раскопки О. М. Давудова; *103—105, 107* — раскопки М. И. Пикуль); *17—19* — бывш. Казикумухский округ; *20* — Маджалис; *21* — Хуштада; *22, 25* — «из Дагестана»; *23* — Карчаг; *24* — Ругуджа; *27, 39* — Хунзах; *28* — Чох; *29* — Дербент; *36* — Гургур раал (Согратль); *37—38* — Турчи; *40—52, 69—74, 83—100;* *128—135* — Серженьюрт (*40—45* — погр. 38; *46—52* — погр. 39; *69—74* — погр. 42; *83—90* — погр. 39; *91—100* — погр. 70; *128—130* — погр. 44; *131—135* — погр. 26); *53—68, 75—82, 108—127* — Зандак (*53—68* — погр. 2; *78, 79* — погр. 1 — раскопки М. И. Пикуль; *75—77* — погр. 15; *80—82* — погр. 9; *108—127* — погр. 38 — раскопки В. И. Марковина); *101, 102* — Шах-Сенгер (погр. 2); *106* — Хосрех (раскопки О. М. Давудова, 1977 г.); *11, 12, 17—29, 36—39* — случайные находки.
1—32, 35, 37—59, 61—64, 66—75, 77, 80, 82—101, 103, 107—127, 130—132, 135 — бронза, *34, 60, 65, 76, 78, 79, 81* — кость, *36* — камень, *102, 104, 133* — железо, *105, 106, 128, 134* — бронза и железо

оно встречается еще крайне редко, тогда как в РЖ-I железо (и сталь) наряду с бронзой уже сравнительно часто применяется для изготовления оружия, а порою и украшений.

С нашей точки зрения, всем этим условиям отвечают материалы древнейших погребений Мугерганского (рис. 1, *30—35* — погр. 6, 1975 г.; рис. 1, *14—16* — конское погр., 1974 г.) [30], Зандакского (рис. 1, *78, 79* — погр. 1; рис. 1, *53—68* — погр. 2 [31]; рис. 1, *75—77* — погр. 15; рис. 1,

[30] Раскопки О. М. Давудова.

[31] *Пикуль М. И.* Дагбашский могильник.— УЗ ИИЯЛ, т. IX, 1961, с. 298—306, табл. III, *1—6*; табл. IV, *1—3, 5—8, 11—14, 16, 17.*

80—82 — погр. 9 [32]) и Серженьюртовского (рис. 1, *40—45* — погр. 38; рис. 1, *46—52* — погр. 39; рис. 1, *69—74* — погр. 42; рис. 1, *83—90* — погр. 39 [33]; рис. 1, *91—100* — погр. 70 [34]), а также некоторые внекомплексные находки бронзового оружия с территории Дагестана (рис. 1, *17—29*, *37—39*) [35]. Правомерность отнесения этих памятников к ПБ-II подтверждают и характерные особенности представленных в них изделий.

На смену каменным преимущественно кремневым наконечникам стрел предшествующих эпох приходят костяные (рис. 1, *34*) [36] и бронзовые. Последние представлены наконечниками типа площиков (рис. 1, *57*, *58*, *94*) и длинночерешковыми (рис. 1, *35*) [37]; оба типа с XIII—XII вв. до н. э. широко распространяются в Закавказье [38], однако их местное производство в Дагестане подтверждается находкой каменной литейной формочки (рис. 1, *36*) на поселении Гургур Раал (Гунибский район) [39]. Помимо того, в погр. 35 и 38 Серженьюртовского могильника найдено два двулопастных втульчатых наконечника (рис. 1, *42*). В. И. Козенкова находит им аналогии среди центральноевропейских и сибирских материалов второй половины и конца II тысячелетия до н. э.[40], в дополнение к которым мы можем теперь указать на аналогичные находки из святилища Шилда в Кахетии, датируемого XIV—XII вв. до н. э.[41]

Нередки в памятниках ПБ-II и втульчатые наконечники копий (рис. 1, *34*, *37*, *38*, *46*, *70*, *83*, *99*). Для наших целей особенно важны наконечники с гладкой закрытой втулкой (рис. 1, *34*, *46*, *99*) и с двумя рельефными валиками на втулке (рис. 1, *38*, *83*) [42], совершенно аналогичные закавказским, вошедшим в широкое употребление с XIII—XII вв. до н. э.[43], а также импортные из Карпато-Дунайского бассейна, где они получили широкое распространение в XIII—X вв. до н. э.[44]

Многочисленны и разнообразны кинжалы и кинжальные клинки (рис. 1, *17—23*, *44*, *49*, *53*, *54*, *69*, *75*, *80*, *84*, *97*). Среди безрукояточных для нас важны как плоские клинки с отверстиями для заклепок на плечиках (рис. 1, *44*, *49*, *80*, *84*), широко распространившиеся в Закав-

---

[32] *Марковин В. И.* Новые материалы..., с. 84—87, рис. 24, *3—6*; рис. 25, *2, 6*.

[33] *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии..., с. 72, 73, табл. II—IV.

[34] *Козенкова В. И.* К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа.— В сб.: Фракo-скифские культурные связи. I. София, 1975, с. 98, рис. 3.

[35] *Круглов А. П.* Ук. соч., с. 73—79, рис. 18; *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, табл. 3, *5, 7*; табл. 4, *7*; *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня..., с. 99—104, рис. 41; 42, *2—3*; *Котович В. Г., Котович В. М.* Находки древних бронзовых топоров в Дагестане.— В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 81—83, рис. 3, *1—3*; *Магомедов А. Р.* Топоры колхидско-кобанского типа в Дагестане.— КСИА АН СССР, № 151, 1977, с. 81, рис. 1, *2*; *Мирзоев Р. Н.* Древний дагестанский кинжал из коллекции ГИМ.— В сб.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, рис. 1.

[36] *Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Исследование Серженьюртовского поселения.— КСИА АН СССР, № 98, 1964, рис. 21, *3—5*; *Марковин В. И.* Новые материалы..., рис. 24, *14—16*.

[37] *Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Ук. соч., рис. 21, *1, 2*.

[38] *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, рис. 85; *Есаян С. А.* Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, табл. VIII, *14—20*; табл. IX, *6—10*.

[39] Раскопки В. Г. Котовича в 1967 г.

[40] *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии..., с. 79.

[41] Раскопки Кахетской археологической экспедиции в 1978 г.

[42] *Марковин В. И.* Новые материалы..., рис. 24, *1*.

[43] *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети, с. 67, рис. 74, 75; *Чубинишвили Т. Н.* Ук. соч., с. 123, рис. 13; *Есаян С. А.* Ук. соч., с. 16; *Пицхелаури К. Н.* Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э. Тбилиси, 1973, табл. LXIX, *84, 187, 255*; *Abramichvili R.* La necropole de Samtavro et la chronologie des civilisations archéologiques du bronze récent et du délut du fer au Caucase.— VIII Congrés international des sciences prehistoriques et protohistoriques. M., 1971, tabl. I, *130, 177, 241*.

[44] *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 56—58.

казье в середине и второй половине II тысячелетия до н. э.[45], так и более совершенные по форме клинки со срединным ребром, переходящим в узкий черенок, и парными выступами с отверстиями на плечиках (рис. 1, *17*, *19*, *69*), особенно характерные для памятников XII—X вв. до н. э. Центрального Кавказа[46].

Происходящие из древней группы погребений Серженьюртовского могильника гравированные, нередко двоякоизогнутые топоры (рис. 1, *45*, *47*) относятся к ранним кобанским образцам, датируемым рубежом II—I тысячелетий до н. э. или XII—X вв. до н. э.[47] К тому же времени обычно относятся и топоры-тесла с ровными краями или с боковыми выступами на них[48], также встреченные в древних погребениях Серженьюртовского могильника (рис. 1, *52*, *71*, *96*). А втульчатые долота, аналогичные серженьюртовским (рис. 1, *48*, *73*, *100*), встречаются в Закавказье не только в XI—X вв. до н. э.[49], но и одним-двумя столетиями раньше[50].

Витые гривны (типа рис. 1, *64*) также появляются в Закавказье в эпоху поздней бронзы[51]. Найденные в Серженьюртовском могильнике пластинчатые браслеты с продольным рифлением (рис. 1, *51*, *85*, *86*, *88*, *92*) В. И. Козенкова справедливо относит к числу украшений, заимствованных из Карпато-Дунайского мира, где они бытовали с конца XIII в. до н. э.[52] Подобную оценку она высказывает и в отношении браслетов с «рогатыми» концами (рис. 1, *50*, *74*, *82*, *87*, *91*)[53], с чем, однако, трудно согласиться, поскольку они могут быть возведены к местным прототипам, подобным, например, браслету из Хасавюрта (Дагестан) с реалистически исполненной головкой животного на конце (рис. 1, *12*)[54].

Очерченный таким образом круг аналогий рассмотренным категориям инвентаря из памятников Северо-Восточного Кавказа может быть ограничен в целом рамками XII—X вв. до н. э. На первый взгляд в эти рамки совершенно не укладываются встреченные там же принадлежности конской узды, обычно датируемые на Северном Кавказе не ранее VIII, а в последнее время — с конца IX в. до н. э.[55] Это вынуждает нас подробнее остановиться на данном вопросе.

---

[45] *Чубинишвили Т.* Ук. соч., с. 120, табл. IV, XVI; *Abramichvili R.* Op. cit., tabl. I; *Пицхелаури К. Н.* Ук. соч., табл. LXIX, *131*; *Ломтатидзе Г. А.* Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси, 1974, с. 164, 165.

[46] *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 94, 95, рис. 85.

[47] *Джапаридзе О. М.* Бронзовые топоры Западной Грузии.— СА, XVIII, 1953, с. 279—291; *Croupnov E.* A propos de la chronologie..., fig. 3 (6-я колонка), *5*, *9*; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 81, 87, рис. 66—77.

[48] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг..., с. 107, рис. 20, *2*, *3*; рис. 21, *7*; *Джапаридзе О. М.* Бронзовые топоры..., с. 293; *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.* Древний Мингечаур. Баку, 1959, с. 74, рис. 62, *1—12*; *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, табл. XII, *6*; табл. XVI, *8*; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 115—117, рис. 91, *1*.

[49] *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии..., с. 81.

[50] *Чубинишвили Т.* Ук. соч., с. 123, рис. 13; *Мартиросян А. А.* Ук. соч., табл. IX, *4*; табл. XII, *1*.

[51] *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.* Ук. соч., рис. 53, табл. XVIII, *17*, *18*; *Пицхелаури К. Н.* Ук. соч., табл. LXIX, *198*; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., рис. 107, *17*, *18*; *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака III—I тыс. до н. э. Ереван, 1975, рис. 128, *а*.

[52] *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа..., с. 55.

[53] Там же, с. 55, 56.

[54] *Марковин В. И.* Культура племен..., с. 67, рис. 15, *29*; *Давудов О. М.* Ук. соч., табл. VII, *15*.

[55] *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках..., с. 109; *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 127; *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья.— В сб.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 173—174; *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии..., с. 74—78.

История коневодства на Кавказе изучена еще недостаточно. Считается, что оно возникло здесь уже в III тысячелетии до н. э.[56] На Северном Кавказе существование коневодства документируется находками бронзовых псалиев в памятниках майкопской культуры[57], изображениями всадников[58] и легких колесниц[59] в памятниках эпохи средней бронзы, а для последующих эпох — широким распространением изображений коней и всадников в наскальных росписях[60], в декоративно-прикладном искусстве[61], наконец, появлением всадниче ских захоронений[62].

Но все эти факты, свидетельствуя о длительном и непрерывном развитии коневодства на Северном Кавказе с конца III тысячелетия до н. э., не дают никаких материалов для суждения о применявшихся здесь типах конской упряжи, особенно о металлических принадлежностях узды — удил и псалиев. Между тем освещение вопроса о времени появления здесь металлических принадлежностей конской узды имеет важное значение не только для истории коневодства, но и, как отмечалось, для хронологии северокавказских памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа.

Казалось бы, в поисках решения данного вопроса следует в первую очередь привлекать закавказские материалы, поскольку коневодство в Закавказье имеет столь же давние традиции, к тому же именно оттуда происходят древнейшие (исключая упоминавшиеся выше майкопские псалии) образцы металлических принадлженостей конской узды[63]. Но, как это ни покажется парадоксальным, данное обстоятельство до сих пор практически совершенно не учитывалось северокавказскими исследователями. При рассмотрении вопроса о происхождении и хронологии металлических принадлежностей конской узды решающее значение обычно придается хронологическим эталонам из памятников южнорусских степей и более отдаленных областей Средней Европы, а возможные параллели тем же предметам в соседнем Закавказье попросту игнорируются. Думается, что только этим можно объяснить молчаливо признаваемое ныне существование значительного (в 5—6 столетий) хронологического разрыва между появлением металлических принадлежностей конской узды в Закавказье (с XIV в. до н. э.) и на Северном Кавказе (с VIII либо с конца IX в. до н. э.). Между тем привлечение закавказских материалов позволяет обрисовать совершенно иную картину.

---

[56] *Мунчаев Р. М.* Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе.— В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 71—73; *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света.— В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 34, 35.

[57] *Мунчаев Р. М.* Бронзовые псалии..., с. 73—76; *его же.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 390, рис. 42.

[58] *Марковин В. И.* Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР.— СА, XX, 1954, с. 324—342, рис. 6, *8, 16*.

[59] *Круглов А. П.* Ук. соч., с. 84, 142, рис. 68; *Котович В. Г.* К определению исторического места..., с. 71, рис. 4.

[60] *Котович В. М.* Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана.— В сб.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 45—48; *ее же.* Образ всадника в древних писаницах горного Дагестана.— В кн.: Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976, с. 28—30.

[61] *Козенкова В. И.* Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт.— КСИА АН СССР, № 112, 1967, с. 86, рис. 28, *7—9*; ее же. Об одном типе кобанских булавок.— КСИА АН СССР, № 132, 1972, с. 12—15; *Кузьмина Е. Е.* Навершие со всадниками из Дагестана.— СА, 1973, № 2, с. 178—182, рис. 1; *Давудов О. М.* Ук. соч., табл. XIV, *7, 9*; *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. М., 1977, с. 61—66.

[62] *Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований.— КСИА АН СССР, № 100, 1965, с. 46, рис. 18; *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии..., с. 72—74, табл. I.

[63] *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети, с. 58—63; *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959, с. 151—157; *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 125, 126; *Мартиросян А. А.* Ук. соч., с. 100, 145.

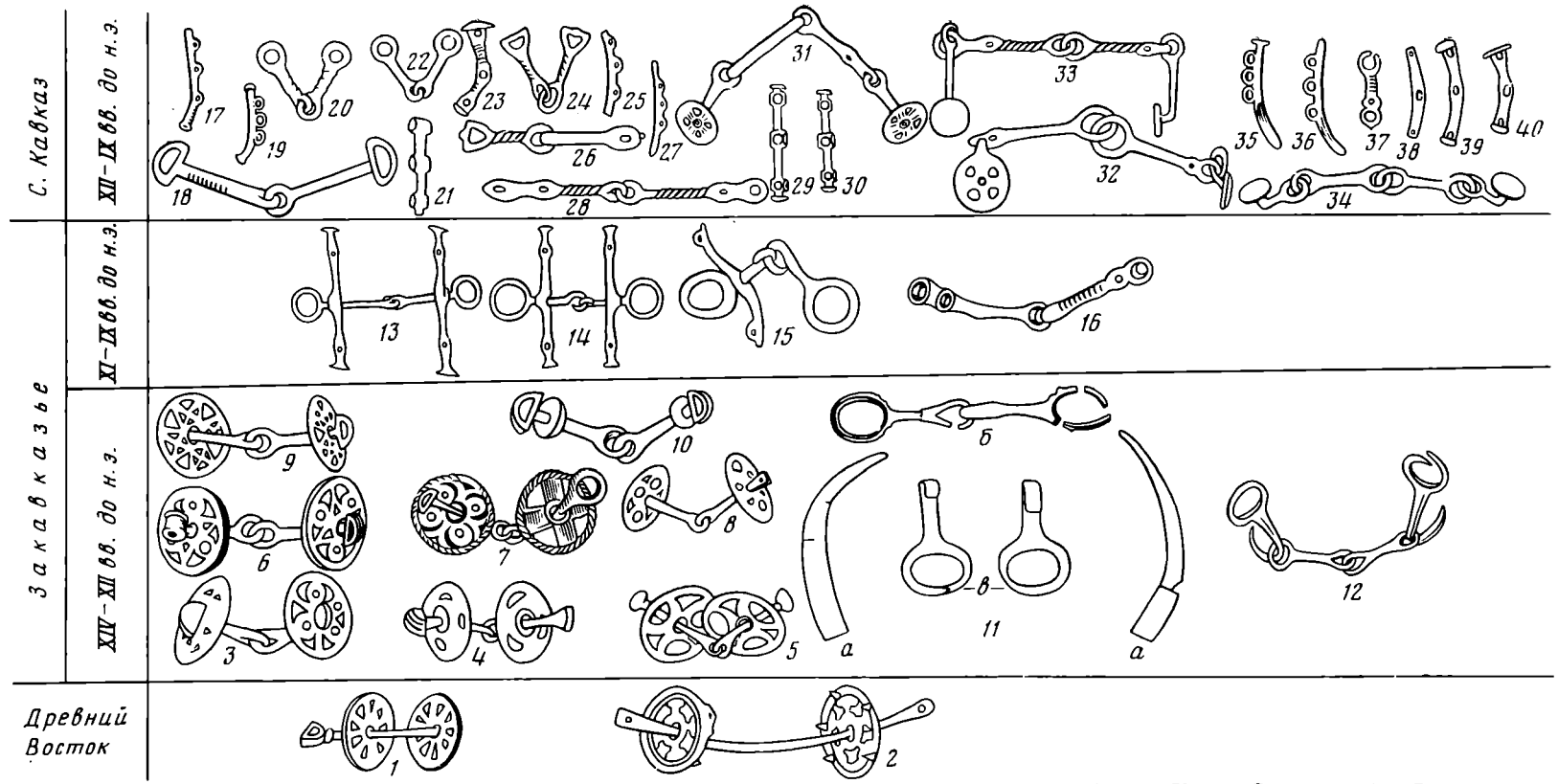


Рис. 2. *1* — Тель-Амарна; *2* — Газа (по А. Портатцу); *3—5* — Лчашен (по А. О. Мартиросяну); *6* — Квемо-Сасирети (по Б. Б. Пиотровскому); *7*, *10* — Артик (по С. Т. Хачатряну); *8* — Севан; *9* — Алаверды (по А. А. Мартиросяну); *11* — Бешташени (по Б. А. Куфтину); *12* — Орхеви (по К. Н. Пицхелаури); *13* — Кировакан (по А. А. Мартиросяну); *14* — Мингечаур (по Г. М. Асланову, Р. М. Вайдову, Г. И. Ионе); *15* — Рене (по Ш. Премашвили); *16* — Сурмуши (по А. А. Иессену); *17*, *18* — Ростов (по А. А. Иессену); *19*, *20*, *29*, *31*, *34*, *39* — Кобан (по А. А. Иессену); *21*, *22* — Мугерган (по О. М. Давудову); *23*, *24* — Серженьюрт (по В. И. Козенковой); *25*, *26* — Эчкиваш (по В. Б. Виноградову); *27*, *28*, *30*, *32*, *33* — Кисловодск (по А. А. Иессену, В. Б. Виноградову, А. П. Руничу, Н. И. Михайлову); *35—37* — Майкоп (по А. А. Иессену); *38* — Зандак (по М. И. Пикуль); *40* — Ильинская (по А. И. Терепожкину).
1—10, *11б — г*, *12—37*, *39*, *40* — бронза, *11а*, *38* — рог

Представляется возможным выделить по имеющимся материалам два последовательных периода в развитии металлических принадлежностей конской узды в Закавказье. На раннем (XIV—XII вв. до н. э.) получают распространение удила с напускными колесовидными псалиями, восходящие к передневосточным образцам. Считается установленным, что удила с подобными псалиями применялись в колесничных запряжках [64]. И закавказские материалы дают тому новое подтверждение: появление удил с колесовидными псалиями совпадает здесь с начавшимся во второй половине II тысячелетия до н. э. распространением колесниц [65].

Однако в отличие от передневосточных удил в виде прямого или слегка изогнутого стержня (рис. 2, *1*, *2*) закавказские удила были двучастными. Они изготовлялись отливкой, вследствие чего их внутренние соединительные петли были цельными, без зазоров. Наружные концы удил первоначально, как, например, в Лчашене, оформлялись в виде фигурных утолщений (рис. 2, *3—5*) [66], затем их стали оформлять в виде петель. Особенно часто им придавалась Д-образная форма, засвидетельствованная находками из погр. 433 Артикского могильника (рис. 2, *10*) [67], Алевердского района (рис. 2, *9*) в Армении [68] из Квемо-Сасирети (рис. 2, *6*) в Грузии [69]. Наряду с ними употреблялись удила с отверстиями на расплющенных концах — прообраз однокольчатых удил, найденный в Севанском районе Армении (рис. 2, *8*) [70], а также «комбинированные»— с Д-образным и однокольчатым оформлением наружных концов, как на образце из погр. 79 Артикского могильника (рис. 2, *7*) [71].

В те же исторические сроки в Закавказье возникает и всадничество, о чем свидетельствуют сообщения письменных источников [72], подтверждаемые археологическими материалами. Последние представлены принадлежностями конской узды из погр. 13 Бешташенского могильника (рис. 2, *11*) и погребения в Орхеви (рис. 2, *12*), датируемыми ныне рубежом XIV—XIII вв. до н. э.[73] Внутренние петли найденных здесь удил замкнутые, цельнолитые, их наружные концы однокольчатые. Сопровождавшие эти удила однокольчатые крючья, по-видимому, предназначались для прикрепления поводьев (о чем можно судить по находке в Орхеви), а у бешташенских удил были еще и роговые псалии.

Не исключено, что все эти принадлежности конской узды могли пережиточно бытовать в Закавказье и после XII в. до н. э. Однако не позднее XI в. до н. э. преобладающее положение в Центральном и Восточном Закавказье занимает новый тип удил [74] с однокольчатыми концами,

---

[64] *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977, с. 54.

[65] *Мнацаканян А. О.* Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г.— СА, 1957, № 2, с. 146—153; *Пиотровский Б. Б.* Урартская колесница.— В сб.: Древний мир. М., 1962, с. 341—343; *Есаян С. А.* Ук. соч., с. 137—143; *Пицхелаури К. Н.* Работы Кахетской экспедиции.— АО-1976. М., 1977, с. 478 (рис.), 479.

[66] *Мартиросян А. А.* Ук. соч., с. 100, табл. VIII, *6—8*.

[67] *Хачатрян Т. С.* Ук. соч., с. 203, рис. 117.

[68] *Мартиросян А. А.* Ук. соч., с. 225, рис. 88, *2*.

[69] *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство, рис. 22, *а*.

[70] *Мартиросян А. А.* Ук. соч., с. 225, рис. 88, *1*.

[71] *Хачатрян Т. С.* Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, с. 134, табл. 30, *3*.

[72] *Ковалевская В. Б.* Ук. соч., с. 65, 66.

[73] Как известно, погр. 13 Бешташенского могильника сначала датировалось XII—XI вв. до н. э. (см. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети, с. 70, табл. XLVI; *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы..., с. 105, 110), затем эта дата была занижена до рубежа XIV—XIII вв. до н. э. Р. М. Абрамишвили (см. *Абрамишвили Р. М.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии.— ВГМГ, XXII — В, 1961, с. 318), с чем согласился К. Н. Пицхелаури (*Пицхелаури К. Н.* Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии.— Тр. КАЭ, I, 1969, с. 181).

[74] *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 79, 167 (таблица).

напускными псалиями в виде прямых стержней с тремя отверстиями: но внутренние петли этих тоже двухчастных удил уже не замкнуты, а только сомкнуты, в местах соединения со стержнем грызла обычно сохраняется зазор, свидетельствующий о том, что они соединялись друг с другом посредством ковки, а не литья. Подобные удила встречены в Арчадзоре[75], Кировакане (2, *13*)[76], Цинцкаро[77], Мингечауре (рис. 2, *14*)[78] и других памятниках. В некоторых случаях, как, например, в Зено-Рене, однокольчатые удила с сомкнутыми внутренними петлями сочетались со слегка изогнутыми стержневидными псалиями с отверстием посредине и двумя петлями у концов (рис. 2, *15*)[79]. Не позднее этого времени в Западной Грузии появляются удила с двукольчатыми концами, о чем можно судить по находке из Сурмуши (рис. 2, *16*), где такие удила встречены в комплексе с двоякоизогнутым гравированным кобанским топором и топором-теслом с боковыми выступами[80], которые могут быть датированы по аналогиям с материалами Тлийского могильника XII—X вв. до н. э.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что на протяжении второй половины II тысячелетия до н. э. в Закавказье уже довольно широко применялась конская узда с металлическими удилами и псалиями разных типов. Основываясь на этих фактах, можно с уверенностью полагать, что металлические принадлежности конской узды были заимствованы северокавказскими племенами наряду с другими видами оружия (наконечниками стрел и копий, кинжалами, топорами и т. п.) именно из Закавказья. Подтверждением сказанному служит то обстоятельство, что три из четырех выделенных А. А. Иессеном типов удил находят прототипы в закавказских материалах. Это прежде всего удила с Д-образными концами (рис. 2, *18* — четвертый тип А. А. Иессена), встреченные в Закавказье в сочетании с колесовидными псалиями (рис. 2, *6*, *9*, *10*), затем — удила с однокольчатыми концами (рис. 2, *20*, *22*, *34* — второй тип А. А. Иессена), употреблявшиеся в Закавказье с колесовидными (рис. 2, *8*) и роговыми (рис. 2. *11*) псалиями, а также с однокольчатыми крюками (рис. 2, *11*, *12*), наконец, удила с двукольчатыми концами (рис. 2, *28*, *31—33*, *37* — первый тип А. А. Иессена), представленные пока единичными находками из Сурмуши (рис. 2, *16*) и Ксанского ущелья в Душетском районе[81]. Даже обнаруженный недавно на Северном Кавказе новый тип «комбинированных» удил с различным оформлением наружных концов (рис. 2, *26*)[82] находит параллели в Закавказье (рис. 2, *7*). Не имеют пока закавказских аналогий удила со стремечковидными концами (рис. 2, *24* — третий тип А. А. Иессена), признаваемые ныне древнейшим типом северокавказских удил[83]. Однако и их южное происхождение нельзя считать полностью исключенным: древнейший образец удил со стремечковидными концами происходит из Тель-Амарны (рис. 2, *1*)[84], один экземпляр стремечковидных удил найден в Абхазии[85], есть сведе-

---

[75] *Кушнарева К. Х.* Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в нагорном Карабахе.— СА, XXVII, 1957, с. 165, 166, рис. 2.

[76] *Мартиросян А. А.* Ук. соч., с. 145, 146, табл. XIII, *8*, *9*.

[77] *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети, рис. 56.

[78] *Асланов Г. М., Вайдов Р. М., Ионе Г. И.* Ук. соч., табл. XXXIX, *5—8*.

[79] *Иремашвили Ш.* Могильник позднебронзовой эпохи из Рене.— В сб.: Полевые археологические исследования в 1974 г. Тбилиси, 1976, табл. XXVII, *6*.

[80] *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках..., рис. 8.

[81] Там же, с. 64.

[82] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., рис. 20, 7.

[83] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 153; *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии..., с. 77, 78, табл. XI.

[84] *Potratz A.* Die Pferdgebisse des zwischenstromländischen Raumes.— AO, 1941, B. XIV. Ht 1—2, S. 10, 11.

[85] *Иессен А. А.* Некоторые памятники..., с. 128.

ния о находке подобных удил в Хасанлу (Иран) [86], но они нуждаются в подтверждении [87].

При рассмотрении вопроса о возможности заимствования северокавказскими племенами металлических принадлежностей конской узды из Закавказья не следует упускать из виду еще одно немаловажное обстоятельство: все северокавказские удила рассмотренных типов литые, а их внутренние петли, соединяющие двухчастные грызла, замкнуты в литье, подобно тому как это практиковалось при изготовлении древнейших закавказских удил. Из этого следует, что проникновение подобных удил на Северный Кавказ началось еще до того, как в Закавказье получили распространение удила с сомкнутыми (незамкнутыми) внутренними петлями и напускными стержневидными псалиями. Можно поэтому полагать, что применение металлических удил на Северном Кавказе началось не позднее XII — начала XI в. до н. э.

Рисуемая таким образом картина подтверждается и наблюдениями над псалиями: два из пяти выделенных А. А. Иессеном северокавказских типов восходят к закавказским образцам. Подробное заключение уже высказывалось в отношении трехтрубчатых стержневидных псалиев с небольшими шляпками (рис. 2, *29*, *30* — третий тип А. А. Иессена), находящих себе прямые аналогии среди соответствующих закавказских изделий, вошедших в употребление в конце II тысячелетия до н. э. (рис. 2, *13*, *14*) [88]. Наиболее архаичные трехпетельчатые псалии в виде стержней с обрубленными или слегка расплющенными концами (рис. 2, *17*, *19*, *25*, *27*, *36* — второй тип А. А. Иессена) могут быть возведены к стержневидным псалиям с отверстием посредине и двумя петлями у концов, встречающимся в конце II тысячелетия до н. э. в Закавказье (рис. 2, *15*) и Луристане [89]. А в святилище Мелаани (Кахетия), относящемся к рубежу II—I тысячелетий до н. э., наряду с обоими упомянутыми типами встречены также псалии с четко моделированной изогнутой лопастью на одном конце [90], которые, по нашему мнению, могли послужить прототипами для еще одной разновидности северокавказских псалиев (рис. 2, *35* — первый тип А. А. Иессена).

Однако при изготовлении металлических псалиев северокавказские мастера не механически копировали закавказские образцы, а приспосабливали их к местным традициям, выработанным в период пользования уздой с мягкими ременными удилами и роговыми псалиями (типа рис. 1, *76*, *78*). У всех северокавказских псалиев, которые традиционно привязывались к удилам, отверстия располагались в одной плоскости, а у их южных прототипов, напускавшихся на стержни удил, среднее и концевые отверстия располагались под прямым углом друг к другу. По мере дальнейшего развития псалиев на Северном Кавказе изменились их некоторые детали, в результате чего появилась, например, новая разновидность трехтрубчатых псалиев с крупными шляпками (рис. 2, *23*) [91], а на основе простых трехпетельчатых псалиев (рис. 2, *17*, *19*, *25*, *27*, *36*) вырабатывается (возможно, под закавказским влиянием) более сложный тип со шляпкой и изогнутой лопастью (рис. 2, *35*).

Были выработаны здесь и местные типы псалиев. К их числу следует относить, по нашему мнению, трехдырчатые псалии (рис. 2, *39* — четвертый тип А. А. Иессена), восходящие в своих простейших формах

---

[86] *Dyson R.* Problems of Protohistoric Iran as seem from Hasanlu.— JNES, 1965, vol. 24, № 3, p. 208, 209; *Ковалевская В. Б.* Ук. соч., с. 76.

[87] *Погребова М. Н.* Ук. соч., с. 81.

[88] *Тереножкин А. И.* Ук. соч., с. 160.

[89] *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети, рис. 57, *5*.

[90] *Пицхелаури К. Н.* Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1965, с. 122, табл. XXII, *4*; табл. XXIII, *3*.

[91] Древнейшие образцы подобных псалиев происходят из Серженьюртовского могильника на Северном Кавказе, см. об этом: *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии..., с. 76, 77.

к роговым прототипам (рис. 2, *38* — пятый тип К. Ф. Смирнова[92]); в последующем у них также появляются шляпки, порой довольно крупные (рис. 2, *40*). Еще одна разновидность северокавказских псалиев выявлена недавно на Мугерганском могильнике (рис. 2, *21*): это круглый стержень с тремя овально трубчатыми отверстиями, верхний конец венчает одна из трубок, нижний конец обломан[93].

Можно полагать, что на Северном Кавказе были выработаны и своеобразные приспособления для закрепления поводьев в виде дополнительных звеньев к удилам. Основой для них послужили, по нашему мнению, употреблявшиеся в Закавказье для той же цели однокольчатые крючья (рис. 2, *11*, *12*), подвергшиеся некоторым изменениям: с удилами они соединялись замкнутыми литыми петлями, а на концах у них вместо колец стали крепиться сначала колесовидные псалии (рис. 2, *31*, *32*), замененные затем гладкими дисками. Последние обычно применялись с двукольчатыми удилами (рис. 2, *33*)[94], а на Северном Кавказе иногда и с однокольчатыми (рис. 2, *34*).

Все сказанное свидетельствует, по нашему мнению, в пользу предложенной датировки рассмотренных принадлежностей конской узды концом II — рубежом II—I тысячелетий до н. э. и тем самым еще раз подтверждает правомерность определения хронологии ПБ-II в рамках XII—X вв. до н. э. Примечательно, что определяемый таким образом нижний хронологический рубеж ПБ-II подкрепляется еще и упоминавшейся выше радиокарбонной датой Серженьюртовского поселения 1190±95 гг. до н. э., т. е. XII в. до н. э.

В целом же, ПБ-II на Северо-Восточном Кавказе, как и в других частях данного региона, характеризуется расцветом бронзовой индустрии и первым появлением железных изделий, представленных преимущественно небольшими железными ножами с прямой и изогнутой спинкой[95]. О зарождении местной черной металлургии свидетельствуют найденные на Сигитминском поселении отходы сыродутного процесса в виде сидеритовых шлаков[96].

Хронологические рамки РЖ-I мы определяем вслед за Е. И. Крупновым в пределах IX — первой половины VII в. до н. э.[97] Их нижний рубеж согласуется с соответствующими датами периода начального освоения железа, принятыми в настоящее время для Закавказья (XI—X вв. до н. э.)[98] и степей Юго-Восточной Европы (IX в. до н. э.)[99], а верхний (середина VII в. до н. э.) определяется началом периода массового внедрения железа или скифского периода.

---

[92] *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей.— СА, 1961, № 1, с. 65—67, рис. 12.

[93] О возможности широкого распространения этой разновидности псалиев в предскифском периоде свидетельствуют находки их костяных подражаний, происходящие из киммерийских памятников с территории Украины, см. об этом: *Тереножкин А. И.* Ук. соч., рис. 11, *1*; рис. 36, *1*.

[94] *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках..., с. 57—70; *Тереножкин А. И.* Ук. соч., с. 151.

[95] *Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 77; *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии..., с. 72.

[96] *Бредэ К. А.* Новые поселения на Сулаке.— Тезисы докладов на научн. сессии Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, с. 26, 27.

[97] *Крупнов Е. И.* Раннежелезный век..., с. 331—338; *его же.* Об уточненной датировке..., с. 16; *Котович В. Г.* О времени и путях..., с. 23.

[98] *Абрамишвили Р. М.* К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике.— ВГМГ, т. XIX-A и XXI-B. Тбилиси, 1957, с. 116—124; *Пицхелаури К. Н.* Основные проблемы..., с. 220, 221: *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы..., с. 132, 160, 193; *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака, с. 232, 233.

[99] *Тереножкин А. И.* Ук. соч., с. 207, 208.

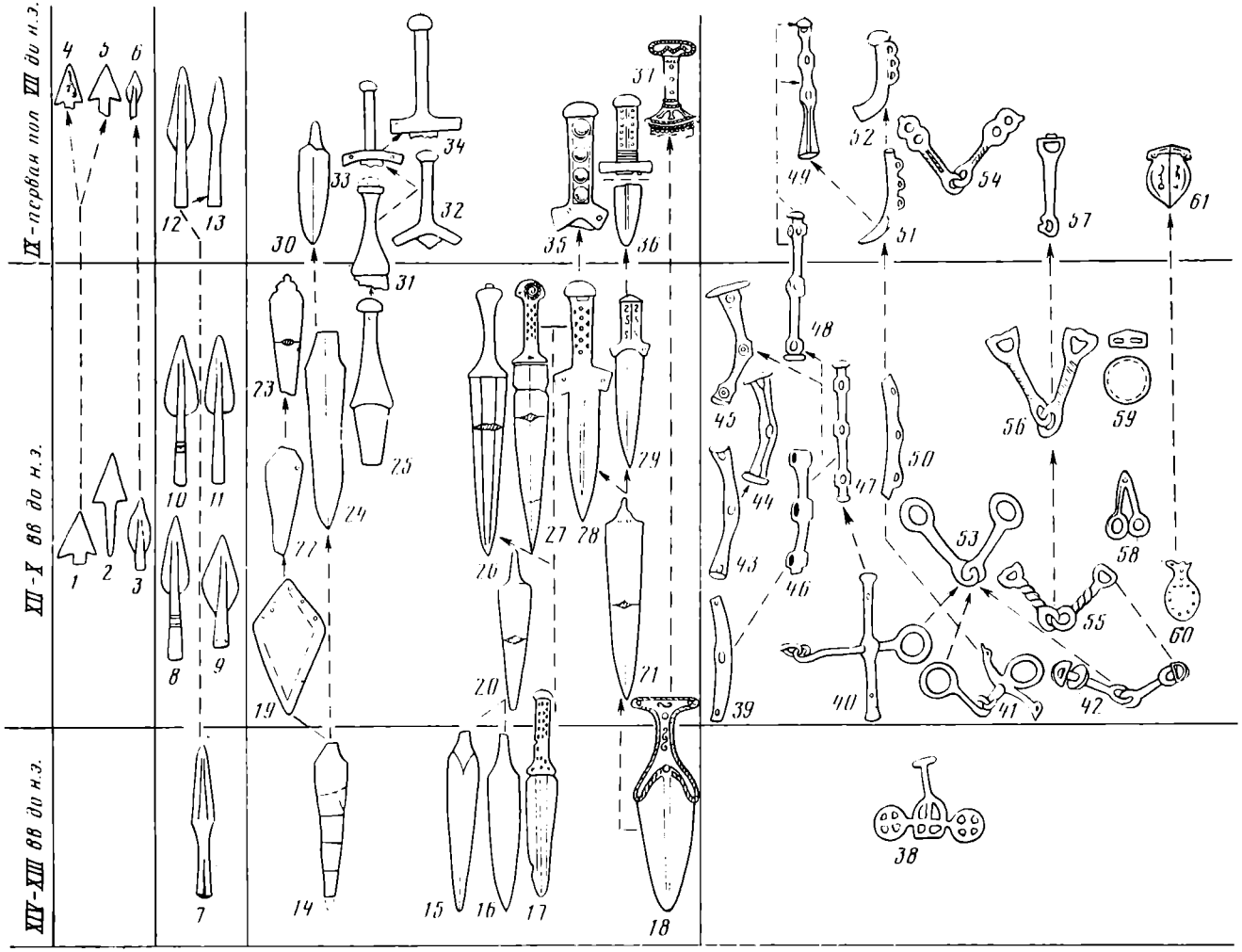


Рис. 3. *1, 19, 24, 30, 39, 51, 54, 60, 61* — Зандак (*1, 24* — погр. 2; *39* — погр. 1; *19, 60* — погр. 9; *30, 51, 54, 61* — погр. 38); *29, 12, 32, 46, 53, 59* — Мугерган (*2, 9* — погр. 6 1975 г., *46, 53, 59* — конск. погр. 1974 г., *12, 32, 46* — раскопки М. И. Пикуль); *3, 8, 10, 11, 13, 22, 28, 34, 36, 45, 55, 56, 58* — Серженьюрт (*3, 45* — погр. 38; *8, 11, 22* — погр. 39; *10* — погр. 42; *13, 36* — погр. 26; *28, 56* — погр. 70; *34* — погр. 44; *55* — погр. 56); *4, 5* — Шах-Сенгер (погр. 2); *6* — Карабудахкент (Даг. музей); *7, 20, 21, 23* — Турчи (сборы А. Л. Млокосевич); *14, 15* — Талги (*14* — погр. 1; *15* — погр. 6); *16* — Кули (сборы О. М. Давудова); *17* — Тазакенд (по А. А. Мартиросяну); *18* — Нареквави (ГМГ, № 145—64—1); *25, 47, 52, 57* — Кобань (по П. С. Уваровой и А. А. Иессену); *26* — Зиахур (по Р. Н. Мирзоеву); *27* — Карчаг (сборы В. Г. Котовича); *29, 48* — Кисловодск (по В. Б. Виноградову и А. А. Иессену); *31* — Самтавро, погр. 327 (по Р. М. Абрамишвили); *33* — Хосрех (раскопки О. М. Давудова); *35* — Змейская (по В. И. Козенковой); *37* — Куг (сборы О. М. Давудова); *38* — Берикей (по А. П. Круглову); *40* — Кировакан (по А. А. Мартиросяну); *41* — Рене (по Ш. Иремашвили); *42* — Артик, погр. 433 (по С. Т. Хачатряну); *44* — Ильинская (по А. И. Тереножкину); *49* — Каменномостская (по А. А. Иессену); *50* — Эчкиваш (по В. Б. Виноградову).

1—3, 5—12, 14—30, 40—59, 61 — бронза, *4, 13* — железо, *31—37* — бронза и железо, *38* — камень, *39, 60* — кость

К РЖ-I мы относим те комплексы Мугергапского (рис. 1, *103—105, 107*) [100], Зандакского (погр. 38; рис. 1, *108—127*) [101], Серженьюртовского (погр. 16, 24, 26—31, 36, 44, 48; рис. 1, *128—135*) [102] могильников, в инвентаре которых уже постоянно встречается железное (и стальное) оружие, изготовленное по бронзовым прототипам. Самыми характерными среди них являются железные наконечники стрел типа плоцников (рис. 1, *102*) и втульчатые наконечники копий (рис. 1, *104—133*), а также биметаллические кинжалы (рис. 1, *105, 106, 128, 134*). Широкое распространение всех этих видов железного и биметаллического оружия именно с IX в до н. э. признается многими исследователями [103]. Это позволяет нам отказаться от дополнительной аргументации хронологических рамок РЖ-I.

Завершая на этом наш обзор, отметим, что обоснованное таким образом расчленение разнообразных предметов вооружения и конской сбруи в рамках предложенной периодизации позволяет хронологически подтвердить разработанные ранее схемы типологической эволюции отдельных категорий этих предметов [104]. На этой основе, в свою очередь, может быть обрисована более широкая картина развития важнейших типов кавказского вооружения во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. Первым опытом подобного рода является предлагаемая нами схема развития оружия на Северо-Восточном Кавказе, недостающие звенья которой восполнены в необходимых случаях материалами из закавказских и северокавказских памятников. В ней отражены последовательные этапы эволюции наконечников стрел (рис. 3, *1—6*), копий (рис. 3, *7—13*), безрукояточных кинжальных клинков (рис. 3, *14, 19, 22—24, 30*), кинжалов с рукоятями (рис. 3, *25, 31—34, 17, 18, 26—29, 35—37*), псалиев (рис. 3, *39—41, 43—52*), удил (рис. 3, *40—42, 53, 55—57*), блях от уздечки (рис. 3, *60, 61*). Все это, по нашему мнению, еще раз подтверждает их местное, кавказское происхождение.

В заключение отметим, что, предлагая вниманию специалистов эту свою статью, мы сознаем дискуссионный характер затронутых в ней вопросов и высказанных положений и надеемся, что их обсуждение будет способствовать решению большой и важной проблемы периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северном Кавказе.

---

[100] *Пикуль М. И.* Мугергапский могильник.— МАД, т. III, 1973, с. 41—50.

[101] *Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований.— КСИА АН СССР, № 100, 1965, с. 46—47, рис. 18.

[102] *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии..., с. 73, 74, 81—83, табл. VII, VIII.

[103] *Абрамишвили Р. М.* К вопросу о датировке..., табл. I, 118—147; *Даниелян О. А.* Железные мечи с бронзовыми рукоятями из грунтовых погребений Мингечаура.— В сб.: Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965, с. 99—113; *Техов Б. В.* Тлийский могильник..., рис. 2, *185, 225, 232*; *Пикуль М. И.* Мугергапский могильник, с. 45, 46, рис. 9; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана..., с. 64, табл. XIX, *133, 134*.

[104] *Козенкова В. И.* К вопросу о ранней дате..., с. 91—100; *ее же.* Вопросы хронологии..., с. 76—78, табл. XI; *Давудов О. М.* Биметаллический меч с вильчатым основанием из Мугергапского могильника.— В кн.: Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре (тезисы докладов). М., 1976, с. 16—18; *Котович В. Г.* О кавказском происхождении биметаллических кинжалов с прямым перекрестием.— Там же, с. 27, 28; *его же.* О происхождении «кабардино-пятигорских» или «киммерийских» биметаллических кинжалов и мечей.— В сб.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 110—123.

V. G. Kotovich, *O. M. Davudov*

ON THE PERIODISATION AND CHRONOLOGY OF THE LATE BRONZE-EARLY IRON AGE SITES AT THE NORTH-EASTERN CAUCASUS

Summary

A series of objective factors, such as substantial divergence in the definition of the lower chronological border of the late Bronze — early Iron Age for the Transcaucasian region (from the XVth — XIVth centuries B. C.) and the Northern Caucasus (from the XIth — sometimes XIIth century B. C.), principally new datings of the period of flourishing of the Koban culture (the XIIth — Xth centuries B. C.), the absence of exact opinions on the pre-Koban period of the late Bronze Age and others demands a clarification of the existing periodisation of the late Bronze-early Iron Age sites at the North-Eastern Caucasus. A trinominal periodization is established for the region: the sites with the preservation of some features of the preceeding Kayakent-Khorochoev culture (Talgi. Kabartikutan and Miskinbulac cemeteries) are related to the first period of the late Bronze Age (L. B. I — the XIVth — XIIIth centuries B. C.); burials of the Mugergan, Zandak and Serzhenyurt cemeteries with a large number of bronze artifacts but without iron weapons are related to the second period of the late Bronze Age (L. B. II — the XIIth — Xth centuries B. C.); burials with iron and bimetallic weapons of the same cemeteries are related to the early Iron Age (E. I. I — the IXth — first half of the VIIth centuries B. C.). The possibility of penetration of metallic details of bridle from the Transcaucasian region into the Northern Caucasus not later than the XIIth — early XI centuries B. C. is supported by new arguments in the article.

В. Д. РУЗАНОВ

К ВОПРОСУ О МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ У ПЛЕМЕН ЧУСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О наличии металлообработки у племен чустской культуры в эпоху поздней бронзы стало известно в результате раскопок памятников Ферганской долины, в первую очередь поселений Чуст и Дальверзин. Их широкие исследования дали разнообразный материал (литейные формы, льячка, слитки металла, шлаки и т. д.), указавший на существование здесь собственного металлообрабатывающего производства. Отсюда же происходит сравнительно многочисленная коллекция медных и бронзовых изделий, включающая орудия труда, оружие и украшения. Все это обратило внимание некоторых исследователей, появились работы, прямо или косвенно связанные с этими находками. В. И. Спришевским было написано несколько статей, сообщавших о металлических изделиях и следах выплавки металла с поселения Чуст [1]. Ю. А. Заднепровский в своей монографии посвятил два раздела типологии металлических предметов с поселения Дальверзин и случайных находок, найденных на территории Ферганской долины [2]. Типологическая классификация металлического инвентаря обоих поселений была проведена Е. Е. Кузьминой [3]. Металл Чуста и Дальверзина явился объектом специального спектроаналитического исследования [4]. В отличие от типологического спектральное изучение металлического материала чустской культуры, проведенное И. В. Богдановой-Березовской, на наш взгляд, является недостаточным и неполным. Главный недостаток заключается в широком использовании качественного спектрального анализа (половина изделий от общего количества была проанализирована данным методом), что позволило автору получить лишь приблизительную химическую характеристику металла Ферганы. Кроме того, следует отметить некоторое несовершенство методики обработки спектроаналитических данных. В ее основу автором положена взаимовстречаемость примесей, которая определялась на основе визуальных наблюдений, без статистической проверки. Все это побудило нас вновь вернуться к металлу чустской культуры и повторно проанали-

---

[1] *Спришевский В. И.* Чустская стоянка эпохи бронзы.— СЭ, 1954, № 3; *его же.* Чустское поселение эпохи бронзы.— КСИИМК, № 69, 1957; *его же.* Чустское поселение эпохи бронзы.— КСИИМК, № 71, 1958.

[2] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, № 118, 1962, с. 30, 31, 52—64, табл. XX—XXII, XXXII—XXXIII.

[3] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, вып. ВЧ — 9, М., 1966, табл. III, VI—VII, IX—XVI.

[4] *Богданова-Березовская И. В.* Химический состав металлических изделий Ферганы эпохи бронзы и железа.— МИА, № 118, 1962, с. 219—230.

зировать его методом количественного спектрального анализа, который был проведен в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР.

В настоящей статье автором сделана попытка дать характеристику металлообработки у племен чустской культуры, определить ее место среди очагов, существовавших на территории Узбекистана в эпоху поздней бронзы. В связи с этим нами была спектрально изучена коллекция из 119 металлических предметов и отходов литья, происходящих с поселений Чуст и Дальверзин. Для сравнительного анализа в статье привлекался синхронный материал памятников скотоводческих и оседлоземледельческих племен соседних областей.

Перейдем теперь к рассмотрению химического состава металлических изделий памятников чустской культуры.

На поселении Чуст их обнаружено 121 экз. Удалось проанализировать 50 предметов и 5 слиточков металла. Из них 2 (шило и игла) изготовлены из сплавов на серебряной и свинцовой основах, остальные, в том числе и слитки,— из медных и бронзовых сплавов. Корреляционные графики олово — свинец, свинец — мышьяк и частотные гистограммы этих примесей указывают на неоднородность чустского металла в отношении металлургических групп (рис. 1, *а, б*). По-видимому, исследованный металл состоит из трех основных групп: металлургически «чистая» медь, оловянные и оловянно-свинцовые бронзы. Кроме того, в двух случаях можно предполагать наличие свинцовой бронзы, а в одном — свинцово-мышьяковой. Изделия распределялись по основным группам следующим образом: «чистая» медь представлена 17, оловянистые бронзы — 26, оловянно-свинцовые бронзы — 7 образцами. Судя по корреляционным графикам олово — свинец, границы искусственного легирования меди упомянутыми примесями различны. Для олова за нее следует, видимо, принять концентрацию в 0,8—0,9%, а для свинца — 2,0%. Частотные гистограммы распределения концентраций висмута, сурьмы и мышьяка и корреляционный график сурьма — мышьяк (рис. 1, *в*) отчетливо демонстрируют неоднородность чустской меди, которая расчленяется на две химические группы. Для первой из них (11 образцов) характерно пониженное содержание сурьмы, мышьяка и никеля, концентрация которых в большинстве случаев не превышает сотых долей процента. Она состоит из трех предметов, относящихся к оловянистым бронзам, «чистая» медь представлена 8 образцами. Вторая химическая группа более многочисленна — ее составляют 42 предмета. Она отличается от первой высокими концентрациями в меди вышеуказанных рудных примесей и разнообразием входящих в нее металлургических групп, о которых уже писалось ранее. Судя по частотным гистограммам висмута, серебра и корреляционному графику серебро — висмут, выделенные химические группы не едины по своему происхождению и расчленяются на несколько составляющих (рис. 1, *г*). Из них наиболее четко представлены две группы — I и II, включающие изделия с высокими концентрациями серебра и висмута. Их химические характеристики подтверждаются частотными гистограммами на рис. 3. Первая группа малочисленна, ее составляют 6 изделий, из которых 2 изготовлены из оловянистых бронз, оставшиеся — «чистая» медь. Во вторую входят 20 предметов, отлитых из оловянистых бронз, 6 — из оловянно-свинцовых, 1 — из свинцовой бронзы и 5 — из «чистой» меди. Как мы видим, эта группа является доминирующей (32 образца, или 60,3% от общего количества изделий) в металле чустского поселения. Группировка оставшихся предметов (на корреляционном графике серебро — висмут они обозначены под знаком ?, рис. 1) в связи с их малочисленностью пока представляется преждевременной. Возможно, что дальнейшее накопление металлического материала чустской культуры позволит нам ответить на этот вопрос.

Металлическую коллекцию Дальверзина составляют 130 находок, среди которых 81 представлена изделиями, а оставшаяся часть — бесфор-

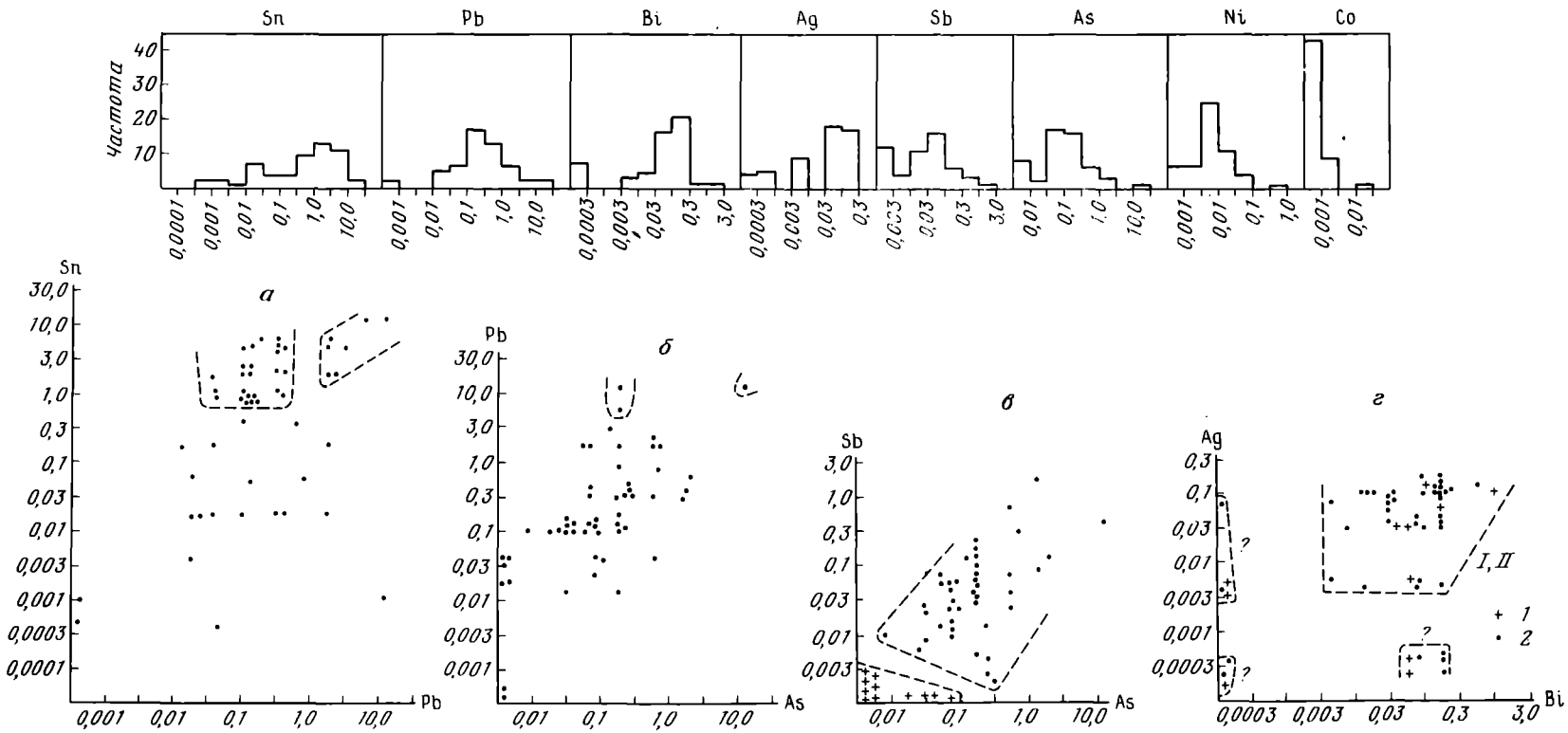


Рис. 1. Гистограммы распределения и корреляционные графики концентраций некоторых примесей к меди из поселения Чуст: *1* — I химическая группа; *2* — II химическая группа

мелные обломки и слиточки бронз. Всего нами было исследовано 59 предметов, 4 слиточка и металл из тигля. Из них нож и обломок пластины сделаны из сплавов на серебряной основе, остальные представляют собой медь или ее сплавы. При разборе металла нами не рассматривалось одно изделие неизвестного назначения, хотя оно было найдено на территории этого поселения. Его отличительной особенностью является высокое содержание цинка в меди (более 10,0%), что позволяет отнести этот предмет к латуням, которые, как известно, бытовали в более позднее время. Материал из Дальверзина представлен двумя основными металлургическими группами: «чистая» медь (30 обр.) и оловянистые бронзы (29 обр.) Их выделение демонстрируется частотными гистограммами олова, свинца и корреляционным графиком олово— свинец (рис. 2, *а*). Кроме них не исключена возможность наличия в одном случае медно-свинцового сплава, а в двух — мышьяковых бронз (рис. 2, *б*). В отличие от чустского металла половина изделий дальверзинской коллекции содержит большие включения сурьмы — от 0,3% и выше (рис. 2). На наш взгляд, повышенное содержание этой примеси в меди обусловлено использованием соответствующих руд.

Дальверзинская медь подразделяется на две химические группы, о чем свидетельствуют корреляционные графики сурьма — мышьяк и висмут — сурьма (рис. 2, *в*, *г*). Для первой характерно повышенное содержание сурьмы, висмута, мышьяка и никеля (эта группа соответствует III химической группе на рис. 3). Она самая многочисленная и включает в себя 47 предметов, отлитых из оловянистых (20 обр.), мышьяковых (2 обр.), свинцовой (1 обр.) бронз и металлургически «чистой» меди (24 обр.). К ней примыкают еще 4 предмета, изготовленные из оловянистых бронз и «чистой» меди. В связи с наличием в меди более низкого содержания висмута и серебра они отнесены к химически неопределенным группам. Оставшаяся часть коллекции условно объединена во вторую химическую группу с пониженными концентрациями сурьмы, мышьяка и висмута (рис. 2, *в*, *г*). По существу она не является единой и расчленяется по висмуту и серебру на несколько мелких подгрупп. В ней 11 предметов, из которых 4 отлиты из оловянистых бронз, 7 — из «чистой» меди.

Таким образом, по химическому составу большинство изделий из поселения Чуст несколько отличается от предметов с Дальверзина, хотя между ними наблюдается типологическая близость форм. Возможно, что наблюдаемое различие обусловлено использованием разных по геохимии месторождений чустскими и дальверзинскими литейщиками. Из-за отсутствия полных данных о геохимии месторождений этого района вывод об эксплуатации различных источников сырья пока носит гипотетический характер. Наряду с различием следует отметить сходство химических составов некоторых изделий, свидетельствующее об использовании одних и тех же рудных источников. Металлообработка чустского и дальверзинского поселений базировалась на применении двух основных типов сплавов — оловянистых бронз и металлургически «чистой» меди, доля употребления которых примерно одинакова. Остальные упомянутые нами сплавы использовались редко.

К настоящему времени автором спектрально изучена большая часть металлического материала памятников эпохи поздней бронзы, расположенных на территории Узбекистана и прилегающих районов. Для сравнительного анализа нами был взят металл степных культур центральной и северо-восточной областей, земледельческих племен Юга Узбекистана и Таджикистана.

По своему химическому составу металл чустского поселения находит черты сходства в материалах памятников степных культур. К таким относятся поселения кайраккумской культуры, где Б. А. Литвинским найдена относительно многочисленная коллекция медных и бронзовых изде-

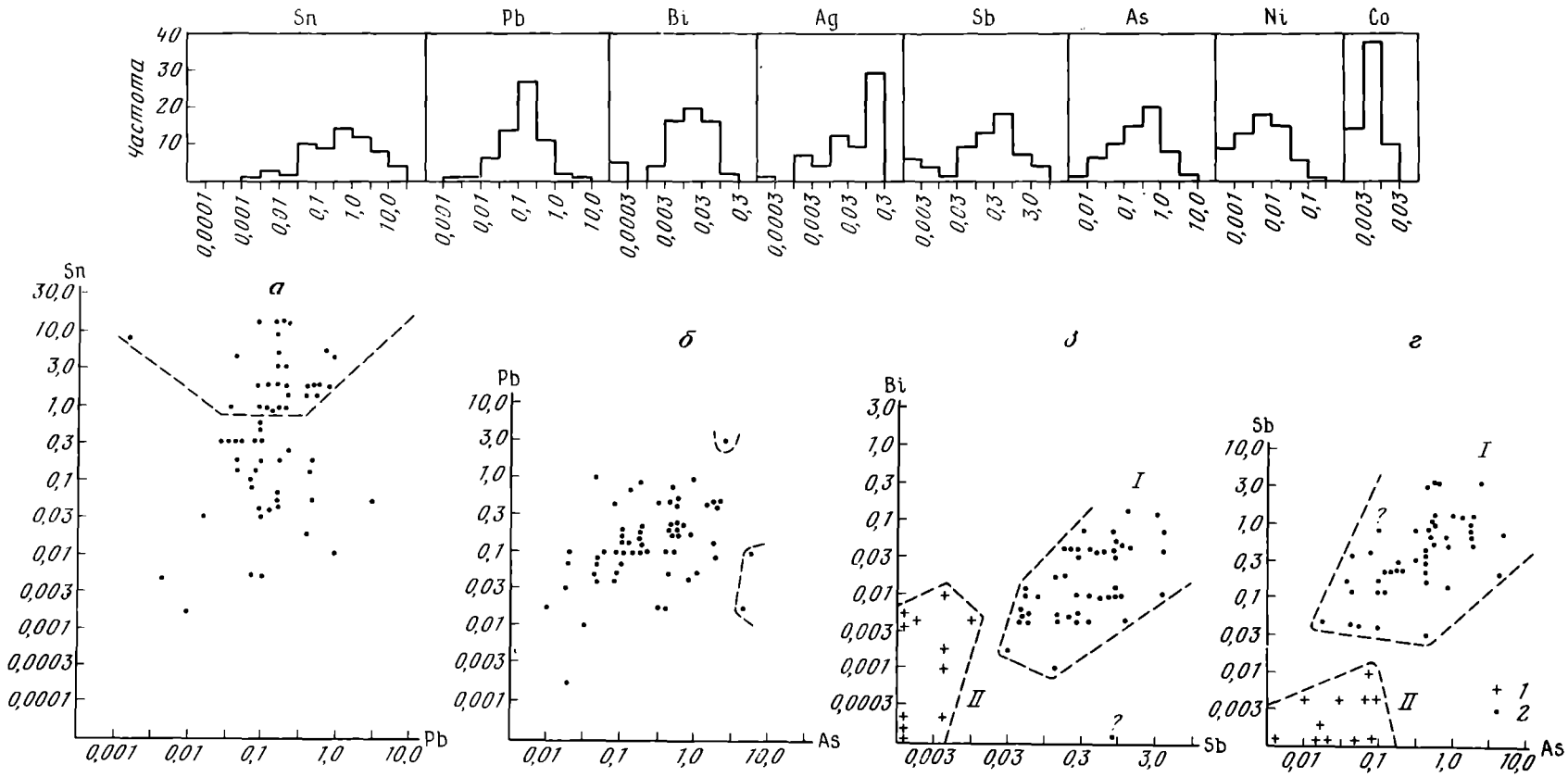


Рис. 2. Гистограммы распределения и корреляционные графики концентраций некоторых примесей к меди из поселения Дальверзин: *1* — I химическая группа; *2* — II химическая группа

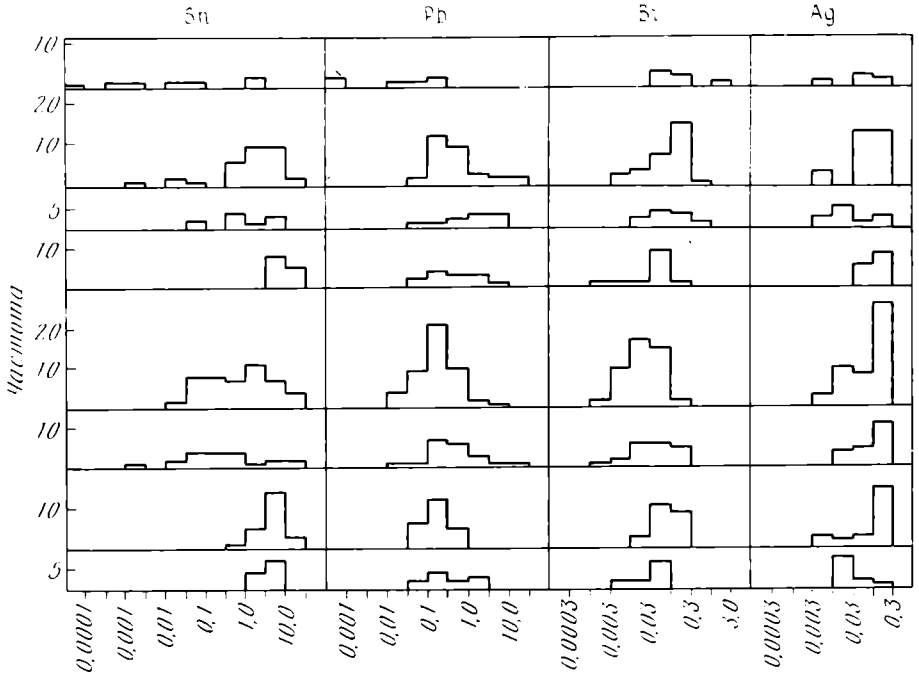


Рис. 3

лий (67 предметов) [5]. Нам удалось проанализировать около половины этой коллекции. Судя по анализам, кайраккумская медь расчленяется на несколько химических групп, среди которых одна (10 предметов) сходна со II чустской группой (рис. 3). Ее металлургическая характеристика выражена четырьмя типами сплавов: оловянистые (4 обр.), свинцовые (2 обр.), оловянно-свинцовые (1 обр.) бронзы и «чистая» медь (3 обр.). Распределение изделий исследованной нами части коллекции по металлургическим группам представлено в таблице. В этот список памятников также следует включить погребение у селения Искандер, где было найдено 14 желобчатых браслетов с «рожками» и без «рожков» [6]. Почти все они, за исключением одного, составляют химическую группу, подобную чустской (рис. 3), которая представлена оловянистыми и оловянно-свинцовыми бронзами (таблица).

Очень сходны с дальверзинским металлом медные и бронзовые изделия бургулюкской культуры Ташкентского оазиса [7]. Всего нами было проанализировано 23 предмета, из которых 20 следует объединить в одну химическую группу. По своему химическому составу она идентична дальверзинской (рис. 3) и отличается лишь количеством оловянистых бронз (всего 6 обр.). Кроме того, в нее входят изделия, отлитые из свинцовых (3 обр.), оловянно-свинцовой (1 обр.) бронз и «чистой» меди (10 обр.). Оставшиеся три предмета изготовлены из «чистой» меди и в связи с малочисленностью отнесены к химически неопределенным группам.

Из памятников степных культур следует отметить могильник Чака,

[5] *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов, т. XXXIII. Душанбе, 1962, табл. 39, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59.

[6] *Воронец М. Э.* Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР.— Тр. ИИА АН УзССР, т. I. Ташкент, 1948, с. 65—70; *Оболдуева Т. Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области.— КСИИМК, № 59, 1955.

[7] *Дуке Х.* К вопросу о Бургулюкской культуре.— ОНУ, № 8, 1976; *его же.* Раскопки памятников Бургулюкской культуры в 1975 году.— ИМКУ, № 13, 1977, с. 48—54.

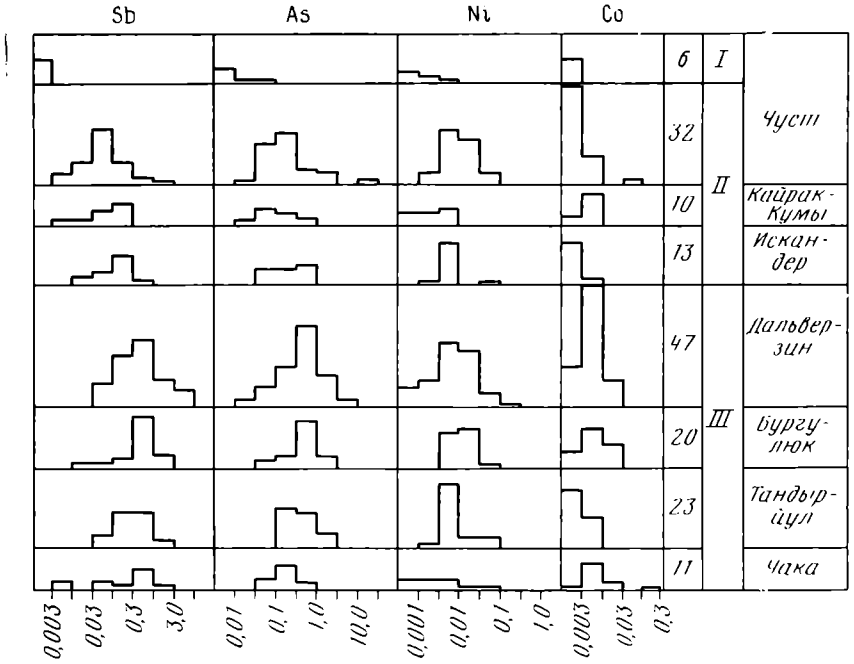


Рис. 3. Сводные гистограммы химических групп металла предметов из некоторых памятников Узбекистана и Таджикистана

найденный в Самаркандской области[8]. Спектральному анализу было подвергнуто 28 предметов. Среди выделенных химических групп одна (11 обр.) оказалась сходной с III дальверзинской группой (рис. 3). Все изделия из могильника отлиты из оловянистых бронз (таблица).

В огромном количестве проанализированного металла земледельческих племен Юга Узбекистана металл чустского и дальверзинского поселений не находит соответствий по своему химическому составу. Изученные автором изделия с поселения-могильника Сапаллитепа (около 200 обр.), могильника и поселения Джаркутан (149 и 16 обр.), поселений Кучук и Бустан (3 и 2 обр.) составляют отличные от чустской и дальверзинской химические группы, аналогии которым наблюдаются в материалах мургабских и североафганских памятников эпохи поздней бронзы. Исключением является могильник Тандыр-йул, обнаруженный в Южном Таджикистане[9]. Среди исследованных металлических изделий (32 обр.) из этого могильника ряд предметов (23 обр.) составляют химическую группу, подобную дальверзинской (рис. 3). Она подразделяется на две металлургические группы — оловянистые бронзы и «чистая» медь, из которых первая является доминирующей (22 обр.). Общая металлургическая характеристика предметов могильника Тандыр-йул представлена в таблице.

О добыче руды свидетельствуют зафиксированные здесь следы горных работ, обогатительные и плавильные пункты и археологические находки. В настоящее время археологически доказано, что этот регион являлся одним из основных поставщиков меди, серебра и других металлов в Средней Азии в средневековый период[10]. Значительно меньше мы имеем сведений

[8] Раскопки могильника проводились в 1975—1977 гг. Я. Крикисом, сотрудником Самаркандского республиканского музея истории культуры. Автор благодарит Я. Крикиса за любезное предоставление материала для спектроаналитического изучения.

[9] *Литвинский Б. А., Антонова Е. В., Виноградова Н. М.* Раскопки могильника Тандыр-йул.— АО — 1975. М., 1976.

[10] *Массон М. Е.* К истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка.— Тр. ТПЭ, вып. XXXVII, 1936; *Буряков Ю. Ф.* Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974; *Бубнова М. А.* Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI—XIX вв. М., 1975; *Исламов О. И.* Из истории геологических знаний в Средней Азии. Ташкент, 1976.

Распределение предметов из некоторых памятников Узбекистана и Таджикистана по металлургическим группам

Памятники	Типы сплавов								Всего
	I	II	III	IV	V	VI	Ag	Pb	
Чуст	17	26	7	2		1	1	1	55
	31,0	47,3	12,7	3,6		1,8	1,8	1,8	
Дальверзин	30	29		1	2		2		64
	46,9	45,3		1,6	3,1		3,1		
Кайрак-Кумы	7	16	5	2					30
	23,3	53,3	16,7	6,7					
Искандер		11	3						14
		78,6	21,4						
	13	6	1	3					23
Бургулюк	56,5	26,1	4,4	13,0					
Чака		28							28
		100							
	3	27	1		1				
Тандыр-йул	9,4	84,4	3,1		3,1				32

Примечание. I — металлургически «чистая» медь; II — оловянистые бронзы; III — оловянно-свинцовые бронзы; IV — свинцовые бронзы; V — мышьяковые бронзы; VI — свинцово-мышьяковые бронзы; Ag и Pb — предметы на серебряной и свинцовой основах. Верхняя строка — количество изделий; нижняя — доля от общего количества в процентах.

об эксплуатации местных месторождений в античное время, а для более древних эпох они практически отсутствуют. Причиной тому служат еще слабая изученность самих рудников и интенсивная их разработка в последние столетия, видимо, во многих случаях уничтожившая следы древних работ. Поэтому исследование геохимических характеристик медных руд этих месторождений и сравнение их с серией результатов спектрального анализа медных и бронзовых предметов является главным аргументом для привязки металла к тому или иному рудному полю.

Древние выработки выявлены в горах Южно-Чаткальского и Кураминского хребтов. Несколько месторождений и рудопроявлений зарегистрировано в северных отрогах Туркестанского и Алайского хребтов. К сожалению, в настоящее время мы не имеем достаточных сведений о химических составах руд большинства из них. Из перечисленных районов автором было обследовано лишь несколько рудопроявлений Южно-Чаткальского хребта.

Южный Чаткал наиболее богат полиметаллическими месторождениями, которые в основном концентрируются в бассейнах горных рек Кок-Су, Чаткал и Кансай. Большинство из них бедны окисленными медными минералами, что исключает их из списка медных источников, эксплуатировавшихся в древности. Вероятнее всего, эти месторождения, несущие следы древних работ, являлись свинцово-серебряными рудниками, так как их окисленные зоны включают руды, богатые минералами свинца. Автором было обследовано два участка — «Молодежный» и «Мокрый» [11]. На их территории разработка рудных жил велась штольнями различных размеров, которых насчитывается около двух десятков. На участке выявлено два типа руд — сульфидные и окисленные, причем последние резко преобладают. Окисленная минерализация представлена церусситом, англезитом, смитсонитом, реже встречается халькозин. Большой неожиданностью явилось широкое распространение касситерита.

[11] Обследование проводилось в 1977 г. археологическим отрядом по изучению объектов древнего горного промысла ИА АН УзССР совместно с ИА АН СССР под руководством Е. Н. Черных.

При сопоставлении анализов руд и металлических изделий с поселения Дальверзин, бургулюкской культуры и могильника Тандыр-йул наблюдается некоторое сходство их химических составов, что предполагает возможность использования сложных руд месторождения «Возрожденное». Кроме того, по геологическим данным, в этом районе обнаружено еще несколько полиметаллических месторождений со следами древних работ. Геохимическая характеристика руд этих месторождений, к сожалению, осталась нам неизвестной.

По сравнению с Южно-Чаткальским Кураминский район богат медным оруденением. Минералогический состав окисленных руд здешних месторождений разнообразен и включает минералы меди (борнит, малахит, ковеллин, халькозин, хризоколла), свинца (англезит, галенит, плюмбоярзит, церуссит), очень редко мышьяка (арсенопирит и мышьяково-сурьмяная блеклая руда). Остальные интересующие нас элементы (висмут, олово, серебро, сурьма, никель и кобальт) в виде самостоятельных образований не встречены, но входят в состав вышеуказанных минералов. Кроме медных в этом районе встречены месторождения полиметаллического характера с достаточно высокими содержаниями меди в руде — до 0,8%. Последние отличаются повышенным висмутом и сурьмой. Сведения о некоторых, возможно, разрабатываемых месторождениях этого района даны ранее [12].

Итак, в конце II — начале I тысячелетия до н. э. на территории Ферганской долины существовал самостоятельный очаг металлообработки. Об этом свидетельствуют находки шлаков, глиняных сопел, плавильных сосудов на поселении Чуст и обнаруженные на Дальверзине остатки литейной мастерской, тигель и литейные формы. Не исключена возможность, что на территории поселений проводилась выплавка металла из руды. Пока доказательств о наличии собственной металлургии у чустских племен немного. Это зафиксированные В. И. Спришевским на поселении Чуст горка шлаков в центре большого кострища и глиняные сопла. Большинство изделий с поселений Чуст и Дальверзина несколько отличаются по химическому составу, что, возможно, связано с использованием различных источников сырья. О локализации источников сырья для чустской металлообработки нам мало что известно. Учитывая косвенные свидетельства, можно лишь предполагать использование чустцами кураминских или близлежащих месторождений (месторождение медистых песчаников Варзык). Для чустско-дальверзинской металлообработки характерен достаточно высокий удельный вес оловянистых бронз (таблица). Кроме оловянистых бронз широким спросом пользовалась металлургически «чистая» медь. Остальные типы сплавов применялись редко (таблица).

Металл чустского поселения оказался близким металлу памятников степных племен. Металлургические связи чустцев прослеживаются с кайраккумским населением и поселенцами Ташкентского оазиса, оставившими погребения у селения Искандер. Несколько сходна с чустской группа изделий из могильника Чака, хотя нами она отнесена к III дальверзинской химической группе. Наличие сходных черт, по-видимому, связано с использованием меди II и III групп, где доля III группы несколько выше.

Дальверзинские литейщики были тесно связаны с племенами бургулюкской культуры Ташкентского оазиса, а также с племенами Центрального Узбекистана, оставившими могильник Чака. Кроме западных металлургические связи дальверзинских литейщиков простираются в южном направлении — с земледельческими племенами Южного Таджикистана (могильник Тандыр-йул).

---

[12] *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Ук. соч., с. 170, 171; *Буряков Ю. Ф.* Ук. соч.; *Заднепровский Ю. А.* Ук. соч., с. 80.

V. D. Ruzanov

ON THE METALWORK OF THE TRIBES OF THE CHUST CULTURE

Summary

The article is devoted to the metalwork of the Late Bronze Age Chust culture (late IInd — Ist millenium B. C.). Spectral analysis of 119 artifacts and cast waste was carried out by the author and chemical and metallurgical groups, characteristic for the copper artifacts of Chust and Dalverzin were singled out. Comparative analysis let the author define metallurgical outer links of the Chust-Dalversin centre of metalwork. An attempt of definition of sources of raw material was made.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

К ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ХОРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА В I в. до н. э.

Первый век до н. э. в истории Боспора был временем, богатым различными событиями, подчас весьма драматическими. Приблизительно к середине III в. до н. э. в сопредельном с Боспором мире варварских племен нарушилась существовавшая до этого относительная стабильность [1]. Волна сарматских набегов и переселений докатилась вначале до азиатских районов Боспора, а к концу II в. до н. э. и до его европейских рубежей. В это же время Боспор оказался вовлеченным и в самую гущу событий, охвативших значительную часть античного мира: создание державы Митридата Евпатора, его упорную борьбу с Римом и утверждение гегемонии последнего в Причерноморье. Именно в I в. до н. э. складываются основы социально-экономической структуры и культурного облика Боспорского государства в последующие, по крайней мере, три столетия. Вряд ли какой другой период так привлекал внимание исследователей. И все же эта эпоха таит еще немало невыясненного, несмотря на то что и античные авторы освещали ее довольно подробно, и археология дополнила их сведения обширным материалом.

На одном из таких недостаточно изученных вопросов — судьбе населения хоры Европейского Боспора в I в. до н. э.— мы и хотели бы остановиться. Сельская территория этой части Боспорского государства в IV—III вв. до н. э. была густо населена [2], в основном осевшими на землю представителями местных племен. Их этническая принадлежность еще не вполне ясна. Возможно, часть их была скифами, родственными обитателям Центрального Крыма, другие — потомками уцелевшего автохтонного доскифского населения.

Во второй половине III в. до н. э. в хоре Европейского Боспора происходят значительные перемены [3]. Поселения III—I вв. до н. э. немногочисленны, жмутся к морскому побережью, хорошо укреплены [4]. Могильники этого времени свидетельствуют о сложном переплетении этносов и культур. Оставаясь в своей основе все еще варварским, сельское населе-

[1] К. Ф. Смирнов относит начало массового расселения сарматских племен к западу от Дона к III в. до н. э. (см. *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию — ПСА. М., 1971, с. 196).

[2] *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 53, 249. Здесь было раскопано и большое число подкурганных захоронений, главным образом IV—III вв. до н. э. См.: *Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма.— В сб.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 113.

[3] *Кругликова И. Т.* Ук. соч., с. 101. Причины сокращения сельского населения кроются прежде всего в изменении экономической ситуации в Восточном Средиземноморье в невыгодную для боспорской хлебной торговли сторону. Зерновое земледелие становится нерентабельным, деревни пустеют, их обитатели частью переселяются в города, частью переходят к занятию скотоводством, рыболовством, иными промыслами (см. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М. 1964, с. 98, 105).

[4] *Кругликова И. Т.* Ук. соч., с. 101.

ние подвергалось значительной эллинизации. В социально-правовом отношении во II в. до н. э. это были скорее всего подданные боспорских правителей, чем представители независимых местных племен [5].

Остановимся подробнее на погребальном обряде жителей хоры Европейского Боспора в конце III — начале I в. до н. э. [6] Гробницы этого времени известны в значительном числе северо-восточнее с. Золотое, вблизи обширного селища, где они и раскапывались; у мыса Зюк, в районе бывшей дер. Куль-Тепе и в урочище Сююрташ. Возможно, встречаются они и в других местах на побережье. Это примитивные склепы, ориентированные по оси восток — запад, сложенные из большого числа мелких и средних камней. Щели между ними часто замазаны зеленоватой глиной. С востока склепы имеют грубо выложенный из таких же камней дромос, сверху перекрыты двумя-тремя довольно массивными известняковыми глыбами. Все гробницы окружены кольцевыми обкладками диаметром от 8 до 12 *м* из камней различного размера. Часть могил находится под невысокими (0,3—1,5 *м*) курганными насыпями. Число захоронений в одной гробнице колеблется от 15 до 45. Каждая могила использовалась многократно, вследствие чего костяки предшествовавших погребений сдвигались в кучу. Господствует вытянутое трупоположение с западной ориентацией (известны случаи восточной). В погребениях встречаются подстилки из камки, подсыпки из золы, извести, куски охры. Инвентарь состоит главным образом из посуды лепной (сероглиняные миски, горшки, чашки, крышки) и гончарной (красноглиняные, буролаковые и сероглиняные горшки, чашечки, миски, тарелки), светильников, бронзовых браслетов, перстней и колец, подвесок, костяных и глиняных пряслиц, железных ножей и большого числа разнообразных бус. Изредка встречаются монеты. Верхнюю хронологическую границу этих погребений дает медная монета, относящаяся к концу II — началу I в. до н. э. [7], а также буролаковая тарелка начала I в. до н. э. с ручками-налепами и высоким прямым бортиком. Более поздних гробниц подобного типа в Восточном Крыму не найдено [8].

Некрополи сельского населения I в. до н. э.— III в. н. э. обнаружены вблизи поселений у дер. Семеновки [9], Ново-Отрадное [10], Золотое [11], Золотое в бухте [12], Кыз-Аул [13] и других местах. Всего раскопано более 200 могил этого времени. Несмотря на некоторые локальные различия, погребальный обряд всех могильников практически един.

---

[5] Не случайно уже в эпиграфических памятниках IV—III вв. до н. э. перечисляются лишь подвластные Спартокидам племена Таманского полуострова и ничего не говорится о населении Восточного Крыма, хотя эта территория, безусловно, входила в состав государства.

[6] Анализ поселений этого времени имеется в монографии И. Т. Кругликовой «Сельское хозяйство Боспора». Более подробное описание могил — каменных ящиков с кольцевыми обкладками, их количество, инвентарь, даты по могильникам даны в статье автора (*Масленников А. А.* О населении прибрежных районов Восточного Крыма в VI—I вв. до н. э. — СА, 1980, № 1, с. 5).

[7] *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, № 16, табл. XIII, № 4.

[8] Косвенно о времени прекращения захоронений описанного типа, вероятно, может свидетельствовать одна из гробниц, раскопанных экспедицией автора в окрестностях мыса Зюк. Здесь в центре каменного кольца найдена большая плитовая могила с погребениями второй половины I в. до н. э.— I в. н. э., совершенными по обряду, обычному для греков боспорских городов. Наличие кольцевой обкладки и плиты разрушенного каменного ящика указывает, что в данном случае жители ближайшего городка (Зенонова Херсонеса) частично использовали более древнюю туземную гробницу.

[9] *Кругликова И. Т.* Некрополь поселения у дер. Семеновки.— СА, 1959, № 1, с. 98.

[10] *Арсеньева Т. М.* Могильник у дер. Ново-Отрадное.— В сб.: Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М., 1970, с. 82.

[11] *Корпусова В. Н.* Некрополь у с. Золотое.— КСИА АН СССР, № 128, 1971, с. 86.

[12] *Дирин А. А.* Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки — ЗООИД, XIX, 1896, с. 128.

[13] *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, № 69, 1959, с. 187.

Погребальные сооружения разнообразны: простые грунтовые могилы с каменными перекрытиями или без них, плитовые, реже подбойные могилы и земляные склепы. Количество костяков в основном один — три, иногда до 10. Доминирует вытянутое трупоположение с восточной ориентацией при незначительном отклонении к югу и северу. Встречаются случаи трупосожжения и захоронения с элементами скорченности. Инвентарь представлен разнообразными типами и формами гончарной (краснолаковой и красноглиняной) и лепной керамики, большим числом различных бус, недорогими бронзовыми украшениями (браслеты, перстни, подвески, фибулы), железными ножами, пряжками, реже стеклянной посудой. В могилах попадаются монеты, наконечники копий, венки, нагубники и наглазники из золотой фольги, кости птиц, скорлупа яиц, орехов, зерна злаков. Во многих гробницах зафиксирована подсыпка из морского песка или мелких раковин. Известны единичные экземпляры надгробий [14].

Основная масса погребений относится к I в. н. э. [15] Отдельные могилы, по мнению исследователей, производивших их раскопки, датируются II—I вв. до н. э. [16]

Бросается в глаза, что некрополи жителей боспорской хоры начиная в I в. до н. э. не только находятся в других местах, но и сильно отличаются от могильников предшествовавшего времени [17]. Не менее важно и то, что погребальный обряд сельских жителей хоры Европейского Боспора при всем разнообразии форм гробниц практически аналогичен обряду синхронных захоронений в некрополях боспорских городов. Основная масса населения хоры Европейского Боспора наряду с горожанами представляла собой в это время своеобразную этнокультурную и территориальную общность, которую Страбон именовал «боспорянами» [18]. Наконец, нет заметной преемственности каких-либо черт обряда, традиций или строительных приемов между погребальными памятниками первой и второй группы, хотя изучены они в настоящий момент достаточно хорошо [19], а какое-то незначительное их количество даже существовало одновременно.

Таким образом, для воссоздания истории сельского населения Европейского Боспора в конце II—I вв. до н. э. необходимо ответить на несколько вопросов. Во-первых, когда и почему прекращается захоронение на могильниках VI—I вв. до н. э.? И во-вторых, когда появляются захоронения второй группы и откуда взялось население, их оставившее?

---

[14] Известняковая стела с рельефным изображением мужской и женских фигур и надписью II в. н. э. найдена при раскопках Кыз-Аульского некрополя в 1930 г. Там же были впоследствии обнаружены еще два надгробия, переданные в Керченский музей. В 1978 г. при охранных работах на некрополе раскопано антропоморфное надгробие и жертвенник — эсхара. (Автор выражает благодарность сотруднику Керченского музея О. Д. Чевелеву, любезно предоставившему сведения о надгробиях Кыз-Аульского некрополя.) Одно раннехристианское надгробие было найдено В. Н. Корпусовой при раскопках некрополя у с. Золотое. См. *Корпусова В. Н.* Ук. соч., с. 91, рис. 37.

[15] *Корпусова В. Н.* Ук. соч., с. 91; *Арсеньева Т. М.* Ук. соч., с. 115.

[16] *Арсеньева Т. М.* Ук. соч., с. 115; *Корпусова В. Н.* Некрополи сельского населения европейского Боспора II в. до н. э.— IV в. н. э. Автореф. канд. дис. Киев, 1975, с. 10.

[17] О смене населения хоры Европейского Боспора в VI—I вв. до н. э. и в «римское» время осторожно говорила В. Н. Корпусова (см. *Корпусова В. Н.* Про населення хори античної Феодосії.— Археологія, № 6, 1972, с. 55). И. Т. Кругликова уже более уверенно пишет о резком изменении погребального обряда в некрополях сельского населения в первых веках н. э. (см. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора, с. 248).

[18] *Strab.*, XI, 2, 10.

[19] В этой связи, как нам представляется, нет оснований говорить о сходстве гробниц этих двух типов (см. *Арсеньева Т. М.* Ук. соч., с. 144, 145). Т. М. Арсеньева располагала материалом лишь нескольких погребений V—IV вв. до н. э., более поздние гробницы этой группы вообще не были известны. Впрочем, их слабая изученность оговаривалась автором.

Конец II — первая половина I в. до н. э. было трудным временем для Боспорского государства. Усиление натиска сарматских племен на восточных границах, восстание Савмака, походы Диофанта, войны Митридата и его преемников, наконец, разрушительное землетрясение 63 г. до н. э.— все эти события не могли не сказаться на состоянии хозяйства и обитателях хоры Европейского Боспора.

Поскольку наиболее поздние из могил с кольцевыми обкладками относятся, как говорилось выше, к началу I в. до н. э., то, следовательно, население, которому они принадлежали, пережило восстание Савмака и карательные мероприятия Диофанта, хотя, возможно, и пострадало при этом. Раскопками было установлено, что большинство поселений в Восточном Крыму гибнет или подвергается разрушению в конце II — первой половине I в. до н. э.[20] Определить более точно дату этой катастрофы пока не удалось. Данные археологии подтверждаются описанием этих мест, имеющимся в «Географии» Страбона. Отметив, что область, которой владеют правители Боспора, опустошена постоянными войнами, он тут же уточняет, что именно берег Меотийского озера, мимо которого приходится плыть из Пантикапея в Танаис «... со стороны Европы пустынен»[21].

Труд Страбона, как считают его исследователи, был окончательно завершен не ранее 18 г. н. э.[22] Источники же Страбона по Боспору охватили период, видимо, лишь до 8 г. до н. э.[23] Результаты археологических раскопок говорят о том, что уже на рубеже I в. до н. э.— I в. н. э. эти районы были вновь густо заселены. Вспомним, что основная масса расположенных здесь погребений относится к I в. н. э. Следовательно, источники Страбона в данном случае передают обстановку более раннего времени, по крайней мере первой половины — середины I в. до н. э., возможно, даже не позднее 63 г. до н. э.

Какое же из событий того периода привело к опустошению рассматриваемой территории? Обратимся к еще одному известному свидетельству Страбона. Описывая район нынешнего Керченского пролива, Страбон рассказывает о победе Неоптолема — полководца Митридата Евпатора над варварами в морском сражении летом и в конном на льду замерзшего пролива — зимой[24].

Упоминание Неоптолема позволяет определить примерную дату этих сражений. С 79 до 65 г. до н. э. правителем Боспора был сын Митридата Махар, следовательно, случись вторжение варваров в это время, воевать с ними должен был либо Махар, либо его военачальник. Да и сам Митридат вряд ли мог выделить для помощи Боспору значительные военные силы в период своих войн с Римом, т. е. в 88—85, 83—82, 74—64 гг. до н. э. Где-то между 85 и 83 гг. до н. э. Митридат воевал с самими «отпавшими боспорцами»[25]. Маловероятно, что эти события имели место в 65—63 гг. до н. э., поскольку именно в союзе с сопредельными с Боспором варварскими племенами искал Митридат опору своей власти на заключительном этапе борьбы с Римом. Наконец, Неоптолем и его брат Архелай упоминаются Аппианом как военачальники Митридата в первой войне с Римом[26]. В дальнейшем это имя в повествованиях о

---

[20] *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство..., с. 99, 101—103.

[21] *Strab.*, VII, 4, 5.

[22] *Offo P.* Strabonis ἱστορικῶν ὑπομνημάτων fragmenta. Leipziger Studien. Bd XI, Supplementheft, 1889, S. 10—12; *Niese B.* Beiträge zur biographie Strabo's.— Hermes, Bd XIII. Leipzig, S. 33.

[23] *Ростовцев М. И.* Страбон как источник для истории Боспора. Отдельный оттиск из сборника в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914, с. 16, 17.

[24] *Strab.*, VII. 3. 18.

[25] *App. Mithr.*, 64.

[26] *App. Mithr.*, 17.

митридатовой эпохе не встречается. По-видимому, после поражений, понесенных от римлян, и измены брата карьера его оборвалась. Таким образом, наиболее реальную дату описанных Страбоном сражений следует искать где-то между 106 и 89 гг. до н. э.[27]

Кто же был этими «варварами»? Вряд ли речь шла о войсках крымских скифов[28]. Они, видимо, еще не оправились после разгрома их Диофантом. Возможно, это было сарматское племя роксалан. Известно, что они обитали во II—I вв. до н. э. в Нижнем Поднепровье и западном Приазовье и воевали в качестве союзников скифов против полководца Митридата Евпатора — Диофанта под руководством своего вождя Тасия[29].

Однако роксаланы разделили вместе со скифами горечь поражения, хотя и трудно сказать, насколько ощутим для них был этот разгром. Представляется все же более вероятным, что какое-то время роксаланам было не до походов на Боспор. Наконец, это племя было Страбону (или его источникам) хорошо известно. Поэтому, если бы в рассказе о победах Неоптолема речь шла о роксаланах, не было бы нужды скрывать это название под общим термином «варвары». В. Ф. Гайдукевич считал, что Неоптолему пришлось иметь дело с союзными боспорцам варварами в период подчинения Митридатом отпавшего Боспора около 80 г. до н. э.[30]

Интересную гипотезу предложил в своей монографии Е. А. Молев. Он считает, что в рассказе Страбона речь идет о бежавших в Азию на кораблях боспорского флота «сторонниках Савмака». Однако это вызывает ряд возражений. Поскольку «сторонники Савмака» состояли, как об этом пишет сам Е. А. Молев, в основном из скифов[31], то непонятно, почему Страбон называет их неопределенно «варварами», ведь, собственно, скифы были ему хорошо известны. Если же эти «сторонники» — часть боспорского населения, то вообще необъяснимо употребление термина «варвары». Маловероятно также и то, что эти «сторонники Савмака» могли найти достаточно надежное и долговременное убежище на азиатской части Боспора для того, чтобы подготовить два похода через пролив и иметь гавань для своего флота. В настоящее время господствует убеждение, что города и остальное население этого района не поддержали движение Савмака и, по-видимому, как это отмечает и Е. А. Молев, сразу признали власть Митридата после побед Диофанта. Наконец, довольно искусственно выглядит его предположение о том, что остатки флота Савмака были «подкреплены синдами и меотами»[32]. Античная письменная традиция сохранила, правда довольно смутные, намеки на синдо-скифскую неприязнь, если не вражду[33].

Таким образом, хотя, естественно, допустимы различные толкования данного эпизода у Страбона, приходится искать каких-то других виновников опустошений северной части Керченского полуострова, кроме скифов, роксалан и сторонников Савмака. Среди сарматских племен, перешедших Танаис и вторгшихся в земли скифов, Плиний называет сатархеев[34]. В дальнейшем сатархи заняли степные пространства в районе

---

[27] Попутно заметим, что знаток эпохи Митридата Т. Рейнак предлагал отнести победы Неоптолема к началу 70-х годов до н. э. (*Reinack Th.* Mithridate Eupatore roi de Pont. Paris, 1890, p. 75).

[28] *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971, с. 39.

[29] Страбон сообщает, что роксаланы во времена Митрадата Евпатора жили «между Танаисом и Борисфеном». *Strab.*, VII, 3, 17; а также см. IOSPE, I², 352.

[30] *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. Л., 1949, с. 305.

[31] *Молев Е. А.* Митридат Евпатор. Саратов, 1976, с. 44—46.

[32] Там же, с. 46.

[33] Это становится понятным в свете ставшей довольно популярной среди исследователей теории О. Н. Трубачева об индоарийском происхождении синдов и меотов и, следовательно, их языковом различии с ираноязычными скифами.

[34] *Plin.*, NH, VI, 22.

Присивашья и Перекопа[35] и прославились как морские разбойники. Им даже удалось захватить остров Левку (остров Ахилла), откуда они были изгнаны неким Посидием сыном Посидия, состоявшим на службе у скифского царя Скилура[36]. Не известно, какую роль сыграли сатархи во время войны скифов с Диофантом. Возможно, они входили в союз роксалан и пострадали вместе с ними, но скорее всего в силу вражды со скифами оставались самостоятельным племенем и сохранили силы в период скифо-понтийской борьбы. То обстоятельство, что Неоптолем одержал одну из своих побед над варварами в морском бою, заставляет с еще большей уверенностью считать, что речь здесь идет именно о знакомых с морским делом сатархах.

Обращает на себя внимание характер военных операций сатархов против Боспора. Это были не захваты каких-то пунктов или территорий с последующей попыткой закрепиться на них, а скорее грабительские набеги, что опять-таки соответствует особенностям военной тактики сатархов, засвидетельствованным античной традицией. Маршруты этих набегов, естественно, шли вдоль азовского побережья Восточного Крыма. Неудивительно, что именно тут заметнее всего следы разрушений и опустошения, о которых говорилось выше. Сатархи упорно стремились пробиться к важнейшим и богатейшим центрам Боспорского государства, имели даже какой-то флот и лишь с трудом были остановлены только на ближайших подступах к Пантикапею[37].

Население прибрежных районов Восточного Крыма было ими частью перебито и ушло из опасных мест или стало столь малочисленным, что эти места считались какое-то время безлюдными[38]. Поскольку, как отмечалось, наиболее поздние из погребений в могилах с кольцевыми обкладками датируются первой четвертью I в. до н. э., эти события скорее всего имели место незадолго до начала первой войны Митридата с Римом.

Теперь обратимся ко второму кругу вопросов. Уточнить, когда появляются погребения в могильниках I в. до н. э.— III в. н. э., довольно сложно. С одной стороны, они, как уже отмечалось, как будто бы синхронны наиболее поздним захоронениям предшествовавшего типа. Действительно, в могильниках у с. Ново-Отрадное и в с. Золотое есть погребения II—I вв. до н. э. На находящихся вблизи них поселениях, по мнению И. Т. Кругликовой, есть, хотя и незначительные, слои и строитель-

---

[35] Pom. Mela. II. 2—4; *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 47; *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию, с. 191; Ю. М. Десятчиков считает даже, что сарматы обитали и на севере Керченского полуострова уже со II в. до н. э. (*Десятчиков Ю. М.* Сатархи.— ВДИ, 1973, № 1, с. 133). К сожалению, выделить археологические памятники сатархов пока с полной достоверностью не удалось. Правда, в курганах эпохи бронзы близ Перекопа найдены единичные сарматские захоронения II—I вв. до н. э. (см. *Ратнер Н. Д.* Послевоенные полевые археологические исследования Херсонесского музея.— КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, с. 37, 39). В северной части да и вообще в Восточном Крыму погребений сарматского типа II в. до н. э.— I в. н. э. (за исключением некрополей городов) пока не найдено.

[36] IOSPE, I², 672.

[37] Возможно, именно сатархи наряду с другими сарматскими племенами были теми «варварами», из-за которых царь Боспора Перисад, будучи не в силах платить им все возраставшую дань, передал власть Митридату Евпатору (*Strab.*, VII, 4, 4). Предполагая в данном случае, что в разорении азовского побережья Керченского полуострова повинны сатархи, мы все же считаем, что главная сарматская опасность угрожала Боспору с востока: из районов Прикубанья и Северного Кавказа.

[38] Опустошение побережья не было единовременным актом, набеги следовали периодически. Внутренние районы полуострова, как уже говорилось, в III—II вв. до н. э. были слабо заселены. Непосредственно хора городов была разорена в значительно меньшей степени и, естественно, продолжала кормить горожан, и даже, по-видимому, обрабатывалась более интенсивно на протяжении всего I в. до н. э., хотя и сильно пострадала во время землетрясения 63 г. до н. э. (*Dio Cass.*, XXXVII, 11. 4; *P. Oros.*, VI, 5, 4).

ные остатки этого же времени [39]. Получается, что в течение по крайней мере II в. до н. э. на территории Европейской хоры Боспора, прежде всего на азовском побережье, обитали одновременно и потомки местных племен, и население, хоронившее своих покойников согласно греческому погребальному обряду. В этом, собственно говоря, нет ничего удивительного. Настораживает другое. Очень уж незначительно число могил не только II—I вв. до н. э., но и I в. до н. э., соответственно две и три, в то время как I в. н. э. датируется уже около 100 могил. Элемент случайности здесь невелик. Некрополи у с. Ново-Отрадное, Золотое, Кыз-Аул раскопаны достаточно хорошо, почти полностью. Конечно, оставившее их население в начале I в. до н. э. также пострадало от войн — о следах разрушений и пожаров на поселениях этого времени уже говорилось. И все же следует признать, что и до разгрома оно было крайне малочисленным. А во второй половине I в. до н. э. поселения, большинство из которых строилось на месте более ранних поселков или усадеб, были густо заселены. Причем обитатели их, судя по погребальному обряду, в своей основной массе были боспорскими греками. Мы не случайно употребили слово «заселены», ибо за счет только естественного прироста такой резкий скачок численности населения невозможен. Да и самого «естественного прироста» не могло быть, поскольку в течение, по-видимому, нескольких десятилетий эта территория была почти необитаема.

Раскопки и разведки на поселениях Семеновка, Ново-Отрадное, Андреевка Северная, Михайловка, Золотое, Ивановка, Тасуново, Генеральское I и др. свидетельствуют, что именно во второй половине I в. до н. э. на них производятся большие строительные работы [40]. Возводятся дома и оборонительные сооружения, просуществовавшие до III в. н. э. Обращает на себя внимание однотипность жилых помещений, однородность бытового инвентаря на большинстве из упомянутых поселений и такая же однотипность в целом небогатых захоронений их обитателей. Не случайно исследователи единодушно считают их «военными поселенцами» [41].

Откуда же появилось внезапно такое большое количество людей и кто расселил их по городкам-крепостям и укрепленным деревням? Вспомним описание военных приготовлений Митридата к неосуществленному походу на Рим. Помимо массы военного снаряжения и отрядов союзных варварских племен, он собрал на Боспоре из свободных и рабов 36-тысячное войско [42], организованное по когортам. Трудно с уверенностью сказать, из представителей каких национальностей оно комплектовалось. Здесь были и боспоряне, и римские перебежчики, и выходцы из греческих городов Малой Азии, и остатки прежних армий Митридата, состоявших из греков-наемников и жителей малоазиатских государств и народностей. И если обучены и вооружены они были, по-видимому, по римскому образцу [43], то обычаи и верования значительной их части были близки к господствовавшим на Боспоре в основе своей

---

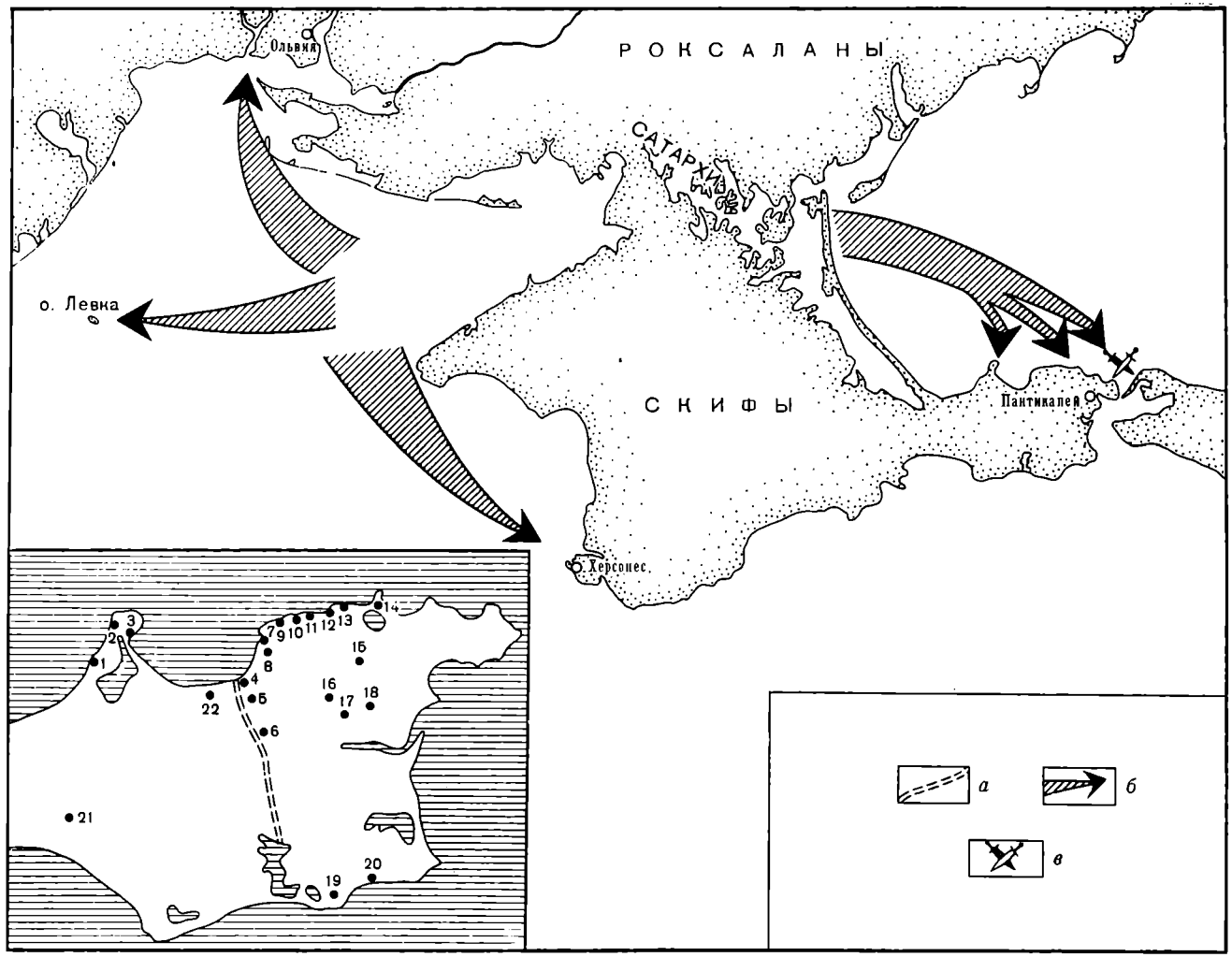
[39] *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство..., с. 103, 104, 109, 113, 128. По мнению И. Т. Кругликовой, 46 из 76 поселений I—III вв. н. э. возникли на месте эллинистических усадеб и деревень.

[40] *Кругликова И. Т.* Ук. соч., с. 103, 104, 109, 114, 126; *Петерс Б. Г.* Раскопки городища у с. Михайловки.— КСИА, № 103, 1963, с. 119; *Блаватский В. Д., Шелов Д. Б.* Разведки на Керченском полуострове.— КСИИМК, № 58, с. 113. Раскопки автора на поселении Генеральское I в 1979 г. Примечательно, что в то же время возникает серия крепостей на Таманском полуострове (*Сокольский Н. И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху.— Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. София, 1963, с. 24).

[41] *Кругликова И. Т.* Ук. соч., с. 103, 160; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурат.— СА, XIII, 1950, с. 173.

[42] *App. Mithr.*, 107, 108.

[43] *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 145.



1 — Семеновка; *2* — Рыбное; *3* — Афанасьевка; *4* — Ново-Отрадное; *5* — Белинское; *6* — Савроматий; *7* — Золотое — берег; *8* — Золотое — плато; *9* — Золотое — Восточное; *10* — Куль-Тепе; *11* — Генеральское — Западное; *12* — Генеральское I; *13* — Генеральское II; *14* — Таш-Аллак, Черная гора; *15* — Андреевка; *16* — Тасуново; *17* — Михайловка; *18* — Ивановка; *19* — Опук — плато; *20* — Кыз-Аул; *21* — Фронтовое II; *22* — Заморское. *а* — Узунларский вал, *б* — направления набегов сатархов, *в* — предполагаемое место битв Неоптолема с варварами

эллинским представлениям. Вряд ли Митридат, намереваясь вскоре двинуться в небывалый поход, стал бы сажать своих солдат на землю, основательно устраивая их жилища. Сменивший отца Фарнак вел активную внешнюю политику, подчинив себе значительную часть сопредельных с Боспором племен и земель[44], и набранная Митридатом армия не сидела без дела. Но и Фарнак, стремясь вернуть владения отца в Малой Азии, скорее всего смотрел на Боспор как на временную базу[45] и, видимо, не был склонен серьезно устраивать внутренние дела. Часть войск он увел с собой в Малую Азию, откуда, разгромленный Цезарем, вернулся на Боспор с немногочисленным окружением. Во всяком случае, отвоевывать царство у Асандра Фарнаку пришлось с помощью скифских и сарматских дружин[46]. Лишь Асандр (47—17(?) гг. до н. э.) после победы над Фарнаком занялся вплотную устройством внутренних дел государства и обеспечением надежных границ[47]. Безусловно, Асандр располагал значительной и, вероятно, разноплеменной армией. При решении задач экономической и военной, а возможно, и социальной стабилизации государства Асандр пошел по пути создания укрепленных поселений. Их жители могли на условии несения сторожевой службы наделяться землей[48]. Эти мероприятия облегчались тем обстоятельством, что, как уже мы говорили выше, территория хоры Европейского Боспора к середине I в. до н. э. почти обезлюдела. Как известно, катокии — поселения военных колонистов, главным образом ветеранов, появились на эллинистическом Востоке со времени Александра Македонского и были распространены при его преемниках. Так что Асандр не был здесь оригинален. Разумеется, условия наделения землей, обязанности поселенцев и их права были в каждом конкретном случае различны.

Обитатели этих поселков-крепостей жили порой вместе вне зависимости от их этноса, хотя выходцев из сарматских племен старались, по-видимому, селить в более привычных им степных районах. Там, насколько мы можем судить по материалам некрополей[49], укрепленных поселений у сел Ивановка, Тасуново и др., представители различных этнических групп еще долго сохраняли некоторые специфические черты своего погребального обряда. Более эллинские (или эллинизованные) контингенты были расселены по укрепленным деревням на побережье (Семеновка, Золотое, Генеральское I, Кыз-Аул). Эти поселенцы своим трудом в немалой степени способствовали экономическому подъему Боспорского государства в I—II вв. н. э. Созданная при Асандре система землепользо-

---

[44] *Strab.*, XI, 2, 11.

[45] *Блаватский В. Д.* Пантикапей, с. 130.

[46] *App. Mithr.*, 120.

[47] *Strab.*, VII, 4, 1—6. В этой связи мы убеждены, что так называемый Асандров вал проходил все-таки по Керченскому полуострову. Асандр лишь укрепил существовавший здесь древний вал и ров. Разведки в 1978 г. подтвердили наличие на нем и около него около 20 возвышенностей, по-видимому, башен. Вряд ли Боспор мог реально контролировать и эксплуатировать столь большую территорию, как весь Крымский полуостров. Поэтому сооружение укреплений в районе Перекопа для Боспора было бессмысленно с военной точки зрения. Это подтверждают войны и победы Боспора над скифами и тавро-скифами в I—II вв. н. э. Вся сеть военных поселений и укрепленных деревень (Илурат, Тасуново, Михайловка, Белинское, Генеральское, Савроматий и др.) находятся в восточной части Керченского полуострова, именно под защитой Узунларского вала. Естественно, что были периоды, когда Боспору подчинялись довольно значительные районы к западу от вала и даже Херсонес. Скорее всего для выпаса скота и переложного земледелия использовалась территория, значительно большая ограниченной этими укреплениями. Яркую картину такого полукочевого хозяйства богатых боспорян рисуют росписи склепа Анфестерия.

[48] *Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурат, с. 173 сл.; *Кругликова И. Т.* Ук. соч., с. 103, 160.

[49] Показателен в этом отношении некрополь Илурата, где совершенно отдельно расположены высеченные в скале склепы с погребениями (II—III вв. н. э.), сопровождавшимися захоронениями коней, и могилы, идентичные раскопанным у сел Ново-Отрадное — Золотое (см. *Кубланов М. М.* Исследования некрополя Илурата.— КСИА АН СССР, № 128, 1971, с. 78—85).

вания и поселений[50] и сложившаяся на ее основе этническая и социальная структура населения хоры Европейского Боспора просуществовала практически без изменений вплоть до середины III в. н. э.

A. A. Maslennikov

TO THE HISTORY OF THE POPULATION OF RURAL DISTRICTS OF THE EUROPEAN BOSPORUS IN THE Ist CENTURY B. C.

Summary

By the early Ist century B. C. the number of rural settlements at the European Bosporus reduced and the majority of them was situated in the coastal region. The population of these settlements remained barbarous, but with some hellinistic influence. The traditions of the preceeding period were preserved in the funeral rite of this population. In the first quarter of the Ist century B. C., possibly, as a result of forays of Sarmathes-Satarhos these villages disappeared and their population was partly killed, partly left these places. During some decades the Azov coast of the Kerch peninsula and neighbouring districts were almost uninhabited. Only during the reign of Asander a lot of new villages and towns appears in the North-Eastern Crimea. For using the land their inhabitants were, obviously, obliged to carry on military service. Their funeral rites are very close to the rites of the Bosporan towns and differ from the traditions of the inhabitants of the Bosporan rural districts of the Vth — Ist centuries B. C. The system founded by Asander existed up to the middle of the IIId century A. D.

---

[50] Разумеется, помимо описанной формы землепользования, на Боспоре в I—III вв. н. э. существовали крупнопоместное, храмовое, царское, а возможно, и иные формы землевладения.

В. И. ШЛЯХОВА

КЕРАМИКА С КОБАЛЬТОВОЙ РОСПИСЬЮ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

(по материалам Селитренного и Царевского городищ)

Настоящая работа посвящена изучению керамики с монохромной кобальтовой росписью по белому фону под прозрачной бесцветной глазурью, встречающейся среди продукции керамистов золотоордынских городов Нижнего Поволжья в слоях XIV в. Она представлена изделиями различных видов и размеров: от миниатюрных парфюмерных и медицинских сосудов до больших блюд и высоких ваз. Керамика эта представляет большой интерес по технике исполнения, сюжетам и манере росписи как один из ранних археологически известных образцов широко распространенной на мусульманском Востоке в следующую эпоху, в XV—XVII вв., так называемой «тимуридской керамики». Свое название эта керамика получила на основании утвердившегося в научной литературе мнения о появлении ее в Тимуридскую эпоху. Золотоордынская керамика XIV в. дает возможность проследить зарождение, начало становления и первые формы этого вида средневековой поливной керамики на примере одного из районов ее первоначального распространения.

Рассматриваемая коллекция поливной керамики городов Нижнего Поволжья интересна также своей локализацией, так как в Нижнем Поволжье в XIV в. находились центры городской жизни Золотой Орды и здесь наиболее интенсивно развивались различные виды городских ремесел [1], достигая наибольшей высоты мастерства, удовлетворяя запросы столичного города. С другой стороны, именно здесь, в созданных монгольскими ханами в степях городах, не имеющих традиций в самом производстве поливной керамики, с особой силой смогли проявиться все особенности и закономерности сложения этого вида художественной керамики, характерный для нее как и для искусства Золотой Орды в целом синкретизм: синтез культурных заимствований народов, вошедших в состав государства монголов и вовлеченных в тесные торговые связи с ним [2].

Исследованию керамики с кобальтовой монохромной росписью в Золотой Орде до сих пор не было посвящено отдельных работ. В классификационной схеме золотоордынской керамики, созданной по технологическому принципу на материалах раскопов 1959—1968 гг.[3], сине-белая керамика включает в себя три типа: керамика с синими точками, «тимуридская» и с ажурным черепком. В монографии по искусству Золотой Орды высказана мысль об эволюции сюжетов росписи в сине-белой керамике от ранних, с синими точками, до сложных зооморфных и растительных

---

[1] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественной строй Золотой Орды. М., 1973, с. 77.

[2] *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., с. 78.

[3] *Булатов Р. М.* Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. М., 1969; *его же.* Кобальт в керамике Золотой Орды.— СА, 1974, № 4.

Таблица 1

Распространение керамики с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам раскопок жилых кварталов в Сарае (Селитренное городище) 1969, 1976 гг.)

Общее количество кашинной керамики	Всего керамики с росписью кобальтом	Керамика с синими точками	Керамика с изобразительными орнаментами
661	5.90%	0,61%	5,3%

Таблица 2

Производство керамики с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам раскопок мастерской по производству кашинной керамики в Сарае (Селитренное городище) 1968–1976 гг.)

Общее количество кашинной керамики	Керамика с кобальтовой росписью	Керамика с синими точками	Керамика с изобразительными орнаментами
21633	9,3%	1,88%	7,42%

ных композиций [4]. Накопленные за последние годы работами Поволжской археологической экспедиции многочисленные новые образцы керамики с кобальтовой росписью позволяют в данной работе более подробно технологически, а также стилистически исследовать ее как единый по своему художественному содержанию вид керамической продукции этих крупнейших ремесленных центров мусульманского Востока.

Наибольший интерес в решении поставленных вопросов представляет материал обеих столиц Золотоордынского государства Сарая (Селитренного городища) и Сарая ал-Джедида (Царевское городище) из раскопок 1959—1976 гг. Керамика Селитренного городища происходит с жилых объектов 40—80-х годов XIV в. и из крупной мастерской по производству кашинной поливной архитектурной и бытовой керамики последней четверти XIV в. (обозначается шифром Сг—). В слоях жилых комплексов содержится небольшое количество керамики с кобальтовой росписью (табл. 1), в слоях мастерской керамика представлена более многочисленной группой (табл. 2). Фрагменты и целые формы сосредоточены среди выбросов бракованной керамики в горнах и производственных ямах на территории мастерской. Материал Царевского городища содержит коллекцию керамики середины XIV в. из слоев жилых комплексов (обозначается шифром Цг—). Керамики с кобальтовой росписью среди просмотренных целых форм и фрагментов содержится значительно меньше, чем в жилых комплексах Селитренного городища. В работе использованы в основном неопубликованные материалы коллекций АКМ, ГМИНВ, кафедры археологии МГУ и неопубликованные материалы ПАЭ архива ИА АН СССР.

Рассматриваемая керамика изготовлена в подавляющем большинстве случаев на кашинном тесте в отличие от керамики этого вида в других районах мусульманского Востока, где кроме кашинной встречается большая группа красноглиняной и светлоглиняной керамики с белым ангобом [5]. Сделан химический анализ кашинной основы нескольких фрагментов кашинной керамики из мастерской Сарая. Для исследованных образцов содержание: SiO_2 — 86,1—89,2%; Al_2O_3 — 3 — 6,1%; Fe_2O_3 — 1—1,2%; CaO — 1—3%; MgO — 1%; Na_2O — 0,1—3%; K_2O — 0,3—1,2%; CO_2 — 0,4%; H_2O — 0,1—2% [6]. По данным микроскопического анализа

[4] *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976, с. 148.

[5] *Пугаченкова Г. А.* Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв.— ТЮТАКЭ, т. I, 1949, с. 403; *ее же.* Самаркандская керамика XV в.— Тр. САГУ, вып. XI, 1950, с. 96.

[6] Анализы были сделаны в секторе химических исследований ВЦНИЛКР под руководством канд. хим. наук Л. В. Кузнецовой.

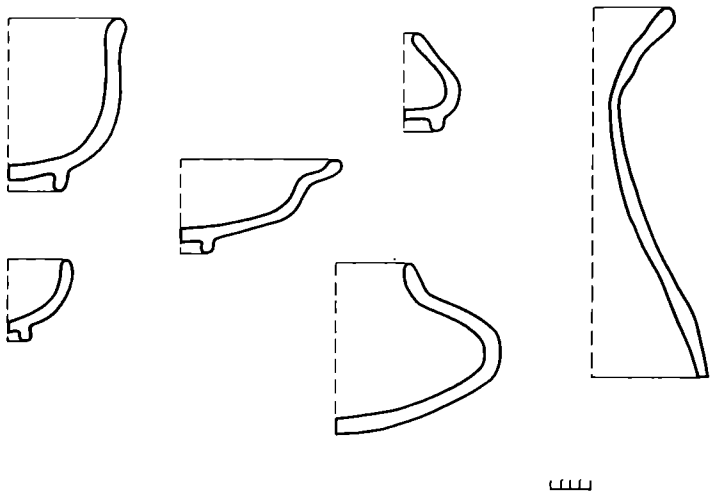


Рис. 1. Основные виды и формы сосудов

состава теста керамики из мастерской Сарая кашинная основа ее светлая или серая в зависимости от содержания примесей, однородная, крупнозернистая. Встречается также керамика с розовым черепком, что объясняется более низкой температурой обжига.

Основные виды сосудов немногочисленны, это пиалообразные чаши и миниатюрные чашечки, блюда с изогнутым вверх бортом, миниатюрные сосудики конической формы, биконические горшочки, высокие вытянутые вазы (рис. 1). Для классификации использованы целые формы из мастерской Сарая и с жилых районов Сарай ал-Джедид. Керамика с монохромной кобальтовой росписью по белому фону под бесцветной прозрачной глазурью классифицируется в работе по принципу построения изобразительных орнаментов, их характеру и стилю. Выделяются три отдела по характеру орнамента: с геометрическим, растительным и зооморфным. Внутри каждого отдела выделяются группы по композиции орнамента, в каждой группе — варианты по элементам орнамента и видам сосудов.

I Отдел: керамика с геометрическим орнаментом.

Первая группа: керамика с точечным орнаментом. Группа представлена небольшими полусферическими чашами на кольцевой ножке. Орнаментация изделий этой группы проста, согласуется с миниатюрностью размеров, несложностью формы, повседневным использованием чаш. Темно-синий цвет небольших точек и полосок на венчике оживляет просторное поле чаш, мелкими вкраплениями вторгаясь в белоснежную гладь поверхности. Узор в синий «горошек» придает легкость, изящность и вместе с тем нарядность изделиям. Композиция орнамента группы в целом не находит аналогий в декоре других видов керамики Золотой Орды и других областей мусульманского мира, отдельные точки на тулове или ряды точек на венчике как элементы декора широко распространены на кашинной керамике с полихромной росписью с рельефом и без рельефа под бесцветной глазурью и с кобальтовой росписью под бирюзовой глазурью в Золотой Орде[7], Иране[8] и в Средней Азии[9]. Рассматриваемая группа керамики широко распространена в слоях второй половины XIV в. на Селитренном городище (табл. 1 и 2). Сравнение данных табл. 1 и 2 и таблицы распространения керамики Царевского городища[10] показывает,

[7] *Булатов Н. М.* Кобальт в керамике..., с. 137.

[8] *Wilkinson R.* Iranian Ceramics. New York, 1963, t. 42, 48.

[9] *Сайко Э. В.* Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв. Душанбе, 1969, с. 52, 53.

[10] *Булатов Р. М.* Классификация поливной керамики..., табл. 6.

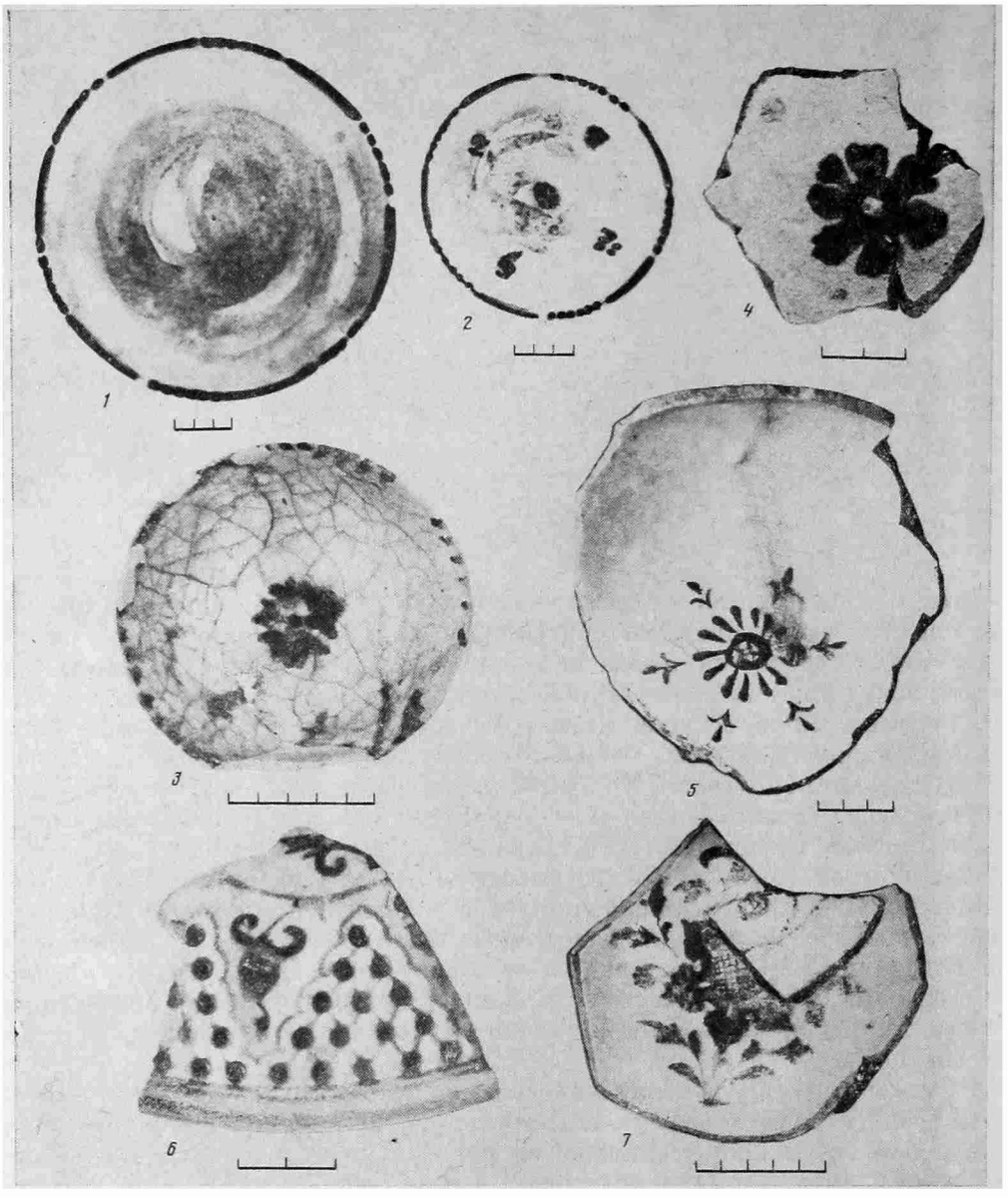


Рис. 2. Керамика с простейшими орнаментами. *1, 2* — Царевское городище (Сарай ал-Джедид); *3—7* — Селитренное городище (Сарай)

что на Царевском городище эта группа численно преобладает над группами с изобразительными орнаментами, а на Селитренном городище уступает им, что объясняется различием в развитии декорировки изделий данных керамических центров Золотой Орды.

1-й вариант: точками украшен только венчик небольшой чаши (Цг—1963 р. II № 86).

2-й вариант: точками и короткими полосками в чередовании украшен только венчик небольшой чаши (Цг—1964 р. II № 12, рис. 2, *1*).

3-й вариант: точки расположены на венчике и дне миниатюрных чаш. По венчику проходит ряд точек. На дне помещены одна, три, чаще четыре точки или целая точечная розетка из шести точек вокруг крупной центральной (Сг — 1966 р. II № 641; Сг — 1968 р. II № 169, 29[11]; Сг — 1971 р. II № 15[12]).

---

[11] *Булатов И. М.* Кобальт в керамике..., рис. 1; 4, *6*.

[12] *Булатов Р. М.* О трех гончарных печах Селитренного городища.— СА, 1976, № 1, рис. 3, *6*.

4-й вариант: отличается от предыдущего более сложной точечной фигурой на дне небольшой чаши. Это ромбовидная фигура, состоящая из рядов точек [13]. Аналогичные ромбовидные фигуры широко распространены среди орнаментов на костяных накладках колчанов, изготовляемых в XIII—XIV вв. в степных городах Нижней Волги [14].

5-й вариант: чередующиеся точки и полоски на венчике и точечные розетки с рельефом на тулове на всей поверхности крупных чаш, расположенные в центрально-радиальном порядке, выполненные в подглазурном рельефе, роспись точек синей краской (Цг—1964 № 11, рис. 2, *2*). Аналогичный орнамент распространен и на сине-белой керамике золотоордынских городов Хорезма, датируется монетным материалом XIV в.[15]

Среди описанных вариантов первой группы выделяются по стилю и манере росписи две подгруппы, совпадающие с территориальным делением керамики. На Царевском городище в середине XIV в. изготавливаются чаши с определенно выраженным стилем орнаментации, когда декорируется только венчик или венчик и поверхность сплошь. На Селитренном городище в последней четверти XIV в. орнамент на чашах покрывает венчик и выделяет дно, подчеркивая глубину изделия. Наличие двух определенных стилей в росписях сине-белой керамики обеих столиц Золотой Орды свидетельствует о своеобразии керамической продукции в каждом из этих ремесленных центров, о различии их керамических школ.

II Отдел: карамика с растительным орнаментом.

Это самый большой по количеству и разнообразию отдел. Первая группа: керамика с простейшим растительным орнаментом, состоящим из мелкой цветочной розетки на две сосуда открытой формы, вписанной в прерывистый или сплошной круг венчика. Группа представлена полусферическими чашами на кольцевом поддоне. Расположенные в центре чаш в кругу венчика на дне растительные розетки резко контрастируют с просторной белой гладью поверхности изделий. Аналогичная композиция встречается на чашах полусферической формы с кобальтовой росписью по белому ангобу на красной глине в домонгольском Иране [16]. Кроме Нижнего Поволжья в XIV в. она встречается на красноглиняной керамике с кобальтовой росписью по белому фону в западных районах монгольского государства [17]. В XV в. эта композиция широко распространилась на миниатюрных чашечках с кобальтовой росписью на кашине в Самарканде [18].

1-й вариант: маленькая сплошная шестилепестковая цветочная розетка на дне чаши, по венчику проходит ряд точек или сплошная полоса (Сг—1968 р. II № 28 [19]; Сг—1969 р. II № 9, рис. 2, *3*; Сг—1975 р. II № 154). Аналогичные розетки широко распространены как элементы орнамента на полихромной кашинной керамике Золотой Орды [20], Ирана [21], на золотоордынских мозаичных изразцах [22].

2-й вариант: шестилепестковая розетка крупнее предыдущей с белой сердцевиной на дне чаши (Сг—1975 р. II № 146, рис. 2, *4*).

3-й вариант: сплошная 14-лепестковая цветочная розетка, окруженная шестью трилистниками, с выделенной сердцевиной, заполненной сетчатой штриховкой, на дне крупной чаши. По венчику проходит сплошная полоса (Сг—1969 р. II № 291, рис. 2, *5*).

---

[13] *Булатов Н. М.* Кобальт в керамике..., рис. 1, *3*.
[14] *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников..., табл. 148.
[15] Архив ИЭ АН СССР. ХАЭЭ Шх-к-1948 р. III № 2416.
[16] *Rosen-Ajalon M.* La poterie Islamique. Paris, 1974, pl. LVIIa, LVIIb, LVIIId.
[17] Коллекция ИОИКМ А-1727.
[18] Коллекция ГМИНВ № 1 опись фонд III.
[19] *Булатов Н. М.* Кобальт в керамике..., рис. 1, *7*.
[20] *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников..., илл. 106, 116.
[21] *Wilkinson R.* Op. cit., t. 42.
[22] *Носкова Л. М.* Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья.— В сб.: Средневековые памятники Поволжья. М., 1976, табл. 1, *2*.

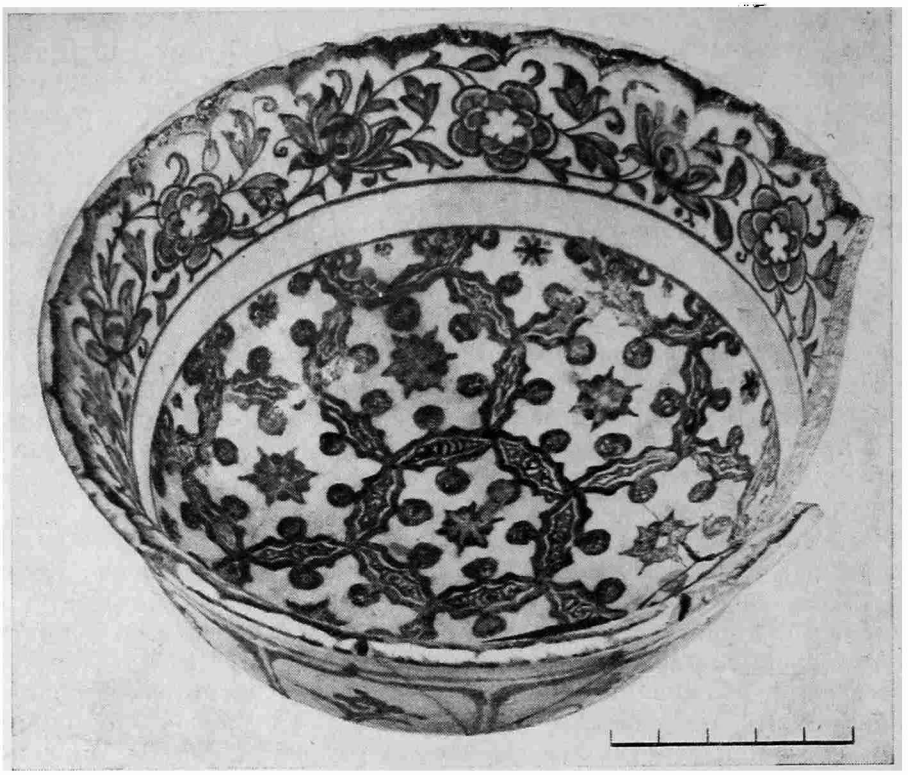


Рис. 3. Чаша из керамической мастерской Селитренного городища

Вторая группа: керамика с центральной розеткой на выделенном контуром дне, опоясанном круговым бордюром. Группа представлена полусферическими чашами на кольцевом поддоне. Ковровый сплошной рисунок покрывает всю поверхность изделия, что усиливает декоративный эффект синей росписи по белому фону, придает нарядность чашам. Аналогичное расположение растительных фигур на внутренней поверхности глазурованных чаш широко распространено в поливной керамике Северного Хорасана домонгольского времени с полихромной росписью под бесцветной глазурью и кобальтовой росписью под бирюзовой глазурью [23].

1-й вариант: правильно построенные центрально-концентрические переплетения одинаковых розеток в выделенном контуром дне и ряд чередующихся цветов на борту и венчике (Сг—1975 р. II № 254, рис. 3). На дне изображена плетенка из шести шестиконечных крупных идентичных друг другу розеток вокруг центральной, окруженных чередующимися шестью крупными и шестью мелкими розетками, обрезанными контуром дна. Внутри каждой крупной розетки расположены схожие друг с другом шестилепестковые розетки с мелкими кружками между лепестками, окруженные шестью крупными с сетчатой сердцевиной цветками. Внутри мелких розеток располагаются точечные розетки. Дно окружено белой узкой полоской. Выше ее по верху бортика и по венчику проходит широкая полоска с рядом крупных чередующихся, направленных вниз и вверх цветов, оконтуренная прямой снизу и волнистой сверху полоской. Снаружи борта покрыты рядом стрельчатых арок с одиночными цветами в каждой. Аналогичные «арочки» на наружных поверхностях сосудов характерны для орнаментации минского фарфора с кобальтовой росписью первой половины XIV в.[24]. Композиция находит аналогии среди орнаментов золотоордынских майоликовых изразцов с подглазурной росписью:

[23] *Пугаченкова Г. А.* Искусство Туркменистана. М., 1967, с. 165.
[24] *Garner H.* Oriental blue- and white. London, 1954, pl. 5.

вокруг правильной фигуры по двум сторонам расположены четыре аналогичные восьмиугольника, но заполнение фигур сложнее, чем на описанной чаше [25].

Третья группа: керамика с орнаментом в виде вихревой композиции на дне сосуда в контуре, по венчику проходит узкая полоска орнамента. Группа представлена полусферическими чашами на кольцевом поддоне. Композиция по своему декоративному выражению продолжает ряд композиций предыдущих групп: с точками на дне и с цветочной розеткой в кругу венчика. У центрального элемента появляется контур, орнамент на дне и на венчике увеличен и усложнен. Вместе с тем аналогичное расположение орнамента известно на китайском фарфоре XIV в.[26]; в XV в. эта композиция широко распространяется в Средней Азии [27]. В золотоордынской керамике на дне сразу появляется вихревая композиция.

1-й вариант: центральная розетка состоит из трех изогнутых в вихревом движении цветов. У круга дна есть центр, но он не подчиняет себе строй остальных элементов. Это лишь трилистник, отходящий от одного из цветов (Сг—1969 р. II № 165—183 [28]). Составные элементы декора венчика, тонкая изогнутая полоска с двумя симметрично отходящими в обе стороны завитками со спиралями, у дна — крупные на тонкой ножке цветы с шестью круглыми лепестками и сетчатой сердцевиной, широко распространены в золотоордынской керамике с кобальтовой росписью. Композиция орнамента венчика — чередование завитков, направленных вверх и вниз, также традиционна для этой керамики. Рассматриваемый вариант происходит от элементов орнамента китайского фарфора эпохи монгольской династии Юань.

2-й вариант: три изогнутых в вихревом движении растительных побега на дне, отходящие от контура. По борту проходит ряд из шести треугольников, образованных сквозными подглазурными проколами в тексте, направленных острием вниз (Сг—1975 р. II № 135, рис. 4, *1*). Сосуды, украшенные ажурными орнаментами, так называемый «китайский бестелесный фарфор», известны в Иране, Северном Хорасане с конца XII в.[29]

Четвертая группа: керамика с поясным расположением орнамента. Группа представлена вазами с вытянутым туловом и высоким узким горлом, горшочками с биконическим туловом и коническими налепами, миниатюрными сосудами с усеченно-коническим туловом. Орнамент этой группы горизонтальными поясами покрывает всю поверхность изделий. Декоративный эффект орнамента создает чередование поясов с синей росписью и белого пространства между ними. Величина пояса и составных элементов орнамента, их характер зависят от расположения на плоскости изделия.

1-й вариант: один пояс на тулове миниатюрного сосуда с усеченно-коническим туловом, состоящий из ряда наклонных овальных листьев (Сг—1969 р. II № 129, рис. 4, *2*).

2-й вариант: три пояса на внешней поверхности вазы с вытянутым туловом со сложным средним поясом (Сг—1969 р. II № 401, 591, рис. 4, *3*). На горле вазы изображены ряды растительных побегов с двумя симметрично отходящими в разные стороны завитками, заключенные в четыре вертикальные секции. Подобные побеги известны как элемент предыдущей группы орнамента. На тулове вазы расположено несколько анало-

[25] *Воскресенский А. С.* Полихромные майолики золотоордынского Поволжья.— СА, 1967, № 2, рис. 1, *10*.

[26] *Zimmermann E.* Chinesischen Porzellan. Leipzig, 1913, Bd II, t. 42.

[27] *Пугаченкова Г. А.* Искусство Узбекистана с древнейших времен до наших дней. М., 1965, с. 300.

[28] *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников..., илл. 119.

[29] *Массон М. Е.* Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 г.— ТЮТАКЭ, т. I, 1949, с. 11.

гичных друг другу поясов: чередующиеся направленные «вверх» и «вниз» листья треугольной формы. В описываемом варианте нашли отражение все характерные черты рассматриваемой группы: на вытянутом широком тулове проходит высокий пояс из чередующихся широких трилистников, на высоком узком горле расположен высокий пояс из узких побегов с завитками.

3-й вариант: отличен от предыдущего более сложными поясами на тулове вазы (Сг—1970 р. II № 33[30]). Здесь чередуются пояса с треугольными листьями в направлении «вверх» и «вниз» и пояс крупных цветов с восьмью круглыми листьями и сетчатой сердцевиной, спускающихся сверху вниз на изогнутом побеге. Описанный вариант представляет собой образец расчлененного орнамента на тулове. Листья треугольной формы известны уже по предыдущему варианту, крупные цветы с восьмью крупными листьями и сетчатой сердцевиной находят аналогии в 1-м варианте предыдущей группы.

4-й вариант: четыре пояса на горле, венчике, плечиках и тулове вазы (Сг—1969 р. II № 239—243, 33, 34) [31]. Аналогичная сложная композиция, состоящая из нескольких поясов, встречается на фарфоровых синебелых китайских вазах сложной формы с профилированным горлом и плечами, датируемых первой половиной XIV в.[32] Дробный орнамент из нескольких поясов встречается на сложных по профилю самаркандских кашинных подставках для цветов с кобальтовой росписью [33]. Прием выделения дробным орнаментом сложной профилированной формы изделия, таким образом, единая характерная черта для золотоордынской кашинной керамики с кобальтовой росписью конца XIV в. и более поздней, XV в., среднеазиатской кашинной керамики.

На высоком широком тулове вазы располагается высокий пояс, заполненный рядом широких растительных розеток в виде пальмет, содержащих цветы лотоса, чередующихся с узкими растительными побегами. На плечиках вазы расположен пояс из мелких растительных побегов, расположенных наклонно и в ряд. Между ними помещены стилизованные побеги овальной формы, широко распространенные в орнаментах золотоордынской керамики с кобальтовой росписью. На узком высоком горле проходит широкий пояс из рядов мелких зигзагообразных ломаных линий. Аналогичные линии, нанесенные кобальтовой краской, широко распространены в орнаментике керамической продукции городов Золотой Орды. Они встречаются на золотоордынских чашах с полихромной росписью под бесцветной глазурью [34].

5-й вариант: два пояса орнамента на биконическом горшочке с конусообразными рельефными налепами (Сг—1975 р. II № 141, рис. 4, *4*). На тулове распространенного в золотоордынской керамике горшочка биконической формы с конусообразными рельефными налепами расположены два пояса орнамента: широкая полоса из чередующихся уже известных нам восьмилепестковых цветов с сетчатой сердцевиной, окруженных растительными побегами, и многолепестковые крупные цветы с рельефной сердцевиной в виде конусообразного налепа, расцвеченного синими мазками; ниже — известные нам стрельчатые арочки с цветами.

Пятая группа: керамика с «отвесной композицией» орнамента. Представлена полусферическими чашами и миниатюрными чашечками на кольцевом поддоне, горшочками с крышками. У орнамента есть «верх» и «низ», передана перспектива. Композиция отличается от построения орнамента на поливных сосудах предыдущего времени, где использова-

---

[30] *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников..., илл. 118.

[31] Там же, илл. 117.

[32] *Garner H.* Op. cit., pl. 5.

[33] Коллекция ГМИНВ, № 1788Ш.

[34] *Булатов Н. М.* Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа.— СА, 1968, № 4, рис. 1, *1*.

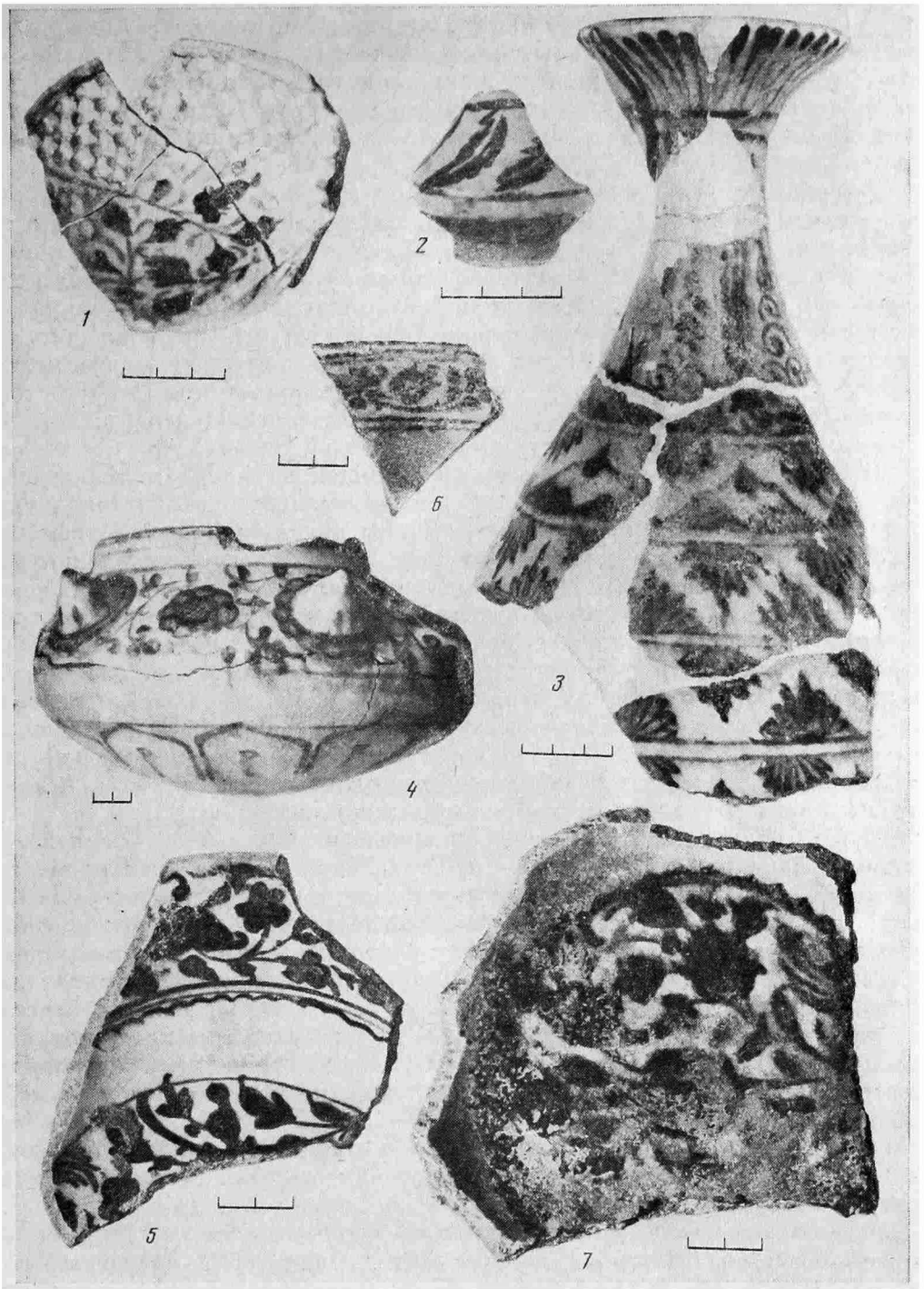


Рис. 4. Керамика с растительным орнаментом. Селитренное городище

лись либо строгая геометрическая композиция, либо также рисунки с «верхом» и «низом», но плоскостные, без передачи окружающего пространства: одиночные фигуры лошадей, птиц, цветы на глиняных изделиях XIII—XIV вв. Рассматриваемая группа находит аналогии среди керамики домонгольского Ирана[35]. Описываемая, простейшая группа орнамента с «отвесной композицией», возникнув как несложный способ декорировки, широко распространилась позже, в XV в., на Ближнем Востоке на миниатюрных кашинных чашечках и сохранилась позже,

[35] *Koechlin R.* Les ceramiques Musulmanes de Suse au musee du Louvre. Paris, 1928, pl XII, № 85.

в XVI—XVII вв., на полуфаянсах Турции [36], уступив место на крупных сосудах более нарядному пышному ковровому орнаменту. Орнамент у этой группы часто дополняется ажурными узорами на стенках сосудов, создаваемыми сквозными подглазурными проколами, примером чему служит крышка от горшка с синей росписью побегами и треугольниками, состоящими из проколов (Сг—1968 р. II № 10, рис. 2, *6*).

1-й вариант: один цветок на дне чаши (Сг—1969 р. II № 613, рис. 2, *7*). Цветок на высокой тонкой ножке с шестилепестковой головкой, листьями треугольной формы на фоне двух растительных фигур. У цветка сетчатая сердцевина, что характерно для сине-белой керамики мастерской Сарая. Лепестки цветка треугольной формы с выемками у основания, с узкими пустотами овальной формы. От стебля отходят в обе стороны листья треугольной и овальной формы. На заднем плане — два мелких цветка и четыре трилистника, симметрично расположенные по обе стороны от головки цветка. Трилистник выполнен в стиле, характерном для керамики с кобальтовой росписью из мастерской Сарая.

Шестая группа: отличается от предыдущей выделением дна изделия контуром. По верхней части бортика и по венчику проходит ряд повторяющихся фигур. Композиция этой группы является продолжением предыдущей. Декоративный эффект росписи усилен за счет появления контура дна. Растения как бы прорастают из контура, тянутся вверх, заполняя поверхность керамических изделий. «Почва» обозначена кустами или травой. Нижнее Поволжье золотоордынского времени дает самые ранние известные образцы керамики с этой композицией. В XV в. она широко распространяется в Средней Азии [37], в Иране [38] на сине-белой и нескольких других типах кашинной глазурованной керамики: с полихромной росписью под бесцветной и кобальтовой росписью под бирюзовой глазурями. Своеобразие этой композиции позволило отнести ее к отличительным чертам так называемой «тимуридской керамики» [39].

Среди керамики с кобальтовой росписью из мастерской Сарая встречаются фрагменты чаш, дающие представление о различных вариантах орнаментации бортов и венчика сосудов этой группы. Одну из разновидностей составляет фрагмент с широкой оконтуренной прямыми и волнистыми линиями полосой с рядом повторяющихся цветов сложной формы (Сг—1975, р. II № 126, рис. 4, *5*). Другую разновидность орнаментации борта чаши составляет орнамент на двух фрагментах с белыми бортами и тонкой полоской на венчике, из уже известных полосок с завитками, направленных вверх и вниз (Сг—1970 р. II № 149), или чередующихся шестилепестковых цветов и цветочных розеток характерного для керамики мастерской Сарая вида (Сг—1975 р. II № 146 рис. *4*, *6*). Третью разновидность декора стенок чаш в этой группе составляют подглазурные сквозные проколы на бортах, образующие ромбы, круглые точечные розетки (Сг—1970 р. II № 31 *а*, *б*).

Пример совершенно иной композиции орнамента борта чаш рассматриваемой группы являет собой фрагмент с Царевского городища (Цг—1963 р. III № 687 [40]). Над тонкой белой полоской вокруг дна расположены вертикальные секции, разделенные полосками. В секциях чередуются цветочные и листовидные фигуры. Цветочные фигуры сложны по построению, состоят из прорастающего из почвы с травой цветка с трилистником посредине стебля и круглой головкой с листьями различной величины. Описанный фрагмент содержит, таким образом, характерное

[36] Коллекция ПОПКМ № А-1234.

[37] *Пугаченкова Г. А.* Искусство Туркменистана, с. 165.

[38] *Асадулаева С. Х.* Произведения иранских мастеров в собрании Государственного музея искусств им. Р. Мустафаева.— В сб.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, табл. 1.

[39] *Жадова Л.* Современная керамика Узбекистана. М., 1963, с. 31.

[40] *Федоров-Давыдов Г. А.* Новый Сарай по раскопкам 1963—1964 гг.— СА, 1966, № 2, рис. 5, *2*.

для керамики с кобальтовой росписью с Царевского городища построение орнамента — деление поверхности сосуда на секторы, что отличается от концентрического построения орнамента на внутренней поверхности чаш и блюд с Селитренного городища.

Рассматриваемая группа представлена следующими вариантами.

1-й вариант: куст из трех цветов на поросшей травой земле на дне чаши (Сг—1975 р. II № 118, рис. 4, 7). В центре композиции помещен высокий и крупный цветок, по обе стороны от него отходят симметрично расположенные круглые крупные цветы на тонких ножках. На земле по обе стороны от куста растут два наклонно помещенные кустика травы. Композиция оконтурена прямой и волнистыми линиями. Верх и борт чаши не сохранились. Аналогичная композиция встречается на мозаичных золотоордынских изразцах [41].

2-й вариант: сложная растительная композиция с центральной стилизованной фигурой, окруженной цветами, на дне блюда (Сг—1968 р. II № 57 [42]). Сложная композиция в виде своеобразного букета, пучка цветов, исходящего из контура дна. У основания стебли прерваны стилизованной фигурой, аналогичной уже встреченной в 4-м варианте группы с поясным расположением орнамента. Выше ее расположены два цветка лотоса с круглой головкой и сетчатой миндалевидной сердцевиной с мелкими цветочными отростками. В середине блюда помещен стилизованный трилистник с длинными овальными листьями по бокам и коротким круглым листом сверху, соединенный с нижней фигурой шестью стеблями, пересеченными четырьмя горизонтальными полосками. От трилистника отходят вверх симметрично расположенные два цветка лотоса, крупнее нижних, сходные с ними по форме головок, но более сложные с листовидным окружением головок. На венчике блюда помещена широкая полоса, состоящая из ряда повторяющихся фигур, аналогичных овальной фигуре в середине стебля.

III Отдел: керамика с зооморфными орнаментами.

Это самый малочисленный отдел рассматриваемой керамики.

Первая группа: керамика с «отвесной» композицией орнамента. Представлена одним вариантом: на внутренней поверхности блюда изображена парящая на фоне облаков птица (Сг—1969 р. II № 480, 570, 570 [43]; Сг—1975 р. II № 110). Помимо золотоордынской керамики аналогичная сцена встречается на блюде из Северного Ирана XV в.[44].

Вторая группа: керамика со свободным расположением орнамента. Представлена одним вариантом: дракон на фоне цветов изображен на вазе с узким вытянутым туловом (Сг—1969 р. II № 590, 591, 599 [45]). Аналогичная композиция характерна для орнамента на фарфоровых китайских вазах с кобальтовой росписью первой половины XIV в.[46].

Рассмотренная в работе керамика с монохромной кобальтовой росписью по белому фону под бесцветной прозрачной глазурью середины — второй половины XIV в. из слоев золотоордынских городов Нижнего Поволжья являет собой единый по художественному стилю вид восточной поливной керамики. Его особенностью является сильный декоративный эффект орнамента при минимальных средствах выразительности, создаваемый одной только росписью густым синим цветом по белоснежному фону, мягкость и живописность орнамента. В развитии и смене групп и вариантов, выделенных в золотоордынской сине-белой керамике, прослеживается определенное направление становления стиля росписи кера-

[41] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда. М., 1941. рис. 27.

[42] *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников..., илл. 115.

[43] *Булатов Н. М.* Кобальт в керамике..., рис. 1, *10*.

[44] *Wilkinson R.* Op. cit., t. 79.

[45] *Fedorov-Davidov G. A.* Die Goldene Horde und ihre Vorgänger. Leipzig, 1973. fig. 90.

[46] *Garner H.* Op. cit., pl. 3, 4.

мики этого вида: от строгого тектонического орнамента концентрического, радиального или поясного построения, подчеркивающих форму простой пиалоообразной чаши или сложной профилированной вазы с вытянутым туловом, до свободного и живописного стиля сложных растительных и зооморфных композиций. Простейшие орнаментальные мотивы, ряды точек и отдельные цветы на небольших и несложных по форме чашах, где выразительность создается одним контрастом синего и белого, сменяются целыми живописными сценами на блюдах с изогнутым бортом, вертикальных вазах, биконических горшках, где используется прием нанесения различной интенсивности мазков синей краски, создающий разную градацию цвета.

Четко прослеживается различие в орнаментации сине-белой керамики столиц Золотой Орды Сарай и Сарая ал-Джедида, выразившееся в разном соотношении групп керамики с декоративными и изобразительными мотивами орнамента, в различии принципов композиционного построения орнамента на поверхности сосудов. Вместе с тем керамика этого вида в различных областях золотоордынского государства обнаруживает черты единства в форме, технике исполнения и сюжетах орнаментации.

Исследование комплекса керамики с монохромной кобальтовой росписью по белому фону под бесцветной глазурью обеих столиц Золотой Орды позволяет выделить истоки возникновения этого вида золотоордынской керамики. Первые из рассмотренных форм орнамента, синие точки на внутренней поверхности и венчике, мелкие цветочные розетки, отдельные цветы на дне простых по форме полусферических чаш представляют собой пример внесения в керамическое ремесло новосозданного монгольского государства техники, форм и орнаментальных сюжетов красноглиняной с белым ангобом керамики с синей подглазурной росписью, распространенной в Средней Азии и Иране в предыдущую эпоху, в IX—X вв. Продукцию золотоордынских керамистов отличают от ее прототипов характерные для рассматриваемого периода (XIII—XIV вв.) черты керамического производства: употребление в качестве теста в подавляющем большинстве случаев высококремнеземной массы кашина, позволяющей без ангоба получать под щелочной глазурью яркий четкий рисунок на белоснежном фоне, использование в качестве красителя окиси кобальта, дающей сочный густой синий цвет.

В более сложных формах сине-белой золотоордынской керамики проявилось влияние китайского керамического искусства. Вместе с тем усвоение черт среднеазиатского и китайского керамических ремесел сопровождалось в керамических центрах Золотой Орды выработкой черт собственного, золотоордынского, производства на этом новом этапе развития средневекового керамического ремесла.

V. I. Shlyahova

THE COBALT PAINTED POTTERY FROM THE GOLDEN ORDA
(on the materials from the Selitrennoye and Tsarevskoye fortified settlements)

Summary

The monochrome cobalt painted pottery on the white background from the XIVth century deposits of the Golden Orda capitals Saray (Selitrennoye fortified settlement) and Saray al-Jedid (Tsarevskoye fortified settlement) is an early sample of the «timurid pottery», wide-spread at the Moslem East in the XVth — XVIIth centuries.

The pottery is divided by the character of ornamentation into classes: geometric, vegetative and zoomorphic; into groups by the composition of ornamentation and into variants by the details of ornamentation and types of vessels. The numerous analogies in the pottery of Middle Asia, Iran and China permit the author to find out the prototypes of compositions and elements of this decoration in the premongolian pottery of these countries. The adoption of the features of handicrafts from other countries was accompanied by the establishing of local features in the pottery production of the Golden Orda.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ДЕТИНЕЦ И ОКОЛЬНЫЙ ГОРОД ДРЕВНЕРУССКОГО НОВОГРУДКА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 1956—1977 гг.

В 1956 г. славяно-литовский отряд Прибалтийской экспедиции производил археологические разведки в бассейне верхнего течения Немана. Одним из объектов исследования был Новогрудок — районный центр Гродненской обл. БССР. Вал и развалины средневековых башен Замковой горы на северной окраине города напоминали о временах литовского владычества в этом крае, о сражениях новогрудцев, одно из которых, относящееся к схватке с крестоносцами, описано Адамом Мицкевичем в поэме «Гражина» [1]. К западу от Замковой горы возвышается холм, называемый Малым Замком. Какое отношение имела эта разрушенная крепость и примыкающие к ней холмы к летописному древнерусскому Новогородку, о котором упоминает летописец под 50—70 годами XIII в.?

Исследование древностей Новогрудка мы начали с его околицы. Еще в конце XIX в. археолог М. А. Цыбишев раскопал два кургана близ дер. Городиловка, в 3 *км* от Новогрудка. Там были открыты три погребения по обряду трупоположения [2] с материалами, этническая принадлежность которых осталась неустановленной.

В итоге наших обследований выяснилось, что в окрестностях Новогрудка имеется много курганных могильников. Наиболее крупный из них находится в 1,5 *км* к востоку от города и насчитывает около 130 сохранившихся насыпей [3]. В древности могильник был больше, на значительной площади по соседству с ним и сейчас еще видны пятна от распаханных курганов.

Неожиданное подтверждение справедливости наших предположений находим у Адама Мицкевича. Описывая город и его окружение в поэме «Гражина» такими, какими они представали перед взором поэта в начале XIX в., А. Мицкевич пишет, что воины «спустились вниз направо и скрылись между курганами и кустами» [4]. Речь здесь идет именно об открытом нами могильнике, к которому можно проникнуть, спустившись с холмов города, повернув на восток, т. е. направо. Только значительное скопление могильных холмов вблизи Новогрудка могло побудить поэта сделать их частью пейзажа, окружающего город. К югу от Новогрудка, у дер. Коростово сохранилось девять курганов. В Городиловке, где копал М. А. Цыбишев, были открыты два курганных могильника, находящиеся в 500 *м* друг от друга. Вблизи одного из них, на берегу безымянной речки находилось селище. Выяснилось, что в радиусе до 10—15 *км* Новогрудок был окружен курганными могильниками и поселениями (рис. 1).

---

[1] *Mickiewicz A.* Grażyna, Powieści poetyckie. Warszawa, 1972, s. 7—46.

[2] *Цыбишев М. А.* Раскопка в конце 1892 г. некоторых курганов близ г. Новогрудка Минской губ.— В кн.: Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX Археологическом съезде в Вильне в 1893 г. Вильна, 1893, с. 73—76.

[3] *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. Л., 1962, с. 97.

[4] *Mickiewicz A.* Op. cit., s. 33.

Раскопки курганов, произведенные в 1956 г., не оставляли сомнения в том, что это погребальные памятники славянского, древнерусского населения конца X—XII вв. Типично древнерусскими были и материалы, полученные при исследовании селища в Городиловке. Удивительными были находки стеклянных браслетов, которые, как известно, считаются украшением исключительно горожанок [5].

Концентрация древнерусского сельского населения вблизи и вокруг Новогрудка позволила, пока еще априорно, предположить, что на его территории должен был существовать летописный Новогородок. В городе на Замковой горе и на соседних возвышенностях были проведены небольшие работы и собран подъемный материал [6]. Полученные данные не

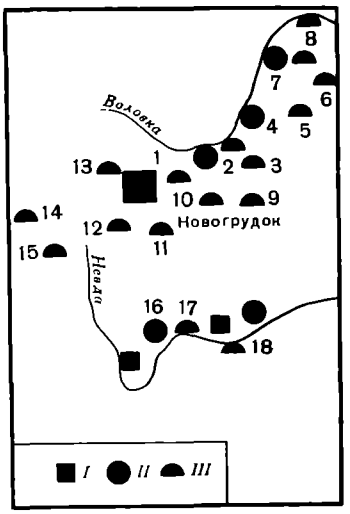


Рис. 1. Археологические памятники окрестностей Новогрудка. I — городище; II — селище; III — курганный могильник. *1* — Бретянка-Экономия; *2* — Городиловка I, *3* — Городиловка II; *4* — Селец I; *5* — Селец II; *6* — Мотча; *7* — Сулятичи; *8* — Бронники-Мольничи; *9* — Волковичи; *10* — Кореличский тракт; *11* — Коростово; *12* — Ботаревка; *13* — Ладенники; *14* — Каменка; *15* — Кошели; *16* — Радогоща; *17* — Марулины; *18* — Селище

оставляли сомнения в том, что здесь значительная территория была занята древнерусским поселением. Это был летописный Новогородок.

С 1957 г. начинаются его раскопки, которые с небольшими перерывами ведутся в течение 20 лет. Прежде чем дать представление о выводах, полученных на основании археологических данных, обратимся к летописным и другим письменным свидетельствам о Новогрудке.

Косвенное упоминание о Новогрудке относится к 1235 г. и связано с именем Изяслава, князя Новгородского. «По том же лете Даниил возведе на Кондрата Литву, Миндога, Изяслава Новгородского» [7]. В 30-х годах XIII в. польский князь Кондрат Мазовецкий пытался заключить союз с крестоносцами, с тем чтобы оградить себя от Волыни и Литвы. В этих событиях участвовал князь Изяслав из Новгородка. Имя его в летописи больше не встречается. Начиная с 1252 г. волынские князья совершают ряд военных походов на Новогрудок и другие города Понеманья. «Данило же и Василко поидоста к Новгороду. Данил же и Василко брат его разгадав со сыном, брата си посла на Волковыск, а сына на Услоним, а сам иде ко Здитову: и поимаша града многы и возвратишася в домы» [8].

В следующем, 1253 г. организуется новый большой поход на Новогрудок, в котором участвовали брат Даниила Василько, сын его Лев, князь Тегак Литовский, князь Товтивил и пинские князья. Последние, дойдя до берегов реки Щары, не пожелали идти дальше, и Даниилу пришлось потратить много усилий, чтобы двинуть свою рать. «Данил же

---

[5] *Гуревич Ф. Д.* Ук. соч., с. 84—107; *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930, с. 25, 26.

[6] *Гуревич Ф. Д.* Работы славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 г.— КСИИМК, № 74, 1959, с. 90; *ее же.* К истории древнего Новогрудка.— Swiatowit, t. XXIV. Warszawa, 1962, с. 556—575.

[7] ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 776.

[8] ПСРЛ, т. II, стб. 816.

мудростью речи створи: яко срамоту имеем от Литвы и от всих земель, аще не дойдем и вратимся»[9]. Поход 1253 г. был успешным: «Наутрея же плениша всю землю Новгородьскую, оттуда же возвратишеся в домы свои»[10]. Спустя год летопись снова сообщает: «Данилови же вошедши на войну, на Литву, на Новгородок»[11].

Вчерашние враги галицкие князья и Литва вскоре действуют как союзники. Миндовг при посредничестве своего сына Воишелка заключает договор, согласно которому Новогрудок достается сыну князя Даниила Роману. В 1256 г. Роман с ратью, собранной в Новогруде, отправляется походом на ятвягов «посла (Даниил — *Ф. Г.*) по Романа в Новгородок. И приде к нему Роман со всими Новгородцы...»[12]. Совместные действия бывших противников видны в следующем свидетельстве летописи: «Присла же Миндовг к Даниилу, „Пришлю к тобе Романа и Новгородце, абы пошел к Возвяглю, а оттуда к Кыеву"»[13]. После смерти Миндовга Новогрудком владеет его сын Воишелк. Он «пойде с припяны к Новугороду и оттоле поя с собою новгородце и пойди в Литву княжить»[14]. Затем в 1267 и 1268 гг. Новогрудок принадлежит волынскому князю Шварну Даниловичу[15].

Одно из последних и ярких упоминаний о Новогрудке относится к 1274 г. Третий сын Даниила Галицкого князь Лев Данилович, во главе князей пинских и туровских собираясь походом на Литву, обращается за помощью к хану Менгитимуру. Последний посылает ему смоленских князей и татар во главе с Ягурчином. Подойдя к Новогрудку со своей ратью, князь Лев «взя околний град, а детинец остался»[16]. Спустя три года волынские князья заявляют «оже пойдем к Новугородку а тамо уже татарове извоевали все»[17].

Этими сведениями в основном исчерпываются бесспорные известия галицко-волынской летописи о древнем Новогрудке. Лишь в конце XIII в. мелькнуло сообщение о том, что жители Новогрудка оплакивали смерть князя Владимира Васильковича[18], а под 1305 г. появляется известие о том, что в Новогрудке начал княжить Гедимин[19]. Таким образом, в летописи оставили свой след политические события 50—70-х годов XIII в., связанные с военным и мирным внедрением волынских князей и Литвы в Новогрудок.

Кроме этих неоспоримых свидетельств имеются данные, отвергаемые многими историками. Речь идет об известиях, опубликованных в западнорусских летописях XV—XVI вв. К разряду этих источников относятся и сведения, почерпнутые из сочинений М. Стрыйковского — автора XVI в., где нашли свое место и некоторые известия о Новогрудке.

Так, в Густынской летописи сообщается «В то же лето (1252 г.) великий князь Литовский Миндовг коронован бысть на кролевство Литовское в Новогродку за благословением папы Иннокентия през Генрика бискупа Хелмского, в Прусех кардинала Папежского»[20]. Приведем также известие одной из западнорусских летописей о Новогрудке. В нем сообщается об одном из мифических князей, который со своим войском «...перешли реку Немон и нашли в четырех милях от реки Немна гору красноую и сподобалася им и вчинили на ней город и назвали Новгоро-

---

[9] Там же, стб. 818.
[10] Там же, стб. 819.
[11] Там же, стб. 831.
[12] Там же.
[13] Там же, стб. 838.
[14] ПСРЛ, т. II, стб. 862.
[15] Там же, стб. 864.
[16] Там же, стб. 872, 873.
[17] Там же, стб. 878.
[18] Там же, стб. 820.
[19] ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стб. 227.
[20] ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, с. 342.

док и вчинил себе князь великий в нем столець и назывался князем великим Новгородским...» [21]. Примерно такие же сведения излагаются в книге М. Стрыйковского [22] и некоторых других источниках. Все эти позднейшие данные во времени, действительно, далеко отстоят от описываемых ими событий. Но, может быть, не следует их вовсе исключать из перечня источников. В известиях XVI—XVII вв. могли сохраниться отзвуки древнейших событий.

Долетописный Новогрудок, чье существование предугадывали лишь отдельные историки, благодаря археологическим источникам предстает во всем многообразии своей культуры.

За 20 лет работы на Замковой горе (летописный детинец) раскопано около 1000 *м*², а на соседней возвышенности (летописный окольный град) — около 2000 *м*². В 1961, 1962 и 1965 гг. архитектурно-археологическая экспедиция под руководством М. К. Каргера провела раскопки у стен Борисоглебской церкви начала XVI в. и открыла там остатки древнерусского храма XIII в., выстроенного полоцким зодчим [23]. Специальному исследованию подверглись оборонительные сооружения детинца и окольного города Новогрудка, начатые П. А. Раппопортом и продолженные М. А. Ткачевым [24]. Большое значение в истории изучения новогрудских древностей имеют работы архитектурного отряда под руководством М. В. Малевской, производившиеся на территории детинца. Там были открыты и исследованы памятники монументального зодчества развитого и позднего средневековья (храмы и гражданское сооружение) [25]. Плодотворными были также раскопки курганных могильников в окрестностях Новогрудка [26]. К курганам, раскопанным в 1956 г., прибавилось еще 75 насыпей. Теперь в нашем распоряжении данные почти о 90 новогрудских курганах — этих древнерусских погребальных сооружениях.

Темой нашего исследования является долетописный Новогрудок. Часть материалов XIV в. и более позднего времени опубликована [27], а остальная готовится к изданию.

Материалы, характеризующие древний Новогрудок, получены при раскопках его детинца и посада — окольного города (рис. 2), а также холма, находящегося к западу от возвышенности Малый Замок, на которой стоит Борисоглебская церковь. Культурный слой на этом последнем не превышает 1 *м*. Он характерен керамикой и некоторыми другими вещами, относящимися ко времени не ранее XII в.[28] Раскопанная площадь на территории Малого Замка вдвое превышает площадь, исследованную на Замковой Горе. К тому же при активной застройке последней в XIV—XVI вв. культурный слой домонгольского времени сохранился там хуже, чем на

---

[21] ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стб. 231.

[22] *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmodska i wszystkiej Rusi, t. I. Warszawa, 1846, s. 235.

[23] *Каргер М. К.* Раскопки храма Бориса и Глеба в Новогрудке.— АО — 1965. М., 1966, с. 165—168; *его же.* Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке.— КСИА АН СССР, № 150, 1977, с. 79—85.

[24] *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, № 140, 1967, с. 89, 90; *Ткачев М. А.* Военное зодчество Белоруссии XIII—XVIII вв. Автореф. канд. дис. Минск, 1972; *Ткачоу М. А.* Замкі Беларусі. Мінск, 1977, с. 15—21.

[25] *Малевская М. В.* Монументальные сооружения Новогрудского детинца XIV—XV вв. (по раскопкам 1968 г.).— КСИА АН СССР, № 135, 1973, с. 90—97; *Малевская М. В., Шолохова Е. В.* Раскопки культовых сооружений Новогрудского детинца XIV—XVII вв.— АО-1973. М., 1974, с. 376, 377; *они же.* Раскопки церковных построек на детинце Новогрудка.— АО — 1974. М., 1975, с. 391, 392; *Малевская М. В.* Раскопки гражданской постройки XIV в. в Новогрудке.— АО-1977. М., 1978, с. 420, 421.

[26] *Павлова К. В.* Раскопки курганного могильника близ Новогрудка.— КСИА АН СССР, № 104, 1965, с. 99—105; *ее же.* Раскопки курганов у д. Городиловка.— КСИА АН СССР, № 135, 1973, с. 56—61; *Павлова К. В., Риер Я. Г.* Раскопки курганов в окрестностях Новогрудка.— АО-1972. М., 1973, с. 365, 366; *Павлова К. В.* Могильники у деревень Мольничи и Сулятичи.— КСИА АН СССР, № 139, 1974, с. 59—68.

[27] *Ткачоу М. А.* Ук. соч.

[28] *Гуревич Ф. Д.* К истории древнего Новогрудка, с. 566.

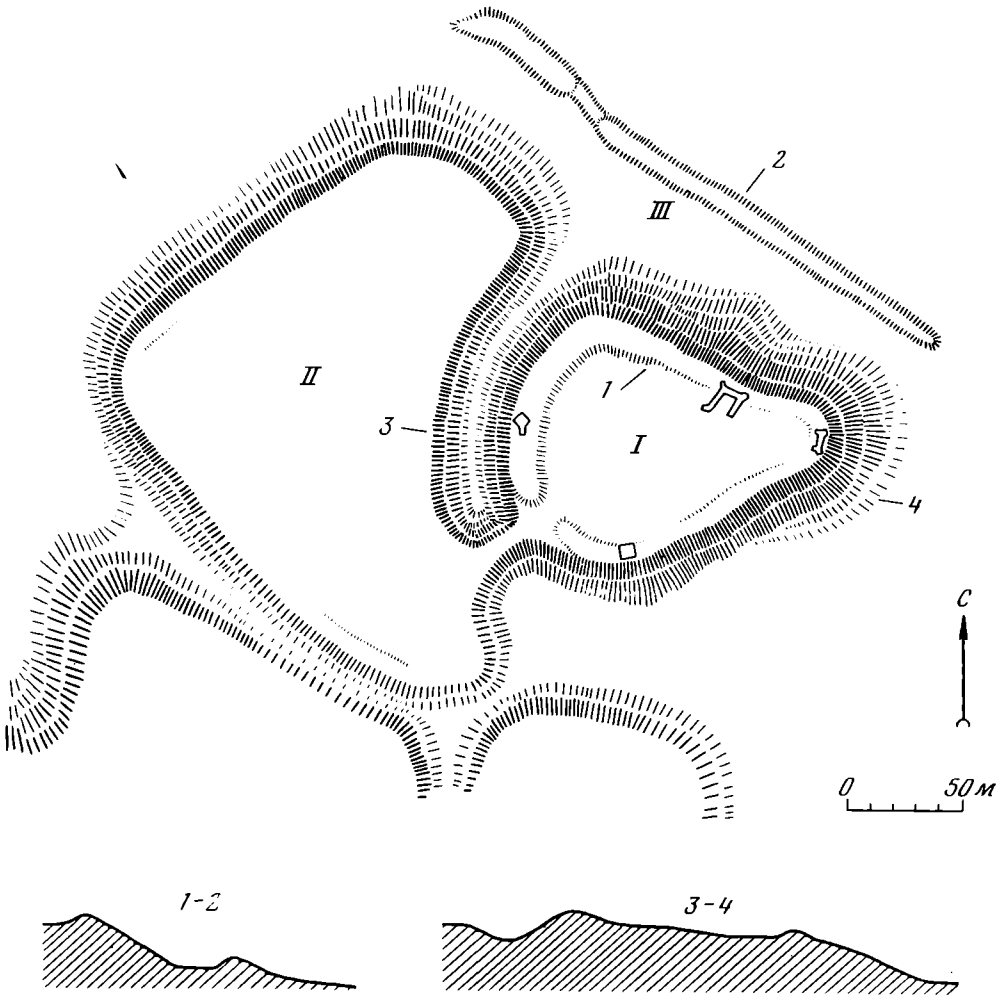


Рис. 2. Древний Новгрудок. I — детинец; II — посад (конец X—XI в.), окольный город (XII—XIII вв.); III — нижний вал

Малом Замке, а при исследованиях в 1974 и 1977 гг. в юго-восточной части площадки выяснилось, что в позднее средневековье он был вовсе уничтожен. Таким образом, при изучении культуры древнерусского Новогрудка мы располагаем данными, среди которых абсолютно преобладают материалы холма Малый Замок.

Судя по находкам отдельных каменных и кремневых орудий, на новогрудских холмах могли быть поселения конца эпохи неолита и начала эпохи бронзы, найдены здесь и единичные обломки керамики первых веков нашей эры. Ко времени возникновения Новогрудка культурный слой древнейших поселений был уже уничтожен. Все материалы, отражающие летописный период в истории исследованной нами территории, продолжавшийся два с половиной столетия, отчетливо делится на два этапа: ранний, обнимающий время с конца X до конца XI в., и поздний, соответствующий XII — 70 годам XIII в.

На холме Малый Замок, преимущественно по краям площадки, было основано неукрепленное поселение. О нем свидетельствуют остатки плохо сохранившихся наземных срубных жилищ с глинобитными печами или печами-каменками и деревянными полами. В развалах построек и за их пределами найдена круговая керамика (горшки), а также глиняные пряслица, односторонние гребни и некоторые украшения, бытование которых не выходит за пределы XI в. В культурном слое поселения найдены два сошника, серпы, коса-горбуша и некоторые другие сельскохозяй-

вение здесь поселения на два с половиной столетия раньше, эти наименования могли иметь хождение и в более раннее время.

Материалы как самого раннего Новогрудка, так и ближайших курганных могильников типично славянские, древнерусские. Накопленные материалы позволяют вместе с тем не только ограничиться этой общей атрибуцией древностей Новогрудка, но и усмотреть в них сохранившиеся племенные черты. По этническому облику новогрудские курганы с обрядами трупосожжения и трупоположения с помещением костяка на грунте соответствуют памятникам летописных дреговичей [42]. Материалы из курганов, окружавших Новогрудок, те же, что и в новогрудском некрополе. Таким образом, в этих памятниках сохранились племенные особенности дреговичей. Наряду с этим, анализируя погребальный обряд и инвентарь могильника у дер. Сулятичи, находящегося в 7 *км* к востоку от Новогрудка, К. В. Павлова прослеживает особенности, сближающие их с культурой древлян и волынян [43]. Южные волынские связи Новогрудка X в. на материале керамики устанавливает М. В. Малевская. В Новогрудке в небольшом количестве встречается западнославянская и мазовецкая керамика, для которой характерны сосуды, украшенные квадратным, ромбическим и овальным штампами [44]. Совместное проживание мазовшан и дреговичей в Понеманье известно в XI—XII вв. Смешанный дреговичско-мазовецкий характер имеет могильник XI—XII вв. в местности Подрось вблизи Волковыска [45]. Материалы Новогрудка дают, таким образом, возможность отметить проникновение отдельных групп западнославянского поселения еще дальше на восток.

В состав населения древнего Новогрудка входили не только славяне. Еще в середине прошлого столетия вблизи города были раскопаны курганы, характер которых отличен от массовых славянских курганов этой территории. В них найдены серп, наконечники копий, серебряная плетеная гривна, пластинчатый головной обруч, горшок и другие вещи. По набору инвентаря эти курганы можно отнести к восточнолитовским погребальным памятникам [46]. Обращает на себя внимание также, что значительная часть ювелирных изделий местной выделки (подковообразные пряжки, трапециевидные привески, перстни, спиральки и др.) имела явно выраженный прибалтийский характер [47], а это могло свидетельствовать о пребывании в Новогрудке ремесленников — выходцев из соседней Литвы. Богатая металлическая культура Литвы конца I и начала II тысячелетия н. э. не могла не оказать влияния на близлежащий молодой город. Следовательно, по этническому составу население Новогрудка в первую пору его существования не было единообразным. Основанное на новом месте, это поселение привлекало к себе энергичных переселенцев из различных регионов [48].

В раннем Новогрудке, в котором, безусловно, преобладало славянское население, нет никаких признаков христианства. Возможность сохранить языческую веру также могла быть одной из притягательных причин при заселении города. Таков облик раннего Новогрудка, который восстанавливается на основании археологических материалов. Возможно, что догородской период его истории следовало бы выделить особо. Однако он

---

[42] *Гуревич Ф. Д.* Древности..., с. 136.

[43] *Павлова К. В.* Могильники..., с. 68.

[44] *Малевская М. В.* Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. (по материалам керамики).— КСИА АН СССР, № 129, 1972, с. 16—18.

[45] *Jaskanis D.* Materia'y z badań wczesnosredniowiecznego cmentarzyska w miejscowości Podros ko'o Wo'kowyska w BSSR, Rocznik Bia'ostocky, t. III. Białystok, 1962, s. 337—362.

[46] *Гуревич Ф. Д.* Древности..., с. 199.

[47] *Гуревич Ф. Д.* Ювелиры древнего Новогрудка.— КСИА АН СССР, № 110, 1967, с. 16.

[48] *Гуревич Ф. Д.* Об этническом составе населения древнего Новогрудка — Acta Baltico-Slavica, VI. Bia'ystok, 1969, с. 219—222.

длился недолго, всего несколько десятилетий, к тому же материальная культура поселения до возведения вала на Замковой горе и после того, как вал там был сооружен, совершенно однородна, и поэтому ранний этап истории Новогрудка рассматривается нами как единый.

В конце X — начале XI в. Новогрудок был не единственным древнерусским городом Понеманья. Одновременно с ним, а возможно, и несколько раньше возникает Волковыск, а затем Гродно, Слоним и Турийск [49]. К началу XII в. Новогрудок становится зрелым ремесленным и торговым городом и одновременно превращается в крепость с мощными оборонительными сооружениями. Расширяется площадка детинца вследствие переноса вала на ее края [50]. К концу рассматриваемого периода, в 60—70 годах XIII в., как установил М. А. Ткачев, в северной части вала сооружается башня из тесаных камней, бойницы которой были облицованы кирпичом. Это сооружение он относит к типу волынских башен [51]. В XII в. посад обносится кольцевым валом и превращается в окольный город. В XIII в. на его валу стояли дубовые городни. В Новогрудке появляется, таким образом, вторая линия оборонительных сооружений. Наконец, в конце XII или в начале XIII в. у подножия холмов насыпается шестиметровый нижний вал (см. рис. 2), защищавший с севера первоначально детинец, а затем и окольный город [52]. Жители Новогрудка в это время хорошо вооружены, располагая почти всеми видами оружия, распространенными в Древней Руси, в том числе и такими нечастыми городскими находками, как пластинчатые доспехи [53].

Отметим некоторые особенности городской застройки. Северная привальная часть детинца, где лучше сохранился культурный слой домонгольского времени и где производились наши основные работы, была отведена для хозяйственных построек. Они распределяются на пять строительных периодов. Наиболее ранний из них, относящийся к первой половине XII в., представлен помещениями, дерево которых практически истлело. Все более поздние строения погибали в пожарах. Хозяйственные постройки были как обычными наземными срубными площадью до 20 $м^2$, с дощатым полом, лежавшим иногда на глиняной подушке, так и двухъярусными. От этих последних сохранились дощатые настилы, покрытые берестой, на которых обычно почти не было находок. Под настилами находились нижние помещения с земляным полом. На полу обычно лежали запасы обугленного зерна (пшеница, рожь, ячмень), а также горох. Там же встречены остатки бочек и лукошек, фрагменты амфор, парадная столовая посуда, а также весовые гирьки и некоторые другие ценные вещи [54].

В противоположном конце площадки детинца, где раскоп был очень небольшим, открыты остатки жилых наземных срубных построек с глинобитными печами и дощатыми полами, а также небольших хлевов. Рядовой инвентарь этих строений позволяет считать, что они принадлежали простолюдинам, возможно, княжеской челяди. В одном из таких домов его обитатели занимались сапожным делом [55].

Нам не удалось выяснить, где жили владетель детинца и его окружение, которым принадлежали амбары и кладовые, а также разнообразное оружие и дорогие привозные изделия, найденные в культурном слое. Притом что в Новогрудке была сильна преемственность в домостроитель-

---

[49] **Очерки** по археологии Белоруссии, ч. II. Минск, 1972, с. 133—149.
[50] *Гурсвич Ф. Д.* Некоторые итоги..., с. 99.
[51] *Ткачоу М. А.* Ук. соч., с. 15, 16.
[52] *Ткачев М. А.* Ук. соч., с. 22.
[53] *Гуревич Ф. Д.* Некоторые итоги..., с. 97.
[54] *Павлова К. В.* Хозяйственные постройки XII—XIII вв. на детинце древнего Новогрудка.— КСИА АН СССР, № 129, 1972, с. 77—83.
[55] *Зильманович И. Д.* Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г.— КСИА АН СССР, № 104, 1965, с. 93—98.

стве, возможно, что одна из богатых построек могла стоять у вала вблизи хозяйственных строений, там, где в XIV в. были сооружены каменно-кирпичные палаты феодала [56]. Врезанный в склон вала первый (подвальный) этаж этого помещения начисто уничтожил культурный слой домонгольского времени.

Своеобразна застройка окольного города. Южную его часть занимали рядовые наземные срубные жилища площадью до 30 *м*² с глинобитными печами и рядовым древнерусским инвентарем [57]. Центральная и северная части окольного города были заняты большими домами, которые нередко возводились на развалах построек предшествующего времени. Площадь этих домов — от 70 до 100 *м*². За исключением одной углубленной постройки, все жилища были наземными, дерево-глинобитными. От ряда домов уцелела глиняная обмазка с отпечатками дерева. Вместе с тем в качестве строительного материала употреблялся кирпич и камень известняк. Большие жилища XII—XIII вв. были двухкамерными. Печи помещались в углах построек или у одной из стен. Некоторые из них повторяли устройство печей предшествующего времени, встречены также печи с кирпичным подом.

Удивительной особенностью больших жилищ окольного города XII—XIII вв. являются остекленные окна. От них сохранились стеклянные диски диаметром 20—22 *см*, аналогичные оконному стеклу древнерусских храмов. Стены одной из построек первой половины XII в. были оштукатурены и покрыты фресковой росписью. Полихромная и разнообразная по композиции роспись этой жилой постройки сходна с росписью фресок Борисоглебской церкви Новогрудка. Инвентарь больших жилищ обилен и разнообразен, в его составе немало раритетов. Вместе с тем почти в каждой из раскопанных построек сохранились следы занятия ювелирным делом — горячей и холодной обработкой цветных и благородных металлов [58]. Параллели большим домам окольного города Новогрудка пока неизвестны.

Богатые постройки занимали примерно две трети исследованной территории окольного города. Современная застройка препятствовала установлению границы распространения жилищ этого типа с востока на запад. Удалось обнаружить их остатки лишь по линии север — юг, где они простирались на 50 *м*. В нашем распоряжении имеются находки, характерные для богатых жилищ окольного города, также и с территории, не подвергшейся раскопкам, найденные при земляных работах, и это дает основание считать, что богатые жилища XII—XIII вв. занимали значительную часть территории окольного города.

В этот период Новогрудок был городом развитого ремесла, причем иногда удается проследить своеобразие в организации ремесла на детинце и в окольном городе. Если массовую керамику для жителей обеих частей города выделывали одни и те же ремесленники, то парадная поливная посуда для социальной верхушки детинца и окольного города производилась в разных мастерских. Не исключено при этом, что на владетеля детинца наряду с местными гончарами могли работать пришлые южнорусские ремесленники [59]. Еще отчетливее видна разница ремесла в организации ювелирного дела. На детинце трудились княжеские ювелиры, среди которых, безусловно, был ремесленник из Киева. Матрицы, ко-

---

[56] *Малевская М. В.* Раскопки..., с. 420, 421.

[57] *Гуревич Ф. Д.* Новые материалы по истории Новогрудка.— КСИА АН СССР, № 120, 1969, с. 115.

[58] *Гуревич Ф. Д.* О жилищах окольного города древнего Новогрудка.— КСИА АН СССР, № 87, 1962, с. 70—77; *ее же.* Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке.— КСИА АН СССР, № 99, 1964, с. 97—102.

[59] *Гуревич Ф. Д.* Поливная керамика новогрудского детинца. Доклад прочитан на заседании славяно-финского сектора ЛОИА АН СССР 9 ноября 1978 г.

торыми пользовался этот ремесленник, и украшения, оттиснутые с них, невозможно отличить от киевских находок [60].

Необычную картину представляла собой организация ювелирного ремесла в окольном городе. Как уже отмечалось, следы занятия ювелирным делом можно было обнаружить во всех богатых постройках, в том числе и в той, стены которой были покрыты фресками. Тигельки, литейные формочки, заготовки и обрезки металла лежали на полу и иногда непосредственно у печей. Специальных печей для плавки цветных и благородных металлов не найдено. Объем ювелирных работ в каждой постройке был невелик, но примечательно, что в больших жилищах обрабатывали не только цветные металлы и серебро, но и золото [61]. Можно считать, что владельцы больших домов были кузнецами «меди, серебра и злата».

В это время на раскопанной нами территории окольного города нет больше следов металлургии железа и слесарного дела. Последняя отрасль ремесла проявляется лишь в тех случаях, когда речь идет о железных изделиях, инкрустированных цветными металлами. Остальная ремесленная деятельность горожан — костерезное дело, обработка дерева, камня и других материалов — соответствует картине, характерной для многих древнерусских городов. Каких-либо специфических черт в ней не удалось выявить.

Новогрудок XII—XIII вв. выступает главным образом в качестве потребителя сельскохозяйственной продукции. В этом мнении позволяют утвердиться почти полное исчезновение сельскохозяйственного инвентаря и одновременно большие запасы зерна на детинце [62].

Трудно себе представить, чтобы жители города полностью порвали с земледелием, которым они занимались в недавнем прошлом, но, видимо, роль его была незначительной и потребности города в хлебе удовлетворялись сельским населением, которое в обмен получало некоторые местные и привозные новогрудские изделия [63]. В Новогрудке, как и в других городах Понеманья (Гродно, Волковыск), велика роль охоты. Кости диких животных составляют здесь 36% всех остеологических остатков. Охотились на мясных зверей — благородного оленя, лося, зубра и др.[64] Костей пушных зверей сохранилось мало, поскольку их тушу, после того как была снята шкура, обычно оставляли в лесу. Охота на пушного зверя в Новогрудке засвидетельствована также костяными стрелами, найденными главным образом на детинце.

Совершенно особую страницу в культуре древнерусского Новогрудка составляют его внешние связи. В этом небольшом городе, укрепленная часть которого равна лишь 2,5 *га* и где раскопанная территория составляет немногим более 10% городской площади, количество привозных вещей и их ассортимент способны украсить самый крупный город. В XII — и XIII вв. Новогрудок наводнен привозными изделиями, в основном утварью и предметами роскоши, найденными на детинце и в богатых домах окольного города. Большое число вещей доставляла киевская земля. Из Киева в Новогрудок привозились оконное стекло, разнообразная стеклянная посуда, подавляющее число стеклянных браслетов, стеклянные перстни и вставки, украшения из цветных металлов и культовые изделия (кресты, энколпионы, иконки). На этот период падает также основная часть шиферных пряслиц. Через киевскую землю в Новогрудок

[60] *Гуревич Ф. Д.* К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей (по материалам ювелирного ремесла).— В сб.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 22—25.

[61] *Гуревич Ф. Д.* Ювелиры..., с. 16, 17.

[62] *Павлова К. В.* Хозяйственные постройки..., с. 78, 79.

[63] *Гуревич Ф. Д.* Древности..., с. 99, 100; *Павлова К. В.* Раскопки курганов у д. Городиловка, с. 61, рис. 16, *1*.

[64] *Гуревич Ф. Д.* Сельское хозяйство и промыслы древнего Новогрудка — КСИА АН СССР, № 104, 1965, с. 81.

провозились многочисленные причерноморские амфоры, заполненные вином и маслом [65].

Поражает обилие ближневосточных изделий. Это прежде всего стеклянная посуда из Византии и Сирии, привозившаяся сериями: сосуды в форме кубков, флаконов, чаш и стаканов. Часть их служила вместилищем для благовоний и косметических средств. Не исключено, что некоторые сосуды использовались церковью в качестве культовых [66]. Из Византии происходила часть стеклянных браслетов, ларец, от которого уцелела лишь накладка с характерным звездчатым орнаментом, шелковый пояс и стеатитовая иконка [67]. Местом, где выделывалась нарядная фаянсовая посуда, покрытая люстровой росписью, являлся Иран [68]. В 1974 г. найден образок из стеклистой массы, происходящий из Венеции [69]. Из Прибалтики поступал янтарь и некоторые виды оружия [70]; из западных, вероятно, рейнских мастерских происходили некоторые образцы стеклянной посуды.

Остается невыясненным, как в этот удаленный от реки город могло попасть столько редкостных вещей. Видимо, немалое значение в это время имели не только речные, но и сухопутные пути. Неясен и тот эквивалент, который могли предложить горожане за дорогие, нередко уникальные изделия. Это могло быть зерно. Безмен, найденный на окольном городе, на котором можно было взвешивать груз в несколько пудов, вероятно, служил для того, чтобы отмерять зерно крупными партиями. За дорогие товары Новогрудок, очевидно, расплачивался также шкурами пушных зверей, которыми были богаты окрестные леса. Часть импортных вещей могла попасть внеэкономическим путем в виде добычи во время военных походов (вспомним упоминание летописца о походе Романа с новогрудцами на Возвягль, а затем на Киев).

На втором этапе истории древнего Новогрудка исчезает пестрота его этнического состава и горожане представляют собой монолитное население древнерусского города. Этому единению способствует торжество христианства. В слоях до XII в. нами не найдено ни единой вещи, которую можно было бы отнести к предметам христианского культа. Теперь же части хоросов, энколпионы, иконки и особенно кресты-тельники встречаются повсеместно [71].

Борисоглебская церковь древнего Новогрудка находилась за пределами городских укреплений. Мы не располагаем прямыми доказательствами существования храмов на территории детинца и окольного города, но на этот предмет имеются некоторые косвенные данные. Так, южная часть площадки окольного города в первой половине XII, а также с начала XIII в. была занята христианским кладбищем. Как известно, кладбища обычно возникали у храмов. На этой же территории в культурном слое найден обломок хороса [72]. Церковь, видимо, стояла на краю площадки.

---

[65] *Гуревич Ф. Д.* Древние города Понеманья и южнорусские земли в конце X—XIII вв.— В сб.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 25—29; *Малевская М. В.* Амфоры Новогрудка XII—XIII вв. Тез. докл. к конф. по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 185—191.

[66] *Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В.* Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.

[67] *Гуревич Ф. Д., Назаренко В. А. и др.* Ук. соч., с. 30.

[68] *Гуревич Ф. Д.* Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии.— В сб.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 34—36; *ее же.* Некоторые итоги..., с. 95, 96.

[69] Венецианские образки, отлитые в одной форме с нашим и хранящиеся в Ватиканском музее и в музее Оксфорда (последний найден в Александрии), датируются XIII в. См. *Vickers M. A.* Note on glass medallions in Oxford.— J. glass studies, v. XVI. Corning, 1974, p. 18, 19.

[70] *Гуревич Ф. Д.* Некоторые итоги..., с. 97.

[71] *Гуревич Ф. Д.* Об окольном городе летописного Новогрудка X—XIII вв.— СА, 1962, № 1, рис. 8.

[72] *Павлова К. В.* Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка.— КСИА АН СССР, № 110, 1967, с. 36—39.

Эту территорию впоследствии занял мемориальный курган А. Мицкевичу, диаметр которого равен 25 *м*. О существовании храма домонгольского времени на территории детинца есть и другие косвенные свидетельства. В 1973 г. к востоку от зоны хозяйственных построек нами были открыты пять сменивших друг друга настилов. Позднейший сгоревший настил и два предшествующих ему истлевших настила сохранились от мощеной площадки перед церковью XIV в., исследованной М. В. Малевской [73]. Два аналогичных нижних истлевших настила датировались находками домонгольского времени и, на наш взгляд, могут считаться частью площадок перед древнерусским храмом более раннего времени. Здесь не было никаких остатков монументального строительства домонгольского времени, за исключением отдельных кирпичей-плинфы, которые могли попасть сюда случайно. Поэтому следует полагать, что церковь здесь должна была быть деревянной.

Для обоснования существования храма на детинце в XIII в. ценно сообщение летописца под 1262 г. о крещении закоренелого язычника — литовского князя Воишелка, который «нача княжити в Новегородце в поганьстве буда... а посемь вниде страх Божий во сердце его, помыслив себе хотя прияти святое крещение и крестися ту в Новегородце и нача быти во хрестьянстве» [74]. Естественно полагать, что Войшек крестился на детинце, там, где была его резиденция.

Распространение христианства всегда сопровождалось развитием грамотности. Более десятка стилей — писал из железа, бронзы и кости, имя «Ольъкъсн» и древнерусские буквы, процарапанные на туловах и ручках амфор, буквы на стенной росписи гражданской постройки, граффити на стенах храма Бориса и Глеба, а также книжные застежки (10 из 12 застежек найдены на детинце) [75] — таковы следы грамотности жителей Новогрудка XII—XIII вв.

Археологические материалы позволяют до некоторой степени определить социальные слои древнерусского Новогрудка. Для детинца наблюдается обычная картина, здесь жил князь — властитель города. В конце рассматриваемого периода он иногда персонифицируется. Это полулегендарный Изяслав, а также сыновья князя Даниила — Роман и Шварн. Какое-то время в Новогрудке живет литовский князь Войшелк. В составе населения детинца княжеская семья, гарнизон крепости, а также княжеские ремесленники и челядь.

Скопление богатых домов на территории окольного города, образовавших своеобразный богатый квартал, придает необычный облик социальному составу жителей окольного города Новогрудка. Богатый квартал представляет собой уникальный комплекс. Его возникновению предшествует более чем вековая история новогрудского ремесленного посада. Причину появления и развития богатого квартала мы усматриваем в том, что из всех видов ремесла, существовавших на посаде в X—XI вв., к XII в. особое значение приобретает труд златокузнецов и ювелиров. Эта часть ремесленного населения работает не только с цветными металлами и серебром, но и с золотом. Возможность обрабатывать этот редкий и дорогой металл превращает златокузнецов в группу городского населения, выделяющуюся своим богатством. Строгий принцип наследования ремесла, существовавший в среде златокузнецов, и имевшееся в их распоряжении оружие не могли не придавать богатому кварталу замкнутого и привилегированного характера. Это дает возможность предположить, что бо-

---

[73] *Гуревич Ф. Д., Ковальская К. Т., Пономарева Т. С.* Работы в Новогрудке — АО — 1973. М., 1974, с. 370, 371.

[74] ПСРЛ, т. II, стб. 858—859.

[75] *Малевская М. В.* Амфора с надписью из Новогрудка.— СА, 1962, № 4, с. 238—241; *Гуревич Ф. Д.* Дом боярина..., с. 99; *ее же.* Грамотность горожан древнерусского Понеманья.— КСИА АН СССР, № 135, 1973, с. 28—32.

гатый квартал окольного города Новогрудка мог представлять собой своеобразное раннесредневековое ремесленное объединение [76].

Богатый квартал окольного города с его большими домами и обильными находками подтверждает правдивость письменных известий о культуре и быте древнерусской знати. Применительно к жилищам обретают реальность сообщения письменных источников о «светле в храмине» [77] и «повалуше» [78]. Обилие амфор и дорогой стеклянной посуды перекликается с известиями о пирах в домах знати [79]. Изображение человека, играющего на струнном инструменте — псалтири [80], рождает представление о музыкантах, услаждающих пиры своей музыкой и пением.

В окольном городе жило и простонародье. Ему принадлежали рядовые постройки в южной части площадки. Их обитатели не были ремесленниками, но это были горожане, поселившиеся рядом с ремесленниками богатого квартала. Представители массовых ремесленных профессий (кузнецы, плотники и др.) в XII—XIII вв. жили, очевидно, вне раскопанной нами территории и, вероятно, за пределами городских укреплений. В недавнем прошлом новогрудские улицы, расположенные к югу от детинца и окольного города, назывались Ковальской, Бондарской и Рымарской (Шорной). Очень может быть, что эти наименования унаследованы от посада раннесредневекового города, существовавшего под защитой городских валов. Верхушку городского населения составляли князь, его хорошо вооруженное окружение, богатые ремесленники и, очевидно, духовенство. Основная масса городских ремесленников, челядь и другие простолюдины являлись городским плебсом. Археологические материалы не дают ответа на вопрос о взаимоотношении горожан обеих групп. Надо думать, что они не были идиллическими. Обильное и первоклассное оружие, которым владела городская знать, обеспечивало ей не только возможность совершать ближние и дальние походы, но и держать в повиновении плебейскую часть города.

С первого же упоминания Новогрудка в летописи под 1252 г. он предстает в качестве города, за обладание которым борются Волынь и Литва. В действительности, борьба за этот процветающий город началась раньше, по крайней мере с начала XIII в. Именно в это время заметно сокращается застройка окольного города и его богатого квартала. Разрушенные постройки 50—70-х годов XIII в., открывшиеся при раскопках окольного города, подтверждают правдивость слов летописца под 1274 г. «и взя окольный град». В дальнейшем жизнь в этой части города хиреет. Позднесредневековый культурный слой лежит здесь обычно на мощной подсыпке песка, возможно, что какой-то период эта территория вообще пустовала. В материалах построек XIV в. и более позднего времени ничто более не напоминает о богатом квартале древнерусского города.

По-иному складываются исторические судьбы детинца. Устоявший перед натиском волынского князя в 1274 г., он выдерживает натиски крестоносцев, возглавляемых магистрами Тевтонского Ордена, в XIV в. Более того, именно XIV в.— время, когда на территории детинца возводятся монументальные постройки — церковь и палаты феодала [81]. С конца XIV в. здесь ведется интенсивнейшее строительство укреплений, в итоге которого эта территория превращается в семибашенный каменный замок — один из самых мощных замков своей эпохи [82].

[76] *Гуревич Ф. Д.* Ремесленная корпорация древнерусского города по археологическим данным.— КСИА АН СССР, № 129, 1972, с. 31—36.

[77] ПСРЛ, т. I, стб. 131.

[78] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1902, с. 994.

[79] *Ржига В. Ф.* Очерки по истории быта домонгольской Руси.— Тр. ГИМ, вып. V, 1929, с. 97.

[80] *Гуревич Ф. Д.* Изображения музыкантов в Древней Руси.— СА, 1965, № 2, с. 276—281.

[81] См. прим. 27.

[82] *Ткачев М. А.* Военное зодчество..., с. 22—26.

Скромные поселения догородского характера конца X и первой половины XI в., детинец и неукрепленный посад второй половины XI в., яркий по своей культуре древнерусский город XII — 70-х годов XIII в. и первоклассный замок позднего средневековья — таковы основные этапы истории и истории культуры Новогрудка. Тем не менее за 20 лет раскопок открыты лишь первые страницы в истории этого города. Еще не использованы все возможности, которые представляет посад — окольный город, не завершены исследования детинца, а также не раскапывалась неукрепленная часть древнего города. Немало данных сокрыто в близлежащих поселениях и могильных памятниках.

Надо думать, что земля этого города хранит еще немало материалов, которые способны обогатить наши знания как о культуре Древней Руси, так и о том времени, когда формировалась белорусская народность.

F. D. Gurevich

THE FORTRESS AND THE ROUNDABOUT TOWN OF THE ANCIENT RUSSIAN TOWN NOVOGRUDOK IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF 1956—1977

Summary

The main historical conclusions, obtained as a result of more than 20-year excavations at the territory of the western Russian town Novogrudok (Grodno region, Byelorussia) are published in the article.

In the course of excavations it was established, that Novogrudok, mentioned in chronicles for the first time in 1252 had been founded in the late Xth century. At the beginning it consisted of two unfortified settlements, than of the fortress («detinets») and unfortified settlement near it («posad»), and from the XIIth century it was a strong fortress and a centre of handicraft at the same time. Archaeological materials give the possibility to trace differences between the prince's craftsmen of «detinets» and free handicraftsmen of the roundabout town. A rich quarter of jewellers goldsmiths let the author to speak about the emergence of handicraftsmen' corporation. Novogrudok occupies an outstanding place among ancient Russian towns by its external links. Imported artifacts from Byzantia, Syria and Iran occupy a specific place in the culture of this town. The ancient Russian period in the history of Novogrudok ended in the second half of the XIIth century. In the later period the life at the roundabout town declined and the «detinets» was rebuilt into a strong castle.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

К ПЯТИСОТЛЕТИЮ «СТОЯНИЯ НА УГРЕ»

«В лето 6988. Приде к великому князю весть, яко до полна идет царь Ахмат со всею ордою своею, и со царевичи, уланы и князми, еще же и с королем Казимиром в одной думе...» [1]. Так повествует летописец о событиях осени 1480 г., ознаменовавших начало совершенно новой эпохи в истории Руси. События эти произошли ровно через сто лет после «мамаева побоища»— знаменитой битвы на поле Куликовом, когда талантливый полководец и храбрый воин князь Дмитрий Иванович, прозванный затем Донским, в союзе со многими русскими князьями разгромил несметные полчища Мамая [2]. Куликовская битва вызвала огромный патриотический подъем народа, уверовавшего в свои силы. О великом сражении на Дону «прошла слава» не только по всей Руси, но и в соседних странах. И особенно знаменательно, что битва эта была возглавлена Московским князем и именно из Москвы русские рати отправились в бой [3].

Однако и после Куликовской победы «Кровавое болото монгольского ига..., которое оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой» [4], не было сброшено Москвой [5]. И на протяжении еще целого века татарская конница топтала и разоряла русские земли, вражеские стрелы свистели над русскими городами и селами, а народ изнемогал под тяжестью бесконечных ордынских поборов.

Но процесс общественно-экономического и культурного развития Руси не мог остановиться (он был только замедлен): неуклонно объединялось, крепло и мужало Московское государство, все меньше повиновались ордынским ханам русские князья [6], все успешнее русский народ отбивал атаки золотоордынских поработителей. Наконец, настало время, когда великий Московский князь Иван III Васильевич, не желая больше признавать свою зависимость от золотоордынского владыки, прекратил посылать дани в Орду [7]. Однако захвативший власть в Большой Орде Ахмед-хан не мог легко примириться с потерей «русского улуса» [8] и ждал удобного момента для наказания «непокорного» князя.

---

[1] ПСРЛ, т. VI (Софийская вторая летопись), СПб., 1853, с. 223.

[2] «Феодальному разброду, измельчанию отдельных княжеских уделов... Дмитрий Донской сумел противопоставить государственное начало, сумел глазами патриота взглянуть на свои задачи и благодаря этому разбить Мамая, пытавшегося повторить нашествие Батыя» (*Рыбаков Б. А.* Военное искусство.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. I. Материальная культура. М., 1969, с. 388).

[3] *Каргалов В. В.* Свержение монголо-татарского ига. М., 1973, с. 72.

[4] *Marx K.* The secret diplomacy of the XVIII centure. London, 1899.

[5] *Снегирев В.* Иван Третий. М., 1942, с. 11.

[6] Так, в 1409 г. в своем письме великому князю Василию Дмитриевичу Едигей упрекал его за неподчинение требованиям Орды (ПСРЛ, т. XI, с. 210. *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978, с. 21).

[7] Сообщение об этом имеется в Вологодско-Пермской летописи, подробный анализ которой был сделан в свое время К. В. Базилевичем. Ахмед-хан, упрекая Ивана III, говорил: «...а мне челом не бьет, а выхода мне не дает девятой год» (ПСРЛ, т. XXVI. с. 265; *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, с. 119).

[8] *Базилевич К. В.* Ук. соч., с. 123.

Летом 1480 г. Московское княжество подверглось очень тяжелым испытаниям. Ахмед-хан, заручившись поддержкой польско-литовского короля Казимира IV, начинает нашествие на Москву. В это же время крупные военные силы Ливонского Ордена вторгаются в Псковскую землю [9]. Положение усугублялось открытым мятежом братьев великого князя — Бориса и Андрея «Большого», выступивших с территориальными притязаниями и также надеявшихся на помощь Казимира [10].

Дипломатический талант, государственный ум и дальновидность Ивана III помогли ему с честью выдержать все испытания. Заключив союз со злейшим врагом и соперником Ахмеда — крымским ханом Менгли-Гиреем, он обезопасил свои южные границы и вместе с тем парализовал антимосковскую деятельность Казимира, так как «...тогда бо воева Менгли-Гирей царь Крымский королеву землю Подольскую, служа великому князю» [11]. В связи с этим предназначенные для наступления на Москву войска Казимира были повернуты на юг для защиты от крымского хана. К тому же против польского короля начались выступления вассальных верховских» князей: «...король же не поиде к нему (Ахмеду.— *Т. Н.*) ни посла; быша бо ему свои усобицы...» [12].

Как только стало известно, что Ахмед со своим огромным войском двинулся в поход на Москву, Иван III решил создать мощную линию обороны по верхней Оке, расставив войска по многим городам и преградив путь к столице. «Князь же велики иде на Коломну и сам став на Коломне, а сына своего великого князя Ивана в Серпухове постави, а князь Андрей Васильевич Меньшой в Торусе, прочии же князи и воеводы по иным местам у Оки по брегу» [13]. Организация такого мощного заслона на пути к Москве заставила маневрировать хана Большой Орды и отказаться от продвижения в глубь русских земель. Ахмед решил обойти русские войска с юго-запада, надеясь на помощь польско-литовских войск. «Слышав же царь Ахмат, что князь великий стоит на берегу со всеми силами, и поиде к литовской земле, обходя реку Оку, а обжидая к себе короля на помочь или силы, и знахари ведяху его ко Угре реце на броды» [14]. Разгадав маневр Ахмеда, Иван III также передвинул свои полки к реке Угре, построив лагерь на ее левом берегу. «Князь же великий сына и брата и воевод своих на Угру послал со всеми силами; и пришед сташа на Угре, и броды и перевозы отняша...» [15].

Кроме того, войска Ивана III были размещены и в Кременске, на р. Луже. Сюда впоследствии (20 октября) подошли со своими отрядами и братья великого князя Андрей Углицкий и Борис Волоцкий (так и не получившие поддержки Казимира), вынужденные помириться с Московским князем. Таким образом, соединенные силы Москвы под командованием Ивана III Васильевича, расположенные по берегам верхней Оки и Угры, растянулись по фронту примерно на 60 *км*. В воскресенье, 8 октября, к правому берегу Угры подступили войска Ахмед-хана. Татары сделали попытку переправиться на левый берег Угры с тем, чтобы продолжать наступление на Москву, однако эта переправа не удалась [16].

Так началось знаменитое «стояние на Угре» (рис. 1). «И приидоша татарове и начаша стреляти Москвичь, а Москвичи начаша на них стреляти и пищали пущати и многих побиша Татар стрелами и пищалами и отбища их от брега, и по многы дни приступающе, бющеся» [17]. После того

---

[9] ПСРЛ, т. IV, с. 264.
[10] ПСРЛ, т. VIII, с. 204.
[11] ПСРЛ, т. XXV, с. 328.
[12] ПСРЛ, т. VI, с. 224.
[13] ПСРЛ, т. VI, с. 223.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] ПСРЛ, т. VI, с. 224.
[17] ПСРЛ, т. XXV, с. 328.

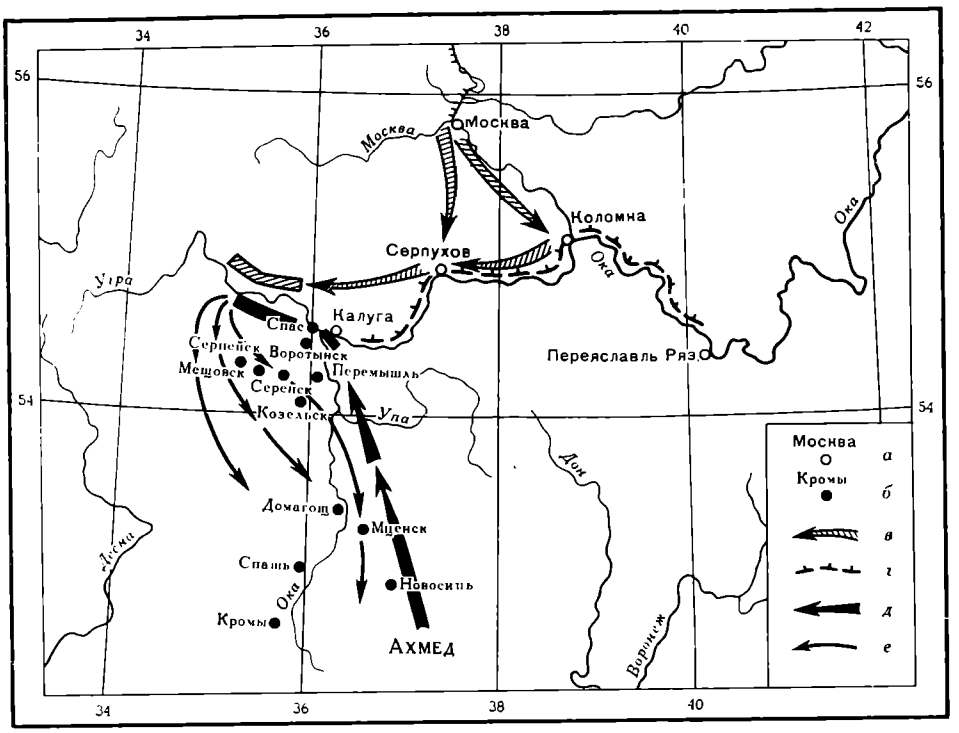


Рис. 1. Поход хана Ахмеда, его стояние на Угре и отступление (по В. В. Каргалову с дополнениями автора).
а — города, в которых собирались русские войска; *б* — города верховских княжеств; *в* — русские войска; *г* — укрепления русских войск; *д* — войска хана Ахмеда; *е* — отступление войск Ахмеда

как войска Ахмеда были отбиты от берега Угры, «Царь же со всеми своими Татары поиде по Литовской земли, мимо Мченеск и Любутеск, и Одоев, и пришед ста у Воротынска, ожидая к себе королевы помощи...» [18].

Известно, что города, расположенные в бассейне верхней Оки, входили в состав «верховских княжеств», принадлежавших «верховским» князьям, временно оказавшимся в вассальной зависимости от литовского великого князя. Археологические исследования, проводившиеся Верхнеокской экспедицией во многих из этих городов, показали, что культура населения этих городов по своему содержанию продолжала оставаться русской, так как истоки ее имели глубокие корни в культуре древней Руси [19].

Больше месяца продолжалось «стояние» на Угре. Вопреки угрозам Ахмед-хана («...дасть бог зиму на вас и реки все станут, ино много дорог будет на Русь») зимние холода не облегчили положение его войск, а довершили гибель конницы Большой Орды; города и села, находившиеся в тылу у татар были уже разграблены, а желанная помощь от Казимира так и не пришла. «С Дмитриева же дни (26 октября.— *Т. Н.*) стала зима, и реки все стали, и мрази велики, яко не мощи зрети. Тогда царь убояся и с Татары побежа прочь, ноября 11; бяху бо Татарове наги и босы, ободралися. И проиде Серенеск и Мченеск...» [20].

Так бесславно закончился последний поход несметных полчищ Большой Орды на русские земли, а вместе с тем было свергнуто монголо-татарское иго на Руси. Отныне русский народ навсегда освободился от

[18] ПСРЛ, т. VI, с. 224.
[19] Это мы попытаемся показать ниже на фактическом материале.
[20] ПСРЛ, т. VI, с. 231.

унизительного повиновения золотоордынским ханам, от изнуряющих «выходов» в Орду [21].

Известно, какую высокую оценку К. Маркс дал действиям и дипломатическому таланту Ивана III в борьбе с Золотой Ордой. «Иван III освободил Москву от татарского ига не путем решительного удара, а посредством упорного, почти 20-летнего труда. Он не сломил его, а высвободился из-под него украдкой. Свержение ига поэтому больше похоже на естественноисторический процесс, чем на дело рук человеческих» [22].

Борьба с золотоордынскими захватчиками послужила новым импульсом для развития объединительных тенденций русского народа, и особенно защитников Москвы. Это стремление к общерусскому единству нашло свое выражение в обращении летописца к своим соотечественникам в тревожные дни нашествия полчищ Ахмеда: «О храбрии мужественнии сынове Рустии. Потщитеся сохранити свое Отечество Русскую землю от поганых, не пощадите своих глав» [23]. Свержение монголо-татарского ига имело большое значение и для престижа Русского государства на международной арене. «В начале своего княжения Иван III все еще был данником татар; власть его все еще оспаривалась другими удельными князьями...». «Польша, Литва стремились к завоеванию Москвы, а ливонские рыцари все еще не были сокрушены. К концу своего княжения Иван III становится совершенно независимым государем... Изумленная Европа, которая в начале царствования Ивана III едва подозревала о существовании Московского государства, затиснутого между литовцами и татарами, вдруг была ошеломлена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах...» [24].

Падению монголо-татарского ига, «стоянию на р. Угре» были посвящены многие литературные произведения на Руси, включенные в летописные своды. Наиболее ярким из них является «Послание владычне на Угру к великому князю» (начало октября 1480 г.), написанное епископом Ростовским Васснаном Рыло Ивану III во время стояния на Угре [25]. Васснан был духовником Ивана III; умный и образованный человек [26], прекрасно знавший дипломатические и стратегические способности великого князя, он знал также, что тот был крайне осторожным политиком. Радуясь тому, что все попытки Ахмед-хана форсировать Угру не удались и его войска после четырехдневных безуспешных приступов были отбиты сыном и братом Ивана III, Васснан все же считал, что этого недостаточно. Напоминая о преемственности власти Московского князя от великих князей Киевских, приводя в пример победу Дмитрия Донского в Куликовской битве, он старался вдохновить Ивана III на более решительные действия против Ахмата: «...поревнуй прежебывшим прародителем твоимъ великимъ княземъ: неточию Рускую землю обороняху отъ поганыхъ, но иныя страны приимаху под собе...» [27]. Убеждение Васснана в необходимости покончить с ненавистным гнетом, довести до конца борьбу

---

[21] Потерпев полнейший крах в своем авантюристическом походе на русскую землю, хан Ахмед в ноябре 1480 г. прислал Ивану III оскорбительное послание, известное как «Ярлык Ахмета-царя» (*Базилевич К. В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III.— Вестн. МГУ, № 1, 1948). Великий князь разорвал грамоту Ахмеда и в Орду не пошел. Это «потоптание» татарской басмы можно считать заключительным актом, ознаменовавшим окончательное уничтожение зависимости Русского государства от Золотой Орды. Сам Ахмед-хан вскоре был убит одним из ханов Ногайской Орды.

[22] *Маркс К.* Op. cit.

[23] ПСРЛ, т. VIII, с. 207.

[24] *Маркс К.* Op. cit.

[25] ПСРЛ, т. VI, с. 225—230; *Кудрявцев И. М.* «Послание на Угру» Васснана Рыло, как памятник публицистики XV в.— Тр. Отдела древнерусской литературы, т. VIII. М.— Л., 1951, с. 158.

[26] *Кудрявцев И. М.* Ук. соч.; *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976, с. 251.

[27] ПСРЛ, т. VI, с. 227.

с Золотой Ордой объективно совпадало с настроением народных масс, на плечи которых ложилась основная тяжесть татарского гнета [28].

Свержение монголо-татарского ига нашло свое отражение не только в литературе: в последней четверти XV в. отмечается новый подъем в развитии русской культуры, ремесла [29] и особенно прикладного искусства, в котором ведущая роль теперь принадлежит Москве [30]. Символично, что будучи ростовским архиепископом, Вассиан в честь освобождения Руси от татарского ига заказывает художникам-иконописцам — Дионисию, Коню и другим — «писати Деисусы» в новый Московский Успенский собор, ставший символом величия Русской земли [31] (в Успенском соборе была кафедра метрополита «всея Руси»).

Памятником прикладного искусства, созданным большим мастером и связанным со стоянием на Угре и падением монголо-татарского ига, является пелена из Кириллово-Белозерского монастыря, шитая разноцветными шелками, золотом и серебром по желтой камке [32]. Многочисленные произведения прикладного искусства последней четверти XV и начала XVI в., вышедшие из Московских, Новгородских и Подмосковных художественных мастерских, замечательные памятники архитектуры [33] свидетельствуют, что возрождавшаяся после падения татарского владычества русская культура полностью сохранила свой национальный характер. «Ибо, каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима...»,— говорил В. И. Ленин [34].

Мысль, высказанная В. И. Лениным, находит подтверждение и на примере развития культуры верховских княжеств и городов, подвергавшихся, как известно, в течение двух с лишним столетий опустошительным набегам монголо-татарских войск. Посмотрим, что собой представляли некоторые из этих городов, упоминание которых в летописях связано со стоянием на Угре хана Ахмеда. По сведениям Вологодско-Пермской летописи, после неудачной попытки перейти на левый берег Угры Ахмед-хан отступил и расположился в двух верстах от нее в Лузе [35]. Что собой представляла Луза, неизвестно; название это не встречается больше ни в каких письменных источниках, кроме Вологодско-Пермской летописи. В то же время мы должны отметить, что именно в 2 *км* от устья Угры, выше по Оке, на ее левом берегу известно городище (рас-

---

[28] В послании Вассиан выступает как бы от имени народа, политическим вождем которого он считает Ивана III, называя его великий князь «всеа Русии». «Хрестьянство» и «Отечество» — вот два основных понятия в Послании Вассиана, за которыми стоит русский народ (*Кудрявцев И. М.* Ук. соч., с. 170, 171).

[29] Исследование памятников древнерусского ремесла позволило Б. А. Рыбакову отметить, «что в конце XV и в XVI в. ремесло сделало значительный скачок...» (*Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 693). Так, в северорусских городах в самом конце XV в. вновь возникает искусство поливы, а в Москве «появляются красные изразцы и терракотовые орнаментальные фризы, заменившие собой белокаменную резьбу начала XV в.» (*Рыбаков Б. А.* Ук. соч., с. 662, 663).

[30] *Николаева Т. В.* Ук. соч., с. 196.

[31] «Того же лета (1481 г.— *Т. Н.*) владыка Ростовский Вассиан дал сто рублев мастерам-иконникам, Дионисию, да попу Тимофею, да Ярцу, да Коне писати Деисусы в новую церковь святую богородицу; иже и написаша чудно велми, и съ праздники, и съ пророки» (Софийский Временник, II, с. 224; Древности, т. X; Протоколы, с. 13—19). (Роспись была открыта на алтарной преграде Успенского собора.— *Т. Н.*)

[32] Изображенные на пелене святые — Московские митрополиты Петр и Алексей, Леонтий Ростовский, Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский считались покровителями «стольного града Москвы», особенно во время нашествия татарских орд (*Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в.— САИ, вып. 1—49. М., 1971, с. 62).

[33] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси, с. 196 сл.

[34] *Ленин В. И.* Доклад на седьмом съезде РКП(б). ПСС (изд. 4), т. 27, 1950, с. 105.

[35] ПСРЛ, т. XXVI, с. 264.

Рис. 2. Городище Спас-Городок (вид с севера)

копки которого велись в 1978—1979 гг. Верхнеокской экспедицией), являвшееся, несомненно, остатками древнерусского города [36].

Это поселение, расположенное между с. Спас и дер. Городок (Дзержинский р-н Калужской обл.), состоит из детинца (площадью около 3000 *м*²) и окольного города (площадью около 900 *м*²), разделенных высоким валом и глубоким рвом. Площадка преградья также укреплена. Вокруг городища на соседних возвышенных участках расположены селища, культурный слой которых довольно значительной толщины откладывается одновременно с существованием самого городища. Здесь был, несомненно, большой городской посад [37] (рис. 2). В результате исследования городища нам удалось уточнить его датировку, разделив русский культурный слой на два горизонта: нижний — XI — первой половины XIII в. и верхний —второй половины XIII в. и XIV—XV вв. Судя по найденным предметам быта, вооружения и украшений, можно думать, что поселение существовало почти 500 лет без перерыва. Поэтому остатки сооружений и инвентарь, полученный при раскопках, целесообразно рассмотреть, начиная с момента основания города.

П. А. Раппопорт, сделавший в 1953 г. прорезку вала в детинце, установил, что в его строительстве наблюдается два периода. Первоначальная насыпь вала, сооруженная из суглинка, песка и темной земли высотой 4 *м* (при ширине основания 18 *м*), относится к XI в.[38] Внутри нее были обнаружены остатки бревен или плах. В XII—XIII вв. насыпь вала была подсыпана, лицевой склон основного ядра вала получил ступенчатое очертание, а высота вала достигла 6 *м*.

Раскопки 1978 г. дополнили данные об укреплениях города. Вдоль северного склона детинца в домонгольском слое открыты остатки бревенчатой оборонительной стены, которую удалось проследить вдоль всей линии раскопа — на 10 *м*. Возможно, что такие укрепления шли по всему

[36] Впервые это предположение было высказано П. Н. Третьяковым, исследовавшим городище в 1936 г. и датировавшим его слой XI—XIV вв. (*Третьяков П. Н.* Калужская экспедиция.— СА, IV, 1937, с. 32; *его же.* Отчет о раскопках 1936 г. Архив ЛОИА, ф. 2, 1936, № 277, л. 9).

[37] По словам местных жителей, при земляных работах в дер. Городок часто находят человеческие скелеты и некоторые вещи, в том числе семилопастные височные кольца.

[38] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, № 105, 1961, с. 102—104, рис. 82.

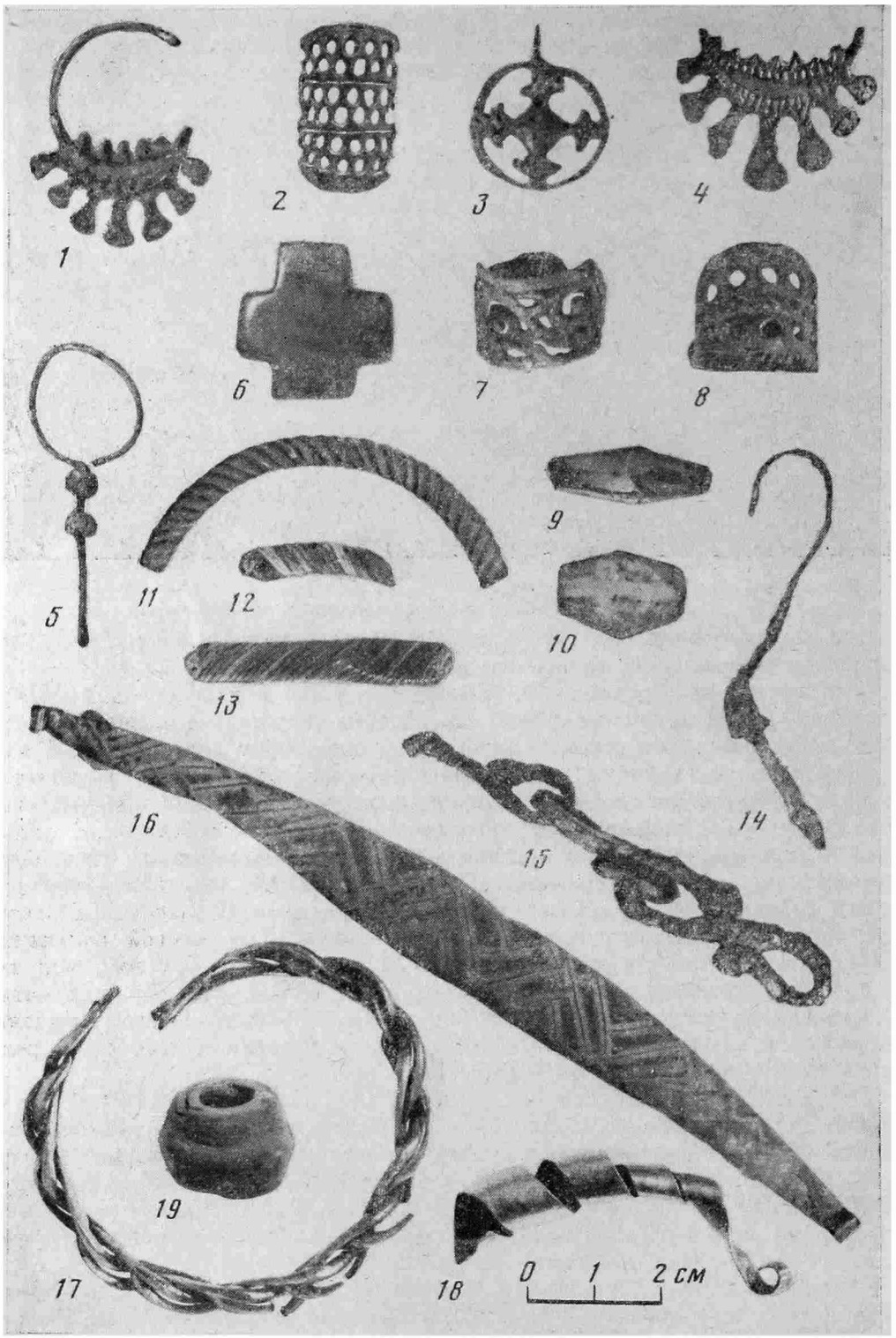


Рис. 3. Спас-Городок. Предметы из жилищ и культурного слоя. *1, 4* — височные кольца; *2, 7, 8* — перстни; *3* — подвеска; *5, 14* — серьги; *6* — крестик; *9—10* — бусы, *11—13, 16, 17* — браслеты; *15* — цепочка с пробоем; *18* — обломок шейной гривны; *19* — пряслице (*1—5, 7, 8, 14, 16, 17, 18* — медь; *6* — янтарь; *9* — сердолик; *10* — хрусталь; *11—13* — стекло; *15* — железо; *19* — шифер)

периметру площадки детинца. Здесь, у городской стены были открыты остатки производственных сооружений — развалы разновременных сыродутных горнов. От них на площади около 40 $м^2$ остался мощный черный

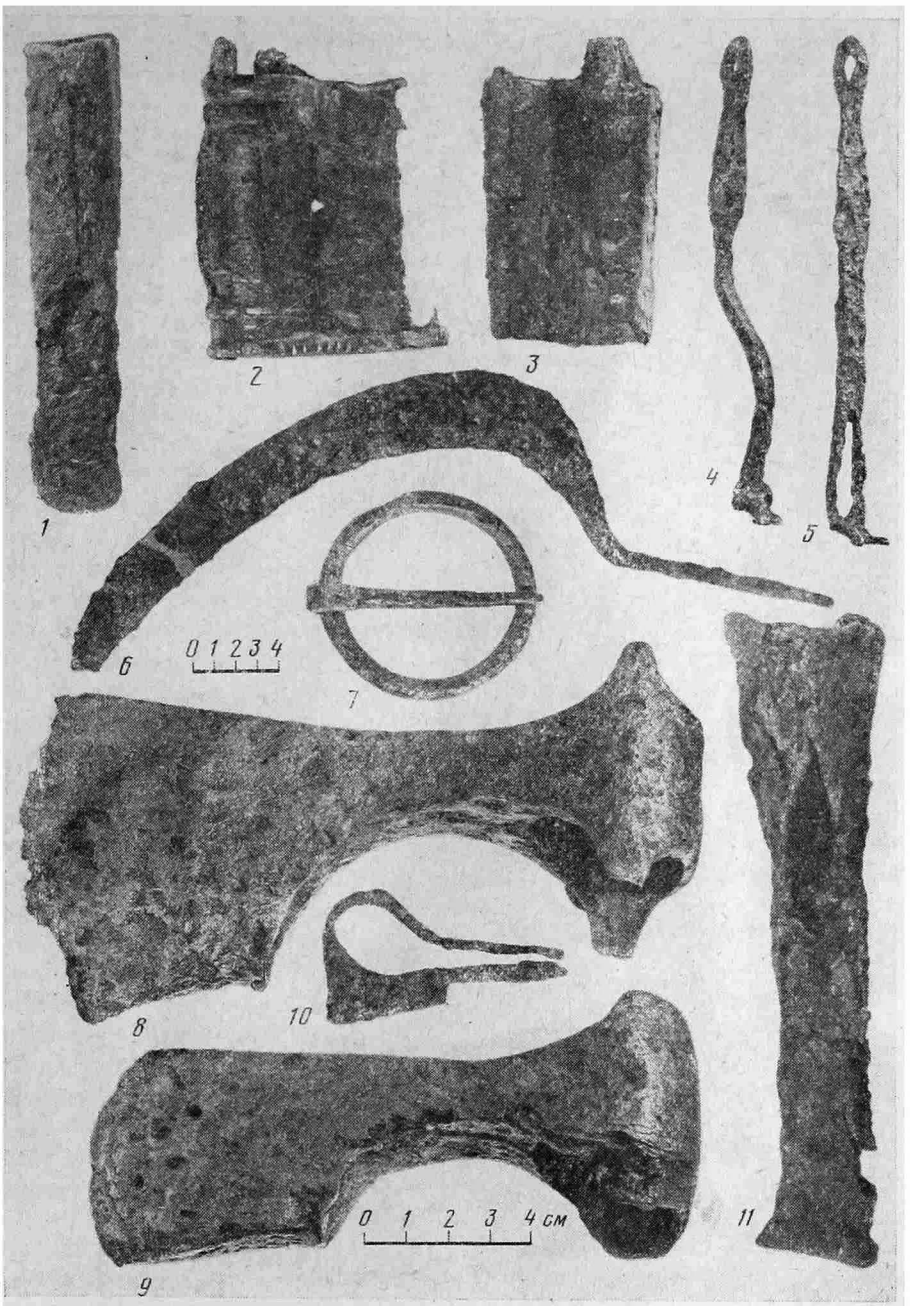


Рис. 4. Спас-Городок. Предметы из культурного слоя.
1, 11 — пешни; *2—3* — замки; *4—5* — ключи; *6* — серп; *7* — пряжка; *8—9* — топоры; *10* — варган (?) (*1—11* — железо)

слой, насыщенный углем, золой, обгоревшими камнями, обожженой глиной и кусками шлака. Встречены и целые непрокованные крицы железа. Очевидно, здесь на самом краю площадки детинца, у вала, в течение длительного времени существовали металлургические комплексы по производству железа на местной болотной руде; к сожалению, ни один из них не сохранился полностью. Наиболее древнее из этих сооружений, имевшее форму овала (с длиной осей 1,3×1,1 *м*), относится, очевидно, к XI в., судя по находке здесь маленького «простого» семилопастного височного кольца раннего типа (рис. 3, *1*) [39]. Недалеко от развала другого подоб-

[39] Кроме этого колечка в культурном слое детинца Спас-Городка найдено еще несколько семилопастных. Хочется отметить, что височные кольца, найденные в ниж-

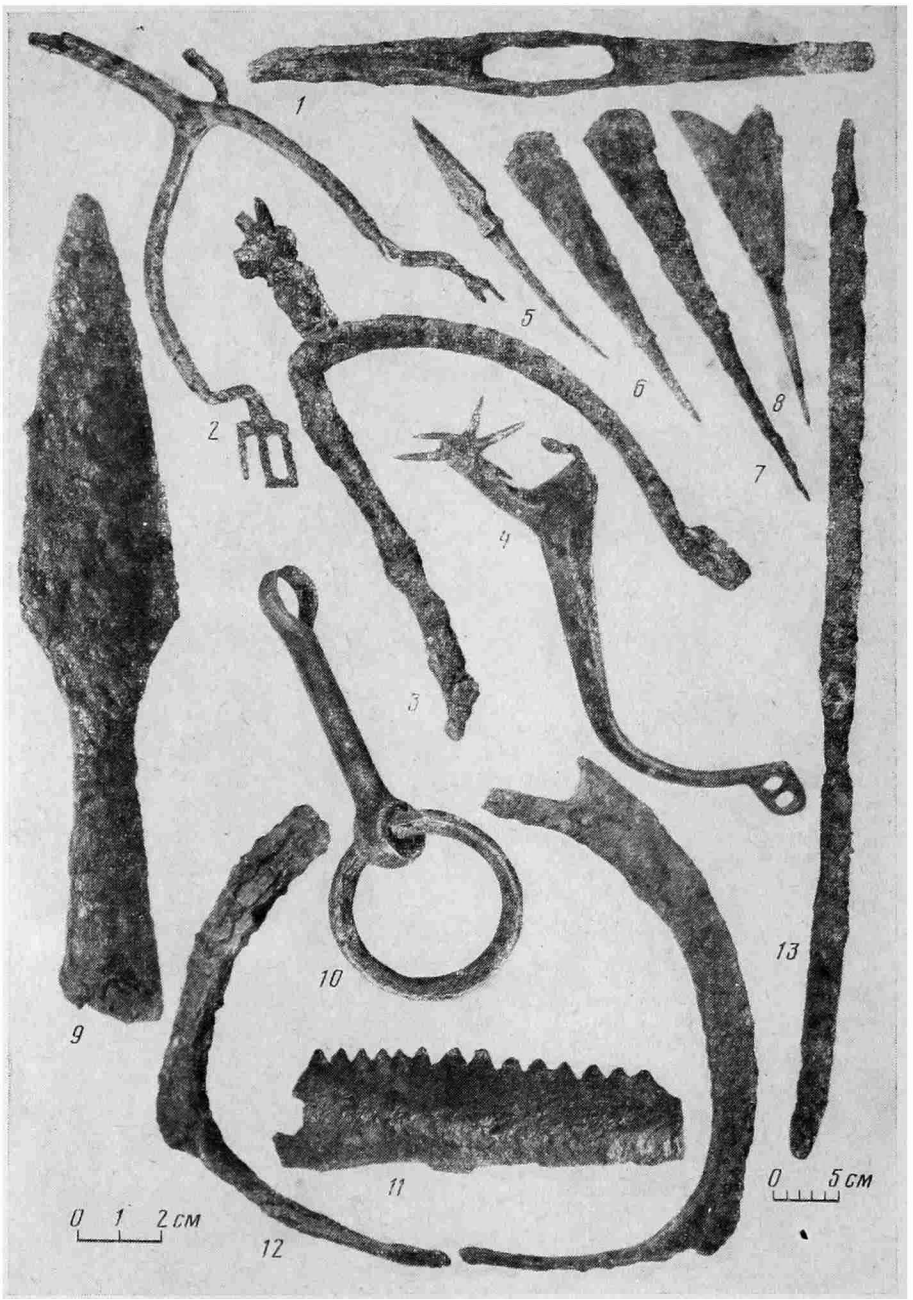


Рис. 5. Спас-Городок. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня. *1* — перекрестье меча; *2—4* — шпоры; *5—8* — наконечники стрел; *9* — наконечник копья; *10* — удила; *11* — обломок скребницы; *12* — стремя; *13* — сабля, (*1—13* — железо)

ного сооружения лежали две железные пешни, служившие, очевидно, для дробления железной руды (рис. 4, *1, 11*). Сооружение сыродутных горнов в детинце у вала или городских ворот известно и в других древнерусских городах: так, железоплавильная печь, сооруженная из крупных нетесаных камней, открыта при раскопках в детинце древнерусского Серен-

нем горизонте домонгольского слоя, относятся к раннему типу простых: они невелики, без боковых колечек, с закругленными лопастями и примитивным орнаментом (рис. 3, *4*). Кольца, встреченные в верхнем горизонте, бóльших размеров, с боковыми колечками, секировидными лопастями и заходящими на них «городками» из заштрихованной полосы. По-видимому, приток сельского населения в город продолжался в течение нескольких столетий.

ска [40] и в Коломне [41]. Известны горны также в древнем Городске и на Райковецком городище [42].

Несмотря на то что исследованная площадь в детинце Спас-Городка составляет всего около 400 *м*² (считая раскоп П. Н. Третьякова), в нем все же открыты остатки нескольких жилых и хозяйственных построек, расположенных обычно параллельно склону городища. Бо́льшая часть жилищ принадлежит сооружениям, углубленным в грунт, но известны и наземные срубные постройки, поставленные на столбы-стулья. Например, в северо-западной части детинца, недалеко от вала, обнаружены остатки бревенчатой избы (размером 4×4 *м*), от которой сохранился обгоревший нижний венец сруба и развал большой каменно-глинобитной печи, сооруженной в юго-западном углу дома, против входа (раскопки 1979 г.). Жилище, по-видимому, принадлежало довольно богатому дружиннику и относится к концу XII — первой половине XIII в. Под сгоревшим полом дома и на его усадьбе были найдены женские украшения, предметы быта, вооружения и снаряжения всадника и коня. Среди них — кольчуга, погибшая в огне пожара, копье-пика (тип V по А. Н. Кирпичникову) [43] часть удил (рис. 5, *10*), обломок конской скребницы (рис. 5, *11*), прямое перекрестье меча (рис. 5, *1*) типа, характерного для мечей XII—XIII вв.[44], части медных котлов, шиферные пряслица (рис. 3, *19*), обломки двустороннего костяного гребня, железный цилиндрический замок (рис. 4, *3*), маленькая цепочка с пробойчиком (рис. 3, *15*), бронзовый пластинчатый загнутоконечный браслет с чеканным орнаментом (рис. 3, *16*), обломки стеклянных браслетов (рис. 3, *11—13*), бронзовый решетчатый шестипунктирный перстень (рис. 3, *2*). Кроме фрагментов керамики с волнистым и линейным орнаментом следует отметить и обломок стенки амфоры.

В домонгольском слое открыты также и жилища типа землянок. П. Н. Третьяковым были исследованы остатки двух разновременных жилищ. В одно из них (размером 3,3×3,1 *м* и глубиной 1,5 *м*) был опущен сруб (3×3 *м*), рубленный в обло из нетолстых бревен. Пространство между стенками котлована и бревнами сруба было забито глиной [45]. На полу обнаружены камни и куски глиняной обмазки от разрушенной печи. После того как это жилище сгорело, на его месте была сооружена новая постройка, менее глубокая (0,7 *м*), но бо́льших размеров (3,6×3,4 *м*). Стены жилища были также бревенчатыми (сруб размером 3,55×3 *м*), пол — дощатый, каменно-глинобитная печь сооружена на глиняном основании (размером 1,3×1,1 *м*) у середины стены, противоположной входу. В развале печи — куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев каркаса. В жилище найдены остатки обгоревших досок, принадлежавших, по мнению исследователя, рухнувшему перекрытию [46].

Северо-восточнее этого жилища расположена еще одна двухкамерная землянка с бревенчатыми стенами, служившая, очевидно, мастерской ремесленника (постройка № 3, раскопки 1979 г.). Большая клеть, почти

---

[40] *Никольская Т. Н.* К истории древнерусского города Серенска.— КСИА АН СССР, № 113, 1968, с. 109, 110, рис. 34.

[41] *Милонов Н. П.* Историко-археологический очерк г. Коломны.— Историко-археологический сборник. М., 1948.

[42] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси, с. 209; *Гончаров В. К.* Раскопки древнего Городска.— АП, т. III, 1952, с. 182—186; *Молчановский Ф. Н.* Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища.— ПИДО, 1934, № 5, с. 86.

[43] *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2.— САИ, вып. Е1-36. М.— Л., 1966, с. 15, 16, табл. IV, *10—13*.

[44] *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 1.— САИ, вып. Е1-36. М.— Л., 1966, с. 55. Мечи с такими же прямыми перекрестиями хорошо видны на каменной иконке с изображением Бориса и Глеба, датированной XIII в. (*Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. Загорск, 1960, с. 18, рис. 1, *а*).

[45] *Третьяков П. Н.* Калужская экспедиция, с. 32.

[46] Там же.

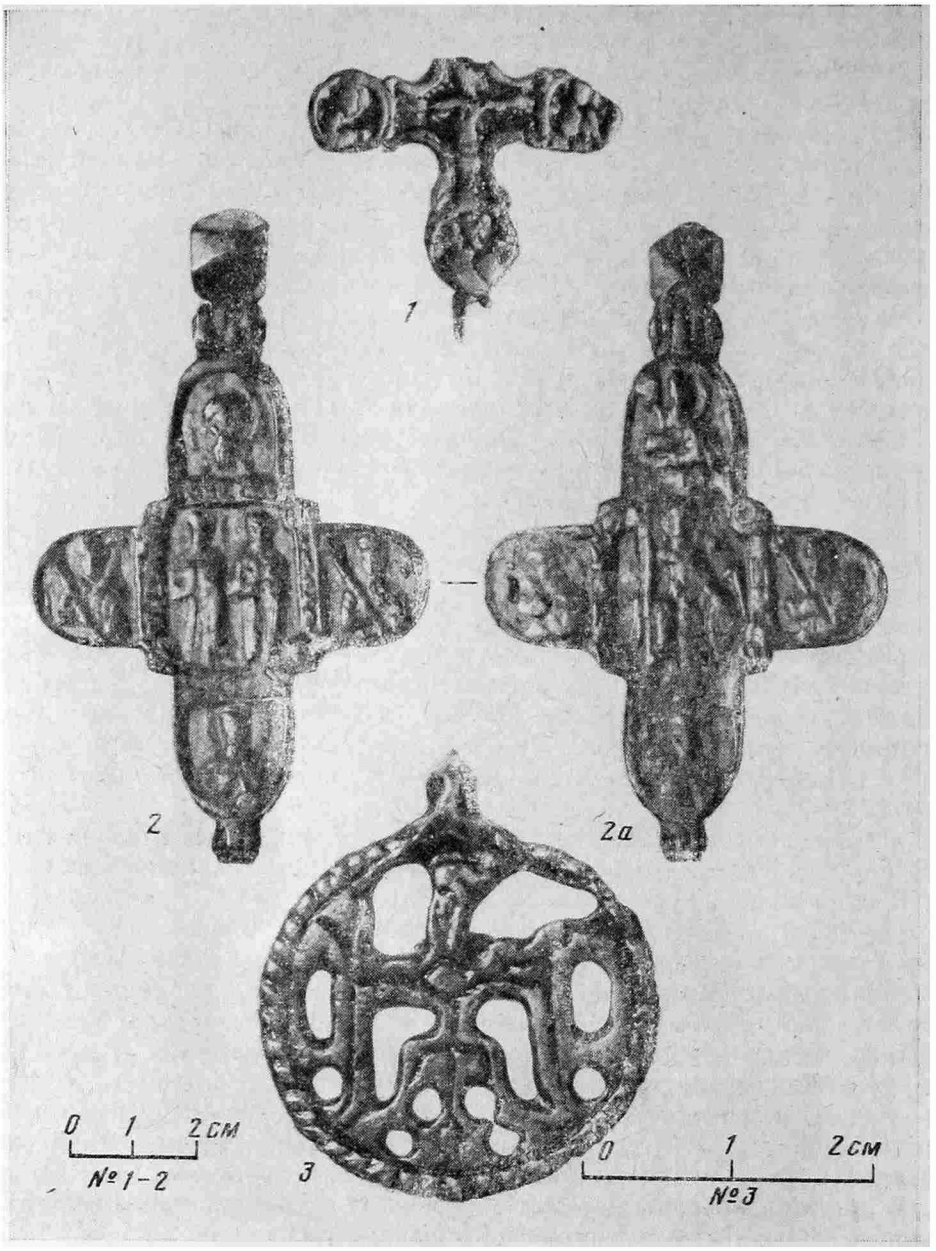


Рис. 6. Спас-Городок. Предметы культа и украшения.
1—2, 2а — кресты; *3* — подвеска (*1—3* — медь)

квадратная в плане (3,4×3,3 *м*), была холодной. Она углублена в грунт на 2,5 *м* (считая расположенную под ее дощатым полом подпольную яму глубиной около 1 *м*) и соединялась с меньшей камерой (размером 3×1,4 *м*, глубиной 1,5 *м*) нешироким переходом. Именно в этой меньшей постройке была сооружена глинобитная печь, около которой в яме обнаружен клад бронзовых вещей, погибших в огне пожара. На полу землянки и около нее найдено множество бронзовых обрезков и пластин, возможно, приготовленных для переплавки.

Кроме жилищ в домонгольском слое открыты хозяйственные ямы типа погребов, стены которых обмазаны глиной. В одной из таких ям (№ 112), расположенной почти рядом с рассмотренной выше землянкой, оказалась целая сабля без перекрестия и навершия (рис. 5, *13*). Незначительная

кривизна лезвия сабли (24 *мм* — по типологии С. А. Плетневой — Отдел Г) позволяет датировать ее первой половиной XII в.[47]

Культурный слой домонгольского времени Спас-Городка богат инвентарем, но в короткой статье невозможно охарактеризовать все находки. Рассмотрим наиболее интересные, на наш взгляд. Любопытна бронзовая монетовидная ажурная подвеска, в которую включена фигурка птицы (орел?) с головой, повернутой влево, и распростертыми крыльями (рис. 6, *3*). Изображение напоминает женскую фигурку плясуньи со спущенными рукавами из сцены языческих русалий[48]. Подобная же птица в профиль изображена на щитке бронзовой булавки из Серенска[49]. Наряду с предметами языческого культа, бытовавшими в виде украшений, в детинце Спас-Городка встречаются вещи, свидетельствующие о том, что в XII—XIII вв. христианство становится официальной религией и в городах Земли вятичей. Здесь найден бронзовый крест-энколпион с изображением распятия в средокрестии, а в медальонах — Богородицы и святых (рис. 6, *1*). Такие кресты-складни, как известно изготовлялись в конце XII — начале XIII в. в мастерских Киева[50]. Находки их на рассматриваемой территории (в том числе и в детинце Серенска)[51] и некоторых других изделий (литейные формочки) говорят о наличии в то время культурных связей Земли вятичей со Средним Поднепровьем.

Небольшой янтарный нательный крестик, возможно, изготовлен местным ремесленником из прибалтийского янтаря (рис. 3, *6*). Куски необработанного янтаря, янтарные шестиконечный крестик и перстень со щитком найдены также в культурном слое Московского Кремля (второй половины XII — начала XIII в.)[52], а на Северном городище Старой Рязани открыты остатки мастерской XII в. по изготовлению янтарных украшений[53]. Упомянем бронзовые витые тройные браслеты (рис. 3, *17*), обломок шейной гривны из тонкой серебряной пластины, свернутой в виде спирали с загнутым в петельку концом (рис. 3, *18*) (целая такая гривна известна из клада серебряных вещей городища Слободка)[54], сердоликовые и хрустальные, бипирамидальные и шарообразные бусы (рис. 3, *9*, *10*). Орудием труда плотника, а в случае необходимости и предметом вооружения пехотинца служили топоры; один из них по форме ближе к боевым XI—XII вв. (по Кирпичникову А. Н.— тип IV)[55], другой скорее был рабочим, более характерным для XI в. (рис. 4, *8—9*). Найденный в слое серп (рис. 4, *6*) можно отнести к новгородскому типу XIII в.[56]

Ко второй половине XII — первой половине XIII в. относится бронебойный наконечник стрелы с массивной головкой ромбического сечения, длинным черешком и перехватом (рис. 5, *5*), подобный наконечникам из

---

[47] *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков.— САИ, вып. Е1-19. М., 1973, с. 18, рис. 5, *14*. Правда, длина лезвия нашей сабли 82 *см*, т. е. меньше параметров сабельных клинков, выделенных в данный отдел.

[48] *Рыбаков Б. А.* О чем поведала литейная форма.— Наука и жизнь, 1966, № 1, с. 29—30; *его же.* Русалии и бог Симаргл-Переплут.— СА, № 2, 1967, с. 95, 99, рис. 5; с. 108, 109, рис. 11.

[49] *Никольская Т. Н.* Литейные формочки древнерусского Серенска.— В сб.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 43, рис. 1, *3*.

[50] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси, с. 456; *Ханенко Б. И.* и *В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899, вып. 1. табл. II, № 37—38.

[51] *Никольская Т. Н.* К истории..., с. 114, рис. 37, *5*.

[52] *Латышева Г. П.* Торговые связи Москвы в XII—XIV вв.— В сб.: Древности Московского Кремля. М., 1971, с. 219, рис. 1, *9*; с. 221; *Шеляпина Н. С.* Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг.— Там же, с. 126.

[53] *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, № 49, 1955, с. 131.

[54] *Никольская Т. Н.* К вопросу о феодальных замках в Земле вятичей.— В сб.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 188, рис. 3, *5*.

[55] *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2, с. 36, табл. XVI, *7*.

[56] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, с. 70, 71, рис. 57, *2*.

Старой Рязани [57], а также двурогий срезень с упором, употреблявшийся преимущественно для охоты и напоминающий новгородские наконечники [58] (рис. 5, *8*). К этому же времени относится стремя (рис. 5, *12*), к сожалению, сохранившееся неполностью (по-видимому, тип VII по Кирпичникову) и шпора формы, характерной для легковооруженного всадника (рис. 5, *2*; тип II) [59]. Подобная же шпора была найдена в Москве, в предматериковом слое у церкви Двенадцати апостолов [60]. Из предметов быта можно упомянуть удлиненное овальное кресало, близкое ко второму типу новгородских кресал [61].

Рубеж нижнего и верхнего горизонта городского культурного слоя характеризуют замки и ключи типа В и В1, известные в Новгороде с XII по XIV — начало XV в.[62] (рис. 4, *2*, *4—5*). Сюда же можно отнести и железные наконечники стрел типа срезней в виде вытянутой узкой лопаточки (рис. 5, *6—7*), занесенные на Русь во время монголо-татарского нашествия и получившие распространение в XIII—XIV вв.[63] На «вятичской» территории подобные наконечники известны также в Серенске [64] и на некоторых других городищах (Зайцево [65], Старая Рязань [66]).

К верхнему горизонту культурного слоя относится срубная постройка (№ 4, размером 5,2×5 *м*) на подклете, с дощатым полом на лагах, расположенная, так же как и строение более раннего времени, параллельно краю площадки детинца. Остатки глинобитной печи (развал докрасна обожженной глины, угли) обнаружены у западной стенки. Сооружение погибло во время пожара. На уровне сгоревшего и частично истлевшего пола сооружения было найдено довольно много предметов домашнего обихода, вооружения и украшений. Так, в северо-западной части постройки у самой стены обнаружен медный литой крест-энколпион, четырехконечный равносторонний с закругленными концами и квадратом в средокрестии (рис. 6, *2, 2а*). На лицевой стороне креста, в средокрестии изображены Борис и Глеб с крестом в правой руке и мечом в левой; вверху — нерукотворный Спас, внизу — Никола, слева и справа — архангелы Гавриил и Михаил с копьями и щитами. Аналогий данному кресту можно подобрать много [67]; довольно близкой является также крест-мощевик типа энколпиона из собраний Загорского музея (вторая половина XIII в.), опубликованный Т. В. Николаевой [68].

К концу XIII в. (по Новгородской хронологии) могут быть отнесены и шарнирные ножницы, найденные также у северной стены дома [69].

---

[57] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел.— САИ, вып. Е1-36. М., 1966, с. 83, 84, табл. 25, *18*.

[58] *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, с. 167, тип 15, рис. 13, *26*.

[59] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, вып. Е1-36. Л., 1973, с. 50, табл. XV, *3—6*; с. 65, табл. XVIII, *4—6*.

[60] *Шеляпина Н. С., Панова Т. Д., Авдусина Т. Д.* Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле.— СА, 1979, № 2; с. 218, рис. 2, *13*.

[61] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, с. 100, 101, рис. 84, *7, 8*.

[62] Там же, с. 86, рис. 70.

[63] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие..., с. 75, 76, табл. 24, *2—6*.

[64] *Никольская Т. Н.* Военное дело в городах Земли вятичей.— КСИА АН СССР, № 139, с. 37, рис. 11, *6—8*.

[65] *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н. э.— МИА, № 72, 1959, с. 138, рис. 49, *5*.

[66] *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, № 49, 1955, рис. 43, *18*.

[67] *Ханенко Б. И.* и *В. Н.* Древности русские. Кресты и образки, вып. II. Киев, 1900, табл. XXII, № 256—257. Каталог собрания древностей графа Уварова А. С. Отдел VIII—XI М., 1908, с. 192, 193, рис. 177, № 138.

[68] В отличие от Спасского энколпиона крест из Загорского музея имел только одну створку, вставленную в гладкий серебряный золоченый крестообразный ковчег XVI в. (*Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв., с. 102, 103, № 8а, 8б).

[69] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 60, 62, рис. 47, *5*.

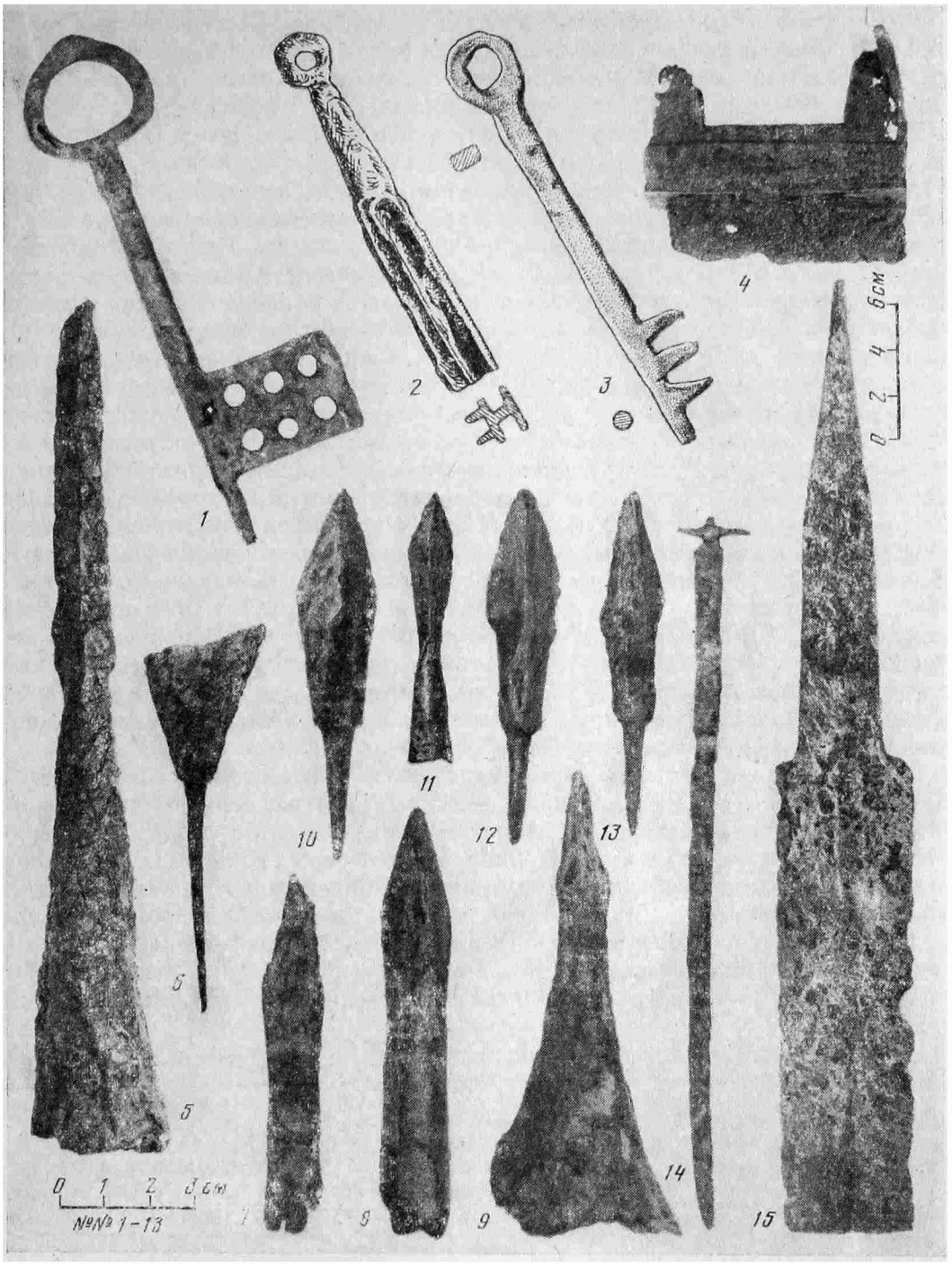


Рис. 7. Железные предметы быта и вооружения.
1—3 — ключи; *4* — замок; *5* — наконечник копья; *6—8, 10—13* — наконечники стрел; *14* — сабля; *15* — обломок меча (*1—4, 7—10, 12—15* — Серенск, *5—6, 11* — Спас-Городок)

В постройке найдены две бронзовые серьги в виде вопросительного знака с двумя напускными бусинками (рис. 3, *5, 14*). Подобные украшения широко известны в памятниках Руси, Среднего Поволжья и Кавказа с конца XIII в. до XV в.[70]; близкой аналогией данным были серьги, встреченные при наших раскопках соседнего Воротынска[71]. Опубликованы

[70] *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, № 65, 1959, с. 226, рис. 1, *11, 12*.

[71] *Никольская Т. Н.* Воротынск.— В сб.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 125, рис. *4, 3—5*.

такие украшения из курганов XIV—XV вв. бывш. Петербургской губ.[72] в Кавказских погребальных памятниках их находят с монетами XIV в.[73] Примерно к этому же времени относится и железный пирамидальный втульчатый наконечник стрелы самострела с ромбовидной головкой (болт самострельный)[74] (рис. 7, *11*), а целые удила по форме и размерам сходны с новгородскими из слоя XV в.[75]

Таким образом, на основании рассмотренных вещей постройку № 4 можно датировать XIV—XV вв. Предметы этого времени встречались также и вне сооружений, в культурном слое детинца. Некоторые из них, возможно, относятся к несохранившимся наземным домам, следы которых можно уловить теперь только по ямам от столбов-стульев. В числе таких вещей отметим железные шпоры со звездочкой (рис. 5, *3—4*), появившиеся на Руси в середине XIII в. и продолжавшие употребляться в несколько измененном виде в XIV и XV вв.[76] О некоторых других предметах быта, вооружения и украшений этого времени говорилось выше.

Мы ознакомились с одним из верховских городов, расположенных почти на границе Руси с Литовским государством. По-видимому, именно здесь (после неудачной попытки переправиться через Угру) остановился на некоторое время хан Ахмед и отсюда, «взяв полон», он отошел в более безопасное место к Воротынску в ожидании помощи короля Казимира[77]. История Воротынска и Воротынского княжества до недавнего времени была известна только по письменным источникам[78]. Археологические исследования Воротынского городища, проводившиеся Верхнеокской экспедицией в 1975 г., позволили приоткрыть новые страницы в истории культуры этого русского города, истоки которой восходят к эпохе древней Руси. Поскольку результатам раскопок в Воротынске посвящена специальная статья[79], скажем здесь о нем очень кратко.

Материальная культура Воротынска в XIV—XV вв. во многом близка культуре Спас-Городка, а также некоторых других верховских городов, известных археологически,— Серенск, Кромы, Козельск, Серпейск (верхний слой). Судя по остаткам одной из построек, жилища Воротынска были наземными срубными домами на столбах-стульях, с печью каменкой, расположенными параллельно склону городища[80]. Производственные сооружения (кузнечный горн) и многочисленная готовая продукция кузнецов говорят о развитом ремесле и его специализации. Здесь найдены предметы быта — навесные замки с лабиринтообразной ключевой скважи-

---

[72] *Спицын А. А.* С.-Петербургские курганы в раскопках Ивановского.— МАР, № 20, 1896, табл. I, *3, 4, 8, 9*; табл. XII, *7, 8*.

[73] *Марковин В. И.* Исследования памятников средневековья в высокогорной Чечне.— КСИА АН СССР, 1962, № 90, с. 45, рис. 10, *16*.

[74] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие..., с. 94.

[75] *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, рис. 22, *5*.

[76] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня..., с. 68, тип. V, *табл. XXI; Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого, с. 187, рис. 21, *4, 5*; с. 190, 191, тип. 5.

[77] По-видимому, не случайно, спустя сто лет, когда опасность новой (польской) интервенции нависла над Русью, именно здесь на соседнем с городищем возвышении, ближайшем к Угре, князья Воротынские основали монастырь, впоследствии запустевший. Теперь от него остались только две церкви — Преображения (середины XVI в.) и Введенская (середины XVII в.) (*Николаев Е. В.* По Калужской земле. М., 1970, с. 102).

[78] На страницах летописи Воротынск впервые появляется под 1155 г.: князь Новгород-Северский Святослав Ольгович, желая наказать своего племянника Святослава Всеволодовича, «занеже бе его отступилъ», отнимает у него города Карачев и Воротынск (ПСРЛ, т. II, стб. 479). Много сведений о Воротынске содержится в Никоновской летописи (ПСРЛ, т. XII, с. 201, 221; т. XIII, с. 5, 15). О местонахождении Воротынска и Воротынского княжества сообщает Сигизмунд Герберштейн (*Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 108). Б. А. Рыбаков в своем исследовании о картах Московии особое внимание уделил Воротынскому княжеству (*Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1974, с. 84).

[79] *Никольская Т. Н.* Воротынск.— В сб.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 118 сл.

[80] Там же, с. 120.

ной и ключи к ним (типа Д и Е по Новгородской хронологии — XV — начало XVI в.) [81], шарнирные ножницы, овальное кресало, ножи, сельскохозяйственные орудия [82]. Предметы вооружения представлены главным образом наконечниками стрел — плоскими и бронебойными (последних больше), что говорит о развитии в воротынском войске легкой конницы, вооруженной луками. Находки снаряжения всадника и коня немногочисленны — обломок шпоры и конской скребницы [83].

По некоторым вещам, найденным в Воротынске, так же как и в Спас-Городке, чувствуется влияние Московской культуры. Так, импортом из Москвы является, очевидно, красноглиняная игрушка-лошадка, покрытая белым ангобом и расписанная красной краской,— типа, характерного для XV—XVI вв. (без седла и всадника). Такие игрушки изготовлялись в Яузской гончарной слободе [84]. Выше упоминались медные серьги в виде вопросительного знака с бусинкой на конце, найденные в слое Воротынска. Возможно, что они, так же как и в Спас-Городке, изготовлены по московским образцам [85]. Богатый керамический материал Воротынска представлен фрагментами белоглиняных, красноглиняных, краснолощеных, а также чернолощеных сосудов, аналогии которым можно найти в московской керамике [86].

Как говорилось выше, не дождавшись помощи Казимира и не решаясь вступить в единоборство с хорошо вооруженным и организованным войском Ивана III, Ахмед-хан обратился в позорное бегство. В летописи названы и другие верховские города, лежавшие на пути отступления в степи конницы Большой Орды, например, Серенск и Мценск [87]. Об одном из них — Серенске скажем несколько слов. Многолетние археологические исследования в детинце Серенска, проводившиеся Верхнеокской экспедицией, позволили воссоздать облик древнерусского города, хорошо укрепленного и плотно застроенного, с развитыми ремеслами и торговыми связями [88]. Впервые Серенск появляется на страницах летописей под 1147 г.[89], однако возникновение его можно отнести к рубежу XI—XII вв.[90] В XVI в. Серенск еще существует как город и упоминается Сигизмундом Герберштейном [91]. В верхнем культурном слое Серенского

---

[81] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., рис. 68, *3, 6*; *Никольская Т. Н.* Воротынск, с. 121 сл., рис. 2, *1—6*; 3, *6*; 4, *6*. Подобные ключи находят в слоях XIV—XV вв. многих древнерусских городов (*Алексеев Л. В.* Раскопки древнего Браслава.— КСИА АН СССР, № 81, 1960, с. 95, рис. 46, *5*).

[82] *Никольская Т. Н.* Воротынск, рис. 3, *1, 2, 4, 8, 10, 11*.

[83] *Рыбаков Б. А.* Военное дело (стратегия и тактика).— В сб.: История культуры древней Руси, т. 1. М.— Л., 1948, с. 404; *Никольская Т. Н.* Воротынск, рис. 2, *10, 11*; 3, *3*; 4, *7, 8, 10, 12*.

[84] *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв.— САИ, вып. Е1-39. М., 1968, с. 27, табл. 7, *19, 24, 26*; *Фехнер М. В.* Глиняные игрушки московских гончаров.— МИА, № 12, 1949, с. 52, 54, рис. 2; *Никольская Т. Н.* Воротынск, рис. 3, *9*.

[85] *Никольская Т. Н.* Воротынск, рис. 4, *3—5*; *Дубынин А. Ф.* Московская экспедиция. Альбом рисунков, рис. 6. Архив ИА АН СССР, р-1, № 1061. Подобная же золотая серьга встретилась в постройке Звенигорода (под Москвой), относящейся, по-видимому, к концу XIV — началу XV в. (*Юшко А. А.* Раскопки в Звенигороде Московском.— АО — 1975. М., 1976, с. 102).

[86] *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв.— САИ, вып. Е1-39. М., 1968, с. 12, табл. 2, *3, 9*.

[87] ПСРЛ, т. XXVI, с. 273.

[88] *Никольская Т. Н.* К истории древнерусского города Серенска.— КСИА АН СССР, № 113, 1968, с. 108; *ее же.* Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников.— КСИА АН СССР, № 125, 1971, с. 73; *ее же.* Военное дело в городах Земли вятичей (по материалам древнерусского Серенска).— КСИА АН СССР, № 139, 1974, с. 34.

[89] ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 39.

[90] *Никольская Т. Н.* К истории древнерусского города Серенска..., с. 116.

[91] Литовский лазутчик «Войтех лях из Познани», обошедший всю оборонительную линию Руси (1534 г.), говорит о городах, которые ему встречались. Он шел от Москвы через Коломну, Серпухов, Тарусу, Калугу, Воротынск, Серенск, Мещовск, Мосальск, Дорогобуж, Смоленск (*Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб, 1908, с. 109).

детинца, который можно разделить на два горизонта (второй половины XIII—XIV и XV—XVI вв.), при раскопках открыты остатки оборонительных сооружений, жилищ и хозяйственных построек. Так, в юго-западной части городища была построена квадратная в плане башня (поперечник около 4 *м*), поставленная на кирпичный фундамент. В башне обнаружено несколько арбалетных черешковых и втульчатых наконечников стрел (болтов самострельных; рис. 7), датирующих ее второй половиной XIII — началом XIV в.[92]

Жилища верхнего культурного слоя Серенска представлены наземными срубными домами (квадратными или прямоугольными в плане) с дощатым полом и каменно-глинобитной или глинобитной печью в одном из углов. Срубы (размерами 5,5×5,5 или 6,5×6 *м*) поставлены на столбы-стулья, врытые с интервалом 1,0—2,0 *м*. В центральной части постройки располагалась большая подпольная яма (глубиной 0,7—1,3 *м*) (в жилищах верхнего горизонта подполья отсутствовали). Хозяйственные постройки нижнего горизонта этого слоя были углубленными в грунт, столбовой конструкции, верхнего — наземными срубными, на столбах-стульях. Слой датируется некоторыми типами наконечников стрел (в частности, арбалетных), шпорами с репейкой, ключами и замками типа «В, Д, Ж», фрагментами белоглиняной и чернолощеной керамики московского типа.

Планировка сооружений в детинце Серенска, так же как и в Спас-Городке и Воротынске, была подчинена конфигурации вала и самого мыса: постройки располагались параллельно его насыпи и краю площадки городища. По всему периметру детинца шла бревенчатая стена, а его южную и юго-западную части фланкировали оборонительные башни. Примыкавший к детинцу посад (площадка которого имеет форму трапеции) с трех сторон (С, В и Ю) был укреплен высокой земляной насыпью и глубоким внешним рвом, сохранившимся до наших дней. Западный склон городища упирался в глубокий овраг, по дну которого протекал ручей, впадающий в Серену[93]. Можно полагать, что в XIV—XV вв. Серенск был небольшой, но хорошо организованной крепостью, за стенами которой в момент опасности окрестное население находило надежную защиту[94].

Итак, в конце XV столетия на территории верховских княжеств, в бассейне верхней Оки и Угры произошло крупнейшее по своим политическим последствиям событие» — освобождение Руси от золотоордынского ига. Это событие тем более замечательно, что победа над ханом Золотой Орды Ахмедом была одержана русскими войсками при совершенно ничтожных жертвах благодаря умелому сочетанию дипломатических и военных средств[95]. Государственный ум, дипломатический и военный талант Ивана III получили высокую оценку К. Маркса: «Иван III свергнул Золотую Орду, не сражаясь с нею сам, а притворным желанием дать сражение вызвал ее на наступательные действия, которые истощили остатки ее жизнеспособности и подставили ее под роковые удары родственных ей племен, которые ему удалось обратить в своих союзников. Он одних татар погубил при помощи других»[96].

---

[92] *Никольская Т. Н.* Раскопки Серенского городища в 1969 г.— КСИА АН СССР. № 135. М., 1973, с. 84; *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие, с. 93, табл. 31, *4, 5, 26, 29*.

[93] Судя по небольшой западине в южной части посадского вала, в древности здесь также была сооружена башня (см. план Серенского городища: *Никольская Т. Н.* К исторической географии Земли вятичей.— СА, 1972, № 4, с. 163, рис. 3).

[94] В XVI в. Серенск постепенно приходит в упадок, что, по-видимому, связано со строительством новой линии укрепления Московского государства — большой засечной черты, выдвинутой южнее, в степь, по линии Белев, Одоев, Тула, Переяславль Рязанский (*Каргалов В. В.* На степной границе. М., 1974, с. 150—152; *его же.* Свержение монголо-татарского ига, карта на с. 132).

[95] *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 168.

[96] *Маркс К.* The secret diplomacy...

T. N. Nikolskaya

TO THE 500TH ANNIVERSARY OF THE «STAYING AT THE UGRA»

Summary

In the summer of 1480 the Moscow principality met with hard difficulties. The Khan of the Big Hoard — Akhmed formed an allience with the Polish-Lithuanian King Kazimir IV and began the campaign against Moscow. The wise statesman and diplomat, the Great Prince of Moscow Ivan III, using the hostility of the Crimean Khan Mengli-Girey to Akhmed made his southern borders safe and paralized the anti-Moscovian activities of Kazimir. The troops of the latter prepared for the campaign against Moscow had to defend his southern borders from the Crimean Khan. Ivan III established a powerful defence line consisting of many towns at the Southern Oka, on the way to Moscow. The organization of this line forced Akhmed to drop the plan of moving forward into the Russian lands. He decided to flank Russian troops from the South-west using the support of the Polish-Lithuanian troops. Ivan III also moved his troops and built a camp at the left bank of the Ugra river near Kaluga. The Akhmed's attempts to force Ugra were repulsed. The famous «staying at the Ugra» began, which lasted for more than a month and ended by the shameful disarray of the Great Hoard troops into the steppes. The mongol-tartar yoke at Russia was overthrown. The struggle with the Mongol-Tartar invaders served as a new impulse for the uniting tendencies of the Russian people. The overthrow of the tartar yoke strengthened also the international position of the Russian state.

Публикации

М. Г. КОСМЕНКО, И. Ф. ВИТЕНКОВА

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ СЛОЙ ПОСЕЛЕНИЯ МУРОМСКОЕ VII

Большой интерес для изучения мезолита Карелии представляют стоянки с кремнево-сланцевым инвентарем, располагающиеся на юго-восточной окраине обширного массива памятников с орудиями из кварца и сланца. К числу наиболее выразительных и полно изученных поселений этого рода относится Муромское VII.

Находится оно у истока р. Муромки, вытекающей из оз. Муромское в Онежское озеро (юго-восточное побережье), примерно в 1 *км* восточнее бывшего Муромского монастыря, и занимает мыс пологого песчаного склона невысокой озерной террасы, которая в данном месте перерезана ложбиной.

В 1958 г. Н. Н. Гурина обнаружила здесь селище рубежа I—II тысячелетий н. э.[1] 10 лет спустя на селище была заложена траншея, перерезавшая древнее, точно не определенное авторами раскопок жилище[2], как выяснилось, мезолитическое. В 1977 г. памятник исследовался двумя раскопами общей площадью 532 *м*^{2}. Раскоп I (232 *м*^{2}) расположен у верхней кромки склона террасы и присоединен к траншее 1968 г.; другой раскоп вытянут вдоль его нижней кромки у оконечности мыса. Стратиграфия в раскопах довольно стабильна: 1) дерн и серая гумусированная супесь (почва) — 25—35 *см*; 2) грязно-желтый песок с розоватыми, серыми, красноватыми прослойками 20—30 *см*; 3) чистый желтый песок. Наблюдались небольшие колебания толщины слоев, особенно грязно-желтого песка.

В ходе раскопок установлено, что мыс заселялся неоднократно, но разновременные комплексы выделяются планиграфически и отчасти стратиграфически. Керамика средневекового селища залегала главным образом в верхних горизонтах почвы и встречалась по всему склону террасы на площади не менее 4000 *м*^{2}. У самой оконечности мыса, близ границы с заболоченной поймой, в раскопе II обнаружен очаг с железными шлаками. Вокруг него на уровне нижнего горизонта почвы концентрировалась позднекаргопольская керамика I тысячелетия до н. э. В этой же части раскопа вскрыта яма с ромбически-ямочной керамикой, окруженная скоплением таких же черепков. Судя по местным аналогиям[3], данный комплекс определенно относится к энеолиту. В раскопе I и большей части раскопа II последние два комплекса не распространялись и представлены единичными обломками керамики. Изделия мезолитического комплекса, занимающего площадь не менее 3000 *м*^{2}, залегали в грязно-желтом песке и отчасти в почвенном слое. Стерильной прослойкой

---

[1] *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР.— МИА, № 87. 1961, с. 524.

[2] *Песонен П. Э.* Памятники раннего средневековья на Муромском озере.— В сб.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972, с. 95, 101.

[3] *Панкрушев Г. А., Журавлев А. И.* Стоянка Вигайнаволок I.— В сб.: Новые памятники истории древней Карелии. М.— Л., 1966, с. 152—177.

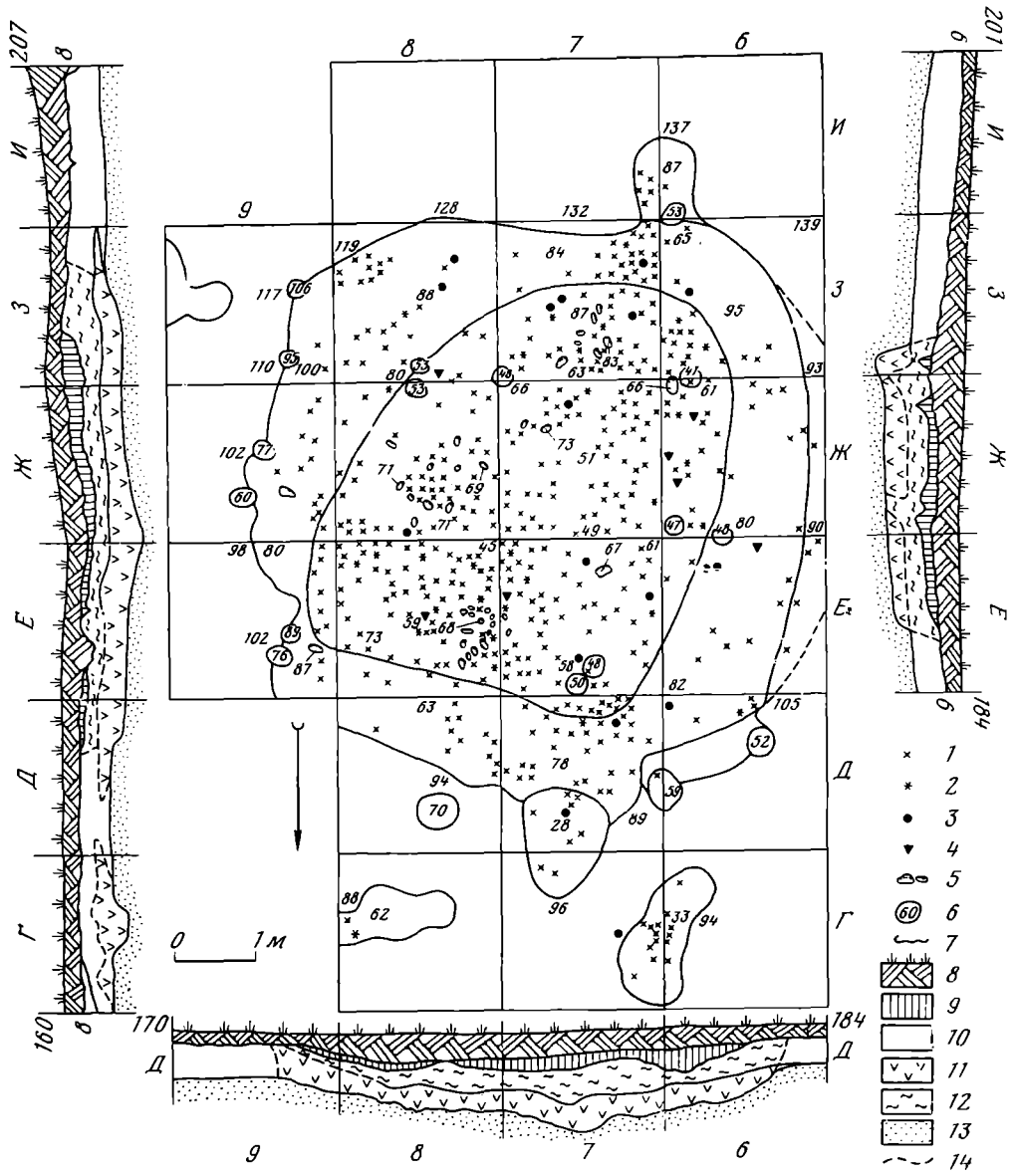


Рис. 1. Муромское VII. План жилища 1

1 — кремни без обработки; *2* — орудия; *3* — кости; *4* — охра; *5* — камни; *6* — высота от уровня оз. Муромское; *7* — контуры углублений; *8* — дерн и почва; *9* — красноватый и розоватый песок; *10* — грязно-желтый песок; *11* — темный углистый песок; *12* — сероватый песок, *13* — желтый песок; *14* — нечеткие контуры

мезолитический слой не отделяется. Тем не менее из мезолитических жилищ и ям на обоих раскопах происходит достаточно богатый набор орудий, являющийся эталонным для характеристики комплекса в целом, и, кроме того, практически чистая коллекция мезолитических изделий получена из культурного слоя раскопа I.

Подавляющее большинство углублений в материковом желтом песке содержало только каменные изделия мезолитического облика. К ним относятся остатки трех жилищ и около 30 ям разнообразной формы.

Впадина от жилища 1 практически не была заметна на поверхности раскопа I, но в этом месте наблюдалось явное утолщение почвенного слоя. Под почвой обозначилось скопление прослоек розового и сероватого песка, слившихся в большое пестрое пятно. Крайние прослойки залегали наклонно к его центру. Глубже, примерно на уровне материкового грунта, появилось сплошное черное пятно, насыщенное углем и каменными

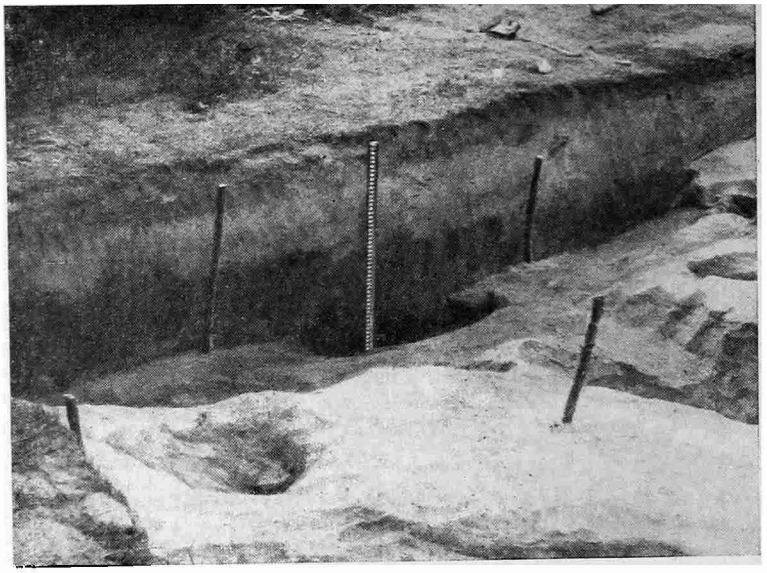


Рис. 2. Линза углистого песка в профиле северной части жилища 1

изделиями. В профиле оно представляло собой линзу песка темного, местами черного цвета толщиной до 45 *см* в центральной части (рис. 1 и 2). У краев линза более или менее резко углублялась в чистый желтый песок. Этот уступ наблюдался почти по всему периметру пятна (он хуже заметен вдоль западного края). Правда, края линзы кое-где простирались в виде клиновидной прослойки на 30—50 *см* дальше уступа и выходили на уровень нижнего горизонта культурного слоя стоянки, но тут же резко выклинивались или сливались с общим пестрым фоном. Контуры жилища фиксировались по краю упомянутого уступа, так как, судя по общему залеганию линзы, оно представляло собой неглубокую полуземлянку.

В результате были очерчены контуры углубления размерами 7,2× ×7,0—7,2 *м*, подквадратной формы с двумя выступами, видимо, выходами в северной и южной стенках (рис. 1). Края его, несомненно, деформировались в течение длительного времени. Заметно, что деформации подверглась главным образом западная стенка, отчего жилище выглядит сплющенным, а выходы — слегка асимметричными относительно его продольной оси. Причина этого ясна. Западный край основания жилища находится выше по склону террасы и в первую очередь подвергся интенсивному разрушению вследствие размывания, оползания и осыпи грунта. Напротив, восточная половина жилища сохранилась хорошо. Принимая во внимание ее контуры, можно говорить о том, что полуземлянка имела подквадратную форму.

Основание жилища углублено в материковый песок на 20—30 *см* у северного выхода и на 45—50 *см* у расположенного выше по склону южного выхода. Надо сказать, что нижняя граница углистой линзы не является истинным уровнем пола жилища. В процессе вскрытия углистого слоя установлено, что нижний его горизонт толщиной в среднем 10—15 *см* лишен находок и представляет собой нетронутый песок, окрашенный мелкими частицами угля, проникшими вглубь, видимо, с водой и по корням растений. Особенно мощным этот слой был в центральной части полуземлянки. Поэтому уровень пола необходимо было фиксировать по нижней границе массового залегания находок, прежде всего некрупных камней, образующих небольшие склопления примерно в 2 *м* от выходов, а также рассеянных в центральной части полуземлянки. Измерения уров-

ния залегания камней показывают, что пол у южного выхода был выше на 15—20 *см*, чем у северного, и относительно ровным в центре.

Точное местонахождение очага не определено. Наиболее интенсивная окраска и насыщенность углем прослежена в центре жилища, но очажное пятно как таковое не наблюдалось. Небольшие скопления камней против выходов также не без оснований можно рассматривать как остатки очагов.

Южный выход представлял собой выступ углистого слоя размерами 1,0×0,7—0,8 *м*. Пол выхода углублен на 0,5 *м* в подстилающий песок и залегал приблизительно на уровне пола прилегающей части жилища. В конце выхода углистый слой резко поднимался к поверхности. Северный выход прослеживался в виде выступа углистой линзы размерами 1,4×1,0—0,8 *м* и глубиной до 50 *см* от прилегающей поверхности пола. Однако находки встречались только в верхней половине заполнения ямы, а глубже залегал окрашенный углистыми частицами чистый песок. Пол северного выхода, таким образом, был углублен примерно на 20—25 *см* относительно жилища.

В пределах полуземлянки, а также вдоль ее северной и восточной стенок вскрыта серия ямок диаметром 20—40 *см* и глубиной 25—40 *см*, заполненных серым углистым песком. Особенно примечательно расположение некоторых ямок вдоль стенок, подвергшихся наименьшей деформации. Правда, по характеру заполнения невозможно четко различить древние искусственные углубления и следы от крупных древесных корней, но последние, как правило, извилистые и залегают горизонтально, тогда как ямки в жилище и по его краям вертикальные. По всей видимости, они искусственные и представляют собой остатки столбовых креплений.

Находки в жилище представлены главным образом каменными изделиями. Наибольшее их количество сосредоточено в центральной части и в полосах слабой концентрации, которые тянутся к выходам. По краям находок меньше, особенно у западной стенки, где они как бы смещены в сторону центра. Кроме каменных изделий встречены бруски охры со следами стирания, единичные кальцинированные позвонки некрупных рыб, обломки трубчатых костей птиц или мелких животных.

Жилище 2 расположено в 8 *м* северо-западнее жилища 1. Оно перерезано поперек во время раскопок 1968 г. и вскрыто только в южной части. Имело вид полуовала шириной 7,0 и длиной 3,2 *м*. Яма глубиной до 50 *см* от поверхности подстилающего слоя была заполнена темным углистым песком. Заметно, что край жилища значительно деформирован. Выход не прослежен, дно неровное. Судя по расположению углублений вдоль края, жилище, видимо, было прямоугольным. Углистая линза толщиной до 40 *см*, пожалуй, более насыщена находками, чем заполнение жилища 1. Распределение предметов на площади вскрытой части жилища 2 сравнительно равномерное. В коллекции преобладают каменные изделия, найдены куски охры и мелкие обломки костей.

Жилище, 3, вскрытое в прибрежной части стоянки (раскоп II), представляло собой блюдцеобразное углубление почти округлой формы с неровными, волнистыми краями, размерами 5,8×5,0—5,2 *м*, заполненное темным углистым песком. В профиле оно слегка асимметричное, средней глубиной 15—20 *см* от поверхности материкового грунта. У южного и восточного краев углубления наблюдались короткие выступы шириной соответственно 1,0 и 1,6 *м* и длиной 0,7 и 0,6 *м* — очевидно, следы выходов. Они расположены, в отличие от жилища 1, под прямым углом друг к другу и не обращены в сторону озера. Еще в древности края жилища, слегка углубленного в землю, несколько оплыли. В данном случае уступчик у края углистой линзы, по которому фиксировался край жилища, выражен слабее, чем в жилище 1, а дно ямы полого понижалось к центру. Толщина углистой линзы в центре достигала 50 *см*, но ее нижний

Вид изделий	Жилища и ямы	Раскоп I	Всего
Нуклеусы призматические	23	42	65
» многоплощадочные	–	4	4
» подконические	1	2	3
Резцы угловые на пластинках	4	9	13
» » на отщепах	1	–	1
Скребки концевые	11	16	27
» на отщепах	77	117	194
Скобели	2	15	17
Проколки	1	2	3
Пластинки с затупленным концом	–	3	3
» со скошенным концом	–	1	1
» с ретушью	41	36	77
Сечения-вкладыши	26	38	64
Отщепы с ретушью	35	40	75
Долотовидные орудия	1	1	2
Тесла сланцевые	3	4	7
Стамески »	5	4	9
Долота желобчатые	1	–	1
Ножи »	1	–	1
Пилы кварцитовые	1	–	1
Шлифовальные плитки	1	5	6
Гальки-отбойники	–	1	1
Обломки шлифованных орудий	16	30	46
Куски кремня	66	95	161
Пластинки нересушированные	140	270	410
Отщепы и осколки	799	1170	1969
Орудий и нуклеусов	235	340	575
Всего предметов	1256	1905	3161

горизонт толщиной до 30 *см* лишен находок и представлял собой, как и в других случаях, зону проникновения углистых частиц. Очаг в виде расплывчатого черного пятна размерами около 1×1 *м*, видимо, располагался в центре жилища. Здесь найдено гораздо больше углей, чем на окружающих участках.

Находок значительно меньше, чем в жилищах 1 и 2. Они сосредоточены в центре и почти отсутствовали у краев. Полоса слабой концентрации каменных изделий тянулась от центра жилища к южному выступу — выходу. Мелкие обломки костей также были сосредоточены в центре и против выходов. В различных частях жилища найдены куски охры.

В раскопах I и II вскрыто около 30 ям различных размеров и формы: удлиненной (рис. 1) овальной, четырехугольной, округлой, грушевидной, в заполнении которых обнаружены только каменные изделия. Ямы глубиной 20—50 *см* обычно заполнены серым, в отдельных случаях розоватым песком. Какой-либо системы в их расположении не наблюдалось. Среди них выделяются три очажных ямы с прослойками обожженного песка; прочие же трудно дифференцировать по назначению. В ямах найдены преимущественно отщепы и осколки кремня; орудия встречались редко.

Каменный инвентарь из жилищ, ям на обоих раскопах и культурного слоя раскопа I включает следующие виды кремневых и сланцевых изделий (см. таблицу).

Кроме того, в коллекции из культурного слоя раскопа I имеется 10 предметов позднего или неопределенного облика: два листовидных наконечника стрел, полностью обработанных длинной плоской ретушью, сланцевые подвески и бляшки, плитки со сверлинами, галька-грузило, крупный топор, обработанный точечными ударами. Почти все они найдены в почве на уровне залегания энеолитического и позднекаргопольского материала и, видимо, относятся к энеолиту, если судить по имеющимся

аналогиям[4]. На раскопе II найдено более 40 таких изделий, хотя остальной каменный инвентарь сходен с орудиями из мезолитических ям и жилищ[5].

В качестве основного сырья использовались некрупные желваки кремня светлых оттенков, главным образом красного розоватого, желтого. Есть единичные изделия из полупрозрачного и фиолетового кремня, а также роговика. Замечено, что красного кремня больше в раскопе II, т. е. в прибрежной части стоянки. Кварцевые изделия представлены долотовидным орудием (раскоп II) и более 100 отщепами, осколками и грубыми пластинками. Шлифованные орудия сделаны из зеленоватого сланца.

Кремень обрабатывался и на площади стоянки, о чем свидетельствует значительное число нуклеусов и кусков. Абсолютно преобладают одно-, реже двуплощадочные призматические односторонние нуклеусы длиной 3—4 *см* с прямой, иногда скошенной ударной площадкой (рис. 3, *30—32*; 4, *36*). Единичны экземпляры с несколькими площадками, расположенными под углом друг к другу, и односторонние нуклеусы подконической формы (рис. 4, *37*). Типичных конических и карандашевидных форм на стоянке не найдено. Ложбинки от сколотых пластинок короткие, часто неровные, и создается впечатление, что техника скалывания была гораздо более низкой, чем на стоянках в сопредельных областях «кремневой» зоны. Правда, изделия на пластинках довольно многочисленны (188 экз.).

Среди резцов преобладают угловые на сломанной пластинке с коротким и узким резцовым сколом (рис. 3, *1—3*; 4, *1—3*). В раскопе II, кроме того, найдены малотипичные угловые (7 экз.) и срединные (3 экз.) резцы на отщепах (рис. 4, *24*).

Концевые скребки на пластинках (рис. 3, *17—19*; 4, *27, 29, 30*) присутствуют в устойчивом количестве около 15% от общего числа скребков также и в раскопе II. На их боковых частях иногда наблюдаются участки мелкой ретуши. Рабочая часть различной крутизны: от почти перпендикулярной (рис. 4, *30*) до сравнительно пологой (рис. 4, *29*). Прочие скребки сделаны на округлых, подквадратных, полудисковидных, веерообразных отщепах (рис. 3, *20—23, 26—28*; 4, *25—26, 28*). Отретушированы они в зависимости от формы: скребки подтреугольной формы близки к концевым, а округлые часто обработаны почти по всему периметру Явно преобладающих в количественном отношении типов среди них не выделяется. Все скобели сделаны на отщепах. Крутые рабочие выемки диаметром до 0,5 *см* почти у всех экземпляров образованы посредством одного-двух ударов, а потом отретушированы (рис. 3, *24*, 4, *32*). Два скобеля комбинированы со скребками (рис. 3, *28*; 4, *26*).

Проколки на пластинках малочисленны. Их острия представляют собой сужающиеся концы пластинок, подправленные мелкой ретушью (рис. 3, *29*; 4, *31*). Выразительную группу орудий составляют ретушированные пластинки, достигающие длины 5—6 *см* (рис. 3, *12—16*; 4, *14—17*). Назначение их, видимо, различное. Обратим внимание на пластинку, правый верхний угол которой сильно залощен и стерт (рис. 3, *12*). Надо полагать, она выполняла функции резца. Другие, очевидно служили в качестве ножей (рис. 3, *13*; 4, *15*) или вкладышей (рис. 3, *16*; 4, *14, 16, 17*). К последней категории в данном комплексе можно отнести и единичные экземпляры пластинок с затупленным и скошенным концом (рис. 4, *16, 20, 21*). Хотя они в жилищах и ямах не найдены, но, несомненно, относятся к мезолитическому слою. В особую группу ус-

---

[4] *Панкрушев Г. А., Журавлев А. П.* Ук. соч., с. 170—176.

[5] Во избежание возможных ошибок в количественном подсчете точно не датируемых типов орудий мы не приводим статистических данных о каменном инвентаре из культурного слоя раскопа II.

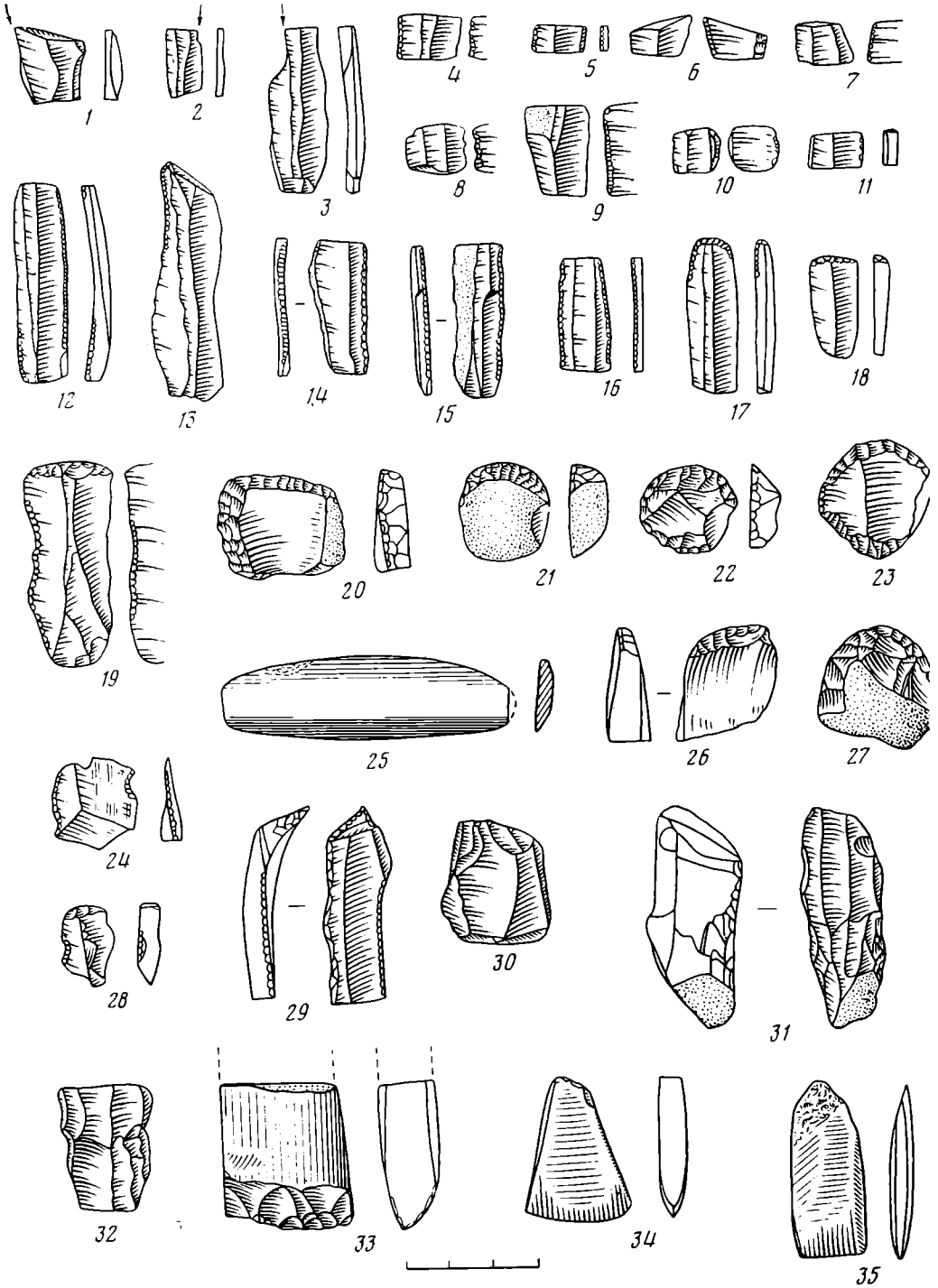


Рис. 3. Муромское VII. Каменные орудия
1, 4—9, 12, 14, 16—18, 21—23, 25—27, 30—33 — жилище 1; *2, 15, 19, 20, 28, 29, 34, 35* — жилище 2; *3, 10, 11, 13, 24* — ямы, раскоп I; *25, 33—35* — сланец, прочие — кремень

ловно выделены многочисленные сечения — вкладыши, представляющие собой ретушированные фрагменты пластинок длиной, менее чем вдвое превышающей ширину (рис. 3, *4—11*; 4, *4—13*, *18*, *22*, *23*). Пластинки и сечения в большинстве случаев ретушированы частично. Абсолютно преобладает мелкая, иногда мельчайшая ретушь. Притупляющая край (но

Рис. 4. Муромское VII. Каменные орудия
38 — жилище 2; *1, 4, 23, 25, 26, 28, 35, 37, 39* — жилище 3; *3, 10—13, 16, 21, 27, 30, 31, 33* — раскоп I, культурный слой; *2, 6, 14, 15, 17, 18, 20, 22, 24, 29, 36* — раскоп II, культурный слой

не перпендикулярная) ретушь встречена дважды (рис. 3, *14*; 4, *22*). Столь же редка плоская ретушь с короткими широкими фасетками (рис. 3, *6*; 4, *15*). Часто наблюдаются следы работы в виде выщербленного края или заломов (рис. 3, *11*; 4, *12, 16—20*).

Среди отщепов с участками мелкой ретуши не выделяется устойчивых форм.

Кремневые долотовидные орудия длиной 2—3 *см* имеют лезвия, приостренные с обеих сторон сколами на манер палеолитических pieces

ecaillees. Экземпляры из жилища 3 и раскопа I комбинированы со скребками, лезвия которых находятся на боковых частях орудий (рис. 4, *33, 35*).

Следует иметь в виду, что из-за наличия энеолитических материалов к мезолитическому комплексу определенно можно отнести только сланцевые орудия из жилищ и ям и со значительной долей вероятия — ряд изделий сходных форм и размеров из культурного слоя поселения. Большинство целых сланцевых полностью или частично шлифованных орудий рубяще-долбящего назначения имеет небольшие размеры. Длина их не превышает 5—6 *см*, сечение подпрямоугольное или подовальное, форма в плане трапециевидная с более или менее острым обушком либо прямоугольная. Среди них выделяются тесла с асимметричным лезвием (рис. 3, *33*; 4, *34*) и орудия типа стамесок с тонким симметричным, иногда слегка асимметричным лезвием (рис. 3, *34, 35*; 4, *39*). Допустимо, что такие орудия применялись в сочетании с роговыми муфтами. В жилищах 1 и 2 обнаружены обухи гораздо более крупных сломанных орудий: два приостренные, подовального сечения (рис. 4, *38*), третий — такого же сечения от массивного орудия, видимо, топора. В жилище 1 найдено миниатюрное желобчатое долотце, по форме аналогичное орудию с Оленеостровской стоянки [6] и полностью шлифованный нож трапециевидного сечения (рис. 3, *25*). Похоже, что форма ножа в целом скопирована с кремневых ножевидных пластинок, правда, край, противоположный режущему, слегка затуплен, а концы закруглены.

Орудия для обработки камня малочисленны и представлены пилой из кварцитовой плитки с приостренным рабочим краем, обломками сланцевых шлифовальных плиток и отбойником — кремневой галькой с мелкими выбоинами на концах. Наконец, в коллекции имеются обломки шлифованных сланцевых орудий, куски кремня, неретушированные кремневые, единичные роговиковые и кварцевые пластинки, а также отщепы и осколки кремня, редко кварца и роговика.

Общая типологическая датировка мезолитического комплекса не вызывает особых затруднений. Здесь нет пережиточно-палеолитических типов орудий и технических приемов, характерных для раннемезолитических стоянок Верхнего Поволжья [7], Прибалтики [8], культуры Аскола в Финляндии [9], зато широко представлены скребки на отщепах в сочетании с различными орудиями на правильно ограненных пластинках (в данном случае преобладают вкладышевые изделия). Такое сочетание наблюдается на многих стоянках позднего этапа мезолита в Европейской части СССР [10]. Дифференцированный набор шлифовальных орудий из сланца является особенностью культуры суомусярви в Финляндии [11], позднемезолитических стоянок Карелии [12], а также поздних памятников культуры кунда типа стоянки Нарва в Эстонии, нижний слой которой датирован по радиокарбону около середины VI тысячелетия до н. э.[13]

Анализ угля из жилища 1 Муромского VII, сделанный в Тартуской лаборатории (руководитель А. А. Лийва), показал дату 7600±100 лет назад. Она указывает на существование мезолитической стоянки в первой

---

[6] *Филатова В. Ф.* К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс и позднемезолитических.— В сб.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972, рис. 3, *10*.

[7] *Кольцов Л. В.* Новые раскопки стоянки Елин Бор.— МИА, № 126, 1966, с. 181, 183.

[8] *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971, с. 98—125.

[9] *Luho V.* Die Askola-Kultur.— SMYA, № 5, 1950.

[10] *Формозов А. А.* Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР.— СА, XXI, 1954, с. 50.

[11] *Luho V.* Die Suomusjarvi-Kultur.— SMYA, № 66, 1967.

[12] *Филатова В. Ф.* Ук. соч., с. 13—25.

[13] *Jaanits L.* Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sovjetestland.— FM, v. LXXII. Helsingfors, 1965, S. 42, 44.

половине атлантического периода, что не противоречит данным сравнительно-типологического анализа.

Труднее определить культурную принадлежность Муромского VII. Одной из особенностей инвентаря стоянки является наличие единичных экземпляров кремневых наконечников стрел свидероидных типов [14]. Каменные наконечники в целом не свойственны позднемезолитическим памятникам Карелии с орудиями из кварца и сланца. Тем не менее они найдены в могильниках Черная Губа [15] и Оленеостровском [16], на поселении Оров-Наволок IX (раскопки В. Ф. Филатовой), в позднемезолитических комплексах многослойных стоянок Водлозера (восточная Карелия) и на некоторых стоянках с кварцевым инвентарем [17]. Имея в виду стоянки с кремнево-сланцевыми орудиями, Г. А. Панкрушев считает возможным говорить даже о миграции населения из волго-окского междуречья [18]. Муромское VII не относится к числу типичных волго-окских стоянок, невзирая на то, что ее обитатели в основном использовали кремень. Об этом свидетельствует сравнительно низкая техника скалывания ножевидных пластинок, отсутствие конических и карандашевидных нуклеусов правильного огранения и разнообразие шлифованных сланцевых орудий. Те же черты, особенно высокая техника обработки сланца, характерны для карельских стоянок с кварцево-сланцевым инвентарем. К этой культуре [19] относится и Муромское VII, причем данный комплекс по всем признакам представляет ее «кремневый» вариант, если не считать того, что в культурном слое и жилищах найдено свыше 100 кварцевых отщепов и долотовидное орудие. Более детальные сравнения кварцево-сланцевых комплексов и Муромского VII показывают очень близкое сходство типов сланцевых орудий, но и в наборах кремневых и кварцевых изделий нет полной аналогии. Некоторые типы орудий из кремня и кварца одинаковы по формам и манере обработки, например нуклеусы, скребки на отщепах и малочисленные концевые скребки, долотовидные орудия. Но в отличие от Муромского VII для стоянок с кварцевым инвентарем не характерны пластинчатые вкладыши, и там выделяется серия срединных резцов на остроугольных отщепах [20]. Все же, думается, это не различия культурного порядка. В значительной мере они обусловлены спецификой кварца как материала, из которого трудно сделать пластинки правильной формы. Мелкая ретушь на таких изделиях не прослеживается; впрочем, и функциональное определение кварцевых срединных резцов по аналогии с кремневыми требует подтверждения специалистов-трасологов, так как на кварце не всегда точно фиксируется типичный резцовый скол.

Рассматривая вопрос в более широком плане, можно добавить, что типологический состав каменного инвентаря поселений Южной Карелии ощутимо зависел от исходного сырья. Изучение коллекций разновременных памятников, вплоть до эпохи раннего железа, жители которых использовали и кремень, и кварц, показывает, что кремневые орудия всегда гораздо разнообразнее и могут точнее датироваться, тогда как из кварца делались преимущественно скребки и долотовидные орудия, у которых трудно выделить датирующие признаки. Наконечники стрел из кварца

---

[14] При раскопках 1978 г. в жилище 4 Муромского VII найден короткий подромбической формы кремневый наконечник стрелы, ретушированный по периметру. Другой типично постсвидерский черешковый наконечник обнаружен в культурном слое.

[15] *Филатова В. Ф.* Ук. соч., рис. 5, *33*.

[16] *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник.— МИА, № 47, 1956, рис. 52—56.

[17] *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии, ч. 1. Л., 1978, с. 113, 114.

[18] *Панкрушев Г. А.* Памятники эпохи мезолита в Карелии.— КСИА АН СССР, 149, 1977, с. 88, 89; *его же.* Мезолит и неолит Карелии, ч. 1, с. 62—64.

[19] Исследователи отмечают ее близкое сходство с культурой суомусярви в Финляндии (см. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии, ч. 1, с. 58—62).

[20] *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада..., с. 32; *Филатова В. В.* Ук. соч., с. 25.

вообще встречаются очень редко. Поэтому стоянки с кремневыми изделиями, в частности Муромское VII, позволяют более уверенно производить сравнительный анализ, в данном случае с мезолитом сопредельных территорий. Позднемезолитические стоянки более восточных областей лесной полосы — Филичаевское II—IV на Северной Двине [21], Ульяновская и др. на Вычегде [22] — генетически восходят к мезолиту Прикамья и Приуралья. Они отличаются высокой степенью микролитичности орудий, среди которых есть наконечники стрел, главным образом с усеченным основанием. Памятники подобного типа в Карелии неизвестны.

Наиболее сложным представляется вопрос об отношении карельских стоянок типа Муромского VII к постсвидерским культурам, в частности на верхней Волге, где кремневые наконечники стрел имеют массовое распространение. Как мы уже говорили, по технике и типологическому составу каменного инвентаря они различаются довольно четко, так что нет бесспорных оснований реконструировать процесс миграции волго-окского населения на север в позднем мезолите. Факт наличия отдельных свидероидных наконечников стрел в данной ситуации можно истолковать либо как следы влияния синхронных постсвидерских культур, либо как пережиток более древней традиции. Решающие аргументы в пользу того или иного объяснения пока отсутствуют, хотя последнее вероятнее. В этой связи заслуживают самого пристального внимания очевидные параллели каменного инвентаря Муромского VII и поздних стоянок культуры кунда типа стоянки Кунда [23] или особенно Нарва (шлифованные и долотовидные орудия, небольшое число или отсутствие каменных наконечников стрел). Более точно определить степень и характер их близости затрудняет известная бедность, а порой и невыразительность набора каменных орудий прибалтийских стоянок. Надо сказать, что в Восточной Прибалтике ситуация такая же, как и в Карелии: стоянки культуры кунда с каменными наконечниками стрел (Пулли, Кунда) или без них (Нарва) расположены на южной окраине массива памятников аскола-суомусярви с кварцевыми или кварцево-сланцевыми орудиями. Исследователи подчеркивают тесную близость памятников типа кунда и суомусярви [24]. В то же время в сложении культуры кунда несомненно приняли участие и свидерские элементы, что отмечают А. А. Формозов и Л. В. Кольцов [25]. Вполне вероятно, что конкретное решение вопроса о происхождении культуры поселений Карелии типа Муромского VII может быть найдено в результате дальнейших исследований мезолита Восточной Прибалтики и промежуточных районов, особенно Приладожья.

Во всяком случае можно определенно говорить о том, что общее сходство каменного инвентаря позднекундских стоянок типа Нарва и Муромского VII обусловлено их принадлежностью к восточнобалтийскому кругу позднемезолитических памятников с характерными шлифованными сланцевыми орудиями и отчасти расположением на его южной периферии. Последнее обстоятельство, точнее, большая или меньшая близость месторождений кремня [26] наложила определенный отпечаток на состав

---

[21] *Верещагина И. В.* Мезолитические памятники на Северной Двине.— КСИА АН СССР, № 149, 1977, с. 89—94.

[22] *Буров Г. М.* Вычегодский край. М., 1965, с. 43—58.

[23] *Indreko R.* Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.

[24] *Янитс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эйамыги. Таллин, 1959, с. 325—329.

[25] *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977, с. 97, 98; *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977, с. 134.

[26] Породы, содержащие кремень, примыкают к южному побережью Онежского озера (*Ковнурко Г. М.* Некоторые сведения о кремневых выходах на северо-западе СССР.— МИА, № 172, 1973, с. 40). В 1978 г. А. П. Журавлев нашел в устье р. Вытегры месторождения кремня тех же сортов, что и на Муромском VII.

их орудий по сравнению с типичными кварцево-сланцевыми комплексами более северных районов, однако в культурном отношении между ними не усматривается принципиальных различий.

M. G. Kosmenko, I. F. Vitenkova

THE MESOLITHIC LAYER OF THE SITE MUROMSKOYE VII

Summary

The lower layer of the site Muromskoye VII at the south-eastern coast of the Onezhskoye lake in Karelia is mesolithic. The remains of three round or sub-quadrangular semi-underground dwellings (dimensions from 7,2×7,2 m to 5,8×5,2 m) and different pits, among them hearths, were found. Rich stone inventory included polished slate artifacts: a knife, grooved gouge, chisels, adzes and, probably, axes. The dwelling № I is dated by C^{14} to 7600±100 years ago, i. e. the first half of the Atlantic. The typological analysis shows, that Muromskoye VII belongs to the mesolithic culture of Karelia with quartz and slate artifacts, similar to the Suomusjarvi culture of Finland. It also has some common features with the late sites of the Kunda culture, such as Narva.

Л. В. КОЛЬЦОВ, М. Г. ЖИЛИН

МАЛООКУЛОВСКИЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

За последние десятилетия достигнуты значительные успехи в изучении волосовской культуры. Исследовались как поселения, так и погребения этой культуры [1], причем во всех случаях это были погребения на территории поселений, либо в жилищах или около них, либо на окраине стоянки. Отдельных могильников волосовской культуры, удаленных от поселений, до сих пор известно не было. Первый такой могильник, находящийся в 1 *км* от ближайшей волосовской стоянки, был открыт и частично исследован авторами летом 1978 г. По ближайшему населенному пункту мы назвали его Малоокуловским.

Могильник находится в 1,2 *км* к северу от дер. Малое Окулово Навашинского района Горьковской обл., в 1,5 *км* к западу от дер. Волосово. Памятник располагается на песчаном холме высотой 6 *м* над поймой — останце первой надпойменной террасы правого берега Оки и левого берега Велетьмы. Значительная часть его разрушена карьером, оставшаяся часть задернована. При осмотре стенки карьера в одном месте были найдены два кремневых ножа, при зачистке стенки было обнаружено охристое пятно. В этом месте был заложен шурф 3×1 *м*. Шурф показал следующую стратиграфию:

1. дерн	мощность	0,05 *м*,
2. почвенный горизонт В	»	0,10 *м*,
3. белый рыхлый песок	»	0,06 *м*,
4. заиленный песок с прослойками ортзандов	»	более 0,8 *м*.

Шурф прокопан до глубины 1 *м*.

В шурфе были обнаружены две ямы, вырытые в заиленном песке и перекрытые белым песком, по форме, размерам и заполнению больше всего похожие на могильные; именно в этих ямах и был обнаружен инвентарь. За пределами ям находок практически не было, что также подтверждает правильность интерпретации этих ям как могильных [2]. Никаких следов культурного слоя, характерного для стоянок и поселений, в шурфе обнаружено не было.

На расстоянии 20 *м* к северо-востоку от шурфа в осыпи стенки карьера был найден обломок треугольно-черешкового двустороннеретушированного наконечника стрелы, возможно, выпавший из разрушенного погре-

[1] *Цветкова И. К.* Гавриловская неолитическая стоянка с могильником.—КСИИМК, XVII, 1947, с. 70—78; *ее же.* Стоянка Володары (по материалам раскопок 1946 г.).— КСИИМК, XX, 1948, с. 3—14; *ее же.* Неолитическое погребение на стоянке Ибердус I.— Тр. ГИМ, вып. 40, 1966; *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья.— КСИА АН СССР, № 100, 1965, с. 29—39; *Урбан Ю. Н.* Поселение и могильник Иловец.— КСИА АН СССР, № 137, 1973, с. 107—114.

[2] Аналогичные могильные ямы встречены в неолитическом могильнике Сандермоха в Карелии. Они также вырыты в песке, очень близки нашим по своим очертаниям в плане, профиле и по размерам, также засыпаны охрой, инвентарь располагался преимущественно в верхней части. В одном из пяти погребений этого могильника сохранились мелкие фрагменты берцовой кости, в других костяки не сохранились. *Панкрушев Г. А.* Неолитический могильник Сандермоха.— СА, 1966, № 4, с. 160—168.

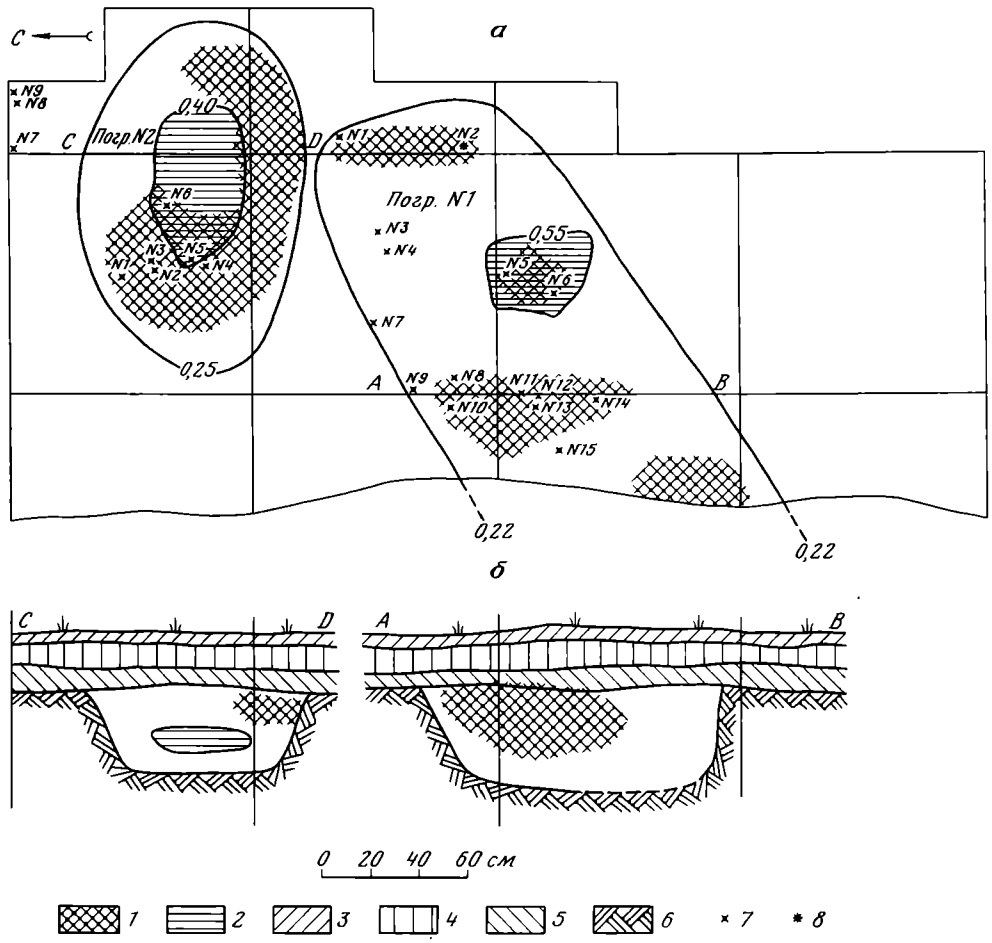


Рис. 1. *а* — план, *б* — разрезы погр. 1 и 2; *1* — интенсивное охристое пятно, *2* — гумусированный песок, *3* — дерн, *4* — почвенный горизонт, В, *5* — белый песок, *6* — материк, *7* — изделия из кремня, *8* — янтарный предмет

бения. О том, что в этом могильнике могут быть еще погребения, свидетельствует и охра, встречающаяся кое-где на небольших обнажениях вокруг шурфа.

Погребение 1 выявилось в профиле зачистки стенки карьера, в плане проявилось на глубине 0,22 *м* в виде пятна подпрямоугольной формы (рис. 1); ориентировка — северо-восток — юго-запад. Юго-западная часть могилы разрушена карьером. Ширина ямы 1,1 *м*, глубина от современной поверхности 0,68 *м*; дно плоское, южная стенка вертикальная, северная наклонная, довольно крутая. Могила в верхней части засыпана охрой, образующей наиболее интенсивные скопления в центре и на концах ямы, мощность охристой засыпки от 0,15 до 0,25 *м* (в разных местах могилы по-разному). Ниже шел желтый песок различных оттенков, ожелезненный в разной степени. Ближе к северо-восточному концу могилы под охристым пятном на глубине 0,55 *м* выявилось гумусированное пятно мощностью 0,10 *м*. В могильной яме погр. 1 обнаружены следующие находки.

№ 1 — в северо-восточной части могилы на глубине 0,23 *м* брюшком вверх лежал отщеп серого кремня (рис. 2, *1*). Следы работы — выкрошенность и залощенность кромки лезвия, короткие редкие борозды, перпендикулярные лезвию орудия,— указывают на то, что этот отщеп употреблялся в качестве скребка [3].

[3] Трасологические анализы выполнены М. Г. Жилиным при помощи бинокулярного микроскопа МБС-1.

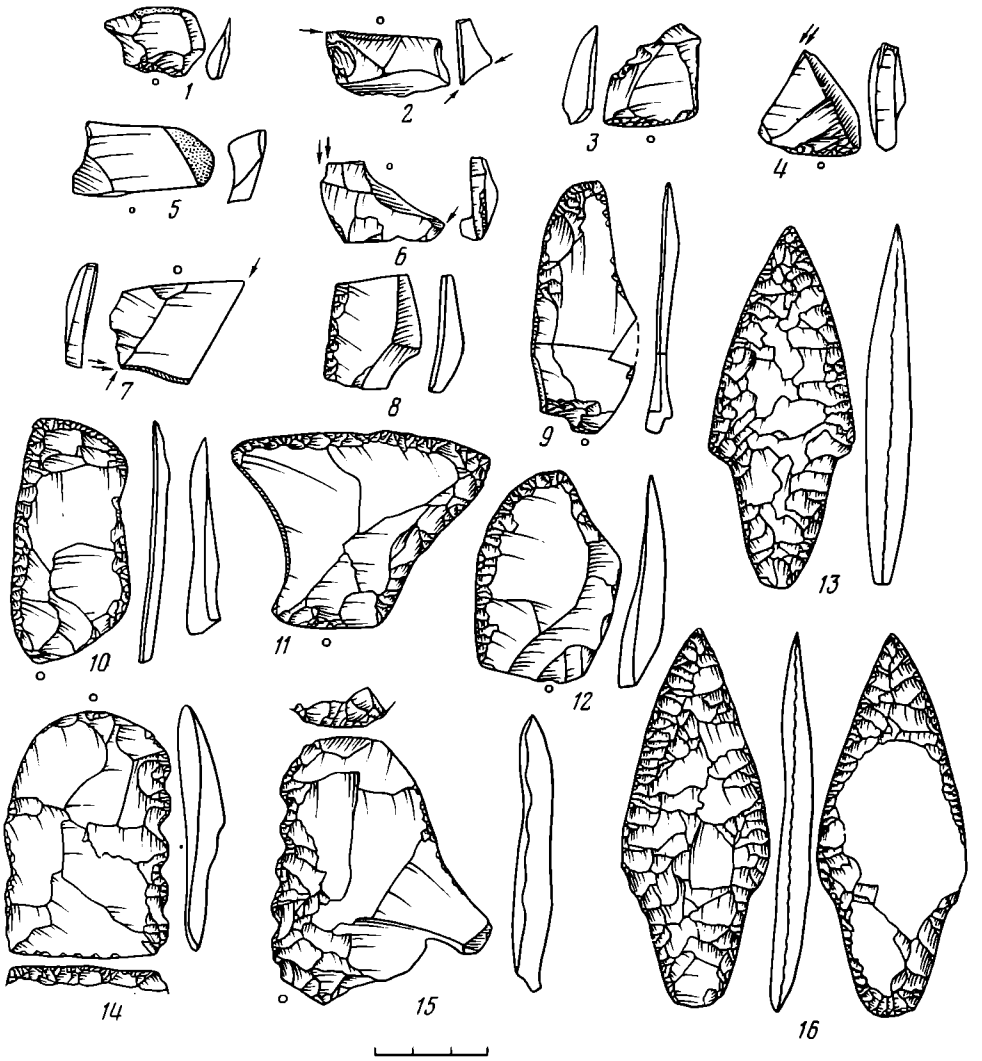


Рис. 2. Кремневый инвентарь погр. 1

№ 2 — в той же северо-восточной части могилы на той же глубине обнаружено сильно фрагментированное изделие из янтаря; сохранность очень плохая, форму установить невозможно.

№ 3 — в той же части могилы, но несколько ближе к центру на глубине 0,17—0,25 *м* наклонно, почти вертикально, острием вниз обнаружен наконечник дротика на осколке кремня. Спинка изделия обработана плоской ретушью по всей поверхности, брюшко — частично (рис. 2, *16*), края черешка преднамеренно затуплены, вероятно, каменным ретушером. Следов сработанности на этом орудии не обнаружено.

№ 4 — там же, где наконечник дротика, на глубине 0,30 *м* спинкой вверх лежал обломок ножа на отщепе, преднамеренно рассеченный ударом в спинку и контрударом в брюшко; от лезвия на противоположном конце нанесен резцовый скол (рис. 2, *2*). Следов работы не обнаружено.

№ 5 — в восточной части могилы, ближе к центру, на глубине 0,22 *м*, над гумусированным пятном, вертикально, брюшком на юг, лежал двойной резец на отщепе, боковой на сломе и срединный со смещением (рис. 2, 7). Кромка бокового резца использовалась для резания твердого материала, на что указывают характерные следы в виде выкрошенности и слабой сточенности; аналогичные следы имеются и на остром выступе на противоположном крае отщепа. Кромка срединного резца в работе не использовалась.

№ 6 — в центральной части могилы, недалеко от резца, на глубине 0,23 *м*, над гумусированным пятном, брюшком вверх лежал обломок ножа на отщепе кремня (рис. 2, *8*). Следов работы на нем не обнаружено, нож, вероятно, преднамеренно сломан.

№ 7 — у северной стенки могилы на глубине 0,29 *м* горизонтально спинкой вверх лежал резец на отщепе (рис. 2, *4*). Следов сработанности на нем не обнаружено, хотя орудие полностью готово и вполне пригодно для работы.

№ 8 — в центральной части могилы на глубине 0,27 *м* горизонтально брюшком вверх лежал отщеп с ретушью по краю (рис. 2, *3*) и интенсивными заломами у основания. Характерные следы работы — сточенность выступов, выкрошенность кромки и слабая залощенность ретушированного края с двух сторон — указывают на использование этого орудия для резания или пиления твердого материала; следы работы на основании орудия характерны для скоблящих орудий.

№ 9 — у северной стенки могилы на глубине 0,22—0,29 *м* наклонно, почти вертикально, острием вверх был обнаружен наконечник дротика, обработанный с двух сторон по всей поверхности плоской ретушью (рис. 2, *13*). Края черешка затуплены преднамеренно, вероятно, каменным ретушером, следов сработанности не обнаружено.

№ 10 — недалеко от северной стенки могилы в центральной ее части на глубине 0,32 *м* почти горизонтально брюшком вверх лежал двойной резец на отщепе, боковой и угловой (рис. 2, *6*). На обеих режущих кромках наблюдается интенсивная выкрошенность и сточенность лезвия, на углах с двух сторон отмечена интенсивная залощенность, постепенно убывающая в глубь орудия по мере удаления от режущей кромки; в пределах пятна залощенности на угловом резце наблюдались также отдельные борозды и царапины, параллельные друг другу и идущие в направлении резцового скола. Такие следы указывают на интенсивное употребление этого орудия для резания твердого материала; ребро скола бокового резца выкрошено и сточено, что свидетельствует о выполнении этим орудием также и скоблящих функций.

№ 11 — в центральной части могилы, в самом верху интенсивного охристого пятна, на глубине 0,20 *м* горизонтально брюшком вверх лежало комбинированное орудие на отщепе: конец приострен пологой ретушью на брюшке, правый край зубчатый, обработан пологой ретушью на спинке, другой край подправлен нерегулярной ретушью с двух сторон (рис. 2, *14*). Следы работы на конце орудия — выкрошенность кромки, залощенность, в пределах которой на спинке видны борозды и царапины, перпендикулярные лезвию и идущие от лезвия в глубь орудия,— характерны для долот; сильная выкрошенность кромки левого края, интенсивная залощенность на брюшке, в пределах которой встречаются царапины, идущие под углом к лезвию, от лезвия в глубь орудия, характерны для строгальных ножей. На другом крае выкрошены и сточены выступающие зубцы, на них же с двух сторон заметна залощенность, в пределах которой встречаются царапины, идущие от лезвия под разными углами к нему. В выемках следов работы не обнаружено. Таким образом, это орудие можно трактовать как инструмент для обработки дерева, сочетающий в себе функции долбления, строгания и резания.

№ 12 — там же, где предыдущее, лежало аналогичное комбинированное орудие на отщепе (рис. 2, *15*), на той же глубине, брюшком вверх горизонтально. Следы работы на нем также аналогичны следам на предыдущем орудии, только выражены гораздо слабее, как будто это изделие было только опробовано в работе, практически же оно почти не использовалось.

№ 13 — там же, на той же глубине лежал подтреугольный нож на отщепе (рис. 2, *11*). На поперечном крае с двух сторон наблюдается залощенность, в пределах которой хаотически расположены различные

царапины, как параллельные лезвию, так и под углом к нему; залощенность слабеет по мере удаления от режущей кромки, выкрошенность кромки очень незначительная. На боковом крае встречена интенсивная выкрошенность и сточенность кромки со стороны брюшка, на брюшке заметна и залощенность, в пределах которой видны царапины, почти перпендикулярные лезвию и идущие от лезвия в глубь орудия. Судя по следам работы, поперечный край употреблялся как мясной нож, а боковой — как строгальный.

№ 14 — в центральной части могилы, южнее предыдущего, на глубине 0,22 *м* горизонтально спинкой вверх лежал еще один нож на отщепе (рис. 2, *12*). Сточенность и выкрошенность режущей кромки со стороны брюшка, а также более интенсивная залощенность на брюшке указывают на использование этого орудия в качестве строгального ножа.

№ 15 — несколько западнее на глубине около 0,8 *м* обнаружен отщеп кремня (рис. 2, *5*), протащенный корнем ниже дна могильной ямы. На естественной выемке отщепа заметна сильная выкрошенность и сточенность, возникшая от скобления твердого материала.

№ 16 и 17 — два ножа на отщепах кремня найдены в осыпи разрушенной части могилы, прямо под ней на расстоянии около 0,5 *м* от основного скопления находок. Это, а также наличие прикипевшей охры на поверхности этих ножей, как и на поверхности вещей из погр. 1, обнаруженных in situ, позволяет относить их к тому же погребению. По следам сработанности нож № 16 (рис. 2, *10*) определяется как мясной. Нож № 17 (рис. 2, *9*) следов сработанности не имеет, причем анализ сломов показывает, что он положен в могилу сломанным.

Погребение 2 выявилось к северу от погр. 1 на глубине 0,25 *м* в виде пятна овальной формы размером 1,46×0,90 *м*; ориентировка по линии запад — восток (рис. 1). Могильная яма вырыта в заиленном песке, стенки ямы крутые, дно плоское, глубина от современной поверхности 0,60 *м*. Как и в погр. 1, охристая засыпка была сосредоточена главным образом в верхней части, сразу под белым песком. Охра лежала неравномерно, более интенсивно вдоль южной стенки, а также в восточном и западном концах могилы, частично перекрывая гумусированное пятно мощностью 0,10 *м*, которое выявилось на глубине 0,40 *м* в центральной части могилы. Западная часть могилы незначительно нарушена следами трактора до глубины 0,28 *м*. Всего к погр. 2 относится 10 предметов, из которых 7 найдены в самой яме, а 3 — рядом с ней, на расстоянии 0,3 *м*, в тех же стратиграфических условиях. Некоторые изделия из могильной ямы и найденные рядом с ней сделаны из одного и того же кремня, вероятно, из одного желвака, что также говорит об их принадлежности к этому погребению.

№ 1 — в северо-западной части могилы на глубине 0,28 *м* лежал горизонтально брюшком вверх первичный отщеп кремня с ретушью (рис. 3, *3*). Следов сработанности на нем не обнаружено.

№ 2 — там же, но ближе к центру могилы на глубине 0,37 *м* горизонтально спинкой вверх лежал двойной грубый срединный резец на отщепе (рис. 3, *9*). Угол одной режущей кромки с брюшком сильно выкрошен и сточен от резания твердого материала, противоположная кромка не сформирована, следов работы не дала.

№ 3 — там же на глубине 0,39 *м* на ребре лежала грубая первичная пластина (рис. 3, *4*). Следов работы на ней не обнаружено.

№ 4 — в западной части могилы, ближе к центру, на глубине 0,30—0,32 *м* наклонно к центру могилы лежал наконечник стрелы, обработанный с двух сторон по всей поверхности плоской ретушью (рис. 3, *7*). Кончик пера сломан в древности, в черешковой части нанесены резцовые сколы. Следов работы на наконечнике не обнаружено.

№ 5 — рядом с наконечником на глубине 0,35 *м* горизонтально брюшком вверх лежал срединный со смещением резец на отщепе с ретушью

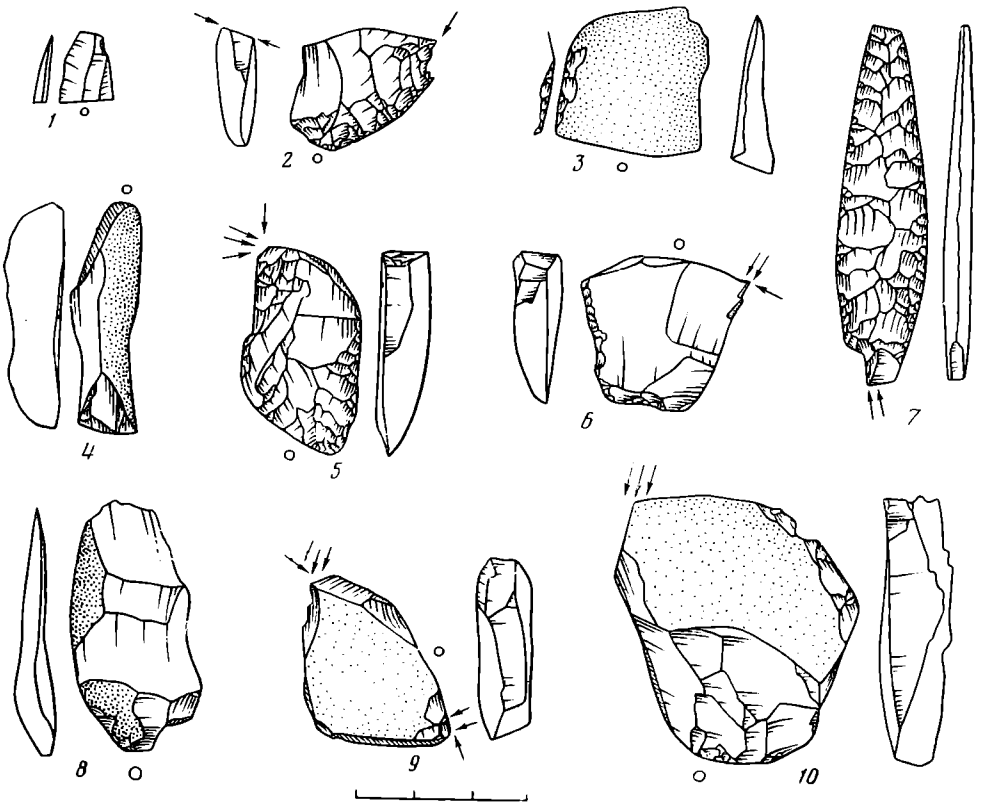


Рис. 3. Кремневый инвентарь погр. 2

(рис. 3, *6*). На углах режущей кромки очень слабые следы, характерные для резцов; на остальных участках орудия следов работы не обнаружено.

№ 6 — в центральной части могилы на глубине 0,40 *м* на ребре сколом вверх лежал резец, изготовленный из рассеченного ножа на отщепе кремня (рис. 3, *2*). Никаких следов работы на этом орудии не обнаружено.

№ 7 — в 0,3 *м* севернее края могильной ямы погр. 2 на глубине 0,30 *м* вертикально сколом вверх торчал срединный со смещением резец, сделанный из обломка ножа на отщепе, обработанного пологой ретушью на спинке по всей поверхности (рис. 3, *5*). На краях ножа сильная выкрошенность и сточенность кромки со стороны брюшка; на брюшке вдоль лезвия заметна залощенность, в пределах которой видны царапины и бороздки, идущие от лезвия в глубь орудия под углом к нему, что характерно для строгального ножа. Других следов работы на этом орудии не обнаружено.

№ 8 — там же, но немного восточнее на глубине 0,34 *м* горизонтально лежал отщеп кремня (рис. 3, *8*) спинкой вверх. Следов работы на нем не обнаружено.

№ 9 — там же на глубине 0,24 *м* горизонтально брюшком вверх лежал скобель на пластине (рис. 3, *1*). Следов работы на этом изделии не обнаружено.

№ 10 — в западной части могилы на глубине 0,25 *м*, в следе трактора, нарушившего в этом месте верхнюю часть погребения, найден боковой резец на углу отщепа кремня с ретушью (рис. 3, *10*). Сточенность и выкрошенность кромки и линейные следы указывают на резание твердого материала углом режущей кромки с брюшком; ретушированный край, судя по сточенности и выкрошенности кромки, служил для скобления твердого материала.

Исходя из размеров могильной ямы, погр. 1 принадлежало, вероятно, взрослому человеку. Кремневый инвентарь указывает на то, что это, вероятно, мужское погребение (наконечники дротиков, ножи, резцы, комбинированные орудия для обработки дерева). Небольшие размеры ямы погр. 2 позволяют предположить, что это, возможно, детское погребение. Косвенно это подтверждается довольно бедным инвентарем (по сравнению с погр. 1), невыработанностью форм орудий, а также тем, что бóльшая часть изделий погр. 2 в работе не была.

По расположению янтарного предмета в погр. 1 можно предположить северо-восточную ориентировку погребенного; ориентировка погр. 2 может быть в равной степени и западной, и восточной. Стратиграфия могил позволяет проследить последовательность захоронения: сначала в яму клали покойника (следы погребенного или подстилки, на которую он клался, прослеживаются в виде гумусированных пятен в нижней части могильной ямы), затем его засыпали охрой и одновременно клали сопровождающий инвентарь; охру рассыпали неравномерно — в одних частях могилы выступают интенсивные охристые пятна, в других — она едва прослеживается (рис. 1). Оба погребения совершены очень близко от древней поверхности (сразу над верхом погребения залегает непотревоженный слой белого песка, выше почвенный горизонт В, рис. 1, *в*). Трасологический анализ позволил установить, что в погребения клали орудия труда, непосредственно бывшие в употреблении, целые орудия и сколы, которыми не работали (рис. 2, *4*; 3, *1, 3, 7, 8*), а также и готовые орудия, не побывавшие в работе, но преднамеренно сломанные (рис. 2, *8, 9*) и рассеченные (рис. 2, *2*; 3, *2*). Этот факт ставит под сомнение справедливость утверждения Н. Б. Леоновой и Ю. А. Смирнова, что «прижизненный инвентарь» является «исходным комплексом ..., а на ранних этапах, возможно, и единственным ... для составления набора посмертного инвентаря»[4]. Вероятно, в Малоокуловском могильнике мы имеем дело с одним из наиболее ранних фактов изготовления специальных орудий для погребения и их ритуальным уничтожением. Возможно, подобные вещи обнаружатся и в инвентарях других неолитических и энеолитических погребений лесной полосы Восточной Европы после их трасологического изучения.

Обряд погребения и кремневый инвентарь сближает Малоокуловский могильник с погребениями и ритуальными кладами волосовской культуры, прежде всего с погребениями и «кладами» стоянки Володары[5] и с Волосовским кладом[6], который И. К. Цветкова сейчас также считает ритуальным «кладом», связанным с погребальным обрядом[7]. В этих «кладах» представлена большая часть изделий, аналогичных вещам из погребений Малоокуловского могильника, также присутствует охра и т. д. На принадлежность нашего памятника волосовской культуре помимо сходства в погребальном обряде и типах изделий указывает также исключительно тщательная обработка орудий (ножей, наконечников и др.) и, кроме того, находка изделия из темно-красного янтаря, который в памятниках других культур Волго-Окского бассейна не встречается.

Ближайшим поселением волосовской культуры, с которым можно было бы связать этот могильник, является сама Волосовская стоянка, находящаяся в 1 *км* к северо-востоку (по прямой) от него, на другом берегу р. Велетьмы. Такое удаление могильника от поселения является уникальным явлением для волосовской культуры и пока не имеет ана-

---

[4] *Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А.* Погребение как объект формального анализа.— КСИА АН СССР, 148, 1977, с. 20.

[5] *Цветкова И. К.* Ритуальные «клады» стоянки Володары.— В сб.: Памятники древней истории Евразии. М., 1975, с. 102—111.

[6] *Цветкова И. К.* Волосовский клад.— Тр. ГИМ, XXIII, 1957.

[7] *Цветкова И. К.* Ритуальные «клады»..., с. 111.

логий в Волго-Окском бассейне, хотя не исключено, что целенаправленные поиски могильников, удаленных от волосовских поселений и расположенных в аналогичных условиях, могут привести к открытию новых подобных памятников. Абсолютная датировка, а также отнесение нашего могильника к какому-либо этапу волосовской культуры пока, на наш взгляд, преждевременны. Малоокуловский могильник находится в аварийном состоянии, необходимы срочные раскопки на всей оставшейся площади этого интереснейшего памятника.

L. V. Koltsov, M. G. Zhilin

THE GROUND CEMETERY OF THE VOLOSOVO CULTURE NEAR THE VILLAGE MALOYE OKULOVO

Summary

Up to now the burials of the Volosov culture were discovered only during excavations of the settlements. Separate cemeteries, made at some substantional distance from settlements were unknown. The first such cemetery, was discovered by the authors near a village Maloye Okulovo at the Lower Oka in 1978. The nearest settlement, which could be connected with this cemetery, is the famous Volosovo site, situated at the opposite bank of river Veletma, in a kilometre to the North-East from the cemetery. Two burials with rich grave furniture including flint tools and weapons and an amber artifact from burial N 1 were excavated. The planigraphic and stratigraphic observations, typological and trasological analysis, conducted by the authors, let them specify some important features of the funeral rites, represented in this cemetery. The authors suppose, that similar cemeteries could be found in the neighbourhood of some other large sites of the Volosovo culture.

И. КОЖОМБЕРДИЕВ, Е. Е. КУЗЬМИНА

ШАМШИНСКИЙ КЛАД ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В КИРГИЗИИ

Летом 1975 г. в Киргизии колхозником Тынайбеком Джапаровым с. Шамши Кочкорского р-на при рытье арыка на приусадебном огороде найден новый клад эпохи поздней бронзы. Вещи лежали компактной группой на глубине 30—40 *см* от поверхности. Заведующий отделом археологии Института истории АН КиргССР И. Кожомбердиев установил, что на месте находки нет признаков культурного слоя, что позволяет считать комплекс из Шамши кладом. В его состав входит 27 бронзовых предметов: два вислообушных топора, кельтообразный молоток, желобчатое и копьевидное долота, тесло с уступом, тесло с лобным ушком, три серпа-косаря, черешковое копье, бритва, однолезвийный нож, четыре зеркала, четыре бляхи, два кольца, крючок, шило, ажурная булавка и слиток металла.

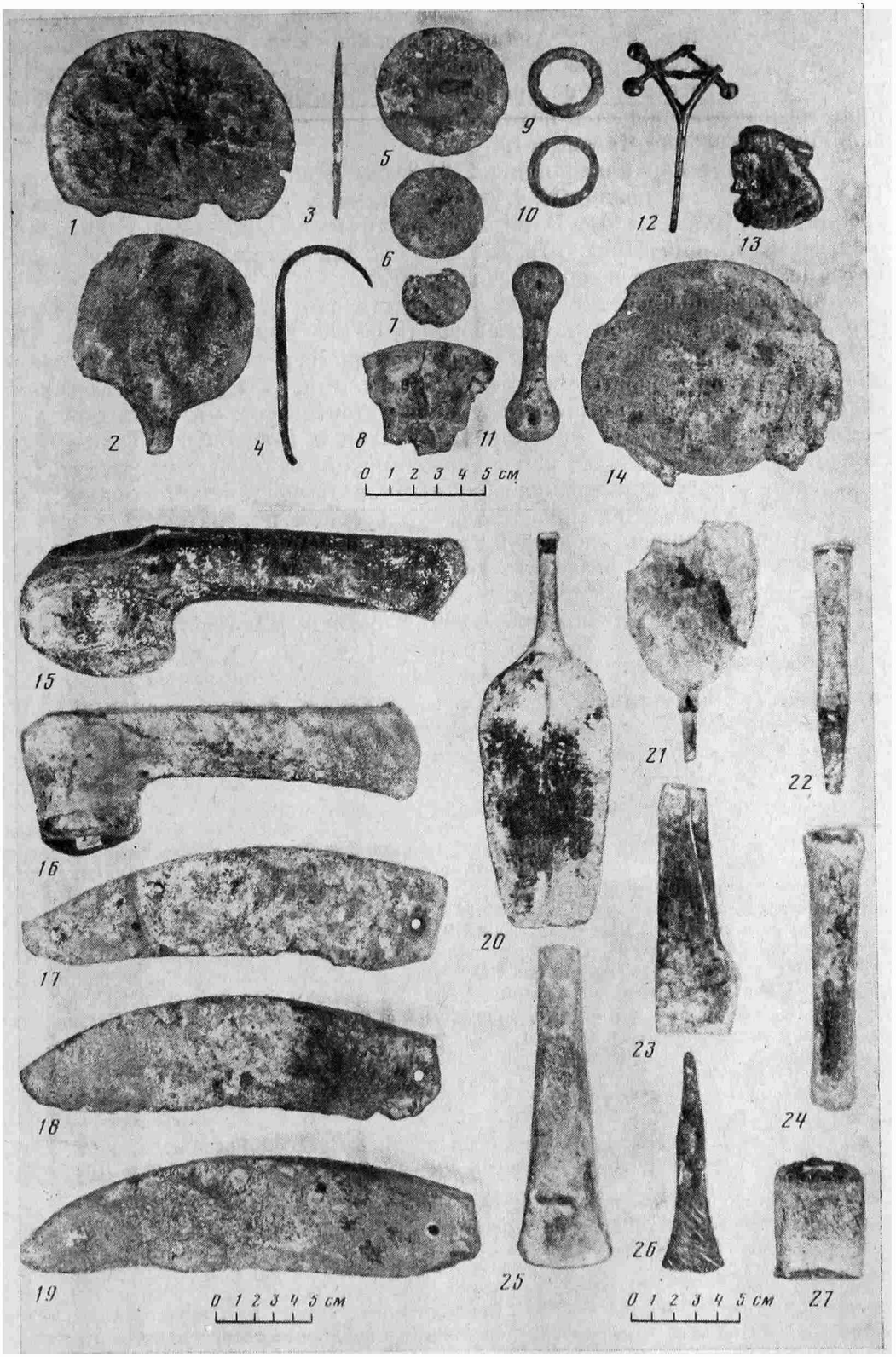
1. Топор вислообушный с гребнем, длиной 23,5 *см* (рис. 1, *15*). Длина лезвия 17 *см*, максимальная ширина 4,2 *см*. Лезвие шестигранное, проух овальный, размером 4,5×3,3 *см*, по низу утолщен валиком, переходящим со стороны обушка в гребень. Сечение обушка с гребнем восьмеркообразное (с перехватом). На гребне отчетливо виден литейный шов, позволяющий заключить, что отливка производилась в двусоставной литейной форме. Нижняя часть лезвия повреждена сломом и несколькими зарубками. Бронза золотистая. Предмет принадлежит к типу топоров вислообушных с гребнем, известных по находкам в Киргизии, Северном и Восточном Казахстане, на Алтае и в Фергане, что подтверждает правильность сделанного еще А. Талльгреном и В. А. Городцовым[1] определения этих топоров как «туркестанских». Иная точка зрения недавно высказана Н. А. Аванесовой, которая относит их ко всему андроновскому культурному массиву[2]. Для установления даты шамшинского экземпляра важны находки в комплексах: три топора из клада Сукулук, по одному из Иссык-Кульского, Алексеевского и Турксибского в Семиречье, одна каменная литейная форма и фрагмент второй на поселении 16 в Кайраккумах, еще два топора на поселениях Сталинский рудник в Степняке и Чаглинка в Северном Казахстане[3].

---

[1] *Tallgren A. M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. Helsingfors, 1911, S. 64; *Городцов В. А.* Культура бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, с. 35; *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, № 88, 1960, с. 157; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, вып. В 4—9. М., 1966, с. 11—14, табл. II. Единичные находки есть в Западной Сибири. Из новых находок следует добавить топор с орнаментированным обушком и обломок проуха с берега Иртыша между Усть-Каменогорском и Зыряновском и топор с поселения Чаглинка в Северном Казахстане.

[2] Анализируемый топор принадлежит к типу В, по Н. А. Аванесовой (*Аванесова Н. А.* К вопросу о вислообушных топорах андроновского культурного массива).— В сб.: Вопросы археологии, древней истории и этнографии Узбекистана. Самарканд, 1978, с. 30—32), давшей сводку андроновских топоров.

[3] *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, с. 20—22, табл. I; *Зимма Б.* Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии.— Тр. ИЯЛИ Кирг. ФАН, 1948, вып. 2, с. 113—127; *Кузьмина Е. Е.* К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы.— Изв. АН КиргССР, СОН, т. III, вып. 3, 1961,


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
0 1 2 3 4 5 см
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
0 1 2 3 4 5 см
0 1 2 3 4 5 см

Топоры туркестанского типа считались очень древними андроновскими и доандроновскими [4]. Анализ сопряженности типов в комплексах Семиречья позволил отнести большую группу кладов к эпохе поздней бронзы и соответственно обосновать дату топоров [5], которая сейчас общепринята и подтверждается находкой в комплексе с керамикой с налепным валиком (поселение Чаглинка).

2. Второй топор клада длиной 21,2 *см*, длина шестигранного лезвия 16,5 *см*, проух сердцевидный 4,1×4 *см*, по низу утолщен литым валиком, гребня нет (рис. 1, *16*). В нижней части проуха по валику литейный шов, позволяющий заключить, что отливка производилась в двусоставной матрице. Топор отлит из золотистой бронзы.

Наиболее близкую аналогию ему составляют два экземпляра в Оренбургском музее из пос. Майорского (инв. № 2098, 1929 г. и № 484, 1948 г.) По пропорциям, форме прямого многогранного лезвия и овального проуха они сопоставимы с туркестанскими, у майорского есть даже валик внизу проуха, но гребень у обоих отсутствует, что сближает их с широковислообушными топорами Приуралья и Поволжья [6]. Таким образом, оренбургские топоры, как и шамшинский, занимают промежуточное положение между широковислообушными и туркестанским типами [7], что указывает на развитие типа топоров с гребнем в азиатских степях из более древних, широковислообушных топоров Приуралья эпохи развитой бронзы [8] и, если так, позволяет считать шамшинский топор типологически ранним вариантом туркестанского типа.

3. Кельтообразный молоток длиной 5,4 *см*, овально-прямоугольный в сечении, с овальной втулкой размером 4×2,6 *см*, глубиной 4,2 *см* (рис. 1, *27*). По краю втулки литой валик, местами неровный в результате дефекта при отливке, имеющий небольшой выступ — видимо, след литника. По бокам изделия незатертые следы двустворчатой матрицы — литейные швы. Лезвие сильно сработано, слегка загнуто и имеет зазубрины. На широких гранях литой орнамент в виде косой сетки, с одной стороны дополненной загзагом. Бронза красного цвета.

с. 103—110; *ее же*. Хронология некоторых кладов Семиречья.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 106—110; *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1956, с. 261—263; *Литвинский Б. А.* Древности Кайраккумов. Душанбе, 1962, с. 212, 213, табл. 36; *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы.— ТИИАЭ АН КазССР, т. V, 1958, с. 276, рис. 34; *Копылов И. И.* Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника.— Уч. зап. Каз. ГПИ, т. XV, 1958, с. 159, табл. III. Приносим благодарность А. М. Оразбаеву за разрешение сослаться на неопубликованный материал. Топор с гребнем был найден в XIX в. в окрестностях Каркаралинска, видимо, в бегазинской ограде (*Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979, с. 10, рис. 2, *6*.

[4] *Грязнов М. П.* Погребение бронзовой эпохи в Западном Казахстане.— «Казаки», № 11. Л., 1927, с. 212.

[5] *Кузьмина Е. Е.* К вопросу...; *ее же*. Хронология...; *ее же*. Металлические изделия...

[6] *Городцов В. А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916; *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье (МИА, № 90), 1960.

[7] В. А. Городцов (*Городцов В. А.* Ук. соч., с. 35) отмечает еще две находки вислообушных с гребнем топоров из Оренбургской и три — из Саратовской губерний. Нам они неизвестны. Н. А. Аванесова приводит описание нескольких топоров по картотеке М. П. Грязнова из Оренбургской обл., относимых ею к подтипу Б 2. Менее близки по форме топоры из Стерлитамакского р-на (хранятся в Уфе и ИЯЛ АН БашкССР) и сел. Тимофеевское Челябинского уезда в Свердловском музее (*Берс Е. В.* Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959, с. 71, табл. V, № 310, *2*). Следует отметить также каменную литейную форму топора, отличающегося скошенностью рабочего лезвия, из Омского музея (инв. № 4583).

[8] *Черников С. С.* Ук. соч., с. 82; *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977, с. 38—39. Сходная точка зрения высказана С. Н. Кореневским (*Кореневский С. Н.* Металлические орудия труда и оружие эпохи бронзы Восточной Европы. Автореф. канд. дис. М., 1975), связывающим генезис андроновских топоров с более древними абашевскими, и Н. А. Аванесовой (*Аванесова Н. А.* Ук. соч., с. 31).

Ближайшую аналогию шампинскому молотку составляет предмет из клада эпохи поздней бронзы в с. Садовое в Киргизии, сходный по форме, размерам и сетчатому орнаменту [9].

4. Долото желобчатое длиной 13 *см*, с узким закругленным желобком длиной 8,2 *см*, заканчивающимся раскованным лезвием шириной 2,4 *см*, и с асимметричной, овальной в сечении втулкой длиной 4,2 *см*, диаметром 3,1 *см*, утолщенной по краю валиком (рис. 1, *24*). По бокам следы литейных швов. Бронза золотистая.

Орудие принадлежит к одному из наиболее характерных типов эпохи поздней бронзы, распространенных от Западной Европы и Кавказа до Сибири [10]. Ближайшие аналогии известны в кладах Семиречья — Сукулуке (2 экз.), Садовом, Алексеевском, Каменском, на поселении Степняк в Северном Казахстане; в Восточном Казахстане желобчатое долото вырезано на одной форме вместе с кинжалом [11]. Находки этих орудий многочисленны и в европейских степях, в том числе в составе Дербеденевского и Сосновомазинского кладов, на Луговской стоянке и в кладах Северного Причерноморья (Красномаяцкий, Новоалександровский, Кардашинка I, Малые Копани, Соколенский) [12].

Украинские комплексы представляют первостепенный интерес, так как содержат вещи, имеющие соответствия в комплексах Западной Европы, что позволяет датировать их по европейской шкале. Не вдаваясь в частные расхождения относительно даты отдельных комплексов Северного Причерноморья, достаточно отметить, что анализируемый тип представлен в кладах, относимых к эпохе поздней бронзы — XIII (или XII) — IX вв. до н. э., что служит основанием для датировки типа во всей Евразии. Находки в комплексах в азиатской части Евразии не противоречат этой дате [13].

Видимо, развитие долот шло параллельно в обширной зоне Старого Света, от орудий со свернутой втулкой (представлены в Европе, на Кавказе, в Причерноморье, на Урале и в Северном Казахстане) к литым без валика, затем для упрочения изделия на середине втулки был помещен валик (тип представлен в Причерноморье на сабатиновском этапе), и, наконец, валик был смещен на край втулки, что обеспечивало и прочность, и простоту отливки. Именно к этому наиболее развитому и позднему типу принадлежит шампинское долото.

[9] *Кибиров А., Кожемяко П. Н.* Новые памятники эпохи бронзы.— ТИИАЭ АН КиргССР, вып. 2, 1956, с. 43, 44, рис. 11; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 23, табл. IV, *8*.

[10] *Deshayes J.* Les outils de bronze de l'Indus au Danube. Paris, 1960, v. II, pl. XXII; *Иессен А. А.* К хронологии больших кубанских курганов.— СА, XII, 1950, табл. V, *2, 3*.

[11] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 26, 27, табл. III. Далее в целях экономии места ссылка на семиреченские комплексы дается по САИ В 4—9, где содержится полная библиография. *Джусупов А.* Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-Аты.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, с. 261—263; *Черников С. С.* Древнее горное дело в р-не г. Степняк.— ИАН КазССР, вып. I, 1948, с. 13—32; *его же.* Восточный Казахстан..., табл. XVI, *3, 4*.

[12] *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху (МИА, № 30), 1952, табл. XXXVI, *20*; *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы (МИА, № 46), 1955, с. 147, рис. 30, 33; *Тереножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода.— СА, 1965, № 1; *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В сб.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 146, 149, 164, рис. 1, *1, 2*; 6, *9*; 11, *8*; 19; *Черняков И. Т.* Красномаяцкий клад литейщика.— КСОГАМ, 1965, с. 87—123; *Добровольский А. В.* Талькові ливарні матриці бронзової доби з Херсонщини.— Археологія, IV, 1950, табл. I, *6*; *Мерперт Н. Я.* О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы.— КСИА АН СССР, № 108, 1966, с. 132—134; *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, рис. 52; *его же.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976, с. 109, табл. XXXI, *6—10*.

[13] Литейная форма для отливки желобчатого долота найдена в могиле 21 могильника Ростовка у Омска. По форме это долото отличается от киргизского отсутствием литого валика по краю втулки и наличием орнамента из заштрихованных треугольников, сходного с декором на ростовкинских кельтах сейминско-турбинского типа (*Матющенко В. И., Ложникова Г. В.* Раскопки у деревни Ростовка близ Омска.—

Для его датировки важнейшее значение имеет находка на поселении Чаглинка в Казахстане фрагмента долота в комплексе с керамикой с налепными валиками, относящейся к эпохе поздней бронзы [14].

5. Долото копьевидное длиной 11,6 *см*, длина клиновидной, прямоугольной в сечении рабочей части 6,3 *см*, втулка (глубиной 3, диаметром 2,2 *см*) утолщена по краю бортиком, сбоку виден литейный шов, показывающий, что предмет отлит в двустворчатой форме (рис. 1, *22*). Орудие представляет литейный брак — при отливке во втулку попал металл и отверстие получилось слишком маленьким.

Подобные долота происходят из кладов Садовое, Каракол, Турксиб и поселения чустской культуры Дальверзин (где появление этого орудия Ю. А. Заднепровский справедливо связывает с влиянием северного степного населения), наконец, с поселений эпохи поздней бронзы в Северном Казахстане (в Степняке — Бестюбе, Челкар), где они найдены в комплексе с керамикой с налепным валиком [15].

Копьевидные долота известны и в памятниках эпохи поздней бронзы как в Северном Причерноморье [16], так и в Западной Сибири (в Баландинском кладе, в могильнике Осинки еловско-ирменской культуры, в группе изделий эпохи поздней бронзы в могильнике Ростовка в кв. 16И в комплексе с ножами чустского типа с монетовидным навершием) [17].

6. Тесло с уступом — пальстабовидный топор-тесло с поперечной гранью длиной 15 *см*, длина рабочей части 10,8 *см*, максимальная ширина лезвия 4,8 *см*, высота на месте уступа 8 *см*, толщина у основания 0,9 *см* (рис. 1, *25*). На лезвии зазубрины. Предмет отлит в односторонней литейной форме из золотистой бронзы. Аналогичные топоры-тесла происходят из кладов Киргизии и юго-восточного Казахстана: Сукулук (два), Садовое, Каракол, Алексеевский, Каменский, Сары-Озек [18]. Местное производство орудий этого типа на территории Киргизии доказывается находкой каменной литейной формы в с. Александровское, где она обнаружена вместе с четырьмя шильями, однолезвийным ножом с закраинами и лепной керамикой [19].

Решающее значение для датировки тесел с уступом кроме сопряженности типов в кладах имеют находки в культурном слое на поселениях финальной бронзы совместно с керамикой с налепным валиком в Восточном Казахстане — в Малокрасноярске (вместе со стрелами предскифско-

В сб.: Из истории Сибири, вып. 2. Томск, 1969, с. 23—24, табл. 9, *5—7*). Отсутствие валика позволяет считать ростовкинское долото типологически ранним и сопоставить его с изделием на литейной форме из Мынчункура, вырезанным вместе с ножом с четко оформленным перекрестием, но еще без упора (подобные ножи есть и в Ростовке). Орнамент на втулке связывает долото из Ростовки с еще более богато декорированным экземпляром, представленным на каменной форме на поселении черкаскульской культуры Липовая Курья на Урале, имеющим, однако, валики по краю и посередине втулки. Полученная первоначально для поселения дата по C^{14} — XVII—XVI вв. до н. э.— была исправлена при повторном анализе на XII—XI вв. до н. э., что соответствует всему археологическому комплексу (*Хлобыстин Л. П.* Поселение Липовая Курья. Л., 1976, с. 35, 50, 51, рис. 15, *1, 2*).

[14] *Оразбаев А. М.* Поселение Чаглинка.— В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 134.

[15] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 27, 28, табл. III, *1, 2, 7*; *ее же.* Клад эпохи бронзы из Каракола.— КСИА АН СССР, № 114, 1968, с. 13, 14, рис. 4; *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы (МИА, № 118), 1962, с. 31, табл. XXII, *5*; *Черников С. С.* К вопросу о составе древних бронз Казахстана.— СА, XV, 1951, рис. 2, *5*.

[16] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 109; *Черняков И. Т.* Ук. соч.

[17] *Матющенко В. И.* Еловско-ирменская культура.— В сб.: Из истории Сибири, вып. 12. Томск, 1974, рис. 17, *2, 3*; *Матющенко В. И., Ложникова Г. В.* Ук. соч., табл. 16, *1, 2*; *Мошинская В. И.* Баландинский клад бронзовых инструментов.— КСИА АН СССР, № 67, 1957, с. 144, рис. 61, *2*; *Савинов Д. Г.* Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае.— В сб.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 94, рис. 2, *11*.

[18] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 18—20, табл. III, *14—16*; *Aspelin J.* Antiquités du nord finno-ougrien. Helsingfors, 1877, fig. 296.

[19] *Пасько.* Отчет VII отряда.— МИА, № 14, 1950, с. 98, 106, табл. XXXVIII; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 19, табл. III, *10*.

го типа), в Северном Казахстане — в Петровке II, в Приишимье и в районе Степняка (Аульная площадь, Челкар) [20]. Картографирование тесел с уступом показывает, что они принадлежат к числу изделий, специфичных для казахского очага бронзовой культуры, по М. П. Грязнову, или казахстанской металлургической провинции по Е. Е. Кузьминой, объединяющей металлургические очаги Северного, Южного и Восточного Казахстана, Алтая, Киргизии и степной Ферганы [21].

7. Тесло вытянуто-треугольное, миниатюрное, с выступающим лобным ушком, длиной 10,5 *см*, шириной лезвия 3 *см*, острый конец обломан (рис. 1, *26*). В центре рабочей стороны имеется овальное углубление длиной 4,3 *см*, с тыльной части — углубление 2,6 *см*. Над ним литое ушко шириной 1,5, высотой 1 *см*, размер отверстия 0,7 *см*. На лезвии современные зарубки. Бронза золотистая.

По принципу крепления с коленчатой рукоятью и технологии отливки инструмент может быть сопоставлен с прямоугольными кельтами-теслами из карасукского погребения на р. Бее в Западной Сибири и из клада у с. Палацы в Восточном Казахстане (совместно с кинжалом с грибовидным навершием) [22] и орудием с Мариинского прииска на р. Нарым (МАЭ, № 3211-350). Отсутствие тождества формы не позволяет переносить их дату на шамшинское орудие и заставляет датировать его по комплексу клада.

8. Серп-косарь № 1 с прямым лезвием, скошенным у рукояти, слабо изогнутой утолщенной спинкой и одним круглым отверстием в рукояти, длиной 23, шириной 6 *см* (рис. 1, *17*.). Некогда загнутый вверх конец лезвия обломан, лезвие местами зазубрено и погнуто, скос к рукояти слабо выражен. Ширина пятки 4,5 *см*, диаметр отверстия 0,5 *см*, толщина спинки 0,8 *см*. Отлит из золотистой бронзы в односторонней форме.

9. Серп-косарь № 2 того же типа (рис. 1, *19*). Длина орудия 25 *см*, длина рабочей части лезвия 22 *см*, максимальная ширина 6,3 *см*, ширина пятки 3 *см*, толщина трехгранной в сечении спинки 0,7 *см*, диаметр отверстия 0,8 *см*. Серп слегка погнут. Отлит в односторонней форме из красной бронзы.

10. Серп-косарь № 3 того же типа, очень массивный, длиной 22,8, шириной 6 *см*, ширина пятки 3,5 *см*, диаметр отверстия 0,7 *см*, толщина спинки 0,7 *см* (рис. 1, *18*). Конец лезвия, загибавшийся вверх, сточен, скос к округлой пятке не выражен, лезвие зазубрено. Отлит в односторонней форме из золотистой бронзы. Все три серпа Шамшинского клада отлиты в разных литейных матрицах.

Эти орудия принадлежат к двум синхронным подтипам (с прямой и округлой пяткой) типа, широко распространенного в эпоху поздней бронзы в восточной части евразийских степей [23] и представленного в Семиречье многочисленными находками на БЧК, в кладах Алексеевском и Турксибском, а также на поселениях Казахстана — в Малокрасноярске, Чаглинке, Степняке, Петровке II, Новоникольском I, Конезаводе —

---

[20] *Черников С. С.* Восточный Казахстан..., с. 44, табл. XXXVI, *7*; *его же.* Поселения эпохи бронзы Северного Казахстана.— КСИИМК, № 53, 1954, с. 164; *Зданович С. Я.* Культура финальной бронзы Северного Казахстана.— В сб.: Научные труды по гуманитарным наукам. Караганда, 1974, с. 320; *Зданович Г. Б., Зданович С. Я., Зайберт В. Ф.* Работы в Северном Казахстане.— АО — 1971. М., 1972, с. 496, 497.

[21] *Грязнов М. П.* Казахстанский очаг бронзовой культуры.— «Казаки», III. Л., 1930, с. 162; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 19, 96—98; *ее же.* Хронология..., с. 109.

[22] *Киселев С. В.* Древняя история южной Сибири (МИА, № 9), 1949, с. 68, табл. XI, *13*; *Черников С. С.* Восточный Казахстан..., с. 84, табл. X, *9*, *4*.

[23] Судя по находке в основном погребении совместно со срубным сосудом в могильнике Ягодное (кург. 2, погр. 5) в Поволжье, прототип этих серпов (без скоса и отверстия на рукояти) появляется в третьей четверти II тысячелетия до н. э. (*Мерперт Н. Я.* Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, № 42, 1954, с. 48, рис. 3, *6*).

в комплексе с керамикой с налепными валиками [24], что и определяет дату типа. Отнесение серпов-косарей к эпохе поздней бронзы подтверждается комплексом клада Сосновая Маза в Поволжье, относящимся к последней четверти II тысячелетия до н. э., точнее, приблизительно к XII в. до н. э. [25], и бронзовой литейной формой Омского музея.

11. Копье лавролистной формы с прямоугольным в сечении черешком и ребром посредине пера, переходящим у основания черешка в многогранный уступ-упор (рис. 1, *20*), Острие обломано, черешок на конце загнут. Сохранившаяся длина 18,7 *см*, в том числе черешка 5,5 *см*, ширина пера 6 *см*, толщина упора 1,2 *см*, размеры черешка 1,3×0,5 *см*. Отлито из бронзы золотисто-красного цвета.

Копье принадлежит к типу, известному в составе Сукулукского и Турксибского кладов и по находке в каменной ограде мавзолея № 1 Бегазинского могильника в Центральном Казахстане [26], что и определяет дату типа. Однако шамшинский экземпляр отличается отсутствием выраженного утолщения-выкружки у основания пера, что позволяет рассматривать его как, возможно, несколько более раннюю разновидность типа.

12. Бритва с лезвием усеченно-овальной формы с полукруглой выемкой посредине, прямоугольным в сечении черенком, утолщенным ниже основания кольцевым упором, овальным в сечении (рис. 1, *21*). Концы лезвия обломаны. Сохранившаяся длина 11,5 *см*, максимальная ширина лезвия 6 *см*, диаметр выемки 2,5 *см*, черешок 0,8×0,3 *см*, упор 1,2×0,6 *см*. Лезвие очень тонкое.

Этот тип изделий представлен в азиатских степях только двумя находками: на приписке Степанова (хранится в Семипалатинском музее) и в погр. 14 могильника Саргары II в Целиноградской обл. в комплексе с кинжалом-копьем и керамикой, характерной для Северного Казахстана в эпоху финальной бронзы [27].

Ближайшие аналогии шамшинской и саргаринской бритвам составляют бритва, вырезанная на двусторонней литейной форме, из коллекции Шадринского музея [28] и экземпляры из Лобойковского клада на Украине и клада, найденного в 1974 г. на Дону, у с. Терешково Богучаровского р-на Воронежской обл. (включающего также двуушковые кельты и серпы-косари с крюком). По комплексу входящих в них изделий эти клады можно отнести к сабатиновскому этапу и датировать в пределах последней четверти II тысячелетия до н. э., точнее, примерно XII в. до н. э. [29] Как предшественник бритв лобойковского типа может рассматриваться предмет из Дербеденевского клада [30], имеющий четко выраженное ромбиче-

---

[24] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 54—56, табл. XI, *18—21, 24*; *Черников С. С.* Восточный Казахстан.... с. 44, 162, табл. XXXVI, *19*; XXXVII, *3*; *Оразбаев А. М.* Ук. соч., с. 141; *Зданович С. Я.* Ук. соч., с. 320; *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Археологические исследования в Северном Казахстане.— АО — 1969. М., 1970, с. 393; *Зданович Г. Б. и др.* Работы в Северном Казахстане, с. 497; *Евдокимов В. В.* Экспедиция Кустанайского педагогического института.— АО-1973. М., 1974, с. 467.

[25] ИАК, 29, 1909, рис. 6, *11, 15, 16*; *Мерперт Н. Я.* О луристанских элементах..., с. 132.

[26] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 52, табл. VIII, *13, 16* (приводившееся сопоставление с копьями из Причерноморья неточно, так как у последних утолщение-упор располагается ниже основания черешка); *Маргулан А. Х.* Ук. соч., с. 78, рис. 47.

[27] *Дмитриев П. А.* Литейная форма Шадринского музея.— ТСА РАНИОН, т. V, 1930, с. 55; *Зданович С. Я., Зданович Г. Б. и др.* Работы в Целиноградской обл.— АО — 1975. М., 1976, с. 520; *Зданович С. Я., Малютина Т. С.* Культурный комплекс Саргары.— В сб.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с. 97, 98; *они же.* Саргары — культурный комплекс финальной бронзы.— АО — 1974. М., 1975, с. 488, 489.

[28] *Дмитриев П. А.* Ук. соч., с. 55, рис. 2.

[29] *Черных Е. Н.* Древняя металлобработка..., с. 122, 155, 156, рис. 58, табл. XXXVI, *16*.

[30] ***Черных Е. Н.*** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 62, рис. 58, *30*.

ское перекрестие, но без упора, как у срубно-андроновских ножей, в отличие от лобойковских бритв имеющих такой же упор, как ножи финальной бронзы. Более вычурные типы бритв известны в ряде кладов Северного Причерноморья — Волошском, Вязевке, Кардашинке II, Головуровке [31].

Трудно переоценить значение находок бритв в Киргизии и Казахстане. Проблема абсолютной хронологии комплексов эпохи поздней бронзы Евразии представляет огромные трудности. Исследователям приходится выстраивать сложные таблицы сопряженности типов в различных комплексах и протягивать длинные цепочки корреспондирующих памятников от Алтая до Дуная. Бритвы же — тип, весьма специфичный и живущий короткий отрезок времени,— дают возможность непосредственной увязки с памятниками Европы, хронология которых хорошо разработана.

Бритвы из Шамши, Саргары, Лобойкова представляют другую линию развития, чем бритвы из румынских кладов Инумешти и Синниколау де Мунте периода Гальштат AI (XII в. до н. э.), и архаичнее типов бритв культуры полей погребений периода Гальштат BI (X в. до н. э.) и италийских, типа протовилланова 1100—900 гг. до н. э. [32], так что последние служат для них terminus ante quem.

Находка в Киргизии этого уникального изделия подкрепляет выдвигавшийся тезис о существовании активных западных причерноморских связей населения Киргизии в эпоху поздней бронзы [33].

13. Нож однолезвийный с прямой утолщенной спинкой, прямым, слегка сужающимся лезвием и обособленной рукоятью, полученной путем отгиба части пластины, грубо подрезанной и отогнутой для крепления рукояти (рис. 1, *23*). Конец лезвия обломан. Сохранившаяся длина 11,7 *см*, в том числе рукояти 7,5 *см*, ширина лезвия 4 *см*, рукояти 2,2—3 *см*, толщина спинки 0,25 *см*. Отлит из золотистой бронзы в односторонней форме.

Близкий по форме экземпляр с отогнутой рукоятью найден в Приишимье, на поселении Петровка II, в комплексе с керамикой с налепным валиком [34], что и определяет дату типа.

14. Зеркало № 1, круглое, диаметром 10,2 *см*, слабовогнутое, частично обломано. Изготовлено из красноватой бронзы (рис. 1, *1*).

15. Зеркало № 2, круглое, плоское, слегка утолщенное к краям, диаметром 10 *см*. Отлито в односторонней форме из красноватой бронзы (рис. 1, *8*). Сохранился только обломок.

Зеркала принадлежат к типу, широко распространенному в азиатской части степи на протяжении всей эпохи бронзы [35].

16. Зеркало круглое, слегка асимметричное, плоское, диаметром 7,5 *см*, с выступающей, обломанной на конце плоской ручкой шириной 1,2—1,5 *см* (сохранившаяся длина 1,5 *см*) (рис. 1, *2*). Отлито из красноватой бронзы.

---

[31] *Кривцова-Гракова О. А.* Ук. соч., с. 142, рис. 34, *6*, *11*; *Лесков А. М.* Ук. соч., рис. *7*, *4*, *15*; *Шарафутдинова І. М.* Бронзоливарна майстерня з с. Головурів на Київщині.— Археологія, № 12, 1973, рис. 3, 4*б*.

[32] *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы, т. I. М., 1974, с. 72, 139, рис. на с. 74, *16*; рис. на с. 140; *Müller-Karpe H.* Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959; *Trump D.* Central and Southern Italy before Rome. London, 1966; *Schumacher E.* Die Proto-Villanova Fundgruppe. Bonn, 1967; *Petrescu-Dîmboviţa M.* Depositele de bronzuri din Romania. Bucureşti, 1977, pl. 133, *3*, *4*; 186, *11—13*.

[33] *Кузьмина Е. Е.* Клад из с. Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы.— В сб.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 214—216.

[34] *Зданович С. Я.* Ук. соч., с. 320; *Зданович Г. Б., Зданович С. Я., Зайберт В. Р.* Ук. соч., с. 497.

[35] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 67, 68.

Зеркало принадлежит к типу украшений, известных в кладах Киргизии эпохи поздней бронзы Сукулук и Садовое и на поселениях чустской культуры Чуст и Дальверзин, где найдены каменные литейные формы для их отливки [36]. Изделия чустской культуры, датирующейся по иранским импортам концом II — началом I тысячелетия до н. э., а по псалиям VIII в. до н. э., и служат основанием для определения хронологии этого типа в Киргизии.

17. Зеркало № 4, круглое, тонкое, слегка выпуклое, диаметром 5,5 *см*, с ручкой-петелькой высотой 0,6, длиной 1 *см*, несколько смещенной от центра (рис. 1, *5*).

Предмет принадлежит к типу украшений, появляющемуся в азиатской части степи, видимо, еще в эпоху развитой бронзы и получающему особенно широкое распространение в эпоху поздней бронзы. Аналогичные зеркала известны из погребений в Муминабаде, Бугулы I, Каракудуке, на поселениях Байрам-Казган II в Хорезме, в районе Степняка, а также в случайных находках с Иссык-Куля [37]. К этому типу украшений близки прямоугольные зеркала с петелькой, представленные в кладе Садовое, на поселении 15 в Кайраккумах, в Замараевском погребении в Боровом [38]. Зеркала с петелькой есть и в Западной Сибири, в могильниках Еловка I (подтип с выступами) и Устинском [39], где они четко датируются по сопровождающему инвентарю, в частности костяным трехдырчатым псалиям, специфичным для эпохи поздней бронзы. Плоские зеркала с петелькой эпохи поздней бронзы являются прототипом зеркал с петелькой и бортиком, характерных для раннесакской культуры [40].

18. Бляшка № 1, круглая, диаметром 11 *см*, с выпуклой серединой диаметром 6,6 *см* и плоским, слегка приподнятым краем (рис. 1, *14*). По закраине циркулем процарапаны три концентрических окружности. В центре отверстие. Края частично повреждены.

19. Бляшка круглая полусферическая, диаметром 2,8 *см*, с небольшой петелькой в центре (рис. 1, *7*). Отлита из красноватой бронзы.

20. Бляшка круглая полусферическая, диаметром 4 *см*, с выступом-шпеньком в центре (рис. 1, *6*).

21. Бляха восьмеркообразная, длиной 7,6 *см*, длина перемычки, соединяющей два круга диаметром 2,4 *см*, с отверстием в центрах, 3 *см*. Бляха отлита из красноватой бронзы в односторонней матрице, одна сторона изделия плоская, другая — слегка выпуклая (рис. 1, *11*).

Все четыре бляхи Шамшинского клада принадлежат к типам, характерным для эпохи поздней бронзы на обширной территории Евразии.

Бляшки с петелькой известны в составе клада Бричмулла, на поселениях в Кайраккумах, в Дальверзине, Чаглинке и датируются по аналогии с подобными изделиями от Западной Европы до Ирана и Западной Сиби-

---

[36] Там же, с. 68, 69, табл. XIII, *1, 4—6, 8, 9*; *Заднепровский Ю. А.* Ук. соч., с. 68, табл. XX, *4, 5*; *Спришевский В. И.* Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. Музей истории народов Узбекистана. Ташкент, 1974, с. 24, 43; рис. 16, *4*.

[37] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 68, табл. XIII, *7*; *Аскаров А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде.— ИМКУ, вып. 8, 1969, с. 61, рис. 2, *7*: *Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 12, 1961, с. 66, рис. 2б; *Маргулан А. Х. и др.* Ук. соч., с. 75, табл. XII, *1*; *Кузьмина Е. Е.* Семиреченский вариант..., с. 45; *Итина М. А.* История степных племен южного Приаралья. М., 1977, с. 133, 134, рис. 67, *18*; ГЭ ОИПК, инв. № 4812, 18; Коллекция Гуляева 1898 г. Картотека А. Спицына, № 415/50.

[38] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 68, табл. XIII, *2, 3*; *Оразбаев А. М.* Уч. соч., с. 271, табл VIII, *17*.

[39] *Матющенко В. И.* Еловско-ирменская культура..., рис. 56, *1*; *Членова Н. Л.* Датировка ирменской культуры.— В сб.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 137, табл. 2, *16*; *Савинов Д. Г.* Устинский могильник на севере Хакассии.— АО-1976. М., 1977, с. 239, 240.

[40] *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973.

ри, где их находки обычны в могилах эпохи поздней бронзы [41], что и определяет дату типа. В тех же комплексах изредка встречаются бляхи со шпеньком [42] и восьмеркообразные (последние, правда, обычно не плоские, а выпуклые) [43]. Эти типы украшений переходят в культуру саков [44] и потому не могут служить основанием для датировки клада.

22—23. Два кольца диаметром 3,2 *см*, круглые в сечении (толщина 0,6 *см*), отлиты из красноватой бронзы (рис. 1, *9*, *10*). Два совершенно аналогичных предмета входят в состав клада Садовое [45].

24. Крючок с отогнутой вперед и обломанной петлей, квадратным в сечении прямым стержнем и круглым в сечении заостренным концом (рис. 1, *4*). Сохранившаяся длина 9,5 *см*, толщина стержня 0,5 *см*. Отлит из золотистой бронзы. Аналогию ему составляют крючки с поселений чустской культуры Чуст и Дальверзин, а также поселения Петровка II в Северном Казахстане, где он найден в комплексе с керамикой с налепным валиком [46].

25. Шило двустороннее, длиной 7,5 *см*, с квадратным в сечении стержнем толщиной 0,4 *см* и раскованными заостренными концами (рис. 1, *3*). Аналогичные изделия встречены в Киргизии на БЧК и в могильнике Таш-Тюбе II, в Фергане, на кайраккумских поселениях и в Чусте. Предметы принадлежат к типу II (по классификации Е. Е. Кузьминой), распространенному в течение длительного времени [47], и не имеют значения для установления хронологии Шамшинского клада.

26. Булавка с ажурным навершием в виде прямоугольника, три вершины которого заканчиваются парами круглых шишечек (рис. 1, *12*). Нижний конец и три шишечки обломаны, верхняя часть погнута. Сохранившаяся длина 8 *см*, размер решетки 3,5×3 *см*, диаметр шишечек 0,8 *см*, стержень в сечении круглый, диаметром 0,5 *см*, решетка в сечении трапециевидная, шишечки линзовидные. Предмет этот уникален и не имеет полных аналогий.

Различные типы бронзовых ажурных булавок были широко распространены в Средней Азии, начиная с III тысячелетия до н. э. и кончая началом I тысячелетия до н. э. Они представлены в Фергане в Хакском кладе, в Туркмении в погребениях могильников Янгикала (вторая половина II тысячелетия до н. э.) и Сумбар (рубеж II—I тысячелетий до н. э.) [48]. Этот тип украшений был очень характерен для культуры земледельцев южных областей Средней Азии и под их воздействием распространился у северных скотоводческих племен. Ажурная булавка найдена в Хорезме, на тазабагъябском поселении Кокча 15А второй половины II тысячелетия до н. э. и в мавзолее Тагискен IX—VIII вв. до н. э.[49]

[41] *Тереножкин А. И.* Клад андроновских бронзовых предметов из Бричмулла близ Ташкента.— СА, 1962, № 3, с. 280, рис. 31, *5*, *6*; *Литвинский Б. А.* Ук. соч., с. 224, табл. 56; *Заднепровский Ю. А.* Ук. соч., с. 31, табл. XXI, *1*; *Киселев С. В.* Ук. соч., с. 78, табл. XII; *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, разные таблицы; Оразбаев А. М. Поселение..., с. 141; *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, рис. 44; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 69, табл. XIV, *7*, *8*, *12*, *13*.

[42] *Матющенко В. И.* Еловско-ирменская культура..., рис. 65, *9*; 72, *4*, 74, *6*; 106, *47*.

[43] *Членова Н. Л.* Хронология..., разные таблицы; *Киселев С. В.* Ук. соч., с. 78, табл. XII; *Новгородова Э. А.* Ук. соч., рис. 44. Ближайшую аналогию шамшинской составляет массивная восьмеркообразная бляха Осинкинского могильника, относящегося к карасукскому кругу памятников, хотя в металле его сохраняются сейминские традиции (*Савинов Д. Г.* Ук. соч., с. 98, рис. 2, *3*).

[44] *Вишневская О. А.* Ук. соч., табл. II, *7*; V, *12*.

[45] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., табл. XIV, *38*.

[46] Там же, с. 60, 61, табл. XV, *32*, *35*, *36*; *Зданович Г. Б. и др.* Ук. соч., с. 496, 497.

[47] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия.... с. 62—64, табл. XII, *14*, *23*, *53*, *69*, *77*.

[48] *Сорокин С. С.* Хакский клад.— СГЭ, № XIX, 1960, с. 28—32; *Ганялин А. Ф.* Погребения эпохи бронзы у г. Янги-кала.— ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, с. 379, рис. 3; *Хлопин И. Н.* Древности долины Сумбара.— В сб.: Памятники Туркменистана, № 1, 1973, фото на с. 12.

[49] *Итина М. А.* Ук. соч., с. 132—133, рис. 68, *1*. Приносим благодарность М. А. Итиной за разрешение ознакомиться с булавкой из Тагискена.

Последняя наиболее близка шамшинской. Она имеет ажурную ромбическую головку с утолщениями-шишечками, но отличается отсутствием перемычки на головке и наличием по одной шишечке по углам.

Приведенные примеры не имеют значения для определения даты шамшинской булавки, поскольку хронологический диапазон ажурных булавок очень широк. Однако принципиальная важность этой находки состоит в том, что она позволяет выявить культурные связи населения Киргизии с южными земледельческими областями.

27. Слиток бронзы золотистого цвета в виде плоской массивной пластины размером 4,5×3,8×0,8 *см* (рис. 1, *13*). Края неровные. Находки в составе клада слитка металла и бракованного копьевидного долота указывают на местное изготовление вещей клада, на существование в Семиречье самостоятельного очага металлообработки, что подтверждается составом металла шамшинских изделий, сопоставимых по набору микропримесей с медью семиреченских месторождений.

В составе Шамшинского клада выделяются две группы предметов: I — с очень широким хронологическим диапазоном, из-за чего они не могут служить индикатором для установления даты клада; II — находящие аналогии в комплексах эпохи поздней бронзы Евразии XII—IX (VIII) вв. до н. э. Эта группа включает большинство изделий клада, причем особое значение имеет сопряженность типов в других кладах Киргизии и Южного Казахстана, а также в поселениях на сопредельных территориях (таблица), что позволяет надежно датировать клад из Шамши эпохой поздней бронзы. Сопоставление с другими комплексами показывает, что Шамшинский клад, объединяющий изделия 20 типов, занимает первое место по разнообразию входящих в него типов, что делает этот комплекс ключевым и эталонным для подтверждения правильности выделения группы кладов эпохи поздней бронзы [50], позволяя проверить сопряженность типов на большом материале и отнести клад к XII—IX (VIII) вв. до н. э.[51]

Большинство типов изделий, входящих в Шамшинский клад, специфично для андроновской металлургической провинции, объединяющей очаги металлообработки Семиречья, Ферганы, Восточного, Центрального и Северного Казахстана и Алтая. Находка же в составе клада бритвы указывает на далекие западные связи населения Ферганы в эпоху поздней бронзы, в то время как ажурная булавка позволяет констатировать контакты скотоводческого населения Семиречья с земледельцами юга Средней Азии.

Для определения культурной принадлежности клада и отнесения его к позднеандроновскому алексеевскому комплексу решающее значение имеют находки входящих в его состав типов вещей на поселениях Чаглинка, Саргары, Степняк и др. вместе с керамикой с налепным валиком. Подобная керамика известна и в Киргизии, на стоянке Каинда и других пунктах на БЧК [52]. Таким образом, диспут об отнесении семиреченских кладов к карасукской или позднеандроновской культуре решается в пользу сторонников последней.

Предпринятое С. Я. Зданович выделение особой саргаринской культуры финальной бронзы [53] представляется преждевременным. Название

[50] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 94—98, табл. 13; *ее же.* Хронология..., с. 106—110, табл. I.

[51] Попытка уточнить возраст клада и отнести его к ранней группе комплексов эпохи поздней бронзы (XII—X вв. до н. э.) на основании ранних аналогий бритве, архаичному типу одного из топоров, наличия ножа с закраиной, копья без выкружек в основании, архаичной формы восьмеркообразной бляхи и зеркал, видимо, противоречит тип бляхи со шпеньком, на других территориях относящейся к предсакской эпохе.

[52] *Бернштам А. Н.* Чуйская долина (МИА, № 14), 1950, с. 105, 106, табл. XXIX—XXX.

[53] *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. Автореф. канд. дис. М., 1979.

Сопряженность типов изделий Шамшинского клада и других комплексов эпохи поздней бронзы

Комплексы / Типы	Топор-клевец с гребнем	Молоток-кельт	Долото желобчатое	Долото копьевидное	Тесло с уступом	Серп-косарь	Копье черешковое	Зеркало с петелькой	Бляшка с петелькой	Кольцо	Бритва	Нож однолезвийный	Зеркало с выступающей ручкой	Крючок
Шамши	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Сукулук	+		+		+		+						+	
Садовое		+	+	+	+			+		+		+	+	
Каракол				+	+									
Туркси6	+			+		+	+					+		
Алексеевка	+		+		+	+								
Иссык-Куль	+													
Каменский			+		+									
Степняк	+		+	+	+	+			+					
Петровка II					+	+						+		+
Чаглинка	+		+			+			+					
Малокрасноярка					+	+								
Поселения чустской культуры				+					+				+	+
Дербеденевский			+								+			
Сосновая Маза			+			+								
Кайраккумы	+							+	+					

культуры — саргаринская — не оправдано, так как культура должна быть названа по первооткрытому памятнику — Алексеевскому поселению, тем более что в Алексеевке синхронный саргаринскому коплекс выделен Т. М. Потемкиной типологически, а В. В. Евдокимовым планиграфически. Обособление же памятников эпохи поздней бронзы в самостоятельную культуру кажется неправомерным, поскольку алексеевский комплекс представляет прямое генетическое продолжение андроновской культуры, развитие которой идет параллельно со срубной, так что позднесрубные памятники ивановского типа весьма сходны с алексеевскими, что свидетельствует о единстве исторического процесса в евразийских степях у носителей андроновской и срубной культурных общностей.

В конце эпохи бронзы развитие андроновских племен на востоке ареала нарушается вторжением карасукского населения, в результате ассимиляции которого в Центральном Казахстане складываются памятники бегазинского типа. Последние, безусловно, синхронны позднеалексеевским, что доказывается как единством типов металлических изделий, так и находками в бегазинских погребениях типичной алексеевской керамики с налепным валиком (Бегазы, мавзолей 4; Сангру I, ограды 2, 7; III, ограда 1; Айбас-Дарасы; Кент; Бала-Кулболды III, ограда 6) [54].

С. Я. Зданович датирует саргаринскую культуру X—VIII или даже IX—VIII вв. до н. э.[55] Предлагаемая дата противоречит имеющимся данным: керамика с налепным валиком по всему обширному ареалу ее распространения от Малой Азии (Троя VII B), Румынии (культура Ноа), Северного Причерноморья (сабатиновский и белозерский этапы срубной культуры) до Ирана (Гиян I) и юга Средней Азии (верхняя часть слоя Намазга VI) датируется последней четвертью II — началом I тысячелетия до н. э.[56] Эта дата надежно подтверждается металлическими изделиями, некоторые типы которых распространены почти по всему ареалу валиковой керамики. Сочетание в Шамшинском кладе большого ассортимента разнотипных вещей, дающих богатые возможности для корреляции с хорошо датированными комплексами других территорий, делает этот клад ключевым для определения хронологии позднеандроновских памятников Киргизии и Казахстана XII—IX вв. до н. э.

Поскольку типы оружия, орудий труда и украшений раннесакской эпохи непосредственно восходят к типам эпохи поздней бронзы, представленным в семиреческих кладах, установление позднеандроновской культурной принадлежности кладов имеет принципиальное значение, так как служит важным аргументом в пользу гипотезы о генетической связи раннесакской культуры с позднеандроновской.

---

[54] *Маргулан А. Х.* Ук. соч., с. 53, 91, 119, 128, 147, 158, 328; рис. 29; *60, 89*; 96; 110 B; 112, *2*; 118, 234, табл. 7. Сосуды с валиком сделаны налепом в андроновской традиции в отличие от парадной посуды, изготовленной карасукской техникой выдавливания из кома глины.

[55] *Зданович С. Я.* Ук. соч., с. 16.

[56] *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии.— В сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963, с. 152—154.

I. Kozhomberdiev, E. E. Kuzmina

THE SHAMSHI HOARD OF THE LATE BRONZE AGE FROM KIRGIZIA

Summary

In the village Shamshi (Kochcor district of Kirgizia) a hoard of bronze artifacts was found. This hoard contains the richest set of artifacts ever known in Semirechye, among them two axes, a celt-shaped hammer, grooved and spear-shaped chisels, adzes with a shelf and frontal lug, three sickles a tanged spearhead, a blade, a knife, four mirrors, four plates, two rings, a hook, an awl, an open-work pin and an ingot of meal. The most part of finds of the hoard has analogies in the other sites of Semirechye (Sukuluk, Sadovoe, Karakol, Turksib, Alexeevka, Issikkul, Kamenski) and belongs to the Khazakhstan metallurgical province including the metallurgical centres of Semirechye, Fergana, Northern and Eastern Khazakhstan and Altay. The conjugation of types in the complexes of Semirechye let the authors relate the hoard to the late Bronze Age and date it to the XIIth-IXth centuries B. C. The presence of an open-work pin and mirrors indicate southern links of Semirechye, and the blade — the western links. The blade is especially important for dating of the hoard. The discovered complex belongs to the late Andronovo culture. It is proved by the finding of the same types as in the Shamshi hoard at the late Andronovo settlements and cemeteries together with the pottery with rollers which has the date — XII—IXth centuries B. C. Many types of the Shamshi hoard finds are the prototypes of the Sacks artifacts. It confirms the conclusion about the genesis of the Sacks culture from the late Andronovo one.

Н. В. РЫНДИНА, А. Д. ДЕГТЯРЕВА, В. Д. РУЗАНОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НАХОДОК ИЗ ШАМШИНСКОГО КЛАДА

Металлографическое и спектральное изучение Шамшинского комплекса, являющегося уникальным по разнообразию входящих в него типов изделий [1], позволило решить ряд интересных вопросов. Проведенное исследование [2] дало возможность уточнить функциональное назначение некоторых изделий, охарактеризовать приемы их обработки, выявить уровень мастерства изготовивших их древних литейщиков-кузнецов, поставить вопрос о происхождении клада.

Спектральный анализ металла проводился по количественному методу М. М. Клера, широко используемому в настоящее время для изучения древних медных и бронзовых изделий. Мы не будем останавливаться на этой методике, поскольку ее описание подробно было освещено в ряде работ [3].

Большинство предметов клада изготовлено из оловянистых бронз: из 27 вещей металл 26 легирован оловом (таблица). Граница искусственного ввода этой примеси в медь прослеживается очень четко, и, как показывают частотная гистограмма концентраций олова и корреляционный график олово—свинец (рис. 1, 2, *а*), она проходит вблизи концентрации в 1%. Среди оловянистых бронз один образец (наконечник копья, рис. 4, *15*, ан. 26415, таблица) отличается повышенным содержанием свинца — 1,7%, тогда как в остальных случаях концентрация этой примеси не превышает 0,35% (рис. 2, *а*), что, видимо, связано с использованием комплексной оловяно-свинцовистой лигатуры. И наконец, одно изделие (обломок ножа, рис. 4, *11*, ан. 26416) изготовлено из мышьяковистой бронзы (рис. 2, *б*). Отличаясь от всех остальных повышенным содержанием мышьяка (2,5%), оно также обращает на себя внимание очень низкой концентрацией олова, которая не превышает сотой доли процента.

С химической точки зрения, металл Шамшинского клада, за исключением одного изделия (бляшка, рис. 4, *22*, ан. 26427), можно рассматривать как единую группу, для которой характерны сравнительно высокие содержания свинца, висмута, серебра, мышьяка и никеля. Об этом свидетельствуют как частотные гистограммы концентраций его примесей (рис. 1), так и корреляционные графики серебро — висмут и мышьяк — сурьма (рис. 3). Упомянутая бляшка (она отмечена на рис. 3 знаком ?) отличается от остальных изделий высоким содержанием висмута (0,9%) и отнесена к химически неопределенной группе.

Кроме проанализированных вещей Шамшинского клада на сегодняшний день известна химическая характеристика меди большого количества

---

[1] *Кожомбердиев И. К., Кузьмина Е. Е.* Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии. См. статью в этом номере журнала. (Приносим искреннюю благодарность авторам за возможность ознакомления с рукописью статьи).

[2] Спектральный анализ проводился в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР, металлографический — в лаборатории структурного анализа при кафедре археологии МГУ.

[3] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 27—34; *его же.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.— МИА, № 172, 1970, с. 11.

Результаты спектрального анализа изделий Шамшинского клада

Шифр лаборатории	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
26404	Бритва	Осн.	8,0	0,06	?	0,001	0,03	0,018	0,085	0,4	0,03	0,015	0,001
26405	Топор без гребня	»	4,0	0,12	–	0,004	0,01	0,025	0,1	0,5	0,006	0,003	<0,005
26406	» с гребнем	»	7,5	0,045	–	0,04	0,06	0,04	0,08	0,02	0,012	0,005	0,001
26407	Молоток	»	6,5	0,15	0,03	0,003	0,15	0,02	0,2	0,1	0,007	0,01	0,002
26408	Долото желобчатое	»	7,0	0,15	–	0,001	0,03	0,04	0,08	0,3	0,04	0,009	0,0015
26409	Зубило	»	1,8	0,12	0,02	0,0007	>0,1	0,012	0,085	0,01	0,009	0,005	<0,001
26410	Тесло с уступом	»	6,5	0,05	0,012	0,015	0,05	0,02	0,08	0,007	0,0065	0,004	<0,001
26411	» миниатюрное	»	7,0	0,35	–	0,007	0,04	0,25	0,045	0,7	0,0045	0,004	–
26412	Серп	»	5,0	0,013	–	0,045	0,5	0,8	0,3	0,05	0,006	0,003	<0,001
26413	»	»	4,0	0,15	0,015	0,035	0,03	0,025	0,08	0,004	0,01	0,004	<0,001
26414	»	»	1,7	0,12	0,012	0,001	0,02	0,12	0,04	0,018	0,03	0,004	<0,001
26415	Наконечник копья	»	5,5	1,7	0,08	0,001	0,09	0,045	0,35	0,06	0,005	0,004	–
26416	Обломок ножа	»	0,003	0,0005	?	0,001	0,04	0,0055	2,5	0,07	0,025	0,005	?
26417	Зеркало	»	6,5	0,01	–	0,012	0,09	–	0,08	0,005	0,005	0,004	<0,001
26418	» с ручкой	»	6,5	0,1	–	0,13	0,012	0,02	0,08	0,15	0,0015	0,003	0,01
26419	» с петелькой	»	5,0	0,013	–	0,003	0,15	0,1	0,25	0,085	0,015	0,004	0,0015
26420	Обломок зеркала	»	6,0	0,001	–	0,03	0,015	0,025	0,35	0,04	0,001	0,001	<0,001
26421	Бляшка с орнаментом	»	5,5	0,15	–	0,15	>0,1	0,09	0,065	0,12	0,015	0,004	0,008
26422	Булавка	»	6,0	0,05	–	0,012	0,003	0,045	0,085	0,015	0,007	0,005	<0,001
26423	Шило	»	2,5	0,06	0,07	0,002	0,05	0,015	0,18	0,07	0,012	0,012	<0,001
26424	Крючок	»	1,7	0,12	–	0,0009	0,1	0,012	0,2	0,55	0,0065	0,015	–
26425	Кольцо	»	5,5	0,009	?	0,001	0,09	0,03	0,1	0,012	0,045	0,015	0,004
26426	Кольцо	»	2,7	0,06	–	0,015	0,05	0,06	0,09	0,012	0,015	0,01	<0,001
26427	Бляшка с петелькой	»	6,0	0,004	–	0,9	0,07	0,05	0,1	0,025	0,0025	0,004	0,008
26428	» восьмеркообразная	»	6,5	0,025	–	0,018	0,04	0,15	0,3	0,15	0,045	0,005	<0,001
26429	» со шпеньком	»	1,0	0,01	?	0,0009	0,015	0,15	0,3	0,4	0,015	0,005	<0,001
26430	Полуфабрикат-заготовка	»	7,0	0,06	0,04	0,002	0,07	0,012	0,1	0,04	0,007	0,006	<0,001

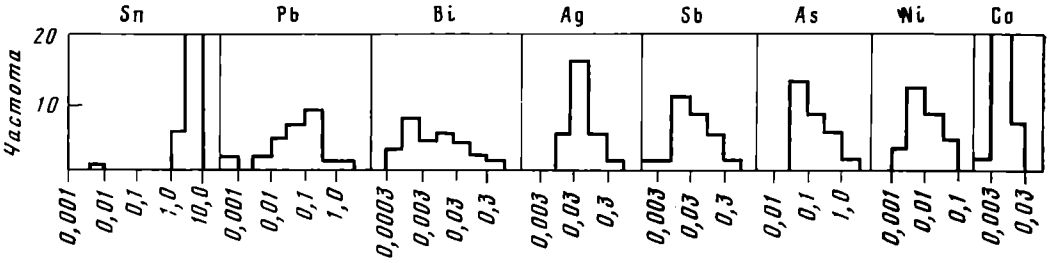


Рис. 1. Частотные гистограммы распределения концентраций примесей в меди Шамшинского клада

находок эпохи поздней бронзы, происходящих с территории Средней Азии, Волго-Урала, Семиречья и Казахстана [4].

При этом следует отметить, что мы имеем достаточно полные сведения о химическом составе бронз только двух первых регионов — Средней Азии и Волго-Уралья. Металл остальных, насколько нам известно, был изучен исследователями полуколичественным методом анализа. Кроме того, химическая характеристика казахстанских бронз дана лишь по семи элементам из 13, нами учитываемых. В этой связи выводы, полученные при сравнительном анализе шамшинской меди с комплексами Семиречья и Казахстана, носят предварительный характер и нуждаются в дополнительной проверке.

Сравнительный анализ показывает, что по набору примесей металл изделий Шамшинского клада сходен с металлом химической группы ВУ (волго-уральской), выделенной Е. Н. Черных в материалах андроновской, срубной, поздняковской и приказанской культур, очаги которых составили одну из крупных металлургических провинций — Евразийскую, существовавшую на территории СССР во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э.[5] Географически эта группа концентрируется преимущественно на Урале, частично затрагивая бассейны рек Волги и Дона[6]. Некоторое сходство наблюдается с бронзами Семиречья, для большинства которых характерен примерно тот же состав примесей, что и для изделий Шамшинского клада[7].

Резко отличен от меди клада металл Восточного Казахстана[8]. Для бронзовых сплавов данного района отмечено отсутствие никеля, частично мышьяка и повышенное содержание сурьмы. Не прослеживаются металлургические связи клада и с Северным Казахстаном, медь которого отличается отсутствием мышьяка, никеля и редкой встречаемостью сурьмы[9].

Не находим мы убедительных параллелей химическому составу шамшинского металла среди находок в памятниках так называемого «андроновского» круга в Средней Азии (кайраккумская и бишкентская культуры, Чимбайлыкский клад, погребения у пос. Искандер и т. п.).

---

[4] *Черников С. С.* К вопросу о составе древних бронз Казахстана.— СА, XV, 1951; *Копылов И. И.* К вопросу о составе древних бронз Семиречья.— Уч. зап. АГПИ им. Абая, т. IX, 1955; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ В 4—9. М., с. 109; *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. Были использованы также результаты спектрального анализа металлических предметов Ташкентской области и Ферганы, полученные в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР.

[5] *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, 1978, № 4.

[6] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, с. 29, 31, 33, рис. 20, *24, 29.*

[7] *Копылов И. И.* Ук. соч., с. 41—44.

[8] *Черников С. Е.* К вопросу..., с. 143, 144, табл. 1.

[9] Там же, с. 145, 146, табл. 2.

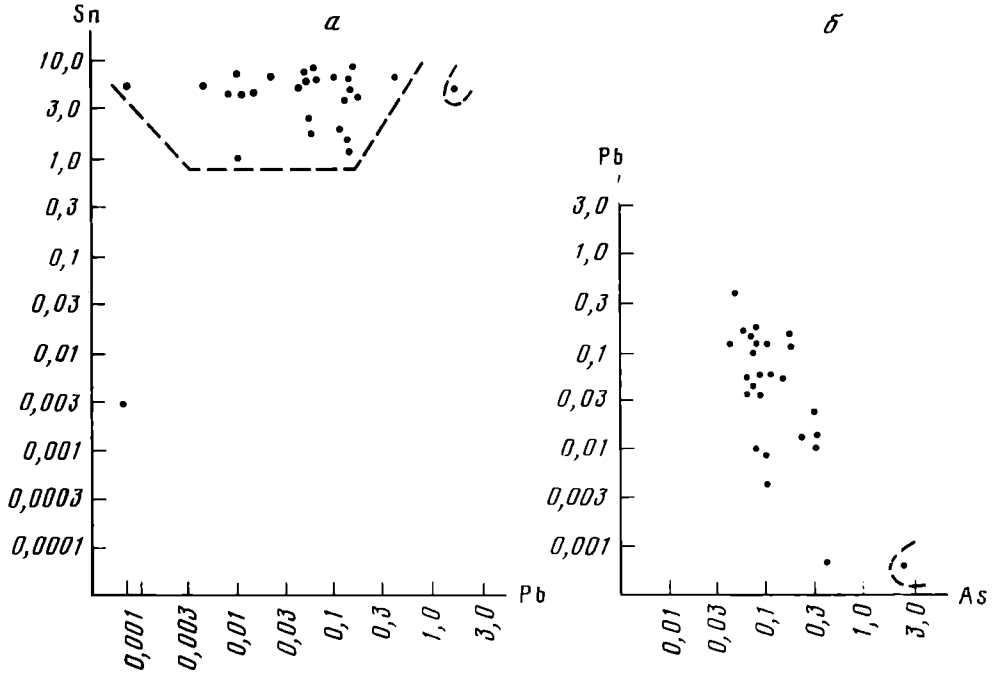


Рис. 2. Корреляционные графики зависимости концентраций примесей Sn—Pb и Pb—As в меди Шамшинского клада

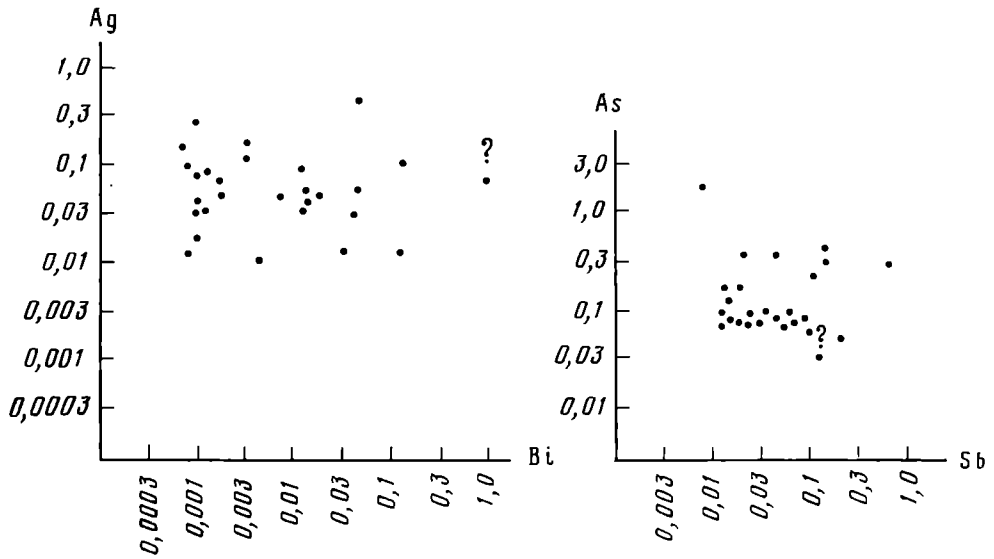


Рис. 3. Корреляционные графики зависимости концентраций примесей Ag—Bi и As—Sb в меди Шамшинского клада

Отличен от рассматриваемого здесь и цветной металл чустской культуры из Ферганы (поселения Чуст и Дальверзин), а также памятников бургулюкской культуры Ташкентской области.

Для сплавов «андроновской» группы памятников характерны более высокие включения таких примесей, как свинец, сурьма и мышьяк, для фергано-ташкентских бронз — повышенное содержание висмута, сурьмы и никеля.

Наличие характерных сочетаний примесей в химических составах бронз вышеотмеченных районов приводит к заключению, что металлообработка каждого из них базировалась на различных источниках сырья. В отличие от казахстанских и узбекистанских месторождения Киргизии

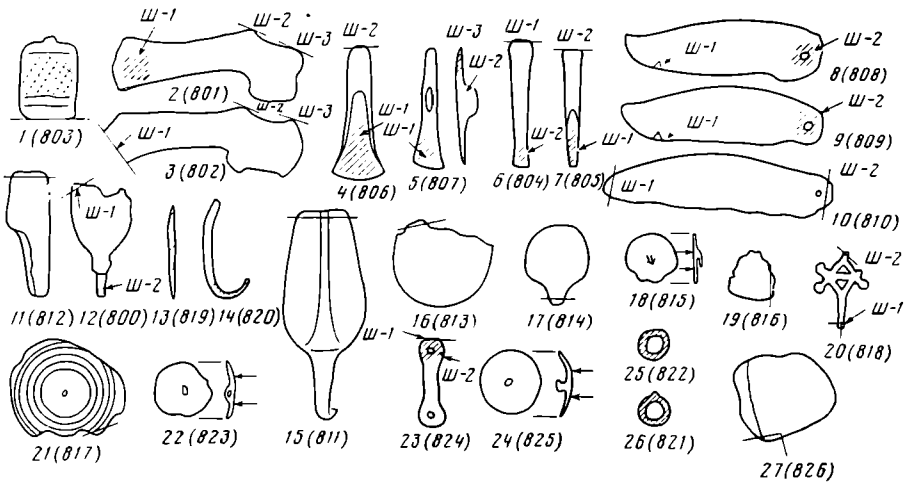


Рис. 4. Расположение шлифов на изделиях Шамшинского клада. Штриховкой показана плоскость поверхностной подполировки, место среза обозначено секущей. В скобках — номера структурных анализов (№ 22, 25—27 даны в масштабе 1 : 2, остальные — 1 : 4)

недостаточно изучены в археологическом плане. Очень отрывочны сведения и об их геохимических характеристиках[10]. Все это не позволяет нам делать каких-либо окончательных заключений о конкретных источниках сырья. Опираясь на результаты спектроаналитического изучения, можно лишь предполагать, что для металла группы изделий ВУ, Шамшинского клада и отчасти семиреченских бронз использовались руды геохимически близких месторождений, локализация которых пока остается неизвестной.

Обратимся теперь к результатам технологического исследования, которому были подвергнуты все 27 предметов клада. Оно состояло из поверхностного их осмотра в бинокулярный микроскоп МБС-1, микроструктурного анализа их металла и измерения его твердости. Микроскопический анализ проводился на металломикроскопе МИМ-7, для измерения твердости использовался микротвердомер ПМТ-3. Необходимые для микроструктурного анализа шлифы, как правило, делались на подполированных срезах металла, взятых из различных частей изделия (например, с лезвийной и втульчатой части топора или с лезвийной и черешковой части серпа и т. д.). Но в ряде случаев, когда важно было получить шлиф без значительного повреждения формы предмета, приходилось ограничиваться только поверхностной его подполировкой (рис. 4).

Особенности наблюдаемых в микроскоп структур древнего металла определяются в наибольшей степени его исходным составом и методами его обработки. Однако иногда характер микроструктуры зависит и от условий использования готовой вещи, особенно если она подвергалась сильному ударному действию. Поэтому наиболее целесообразно приступить к рассмотрению технологии шамшинского комплекса, исходя из функциональных особенностей его изделий.

Самую многочисленную категорию шамшинских находок составляют орудия труда: 14 из 27 предметов. В зависимости от функции их можно подразделить на три группы: орудия ударного действия (топоры, тесла, молоток, долото, зубило), режущего действия (серпы, нож, бритва), колющего действия (шило, рыболовный крючок).

Для большинства орудий ударного действия характерны наиболее высокие концентрации олова в исходном сплаве — от 6,5 до 7,5% (таблица). Только в двух случаях наблюдается меньшее содержание олова: в составе металла вислообушного топора без гребня (4% Sn, рис. 4,*2* ан 26404) и в составе металла зубила (1,8% Sn, рис. 4, *7*, ан. 26409). Высокие кон-

[10] *Мушкетов И. В.* Туркменистан, т. 11. СПб., 1906, с. 272—277.

центрации олова можно считать вполне оправданными для орудий, используемых в ударной функции, так как с увеличением его содержания в сплаве резко возрастает его твердость и прочность [11].

Среди орудий ударного действия двумя экземплярами представлены топоры, относящиеся к различным типологическим вариантам топоров туркестанского типа [12]. Оба топора отлиты в двусторонних литейных формах со вставным стержнем, при помощи которого формовали их втулку. Однако конструктивные детали этих форм, их положение в момент заливки металла, а также характер последующей кузнечной доработки литых заготовок оказались у каждого орудия различными. Визуальный осмотр спинки топора без гребня (рис. 4, *2*) в бинокулярный микроскоп обнаружил остатки основания литника неподалеку от втулки орудия. Здесь же прослежены и остатки литейного шва, идущего от вершины лезвия к центральной части втулки. Очевидно, что исходная двустворчатая форма была полностью закрытой, а заливка в нее металла производилась через литник, расположенный над спинкой орудия. Литник был перпендикулярен продольной оси рабочей полости формы, которая в момент заполнения металлом находилась в горизонтальном положении. Подобный вариант литейных форм для отливки топоров туркестанского типа, увенчанных на обухе гребнем, известен по находкам в пункте № 16 в Кайраккумах [13].

Литая заготовка топора была подвергнута существенной доработке ковкой. Этот вывод документируется результатами микроскопического исследования его металла. В микроструктуре на фоне обычных для кузнечной обработки полиэдрических кристаллов местами угадываются очертания первоначальных дендритов литого сплава (рис. 5, *1*, *2*). Поблизости от лезвия (шлиф № 1, рис. 4, *2*) они имеют нечеткие контуры, почти полностью размытые деформацией, поблизости от проушины (шлифы № 2, 3) — более отчетливые [14]. Следы сильной проковки лезвия, особенно в той его части, которая примыкает к брюшку топора, хорошо различимы визуально в виде волнообразно выклинивающихся наплывов металла. Характер этих наплывов, плавность их границ, позволяет думать, что ковка велась вгорячую при температуре выше 400° [15]. В этом убеждают и структурные показатели: глубокие трещины в металле орудия (рис. 5, *1*) — неизбежное следствие его красноломкости при повышенном содержании свинца (0,12%; таблица, ан. 26405) [16].

Топор с гребнем (рис. 4, *3*) сохранил остатки литника на наружной задней стенке втулки (пятке топора). Полукруглый выступ основания литникового канала, как показало его изучение в бинокулярный микроскоп, соединялся с краями втулки кромкой литейных швов. Их следы заметны также на спинке и брюшке орудия. Таким образом, отливка производилась в двусторонней форме, литниковый канал которой совмещался с обушной частью топора. Его направление совпадало с продольной осью полости формы, находившейся в момент заполнения металлом в вертикальном положении. В соответствии с результатами визуальных наблюдений находятся и микроструктурные показатели. Известно, что при за-

---

[11] *Смирягин А. П.* Промышленные цветные металлы и сплавы. М., 1956, с. 254.

[12] *Кожомбердиев И. К., Кузьмина Е. Е.* Ук. соч.

[13] *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайраккумов. Душанбе, 1962, с. 212, 213, табл. 36, 37.

[14] Методические принципы технологической расшифровки структур, связанных с отливкой изделия и его последующей деформацией, подробно рассмотрены нами при исследовании болгарского металла эпохи энеолита и бронзы (см. *Рындина Н. В., Орловская Л. Б.* Приложение № 1 к кн.: *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978, с. 288).

[15] *Новиков И. И., Захаров М. В.* Термическая обработка металлов и сплавов. М., 1962, с. 101.

[16] *Берман С. И., Истомин П. С.* Прокатка цветных металлов, ч. I. М.— Л.— Свердловск, 1934, с. 22.

ливке металла в закрытую форму растворенные в нем газы устремляются в сторону литника, фиксируя в готовом изделии место его расположения [17]. Наибольшая концентрация газовых раковин в металле топора приходится на участки его корпуса, находящиеся поблизости от пятки орудия (шлиф № 3, рис. 4,*3*).

Газовые поры и раковины, изобильные у литника и редкие вдали от него (шлифы № 1—2, рис. 4, *3*), размещаются в междендритных ячейках литого сплава. Характер его дендритной структуры в отличие от предшествующего топора выражен отчетливо и у лезвия, и у втулки. Менее отчетливо проявлены мелкие полиэдрические кристаллы и двойники, наложенные на сеть первоначальных дендритов (рис. 5, *3*). Очевидно, что кузнечная доработка заготовки топора не сопровождалась сильным обжатием металла и была направлена на удаление пороков литья.

Следы сильного наклепа прослежены только на самой кромке лезвия. Это отразилось в появлении здесь вытянутых, размытых дендритов с многочисленными линиями сдвига, в заметном увеличении твердости металла (у лезвия — 238 *кг/мм*^{2}, у выхода втулки — 202 *кг/мм*^{2}, по Виккерсу). Местный наклеп лезвия связан не с деформацией металла в момент формовки орудия, а с последующим его использованием в сильном ударном действии по очень твердому материалу. Этот вывод вытекает из явных внешних признаков сильной сработанности лезвия (притупленность, заваленность его кромки, наличие глубоких поперечных рисок). Вполне вероятным кажется предположение, что топор применялся в качестве отбойного инструмента при раздроблении горной породы или каменистой почвы [18].

Кельтообразный молоток Шамшинского клада (рис. 4, *1*) отлит в двусторонней литейной форме со вставным стержнем. На узких боковых гранях молотка видны остатки литейных швов, а на ободке втулки по центру широких граней — затеки металла, образовавшиеся по месту крепления вставной шишки к стенкам формы. Ромбовидный орнамент, украшающий поверхность орудия, получен в процессе литья. Четкость и правильность его рельефных борозд говорит об использовании формы, сделанной из камня.

После отливки изделие не подвергалось никакой дополнительной обработке: крупные дендриты, выявленные на шлифе, полученном подполировкой рабочего окончания орудия, совершенно не нарушены деформацией (рис. 5, *4*). Полное отсутствие следов деформации объясняет низкие показатели твердости сплава, содержащего 6,5% Sn (149 *кг/мм*^{2}, по Виккерсу, см. ан. 26407, таблицу).

Пальстабовидный топор-тесло с уступом (рис. 4, *4*), относящийся к типу изделий, широко распространенных на территории Киргизии и Казахстана [19], отлит в двусторонней литейной форме, одна из створок которой была плоской. Форма имела литник, прорезанный со стороны обушной части орудия, и в момент литья находилась в вертикальном положении [20]. В этом убеждает характер распределения литейных пор в металле топора-тесла: их количество увеличивается по мере продвижения от его лезвия к обуху (рис. 5, *5*, *6*).

---

[17] *Tylecote R. F.* Metallurgy in Archaeology. London, 1962, p. 24; *idem.* Casting copper and bronze into stone moulds.— BHMG, № 7, 1973, p. 2.

[18] Экспериментальные исследования, проведенные в лаборатории структурного анализа при кафедре археологии МГУ, показали, что ударные работы по дереву и близким ему по твердости материалам не отражаются на форме и исходной структуре орудий труда. См. *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971, с. 24—29.

[19] *Кожомбердиев И. К., Кузьмина Е. Е.* Ук. соч.

[20] Аналогичная литейная форма найдена в с. Александровское в Чуйской долине.— Тр. Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина (МИА, № 14), 1950, с. 98, 106, табл. XXXVIII.

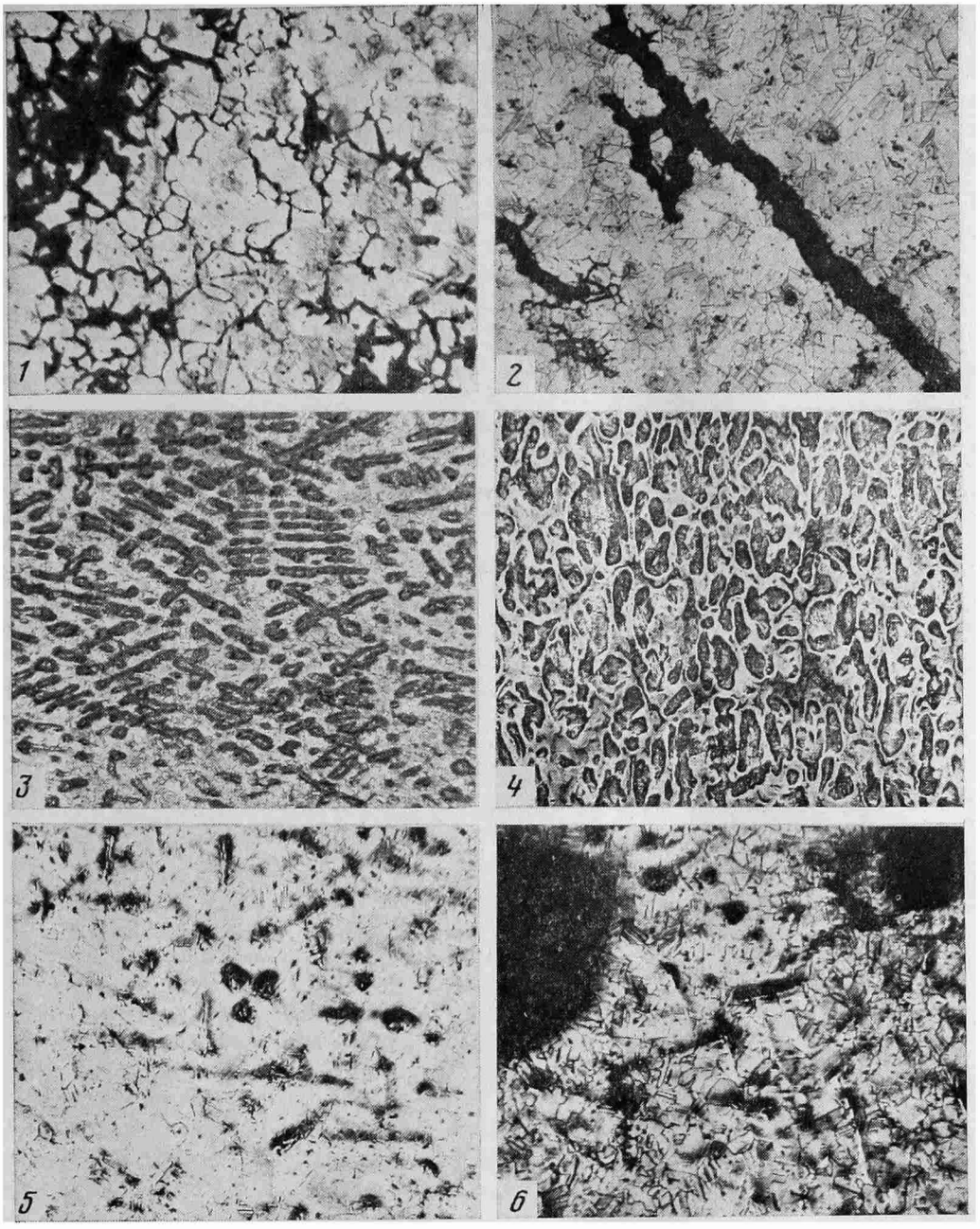


Рис. 5. Фотографии микроструктур (увел. 120). *1, 2* — топор, ан. 801 (шл. № 1); *3* — топор, ан. 802 (шл. № 1); *4* — молоток, ан. 803; *5, 6* — тесло, ан. 806 (*5* — шл. № 1, у лезвия; *6* — шл. № 1, у уступа)

Операции по кузнечной доработке отливки не привели к существенному изменению ее первоначальной литой структуры (разветвленные дендриты на фоне полиэдрических кристаллов и двойников). Доработка была связана только с удалением литейных швов, заусенцев, поверхностных затеков. Она велась вхолодную и сопровождалась промежуточными нагревами — отжигами металла (отсутствие следов красноломкости при повышенном содержании свинца и висмута в сплаве, ан. 26410, таблица). Показатели твердости металла — 162,4 *кг/мм*² (поблизости от лезвия).

Интересна технология изготовления миниатюрного тесла с выступающим лобным ушком (рис. 4, *5*). Вначале отливалась в открытой литейной форме заготовка орудия, на что указывает усадочная раковина на его

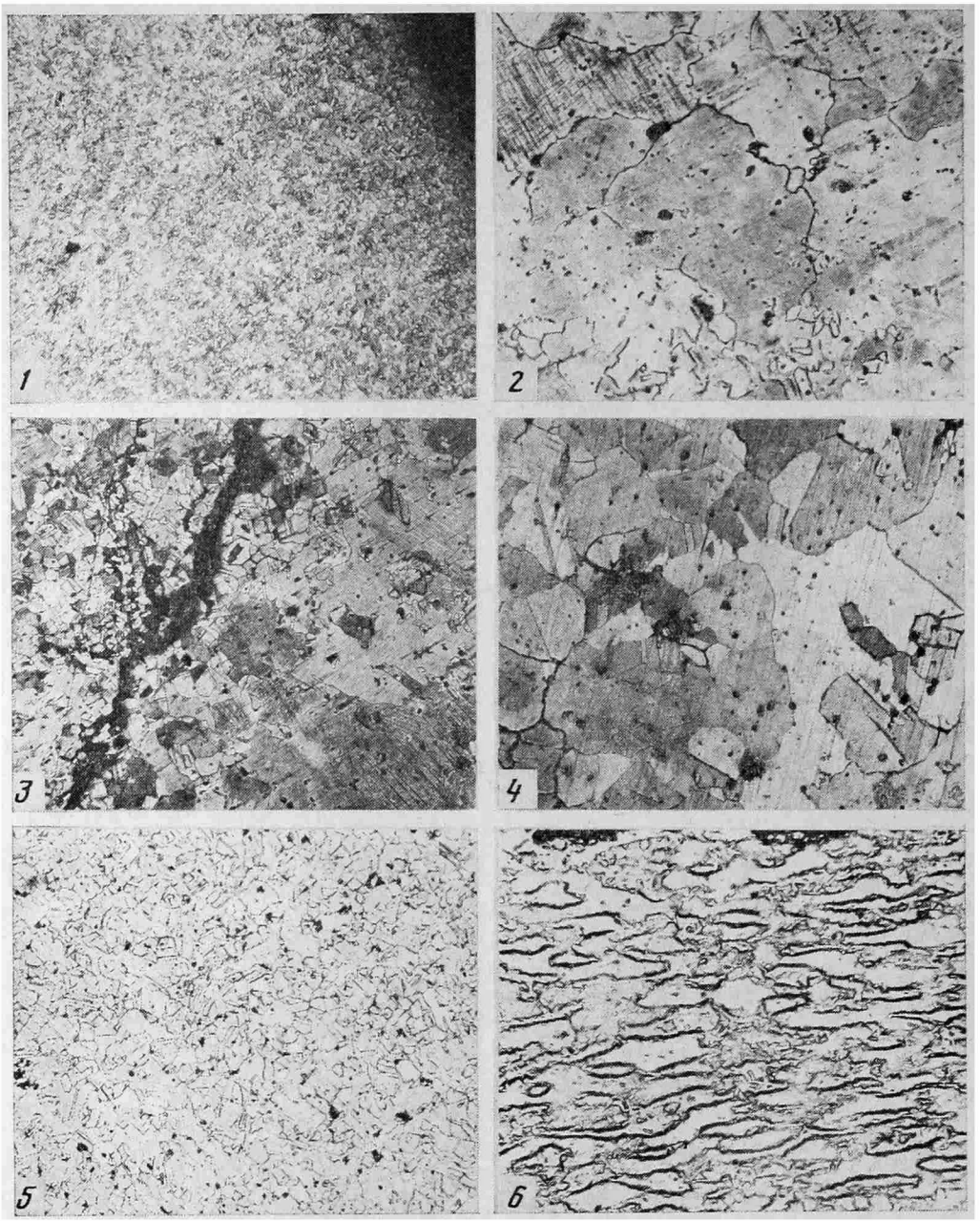


Рис. 6. Фотографии микроструктур (*1—4, 6* — увел. 120; *5* — увел. 200). *1—4* — тесло, ан. 807 (*1* — шл. № 1, у лезвия; *2, 3* — шл. № 1, в центре широкой грани; *4* — шл. № 2); *5* — долото, ан. 804 (шл. № 2); *6* — серп, ан. 808 (шл. № 1)

спинке. Затем заготовка подвергалась длительному отжигу при температуре 700—800° (так называемый отжиг гомогенизации). Отжиг был использован для улучшения механических свойств исходного сплава (Cu+ +7% Sn, ан. 26411), прежде всего для повышения его пластичности[21]. Дело в том, что литые оловянистые бронзы с концентрацией олова выше 6—7% плохо поддаются кузнечной обработке из-за присутствия в них включений хрупкой и твердой структурной составляющей (эвтектоид $\alpha+Cu_{31}Sn_8$). Гомогенизирующий отжиг позволяет выравнивать состав таких бронз: при высокотемпературной выдержке эвтектоид рассасывается

[21] *Туркин В. Д., Румянцев М. В.* Структура и свойства цветных металлов. М., 1947, с. 202, 211; *Новиков И. И., Захаров М. В.* Ук. соч., с. 26, 27.

(переходит в однородный твердый раствор α) [22]. Одновременно происходит перестройка всей структуры сплава: дендритные кристаллы заменяются крупными полиэдрическими зернами плавно округлых очертаний [23]. Присутствие такого рода зерен отчетливо зафиксировано при микроскопическом исследовании тесла (шлифы № 1, 2, рис. 4, *5*; 6, *3*, *4*).

Целесообразность использования отжига гомогенизации в данном случае не вызывает сомнений: литая заготовка тесла была прокована, причем ковка привела к существенному видоизменению ее исходной формы. Структурно это отразилось в появлении измельченных полиэдрических кристаллов и двойников, покрытых линиями сдвига. Поблизости от лезвия они сплошь заполняют все поле зрения микроскопа (рис. 6, *1*), вдали от него образуют отдельные скопления по соседству с округлыми полиэдрами гомогенизации (рис. 6, *2*—*4*). Значит, кузнечная доработка лезвийной части орудия велась особенно тщательно и сопровождалась сильной растяжкой металла. Возможно, что она имела здесь преднамеренно упрочняющий характер [24]. Неожиданно просто решается вопрос о ее температурных режимах. Начиналась она вгорячую, при температуре выше порога рекристаллизации металла (>400°), а завершалась практически вхолодную (следы красноломкости в структуре в сочетании с присутствием в ней линий сдвига).

Технологическая схема изготовления желобчатого долота с овальной втулкой (рис. 4, *6*) по последовательности слагающих ее операций весьма близка технологии изготовления рассмотренного тесла. Заготовка орудия получена отливкой, в данном случае в двусторонней форме со вставным стержнем (следы литейных швов по бокам втулки). Затем проведено гомогенизирующее выравнивание состава ее металла при температуре 700—800° (полиэдрические зерна гомогенизации на втулке — шлиф № 1, отсутствие включений эвтектоида при 7% Sn в сплаве, ан. 26408). В заключение литая заготовка подвергнута тщательной проковке, которая осуществлялась вхолодную и сопровождалась периодическими отжигами металла для снятия в нем возникающих при деформации напряжений. Измельченная полиэдрическая структура лезвийной части орудия (шлиф № 2) позволяет заключить, что она подвергалась особенно длительной и сильной проковке (рис. 6, *5*).

Другое втульчатое орудие шамшинского комплекса (рис. 4, *7*), которое по формальным признакам также было отнесено к категории долот [25], после проведенного нами исследования, кажется, более обоснованно называть зубилом.

Важные наблюдения были сделаны при изучении микроследов сработанности рабочего окончания орудия в бинокулярный микроскоп. Они выражены очень четко и имеют вид глубоких, перпендикулярных рабочему краю линий. Такого рода линейные следы удалось получить в лабораторных условиях при опытном разрубании медных и бронзовых пластин металлическим зубилом. Многократно повторенные опыты показали, что правильное разрубание, сопровождаемое прямолинейным ударным действием, неизменно приводит к их появлению.

Обращают на себя внимание и особенности формы орудия, свидетельствующие о его использовании в сильном ударном действии: заваленность рабочей кромки его лезвия, заметная расклепанность ободка втулки, общая дугообразная изогнутость профиля.

Как и следовало ожидать, в микроструктуре зубила получили отражение не только первоначальные операции, связанные с формовкой его ме-

---

[22] *Шиммель А.* Металлография технических медных сплавов. М.— Л.— Свердловск, 1933, с. 84; *Бочвар А. А.* Атлас по металлографии цветных металов. М., 1930, с. 12, 13.

[23] *Лившиц Б. Г.* Металлография. М., 1963, с. 60.

[24] Из-за сложности формы орудия измерить твердость его металла не удалось.

[25] *Кожомбердиев И. К., Кузьмина Е. Е.* Ук. соч.

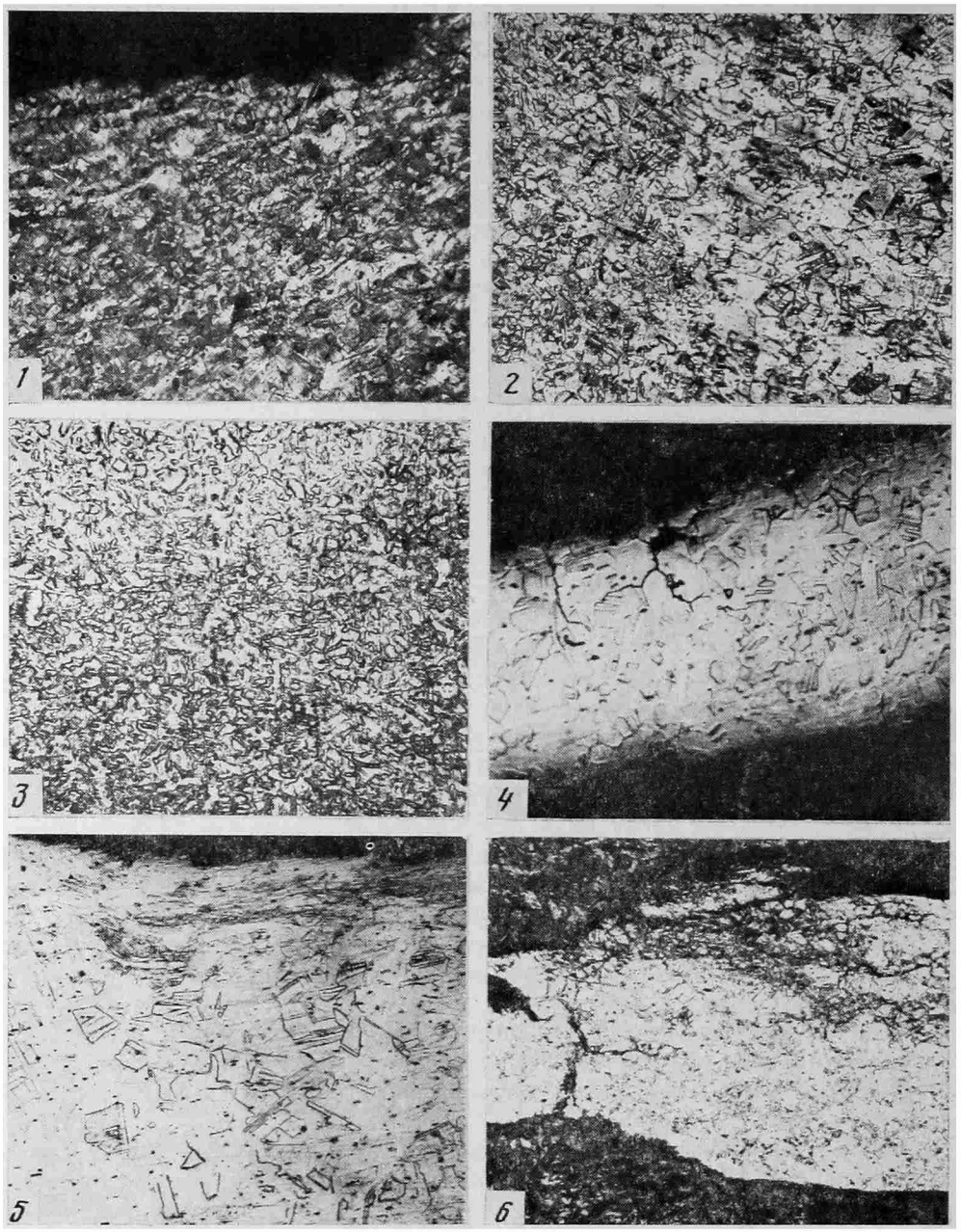


Рис. 7. Фотографии микроструктур (*1, 2, 4* — увел. 200; *3, 6* — увел. 120; *5* — увел. 340). *1* — серп, ан. 808 (шл. № 2); *2* — серп. ан. 809 (шл. № 1); *3* — серп, ан. 810 (шл. № 1, у спинки серпа); *4, 5* — нож, ан. 812 (*4* — у лезвия; *5* — у спинки); *6* — бритва, ан. 800 (шл. № 1)

талла, но и вторичные деформирующие воздействия. Поэтому технологию его изготовления удается восстановить только в самых общих чертах.

Заготовка изделия отливалась в двусторонней литейной форме (остатки литейных швов на втулке, размытые дендриты в структуре рабочей части орудия — шлиф № 1). Она подвергалась доработке ковкой, которая велась вхолодную и сопровождалась разупрочняющими отжигами (полиэдры, наложенные на сеть остаточных дендритов; отсутствие трещин красноломкости в металле, обогащенном свинцом — 0,12%, ан. 26409).

Следующая рассматриваемая группа орудий труда — орудия режущего действия. Они представлены в Шамшинском кладе тремя серпами-косарями, бритвой и обломками ножа.

Серпы-косари отличаются пониженным содержанием олова в сплаве (от 1,7 до 5% Sn, ан. 26412—26414). Такой подбор концентрации олова находится в связи с функциональными особенностями этих орудий: необходимость периодической заточки и подправки их лезвий требовала, чтобы металл обладал и твердостью, и достаточной пластичностью.

При металлографическом изучении на шлифах всех трех орудий (рис. 4, *8—10*; 6, *6*; 7, *1*, *3*) прослежены в целом сходные структуры, различающиеся лишь отдельными деталями. Они слагаются из остаточных древовидных кристаллов и наложенных на них кристаллов полиэдрических. Поблизости от рабочего края на фоне полиэдров появляются линии сдвига (рис. 7, *2*). Судя по микроструктурным данным, технологическая схема исполнения серпов-косарей состояла из трех сменявших друг друга операций: 1) отливки заготовки в односторонней литейной форме; 2) доработки заготовки ковкой; 3) заточки готового изделия.

Характер кузнечной доработки литых заготовок был различным у разных орудий и в отношении степени обжатия металла, и в отношении температурных условий. Так, два серпа-косаря (рис. 4, *8*, *9*) после отливки были подвергнуты сильной проковке, которая сопровождалась повсеместным обжатием и вытяжкой металла. Проковка привела к заметному изменению первоначальной дендрической структуры, к полному перераспределению включений эвтектоида $\alpha+Cu_{31}Sn_8$ (рис. 7, *1*, *2*). Иной характер носила доработка третьего серпа (рис. 4, *10*). Здесь ковка вызвала существенное нарушение дендритов только на рабочей кромке изделия (шлиф № 1). Видимо, она была связана с его вытяжкой и упрочнением. Необходимость преднамеренного упрочнения была подсказана низким содержанием олова в сплаве (1,7%).

Температурные условия ковки в наибольшей мере проясняются результатами замеров твердости металла орудий. В соответствии с предложенными ранее методическими принципами разграничения горячей и холодной деформации замеры твердости производились до и после опытного часового отжига образцов при температуре 600°[26]. На одном из серпов-косарей (рис. 4, *9*) показатели обоих замеров оказались близкими (191 и 188 *кг/мм*^{2}), что свидетельствует о холодной его проковке, сопровождаемой промежуточными отжигами. На двух других серпах (рис. 4, *8*, *10*) разрыв в показателях твердости до и после отжига металла фиксирует факт его горячей обработки (189,9 и 121,4 *кг/мм*^{2}, 101 и 74,5 *кг/мм*^{2})[27].

Обломок однолезвийного ножа с обособленной рукоятью (рис. 4, *11*) выделяется среди находок Шамшинского клада необычностью состава своего сплава: в нем присутствует 2,5% As, что позволяет отнести его к группе мышьяковистых бронз (ан. 26416). По своей технологии нож также отличен от других предметов клада. Он получен с помощью различных операций кузнечной обработки металла. Никаких следов использования литья при его металлографическом исследовании обнаружить не удалось (отсутствие остаточных дендритов в полиэдрической структуре, запрессованность литейных пор, рис. 7, *4*, *5*).

В качестве исходного полуфабриката была использована удлиненная, тщательно прокованная пластина. Лезвие ножа формовалось ее расплющиванием и вытягиванием, рукоять — изгибанием ее края. Все кузнечные операции проводились вгорячую. В этом убеждают как микроструктурные показатели (плавная вытянутость хрупких включений сульфида меди), так и замеры твердости металла до и после его опытного отжига (до отжига 119 *кг/мм*^{2}, после отжига 80,3 *кг/мм*^{2}). Завершала обработку изделия заточка его лезвия (наличие линий сдвига в структуре).

---

[26] *Рындина Н. В.* Ук. соч., с. 38, 39.

[27] Опытный отжиг был проведен только для изделий, с которых удалось получить необходимый для этого срез металла.

Технология изготовления бритвы оказалась сходной с технологическими схемами двух уже рассмотренных орудий — желобчатого долота и тесла с лобным ушком. Вначале в двусторонней литейной форме отливалась заготовка изделия (литейные швы на черешке, литейные раковины в полиэдрической структуре металла, рис. 7, *6*). Затем она длительно отжигалась при температуре 700—800° (отсутствие дендритов и включений эвтектоида в литом сплаве с 8% Sn, ан. 26404). В заключение заготовка проковывалась вгорячую. Горячую доработку подтверждают присутствующие в металле трещины красноломкости, неизбежные при высоком содержании в нем свинца, а также результаты измерения его твердости (до отжига 183,2 *кг/мм*^{2}, после отжига 154,3 *кг/мм*^{2}). Ковка была направлена не только на удаление пороков литья, но и на сильную растяжку и упрочнение лезвийной части бритвы (измельченность полиэдров у лезвия, появление линий сдвига, рис. 7, *6*). Интересно в этой связи вспомнить о конструктивных особенностях двусторонней литейной формы, хранящейся в Шадринском музее[28]. Она служила для отливки бритвы, близкой по форме шамшинской. Контуры лезвийной части орудия обозначены на ней желобком, прорезанным глубже, чем основная плоскость ее рабочей полости. Таким образом, при отливке по краям изделия создавался запас металла, необходимый для растяжки и заострения его рабочего края.

Оба колющих орудия Шамшинского клада — шило (рис. 4, *13*) и рыболовный крючок (рис. 4, *14*) — отформованы одной свободной ковкой из прямоугольного в сечении прутка-заготовки.

Шило ковалось вгорячую. Только при горячей обработке хрупкие включения эвтектоида $\alpha+Cu_{31}Sn_8$, присутствующие в его полиэдрической структуре, могли приобрести четкую линзовидную вытянутость (рис. 8, *1*). Невзирая на низкую концентрацию олова в сплаве (2,5%, ан. 26423), рабочая часть изделия специальному упрочнению не подвергалась. В соответствии с этим заключением находятся и показатели ее твердости (123,5 *кг/мм*^{2}).

Рыболовный крючок ковался вхолодную и периодически отжигался (отсутствие следов красноломкости в металле при высоком содержании в нем свинца, извилисто-угловатые очертания включений эвтектоида, рис. 8, *2*). Наблюдаемая на микрошлифе изделия полиэдрическая структура возникла в процессе заключительного разупрочняющего отжига. Твердость металла на заостренном окончании орудия говорит о том, что оно также не упрочнялось специально (77,5 *кг/мм*^{2} при содержании олова 1,7%, ан. 26424).

Оружие в Шамшинском кладе представлено одним наконечником копья (рис. 4, *15*). Его заготовка была отлита в двусторонней литейной форме (остатки литейных швов на черешке, следы дендритов в полиэдрической структуре металла, рис. 8, *3*). Для отливки использована оловянно-свинцовистая бронза (5,5% Sn+1,7% Pb). Присутствие свинца увеличивало жидкотекучесть сплава[29], а это было важным при литье пера копья, имевшего большую длину и тонкое сечение.

Заготовка изделия была прокована. Ковка велась вхолодную и сопровождалась промежуточными нагревами металла (отсутствие следов красноломкости в микроструктуре, наличие в ней линий сдвига, показатели твердости металла до и после отжига — 197,8 и 183,2 *кг/мм*^{2}). Она была связана только с удалением пороков литья.

---

[28] *Дмитриев П. А.* Литейная форма Шадринского музея.— ТСА РАНИОН, т. V, 1930, с. 55, табл. II, *2*.

[29] Бронзы оловянистые, классификация. Пояснительная записка, отчет о научно-исследовательской работе. М., 1932, с. 29.

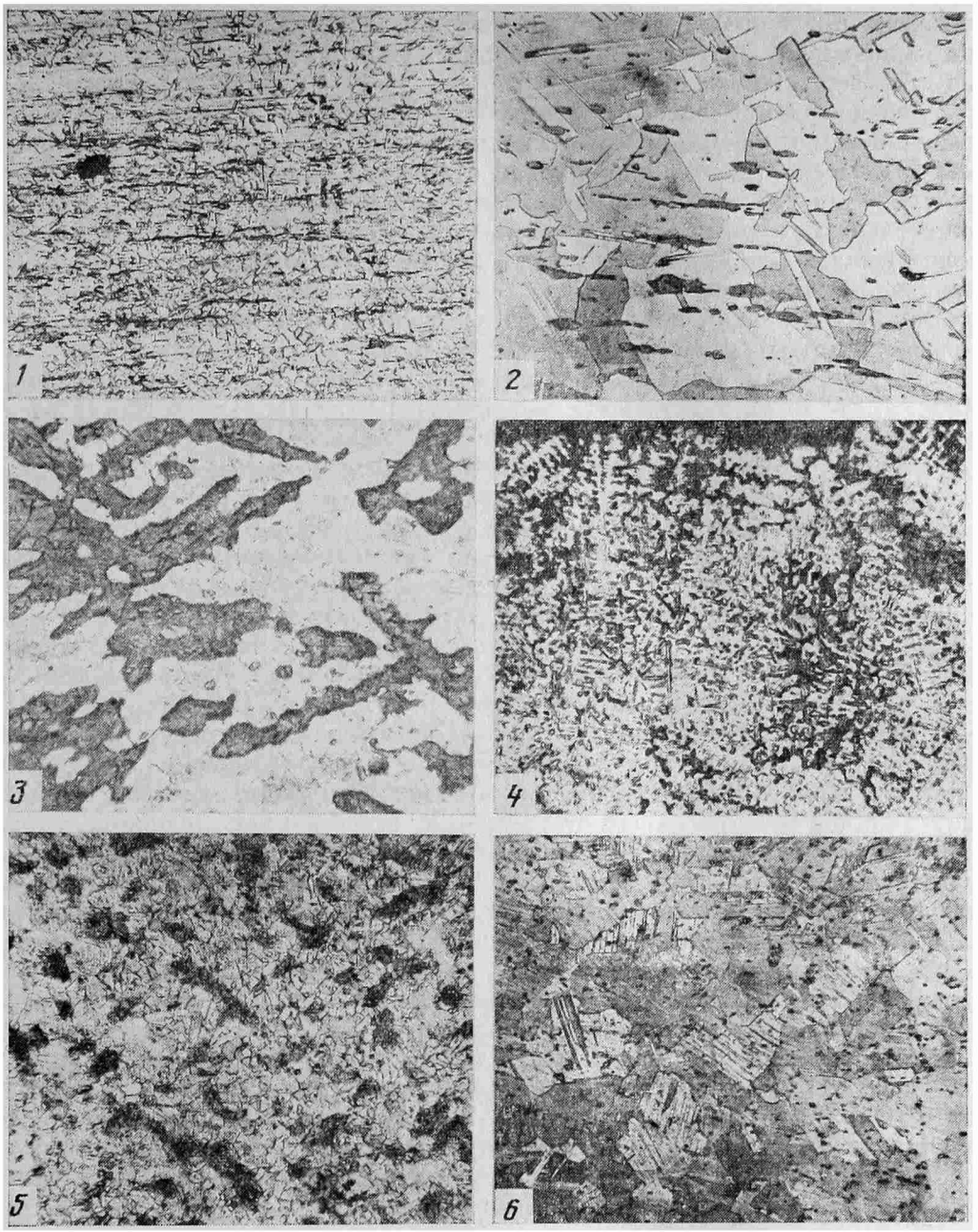


Рис. 8. Фотографии микроструктур (*1, 4* — увел. 120; *2, 3, 5, 6* — увел. 200). *1* — шило, ан. 819 (у острия); *2* — крючок, ан. 820; *3* — наконечник копья, ан. 811 (у лезвия); *4* — зеркало, ан. 816; *5* — зеркало, ан. 815; *6* — зеркало, ан. 813

В составе клада находятся четыре зеркала. Все они отлиты из оловянистой бронзы (5—6,5% Sn) в двусторонних литейных формах с плоскими крышками [30] и подвергнуты доработке ковкой.

Одно зеркало (рис. 4, *19*) после литья проковано вхолодную. В этом убеждает его мелкодендритная, с многочисленными линиями сдвига структура, почти не нарушенная деформацией (рис. 8, *4*). Ковка не привела к изменению формы отливки и была направлена на заглаживание пороков литья.

Второе зеркало проковано вгорячую (рис. 4, *18*). При этом степень обжатия металла при ковке была значительной (размытые дендриты на

[30] Такие формы для отливки зеркал известны по находкам на поселениях чустской культуры. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, № 118, 1962, табл. XX, *4*.

фоне четких полиэдрических кристаллов и двойников, рис. 8, *5*). Доработка ковкой не только выровняла пороки литья, но и существенно растянула края зеркального диска.

Более сложной оказалась доработка двух зеркал, выделяющихся повышенным содержанием олова в сплаве (6,5%, ан. 26417 и 26418; рис. 4, *16*, *17*). После отливки они прошли отжиг гомогенизации при температуре 700—800° (полиэдры гомогенизации на шлифах, рис. 8, *6*; 9, *1*). Отжиг сделал доступным сильную проковку и растяжку их дисков. Проковка велась вгорячую. Это подтверждают показатели твердости металла зеркал, резко снизившиеся после опытного часового нагрева (до нагрева 134,3 и 165,2 *кг/мм*^{2}, после — 110,4 и 97,4 *кг/мм*^{2}), а также следы красноломкости в их микроструктуре.

Единственная в Шамшинском кладе булавка с ажурным навершием (рис. 4, *20*) была отлита по восковой модели (следы заглаживания воска, воспроизведенные в металле навершия). Микроструктурное исследование установило, что литниковый канал формы был подведен к верхней части навершия, а сама форма в момент заливки стояла вертикально (концентрация литейных раковин на шлифе № 2, рис. 9, *3*). Кузнечной доработке была подвергнута только ножка литого украшения. В ее структуре (шлиф № 1, рис. 9, *2*) характерно сочетаются признаки литья и сильной последующей деформации металла: размытые остаточные дендриты и измельченные полиэдрические кристаллы и двойники. Доработка велась при высокой температуре ~700—800° (следы начавшейся гомогенизации в сплаве меди с 6% олова, ан. 26422; рис. 9, *3*).

Технологическое исследование четырех бляшек Шамшинского клада дало следующую картину. Две круглые, полусферические в профиле бляшки (рис. 4, *22*, *24*) вначале отливались в виде плоского диска: бляшка с петлей с внутренней стороны — в двусторонней литейной форме, а бляшка со шпеньком — в трехсторонней форме [31]. Литые дисковидные заготовки изделий отжигались при температуре 700—800° (наличие полиэдров гомогенизации в их структуре, рис. 9, *5*; 10, *1*). После отжига оба диска подвергались сильной кузнечной доработке, в процессе которой растягивались и загибались внутрь их края (полиэдры и двойники деформации по краевым зонам шлифов; рис. 9, *5*, *6*). Эти завершающие формовку изделий кузнечные операции осуществлялись вгорячую. Особо следует отметить, что при сходстве технологии изделий состав их металла различен. Бляшка с петлей содержит в металле 6% олова, бляшка со шпеньком — всего 1% олова (ан. 26427, 26429). Очевидно, что в первом случае отжиг гомогенизации был оправдан составом исходного сплава и использован преднамеренно для улучшения его пластических свойств; во втором случае он носил случайный характер.

Заготовка круглой бляшки с выпуклой серединой также вначале имела вид плоского литого диска (рис. 4, *21*). Окончательная форма придавалась ему кузнечной растяжкой (сильноразмытые дендриты на фоне полиэдрических кристаллов и двойников в бронзе с 5,5% Sn, рис. 9, *4*). Растяжка велась вхолодную и сопровождалась промежуточными отжигами металла: при повышенном содержании в нем свинца и висмута следы красноломкости в структуре отсутствуют (ан. 26421).

Восьмеркообразная бляшка (рис. 4, *23*) отлита из бронзы с 6% олова в односторонней литейной форме (обилие крупных литейных пор на плоской стороне изделия, ан. 26428). Характер микроструктуры у отверстий бляшки позволяет заключить, что они получены пробивкой ее литой заготовки (очень мелкие полиэдрические кристаллы и двойники на фоне

---

[31] Трехсоставная форма для отливки бляшек со шпеньком была найдена на Явленском поселении позднего бронзового века в Северном Казахстане. Приносим искреннюю благодарность В. Г. Здановичу, который предоставил нам возможность ознакомиться с этой находкой.

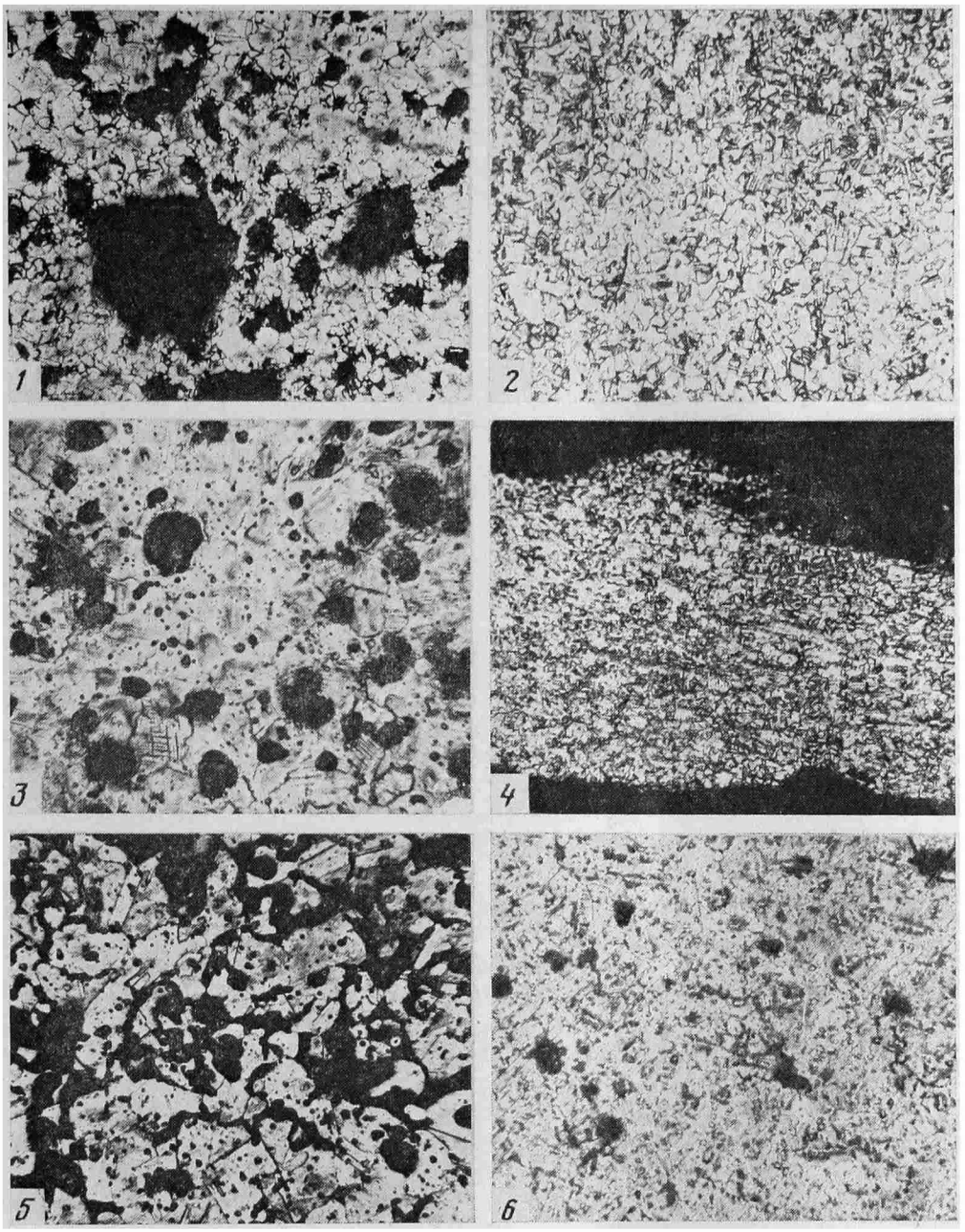


Рис. 9. Фотографии микроструктур (*1, 2, 4, 6* — увел. 120, *3, 5* — увел. 200). *1* — зеркало, ан. 814; *2, 3* — булавка, ан. 818 (*2* — шл. № 1; *3* — шл. № 2); *4* — бляшка, ан. 817; *5, 6* — бляшка, ан. 823

размытых дендритов, рис. 10, *3*). Твердость металла в районе отверстия — 164,8 *кг/мм*^{2}.

Оба кольца, представленные в кладе, отлиты в двусторонних литейных формах (литейные швы на их поверхности, рис. 4, *25, 26*). Судя по расположению остатков литника на одном из колец (рис. 4, *26*), его форма в момент заполнения металлом находилась в вертикальном положении. После отливки никакой дополнительной обработке изделия не подвергались. Их литая дендритная структура, типичная для оловянистых бронз (5,5 и 2,7% Sn, ан. 26425, 26426), совершенно не нарушена деформацией (рис. 10, *4, 5*).

Слиток-полуфабрикат Шамшинского клада отлит из бронзы с 7% олова (ан. 26430). Обнаруженные на фоне его дендритной структуры линии

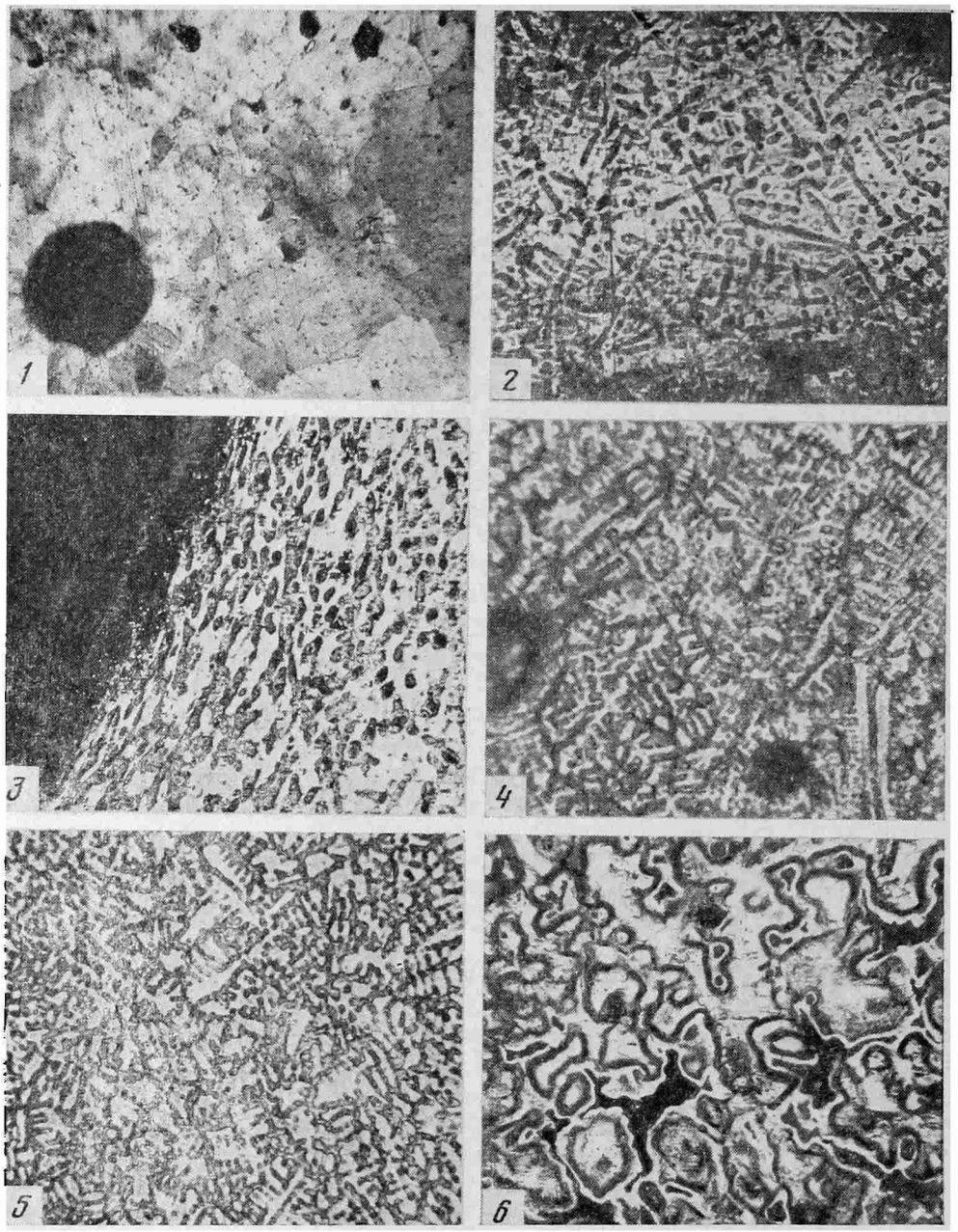


Рис. 10. Фотографии микроструктур (*1, 2, 4—6* — увел. 200; *3* — увел. 120). *1* — бляшка, ан. 825; *2, 3* — бляшка, ан. 824 (*2* — шл. № 1; *3* — шл. № 2); *4* — кольцо, ан. 821; *5* — кольцо, ан. 822; *6* — слиток-полуфабрикат, ан. 826

сдвига (рис. 10, *6*) связаны с нанесением на его поверхность зарубок. Зарубки сделаны зубилом с шириной лезвия 11 *мм*. Видимо, они предназначены для разметки участков, по которым следовало производить разрубание слитка по мере использования его металла.

Проведенное металлографическое исследование свидетельствует о высокой и достаточно единообразной технической культуре изготовления большинства изделий Шамшинского клада. Очевидно, что они исполнены мастерами, в совершенстве знавшими свойства оловянистых бронз и владевшими всеми методами их обработки. Дифференцированный подход к металлу, умение оценить его качества проявился в правильном подборе ими сырья для формовки большинства орудий ударного и режущего дей-

ствия. Весьма удачно подобрана лигатура и для отливки наконечника копья.

Давая общую оценку технологии шамшинских находок, нельзя не обратить внимание на широкое использование в схемах их изготовления различных видов литья (в односторонние, двусторонние и трехсторонние формы). Из 27 изделий, изученных металлографически, только три не обнаружили в своей структуре следов применения литого полуфабриката (нож, шило, рыболовный крючок). Технологические схемы исполнения остальных предметов включали литье, за которым, как правило, следовала доработка ковкой. Примечательно, что кузнечная доработка в большинстве случаев велась вгорячую и была направлена не только на удаление пороков литья, но и на существенное изменение формы литой заготовки изделия — ее вытяжку, плющение, обрубку излишнего металла и т. д. Микроструктурные признаки значительной по степени обжатия горячей ковки установлены при изучении 11 предварительно отлитых изделий клада (рис. 4, ан. № 801, 803, 807, 808, 810, 813—815, 818, 823, 825), следы сильной холодной ковки прослежены только на трех изделиях (серп, желобчатое долото, бляшка, ан. № 804, 809, 817). Очевидно, что мастера предпочитали иметь дело с горячим металлом даже тогда, когда он обнаруживал склонность к красноломкости из-за повышенного содержания свинца и висмута: трещины красноломкости зафиксированы в структуре семи шамшинских находок (ан. № 800, 801, 807, 808, 813, 814, 823). Стремление вести горячую ковку металла даже в ущерб его механическим качествам могло определяться только прочно сложившимися техническими традициями, возникшими в пределах одной или нескольких мастерских одного производственного очага. Многочисленными исторически металлургическими исследованиями установлено, что мастера, связанные такими едиными традициями, при переходе к обработке нового по составу и свойствам сырья долго обращаются к ранее освоенному ими устойчивому набору операций [32]. На фоне общей высокой культуры обработки шамшинского металла вряд ли удастся иначе истолковать присутствующие в нем пороки красноломкости.

Единообразие технических навыков исполнения шамшинских изделий проявляется и в том, что часто их кузнечной доработке предшествовал специальный отжиг металла при температуре 700—800° (отжиг гомогенизации). Отжиг положительно сказывался на пластичности оловянистых бронз, содержавших свыше 6% олова. Не случайно микроструктурные признаки его использования удалось установить только на предметах, подвергнутых сильной доработке ковкой и отличающихся повышенными концентрациями олова в сплаве (ан. № 800, 804, 807, 813, 814, 823). В ряду примеров, показывающих единство технической культуры обработки шамшинского металла, следует назвать и отсутствие на рабочих окончаниях большинства орудий следов упрочняющего наклепа, весьма обычного для орудий поздней бронзы. Исключением в этом отношении являются только топор с гребнем (ан. 802), серп (ан. 810) и зубило (ан. 905). Однако мы отмечали, что наклеп рабочего окончания топора и зубила был вызван не особенностями формовки их металла, а вторичным использованием в условиях сильного ударного действия.

Приведенные технологические наблюдения позволяют заключить, что основная масса находок Шамшинского клада связана с деятельностью единого по техническим традициям очага металлообработки. Его локализация в пределах Семиречья подтверждается геохимическим родством металла шамшинских изделий с прочими бронзовыми находками этого региона. Наличие в составе клада слитка-полуфабриката также наводит на мысль о местном изготовлении вещей клада.

[32] Интересные данные по этому вопросу приводит Е. Пясковский (см. *Piaskowski J.* Co daja badania metaloznawcze Źródel, archeologicznych? — Dawna Kultura, 1956, № 4, S. 250—260).

N. V. Ryndina, A. D. Degtyareva, V. D. Ruzanov

THE RESULTS OF CHEMICAL-TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF THE ARTIFACTS FROM THE SHAMSHI HOARD

Summary

The spectral and metallographic analysis of the artifacts of the Shamshi hoard was carried out. The spectral analysis showed, that 25 artifact of the total number of 27 were made of tin bronzes (fig. 25). One artifact (fragment of a knife, an. 26416) was made of arsenic bronze. From the geochemical point of view the metal of the Shamshi hoard (excluding a plate fig. 4—22, an. 26427) composes a homogeneous group, characterized by high amounts of lead, bismuth, silver and nickel (fig. 1, 3). The comparison of the chemism of the finds from Shamshi with the late Bronze Age artifacts from the Middle Asia, Volga-Urals, Khazakhstan shows the strongest similarity with the Volga-Urals group, singled out by E. N. Chernykh on the materials of the Andronovo, Frame-Grave Culture, Pozdnyakovo and Kazan cultures. Certain similarity is observed with bronze artifacts of the local cultures of the Semirechye. A separate centre of metalwork possibly existed here at the Late Bronze Age. The finds from Shamshi are connected with its activities. Their local origin is confirmed by the results of the metallographic analysis, which showed the absolute uniformity in the methods of manufacturing of artifacts (the usage of hot hammering of half-finished cast artifacts, the usual tempering of homogeneonization, the absence of traces of the strengthening slander of tools etc.).

Ю. А. СМИРНОВ

ПОГРЕБЕНИЕ С БЫЧЬИМИ ЧЕРЕПАМИ В НИЖНЕМ ПОДОНЬЕ

Публикуемое погребение (18—XXXV) было обнаружено под одной из курганных насыпей (35) 1-го Балабинского могильника. Могильник расположен на полях совхоза Кузнецовский Семикаракорского р-на Ростовской обл. Он занимает в основном северную оконечность второй надпойменной террасы левого берега р. Сал (левый приток Дона). Курган находился в северо-восточной части могильника. Насыпь его несколько выделялась своими относительно большими размерами среди других насыпей этой части могильника. Курган представлял собой довольно высокую (1,75 *м* от современной поверхности), но при этом уже сильно снивелированную распашкой насыпь полусферической формы, диаметр которой достигал 50 *м*. Интересующее нас погребение наиболее раннее среди обнаруженных как в кургане, так и во всем раскопанном на 86% могильнике. Оно было совершено в яме и представляло собой захоронение (или перезахоронение) практически полностью разложившихся останков покойника, которые были перекрыты бычьими черепами (рис. 1—3). Над могильным сооружением была возведена невысокая (около 0,50 *м*) насыпь диаметром примерно 22 *м*. В центральной части основного разреза кургана она прослеживалась в виде пласта желтовато-серого суглинка, достигавшего максимальной мощности 0,35 *м* в центре насыпи и плавно сходящего на нет по краям. Этот пласт перекрывал тонкую (0,10 *м*) прослойку коричневато-серого суглинка, которую, по-видимому, следует рассматривать как остатки дернового слоя погребенной почвы. Она прослеживалась только под пластом желтовато-серого суглинка и залегала на светлом слабогумусированном и заметно опесчаненном материковом суглинке. Такая небольшая (35 *см*) высота сохранившейся первоначальной насыпи объясняется отчасти тем, что перед сооружением следующего по времени погребения вершина ее была срезана, правда, судя по стратиграфии, не более чем на 15—20 *см*. Таким образом, создание более позднего могильного сооружения, принадлежавшего ямной культуре, происходило уже на ровной площадке. Земляные работы, связанные с совершением последующего погребения, не только повредили первоначальную насыпь, но и полностью уничтожили большую часть предшествовавшего захоронения. Следы этого нарушения встречались в двустороннем выбросе из ямного погребения, в виде многочисленных осколков раздробленных костей и зубов животных и отдельных пятен охры.

Яма погребения с бычьими черепами впущена в материк с уровня дневной поверхности на глубину 1,25—1,30 *м*. Сохранившаяся ее часть заполнена темным суглинком, за счет чего она хорошо прослеживалась. Однако последующее нарушение не позволяет точно судить о ее форме. Вероятно, яма имела подпрямоугольную форму и была ориентирована длинной осью почти точно по линии запад — восток. В этом случае ее примерные размеры были следующими: длина 1,90, ширина 1,20, глубина 1,25 *м*. Могильная яма была выкопана довольно небрежно.

Заполнение могильной ямы неоднородно. Черепа животных залегали в темно-сером гумусированном суглинке средней плотности, а человеческие кости располагались в пестром слое, где гумус перемешан с темно-желтым материковым суглинком. Здесь в придонной части ямы суглинок

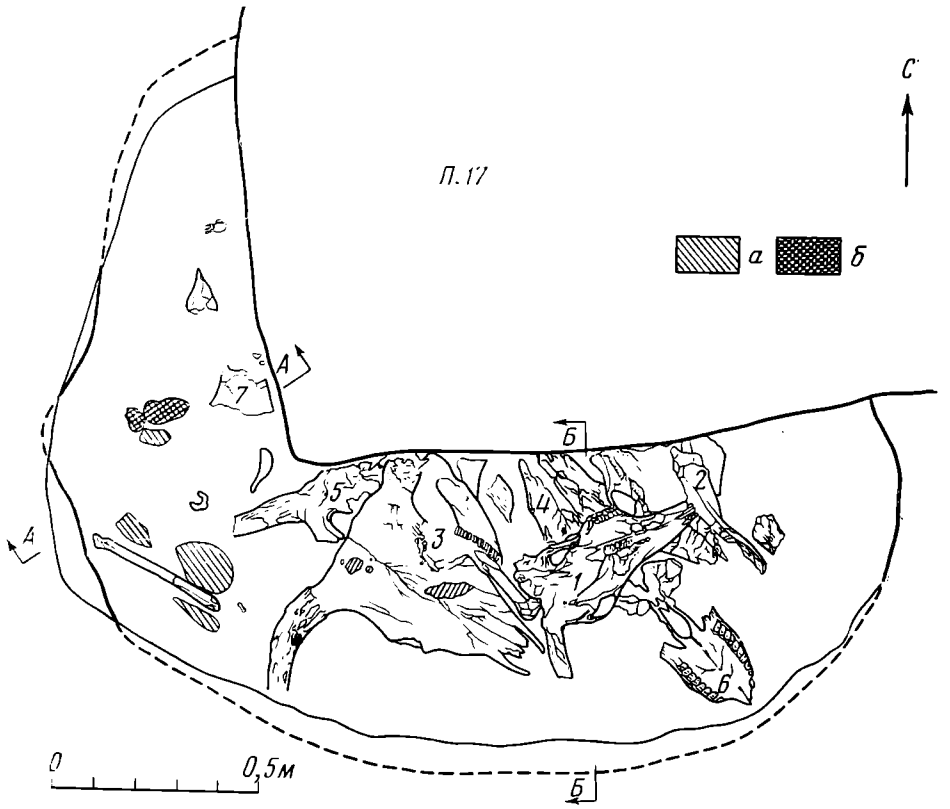


Рис. 1. План погр. 18 — XXXV 1-го Балабинского могильника. Верхний (первый) горизонт скопления бычьих черепов.
1—7 — остатки бычьих черепов, *а* — охра в засыпи, *б* — комки охры

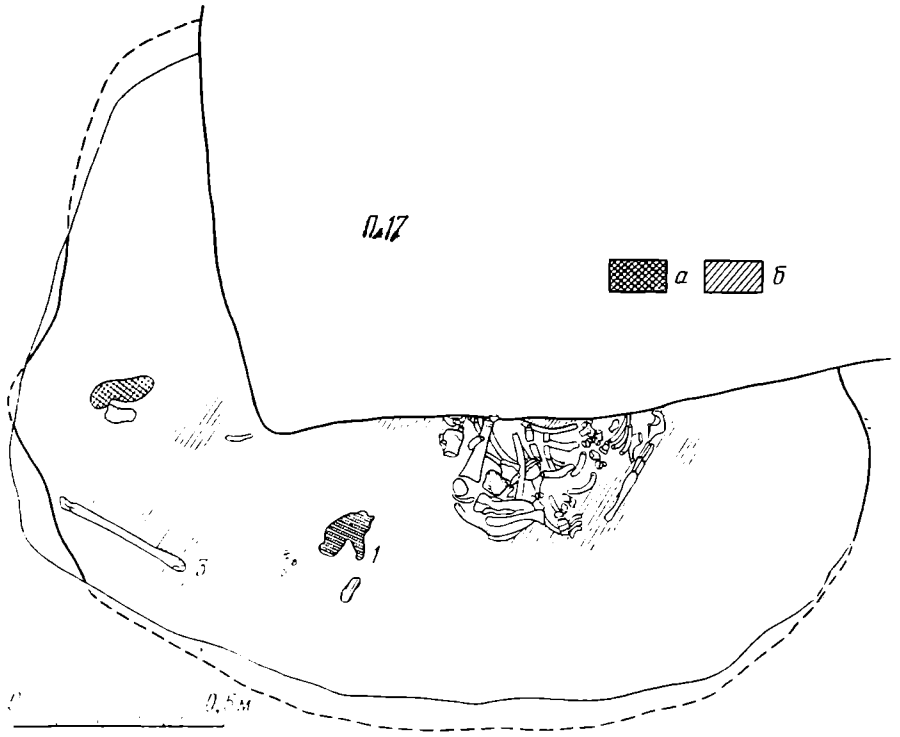


Рис. 2. План погр. 18 — XXXV 1-го Балабинского могильника. Нижний (четвертый) горизонт — кости человеческого скелета
1 — отпечаток прутьевидной подстилки; *2* — фрагмент керамики; *3* — малая берцовая кость; *а* — комки охры, *б* — охра в засыпи

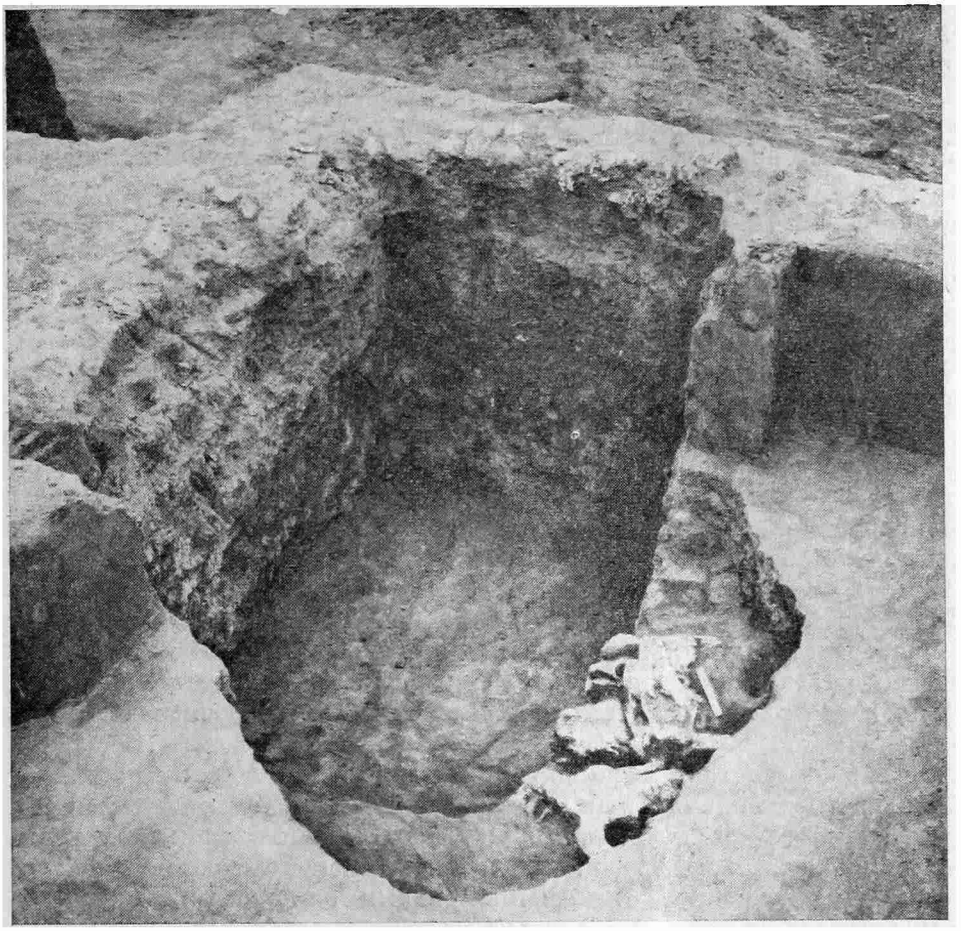


Рис. 3. Погребение 18 — XXXV в процессе расчистки. Вид с юго-запада (слева — большая могильная яма погр. 17. Видны размеры и характер нарушений, произведенных в процессе создания этого погребения)

преобладал, а гумус прослеживался в нем в виде вкраплений и прослоек. По границе двух неоднородных заполнений местами имелись следы, напоминающие глинистую подмазку толщиной не более 3 *мм*. Слой этот имел коричневато-зеленый цвет в свежерасчищенном состоянии и приобретал желтоватый оттенок по мере просыхания. Поверх подмазки кое-где видны пятна охры красновато-бежевого цвета. На том же уровне, что и подмазка, в юго-западной части могильной ямы открыт участок весьма примечательного горизонта, тоже находившегося между двумя видами заполнения (рис. 2). Это был остаток (правда, весьма незначительный по площади — примерно 10×15 *см*) отпечатка, очевидно, подстилки или настила из хорошо очищенных веток или прутьев, уложенных параллельно друг другу и ориентированных по линии СЗЗ — ЮВВ. Отпечаток был окрашен охрой красновато-кирпичного цвета. Данный фрагмент может, по-видимому, свидетельствовать о том, что останки погребенного были перекрыты каким-то настилом, который не позволял черепам животных соприкасаться с захороненным. Вопрос же о соотношении вышеупомянутой подмазки и прутьевидного настила, к сожалению, остается открытым.

Охра различных оттенков в виде мазков, подсыпок и рыхловатых скоплений прослеживалась и в других частях могильной ямы. Так, например, охрой красновато-бурого цвета окрашена лобная кость черепа № 3. Имелись следы охры и на отдельных костях человеческого скелета: красновато-коричневые на малой берцовой и ярко-красные с вишневым оттенком на костях основного скопления, имитировавшего верхнюю часть тела погребенного. На полу ямы под костями основного скопления

человеческих костей и к востоку от него прослеживалась интенсивная охристая подсыпка ярко-красного цвета максимальной мощностью 2 *см*, располагавшаяся довольно ровным горизонтом.

Сохранность погребения, к сожалению, оставляет желать лучшего. Прежде всего, как упоминалось, большая его часть уничтожена другим захоронением; во-вторых, оно сильно попорчено грызунами, норы которых во всех направлениях прорезали могильное сооружение. Грызунами сильно повреждены черепа животных и, вероятно, нарушено положение отдельных человеческих костей. Состояние уцелевших костей тоже мало удовлетворительно, особенно в нижних горизонтах скопления черепов животных. К тому же сильно пострадали части черепов, соприкасавшиеся друг с другом.

В сохранившейся части могильного сооружения обнаружены остатки 11 бычьих черепов, фрагмент ветвистого (?) рога крупного животного и обломки нескольких костей быкообразных (рис. 1). Все останки животных, за исключением нескольких фрагментов одного из черепов, располагались в довольно компактном скоплении, в положении, соответствующем первоначальному. В момент совершения погребения скопление явно насчитывало значительно большее число черепов, судя по большому количеству осколков раздробленных костей и зубов животных, встреченных в выбросе из последующего погребения. Вероятно, оно занимало чуть ли не все пространство могильной ямы или по крайней мере всю ее центральную часть. По приблизительным подсчетам, в несохранившейся части ямы должно было находиться не меньшее количество черепов, чем в сохранившейся.

Все черепа залегали выше дна могильной ямы в ее заполнении. В уцелевшей части скопления наблюдалась некая упорядоченность, и, с определенной условностью, здесь можно было выделить три уровня или горизонта черепов, полностью или частично перекрывавших друг друга. Черепа не располагались ровными рядами один на другом, в той или иной плоскости, а лежали несколько хаотично, отдельными своими частями накладываясь друг на друга и, таким образом, частично попадая в ниже- или вышележащие горизонты.

Внутри скопления определенной системы в положении каждого черепа не наблюдалось. Можно отметить единственно, что большая часть их (№ 2—4, 7—10) располагалась лобно-теменной частью вверх, а меньшая (№ 1, 5, 6) — вниз. Различной была и ориентировка черепов: одни были направлены носовой частью на юго-восток (№ 2, 3, 5, 6), другие — на северо-запад (№ 4, 7, 9), третьи — на северо-восток (№ 1, 8), а череп № 10 — на юго-запад.

Если в расположении большинства черепов по отношению друг к другу не наблюдалось определенной системы, то во взаиморасположении четырех из них можно было видеть определенный умысел. Черепа № 4 и 6 вплотную примыкали друг к другу затылочными костями и были сцеплены рогами. Рога черепа № 4, опиравшегося на основание, торчали вверх, а рога черепа № 6, лежавшего на лобно-теменной части, были направлены соответственно вниз. Черепа № 8 и 10 располагались «валетом». Череп № 8 опирался на свое основание, был носовой частью ориентирован на северо-восток. Череп № 10, тоже опиравшийся на основание, но ориентированный в противоположную сторону, лежал параллельно черепу № 8 и в одной с ним горизонтальной плоскости. Носовая часть черепа № 8 попадала при этом под правый рог черепа № 10, а его собственный правый рог (к сожалению, не сохранившийся) должен был находиться либо под носовой частью последнего, либо на ней; правые глазницы их соприкасались. Судя по всему, можно предположить, что по крайней мере часть черепов была аккуратно уложена в могильную яму. Об этом говорит и некая стабильность в ориентировке, которая вряд ли могла явиться результатом случайного совпадения.

Следует отметить и еще одну характерную деталь: ни у одного из черепов не было нижней челюсти и никаких следов их не найдено в сохранившейся части могильной ямы. Этот факт, вероятно, свидетельствует о преднамеренном их отчленении.

Кроме черепов в могильной яме были обнаружены и другие кости животных, но, к сожалению, в таком состоянии, что определить их было невозможно. Один из обломков крупной кости лежал у левой стороны носовой части черепа № 2. Второй и третий обломки, вероятно, таких же костей находились между юго-восточной и юго-западной половинами скопления. Четвертая кость, по-видимому фрагмент плюсны крупного животного, находилась там же, но несколько выше и юго-восточнее второй и третьей. Еще две неопределенные кости лежали в западной части могильной ямы, в свободном пространстве между черепами № 5 и 7. Все эти фрагменты костей, так же как и черепа, располагались выше дна ямы и, кроме этого, как бы заполняли часть пространства, не занятого черепами.

Человеческие останки занимали, по всей вероятности, центральную часть могильного сооружения. Скорее всего большая часть костей человеческого скелета, в том числе и череп, тоже были уничтожены ямой последующего погребения. Однако возможно, что полное отсутствие зубов погребенного и фрагментов его черепа следует расценивать как факт отсутствия черепа в данной могильной яме. Эту мысль, по крайней мере косвенно, подтверждает и следующее обстоятельство: как уже говорилось, описываемое погребение, по всей вероятности, представляло собой перезахоронение или погребение еще не полностью разложившегося трупа, поскольку сохранившиеся кости верхней части скелета хотя и располагались в весьма относительном анатомическом порядке, но все же с соблюдением некоторой логики в их расположении. Другими словами, они в какой-то степени имитировали верхнюю часть человеческого скелета. Но черепа в том месте, где он должен был бы находиться, не оказалось.

Сохранившаяся часть человеческих костей располагалась очень компактно на дне могильной ямы. Исключение составляли два обломка ребер и три фаланги пальцев ног. Они находились западнее основного скопления, располагаясь при этом на различной глубине в заполнении могилы и скорее всего были занесены туда грызунами. Этого, пожалуй, нельзя утверждать по отношению к малой берцовой кости правой ноги, лежавшей у юго-западного угла могильной ямы, вдоль ее южной стенки. Она располагалась в 0,15 *м* от этой стенки, подходя своим проксимальным концом почти вплотную к юго-западному бортику ямы. Кость эта залегала в заполнении могилы в 0,20 *м* выше дна и параллельно ему. Медиальной стороной она была обращена к центру могилы и, вероятно, занимала в ней свое первоначальное положение. Кроме перечисленных костей за пределами основного скопления, но вблизи него (в 5 *см* западнее левой плечевой кости) находились следующие остатки человеческого скелета: правая пяточная кость, надпяточная кость той же ноги, клиновидная кость (?) и четыре фаланги пальцев ног; пятая была обнаружена после снятия плечевой кости левой руки. Мелкие кости верхних конечностей ни в могильной яме, ни за ее пределами обнаружены не были.

Основное скопление костей имитировало верхнюю часть корпуса и частично верхние конечности погребенного следующим образом: на месте грудной клетки и позвоночного столба располагались позвонки и ребра (некоторые из них в связке), создавая впечатление относительного анатомического порядка (рис. 2). Так, четыре позвонка грудного отдела и одно ребро в какой-то степени имитировали шейный отдел, а четыре других позвонка того же отдела и в связи с ними несколько ребер — правую нижнюю часть грудной клетки. Левую же сторону и центральную часть грудной клетки и, по-видимому, позвоночный столб воспроизводили отдельно лежавшие ребра, рукоять грудины, надпяточная

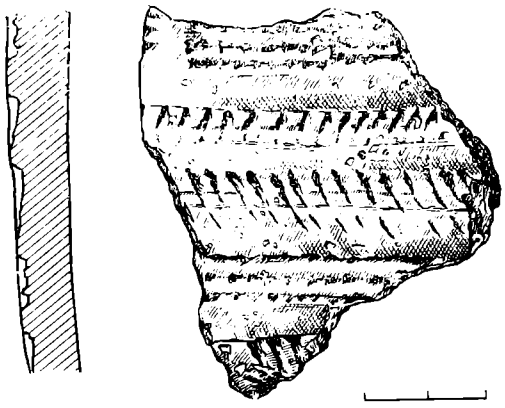


Рис. 4. Фрагмент керамики, находившийся среди костей погребенного

кость левой ноги и лучевая кость правой руки. Плечевой пояс был воспроизведен только с левой стороны корпуса, где находились левые ключица и лопатка. Ключица располагалась сверху и горизонтально, но при этом в обратном направлении — наружный конец ее был направлен в сторону позвоночника. Лопатка лежала под ключицей и параллельно ей. Она была повернута задней (спинной) стороной вверх, а нижним углом обращена к позвоночнику. Краниальные части свободных верхних конечностей были имитированы следующим образом. Вместо правой плечевой кости находилась локтевая кость правой руки. Она лежала примерно на том месте, где должна была располагаться плечевая кость, как бы повторяя в общих чертах ее естественное положение. Локтевая кость была направлена дистальным концом на юго-запад, т. е. в сторону невоспроизведенного плечевого сустава, а латеральной (лучевой) стороной обращена к позвоночнику. С левой же стороны на том месте, где ей и положено, находилась плечевая кость левой руки, при этом своей головкой она почти вплотную подходила к суставной поверхности лопатки.

Такое расположение костей человеческого скелета говорит не только о попытке создателей погребения воспроизвести, по крайней мере частично, анатомический порядок расположения костей скелета покойника, но и свидетельствует о наличии у них относительных представлений о строении человеческого скелета. Общее расположение костей указывало на попытку имитировать вытянутое на спине положение корпуса погребенного, ориентированного по оси север — юг.

В погребении был обнаружен фрагмент стенки лепного сосуда, находившийся среди скопления костей человеческого скелета (рис. 4). Он лежал орнаментированной стороной вверх, частично перекрывая нижний край рукоятки грудины. В скоплении человеческих костей он занимал место, как бы ограниченное с четырех сторон: лопаткой, плечевой костью левой руки, ребром и лучевой костью правой руки. Случайное попадание в погребение этого фрагмента керамики, исходя из вышеизложенных наблюдений о характере заполнения ямы и расположения остеологических и антропологических находок, следует считать практически невозможным.

Фрагмент является частью тулова большого (диаметром не менее 30 *см*) и толстостенного (10—12 *мм*) сосуда. Все сломы его были старыми. В керамическом тесте содержалась большая примесь толченой ракушки, по объему достигавшая пропорции 1/1, если не 1/2, т. е. она равнялась или превосходила количество глины (по А. А. Бобринскому). Ракушка, сохранившая перламутровый оттенок, свидетельствует об очень слабом обжиге сосуда, как считает А. А. Бобринский. Обе поверхности фрагмента были заглажены, причем внешняя больше, чем внутренняя.

Вся внешняя сторона фрагмента была орнаментирована. Орнамент представлял собой, по-видимому, горизонтальные зоны косых насечек и наколов, отделенных друг от друга узкими полосами, свободными от орнамента. Каждая зона насечек, кроме того, была прорезана двумя параллельно идущими линиями. На черепке сохранилось две зоны наколов и три зоны насечек (последняя из них сильно фрагментирована). Зоны наколов состоят из трех параллельных рядов, оттиснутых методом отступающего накола и, возможно, в какой-то степени имитирующих «гребен-

ку». Зоны насечек составляют относительно параллельно расположенные наклонные линии, технику нанесения которых скорее следует охарактеризовать как накол с последующей насечкой.

Прямые аналоги данной керамике автору статьи не известны. Однако отдаленные можно найти в керамике из «сборов Горецкого» [1]. Г. И. Горецкий, занимавший должность главного инженера на строительстве Волго-Донского канала, в процессе работ организовал сбор археологических материалов, среди которых имеется интересная коллекция, вероятно, неолитической или раннеэнеолитической керамики, происходящей из нескольких пунктов [2]. Наиболее близкой к нашему фрагменту является керамика, происходящая из отвалов гидромеханизации близ станицы Каргальской [3]. Но хочется подчеркнуть, что и эта аналогия все-таки весьма отдаленная, поскольку сходство прослеживается только в некоторых элементах орнаментики, в частности в технике «отступающего накола». Тем не менее керамика из Каргальской остается пока единственным известным автору близким материалом.

Вопрос о датировке данного погребения сложен, но некоторые свидетельства его относительно глубокой древности, во всяком случае по сравнению с кругом материалов ямной культуры, все же имеются. Во-первых, это погребение нарушено раннеямным захоронением [4]. Во-вторых, характер нарушений свидетельствует о том, что между созданием этих двух погребений прошел весьма значительный промежуток времени, так как заполнение ямы предшествовавшего погребения настолько спрессовалось и затвердело, что древние землекопы, прорезая мощное скопление костей, попросту обрубали их, нимало не нарушая первоначальное положение последних. Это, конечно, было возможно лишь при наличии в предшествующей яме весьма плотного заполнения, с одной стороны, и уже достаточно истлевшего органического материала — с другой. Этот аргумент можно дополнить и следующим наблюдением: судя по отпечаткам орудий, сохранившимся на стенках могильной ямы последующего захоронения, она была выкопана при помощи деревянных инструментов типа палки-копалки, не имевших металлического наконечника, и в этом случае при наличии в яме предшествующего погребения рыхлого заполнения или еще недостаточно истлевшей костной и роговой ткани черепа животных должны были скорее выниматься, чем обрубаться. В-третьих, отличались по плотности и заполнения обеих могильных ям — могильное сооружение ямного времени имело гораздо более рыхлое заполнение. В-четвертых, в промежутке между совершением этих погребений на первоначальной насыпи успел образоваться довольно мощный слой чернозема. Остатки его, не срезанные при сооружении ямного погребения, прослеживались севернее центра насыпи в виде прослойки серовато-черного суглинка, максимальная мощность которой достигала 13 *см*. Эта прослойка покоилась на вышеупомянутом желтовато-сером суглинке первой насыпи и четко отделяла ее от надмогильного сооружения ямной культуры. И последнее — резкое отличие нашего фрагмента от керамики культур раннебронзового века и наиболее близкие аналогии в материалах неолитического или раннеэнеолитического времени.

Все это позволяет отнести раскопанное погребение к кругу неолитических или энеолитических культур Нижнего Подонья, к сожалению,

---

[1] Автор приносит И. С. Каменецкому глубокую благодарность за это сообщение.

[2] Материалы были частично опубликованы: *Горецкий Г. И.* Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах Нижнего Дона и Маныча как геологические документы.— ИВГО. № 5, 1948; *Формозов А. А.* Неолитическая керамика Нижнего Подонья.— КСИИМК, № 53, 1954.

[3] Материал хранится в ГИМе. Инв. № 86337/828.

[4] *Смирнов Ю. А.* Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Багаевско-Садковской оросительной системы в 1977 г.— Архив ИА АН СССР. Раскопки 1-го Балабинского могильника. Кург. № 35, погр. 17. Архив АН СССР, р-1, № 7317.

еще так недостаточно изученных. В заключение автору хотелось бы поблагодарить всех сотрудников Донской экспедиции, принимавших участие в фиксации данного погребения и других находок, а также выразить свою искреннюю признательность специалистам различных областей знания, любезно консультировавших его по частным вопросам.

Yu. A. Smirnov

BURIAL WITH BULL SKULLS AT THE LOWER DON REGION

Summary

The first find of a late Neolithic burial under the barrow at the left bank of the Don is published in the article. It is a secondary burial of bones of a adult person. The remains of the dead were covered by bull skulls. Pottery, found in the grave shows some similarity with the materials from the site near village Kargalskaya.

В. Е. РАДЗИЕВСКАЯ, Б. А. ШРАМКО

УСАДЬБА С КОСТОРЕЗНОЙ МАСТЕРСКОЙ НА БЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

Обработка кости и рога для изготовления самых разнообразных предметов — от проколок, скребков, размпнальников, наконечников стрел и других простых вещей до художественных украшений в зверином стиле,— сделанных с большим искусством и с применением специальных инструментов, занимало немаловажное место в хозяйстве племен, обитавших в раннем железном веке в восточноевропейской лесостепи. На поселениях и в курганах найдено уже большое количество костяных изделий, но тем не менее технология и организация косторезного производства скифской эпохи изучены еще слабо. До последнего времени было выделено мало специализированных инструментов и не удавалось обнаружить ни одного более или менее выразительного комплекса косторезной мастерской. Этот пробел в известной мере заполняется сейчас находками на Бельском городище VII—III вв. до н. э. в Полтавской области, которое, несомненно, было одним из крупных ремесленных центров и многими исследователями отождествляется с геродотовским городом Гелоном [1].

Благодаря систематическим раскопкам последних 20 лет, охвативших площадь более 20 тыс. *м*^{2}, на Бельском городище удалось не только собрать большую и хорошо датируемую коллекцию костяных изделий и орудий для обработки кости, но и впервые обнаружить целый комплекс усадьбы с косторезной мастерской. Этот комплекс открыт в 1976 г. во время работ на XXVI раскопе, расположенном в южной части Восточного укрепления городища, где, как показали раскопки, обитали ремесленники самых различных специальностей.

Усадьба занимала почти квадратный участок размером около 500 *м*^{2} из 1218 *м*^{2}, вскрытых на раскопе XXVI в 1976 г. На территории усадьбы обнаружены (рис. 1) остатки наземного жилища с углубленным полом и глинобитной каркасной печкой (*25*), небольшой погребок (*41*), круглый в плане овин (*33*), четыре хозяйственных ямы (*28*, *31*, *35* и *39*), отдельная надворная кухня с глинобитной каркасной печкой (*40*) и косторезная мастерская (*26*). Последняя находилась в западном углу усадьбы. Связь ее с остальным комплексом этой усадьбы хорошо прослеживалась стратиграфически и по одновременным своеобразным вещественным остаткам. В культурном слое на этом участке, в жилище, в заполнении всех хозяйственных ям и помещений, не говоря уже о самой мастерской, зафиксировано более 5000 костей животных из 6859, найденных на всем раскопе 1976 г. Среди них 74 изделия из кости и рога на разных стадиях их производства, более 2300 заготовок и остатков их обработки, а также различные инструменты косторезов.

Заготовки представлены преимущественно разрубленными вдоль диафиза трубчатыми костями, расщепленными нижними челюстями и подвздошными костями таза крупного рогатого скота и лошадей, реже — мелкого рогатого скота и свиней. Использовались также ребра, зубы,

[1] *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971, с. 163; *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 97; *Шрамко Б. А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема.— СА, 1975, № 1, с. 65—85; *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979, с. 153.

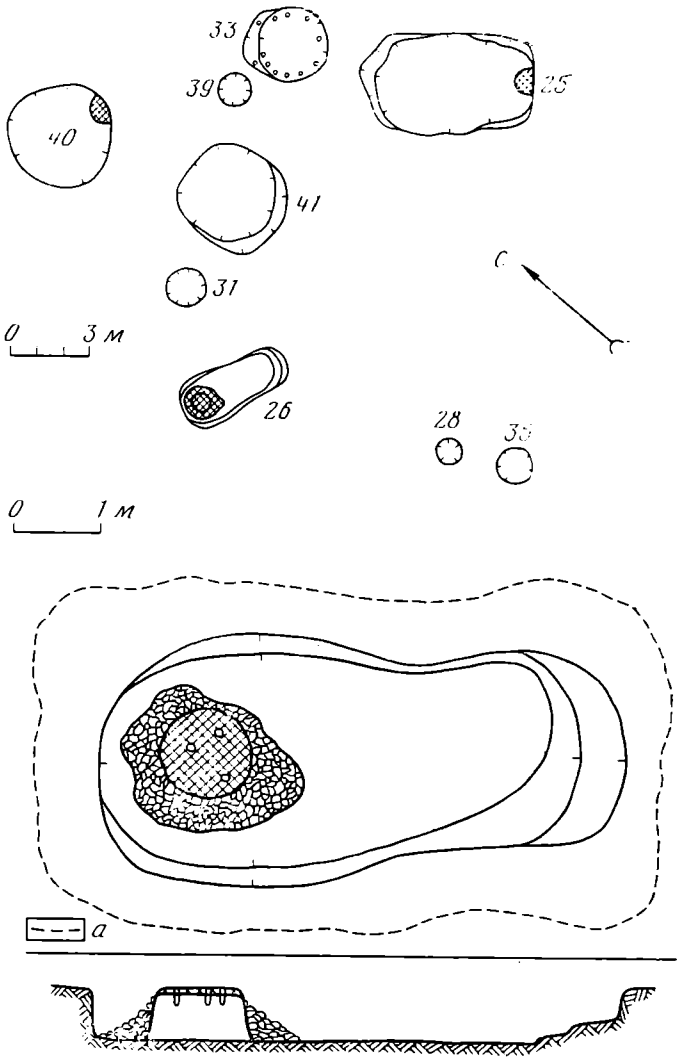


Рис. 1. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище. Вверху общий план усадьбы: *25* — жилище; *26* — косторезная мастерская; *33* — овин; *40* — кухня с остатками печки; *41* — погреб, *28, 31, 39, 35* — хозяйственные ямы. Внизу план и профиль косторезной мастерской. *а* — граница распространения почвы, смешанной с золой

астрагалы этих животных, путовые фаланги и грифельные кости лошади. Встречались обрезки рогов благородного оленя и лося, костные основания рогов крупного рогатого скота с подрезками у основания, оставшиеся после снятия с них роговой оболочки. Имеются расщепленные кости скелета собаки, обрабатывавшиеся в Скифии в редких случаях. Все это указывает на то, что в течение длительного времени жители усадьбы уделяли много внимания обработке кости и рога и занимались этим явно не только для удовлетворения собственных потребностей.

Массовый материал в усадьбе представлен архаической лепной керамикой лесостепной культуры скифского времени. Здесь имеются горшки со слабовыраженными покатыми плечиками, украшенные вдоль венчика валиками с пальцевыми вдавлениями и проколами (рис. 2, *1—3*), горшки с защипами и насечками по краю (рис. 2, *4—5*), простые и лощеные миски разных типов (рис. 2, *11—12*), огромные бурые и серолощеные корчаги (рис. 2, *7—8*), обломки черпаков и кувшинов с углубленным геометрическим орнаментом (рис. 2, *6—9*), имеющим иногда инкрустацию белой пастой. Импортная керамика представлена облом-

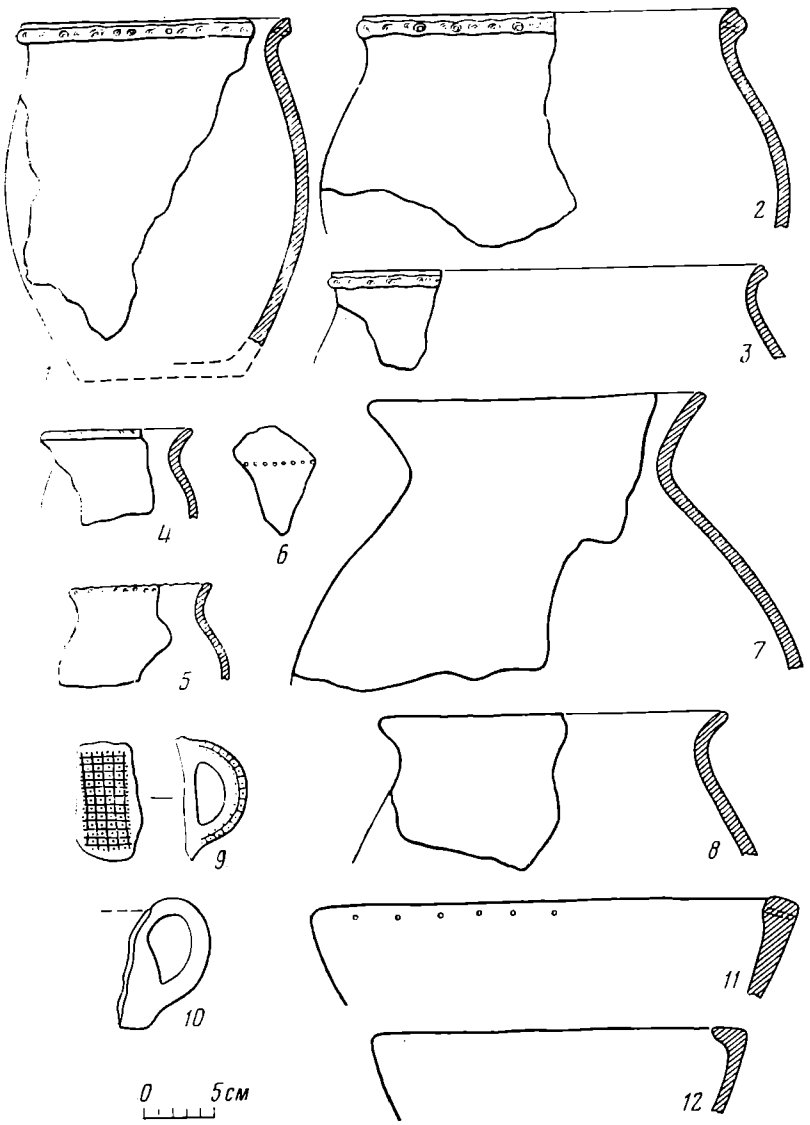


Рис. 2. Образцы керамики, найденной на усадьбе Бельского городища. *1—5* — горшки; *6* — фрагмент стенки сосуда, украшенного круглым штампом; *7* — обломок верхней части бурой корчаги; *8* — обломок серой лощеной корчаги; *9* — ручка кувшина с геометрическим орнаментом; *10* — обломок кружки; *11—12* — фрагменты мисок

ками античных амфор, которые распределяются следующим образом. В культурном слое усадьбы среди определимых обломков[2] имеются три экземпляра ионийских амфор второй половины VI в. до н. э., одна амфора неизвестного центра конца VI—V вв. до н. э., две лесбосских амфоры того же времени, одна амфора типа стаканообразных V в. до н. э. и три амфоры неизвестного центра V в. до н. э. Кроме того, в закрытом комплексе жилища найдены фрагменты трех амфор V в. до н. э., в надворной кухне — обломок лесбосской амфоры V в. до н. э., в погребке — фрагмент амфоры V в. до н. э., в косторезной мастерской — фрагмент лесбосской амфоры VI—V вв. до н. э. и в хозяйственной яме № 35 — два обломка лесбосских амфор второй половины VI — первой половины V в. до н. э. и обломок стаканообразной амфоры V в. до н. э. Среди других находок необходимо отметить обломок архаического рогового псалия (рис. 3, *15*),

[2] Определение античной керамики производил И. Б. Брашинский, которому авторы выражают свою благодарность.

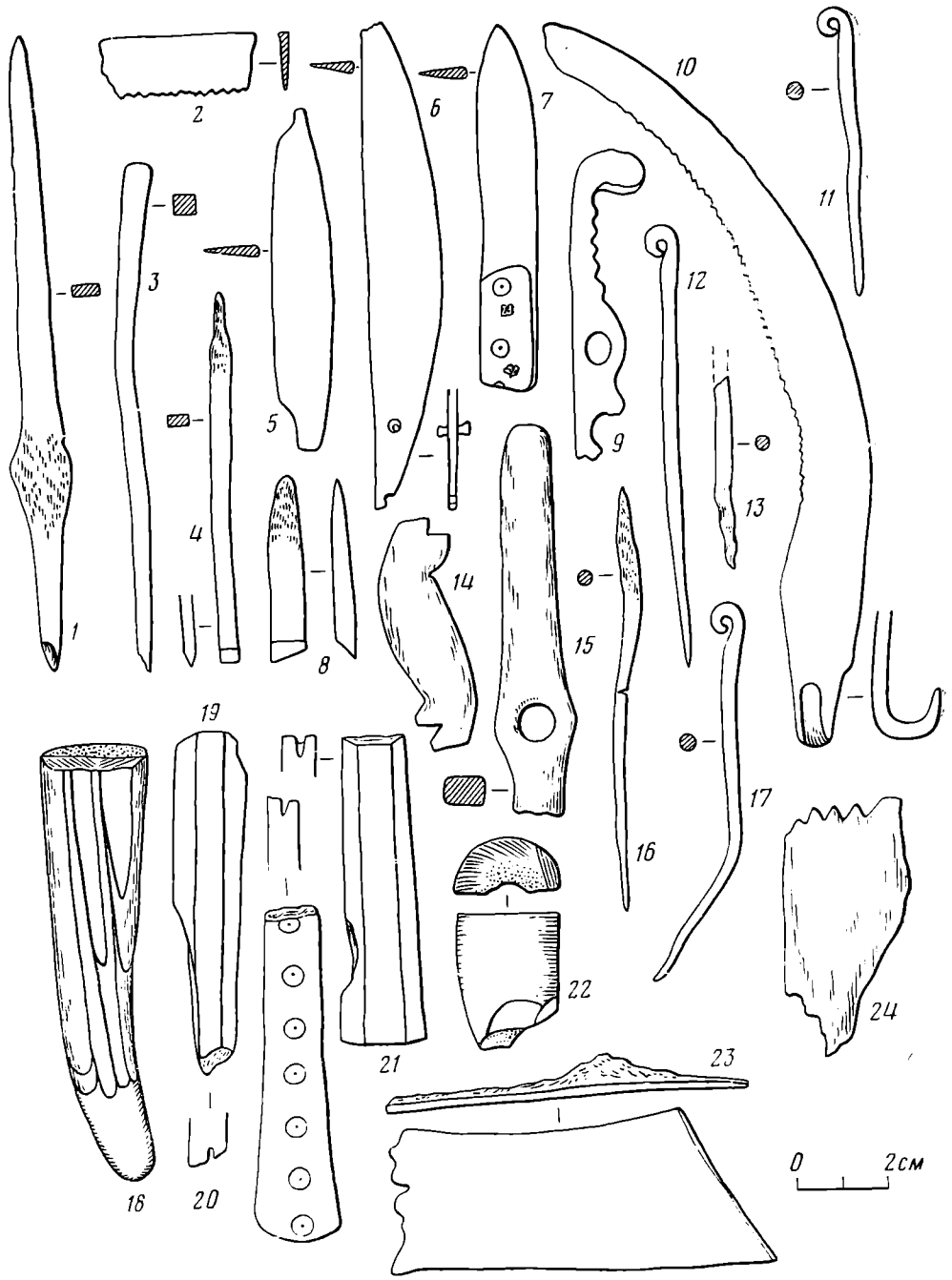


Рис. 3. Изделия из металлов и кости, найденные в усадьбе на Бельском городище. *1* — сверло; *2* — обломок пилы; *3, 4, 8* — резцы; *5—7* — ножи; *9, 15* — обломки псалиев; *10* — серп; *11, 12, 17* — булавки; *13* — обломок буравчика; *16* — шило; *14, 18, 22, 23, 24* — заготовки и обрезки; *19—21* — ручки ножей. Материал: *1—8, 10—12, 16—17* — железо; *9* — бронза; остальные из кости и рога

железные булавки с петлевидно загнутой головкой (рис. 3, *11*, *12*, *17*) и обломок бронзового трехдырчатого псалия (рис. 3, *9*). Все это позволяет считать, что усадьба существовала в конце VI — начале V в. до н. э.

Собственно мастерская представляла собой прямоугольную наземную постройку с углубленным полом. Деревянная наземная часть в древности сгорела, и контур ее был заметен в виде большого пятна золистой почвы длиной около 7,5 *м* и шириной 4 *м* (рис. 1). Конфигурация нижней, углубленной части постройки показывает, что она состояла из двух поме-

щений: небольшой прихожей (190×200 *см*) и более просторного рабочего помещения (280×420 *см*). Пол находился на глубине около метра от современной поверхности. В западной части рабочего помещения на глиняном материковом возвышении, поднимавшемся над полом на 30 *см*, обнаружены остатки большой производственной печки. По своим размерам и деталям устройства она отличалась от обычных кухонных печей, в большом количестве встречающихся на городище. Если основания кухонных печей в жилище и в надворной кухне на территории этой усадьбы имели соответственно размеры 40×50 и 60×65 *см* при толщине пода 3—4 *см*, то основание печки в мастерской достигало размеров 100×108 *см* при толщине пода 8—10 *см*. На поде имелся слой золы и угольков вперемежку с обожженными костями животных, которые, видимо, использовались и в качестве топлива. Свод, к сожалению, был сильно разрушен, но на поверхности пода и вокруг печки на полу сохранилось много крупных обломков глиняного свода с отпечатками прутьев на внутренней стороне. При расчистке пода были прослежены ямки с остатками трех деревянных столбиков, на которые до обжига печки опирался прутяной каркас свода. Обломки показывают, что высота свода печки была около 70 *см*. Печь существовоовала долго и, очевидно, не раз ремонтировалась. В 7 *м* к югу от мастерской зафиксировано большое скопление кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев, представляющее собой выброс обломков от большой производственной печки после ее ремонта. Эти обломки идентичны найденным в самой мастерской.

Предназначалась печь, видимо, для выварки в горшках костей с целью удаления остатков мяса и жира, а также для распаривания заготовок костей перед обработкой. В самой мастерской найдено более 200 костей животных, имеющих отношение к косторезному производству. Это преимущественно расколотые топором заготовки из диафизов крупного рогатого скота, обрезки рогов оленей и лосей, костные основы коровьих рогов. Реже встречались астрагалы и обрезки челюстей, лопаток и головок бедренных костей. Отметим, что у большинства заготовок из трубчатых костей сохранена губчатая соединительная ткань, наиболее богатая жиром. Применение таких заготовок также свидетельствует о специальном обезжиривании костного сырья, так как без обезжиривания использовать кости с губчатой тканью невозможно. Неслучайно население дьяковской культуры, которое, видимо, не знало этой предварительной операции, не использовало губчатые эпифизы трубчатых костей [3]. У племен Скифии бытовало множество изделий, которые частично или полностью были сделаны из заготовок, имеющих ноздреватую структуру губчатой ткани (пряслица, молотки, украшения для уздечки и др.). Кроме того, в некоторых случаях верхний плотный слой кости специально удалялся и обнажалась внутренняя шероховатая губчатая ткань, служившая в таком случае рабочей поверхностью орудий типа рашпилей для обработки кожи. Нередко и рабочий край тупиков из челюстей крупных животных также срезался до губчатого слоя. Заготовка такого орудия обнаружена также на территории усадьбы костореза [4].

Большинство обрезков и заготовок имеет следы рубки топором, резки и строгания ножом, но встречаются и такие, на которых имеются следы распиливания. Так, найден обрубок оленьего рога, от которого при помощи мелкозубчатой пилы была отделена заготовка (рис. 3, *22*). Имеются обломки костяных ручек ножей с пропилами для вставления железного лезвия (рис. 3, *19*, *20*, *21*). Некоторые рукоятки украшены циркульным орнаментом (рис. 3, *7*, *20*). Нижние челюсти крупного рогатого скота расщеплялись, а полученные пластины, как и плоские кости лопаток,

---

[3] *Изюмова С. А.* Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси.— КСИИМК, XXX, 1949, с. 16.

[4] АМ ХГУ, № 1031/XXVI — 76.

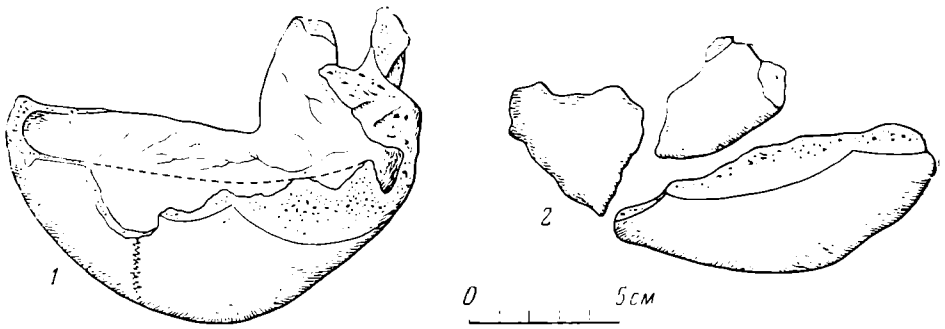


Рис. 4. Чаши из человеческих черепов. *1* — чаша с ручкой, *2* — обломки чаши

использовались для разных поделок (рис. 3, *23*). На некоторых заготовках (рис. 3, *24*), предназначавшихся, видимо, для изготовления крупнозубчатых гребней, уже намечены треугольные зубцы. Гребни такого типа известны по находкам на том же Бельском городище [5]. Из тонкой костяной пластинки вырезано и украшение со стилизованными головками животных на концах (рис. 3, *14*).

Обнаружены чаши из человеческих черепов. Судя по обломкам одной из этих чаш (рис. 4, *2*), она была сделана из лобной и теменной костей черепа. На краях ее хорошо видны следы подрезания острым ножом. Другая чаша сохранилась лучше (рис. 4, *1*). У этого экземпляра края черепной крышки, образующей чашу, также аккуратно подрезаны ножом, но кроме лобной и теменной костей в данном случае оставлена и и часть затылочной кости, которая образует своеобразную ручку чаши. Эти находки нельзя назвать необычными, так как в ходе многолетних раскопок Бельского городища на нем неоднократно обнаруживались чаши из черепных крышек людей и просто человеческие черепа без каких бы то ни было остатков других частей скелета. Только при раскопках святилища VI—V вв. до н. э. на Восточном укреплении Бельского городища [6] было найдено пять человеческих черепов и восемь чаш, сделанных из таких черепов. Все это хорошо объясняется в свете сообщений Геродота о том, что скифские воины должны были приносить царю головы всех убитых ими в бою врагов для получения своей доли военной добычи (IV, 64), а из голов своих злейших врагов они делали чаши (IV, 65). Бедняки просто обтягивали эти чаши снаружи сыромятной кожей, а богатые покрывали их внутри еще позолотой. Чаши делались даже из черепов родственников, если последние оказывались побежденными врагами.

Подобное использование черепов не является особенностью одних скифов, оно было очень широко распространено в древности у разных племен и народов. Тот же Геродот говорит, что тавры отрубали головы пленников и прикрепляли их к столбу около святилища или к шесту, который водружали над жилищем (IV, 103). Живущие далеко к востоку от причерноморских скифов исседоны «с черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы» (IV, 26).

Плиний Старший в «Естественной истории» рассказывает, что андрофаги, живущие на 10 дней пути к северу от реки Борисфена, пьют из человеческих черепов (VII, 12). Чаша из человеческого черепа была обнаружена в известном гальштатском погребении в пещере Бычья Скала

[5] АМ ХГУ, № 708/XXVIII — 78.

[6] *Шрамко Б. А.* Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля.— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 202.

на территории Моравии [7]. Подлинный культ отрубленных голов существовал у кельтских племен. Страбон в своей «Географии» рассказывает о том, что у галлов, как и у большинства других «северных народов», существовал обычай возвращаясь с поля битвы вешать головы убитых врагов на шеи лошадей, а затем прибивать этот трофей гвоздями перед входом в дом (IV, 4, 5). Головы знатных врагов галлы сохраняли в кедровом масле и очень дорожили ими, не отдавая даже на вес золота. Аналогичные сведения содержатся также и в «Библиотеке» Диодора Сицилийского (V, 29). Эти сообщения древних авторов об обычаях галлов хорошо подтверждаются и археологическими материалами. Святилище III в. до н. э. в кельтском оппидуме Рокепертюз имело каменный портик с отверстиями, в которые были вставлены человеческие черепа. Хорошо известна скульптура того же времени из Нове (предместье Авиньона), изображающая зубастое чудовище (Тараска), когтистые лапы которого впились в две отрубленные человеческие головы. В кельтском оппидуме Энтремон, разрушенном римлянами в 124 г. до н. э., было святилище. В центре его стояли каменные столбы с нишами, в которых находились отрубленные человеческие головы. Здесь же имелись колонны со скульптурными изображениями голов, носящих следы насильственного умерщвления [8]. У германского племени лангобардов обычай делать чаши из черепов врагов существовал еще в раннем средневековье [9]. Римские воины также нередко отрубали головы врагов и предъявляли эти трофеи, требуя награды, мало отличаясь в этом отношении от скифов [10]. Можно было бы привести немало и других примеров, показывающих, что связанное с определенными обычаями и культами использование черепов или чаш из черепов было очень широко распространено в древности. Геродот не говорит прямо о культовом использовании чаш из человеческих черепов у племен Скифии, но находки на святилище Бельского городища не вызывают сомнения в ритуальном назначении этих предметов.

Особый интерес представляют орудия производства, найденные в мастерской и вообще на территории усадьбы. В самой мастерской обнаружен железный нож с изогнутой спинкой (рис. 3, *6*), у которого лезвие почти не сработано, но кончик обломался при работе по какому-то твердому материалу, очевидно по кости. Вблизи найден еще один нож (рис. 3, *5*) с аналогичным повреждением кончика лезвия. Особенно показательны находки железного лучкового сверла (рис. 3, *1*) и обломка мелкозубчатой железной пилы (рис. 3, *2*). Лучковое сверло имеет на стержне обычное расширение со следами дерева от катушки, которую охватывал ременный привод лучка. Режущая часть с ложковидной выемкой позволяла просверливать отверстия диаметром от 2 до 5 *мм* в зависимости от толщины заготовки. Подобные лучковые сверла и ранее встречались на Бельском городище и на других памятниках скифской эпохи [11]. Более редким инструментом для этого времени является пила. Судя по сохранившемуся обломку, у данной пилы были неодинаковой величины мелкие зубья без развода. Так как обнаружена лишь средняя часть полотна пилы, то трудно сказать была ли это пила-ножовка или лучковая пила с дугообразной рукояткой, между концами которой натягивалось полотно лезвия. Оба типа пил уже были известны в раннем железном веке, но

---

[7] *Wankel H.* Bericht über die Ausgrabung der Býči Skala — Höhle.— In: Krieger und Salzherren. Mainz. 1970, S. 108.

[8] *Schlette F.* Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Leipzig — Berlin, 1976, S. 120—124.

[9] *Воеводский Л. Ф.* Чаши из человеческих черепов и тому подобные примеры утилизации черепа.— Зап. Новороссийск. ун-та, т. XXV. Одесса, 1877, с. 41—44.

[10] *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания, т. 3. Гальба, XXVII. М., 1961, с. 418.

[11] *Шрамко Б. А.* Дослідження пам'яток в басейнах Сів. Дінця і Ворскли.— АИУ — 1969. Киев, 1972, с. 129, рис. 2; *его же.* Нові дані про господарство скіфської епохи.— ВХУ, № 17. Істор. сер., вип. 1, 1966, с. 74; Симферопольский краеведческий музей, № 3606. А. Неаполис Скифский.

это преимущественно пилы для обработки дерева, и находки их зафиксированы на юге Восточной Европы в районе античных городов Северного Причерноморья [12]. Наша мелкозубчатая пила явно предназначена для распиливания кости и рога. Ширина ее полотна равна 8 *мм*, а величина зубьев не превышает 1,5 *мм*. Близкие орудия найдены на тех поселениях Скифии, где имеются ярко выраженные следы деятельности ремесленников, в том числе косторезов: на Каменском и Люботинском городищах [13]. Обломки мелкозубчатой железной пилки, предназначенной для распиливания рогов, найдены вместе с распиленными роговыми заготовками и изделиями из рога в помещении № 4 Кармир-блура [14]. Интересно железное орудие, обнаруженное на поселении южного варианта милоградской культуры у с. Подгорцы [15]. В публикации этот предмет назван серпом. Однако милоградские серпы, как подчеркивает О. Н. Мельниковская, относятся к одному весьма устойчивому типу [16], и, судя по экземплярам с хорошо сохранившимся кончиком, последний оформлялся не так, как у орудия из с. Подгорцы. Кончик серпов не имел таких четко выраженных и крупных для серпа зубьев. Насечки в виде зубьев иногда встречаются, но в центральной части лезвия, а не у самого кончика серпов, где они уже не нужны. Скорее всего, подгорцевская находка является передней частью пилы-ножовки.

Необходимо отметить, что пила Бельского городища, как и другие отмеченные выше мелкозубчатые пилы косторезного производства, обладает некоторыми архаическими чертами. Профиль лезвия пил, найденных на территории степной и лесостепной Скифии, включая подгорцевскую находку, клиновидный, а не прямоугольный, как у более поздних. Зубья всех этих пил не имеют развода. При помощи такого орудия можно было производить сравнительно ограниченное количество операций, связанных с небольшими пропилами и надпилами, так как при более глубоком проникновении в материал полотно пилы заклинивалось. Показательным в этом отношении является обрезок рога со следами поперечного пиления, найденный в самой мастерской (рис. 3, *22*). Несмотря на небольшой диаметр заготовки (всего 23 *мм*), она не была перепилена полностью, а хранит следы нескольких надпилов с разных сторон. После этого заготовка была отломана. Также только до половины доведен надпил на другой заготовке, поверхность которой имеет следы строгания ножом (рис. 3, *18*). Очевидно, обычной операцией, при которой использовалась такая пила, было пропиливание небольших узких щелей в торцовой части костяных рукояток для закрепления в них черенка железного ножа (рис. 3, *19—21*).

При раскопках найдены также три железных резца, которые могли употребляться для обработки кости и рога. Один из них относится к числу орудий долотовидного типа с прямым односторонне заточенным лезвием (рис. 3, *3*). Этот резец имел массивную верхнюю часть четырехугольного сечения и употреблялся без деревянной рукоятки. Два других резца употреблялись подобно стамескам с деревянными рукоятками, следы которых сохранились на металле. Лезвие первого резца (рис. 3, *4*) более узкое, прямое. Другой резец (рис. 3, *8*) более широкий и имеет скошенную режущую часть.

---

[12] *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья.— МИА, № 178, 1971, с. 180.

[13] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, № 36, 1954, с. 66, табл. I, рис. 3; *Шрамко Б. А.* Нові дані про господарство..., с. 74, рис. 2, *8*.

[14] *Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур, т. 1. Результаты раскопок 1939—1949 гг. Ереван, 1950, с. 50, 51, рис. 29.

[15] *Петровська Є. О.* Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я.— Археологія, 1971, № 2, с. 13, рис. 3, *2*.

[16] *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, с. 56.

Из абразивных орудий, кроме обычных точильных камней из песчаника, впервые обнаружены куски пемзы, которые были привезены издалека и использовались для полировки костяных изделий. Для этих же целей могли служить найденные на разных участках усадьбы куски мела. О результатах обработки кости при помощи этих материалов можно судить по готовым изделиям. Одна из костяных граненых ручек с пропилом для вставки железного лезвия, найденная в помещении мастерской, заполирована по всей поверхности до яркого зеркального блеска. Подобное качество полировки можно получить, используя сухой мел или растертую в порошок пемзу, взятую на холщевую или суконную тряпочку. Этот простейший способ полировки костяных и роговых изделий хорошо известен по этнографическим данным. Практикуется он и сейчас [17]. Для менее тщательной шлифовки можно было применять целые куски пемзы.

Сравнительно небольшие размеры жилища (4×6,8 *м*) и всей усадьбы свидетельствуют о том, что здесь жила одна небольшая семья. Вместе с тем устройство отдельного производственного помещения, наличие специализированных орудий и привозных материалов для обработки кости и рога, многочисленные заготовки и отходы косторезного производства — все это позволяет говорить о том, что уже в архаический период, в конце VI — начале V в. до н. э. обработка кости и рога начала выделяться у местного населения в самостоятельное ремесло.

Однако полностью косторезное ремесло еще не отделилось от сельского хозяйства. Материалы раскопок показывают, что жители усадьбы уделяли немало внимания и обычной сельскохозяйственной работе. Найдены обычные кварцитовые зернотерки, кварцитовые терочники, железные серпы (рис. 3, 10), детали конской уздечки (рис. 3, *9* и *15*), железные шилья (рис. 3, *16*), глиняные пряслица, конусовидные грузила. К северу от жилища располагался овин для сушки снопов (рис. 1, *33*). Он был устроен в виде круглой ямы диаметром до 280 *см* и глубиной 95 *см*. Вдоль стен ямы были расположены 11 столбиков деревянного каркаса с диаметрами от 7 до 10 *см*. На этот конусообразный каркас опирались расставленные для сушки снопы, а на дне ямы разжигался небольшой огонь, ускорявший просушку. Подобные овины, являющиеся явным признаком того, что местные жители сами занимались уборкой и обработкой зерновых культур, найдены и в других раскопах Бельского городища, а также на Коломакском и Люботинском городищах [18].

Таким образом, раскопки Бельского городища позволили впервые выявить на территории лесостепной Скифии выразительный комплекс косторезной мастерской, входящий в состав усадьбы земледельца VI—V вв. до н. э., и получить новые сведения об организации и технологии косторезного производства.

V. E. Radzievskaya, B. A. Shramko

A HOMESTEAD WITH A BONE-CARVER'S WORKSHOP AT THE FORTIFIED SETTLEMENT BELSKOYE

Summary

A clear complex of a homestead with a bone-carver's workshop dated to the late VIth-early Vth century B. C. was discovered at the Belskoye fortified settlement (the ancient town Helon). The workshop was a wooden house with a large stove, used for boiling and steaming of bones. Many half-finished and finished artifacts and waste were found at the workshop and at the territory of the homestead. The specialized tools — knives, borer, saw, burins with straight and truncated edge — were found. Bone was mainly chopped and cut, boring and sawing was used more rarely. Chalk and pumice were used for polishing bone. The materials show, that bone-carving was not fully separated from agriculture, in which the inhabitants of the homestead were also occupied.

[17] *Зубакин Б. М.* Холмогорская резьба по кости. Архангельск, 1931, с. 14; *Романов Г. Н.* Техника резьбы по дереву и кости. М., 1941, с. 167, 168.

[18] *Моруженко А. А.* По питання про господарські споруди скіфської епохи.— ВХУ. № 17. Істор. сер., вип. 1, 1966, с. 89.

С. Я. ОЛЬГОВСКИЙ

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ С БЕРЕЗАНИ

Изучение производственной деятельности ремесленников в колониях Северного Причерноморья открывает широкие перспективы в разрешении многих вопросов древней истории этой территории, тем более что на службу археологии поставлены естественные науки, позволяющие с полной объективностью разрешать поставленные задачи. В данной работе делается попытка на основе медного и бронзового инвентаря определить характер и динамику развития сплавов на поселении Березань — одной из древнейших греческих колоний в Северо-Западном Причерноморье.

В лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР было исследовано 189 медных и бронзовых изделий из раскопок Березани, относящихся к периоду от возникновения поселения, т. е. VII в. до н. э., до IV в. до н. э.[1] Коллекция состоит из скифских наконечников стрел (72 экз.), мелких дельфинчиков (47 экз.), монет-стрелок (28 экз.), различных украшений: булавок, браслетов, сережек (всего 27 экз.), орудий труда: иголок (3 экз.), раболовных крючков (5 экз.), а также единичных находок — различных пластинок в виде цветка лотоса и миниатюрного зеркальца, уховертки, пуговицы, язычка от бубенчика, фрагмента терки или сита, пластинки-гирьки.

Стрелы с березанского поселения делятся на две хронологические группы. К первой относятся стрелы двух типов.

1. Двухлопастные с овальной головкой и выступающей втулкой с шипом (рис. 1, *1—9*) и как отдельный вариант этого типа без шипа (рис. 1, *10—11*).

2. Трехлопастные стрелы с овальной головкой и выступающей втулкой с шипом (рис. 1, *12—25*) или без него (рис. 1, *32—42*). Отдельный вариант этого типа представляют трехлопастные стрелы с головкой остролистной формы и с заостренно обрезанными снизу лопастями (рис. 1, *26—31*). Такие стрелы хорошо представлены в комплексах лесостепной Скифии архаического времени и в скифских захоронениях степной зоны этого времени. Оба типа датируются VII—VI вв. до н. э.[2]

Вторая хронологическая группа — VI—V вв. до н. э. — также представлена стрелами нескольких типов.

1. Стрелы трехлопастные, концы лопастей срезаны вровень с основанием втулки. Головка в плане имеет форму треугольника с широким основанием или слегка дуговидные лопасти (рис. 2, *1—13*). П. Рау назвал их «базисными». К этому типу можно отнести и две слегка удлиненные стрелы с незаточенными концами головок (рис. 2, *14—15*).

2. Отдельный тип представляет трехлопастная стрела (рис. 2, *16*). Головка ее сходна с «базисными» стрелами. На лопастях, начиная с середины головки, имеются углубления, подчеркивающие выступающую на 0,6 *см* втулку. Этот тип стрел встречается реже описанных выше, но бытует вместе с ними.

---

[1] Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность В. В. Лапину за любезное разрешение опубликовать данный материал.

[2] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, вып. Д1-4. М., 1964, с. 18.

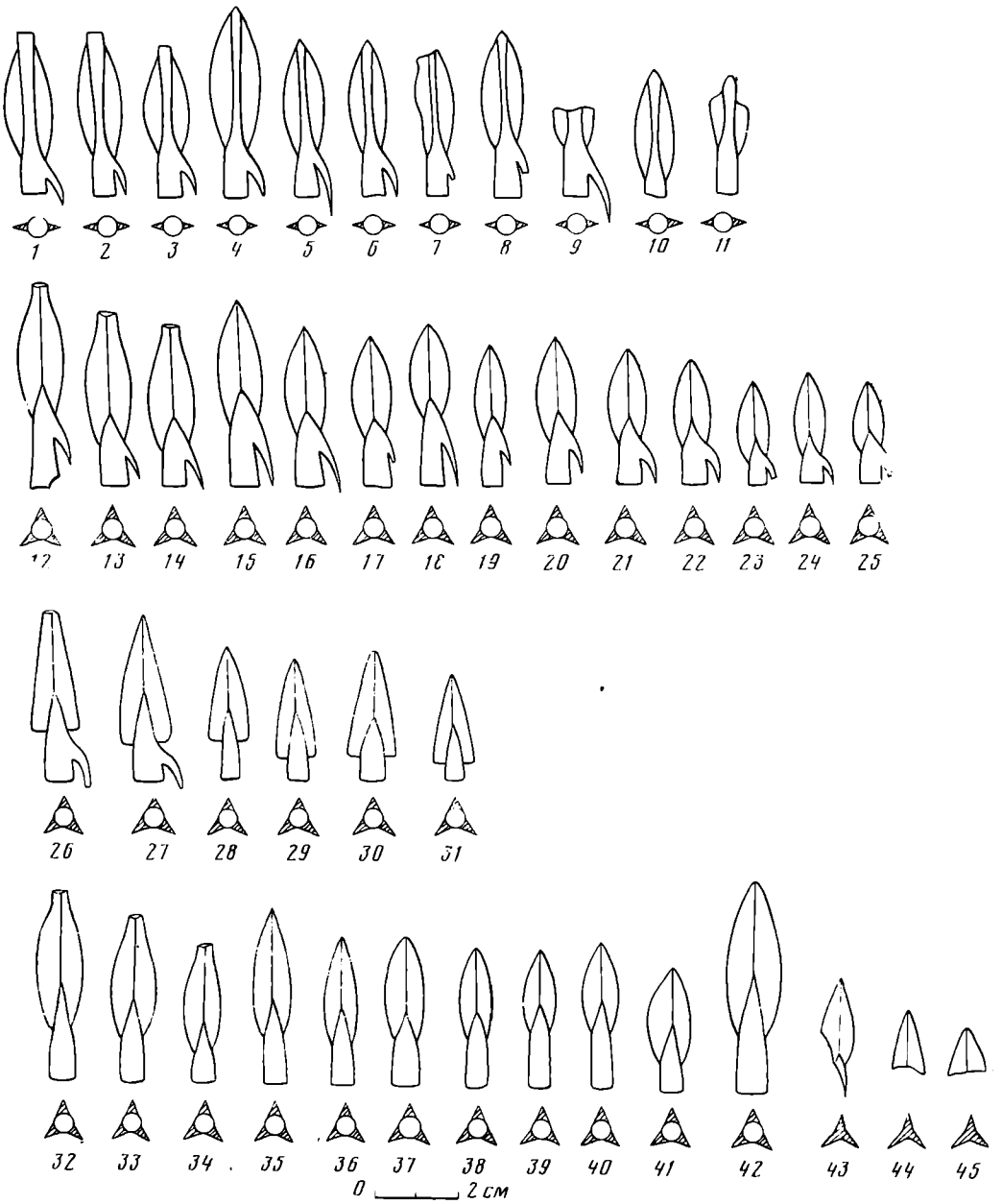


Рис. 1. Набор стрел I хронологической группы

3. Третий тип представлен «башневидными» трехлопастными стрелами с удлиненной головкой, сужающейся от середины высоты до острия (рис. 2, *17—24*).

4. Все вышеописанные стрелы находят выразительные аналогии в комплексах лесостепной Скифии, некрополя Ольвии и других античных поселений [3].

Единичными экземплярами представлены две трехгранные стрелы с выступающей втулкой, различающиеся только размерами (рис. 2, *25—26*). Подобные стрелы редко встречаются в большом количестве. Как правило, они представлены единичными экземплярами в колчанных наборах V в. до н. э.

И наконец, пулевидная стрела, имеющая форму округлого конуса без оперения, с глубокой втулкой. Подобные стрелы являются повторением

[3] Там же, табл. 7.

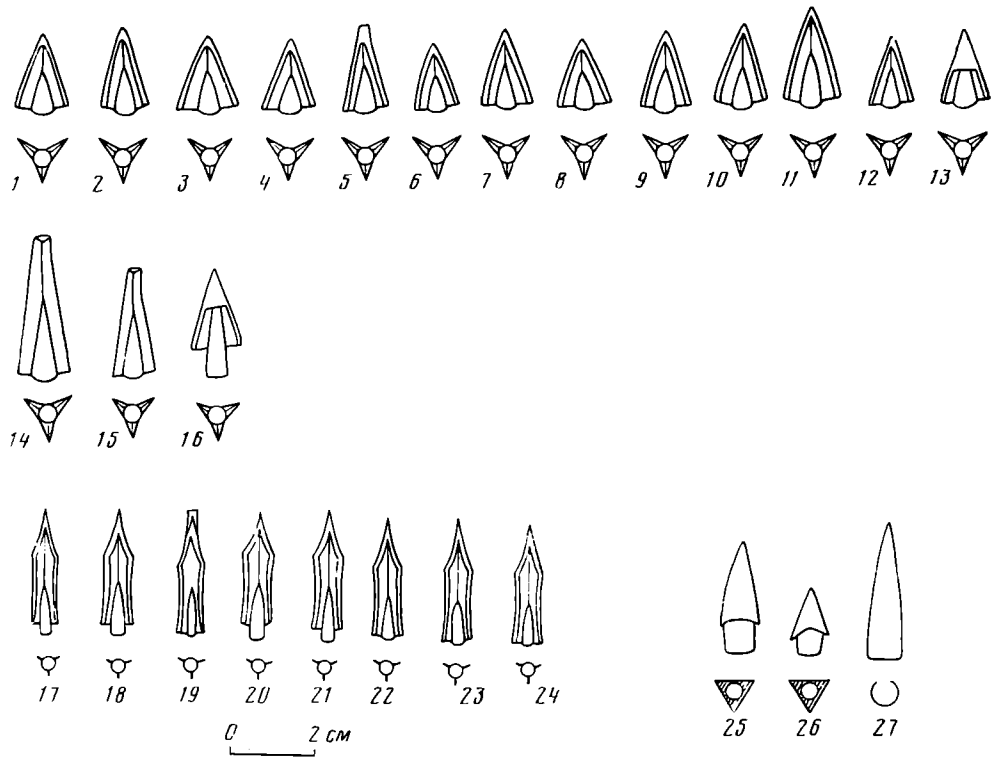


Рис. 2. Набор стрел II хронологической группы

форм костяных наконечников. Они не имеют точной датировки и встречаются, как правило, единичными экземплярами в комплексах как VII, так и V в. до н. э.

Типология литых дельфинов меньше привлекала внимание исследователей, чем иной металлический инвентарь. В очень немногих работах, посвященных этой проблеме, авторы пытались разделить дельфины на несколько типов и соответственно разработать их хронологию. А. Н. Зограф делил дельфины на два типа. 1. Дельфины односторонние или плоскорельефные, у которых одна сторона имитирует боковую поверхность тела дельфина, а другая совершенно плоская имеет надпись APIXO или ⊙ᛉ . 2. Дельфины двусторонние, которые схематично повторяют формы тела дельфинов. Дельфины с надписями отнесены к рубежу VI—V вв. до н. э., а анэпиграфные — к V — началу IV в. до н. э.[4]

А. Г. Сальников придерживается иного мнения. Он полагает, что форма дельфинов развивалась от анэпиграфных к дельфинам с надписями. Более того, он делит анэпиграфные дельфины на две подгруппы, считая, что схематично выполненные дельфины более ранние, чем дельфины, которым приданы более или менее реальные черты. А дельфины с надписями также имеют различную датировку, а именно дельфины с ⊙ᛉ надписью более ранние, чем с надписью APIXO [5].

Л. П. Харко также принимает за основу типологии дельфинов принцип постепенного усложнения форм [6].

В. В. Лапин же, учитывая одновременные находки анэпиграфных дельфинов различных типов, придерживается мнения об их синхронности [7].

[4] *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16, с. 124.

[5] *Сальников О. Г.* Ольвійські рибки.— МАСП, вып. II, 1959, с. 50—53.

[6] *Харко Л. П.* Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг.— В сб.: Ольвия. Теменос и агора. М.— Л., 1964. с. 322—330.

[7] *Лапин В. В.* Групповая находка ольвийских дельфинов на Березани.— МАСП, вып. 7, 1971, с. 46.

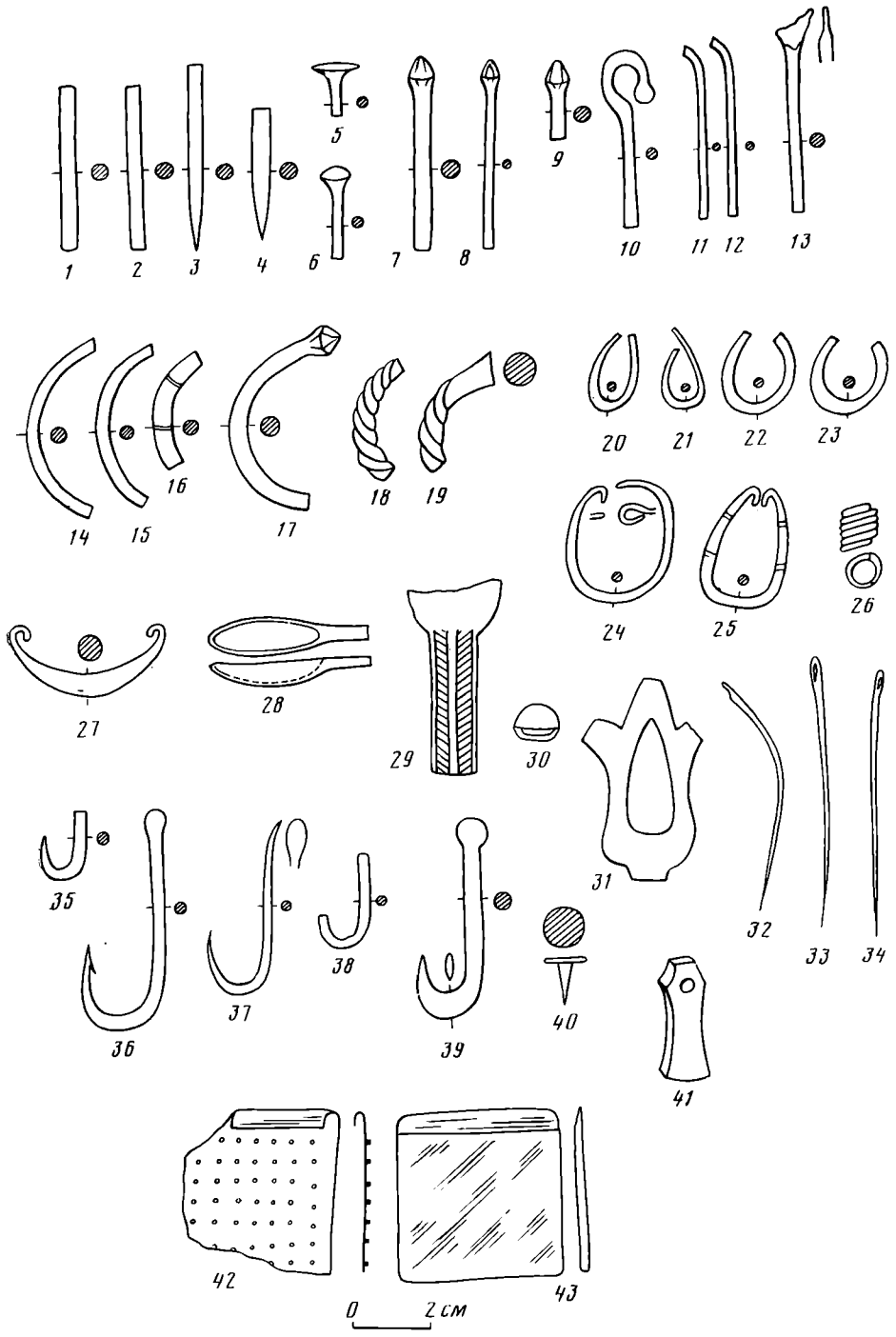


Рис. 3. Бронзовые украшения, орудия труда и иные поделки с о. Березань

Таким образом, сейчас ни типология, ни хронология дельфинов в достаточной мере еще не разработаны. Поэтому мы ограничимся только делением дельфинов на два типа по А. Н. Зографу. Нашу группу дельфинов представляют только двусторонние анэпиграфные дельфины. О хронологическом же диапазоне их существования трудно сказать что-либо определенное.

Отдельный набор составляет 28 монет-стрелок. О денежной их роли свидетельствуют находки последних, как и дельфинов, в качестве «обола Харона», зафиксированные в Ольвии и на Березани[8]. Об их происхож-

[8] ОАК за 1904 г. СПб., 1907, с. 46; ОАК за 1908 г. СПб., 1912, с. 34.

дении исследователи судят по-разному. Ограничимся лишь упоминанием двух основных точек зрения. В. М. Скуднова, публикуя 15 монет-стрелок из Ольвии, говорит о связях Ольвии с фракийским миром [9]. Не вызывает сомнения связь монет-стрелок и «рыбок» с варварским миром и у В. Д. Блаватского [10].

Вторая точка зрения на происхождение монет-стрелок отстаивается В. В. Лапиным. Он полагает, что монеты-стрелки — это чисто греческое изобретение и возникли они в Ольвии и на Березани [11]. Такого же мнения придерживается и В. А. Анохин [12].

Таким образом, и проблема монет-стрелок ждет своего разрешения. Мы ограничимся только напоминанием, что время бытования монет-стрелок как одной из форм денег — конец VI в. до н. э.

В отдельную серию мы объединили набор украшений. Сюда входят булавки, браслеты, серьги и подвески.

Наиболее многочисленную группу составляют булавки — 13 штук. Из них четыре названы булавками условно. Это круглые в сечении стержни, два заточены с одной стороны (рис. 3, *1—4*), что позволяет предположить, что это обломки нижней и средней части булавок. Остальные булавки представляют собой один из характерных видов украшений для лесостепной Скифии и довольно редки в скифских захоронениях степной зоны, где, по мнению исследователей, они начинают появляться в IV в. до н. э.[13] Тем не менее эта категория украшений довольно часто встречается на античных поселениях в более ранний период. Так, коллекция булавок была собрана на недавно открытом античном поселении архаического времени у Ягорлыцкого залива [14]. Известны единичные находки булавок и из раскопок Ольвии [15].

Все булавки, найденные на Березани, не считая четырех обломков, можно разделить на несколько типов. Несмотря на фрагментарность изделий, сделать это мы можем по схеме, предложенной В. Г. Петренко: 1 — форма шляпки; 2 — форма шейки; 3 — форма вертикального сечения в наиболее широкой части стержня [16]. В данном случае приемлемы два первых признака, так как слишком короткие остатки верхней части булавок не позволяют установить, были ли какие-нибудь орнаментальные или рельефные оформления в средней и нижней их части.

По форме шейки и шляпки весь набор делится на шесть типов.

1. Фрагмент булавки с гвоздевидной шляпкой и дугообразно изогнутой шейкой (рис. 3, *5*).

2. Фрагмент булавки с грибовидной шляпкой и дугообразно изогнутой шейкой (рис. 3, *6*). Время бытования булавок этих двух типов — VI в. до н. э.[17]

3. Три фрагмента булавок с биконическими гранеными головками, образованными конической шляпкой и конической шейкой (рис. 3, *7—9*). Время бытования таких булавок — VI—V вв. до н. э.[18]

4. Фрагмент булавки с головкой из круглого в сечении стержня, изогнутого в виде крючка, отдаленно напоминающего пастуший посох

---

[9] *Скуднова В. М.* Монеты-стрелки из Ольвии.— СГЭ, 1956. № 10, с. 39.

[10] *Цветаева Г. А.* Конференция по истории античного города.— СА, 1961, № 3, с. 323.

[11] *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 145.

[12] **Любезное сообщение В. А. Анохина.**

[13] *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.— САИ, вып. Д4-5. М., 1978, с. 7.

[14] *Островерхов А. С.* Ягорлыцкое поселение ремесленников. Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов. Киев, 1975, с. 18.

[15] Раскопки Р. Й. Ветштейн 1969 г. Хранится в фондах ИА АН УССР, шифр 0/69 — № 1215; Дореволюционная покупка ОГАМ, шифр А-46824.

[16] *Петренко В. Г.* Украшения Скифии..., с. 8.

[17] Там же, с. 12. 14.

[18] Там же, с. 15.

с шариком на конце крючка (рис. 3, *10*), который отличает данный фрагмент от посоховидных булавок VII в. до н. э. с головкой из четырехгранного стержня с расклепанным окончанием, встречающихся в лесостепной Скифии [19].

5. Два обломанных круглых в сечении стержня со слегка загнутыми верхними концами (рис. 3, *11—12*). Это могут быть фрагменты булавок, которые использовались в V в. до н. э.[20], головка образовывалась волнообразно изогнутым верхним концом стержня, или же это фрагменты шпилек с фигурно прогнутой верхней частью.

6. Фрагмент булавки из круглого в сечении стержня с расклепанной головкой (рис. 3, *13*). Расклепанная часть обломана, и ее первоначальную форму установить невозможно. Но в лесостепи известны булавки с головкой в виде весла или фигурной лопатки [21].

Учитывая крайнюю немногочисленность находок булавок пятого и шестого типов, следует подчеркнуть условность отнесения наших экземпляров к данным типам.

Следующая категория украшений — браслеты. Они представлены шестью фрагментами, три из которых не поддаются типологическому определению из-за крайней фрагментарности (рис. 3, *14—15*). Это круглые в сечении стержни, изогнутые в дугу, но с обломанными окончаниями. Лишь на одном сохранился орнамент в виде нарезанных по окружности стержня линий (рис. 3, *16*). Остальные три браслета делятся на два типа. Первый браслет (рис. 3, *17*) изготовлен из круглого в сечении стержня с биконической головкой. Изготовление таких браслетов тесно связано с изготовлением булавок с головками такого типа. С Ягорлыцкого поселения происходит стержень с концами в виде биконических головок длиной 20 *см*. Разрубив такой стержень на две части и заточив концы, мастер получал две булавки длиной по 10 *см*, а изогнув его по окружности, получал массивный браслет с несмыкающимися концами. В среднем, по нашим расчетам, для изготовления браслета необходима была заготовка длиной от 14 до 18—20 *см*. Время бытования таких браслетов определяется по булавкам — VI—V вв. до н. э.

Два остальных браслета также фрагментарны (рис. 3, *18—19*). Это обломки круглых в сечении стержней, изогнутых в дугу с орнаментом в виде круговой резьбы и гладкими концами, как у одного из данных браслетов (рис. 3, *19*). Датируются эти браслеты по комплексам Правобережья, Поворсклья, Поднестровья IV в. до н. э.[22]

О первоначальной форме четырех фрагментов сережек (рис. 3, *20—23*) сейчас судить трудно из-за обломанных окончаний. Изготовлены они были из круглой в сечении проволоки. Возможно несколько вариантов оформления такого типа сережек: заостряющиеся концы могли быть несомкнутые, сомкнутые или слегка заходящие друг за друга, как это было, по-видимому, на двух экземплярах (рис. 3, *20—21*), или же незаостренные концы максимально сомкнутые, посредством упругости кольцевого крепления такая сережка крепилась на мочке уха (рис. 3, *22—23*). Такие типы ушных украшений стали господствующими у населения Скифии с IV в. до н. э.[23], но время их возникновения несомненно раньше.

Одна серьга изготовлена также из проволоки, но концы ее оформлены в виде петли и крючка. Сережек такого типа немного, они встречаются в памятниках степной группы с IV в. до н. э.[24]

---

[19] Там же, с. 16.
[20] Там же, с. 19.
[21] Там же, с. 19, 20.
[22] *Петренко В. Г.* Украшения Скифии..., с. 56.
[23] Там же, с. 35.
[24] Там же, с. 37, рис. 24.

Следующая серьга из круглой в сечении проволоки выгнута в форме треугольника с закругленными углами. Концы загнуты в виде крючков, которые, впрочем, не цепляются друг за друга. На обеих сторонах треугольника нарезаны по два круга (рис. 3, *25*). Такой тип сережек редок для Северного Причерноморья данной эпохи.

И наконец, спиралевидная подвеска, свернутая из тонкой проволоки в шесть витков (рис. 3, *26*).

Неизвестно назначение бронзового предмета (рис. 3, *27*). Это круглый в сечении стержень с постепенно утончающимися концами, загнутыми в крючки. Сам стержень слегка изогнут. Возможно, это один из видов застежек для одежды.

К группе украшений мы отнесли также уховертку или лопатку для косметики (рис. 3, *28*), бляшку в виде миниатюрного зеркальца с обломанным диском (рис. 3, *29*), пуговицу в виде сферической бляшки и с припаянной сзади дужкой (рис. 3, *30*) и пластинку в виде цветка лотоса (рис. 3, *31*).

Небольшую серию составляют орудия труда. Это три швейные иглы (рис. 3, *32—34*), пять рыболовных крючков (рис. 3, *35—39*), гвоздик (рис. 3, *40*), язычок от бубенчика (рис. 3, *41*), фрагмент терки или сита (рис. 3, *42*) и пластинка-гирька (рис. 3, *43*). Эти предметы являются характерными находками для античных поселений Северного Причерноморья и имеют широкие хронологические рамки бытования.

Таким образом, весь проанализированный материал дает представление о характере медных и бронзовых изделий, бывших в обиходе у населения березанского поселения в период начала VII — конца IV в. до н. э. Широкое использование вещей скифского типа населением Березани говорит об их прочных связях с варварским миром. Исследователи не раз обращались к теме о наличии варварских элементов в культуре античных полисов. Еще С. И. Капошина, обработав огромный вещественный материал, пришла к выводу, что особенно в ранний период истории Ольвии в составе ее населения прослеживается местная прослойка, происходящая из этнической среды, окружающей Ольвию [25]. Собственно на Березани имеет место та же картина. Одно из первых греческих поселений имело чисто торговое значение. В греческой традиции Березань упоминается как «торжище борисфенитов». Поэтому нет основания не соглашаться с М. Ф. Болтенко в том, что в первое время греки и туземцы селились на острове бок о бок [26]. Естественно, что среди этого смешанного населения были и местные ремесленники, в частности литейщики, которые удовлетворяли потребности населения острова в металлических изделиях. Об их присутствии на поселении говорят следы металлообработки — литейные формы [27], изделия с незаконченной обработкой, прежде всего стрелы (рис. 1, *1—3*, *12—14*, *26*, *32—34*; рис. 2, *5*, *14*, *19*), а также различные отходы литейного производства. Изделия березанских ремесленников, конечно, были в употреблении не только у варваров, проживающих на острове, но и у греков, вынужденных подстраиваться под местный образ жизни. Но приезжавших из метрополии купцов, как известно, в наибольшей мере интересовали продукты земледелия, в обмен на которые они привозили вино, посуду. Этим, наверное, объясняется обилие металлических вещей скифского типа на Березани в архаическую эпоху, в то время как греческий элемент характеризуется в основном керамическим материалом. Единичные находки вещей, выполненных в греческом стиле и бывших в обиходе, по-видимому, у колонистов, таких, как уховертка или обшивочная пластинка в виде цветка

[25] *Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, № 50, 1956, с. 189.

[26] *Болтенко М. Ф.* Исторические судьбы острова Березани.— ЗОАО, т. I, 1960, с. 42, 43.

[27] *Лапин В. В.* Греческая колонизация..., с. 137.

лотоса, имеют очень неопределенную датировку, и нет никаких аргументов в пользу их березанского изготовления.

Проследим теперь, какими сплавами пользовались березанские литейщики. Мы специально разделили всю коллекцию бронзы по категориям, чтобы определить зависимость искусственных лигатур от категории вещей. Но сначала дадим общую характеристику металлургических сплавов, на которые делится вся березанская бронза.

Из 189 проанализированных изделий всего 6 изготовлено из металлургически чистой меди, 93 изделия в качестве искусственной примеси имеют олово в концентрациях выше 1%, 65 — изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы, 2 — из свинцовой. 14 изделий кроме олова и свинца в качестве искусственной примеси имеют сурьму, а 5 изделий кроме олова, свинца и сурьмы еще искусственно легированы мышьяком.

Теперь посмотрим, как распределяются типы сплавов по категориям вещей.

Весь набор стрел с березанского поселения можно разделить на несколько групп.

На гистограмме распределения концентраций олова в стрелах обеих хронологических групп (рис. 4, *А*, *Б*) отчетливо видно, что практически во всех стрелах в качестве искусственной примеси присутствует олово в концентрациях от 1 до 18%. Определенная часть стрел также легирована и свинцом. Таким образом, здесь мы имеем дело с оловянной и оловянно-свинцовой бронзой, обе группы обозначены на корреляционных графиках взаимозависимости олова и свинца (рис. 5, *А*, *Б*), граница искусственного легирования свинцом — 0,5%.

Из трех стрел, содержащих олово меньше 1%, лишь одна изготовлена из металлургически чистой меди с содержанием олова 0,15% и свинца — 0,008%.

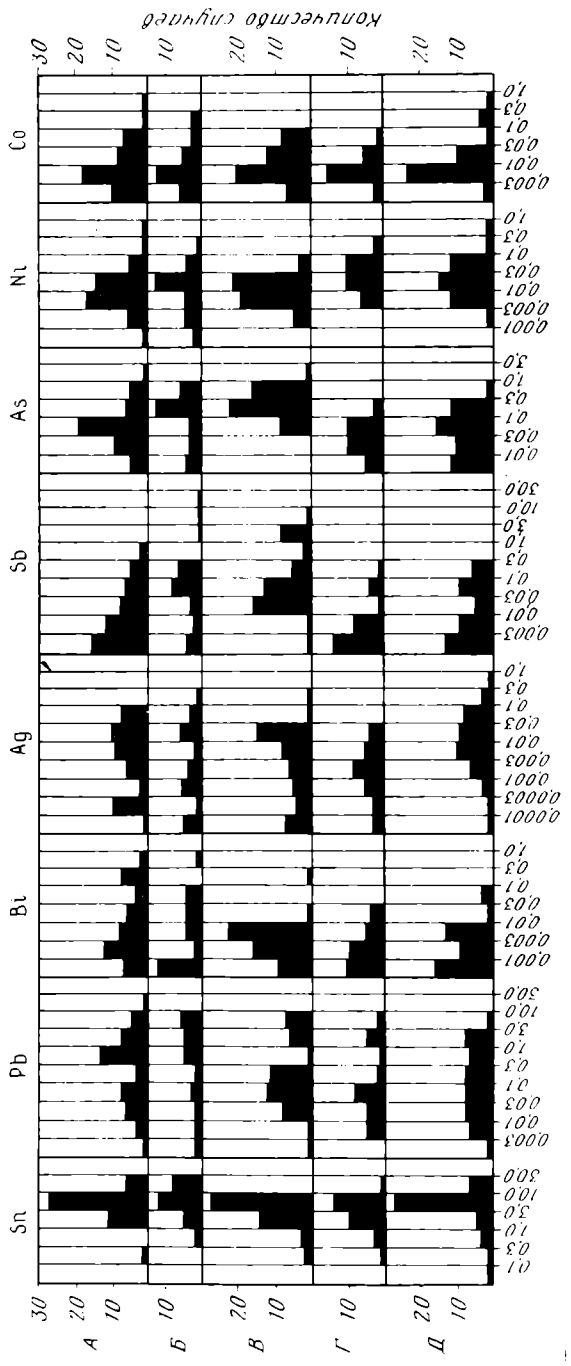


Рис. 4. Гистограмма распределения концентраций основных элементов-примесей в изделиях с Березани
А — стрелы I хронологической группы; *Б* — стрелы II хронологической группы; *В* — дельфины; *Г* — монеты-стрелки; *Д* — украшения, орудия труда и пр.

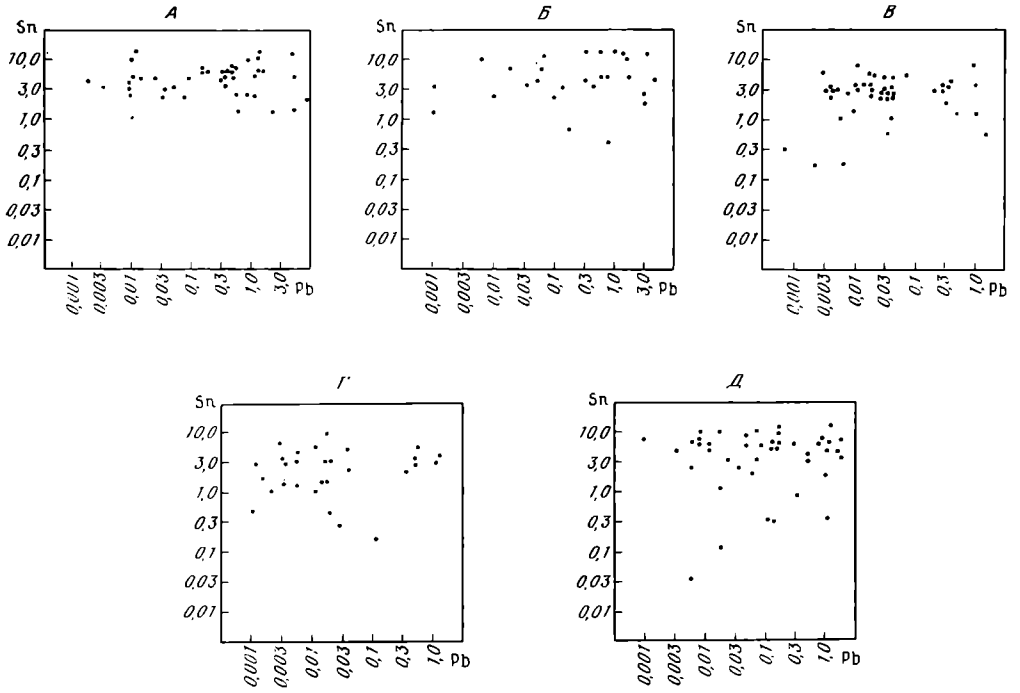


Рис. 5. Корреляционные графики взаимозависимости олова и свинца в изделиях с Березани
А — стрелы I хронологической группы; *Б* — стрелы II хронологической группы; *В* — дельфины; *Г* — монеты-стрелки; *Д* — украшения, орудия труда и пр.

Но по типу эта стрела ничем не выделяется среди всего набора первой хронологической группы (рис. 1, *8*). Две остальные стрелы (рис. 2, *7*, *14*), принадлежащие ко второй хронологической группе, при концентрации олова менее 1% содержат свинец 0,9 и 2% и отнесены к группе свинцовой бронзы.

В отдельную группу следует выделить три стрелы второй хронологической группы (рис. 2, *1*, *4*, *26*) с искусственным добавлением сурьмы от 1,5 до 10%. Эта группа показана на корреляционном графике взаимозависимости сурьмы и мышьяка (рис. 5, *Б*). Кроме сурьмы в этих стрелах присутствует олово в концентрациях от 2,5 до 5,5%. В данном случае мы имеем дело с оловянно-сурьмяной бронзой. Пулевидная стрела изготовлена из многокомпонентного сплава с искусственной примесью олова, свинца и мышьяка. Из такого же сплава изготовлена стрела, относящаяся к первой хронологической группе (рис. 1, *40*).

Так же как и стрелы, практически все дельфины в качестве искусственной примеси имеют олово в концентрациях от 1 до 10% (рис. 4, *В*). Из пяти дельфинов, содержащих олово менее 1%, четыре мы условно отнесли к группе металлургически чистой меди, а один с содержанием свинца 5% — к группе свинцовой бронзы. Свинец в качестве искусственной примеси имеют и дельфины с содержанием олова выше 1%. Таким образом, здесь мы также имеем дело с оловянно-свинцовой бронзой. Все металлургические группы показаны на корреляционном графике взаимозависимости олова и свинца (рис. 5, *В*).

На гистограмме распределения концентраций сурьмы отчетливо видна группа изделий искусственно легированных сурьмой с границей распределения 0,3% (рис. 4, *В*). Кроме сурьмы здесь в высоких концентрациях присутствуют олово, свинец, а в одном случае 1% мышьяка. В данном случае мы имеем дело с многокомпонентными сплавами на медной основе с искусственным добавлением олова, свинца, сурьмы и мышьяка.

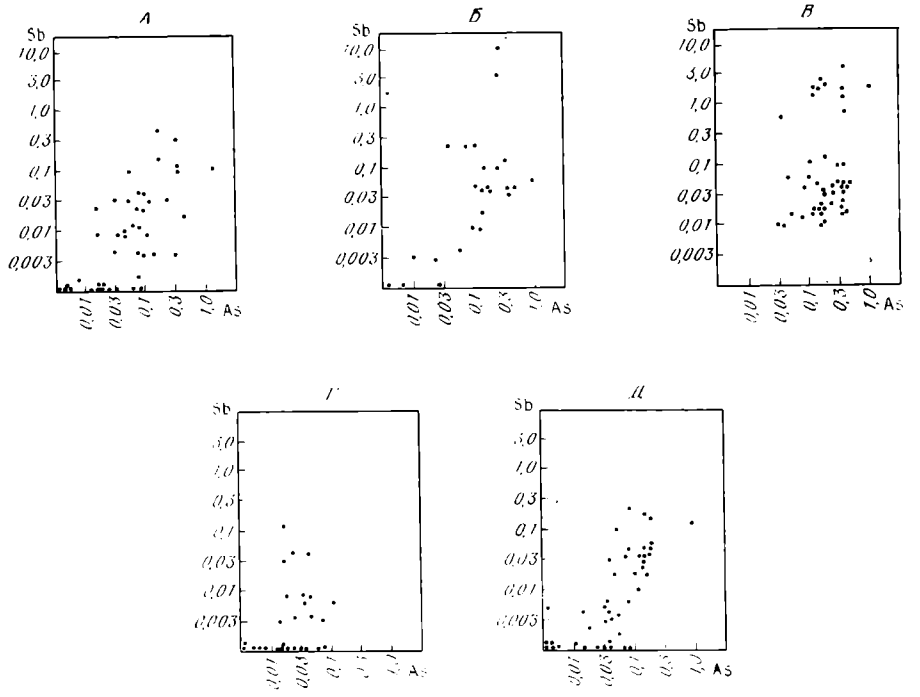


Рис. 6. Корреляционные графики взаимозависимости сурьмы и мышьяка в изделиях с Березани
А — стрелы I хронологической группы; *Б* — стрелы II хронологической группы; *В* — дельфины; *Г* — монеты-стрелки; *Д* — украшения, орудия труда и пр.

Эта группа изделий выделена на корреляционном графике взаимозависимости сурьмы и мышьяка (рис. 6, *В*).

По гистограмме распределения концентраций олова в монетах-стрелках (рис. 4; *Г*) видно, что большинство этих изделий также изготовлено из оловянной бронзы, некоторые из них, впрочем, имеют искусственно добавленный свинец. Это видно на корреляционном графике взаимозависимости олова и свинца (рис. 5, *Г*). Три монеты-стрелки имеют олово и свинец менее 1%. Их мы условно относим к группе металлургически чистой меди, хотя содержание свинца в них довольно высокое, чтобы считать его естественной примесью. Можно предположить, что эти монеты-стрелки изготовлены из сплава, который неоднократно переплавлялся, и концентрация олова и свинца от этого резко уменьшилась.

В отличие от наконечников стрел и дельфинов среди монет-стрелок нет случаев использования иных примесей кроме олова и свинца.

Так как бронзовых орудий труда и других изделий слишком мало для статистической обработки, мы объединили их в одну группу с украшениями. Вся эта серия — 43 изделия, так же как и стрелы, дельфины и монеты-стрелки, изготовлена в основном из оловянной бронзы. Олово в этих изделиях содержится в концентрациях от 1 до 15%. Часть изделий вместе с оловом содержит высокие концентрации свинца от 0,3 до 3%. Четыре предмета изготовлены из металлургически чистой меди. Это пластина в виде цветка лотоса (рис. 3, *31*), обломок иглы (рис. 3, *32*), крючок (рис. 3, *36*) и гвоздик (рис. 3, *40*). Все три металлургические группы показаны на корреляционном графике взаимозависимости олова и свинца (рис. 5, *Д*). Примечательно, что во всей этой серии, так же как и в монетах-стрелках, отсутствуют сурьмяные сплавы.

Таким образом, вся коллекция медных и бронзовых изделий с Березанского поселения изготовлена в основном из оловянной и оловянно-свинцовой бронзы. Использование оловянной бронзы в I тысячелетие до н. э. исследователи расценивают как наследие ремесленников эпохи

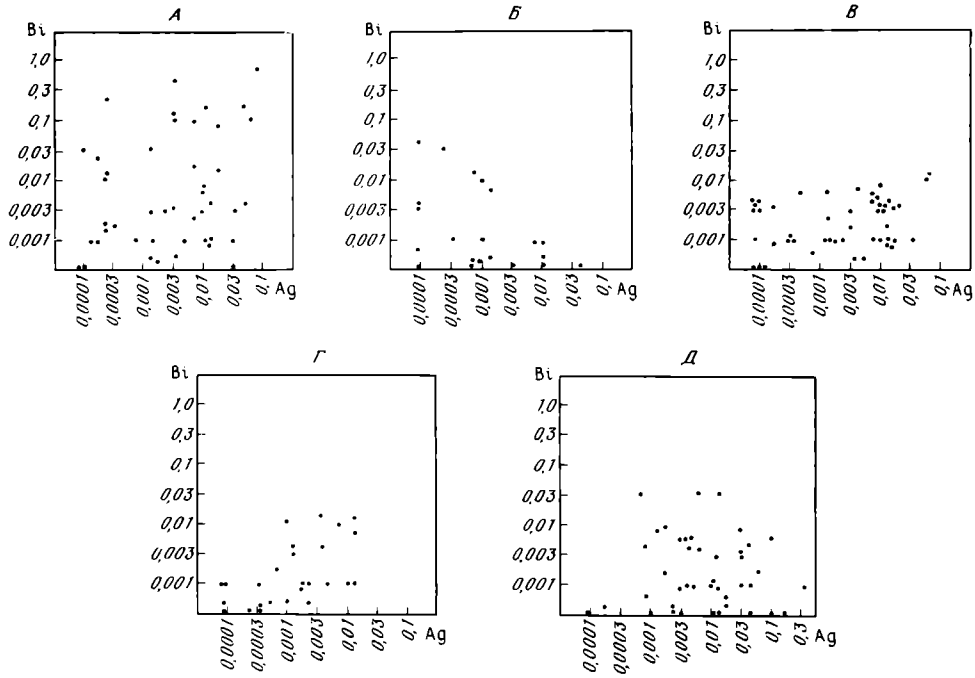


Рис. 7. Корреляционные графики взаимозависимости висмута и серебра в изделиях с Березани

А — стрелы I хронологической группы; *Б* — стрелы II хронологической группы; *В* — дельфины; *Г* — монеты-стрелки; *Д* — украшения, орудия труда и пр.

бронзы [28]. Применение же оловянно-свинцовых сплавов, по-видимому, нужно связывать с мастерами раннего железного века. Единичные случаи использования многокомпонентных сплавов и металлургически чистой меди пока не дают возможности проследить зависимость искусственного легирования от функционального назначения вещи.

Сложнее обстоит дело с выделением в исследуемом металле химических групп. Использование металла из различных меднорудных районов и произвольное смешивание металла во время переплавки, а также использование комплексных лигатур, которые принесли в сплав много микропримесей, существенно меняло картину химического состава первоначально взятого металла.

Тем не менее некоторые различия в металле различных категорий вещей заметить можно. Например, две хронологические группы стрел различаются между собой по содержанию концентрации висмута. Двухвершинность гистограммы распределения концентраций этого элемента в стрелах обеих хронологических групп (рис. 4, *А*, *Б*) свидетельствует об использовании здесь металла нескольких групп, соответственно с высоким и низким содержанием висмута. Но стрелы второй хронологической группы содержат висмут в основном в низких концентрациях. Только в единичных случаях концентрации висмута превышают 0,03%. Такая же картина наблюдается в сплавах дельфинов, монет-стрелок и серии украшений и орудий труда (рис. 7, *Б*, *В*, *Г*, *Д*).

Прослеживается некоторая разница между медью изделий и по содержанию сурьмы. Так, стрелы первой хронологической группы изготовлены из металла двух типов, соответственно с низким до 0,006% и высоким содержанием сурьмы. Это видно и на гистограмме распределения концентраций сурьмы (рис. 4, *А*). Стрелы же второй хронологической

[28] *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры (МИА, № 187). М., 1972, с. 91.

группы содержат сурьму в концетрациях от 0,007 до 0,3%, т. е. они изготовлены из металла, схожего с металлом только одной определенной части стрел первой хронологической группы. Более определенное сходство проявляет металл стрел второй хронологической группы с металлом дельфинов. Сходство это проявляется, во-первых в том, что металл стрел второй хронологической группы и металл дельфинов содержит одинаковые концентрации естественных примесей сурьмы, а во-вторых, только эти два вида изделий содержат сурьму в качестве искусственной примеси. Это дает нам основание считать их синхронными и, вернувшись к вопросу о датировке анэпиграфных дельфинов, поддержать мнение А. Н. Зографа о том, что анэпиграфные дельфины более поздние по сравнению с дельфинами с надписями и относить их следует не ранее чем к V в. до н. э.

Таким образом, спектральное исследование медного и бронзового инвентаря с поселения на о. Березань дало возможность частично проследить характер сплавов на медной основе в одной из первых греческих колоний Северного Причерноморья в период VII—IV вв. до н. э. Мы видим, что в этот период цветная металлообработка приобретает некоторые новые черты. Так, по сравнению с эпохой бронзы появляется новый тип сплавов — оловянно-свинцовая бронза, также по сравнению с периодом VII—VI вв. до н. э. появляются новые типы сплавов — оловянно-сурьмяные и оловянно-свинцово-сурьмяные, т. е. с V в. до н. э. начинают использоваться многокомпонентные сплавы. Судя по описанным выше различиям металла, по-видимому, меняются источники металла или по крайней мере прекращается эксплуатация некоторых из них.

S. Ya. Olgovski

THE BRONZE ARTIFACTS FROM BEREZAN

Summary

The article is the first attempt of tracing of the development of bronze metalwork at the antique settlement. The author came to a conclusion, that in the first centuries of the existing of the Berezan settlement the artifacts of metall were mainli of the Scythian types. The artifacts produced by the craftsmen-colonists are found in a very small number. The Greek element at the archaic period is characterized by pottery, which reflects the coexistance of the Greeks and local population at the Berezan. The spectral analysis of metal artifacts showed that in the archaic period — the VIIth — VIth centuries B. C.— the tin bronzes, inherited from the Bronze Age metallurgy were used together with tin-lead bronzes. A new type of alloy — antimony was used since the Vth century B. C., i. e. since Vth century B. C. multicomponental fusions were used. The identity of the receipture of arrowheads of the Vth century B. C. and the «dolphins» (cast coins in the shape of a dolphin) shows their synchronity and clarifies the dating of unepigraphic «dolphins». This attempt of analysis of metallic artifacts from Berezan opens new wide perspectives for the further investigations of nonferous metallworks at the antique towns of the Northern Pontic area.

И. Р. ПИЧИКЯН

НОЖНЫ КСИФОСОВ И МАХАЙР В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

По крупицам собираются находки периода пребывания Александра Македонского в Северной Бактрии. Памятники несомненно античные насчитываются единицами. К числу таких находок, наиболее характерных для греческой культуры, но совершенно уникальных, известных хорошо только по изобразительным источникам, относятся публикуемые части вооружения, точнее детали ножен специфически античных мечей — ксифоса и махайры.

Части ножен (две от ксифоса и две от махайр) найдены нами в центральном здании крепости, стоящей на правом берегу Амударьи в месте слияния Вахша с Пянджем [1]. Место это известно как Каменное городище (названо М. М. Дьяконовым) (местное Тахти Сангин) из-за выступающих на поверхность каменных стен и башен, а также благодаря находкам на территории городища каменных баз и стволов колонн [2].

О времени основания крепости в верховье Амударьи в литературе уже сложилось в целом правильное представление. М. М. Дьяконов на основании подъемного материала после разведки 1950 г. на Тахти-Кувадe и Каменном городище датировал их античным временем. А. М. Мандельштам, проводивший в 1956 г. шурфовку городища, наиболее полно осветил результаты своих раскопок в связи с вопросом хронологии могильников Бишкентской долины. По словам А. М. Мандельштама, «при всех необходимых оговорках очевидно, что два нижних слоя Каменного городища относятся к какой-то части промежутка времени, соответствующего III—II вв. до н. э.» [3].

Публикуемые четыре пластины из слоновой кости принадлежат ножнам греческих мечей. Первые две оформляли ножны ксифоса (ξίφος): одна фрагментированная — устье ножен в верхней части, другая целая — нижнюю часть. Две другие, целая и сохранившаяся наполовину, представляют редчайшую разновидность устьев ножен махайр (μάχαιρα), профилями напоминающих русскую ладью [4].

[1] Раскопки 1976—1978 гг. велись Тахтикувадским отрядом Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. См. *Пичикян И. Р., Войтов В. Е., Дубровин А. Ф., Арабов С. Ф., Колпаков А. А.* Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище.— АО-1976, М., 1977, с. 571; *Пичикян И. Р., Дубровин А. Ф., Сарабьянов В. Д.* Открытие ботроса на Каменном городище.— АО — 1977, М., 1978, с. 560; *Пичикян И. Р.* Фависса центрального здания Каменного городища.— АО-1978. М., 1979. с. 582.

[2] В комплексе с Тахти-Кувадом, Вахшской крепостью и другими на противоположном берегу форт охранял древнюю переправу (средневековое Мела) через Амударью, а также контролировал караванный путь вдоль правого берега реки. См.: *Дьяконов М. М.* Работы Кафирниганского отряда.— МИА, № 15, 1950, с. 183; *его же.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) 1950—1951 гг.— МИА, № 37, 1953, с. 254, 265; *его же.* У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, 1956, с. 69.

[3] *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию.— МИА, № 136, 1966, с. 148.

[4] Пластины реставрированы. Фрагментированная собрана из мельчайших кусочков М. С. Шемаханской. Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность

Верхнее завершение ножен, как указывает Е. В. Черненко, оспаривая терминологию Е. И. Леви, «часть рукояти ножен», не имеет точного термина в оружиеведении. Так как Е. В. Черненко сам дает только описательное определение [5], мы, вслед за Н. И. Сокольским и другими исследователями, называем их устьями ножен [6]. Характеризуя атрибуированные совсем недавно ксифосам целые детали, Е. В. Черненко пишет: «Верхней частью ножен является пластина трапециевидной формы с округлыми нижними углами, полукруглым выступом в верхней части и прямоугольным с нависающим краем выступом в нижней части. С лицевой стороны пластины невысоким рельефом намечены симметрично расположенные завитки с небольшими круглыми сквозными отверстиями. В разрезе пластина имеет форму сильно вытянутого овала. Сквозь пластину (сверху вниз) с помощью сверла проделано отверстие линзовидной формы. Кость между просверленными отверстиями выбрана ножом или стамеской. Длина отверстия 4 *см*, ширина около 1 *см*. Размер пластины 13×5 *см*» [7].

1. Наша пластина из слоновой кости от устья ножен ксифоса [8], сохранившая половину лицевой части, т. е. четверть целого устья, представляет значительный интерес как благодаря своей ранней датировке, так и в конструктивном смысле (рис. 1). Изнутри сохранился точный отпечаток формы верхней части лезвия: от сужения в центре сильно расширяющегося к рукояти с треугольным выступом — зубом (по-видимому, с каждой стороны). Внешняя нижняя часть декорирована волютообразным завитком, верхняя несет остатки полукруглого выступа, предотвращающего выпадение меча из ножен. Все остальные описанные Е. В. Черненко детали устья ножен находят полное соответствие как в форме, так и в конструкции амударьинских ножен с греческими архаическими ксифосами. На нашем фрагменте отсутствуют только отверстия сквозь пластину у завитка. Вероятно, публикуемая пластина просто приклеивалась без дополнительного крепления ремешками (см. ниже различные способы крепления к футляру ножен махайр: с отверстиями на фрагментированном устье и без круглых отверстий на целом).

зав. лабораторией металла ВЦНИЛКР М. С. Шемаханской, без содействия которой работа над оружейным комплексом Каменного городища была бы невозможна.

[5] *Черненко Е. В.* Ножны греческого меча из Ольвии.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 120.

[6] *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи.— МИА, № 33, 1954, с. 130 сл.

[7] *Черненко Е. В.* Ук. соч., с. 120.

[8] Инв. № 755/1091 Институт истории им. А. Дониша АН ТаджССР. г. Душанбе. Высота пластины — 4,5, ширина, составляющая половину целой 6,7, толщина максимальная 1 *см*. Сломана, склеена из двух фрагментов. Внешняя отполированная и внутренняя части одинаково хорошей сохранности. Пластина найдена на втором полу первого строительного периода 0,4 *м* над материком в фависсе северного коридора, устроенной в дверном проеме путем перегородки с дверью, снабженной решеткой из железных спиралей (см. *Пичикян И. Р.* Фависса...) В фависсе было найдено около 100 предметов, среди которых были публикуемые здесь ножны махайр, обкладка лиры из слоновой кости, флейта, поле со сферическими лунками (последнее находит себе точные аналогии, лишенные, правда, атрибуции, в архаическом культовом комплексе храма Артемиды Орфии в Спарте: *Dawkins R. M.* The Sanctuary of Arthemis Orthia at Sparta. London, 1929, p. 239, tabl. CLXVII, 2). А устройство фависсы с ямой, закрывающейся крышкой в виде детали колонны находит полные аналогии в Афинах на агоре (различия: в Афинах использована подтесанная дорическая капитель, на Каменном — база аттического типа, но тоже подтесанная на конус.— *Thompson H. A.* Activities in the Athenian Agora. Hesperia, 1958, v. XXVII, № 2, p. 145.) Об аттичных фависсах см.: *Burr D.* A Geometric House and Proto-Attic Votive Deposit. Hesperia, t. II, № 4, 1933, p. 542. На Самофракии: *Lehman K.* Samothraka. Hesperia. t. XIX. № 1, 1950, p. 12, tabl. 9. В Северном Причерноморье: *Худяк М. М.* Из истории Нимфея. Л., 1962, с. 22, 26, 47, 54; *Леви Е. И.* Ольвийская агора.— МИА, № 50, 1956, с. 41; *ее же.* Новые посвятительные надписи Аполлону Дельфинию.— В сб.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 96. Восточные: *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 18.

Рис. 1. Устье ксифоса из слоновой кости

2. Бутероль [9] из слоновой кости в виде небольшой сердцевидной пластины размером 5,8×6,3 *см*. Толщина — 1,1 *см*. В верхней части расположен прямоугольный выступ — 3,5×0,7 *см*. Выступ тоньше самой пластины вдвое. Под краями верхней части выступа две просверлины диаметром 2 *мм*. Лицевая часть отполирована. Обратная сторона сохранила следы треугольного паза от острия меча, отчетливо прослеживаемые. Это и позволяет атрибутировать ее ксифосу. Сохранность полная, бутероль рассохлась, треснув пополам, склеена, небольшие выкрошины по полю, особенно с внутренней неотполированной стороны (рис. 2) [10].

Аналогичные бутероли открыты в Ольвии и Коринфе, повторно опубликованы Е. В. Черненко [11]. Недавняя атрибуция Е. В. Черненко тут же была подтверждена находками целых мечей в ножнах, известным уже по нескольким публикациям [12]. Обращает на себя внимание небольшая величина бутероли, характерная только для раннего времени. Сопоставление с изобразительными источниками, в частности с вазописью и херсонскими эллинистическими надгробными стеллами, показывает, что для бутеролей архаического и классического времени характерна небольшая величина, бутероли IV—III вв. до н. э. средней и крупной формы, во II в. до н. э. бутероли ксифосов, встреченные преимущественно на периферии античного мира,— только крупной формы [13].

[9] Термин, принятый в зарубежном оружиеведении для обозначения нижнего завершения мечей (сердцевинной, листовидной формы, на Востоке украшенной свернувшимися фигурками хищников). См.: *Bernard P.* A propos des bouterolles de fourreaux achéménides.— RA, 1976, 2. p. 227—246, fig. 1—3.

[10] Ипв. № 448/1091. Найдена на Центральном раскопе в северном коридоре в ботросе № 1, глубина 1,20—0,85 над материком. В ботросе № 1 комплекс оружия был найден в засыпи из костей, последних определено около 6 тыс. Материал отбирался на месте А. Ф. Дубровиным, неопределимые обломки диафизов отбрасывались, все определимые кости, маркированные по слоям в 0,20 *м*, определены зав. кабинетом остеологии ИА АН СССР В. П. Данильченко. Пользуемся случаем поблагодарить В. П. Данильченко. В ботросе оказалось явное преобладание передних конечностей мелкого рогатого скота (задних 18%), что в целом несомненно свидетельствует о культурном характере посвятительного сброса. См. *Пичикян И. Р., Дубровин А. Ф., Сарабьянов В. Д.* Ук. соч.

[11] *Черненко Е. В.* Ук. соч., с. 120, 121 сл.

[12] *Connolly P.* The Greek Armies. L., 1978, p. 35 (fig. 1), p. 61 (fig. 3); *Makaronas C. J., Miller S. G.* The Tomb of the Lyson and Kalikles (a painted hellenistic tomb).— Archeology, v. 27, № 4, 1974, p. 249—259 (fig. 250, 255, 257) — Махайры с такими же устьями, III—II вв. до н. э. См. также ксифос из Компованано в целых ножнах с большой бутеролью: *Moscati S.* Italia sconesciuta. Milano, 1976, p. 184, foto. Как мне сообщил М. Горелик, книга получена в ВГИБЛ только в 1978 г.

[13] Исключение составляют изображения в склепе, публикуемые К. Макаронасом и С. Миллером: *Makaronas C. J., Miller S. G.* Op. cit., p. 257 (fig.).

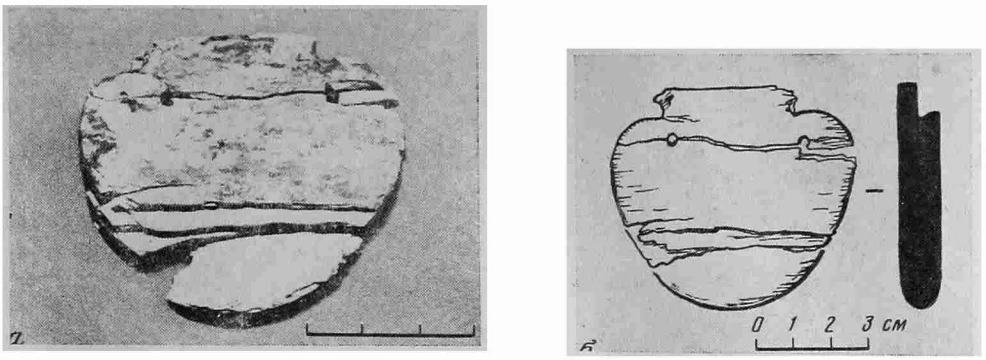
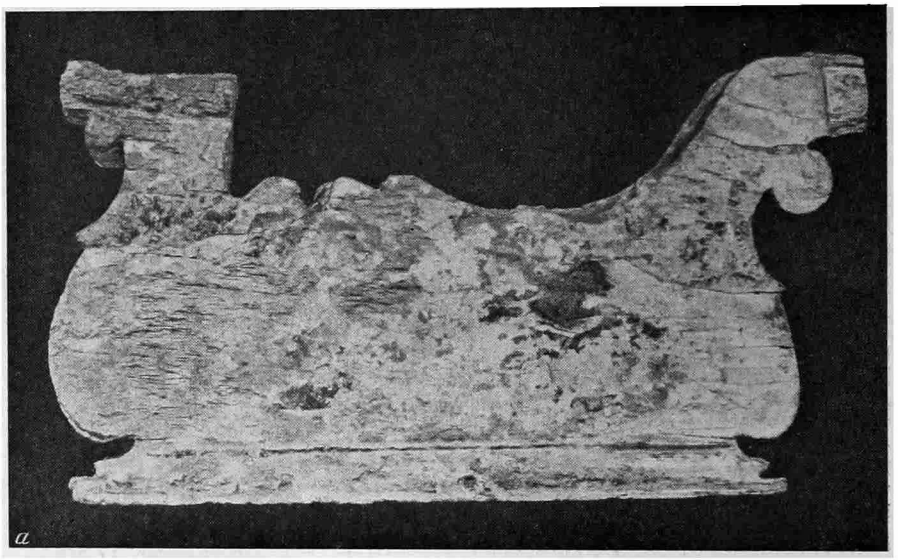


Рис. 2. Бутероль из слоновой кости. *а* — фото, *б* — рисунок

3. Третья пластина представляет собой верхнюю часть ножен наступательного оружия греческих всадников — махайры, сделанную из слоновой кости. Сверху она украшена двумя направленными от центра консолеобразными завершениями (одно с абаком, другое без него с вертикальным разделителем — надпилом для прикрепления ремешка — рис. 3, *а*, *б*). Правая «волюта» выше и больше первой. Между ними заниженная центральная часть поверху профилирована тремя волнообразными выпуклостями. Боковая центральная часть в профиле постепенно расширяется от завитков к низу, от узенькой полочки образуя тор. Нижняя часть обоймы украшена сложнопрофилированным расширяющимся книзу плинтусом с валиком в центральной части, сверху и снизу окаймленным узенькими полочками. Профиль плинтуса не соответствует фасу, это лесбийский киматий. Лицевая и обратная части гладкие отполированные, лишь плинтус в плане слегка выступает на 0,1 *см*. По углам в плинтусе четыре вертикальных просверлины для крепления к футляру ножен, приклеивающемуся к устью. В разрезе пластина трапециевидной формы со сквозным треугольным пазом (размеры паза 5,5×1,0×0,3 *см*) для однолезвийного меча махайры, проделанным сверлом и небольшой стамеской, в нем следы изношенности в виде расширения в верхней части и царапины от острия меча при использовании. В верхней части со стороны высокой консоли, к которой было обращено лезвие меча, прорезь расширяется за счет среза, производившегося острием при введении и вытаскивании меча из ножен [14].

4. Четвертый фрагмент еще от одного устья ножен махайры совершенно аналогичен предыдущему, но не тождествен по размерам, являясь слегка уменьшенной копией, дошедшей в худшей сохранности (рис. 4, *а*, б). От него сохранилась часть лицевой центральной пластины с профильным тором и боковая часть, подвергавшаяся неоднократным ремонтам в древности. Нижний плинт состоит из полочки, по центру моделированной прорезью, разделяющей его на две разные части. В центральной части два сквозных отверстия: одно имеет форму усеченного конуса, другое косое, также с небольшим сужением внутрь, для ремешков дополнительного крепления к пеналу ножен. Нижняя часть плинтуса отполирована, два отверстия по углам свидетельствуют о том, что помимо склеивания для надежности он был приколочен к футляру ножен гвоздиками. Пластина ремонтировалась дважды, если не трижды. Сохранились в ее боковой части три гвоздя: один костяной, два железных.

[14] Инв. № 784/1091. Найдена на полу в фависсе на глубине 0,4 *м* над материком. Сильные выкрошины по полированным полям. Сломана, склеена из трех кусков. Сохранность полная. Длина верхней части ножен меча 9,6 низ, 11,0 верх, высота 5,8 слева, 6,0 справа, толщина максимальная 2,5 *см*.



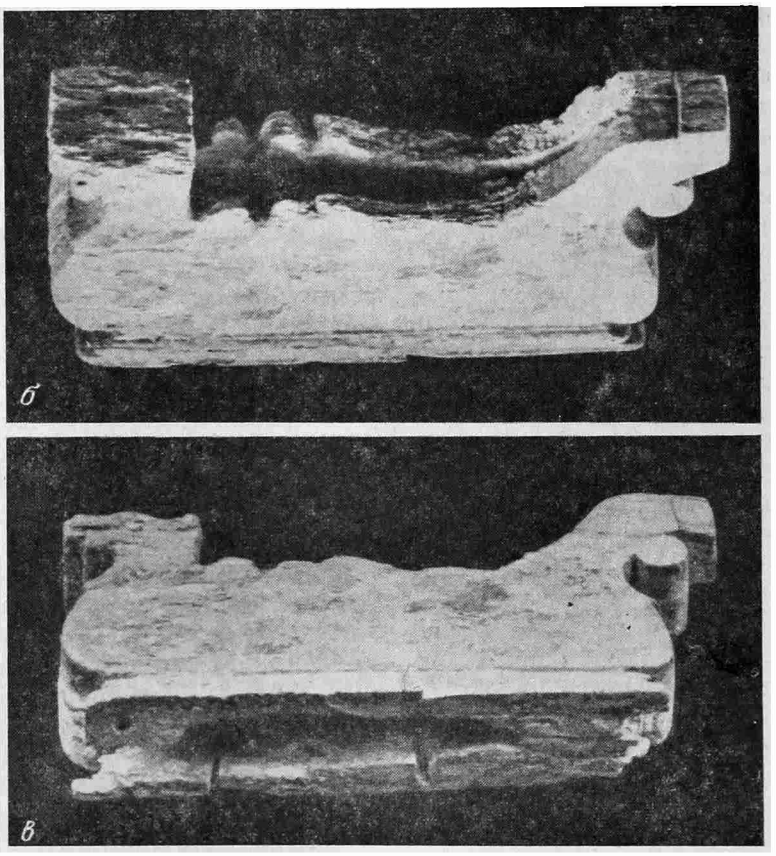


Рис. 3. Устье махайры из слоновой кости. *а* — фото лицевой части, *б* — фото, вид сверху, *в* — фото, вид снизу

Первоначальным был костяной шип без шляпки, вбитый сверху вертикально в левый останец устья. После утраты левой «консоли» поверхность скола тщательно зашлифована. Затем снизу вертикально насквозь был вбит толстый железный гвоздь длиной 4 *см*, по-видимому, расколовший пластину напополам или нанесший продольную трещину, после чего между плинтусом и нижней частью вала по горизонтали сзади в сторону

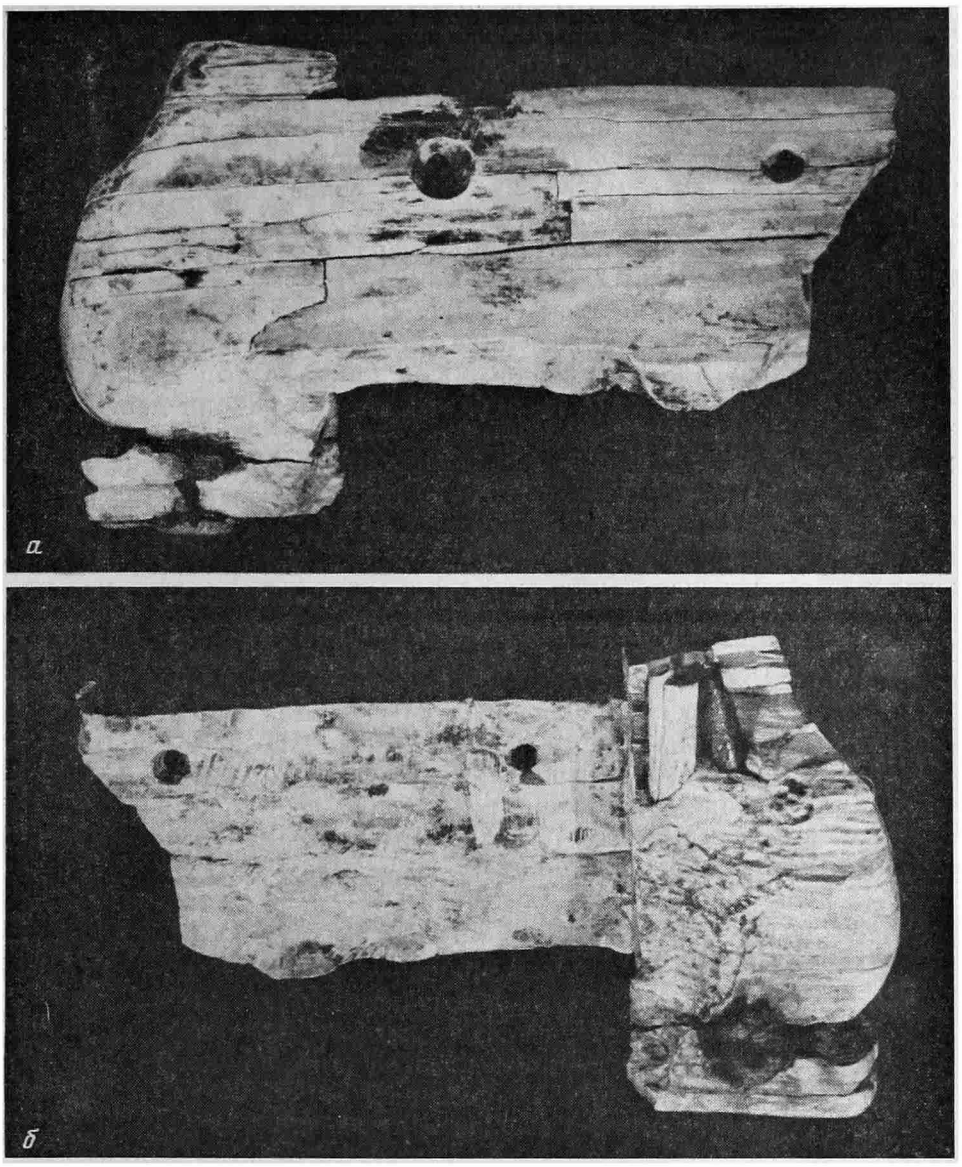


Рис. 4. Устье махайры из слоновой кости (фрагментированное). *а* — фото лицевой части, *б* — фото внутренней части

лицевой поверхности был вбит еще один железный гвоздь. Последние две починки, быть может не единовременные, но «варварские» в современном смысле слова, хотя и свидетельствуют о бережном отношении к ремонтируемому предмету, привели к тому, что ножны могли служить разве что экспозиционным целям. Сброс такого обломка, пробитого насквозь гвоздями, по-видимому, был совершен после длительного срока экспонирования вотива в целом виде, когда ножны разрушились от времени [15].

Махайра — однолезвийный меч с загнутой зооморфной рукояткой, оформленной в виде головы грифа, орла, льва или другого хищного животного, с искривленным расширяющимся в центральной части значительным по величине односторонним клинком. Ксифос — прямой, короткий меч, с расширением в нижней, переходной к острию части, с обоюдоострыми лезвиями. Ксифос и махайру воины носили с левой стороны на портупее, перекинутой через плечо. Оба меча пригодны для нанесения

[15] Инв. № 784/1091. Найден также в фависсе, на глубине 0,4 *м*.

колющего и рубящего удара. Более пригодная и приспособленная для ведения боевых действий всадника махайра служила для «рубящего удара сверху, наотмашь, с легким оттягиванием руки назад, при котором в полной мере проявлялись и режущие свойства этого оружия» [16].

Считаем необходимым привести мнение Н. И. Сокольского, специалиста по боспорскому вооружению, о том, что греко-фракийский меч с искривленным лезвием — махайра — нашел более широкое распространение в Северном Причерноморье, поскольку он удобен для кавалерии, тогда как ксифос был быстро сменен «совершенным и традиционным для Северного Причерноморья коротким мечом (скифский акинак, меотский короткий меч, сарматский меч)». Роль акинака с V до III в. до н. э. в Северном Причерноморье возрастает [17]. При исследовании археологических материалов Н. И. Сокольский пришел к выводу, что ксифос, имевший, по-видимому, распространение только в ранний период истории Боспорского государства, затем интенсивно вытеснялся скифским акинаком [18].

В процентном соотношении количество ксифосов и махайр среди собранных Н. И. Сокольским мечей в Боспоре — невелико. В позднем периоде они вовсе не встречаются. Из 57 мечей Европейского Боспора и 6 мечей, найденных на Азиатском Боспоре, I в. до н. э.— II в. н. э., а также среди 28 мечей Европейского Боспора и 7 мечей Азиатского Боспора III — V вв. н. э. и 18 недатированных мечей нет ни одного ксифоса или махайры [19].

Махайры в Боспорских некрополях встречаются значительно раньше. Они зарегистрированы только в период с V до III в. до н. э.: 1) некрополь Мирмекия (в погребении IV—III вв.); 2) в главной гробнице Семибратнего кургана; 3) в станице Абинской на Кубани; 4) в гробнице у Карантинного шоссе в Керчи (с монетой Лисимаха, греческим шлемом, стригилями и античной керамикой). К махайрам Н. И. Сокольский относит еще несколько мечей, известных автору по описаниям [20]. Таким образом, из четырех случаев археологических открытий махайр (и нескольких достоверных, но утраченных экземпляров) складывается типологическая группа V—III вв. до н. э., к сожалению, лишенная обкладок устьев ножен из слоновой кости. К ним следует добавить два случая находок махайр в Ольвии (одна из которых небольшая) [21], также не меняющих дату из бытования в Северном Причерноморье и (из-за отсутствия обкладок) не позволяющих прибегнуть к сопоставительному анализу.

На основании археологического материала Н. И. Сокольский, констатируя преобладание в Северном Причерноморье махайры над ксифосом, считает, что этот тип меча (это для нас очень важно) был принят на вооружение и местными народами [22]. Об этом можно судить по указанным выше находкам рукоятей махайр в Семибратних курганах и у станицы Абинской.

Целую серию находок греческих мечей махайр в Восточном Причерноморье, найденных как в приморских областях Колхиды (Эшери, Батуми), так и во внутренних районах Ихтвиси, Шромисубани, Брили, собрал Г. А. Лордкипанидзе [23].

---

[16] *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи, с. 134.
[17] Там же, с. 147.
[18] Там же, с. 136.
[19] Там же, с. 182—196.
[20] Там же, с. 132—134.
[21] Там же, с. 135.
[22] Там же.
[23] *Лордкипанидзе Г. А.* Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси, 1978, с. 88—90. См.: *Гагошидзе Ю.* Погребение из Ихтвиси.— Вестн. ГМГ, XXV-В, 1968, с. 31—45 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); *Шамба Г. К.* Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшери.— Изв. АБНИИ, № 1, 1972;

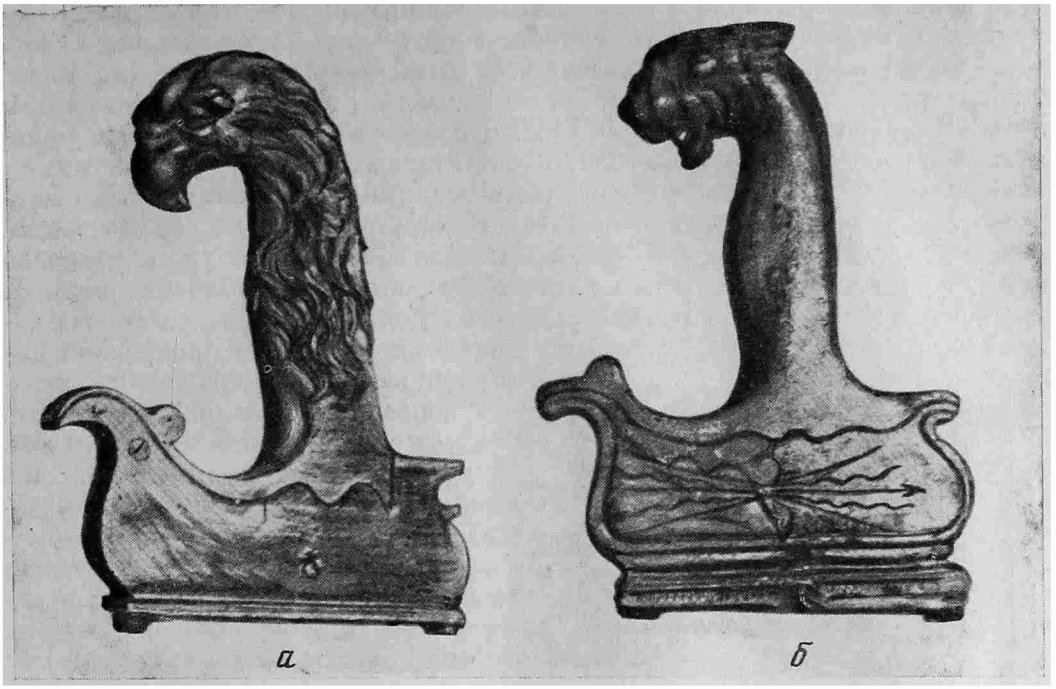


Рис. 5. Ручки и устья махайр из Додон. Аналогии амударьинским махайрам

Находки махайр на территории современной Грузинской ССР подкрепляются Г. А. Лордкипанидзе переводом отрывка из Геродота (VII, 78, 79) о вооружении колхов, на наш взгляд, с совершенно справедливой поправкой (вместо «ножи» — В. В. Латышева, «кинжалы» Г. А. Стратановского, Г. А. Лордкипанидзе предлагает «махайры).

Н. И. Сокольский, основываясь на изобразительных источниках (так как подлинники не были известны) [24], в том числе на вазовом изображении V в. до н. э. из Керчи [25], дает описание устьев ножен мечей ксифоса и махайры суммарно: «Устья ножен (ксифоса.— *И. П.*) аналогичны устьям ножен махайры — прямоугольные трапециевидные концы ножен (бутероли.— *И. П.*) полукруглые... в виде лепестка, цветка, бутона и т. д.» [26]. С этим можно согласиться, добавив, что в свете открытых нами памятников, в позднеклассическое время, т. е., очевидно, в период Александра Македонского, появляется дифференцированный тип устья ножен махайры (назовем его консольным вариантом), более нарядный и, по-видимому, не очень распространенный.

Заслугой Е. В. Черненко, в значительной степени способствовавшей правильному пониманию публикуемых нами вещей, была недавно изданная им атрибуция костяных пластин ольвийских и коринфских устьев ножен мечей-ксифосов [27]. Ни Н. И. Сокольский, ни Е. В. Черненко не приводят образцов консольного варианта устьев ножен махайр, оставшегося им неизвестным. Зарубежные издания вышли после статей Е. В. Черненко и Н. И. Сокольского. В силу этого не будет преувеличенным счи-

Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище.— СА, 1972, № 1, с. 116; Г. А. Лордкипанидзе упоминает, по сообщению А. Ю. Кахидзе, и махайру, найденную в Батуми (Аджарский краеведческий музей). См. также: *Гобеджишвили Г. Ф.* Отчет о работах археологической экспедиции на южных склонах Центрального Кавказа.— Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований в 1962 г. в Грузии. Аннотация докладов. Тбилиси, 1963, с. 8—30 (на груз. яз.).

[24] *Сокольский Н. И.* Ук. соч., с. 130, 131, табл. 1, *4*, ссылка на Э. Пфуля, А. Фуртвенглера-Рейхольда и ОАК за 1867 г., Атлас, табл. IV.

[25] Там же.

[26] Там же, с. 136.

[27] *Черненко Е. В.* Ук. соч., с. 120 сл.

тать найденные у Амударьи в посвятительном сбросе костяные пластины уникальными памятниками античного вооружения на территории СССР, так как приводимые нами недавно опубликованные совершенно идентичные предметы из Материковой и Великой Греции, в строгом смысле — все изобразительного характера. Это относится и к бронзовым рукоятям вотивного назначения из Додон, отлитым вместе с ножнами.

Бронзовые отливки, имитирующие подлинные рукояти, и костяные устья мечей из святилища Зевса Додонского, упомянутые Ж. До в хронике археологических раскопок Греции за 1965 г.[28], служат наиболее близкой аналогией амударьинским обкладкам устьев мечей (рис. 5). Аналогии настолько тождественны, что их можно было бы счесть репликами или отливками по слепку, если бы их не отличали небольшие цилиндрики-волюты, украшающие верхние консоли на обкладках с Окса. Следует отметить, что Ж. До, назвав их рукоятями мечей, впал в ту же ошибку с точки зрения оружиеведов, что и Е. И. Леви, о чем говорилось выше. Дело в том, что рукоятки махайр были отлиты вместе с верхней частью ножен — верхней их обоймой. Мастер, изготовлявший эти предметы, с самого начала предназначавшиеся для вотивных приношений (судя по символу Зевса Додонского — перуну, месту находки и нерасчлененности разных по материалу и конструкции элементов), разделил углубленной линией рукоять от обоймы ножен, это и видно по разделяющим их валикам и врезам. В святилище же на Оксе были посвящены подлинные мечи с обкладками из слоновой кости, сброшенные впоследствии в фависсу и ботрос № 1 вместе с остальным посвятительным инвентарем, который нельзя было выносить за пределы священного участка.

Рис. 6. Монета Койнона эпиротов около 234—232 гг. до н. э.

Таким образом, помимо близости аналогий, поясняющих назначение костяных обойм, их расположение, направление лезвия по отношению к ножнам и т. д., мы находим в Додонах совершено идентичное вотивное назначение — они были посвящены божеству в качестве трофеев, в одном случае скопированных, в нашем — подлинных. Последним и не менее существенным достоинством додонских аналогий в свете уникальности находок подлинных костяных обкладок является точная стратиграфическая датировка гибели додонского комплекса, подкрепленная остроумными и точными наблюдениями Ж. До: одна из рукоятей с головой орла — точная параллель эмблемы Койнона эпиротов (союза эпиротов) [29], изображавшаяся на чеканенных им драхмах (рис. 6). Лицевая часть обкладки другой обоймы украшена перуном — символом Зевса Додонского.

Благодаря этому датировка этих предметов Ж. До периодом правления 234/3 до опустошения святилища этолийцами в 219 г. до н. э. представляется очень убедительной. Как показывают аналогии, обкладки ксифоса нельзя датировать позже V—IV вв., для обкладок ножен махайр наиболее вероятная дата вторая половина III в. до н. э. (не исключено и более раннее время).

---

[28] *Daux G.* Chronique des fouilles et découverts archéologiques en Grèce en 1965.— BCH, v. XV, № 2, 1966, p. 847, fig. 5.

[29] В связи с этим необходимо заметить, что по новым исследованиям возникновение этого союза относится к 232 г. до н. э. См. *Cabanes P.* L'Épire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaines. Paris, 1976, p. 198 sg.

В последнее время в научной литературе Каменное городище очень часто упоминается в контексте гипотез о месте находок Амударьинского клада [30]. Некоторые ученые по ошибке, другие сознательно (Б. Я. Ставиский) [31] относят находку клада к Каменному городищу, а не к находящемуся в 6 *км* к югу от него легендарному Тахти-Куваду, где, по принятому в настоящее время мнению М. М. Дьяконова, Е. В. Зеймаля и Т. И. Зеймаль, в 1877 г. местными крестьянами было сделано это богатейшее для науки открытие [32]. Без стратиграфических раскопок на Тахти-Куваде, которые до настоящего времени, несмотря на необходимость, никому не удавалось осуществить, вопрос этот не может быть окончательно решен. Ни М. М. Дьяконов, ни Е. В. Зеймаль, ни я в подъемном материале не находили фрагментов ахеменидского времени. А рассказ Д. Н. Логофета о клинообразных гвоздевидных надписях на скальном склоне хребта у Тахти-Кувада, поскольку он их не скопировал и они были утеряны для науки, считается вымыслом [33].

Как показало исследование Каменного городища, и стратиграфические шурфы не всегда приводят к однозначным результатам. Концепция А. М. Мандельштама о существовании эллинистического слоя на Каменном городище [34] нам импонирует, но на нашем раскопе не находит существенных подтверждений: находки устьев ксифосов и махайр — это первые синхронные Амударьинскому кладу предметы. По нашему мнению, на Каменном городище и Тахти-Куваде может вообще не оказаться ахеменидского слоя. В эллинистический период, скорее всего, дело обстояло совершенно иначе. Греко-бактрийская стратегическая мысль, как нам представляется, не могла не оценить важности узлов, перекрывающих водные и сухопутные магистрали амударьинского двуречья. Каменное, Вахшское городище, Тахти-Кувад, Айвадж, Айртам, Термез и другие укрепления на правом и левом берегу Амударьи в сумме являлись комплексом крепостей, возникших, вероятнее всего, в греко-бактрийское время и впоследствии освоенных кушанами. Это наше мнение находит прямое и косвенное подтверждение в раскопах Ай-Ханум, Саксанохура, Сурхандарьинских городищ,— в целой развитой системе крепостей вдоль стратегически важных узлов, возникших в эллинистический период. А отдельные произведения искусства, торевтики и редкого оружия, даже в виде кладов, могли сосредотачиваться в святилищах греко-бактрийской, а впоследствии и кушанской знати в виде трофеев, сохранившихся от награбленного имущества периода «победоносных шествий» военачальников Александра Македонского по Ахеменидской империи. Обкладки ножен, во всяком случае, восходят к этому периоду и характеру формирования трофейных вотивов в ранних культовых святилищах Северной Бактрии.

Ведь находка разновременных предметов в центральном культовом комплексе Каменного городища, суммарно датирующихся III в. до н. э.— III в. н. э. (при этом обкладки мечей V—III вв. до н. э. самые

---

[30] *Кузьмина Е. Е.* Семантика изображений на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада.— В сб.: Искусство Востока и античности. М., 1977, с. 47, 124; *ее же.* В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977, с. 47, 124. Исследовательницей внесен большой вклад в научное осмысление целого ряда художественных изделий, в частности выделением работ греческих малоазиатских мастеров из состава находок клада.

[31] *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 74, 93.

[32] *Dalton O. M.* The treasure of the Oxus. London, 1905, 1964; *Дьяконов М. М.* Работы...; *Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В.* Еще раз о месте находки Амударьинского клада.— ИАН Тадж. ССР, вып. 1(28), 1962, с. 40. В настоящее время см. каталог *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Л., 1979, где подробнейшим образом разобрана «правомочность» всех гипотез, относящихся к месту находки и составу клада, а также дана атрибуция вещей и приведен каталог относящихся к кладу монет.

[33] *Логофет Д. Н.* На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3 книгах. кн. III. СПб., 1909, с. 57—59; *Дьяконов М. М.* Археологические работы..., с. 255.

[34] *Мандельштам А. М.* Кочевники..., с. 148.

ранние, выпадающие, пожалуй, из общей массы надежно датированных предметов) может найти объяснение только в длительном хранении и последующем одновременном сбросе вотивных приношений. А находки греческих мечей среди посвятительного инвентаря, открытых впервые в Средней Азии, одно из первых свидетельств в пользу если не прямого влияния, то знакомства Кушан Северной Бактрии с греческим вооружением и их бережного отношения к высокоценимым раритетам — традиционному греческому оружию.

I. R. Pichikyan

THE SHEATHES OF THE GREEK SWORDS FROM THE NORTHERN BACTRIA

Summary

The ivory artifacts described in this article (mouths of sheathes of makhairas, and a mouth of sheath of a ksiphos) are details of specific Greek arms. well known from the pictorial sourses, but very rare in collections. It's especially interesting, that the artifacts were found far away from the Mediterranean in the Northern Bactria during the excavations of a favissa in the central cult building of the Kushanian fortress, defending the upper Amu-Darya, at the Kamennoye fortified settlement (6 km to the North from Takhti-Kuvad). In this region in 1877 the Amu-Darya hoard was discovered. Makhaires an ksiphoses were spread in the Vth — IIId centuries B. C. in the Northern and Eastern Pontic region, in Thrace and. evidently, in the Northern Bactria under the influence of the traditional Greek military art. The makhairas were spread more videly because of the important role of cavalary in the armies of the peripheral regions. The author finds analogies for the ksiphoses from Athens, Corinth, Olbia; and for the makhairas — absolutely identical and well dated to the 234/3—219 B. C. bronze votive casts from original artifacts, devoted as military trophies in the temple of Zeus from Dodon. The comparative analysis let the author date the sheath of the ksiphos to the Vth — IVth centuries B. C., and the sheaths of the makhairas to the IIId century B. C. The find of asynchronous artifacts, falling out of the majority of well-dated implements, in a ritual complex of the IIId century B. C.— IIId century A. D. can be explained only by their votive character and cautious treatment with rarities — traditional Greek arms.

В. Н. ПИЛИПКО

ПАРФЯНСКИЙ СЛОЙ ПОСЕЛЕНИЯ КОША-ДЕПЕ У БАБАДУРМАЗА

Комплекс разновременных поселений, известный под названием Коша-Депе, расположен в подгорной полосе Копетдага в 4 *км* северо-западнее железнодорожной станции Бабадурмаз (примерно в 65 *км* юго-восточнее Ашхабада). Топографически здесь выделяется две возвышенности: большой северо-восточный холм с окружающими его мелкими всхолмлениями и юго-западный малый холм. Археологическое обследование этого памятника впервые провел А. А. Марущенко в 1930 г.[1] В 1958 г. им же осуществлены первые разведывательные раскопки. На западном склоне малого холма был заложен раскоп площадью около 200 $м^2$, по материалам которого удалось наметить стратиграфию памятника. Нижние культурные слои были отнесены к эпохе бронзы (Намазга IV), средний горизонт датирован IV—III вв. до н. э., остатки верхнего здания определены как относящиеся к античному периоду. Раскопками при этом были затронуты в основном слои среднего горизонта [2]. В 1968 г. И. С. Масимов на вершине этого холма заложил стратиграфический шурф, который, однако, не был доведен до материка. В целом шурф подтвердил намеченную А. А. Марущенко стратиграфию памятника, хотя два верхних слоя представлены в нем очень невыразительным материалом [3]. В 1973, 1974, 1976 гг. изучение малого холма осуществлялось Античным отрядом Института истории АН ТССР. В течение этого периода были завершены стратиграфические исследования и проведены раскопки кроющего слоя.

Юго-западный малый холм комплекса Коша-Депе имеет в плане очертания неправильного овала. Размеры его 90×68 *м*, высота около 5 *м*. Общая мощность культурных слоев достигает 9,3 *м*. Нижние 4,8 *м* связаны с обживанием этой местности в эпоху бронзы (период позднего Намазга IV — раннего Намазга V). Средний горизонт, имеющий толщину от 0,5 до 1,5 *м*, предварительно датирован IV—III вв. до н. э. Верхние слои связаны с остатками крупной постройки античного периода.

Стратиграфические наблюдения в разных частях раскопа показали, что в истории верхнего здания (дом А) можно выделить два периода обживания. С первым из них связаны полы с отметками 350—280 *см* ниже репера, со вторым — стены и полы, имеющие высотные отметки менее 260—210 *см*.

Изучение постройки первого периода не завершено, поэтому четкие представления о ее планировке отсутствуют. К ней относятся помещения 3—6, расположенные в один ряд, но не соединенные друг с другом проходами (рис. 1).

[1] *Марущенко А. А.* Развалины святилища огня.— «Туркменоведение», 1930, № 11, с. 26.

[2] Отчет о раскопках и материалы хранятся в отделе археологии Института истории АН ТССР.

[3] *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в районе станции Баба-Дурмаз.— КД, вып. 2, 1968.

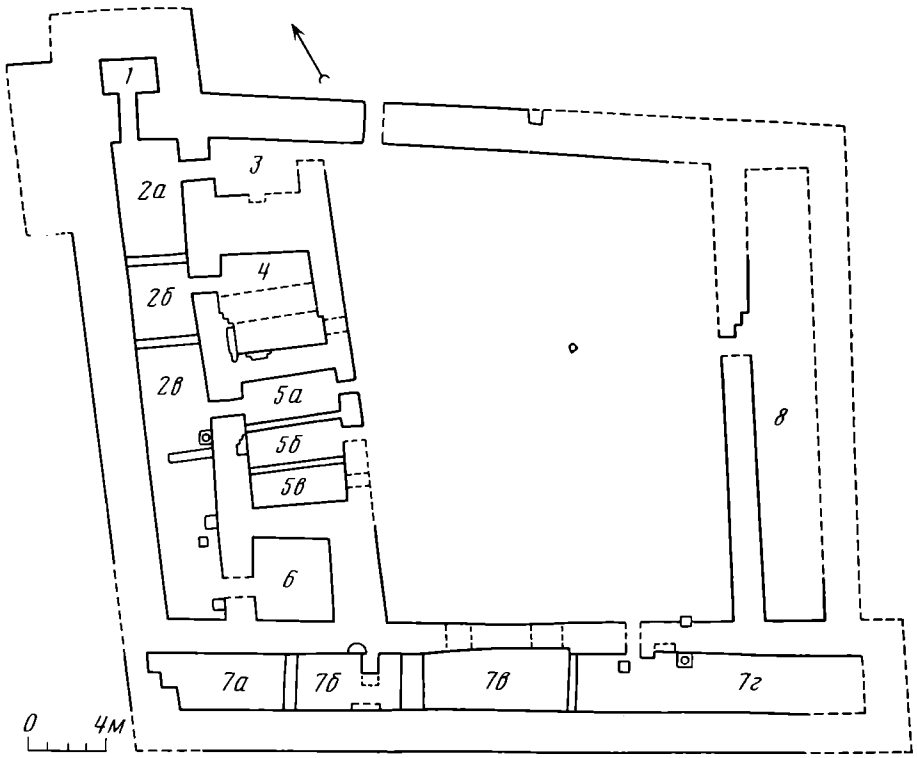


Рис. 1. План верхнего здания. Второй период обживания

Самое северное **помещение 3** размерами 4,4×2,8×4,4×3,2 *м* имело два прохода, расположенных в противоположных стенах[4]. В южной стене помещения обнаружена плохо сохранившаяся выемка прямоугольных в плане очертаний, вероятно, это остатки ниши. **Помещение 4** имело очертания неправильного четырехугольника размерами 4,7×4,7×4,7×5,4 *м*. В нем также два прохода, расположенные в западной и восточной стенах. На участках, примыкающих к проходам, стены имеют выемки. В западной стене эта выемка прямоугольной формы, а в восточной с одной стороны имеет ступенчатое оформление. По сторонам юго-западного угла расположены две оригинальной формы ниши (рис. 2). В центральной части помещения обнаружены остатки массивной рухнувшей арки, переброшенной между восточной и западной стенами. Она имела не столько конструктивное, сколько декоративное назначение. По частям арки, сохранившим глиняную обмазку боковых поверхностей, устанавливается, что она выступала из основного массива перекрытия не менее чем на 40 *см*. Ширина арки равна 1,2 *м*. С нижними полами в этом помещении связаны два хума, стоявшие у северной стены.

Помещение 5 имело прямоугольные очертания, 7,5×5,2 *м*. Северная треть помещения отделена от остальной его части аркой, нижняя часть которой хорошо сохранилась благодаря поздней закладке внутриарочного пространства. Пролет этой арки равен 4,9 *м*. Кривая арки эллиптических очертаний. Высота арочного проема реконструируется в пределах 3,4—3,6 *м*. Ширина арки 40 *см*. В середине западной стены помещения устроена глубокая трехступенчатая ниша (рис. 2). В торцовых стенах северного отсека имеется два противолежащих дверных проема.

Помещение 6 почти квадратное в плане, со стороной около 4,1 *м*. Вскрыто оно только до отметки 80 *см*. Возможно, этим объясняется, что

[4] Размеры помещения указаны ориентировочно, так как восточная его стена разрушена оплывами шурфа И. С. Масимова.

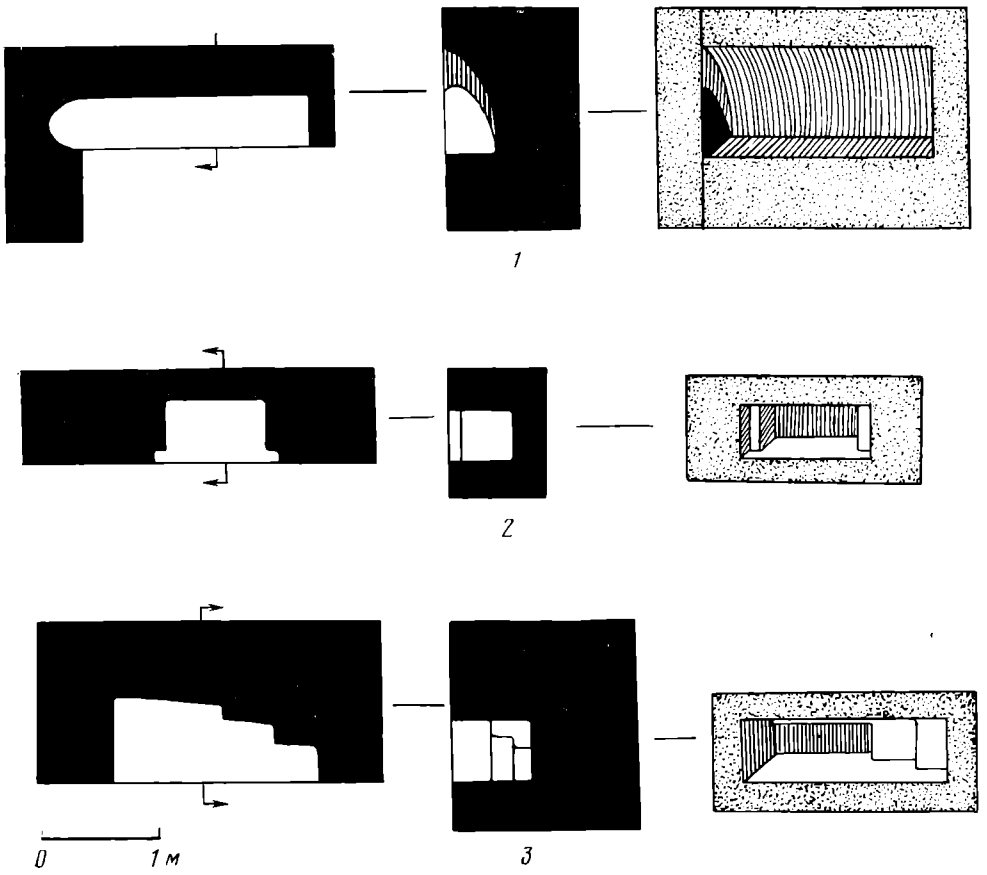


Рис. 2. Ниши: *1* — в северо-западной стене помещения 4; *2* — в юго-западной стене помещения 4; *3* — в помещении 5*б*

в этом помещении обнаружен лишь один проход, расположенный в западной стене.

На втором периоде обживания первоначальное здание подверглось коренной реконструкции. С этим периодом связано появление крупной четырехугольной постройки с прямоугольными выступами на северном и южном углах. Размеры ее без учета выступов 40×34,2×38,7×35 *м*. Вдоль внешних стен постройки, за исключением северо-северо-восточной стороны, П-образно располагались длинные узкие помещения 2, 7, 8. Ширина этих помещений 3—3,4 *м*, длина 25—35 *м*. В северной части постройки имелся прямоугольный выступ кладки, образованный небольшим по своим размерам помещением 1. Древние помещения 3—6 были включены в новую постройку и образовали второй ряд комнат западного фаса. Внутренняя их планировка при этом осталась прежней, за исключением помещения 5, которое было разделено поперечными перегородками на три самостоятельных отсека.

Помещение 5*а* имело два прохода (во двор и в помещение 2), а помещения 5*б* и 5*в* сообщались только со двором, который занимал центральную часть постройки. Размеры двора 20×25,4×17,5×26 *м*. С трех сторон двор окружали помещения, а с четвертой, северо-северо-восточной — ограничивала внешняя стена здания. В ней располагался единственный узкий проход, через который можно было проникнуть в здание (рис. 1).

Уже вскоре после завершения строительства в планировку нового здания начинают вноситься частичные изменения. Первоначальные длинные помещения членятся на ряд более мелких, постепенно повышаются уровни полов, закладываются или, наоборот, прорубаются проходы. Все эти изменения носили характер текущих ремонтов, совершавшихся неодно-

временно и затрагивавших лишь отдельные участки здания, поэтому предлагаемое ниже разделение истории здания второго периода на ряд отдельных этапов носит условный характер и предназначено для более четкой фиксации этих постоянно происходивших изменений в планировке здания. Они являются не более как хронологическими срезами в динамичной истории памятника.

К первому этапу отнесены переделки, осуществленные вскоре после окончания строительства, т. е. связанные с нижними уровнями полов. В длинных помещениях внешнего ряда появились глухие перемычки, разделяющие их на отдельные отсеки. Так, помещение 2 было разделено на три изолированных комнаты — 2*а*, 2*б*, 2*в*. Помещение 7 делится на две неравные части, продолжающие сообщаться между собой (на рис. 1 перегородка показана внутри более позднего помещения 7*б*).

На втором этапе (полы с отметками 170—110 *см*) южная часть этой перегородки сносится, но взамен ее появляются три новые глухие перемычки, приведшие к образованию помещений 7*а*, 7*б*, 7*в* и 7*г*. Отсек 7*а* на этом этапе, возможно, становится вообще необитаемым, так как в нем не удалось обнаружить дверных проемов и нет четко выраженных уровней верхних полов. В помещении 7*б* также не удалось выявить проходов, соединяющих его с двором или соседними помещениями, но здесь четко прослеживаются уровни полов с отметками 120 и 80 *см*. Вероятно, дверной проем этого помещения скрыт поздними тщательными закладками. Дверной проем из помещения 7 замуровывается, взамен его в помещении 7*в*, много западнее, появляется новый. Помещение 7*г* также получило самостоятельный выход во двор. Проход из помещения 4 во двор закладывается, и помещения 4 и 2*б* на этом этапе не обживаются. Вероятно, какие-то изменения произошли и в планировке помещения 8, но здесь верхние слои полностью уничтожены процессами дефляции.

Культурные слои, связанные с третьим этапом, сохранились только в центральной части холма. Соответствующие этому этапу полы (80—60 *см*) зафиксированы лишь в помещениях 7*б* и 7*в*. Каких-либо новых стен, изменяющих планировку постройки, в верхнем слое обнаружить не удалось. Можно лишь отметить, что в этот период был заложен проход между помещениями 2*в* и 5*а*. К этому же времени относятся остатки гипсовых ванночек в помещениях 5*а* и 5*б*. Сохранность их плохая, точные размеры не устанавливаются. Ванна в помещении 5*а* находилась в 40 *см* севернее его южной стены. Дно ее постепенно повышалось в северо-восточном направлении. На высоту 5—10 *см* сохранилась только южная ее стенка. По сохранившемуся участку дна можно предполагать, что длина ванны была более 1 *м*, а ширина не менее 0,7 *м*. От ванны в помещении 5*б* полностью сохранилась северная стенка, что позволяет установить ее длину — 1,2 *м*; промазка дна ванны прослежена в южном направлении на участке шириной в 1 *м*. Дно горизонтальное, отметка его — 65 *см*. При расчистке этой ванночки обнаружен разбитый на три части остракон № 1.

Ванночки связаны с последним этапом обживания здания. В дальнейшем оно было оставлено жителями и постепенно превратилось сначала в руины, а затем в холм [5]. В верхних слоях памятника обнаружены два плохо сохранившихся погребения. На северо-восточном склоне холма выявлена прямоугольных очертаний яма, частично повредившая внешнюю стену постройки. В заполнении ямы найдены фрагменты керамики, типичной для сасанидского периода, и обломок серебряной монеты Пероза I (459—484). Яма, несомненно, связана с большим холмом, крющий слой которого относится к сасанидскому времени.

[5] Раскопанное здание, вероятно, было оставлено после того, как северо-восточнее появились какие-то новые постройки. Шурф, заложенный на одном из всхолмлений, окружающих большой бугор, выявил слои позднепарфянского времени. Стратиграфия большого холма не изучена.

Планировка здания второго периода — двор в обводе помещений — типична для жилого строительства Средней Азии античного времени. Дома с подобной планировкой раскопаны в Бактрии, Согде, Маргиане, Парфиене [6]. Следует отметить, что эта планировочная схема широко известна и за пределами Средней Азии и, видимо, обусловлена климатическими условиями.

Традиционными для Средней Азии являются также строительные материалы и техника строительства. Основной строительный материал — глина, использованная в виде сырцовых кирпичей, связывающего раствора и штукатурки. Кирпич имеет форму квадрата со стороной 38—40 *см*, толщина его 10—11 *см*. Кирпич изготовлен из сильноопесчаненной глины с добавкой в ряде случаев мелко рубленной соломы. Он очень рыхлый. Те немногие кирпичи, которые удалось извлечь целиком, клейм не имеют. Кладка выполнена с соблюдением горизонтальной и вертикальной перевязки. Толщина основных стен колеблется от 1,5 до 3 *м*. Перемычки, как правило, выполнены кладкой в один кирпич. Штукатурки встречены как из чистой глины, так и из глины со значительной примесью соломы. Подновлялись они часто, некоторые помещения имеют до 10 слоев штукатурки. Основания стен помещений внутреннего ряда имеют отметки 350—380 *см*, и сохранились они практически до самого репера. Никаких следов устройства перекрытий в верхних их частях не обнаружено. На основании этого можно утверждать, что высота помещений была не менее 4 *м*. Перекрытия, вероятно, были плоскими, балочными. Арки, обнаруженные в помещениях 4 и 5, видимо, каким-то образом связаны с функциональным назначением этих комнат, и их следует рассматривать как детали интерьера, а не несущие конструкции. Во всяком случае, это справедливо по отношению к арке в помещении 5, имеющей ширину всего в один кирпич кладки (40 *см*). Оконные проемы отсутствуют. Судя по находкам подпятников, во входных проемах были установлены деревянные двери. Полы изредка обмазывались глиной, в большинстве случаев это выравненные утрамбованные поверхности, фиксируемые по покрывающим их зольно-гумусным или песчаным прослойкам. Некоторые помещения снабжены стационарными очагами, но большинство отапливалось с помощью переносных жаровен и костров, разводимых непосредственно на полу. Связанные с разными уровнями полов очаги обнаружены в помещениях 2*в*, 7*г* и во дворе. Устройство их однотипно. Они имели вид прямоугольных тумб с прямоугольными или округлыми в плане топками. Внизу одной из сторон имелось небольшое округлое отверстие — поддувало. Длина сторон очагов колеблется от 40 до 75 *см*, наибольшая сохранившаяся высота — 30 *см*.

Наиболее многочисленную группу находок составляет керамика. Наряду с керамикой, соответствующей времени накопления какого-либо слоя, в нем встречается керамика, перемещенная из более нижних или более верхних слоев. Керамика из нижних слоев обычно встречается в завалах и засыпках, но отмечены также случаи находок ее в рыхлом слое, лежащем на полу, т. е. относящемся к периоду его функционирования. Примесь инородного материала составляет около 6% от общего количества керамики, найденной при раскопках верхнего здания. Подобное положение заставляет на данном этапе исследований отказаться от выделения керамических комплексов, соответствующих периодам и этапам обживания памятника [7], тем более что резких изменений в форме сосудов и способах их декоративной отделки за время существования здания не произошло. Для нижних полов характерны те же керамические формы, что и для верхних.

---

[6] *Пугаченкова Г. А.* Бактрийский жилой дом.— В сб.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976; *Филанович М. И.* Гяур-кала.— ТЮТАКЭ, т. XV, 1974, с. 87.

[7] Об условности выделения этапов см. выше.

Распределение керамики по помещениям

Вид посуды	1	2а	2б	2в	3	4	5а	5б	5в	6	7а	7б	7в	7г	8	Двор	Всего
Чаши	3	4	4	37	8	9	2	4	3	4	13	6	13	43	4	30	185
Бокаловидные чаши	4	5	1	28	8	7	2	2	3	2	11	3	14	50	5	18	163
Столовые горшочки	–	1	–	4	–	–	–	–	–	–	1	–	–	15	2	1	23
Кувшины	–	5	–	3	3	2	1	–	–	2	1	4	5	9	2	6	43
Горшки	3	3	6	25	7	8	4	1	2	4	7	–	6	16	8	26	126
Кувшины и горшки близкие неопределимые	–	–	–	8	2	–	–	–	2	3	2	3	2	8	–	9	39
Фляги	2	1	1	3	–	1	1	–	–	–	1	1	–	2	–	–	13
Тазы, миски	–	1	–	5	2	2	2	1	1	–	–	–	1	9	4	9	37
Хумы	2	–	1	9	–	2	2	–	–	1	5	7	1	9	1	10	51
Кухонные горшки	2	3	1	33	4	1	–	–	3	–	8	5	5	20	5	7	97
Жаровни	1	–	–	6	–	–	–	–	–	–	1	–	–	3	–	1	12
Лепные чаши	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	2	4
Прочие	1	1	–	3	–	–	–	–	–	–	1	2	1	4	–	1	14
Всего	18	24	14	164	34	32	14	9	14	16	51	31	48	189	29	120	797

Примечание. В таблице учтены только венчики и целые сосуды.

По фактуре керамика Кошадепе разделяется на две группы[8]. Одну из них составляют сосуды, изготовленные из глиняного теста без грубых инородных примесей. Они, как правило, хорошо обожжены. Черепок в изломе преимущественно красно-коричневых тонов, изредка встречаются также сосуды с желтым, светло-серым или слегка зеленоватым черепком. Внешняя поверхность обычно цвета излома черепка или светло-серая. При изготовлении отдельных видов сосудов применялись специальные покрытия красного или красно-коричневого цвета. Большинство сосудов этой группы изготовлено на гончарном круге. Вторую группу составляет лепная керамика с добавками шамота, мелкодробленых раковин, камня и измельченной соломы. Орнаментация практически отсутствует на сосудах обеих групп. Лишь на некоторых горшках и кувшинах встречаются выполненные черной краской или сажей изображения крестов, имеющие, вероятно, магическое значение.

Среди керамики первой группы имеются чаши, кувшины, горшки, хумы, фляги и другие керамические формы, краткое описание которых приводится ниже. Количественное соотношение этих видов сосудов приведено в таблице.

Наиболее многочисленную группу составляют **чаши.** Они отличаются большим разнообразием форм. В предварительном порядке выделено 13 разновидностей. Наиболее часто встречаются чаши со слабоизогнутыми, конусовидно расширяющимися стенками и прямым венчиком (рис. 3, *1*). Много чаш

[8] Черноглиняная керамика ввиду ее малочисленности и сильной фрагментированности в отдельную группу в настоящем комплексе не выделена. Имеющиеся венчики принадлежат чашам.

с круто загнутым внутрь венчиком (рис. 3, 7). Широко представлены чаши с различными вариантами отогнутых наружу венчиков (рис. 3, *4*, *6*, *9*). Характерную группу составляют чаши с Т-образным венчиком (рис. 3, *5*). Все чаши изготовлены на гончарном круге из хорошо подготовленного теста. Черепок в изломе имеет разнообразные оттенки красного и коричневого цветов. Изредка встречаются чаши со светло-серым черепком. Часто применялись ангобные покрытия красно-коричневых тонов, в отдельных случаях зафиксировано применение лощения.

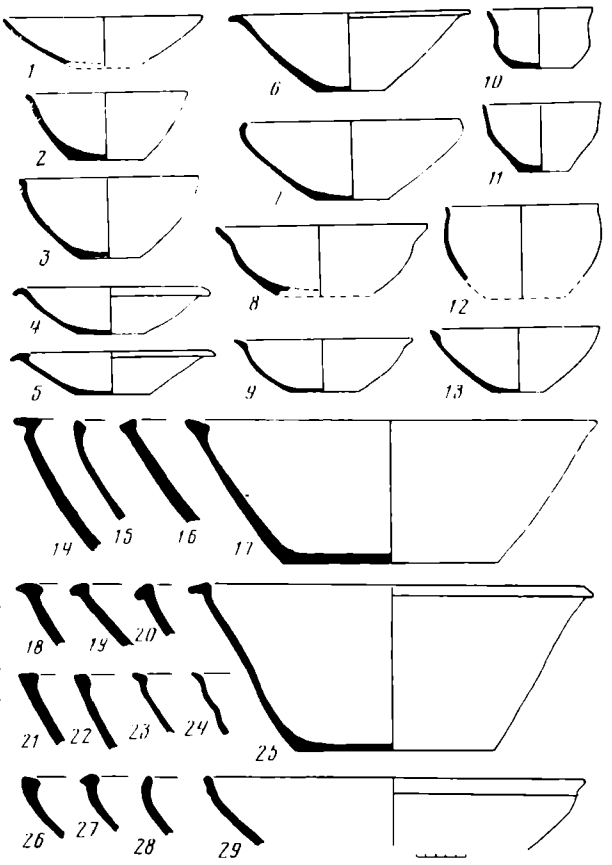


Рис. 3. Чаши (*1—13*), миски и тазы (*14—29*)

Как особую форму столовой посуды следует рассматривать **бокаловидные чаши.** Они имеют небольшое плоское дно, круто поднимающиеся стенки в верхней своей трети загибаются вовнутрь. Выделяется ряд разновидностей, различающихся по форме изгиба (рис. 4, *1—5*). Диаметр венчика у большинства сосудов 16—18 *см*, высота 11—15 *см*, диаметр дна 6—7 *см*. Многие сосуды имеют ангоб красного, коричневого и кремового цветов. Он покрывает всю внутреннюю поверхность и часть наружной, обычно верхнюю треть, реже половину или две трети.

Чашевидные сосуды диаметром свыше 30 *см* отнесены к числу **мисок и тазов.** Форма у них такая же, как и у чаш, но они представлены меньшим числом разновидностей (рис. 3).

Многочисленную группу составляют горшкообразные сосуды, но многие из них представлены лишь фрагментами, что затрудняет их классификацию. Археологически целые горшки представлены на рис. 5. Наиболее многочисленны горшки с коротким, плавно отогнутым наружу венчиком. Следует также отметить преобладание среди горшков сосудов средних и крупных размеров с диаметром венчика 20 *см* и более. Среди горшкообразных сосудов имеются маслобойки [9].

Как особый вид сосудов следует рассматривать широкогорлые **столовые горшочки** (рис. 4, *6—9*). От хозяйственных горшков кроме морфологических признаков их отличает тщательная обработка внутренней поверхности и применение ангобных покрытий. При изготовлении этих сосудов выдержан определенный стандарт. Диаметр венчика около 20 *см*, высота 14—16 *см*.

Среди **кувшинов** наиболее часто встречаются сосуды с горизонтально или почти горизонтально отогнутым венчиком, короткой, слабо выраженной горловиной и высоким, несколько утяжеленным книзу резервуаром.

[9] Целых сосудов этого типа нет, но имеются фрагменты стенок с характерными для них горизонтально прикрепленными ручками и расположенными рядом небольшими отверстиями.

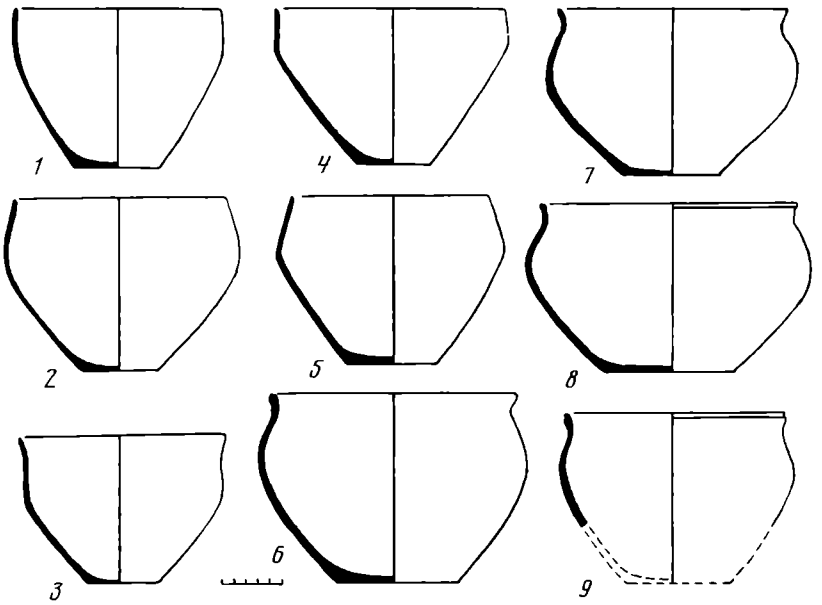


Рис. 4. Бокаловидные чаши (*1—5*) и столовые горшочки

Дно плоское, без обработки на круге. У многих сосудов в верхней части плечиков имеется четко выраженный валик. Дугообразно изогнутые ручки круглые в сечении (рис. 6, *3*, *4*, *7*). Значительно реже встречаются кувшины с конусовидной и цилиндрической горловинами (рис. 6, *1*, *2*, *5*, *6*), а также кувшины с плавно отогнутыми наружу венчиками (рис. 6, *9*). Кувшины высотой менее 25 *см* встречаются редко. Столь же редки сосуды с диаметром венчика менее 10 *см*.

При раскопках найдена лишь одна целая **фляга**. Это небольшой двояковыпуклый сосуд с узкой цилиндрической горловиной и двумя ручками-налепами (рис. 7, *4*). По фрагментам устанавливается наличие двух других разновидностей: больших двояковыпуклых фляг, у которых вместо ручек по сторонам горловины обычно имеется по два шишечных налепа, и фляг с плоским боком и резервуаром в виде шарового сегмента (рис. 7).

Хумы имеют яйцевидной формы тулово, диаметр венчика всегда больше диаметра дна. Утолщенные, загнутые внутрь венчики представлены несколькими разновидностями (рис. 7). Сосуды этого типа вылеплены вручную, в ряде случаев, возможно, применена комбинированная техника изготовления. Мелкие лепные сосуды представлены небольшой чашей (рис. 8, *8*) и бокаловидным сосудом (рис. 8, *4*).

При раскопках на Коша-депе найден оригинальный сосуд в виде стилизованного изображения лошади (рис. 9). Резервуар сосуда, изготовленный с помощью гончарного круга, имеет форму гантели. К верху переднего шаровидного утолщения прикреплены вылепленные от руки голова и шея, морда тупая, глаза переданы налепными кружками. Передняя часть морды и грива украшены процарапанными по сырой глине линиями. Спереди имеются две ручки, являющиеся одновременно стилизованными изображениями передних ног. Наполнить сосуд можно было через воронку, укрепленную на заднем шаровидном утолщении, а опорожнить (сосуд, вероятно, предназначался для вина) через рот животного или специальный сосок с отверстием, расположенный на груди коня. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины, получившей после обжига розоватый оттенок. Внешняя поверхность слегка залощена. Высота сосуда 21 *см*, емкость около 1 *л*. Для территории Туркменистана эта находка пока уникальная, но в сопредельных районах подобные сосуды известны. Можно упомянуть сосуды, изображающие коней, оленей и коз-

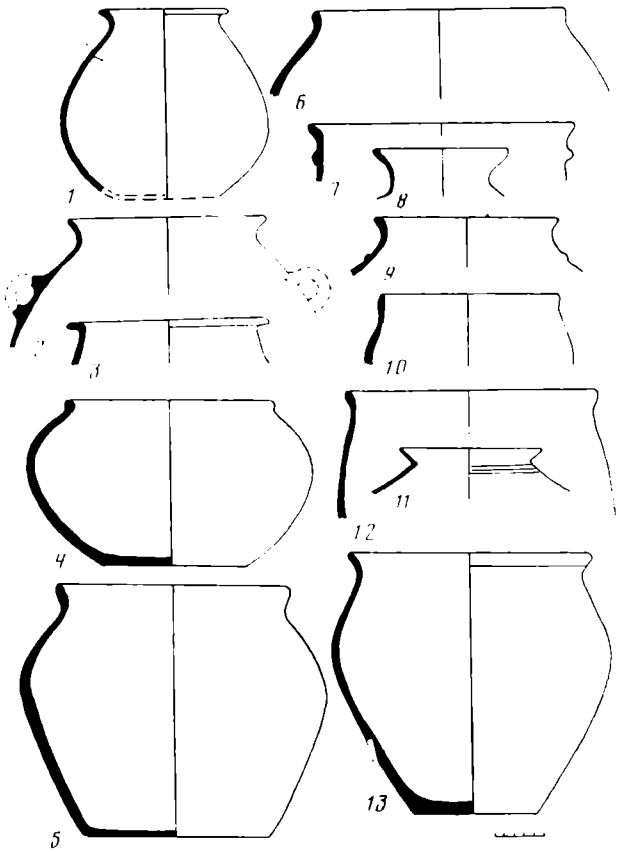


Рис. 5. Горшки

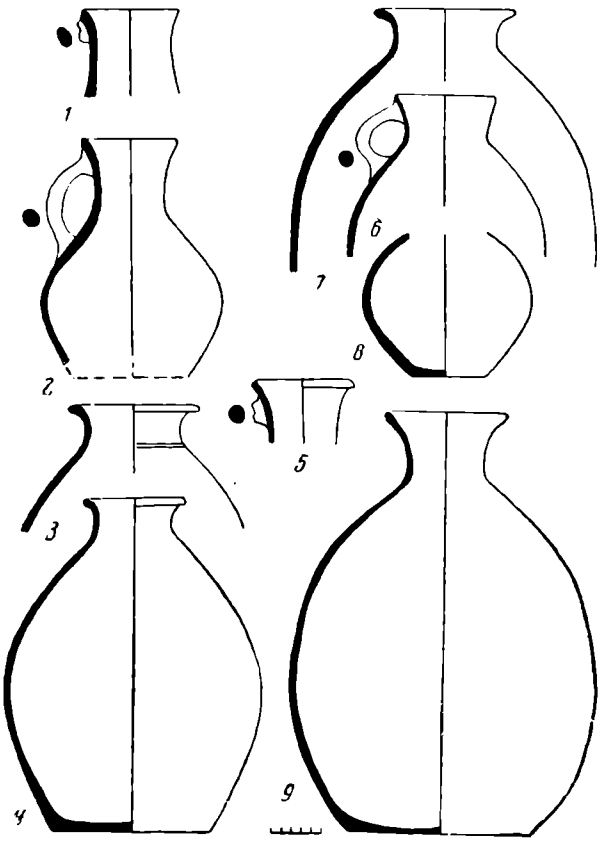


Рис. 6. Кувшины

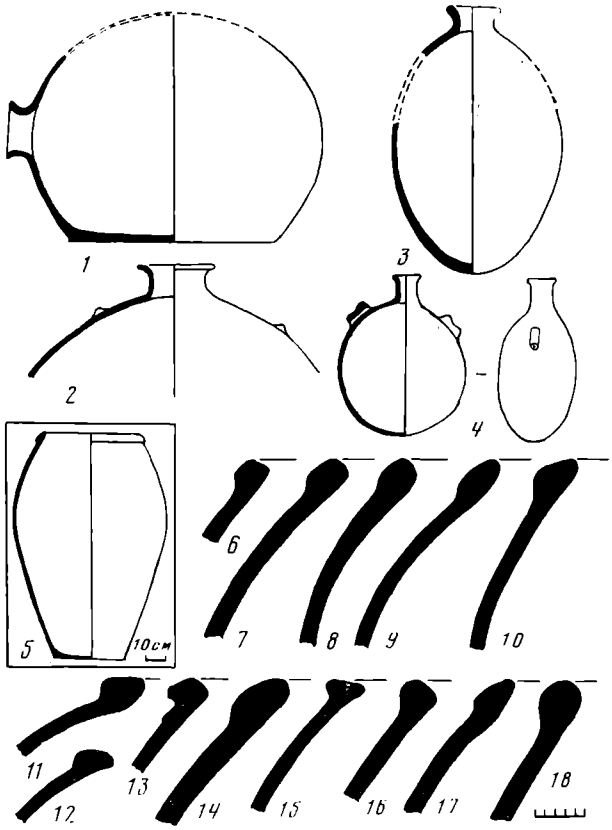


Рис. 7. Фляги (*1—4*) и хумы

лов, найденные на памятниках античного времени в Афганистане [10], в Азербайджане [11]. Наибольшее сходство кошадепинский сосуд обнаруживает с «ритоном» в виде коня из Амлаша [12], но иранский сосуд датируется IX—VIII вв. до н. э. Мало вероятно, что столь стилистически близкие сосуды разделены таким большим промежутком времени — 5—7 веков. Видимо, ошибочна датировка одного из них. Сосуд из Кошадепе найден на дне одного из хумов в непотревоженном культурном слое, и его принадлежность к античной эпохе не вызывает сомнений. Это заставляет критически подойти к предлагавшейся датировке сосуда из Амлаша, тем более что в печати уже высказывались сомнения относительно правильности определения возраста сосудов этого типа [13].

В обиходе жильцов дома, по-видимому, имелись и другие зооморфные сосуды. В помещении 5 найден слив, выполненный в виде шеи и головы барана или козла. Сквозное отверстие, проходящее через шею, заканчивается между спирально закрученными рогами. Морда очень массивная, схематично трактованная, низ ее обломан (рис. 10, *13*). Черепок в изломе коричневый, снаружи сосуд покрыт густым красным ангобом. Среди находок имеются еще два фрагмента со спиралевидными налепами-

---

[10] *Ghirshman R.* Begram.— MDAFA, XII. Le Caire, 1946, Pl. XLVI; Ancient art of Afghanistan. Tokyo, 1964, Pl. 93, 95.

[11] *Казиев С. М.* Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960, табл. XXX. I, *2, 7*.

[12] 7000 Jahre Kunst in Iran. Essen, 1962, с. 59, № 58. Стилистически близок также сосуд в виде козла из Калар-Дешта, см. *Vanden Berghe L.* Archeologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, p. 258, pl. 36.

[13] *Cuyler Joung T.* The Iranien migration into the Zagros. Iran.— Journal of Persian Studies, 1967, vol. 5, p. 26, n. 81. Указанием на эту работу я обязан Г. Н. Курочкину.

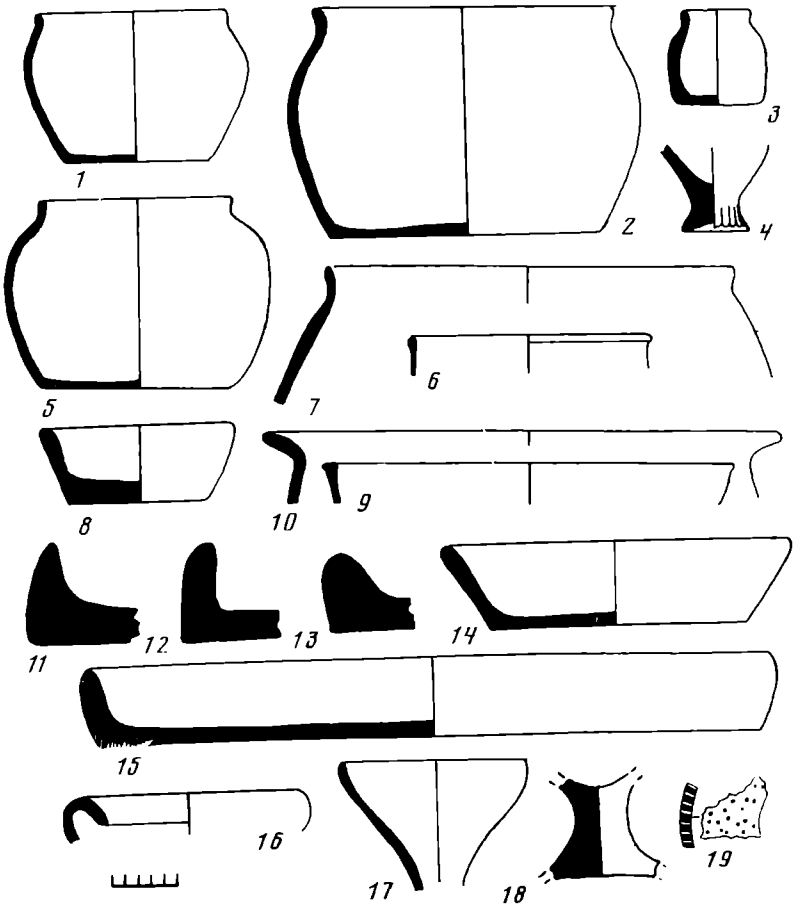


Рис. 8. Кухонная керамика и редкие формы

рогами, видимо, принадлежащие желобообразным сливам, имитирующим головы животных (рис. 10, *9*), и воронка, возможно, также являющаяся частью фигурного сосуда (рис. 8, *17*).

Описанными видами сосудов не ограничивается весь набор керамики, находившейся в употреблении у жителей Коша-депе. Часть фрагментов принадлежит каким-то еще не выявленным керамическим формам. Среди этих фрагментов имеются боковые цилиндрические сливы, обломок прямоугольной лепной коробочки, ножка бокаловидного сосуда, стенки с многочисленными сквозными отверстиями и обломок сосуда (?) с круто загнутым внутрь венчиком (рис. 8, *16*, *18*, *19*).

Керамика второй фактурно-технологической группы представлена горшками, жаровнями и чашевидными сосудами. Среди **горшков** преобладают широкогорлые и широкодонные сосуды с коротким вертикальным или слегка отогнутым наружу венчиком и пологими плечиками приземистого тулова. Донца обычно плоские, но встречаются и выпуклые (рис. 8, *1*, *2*, *5*, *7*). Другие разновидности кухонных горшков представлены небольшими фрагментами (рис. 8, *6*, *10*). Все горшки выполнены от руки из теста с примесью мелких зерен кальцита, изредка встречается примесь песка или дресвы. Обжиг слабый, неравномерный, на многих фрагментах сохранилась копоть, что свидетельствует об их использовании в качестве котлов для приготовления пищи. Найден обломок миниатюрного горшочка (рис. 8, *3*).

Жаровни изготовлялись из теста с обильной примесью мелко рубленной соломы. Они имеют невысокий бортик и плоское дно. По форме и наклону бортика выделяется несколько разновидностей (рис. 8). Диаметр жаровен 40—60 *см*.

Рис. 9. Фигурный сосуд

Чашевидные лепные сосуды составляют очень небольшую группу, различающуюся как по форме, так и по фактуре черепка. Большая миска с Т-образным венчиком изготовлена из теста с примесью зерен кальцита (рис. 8, *6*). Миска с прямыми, наклонно поставленными стенками имеет примесь дресвы (рис. 8, *14*).

Важную группу находок составляют предметы, связанные с трудовой деятельностью обитателей постройки. В помещении 7*г*, рядом с прямоугольной тумбой, найдена пара одинаковых железных ножниц пружинного типа (рис. 11, *2*). Они совершенно целые. Общая длина ножниц 17 *см*, длина лезвия 11,3 *см*. Подобные ножницы в настоящее время продолжают употребляться у туркмен для стрижки овец. Однако в древности они, вероятно, имели универсальное назначение. Аналогии этим ножницам имеются среди материалов слоя Беграм II [14].

В этом же помещении найден почти полностью сохранившийся серп с длинным изогнутым лезвием. У него отломан только стержень для насадки ручки (рис. 11, *4*).

Обломками шильев, вероятно, являются железные стержни, найденные в помещении 7*г*. Диаметр одного их них плавно уменьшается от 7 до 5 *мм* (сохранившаяся длина 7,5 *см*), второй сохранил следы насадки деревянной ручки.

Нож какого-то специального назначения найден во дворе. У него короткое, широкое, слегка искривленное лезвие с округлым концом. Нож имел деревянную ручку, посаженную на заклепках, общая сохранившаяся длина ножа 10 *см*. Длина лезвия 5,7 *см*, ширина — 2,4 *см* (рис. 11, *3*). Обломки двух других ножей найдены в помещениях 2*в* и 4.

При раскопках найдено 58 целых зернотерок и их фрагментов. Изготовлены они из серого песчаника. Зернотерки на Коша-депе встречаются трех видов. Первый — это массивные подквадратные и прямоугольные плиты со слегка вогнутой рабочей плоскостью. Ко второму относятся зернотерки, имеющие форму сильно вытянутых эллипсов, рабочие поверхности у них плоские или слегка вогнутые, тыльная сторона гладкая; многие зернотерки этого типа имеют две рабочие плоскости (рис. 11, *2*). Третью разновидность составляют узкие длинные зернотерки с приостренными концами, тыльная сторона у них обработана грубо, рабочая плоскость, как правило, криволинейная; одна целая зернотерка этого типа

[14] *Ghirshman R.* Begram.... Pl. XXXVI.

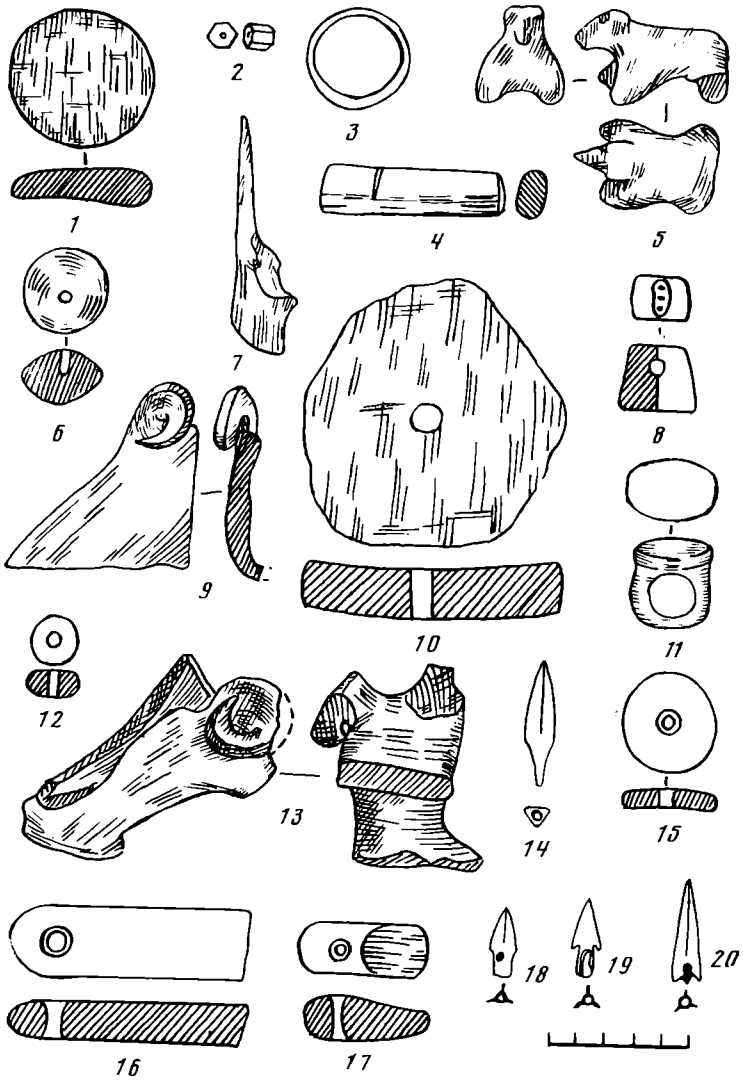


Рис. 10. *1, 6, 10, 15* — керамические поделки; *2* — стеклянная бусина; *3* — бронзовое кольцо; *4* — кость; *5* — фигурка из необожженной глины; *7* — костяная проколка; *8* — печать; *9, 13* — фрагменты фигурных сливов; *11* — железный перстень; *14* — железный наконечник стрелы; *16, 17* — оселки; *18—20* — бронзовые наконечники

имеет длину 25,5 *см*, ширину 13 *см*, толщину до 5,5 *см* (рис. 11, *6*). Терочники имеют вид округлых или дисковидных камней, некоторые из них, вероятно, изготовлены из обломков зернотерок. Всего найдено девять терочников.

К числу каменных орудий труда следует относить небольшие гладкие камушки со следами потертости с одной или нескольких сторон. Они могли употребляться как лощила, хотя следует отметить, что количество лощеной керамики на Коша-депе невелико.

Для заточки режущих орудий труда употреблялись оселки и точила. Для грубой заточки применялись массивные плитки песчаника[15]. Для доводки использовались камни с более тонкой микроструктурой — алевролиты и другие минералы. Оселки имели вид округлых или прямоугольных брусков с отверстием для подвешивания (рис. 10, *16*, *17*).

Среди орудий труда из кости наиболее многочисленны проколки, изготовленные из лучевой кости овцы. Четыре подобных проколки найдены

[15] Для этой цели могли использоваться также зернотерки и их обломки.

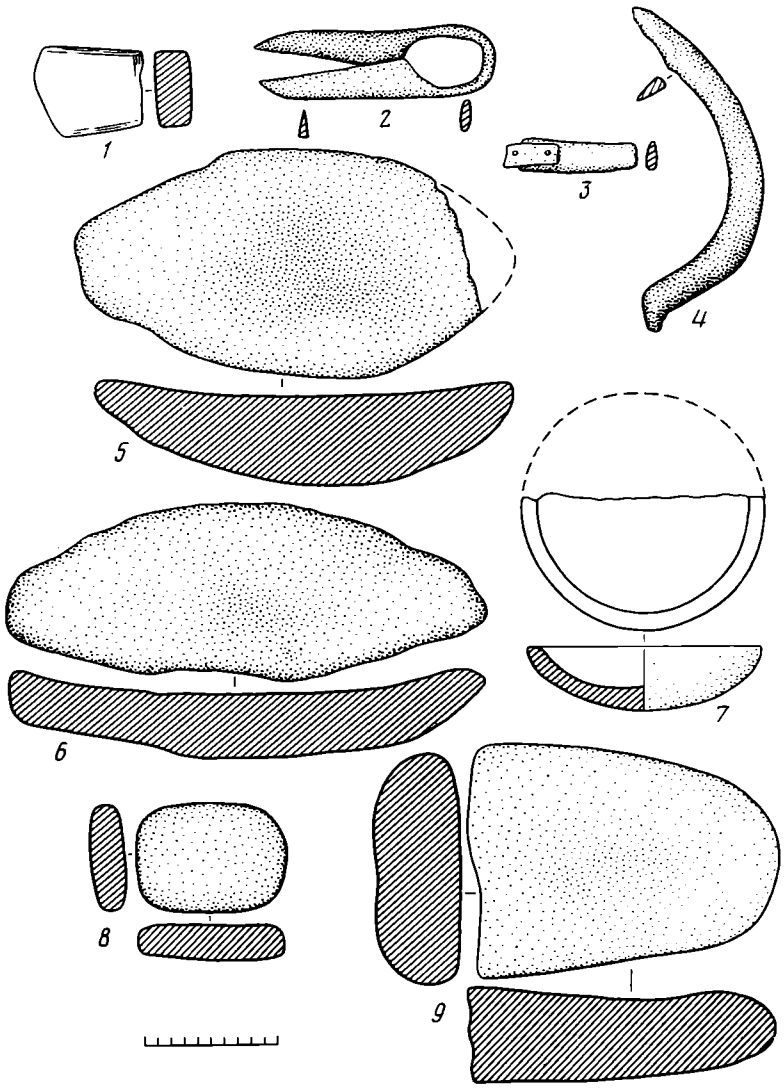


Рис. 11. Каменные и железные изделия: *1* — точильный камень; *2* — ножницы; *3* — нож; *4* — серп; *5, 6, 9* — зернотерки; *7* — чаша; *8* — курант

в помещении 7*г*, одна — в помещении 7*в* и одна — во дворе. Найден также скребок, изготовленный из лопатки животного (помещение 2*в*). На поселении, видимо, занимались также обработкой кости. В южном углу помещения 2*в* обнаружено скопление рогов, некоторые из которых имели следы распила. В этом же помещении найдена ручка длиной 10 *см*, выточенная из трубчатой кости. В помещении 7*в* найден овальный в сечении, обработанный отрезок плотной кости (рога или бивня). Один конец его гладко сточен, на втором сохранились следы распила. Длина отрезка 6,3 *см*, размеры в сечении 1,7×1 *см*.

В помещениях 2*в*, 3, 7*а*, 7*г* найдены комки сырой керамической глины. Они имеют разную форму: диск с утолщением в центре, конус, полушарие на прямоугольном основании, цилиндр. Назначение их не совсем ясно. Учитывая находку в помещениях 2*в* и 3 необожженных сосудов, их можно определять как заготовки для изготовления мелких сосудов. Подобного рода заготовки известны по раскопкам ряда средневековых керамических мастерских [16]. С процессом изготовления керамики, вероят-

[16] *Лунина С. Б.* Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в.— ТЮТАКЭ, т. 11, 1962, с. 370; *Ташходжаев Ш. С.* Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент, 1967, с. 11.

но, связан тонкий керамический диск из помещения 2*в*. Диаметр его 29 *см*, гурт аккуратно обрезан еще до обжига. Он, вероятно, употреблялся в качестве подставки при изготовлении керамики. Заканчивая описание находок, связанных с керамическим производством, следует отметить маленькую необожженную фигурку животного, найденную в помещении 3. Лепка очень грубая, трудно определить вид животного — собака или барашек (рис. 10, *5*).

При раскопках Коша-депе найдено всего лишь одно дисковидное пряслице, выточенное из стенки сосуда (рис. 10, *15*). Во дворе найден каменный диск с отверстием в центре, но он слишком мал и легок для того, чтобы быть грузилом для веретена (диаметр 1,8 *см*).

Как указание на участие жителей постройки в каких-то торговых операциях, можно рассматривать буллу, найденную в помещении 7*б*, на полу с отметкой 195 *см*. Это округлый комок глины серого цвета. Диаметр его 3,8—4,2 *см*. Поверхность заглажена. При раскопках булла была повреждена. Примерно $^1/_6$ ее часть утрачена. Сохранившаяся часть склеена из трех кусков. В момент находки в изломе хорошо был виден запечатанный в глину, тонкий, белый, крученный из двух ниток шнур. На поверхности буллы сохранились пять разных по форме оттисков. Они небольших размеров, округлые или овальные. На одном оттиске видны два концентрических кольца (?) с небольшим кружком в центре. Другой оттиск, вероятно, сделан металлическим перстнем с маленькой круглой каменной вставкой. На остальных оттисках изображения не прослеживаются.

Среди других мелких находок отметим печать, найденную в помещении 7*в*. Она изгототовлена из розового мраморовидного камня и имеет форму усеченной пирамиды с вырезанными изображениями на основаниях. Один угол печати сколот, поверхность сильно повреждена, поэтому изображение хорошо прослеживается только на верхней плоскости. Здесь грубо вырезан овал с тремя углубленными точками в середине. На нижней плоскости изображение также носило геометрический характер. Печать имела сквозное отверстие для подвешивания. Высота ее 2,2 *см*, размеры нижней плоскости 2,8×2,7 *см*, верхней — 2,1×1,6 *см*. В нижних слоях помещения 5*б* найдена каменная чаша. Она неглубокая, с выпуклым дном и плавно загнутыми стенками. Венчик сверху уплощен. Диаметр его 18 *см* (рис. 11, 7).

При раскопках найдено четыре наконечника стрел — три бронзовых и один железный (рис. 10). В помещении 3, на полу с отметкой 261 *см*, найден трехперый маленький наконечник с выступающей втулкой. Общая длина наконечника 2,4 *см*. Жальца не выражены, между двумя лопастями имеется отверстие, выводящее во втулку. Наконечник, найденный в нижних слоях помещения 5*б*, отличается несколько бо́льшими размерами и четко выраженными опущенными жальцами. Длина этого наконечника 2,8 *см*. У наконечника из помещения 7*в* втулка скрытая, лопасти прямые, узкие, с опущенными жальцами. Длина боевой части 3,5 *см*. Железный наконечник найден в заполнении помещения 7*г*. Он трехгранный, черешковый. Длина боевой части 3,3 *см* (рис. 10, *14*).

Украшений найдено очень мало: во дворе — каменная бусина в виде призмы и бронзовый колокольчик; в помещении 5*а* — две бронзовые серьги в виде колец диаметром 2,6 *см*; в помещении 4, на полу (200 *см*),— массивный железный перстень с овальным щитком. На один из способов проведения досуга указывают многочисленные находки астрагалов, в том числе подточенные с одной стороны; в помещении 7*в* найдено 19 астрагалов.

Важнейшими находками на Коша-депе являются два остракa с парфянскими текстами, описание и чтение которых даны в публикуемой ниже статье В. А. Лившица. Один из этих остраков (документ № 1) обнаружен на дне гипсовой ванны в помещении 5*а*. Второй найден в перемещенном виде вблизи этой ванны.

Содержание документов подробно прокомментировано В. А. Лившицем, поэтому я коротко остановлюсь лишь на отдельных моментах, имеющих значение для понимания функционального назначения постройки. Неполная сохранность документов не дает возможности однозначно трактовать их содержание. В документе № 1 не совсем ясно, идет ли речь о поступлениях муки или о ее выдаче? Для документа № 2 остается открытым вопрос о связи текстов на внешней и внутренней сторонах черепка. На мой взгляд, оба текста следует рассматривать как единое целое, так как, во-первых, они выполнены одним лицом, во-вторых, при обилии битой керамики вряд ли существовала необходимость повторного использования уже исписанного черепка. Весьма существенным представляется вопрос о назначении документа № 2. Если это подлинное письмо, то мы вправе предположить, что раскопанная постройка находилась в распоряжении (или владении) некоего Фарнича, важной персоны, судя по наличию в его окружении управляющего (*фрамадара*) [17]. Если это лишь черновик, то дом А поселения Коша-депе следует рассматривать как место жительства (или службы) составившего его писца. Еще одно «темное» место в документе № 2 связано с термином «долг на день». Расшифровка смысла этого выражения, возможно, даст основания для суждений о социальном положении лиц, вносивших муку.

Определение функционального назначения отдельных помещений и всей постройки в целом по археологическим данным всегда сопряжено с большими трудностями. В данном случае эти трудности усугубляются тем, что здание функционировало довольно долго, эпизодически производившиеся ремонты уничтожали многие следы хозяйственной деятельности обитателей, а назначение помещений при этом могло меняться.

Крупные размеры постройки, значительное количество кухонных котлов и следы разнообразной хозяйственной деятельности указывают на проживание здесь довольно большой группы людей. Учитывая расположение памятника на плодородной равнине, вблизи источника воды (Бабадурмазский родник), можно предполагать, что основным занятием обитателей поселения было сельское хозяйство. Вместе с тем они активно занимались переработкой сельскохозяйственной продукции и другой ремесленной деятельностью. При раскопках здания обнаружены следы занятия металлообработкой (железные шлаки), изготовлением керамики (находки необожженных сосудов и др.), обработкой кости, возможно, скорняжничеством или пошивом одежды (ножницы, шилья, проколки). В связи с неоднократным упоминанием в документах муки обращает на себя внимание многочисленность зернотерок. Но при этом в доме трудно выделить помещения, которые можно было бы определить как складские. Хумов, которые обычно служили тарой для долговременного хранения жидких и сыпучих тел, на Коша-депе найдено мало. Бытовые находки и предметы, связанные с производством, встречаются совместно почти во всех помещениях внешнего ряда, что заставляет говорить об их универсальном назначении. В них спали, ели, работали [18], коротали досуг (находки астрагалов в помещении 7*в* и др.), готовили пищу (стационарные очаги в помещениях 5*в* и 7*г*). Помещения внутреннего ряда, возможно, продолжали сохранять какое-то особое назначение или предназначались только для отдыха. Следы производственной деятельности и массовые находки бытовой керамики в них отсутствуют.

Исходя из содержания документов, можно прийти к выводу, что постройка на Коша-депе могла быть каким-то административным учреж-

[17] Возможно, однако, и прямо противоположное толкование: Фарнич находился в подчинении у *фрамадара* и в письме, адресованном Фарничу, отправитель счел необходимым упомянуть лицо более высокого ранга.

[18] Особенно значительные следы занятий ремесленной деятельностью обнаружены в самых больших помещениях 5*в* и 7*г*, но в них же найдена многочисленная бытовая керамика.

дением, занимавшимся сбором или распределением сельскохозяйственных продуктов [19]. Однако планировка постройки обычна для среднеазиатских жилых домов античного времени. Здание лишено оборонительных сооружений, что следовало бы ожидать при его принадлежности к государственным учреждениям. В составе находок, связанных с производственной деятельностью, не усматривается четкой специализации на одном виде ремесла, напротив, прослеживается тенденция к натурализации хозяйства. В целом набор находок на Коша-депе, за исключением остраков, типичен для других сельских поселений подгорной полосы Копетдага — Гарры-Кяриз и Коша-Хаудан [20], которые, бесспорно, не являются государственными учреждениями.

Функциональное назначение постройки на современном уровне исследований нельзя определить однозначно. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют высказать по этому поводу следующие предположения.

1. Постройка являлась каким-то государственным учреждением, ведающим сбором сельскохозяйственных продуктов.

2. Поселение Коша-депе являлось родовой усадьбой или резиденцией Фарнича — лица, облеченного какими-то административными или фискальными функциями.

3. В документах из Михрдаткирта (Ниса) упоминаются селения, из которых происходят писцы [21]. Возможно, Коша-депе являлось одним из них. При этом следует отметить, что поселение Коша-депе состояло из одной крупной постройки и принадлежало одному коллективу, возможно, большой патриархальной семье [22].

4. Коша-депе являлось одним из имений, относящихся к категории *uzbari* [23]. Найденные документы отражают какие-то взаимоотношения царской администрации и работников этого хозяйства.

При определении возраста верхнего здания западного холма можно опираться на три группы доказательств: стратиграфические данные; аналогии керамике и другим предметам материальной культуры; датировку остраков по палеографическим данным.

Верхнее здание, как уже указывалось, сооружено непосредственно на остатках крупной постройки, датированной концом IV — первой половиной III в. до н. э.[24], поэтому его возведение нельзя относить ко времени ранее середины III в. до н. э.

Керамика Коша-депе, преимущественно относящаяся ко второму периоду обживания, довольно своеобразна, что, вероятно, следует объяснить локальными особенностями. Тем не менее она обнаруживает много точек соприкосновения с керамикой Парфиены и Маргианы. Бокаловидные чаши находят аналогии среди материалов Бактрии [25], Согда [26], Маргиа-

---

[19] По документам известна только мука, но могли быть и другие продукты.

[20] *Пилипко В. Н.* Исследование античных памятников в Северной Парфиене в 1970 году.— КД, вып. 4, 1972; *его же.* Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975.

[21] *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Документы из Нисы I в. до н. э. М., 1960, с. 19, 20.

[22] Находка двух документов, написанных разными почерками, делает это предположение наиболее уязвимым.

[23] *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Ук. соч., с. 17.

[24] Главным аргументом в пользу подобной его датировки является сочетание прямоугольного формата кирпича («ахеменидская» традиция) с комплексом керамики, в котором отсутствуют типичные для ахеменидского времени сосуды с «подкосом», при сохранении определенных традиций этого периода в других керамических формах.

[25] *Gardin J. C.* Les ceramiques. Fouilles d'Aï-Khanoum, t. I.— MDAFA, 21, Paris, 1973, p. 138, fig. 15, Pl. 132.

[26] *Шишкина Г. В.* Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба.— Афрасиаб, вып. 1. Ташкент, 1960, с. 230, рис. 3, 17—20.

ны [27] и Парфиены [28], следует лишь отметить, что бокаловидные сосуды из других областей обычно снабжены небольшой устойчивой ножкой или поддоном, а сосуды с Коша-депе имеют плоские донца. Многие формы чаш сходны с чашами из Гарры-Кяриза [29]. Чаши с Т-образным венчиком являются одной из характерных форм Афрасиаба последних веков до нашей эры [30]. Типичной для парфянского времени является форма хумов. Среди материалов из Анау, Старой Нисы и Ай-Ханум находят аналогии фляги [31].

При определении возраста среднеазиатских бронзовых наконечников стрел обычно пользуются хронологической шкалой, разработанной для памятников Поволжья и Южного Урала. По классификации К. Ф. Смирнова, наконечники с Коша-депе относятся к 6-му и 13-му типам трехлопастных наконечников стрел, имеющих датировку в пределах VI—II вв. до н. э. Малые размеры кашедепинских наконечников заставляют относить их к конечному этапу бытования этих типов, т. е. к III—II вв. до н. э.[32] Дополнительно укажем, что при раскопках парфянских поселений в Анау и Гарры-Кяризе аналогичные наконечники стрел найдены вместе с комплексом керамики II—I вв. до н. э. Железные трехгранные черешковые наконечники стрел наибольшее распространение получили в период раннего средневековья [33]. Коша-депе, видимо, дает пример наиболее раннего их употребления.

Каменная чаша находит близкие аналогии среди материалов Кой-Крылган-калы, но там они встречены как в нижних, так и в верхних слоях этого длительное время использовавшегося памятника [34]. Остраки, найденные в самом верхнем слое Коша-депе, по палеографическим данным В. А. Лившиц датирует первой половиной I в.

Таким образом, верхнее здание Коша-депе должно датироваться в пределах второй половины III в. до н. э.— первой половины I в. н. э. Предварительно первый период можно относить ко второй половине III в.— началу II в. до н. э., второй — к II—I вв. до н. э. Продолжение работ в Апаварктикене, возможно, позволит уточнить датировку этого памятника.

При сопоставлении комплекса керамики с синхронными комплексами из Гарры-Кяриза (отчасти Анау и Нисы) при однотипности набора сосудов и сходстве некоторых форм следует отметить и существенные различия. На Коша-депе крайне малочисленна черноглиняная керамика, отсутствуют сосуды с темно-коричневым ангобом, нет кухонных сосудов, изготовленных на гончарном круге. В этих комплексах совпадают далеко не все формы сосудов и наблюдается существенная разница в процентном соотношении отдельных типов. На основании этого можно заключить, что в материальной культуре современного Каахкинского района и центральной части подгорной полосы Копетдага в первых веках до нашей эры существовали определенные различия. Не исключено, что их следует связывать с разделением этих территорий на две историко-культурные области — Апаварктикену и Парфиену.

---

[27] *Рутковская Л. М.* Античная керамика древнего Мерва.— ТЮТАКЭ, т. 11, 1962, с. 45, рис. 1.

[28] *Пилипко В. Н.* Парфянское сельское поселение..., рис. 35, чаши 1, 2.

[29] Там же.

[30] *Шишкина Г. В.* Материалы..., с. 230, рис. 3, с. 233.

[31] *Пилипко В. Н.* Памятники парфянского времени в районе Анау.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, 1973, № 5, с. 62, рис. 3; *Крашенинникова Н. И.* Отвал битой тары середины I в. до н. э. из винохранилищ Старой Нисы.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, 1963, № 5; *Gardin J. C.* Les ceramiques..., Pl. 141.

[32] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, № 101. М., 1961, с. 46, 47, 50.

[33] *Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел.— СА, 1965, № 2, с. 86—88.

[34] *Трудновская С. А.* Изделия из металла, кости, камня, стекла и других материалов.— В кн.: Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. (ТХАЭЭ, т. 5). М., 1967, с. 143, 144, табл. XVI.

V. N. Pilipko

THE PARTHIAN LAYER OF THE SETTLEMENT QOSHA-DEPE NEAR BABADURMAZ

Summary

A complex of asynchronous settlements, known as Qosha-depe is situated at the foothils of Kopet-dag, near railroad station Babadurmaz. A separate building, dated to the IIId century B. C.— Ist century A. D. was excavated at the summit of one hill. During the excavations various finds, including grindstones, sickle, gardening knife, scissors, awls, bone perforators, clay bull, unburned pottery were discovered. Most numerous group is pottery (fig. 3—9). Besides pottery, used in everyday life, a ritual vessel in the shape of a horse (fig. 9) was found. Pottery from Qosha-depe differs slightly from synchronous pottery from Garry-Kyariz, which is situated 60 km to the south from Ashkabad. This difference could be a reflection of division of foothills of Kopet-dag in the Parthian period into two historic-cultural regions — Apavarktikena and Parthiena, Among the finds from Qosha-depe especially important are ostraca with Parthian texts.

В. А. ЛИВШИЦ

ПАРФЯНСКИЕ ОСТРАКИ ИЗ КОША-ДЕПЕ

Два остракa, открытых при раскопках здания на юго-западном холме поселения Коша-депе, В. Н. Пилипко справедливо определил как парфянские. По палеографическим признакам они должны быть отнесены к памятникам раннепарфянской письменности, известной прежде всего по остракам из Нисы (I в. до н. э.) [1]; формы некоторых букв, как мы увидим ниже, позволяют датировать остраки Коша-депе первой половиной I в. н. э.

Остракон № 1 (рис. 1а, б) содержит 5 строк. Текст написан на внутренней стороне крупного (27 × 11 *см*) прямоугольного обломка хума и занимает верхнюю часть черепка, около $^1/_4$ его поверхности. В нижней части, отделенной от текста значительным промежутком, находятся две широкие полосы, начертанные, как и текст, черными чернилами. Полосы состоят из вертикальных зубцов, окаймленных сверху и снизу горизонтальными линиями, от которых отходят короткие вертикальные штрихи. По-видимому, это орнамент, имитирующий бахрому и узор ковра [2].

Текст остракона № 1, содержавший около 70 знаков, сильно поврежден, многие буквы выцвели и на фотографии не видны, однако по оригиналу удается достаточно надежно установить чтения большинства слов. Длина строк 1—4 составляла 8—9 *см*; 5-я строка, сохранившаяся целиком, значительно короче. Текст представляет собой реестр выдач или поступлений муки. Структура его, как это обычно для хозяйственных документов такого типа, очень проста: обозначение продукта и перечень имен собственных с указанием мер объема и цифр [3].

Текст: [4]

1 QM(Ḥ' s)sn QM(Ḥ' RMY)

---

[1] См. публикацию первых выпусков корпуса документов из Нисы: Corpus inscriptionum iranicarum. Pt. II, Vol. II: Parthian Economic Documents from Nisa. By *Diakonoff I. M.* and *Livshits V. A.* (Ed. by D. N. MacKenzie.) Plates I. London, 1976; Plates II, 1977; Texts I, 1977.

[2] Попытки рассматривать эти полосы как систему обозначения чисел (или единиц измерения — например, крупных мер объема и их частей) и, таким образом, связать их с текстом остракона оказались безуспешными — какой-либо закономерности в количестве и размещении зубцов и штрихов обнаружить не удается. Отметим попутно, что парфянские остраки со следами орнамента и рисунками, иногда очень искусными (изображения людей, животных, птиц), известны по находкам в Нисе, Старом Мерве (остракон II или III в. н. э., не опубликован) и Дура-Европос (III в. н. э.), см. Corpus inscriptionum iranicarum, Pt. III, Vol. III, Portfolio I: The Parthian and Middle Persian Inscriptions of Dura-Europos (ed. by R. N. Frye). London, 1968, pl. XXIX, N 31; ср. также: *Frye R. N.* Parthian Dipinti,— «Yale Classical Studies», vol. XIV, 1955, p. 199.

[3] Близкие по структуре парфянские реестры на остраках найдены в Нисе и в Дура-Европос, см. *Harmatta J.* Die parthischen Ostraka aus Dura-Europos,— AAH, t. VI, 1958, S. 87—175.

[4] Система транслитерации, которая применяется ниже, обычна для изданий парфянских памятников: заглавными буквами передаются арамейские идеограммы (т. е.

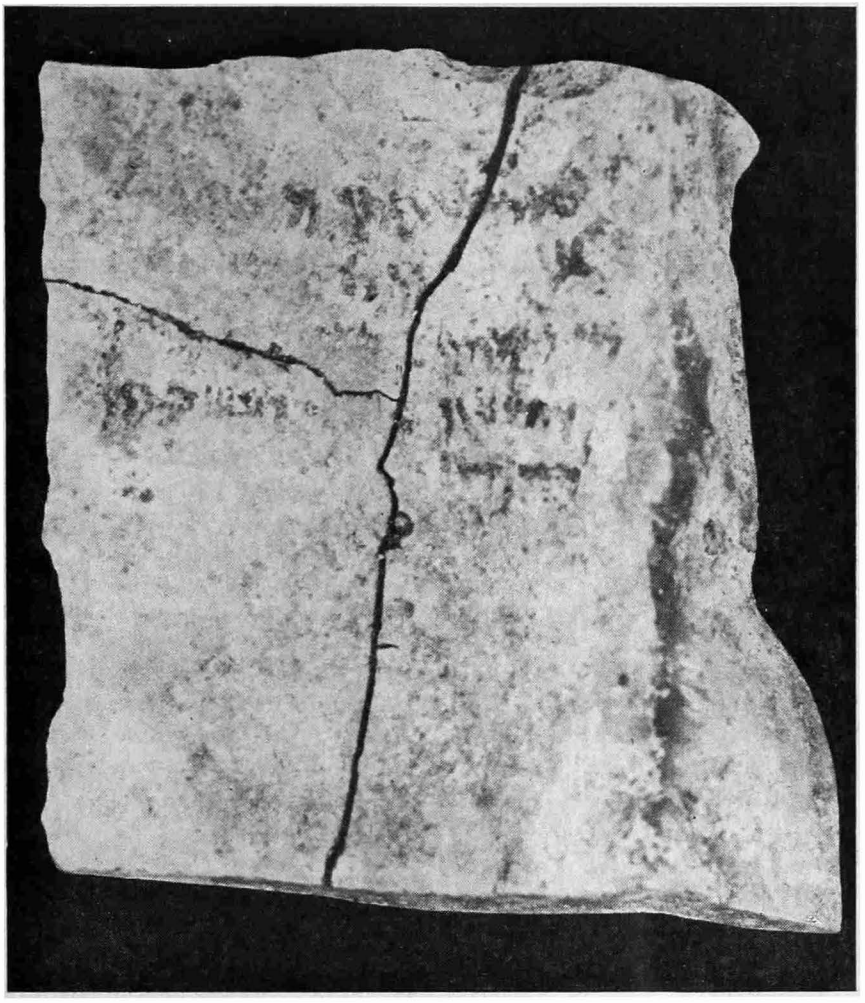


Рис. 1а. Остракон № 1

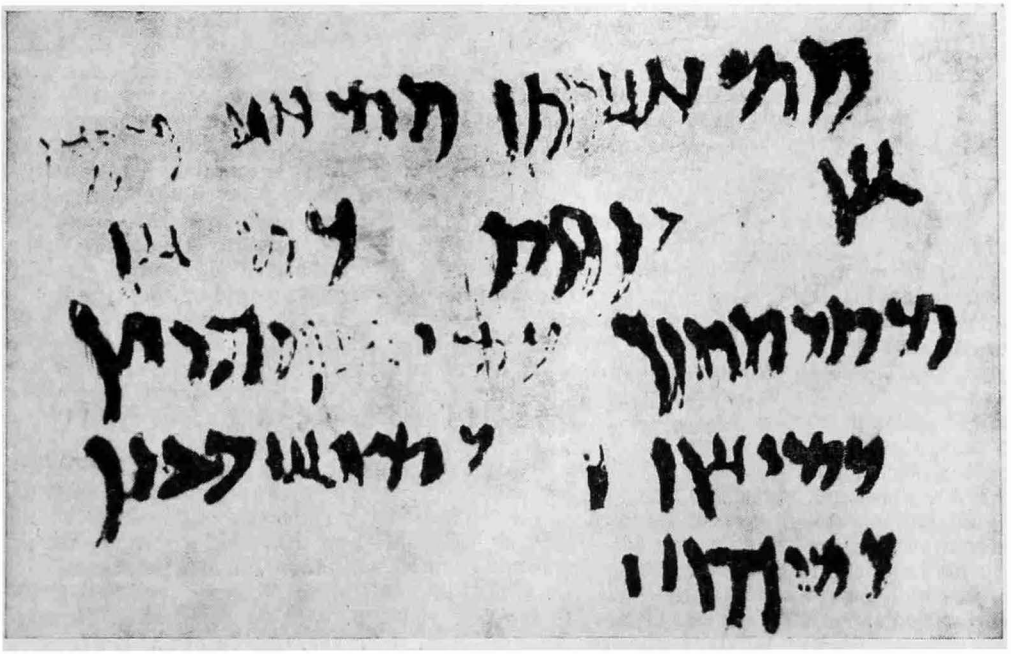


Рис. 1б. Остракон № 1, прорисовка

2 'I [wrtr](g)npt (RM)[Y] ('I)
3 mtrssnk (RMY) ['I?] (wh)wpn
4 RMY 'II (.)[.....] (RM)Y 'I bgyn
5 R(MY) H III

'Мука: Сасан — муки грубого помола 1 ардаб; [Вархр]агнбат — гру[бого помола] 1 ардаб; Михрсасанак — грубого помола [1(?) ардаб]; Вахпан — грубого помола 2 ардаба; [ ] — грубого помола 1 ардаб; Баген — грубого помола 3 хина'.

Отсутствие глагольных форм не позволяет точно определить, идет ли речь о выдачах или поступлениях; заметим, однако, что для списка поступлений ожидалась бы скорее конструкция с предлогом MN 'от, из', которая представлена в остраке № 2, а также в парфянских реестрах из Дура Европос. Сочетание идеограмм QMḤ' RMY 'мука грубого помола', букв. 'мука плохая', воспроизводит арамейский прототип, засвидетельствованный для ахеменидского времени в письмах Аршамы (V в. до н. э.) — qmḥ rmy [5], с той лишь разницей, что в качестве идеограммы в парфянских канцеляриях закрепилась другая грамматическая форма арамейского имени (QMḤ', арам. qamḥā). Эта же идеограмма, но с графической деформацией — KMḤ', выступает в пехлевийской (среднеперсидской) письменности, причем из пехлевийского словаря идеограмм известно, что KMḤ' соответствует слову ārd 'мука'. В парфянском точное соответствие для QMḤ' установить трудно. В документах из Нисы 'мука' обозначается чаще всего идеограммой SMYD (или ее аббревиатурой S), которая могла бы рассматриваться как соответствие для раннепарфянского *ārt [6], однако в одном документе в сочетании с мерой объема выступает Q, что можно понимать как аббревиатуру от QMḤ' [7].

Остраки из Коша-депе позволяют предположить, что идеограмма QMḤ' обозначала либо муку вообще, либо ячменную муку, тогда как SMYD служила обозначением пшеничной муки [8].

арамейские словоформы, употреблявшиеся как чисто графические символы парфянских слов); в круглые скобки заключены частично поврежденные знаки, в квадратные — полностью восстанавливаемые; / обозначает возможные варианты чтения знака.

[5] *Driver G. R.* Aramaic documents of fifth century B. C., 2 ed. Oxford, 1957, p. 26, 60.

[6] Из древнеиранского *ārta-, букв, 'смолотое', ср. согдийское ārte, ягнобское ōrta, белуджское ārt, таджикское ord.

[7] *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н. э.— ВДИ, 1960, № 2, с. 38, табл. II, док. № 2626 (2126).

[8] Ср. сочетание SMYD RMY 'мука (пшеничная) грубого помола' в документе из Нисы № 2595 (2128). Идеограмма SMYD' 'мука' засвидетельствована в неопубликованных хорезмийских документах из Топрак-калы (II в. н. э.). Арамейское smyd(t') 'тонкая пшеничная мука, крупчатка, манная', отраженное в этих идеограммах, соответствует аккадскому (старовавилонскому) samīdu с тем же значением и принадлежит к числу культурных слов, заимствованных во многие языки. Ареал его распространения весьма широк: греч. σεμίδᾶλις (уже у Аристофана), лат. simila, similāgo, грузинское samindo 'пшеничная мука', simindi 'кукуруза', semidali, samindali 'пшеница', но также древнеиндийское samitā- 'пшеничная мука', samitha- 'мука'. В новоперсидском samīd 'пшеничный хлеб' и в турецком (османском) simit 'крендель' следует, вероятно, видеть заимствования из арабского samīḏ. Армянское simindr, с -n-, указывает скорее всего на заимствование через посредство грузинского. Древнеиндийские формы, а также эламское samidakurra в табличках из Персеполя VI—V вв. до н. э., передающее древнеперсидское *samīda-kara- 'мельник' или 'пекарь', букв. 'делающий муку' (ср. в буддийском санскрите samita-karaka 'делающий пшеничные булки'), привели некоторых исследователей к выводу об индоиранском *samīd/tā- 'мука' как первоисточнике заимствований. Однако эта гипотеза опровергается наличием в аккадском глагола samādu 'молоть', производным от которого является существительное samīdu 'мука', распространившееся — возможно, еще в доахеменидский период — очень широко. Ср. *Bailey H. W.* Ambages Indoiranicae,— «Istituto Orientale di Napoli. Annali, Sezione linguistica», 1/2, 1959, p. 140; *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. III. Heidelberg, 1971, S. 438, 439; *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975, S. 221.

Идеограмма RMY, известная и по документам из Нисы, отражает арамейское rmy, букв. 'брошенный' (от rmy 'бросать'), ср. противопоставление qmḥ ḥwry 'белая мука' — qmḥ rmy 'плохая, низкосортная мука' в письмах Аршамы [9]. Парфянское соответствие для RMY неизвестно.

Аббревиатуры ' и H, обозначающие меры объема, многократно засвидетельствованы в документах из Нисы применительно к муке, причем по этим документам устанавливаются соотношения 1 ' = 4 H, 1 H = 10Ḥ [10]. Наиболее вероятно видеть в ' древнеиранский *ардаб* (*rdaba-) — единицу объема, заимствованную в ахеменидский период в аккадский (нововавилонский), арамейский ('rdb, аббревиатура ' в элефантинских папирусах) [11], эламский (irtiba), а позднее попавшую и во многие другие языки, от армянского и коптского до древнерусского. Примечательно, что в самих иранских языках это слово до сих пор не было обнаружено [12]. Точную величину ардаба для I в. до н. э. установить трудно. Согласно Геродоту, в ахеменидское время персидский ἀρτάβη был равен 1 медимну и 3 хеникам, т. е. около 55 *л*. Если исходить из этого, то в парфянских документах величина меры H, составлявшей $^1/_4$', будет равна 13,8 *л*, а Ḥ (=1/10 H) — 1,38 *л*. Принимая отождествления H=арам. hīn, Ḥ=арам. ḥōphen, заметим, что расхождение с библейской системой мер, в которой 1 hīn = 6,074 *л*, оказывается очень большим. Если основываться на данных эламских документов из Персеполя, то ахеменидский ардаб составлял 29,1 *л*.[13] В этом случае 1 H= 7,3 *л*, что много ближе к величине библейского hīn, а 1 Ḥ = 0,73 *л*. Если, наконец, обратиться к более поздним источникам, то можно заметить, что соотношение 1 H (hīn) = 10 Ḥ (ḥōphen) напоминает пропорцию 1 gryw=10 ḤWPN в парфянской версии надписи Шапура I в Накши Рустеме (около 262 г. н. э.). Так как из сопоставления с греческой версией этой надписи известно, что парфянская мера gryw была равна греческому модию, т. е. составляла около 8,7 *л*, то 1 ḤWPN ≈ 0,87 *л*[14]. Исходя их этих данных, мера ' в парфянских документах окажется равной 34,8 *л*.

Приведенные расчеты позволяют заключить, что аббревиатура ' в реестрах Коша-депе и Нисы обозначает скорее всего ардаб, величина которого составляла не менее 29 и не более 35 *л*; соответственно, мера H равнялась 7—9 *л*.

Перейдем теперь к именам собственным, засвидетельствованным в остраке № 1. Из шести имен полностью сохранились только два — Mihrsāsānak (mtrssnk) и Bagēn (bgyn); достаточно надежно можно установить чтение еще двух, частично поврежденных: Sāsān, (s)sn и Wahpān, (wh)wpn. Все эти имена — иранские. Mihrsāsanak и Sāsān известны как парфянские по документам из Нисы, в этих же документах представлено и имя Bagēnak (bgynk), являющееся суффиксальным вариантом к Bagēn [15], так что нет оснований сомневаться в том, что упомянутые в остраке лица были парфянами. Sāsān и Mihrsāsānak входят в обширную группу пар-

---

[9] *Driver G. R.* Aramaic documents..., p. 28, 59, 60. В. Хинц предлагает отождествлять арам. rmy с элам. ra-mi, ra-mi-ya в персепольских табличках и видеть в них передачи древнеперсидского *ramya- 'тонкий, хороший' (*Hinz W.* Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973, S. 40; *idem.* Altiranisches Sprachgut..., S. 198), однако такое объяснение противоречит контексту арамейского письма.

[10] *Дьяконов И. М. Лившиц В. А.* Новые находки документов в Старой Нисе.— Переднеазиатский сборник, вып. II. М., 1966, с. 144. 145, прим. 29.

[11] *Cowley A.* Aramaic Papyri of the fifth century B. C. Oxford, 1923, p. 274.

[12] *Benveniste E.* Relations lexicales entre la Perse et la Grèce ancienne.— In: Atti del convegno sul tema: La Persia e il mondo Greco-Romano. Roma, 1966, p. 483.

[13] *Hinz W.* Neue Wege..., S. 101.

[14] *Harmatta J.* Die parthischen Ostraka ..., S.99, 100.

[15] Буквальное значение имени Bagēn — 'божественный', от *Bag; для суффикса -ēn в парфянских антропонимах ср. в Нисе: Ātarēn (ʾtryn), Frāhēn (prhyn), Mihrēn (mtryn) и др., в Авроманском пергаменте III— Āpēn (ʾpyn), Ašnēn (ʾšnyn), в парфянских манихейских текстах — Rāštēn и др.

фянских имен, образованных от теонима Sāsān. Сопоставление имени Sāsān с таким именем из Нисы, как Sāsāndāt (ssndt), буквальное значение которого — 'созданный Сасаном', и Sāsānbōxt (ssnbwḫt) 'спасенный Сасаном , показывает, что Sāsān в этих двучленных именах является названием божества, а Sāsān как антропоним представляет собой усеченное имя, образованное по обычной иранской модели (ср. такие пары парфянских имен из Нисы, как Ahurmazddāt 'созданный Ормуздом' и Ahurmazdak; Mihrdāt 'созданный Митрой' и Mihr; Tīridāt 'созданный Тиром' и Tīr). Хорошо представлена в парфянской ономастике и модель, по которой образовано имя Mihrsāsānak, букв. '(созданный) Митрой и Сасаном' — сложение двух теонимов; ср. в документах Нисы эту модель в именах Tīrimihrak, Srōšmihr ('созданный Сраошем и Митрой'), Srōšsāsānak, Warhragnsāsān ('созданный Веретрагной и Сасаном') [16]. Божество Сасан отсутствует в Авесте, о нем нет упоминаний и в пехлевийской зороастрийской литературе, а потому мы вправе предполагать, что культ этого бога составлял одну из особенностей религии аршакидской Парфии. Как можно судить по ономастике, календарным терминам, а также упоминаниям в документах Нисы магов (MGWŠH) и жреца храма огня ('twršpty), в коренных областях Парфии на рубеже нашей эры господствующей религией был зороастризм младоавестийского толка, однако теоним Сасан показывает, что сохранялось и почитание божеств, не входивших в пантеон Младшей Авесты. Бог Сасан был известен, вероятно, и в соседнем с Парфией Хорезме, на что может указывать имя Sāsānak (s's'nk) в одном из хорезмийских документов Топрак-калы [17].

Для Персии имя Сасан надежно засвидетельствовано только с III в. н. э.; популярность этого имени в парфянской среде позволяет предположить, что родоначальник династии Сасанидов по происхождению был парфянином [18].

Имя Wahpān (whwpn, с обычной для парфянского исторической орфографией whw-), букв. 'охраняющий благо', впервые засвидетельствовано в парфянской ономастике. В строке 2 восстановление [wrtr](g)npt — Warhragnbāt кажется наиболее вероятным. Это теофорное имя, означающее 'защищенный Веретрагной', известно по документам Нисы и парфянской версии надписи Шапура I в Накши Рустеме (далее обозначается ŠKZ), ср. также Wrtrgnptkn 'сын Вархрагнбата' в остраке из Дура-Европос [19].

Остракон № 2 — подтреугольный по форме обломок тонкостенного сосуда; наибольшая длина 15 *см*, ширина 11 *см*. Остракон содержит два текста, оба написаны почерком, отличным от почерка остракона № 1. На внутренней (вогнутой) стороне — 6 строк, всего около 45 знаков (рис. 2 а, б). Сохранность этого текста очень плохая, многие буквы выцвели, особенно сильно пострадали последние две строки.

---

[16] Имя Warhragnsāsān (wrtrgnssn) представлено и на трех парфянских буллах из Нисы, см. *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Оттиски парфянских печатей из Нисы.— ВДИ, 1954, № 1, рис 34: (w)rtrgnssn; ниже, под изображением божества, видны остатки 3 или 4 букв (читать MR'Y 'государь, господин'?); рис. 35: wr(t)rgns(s)[n]; рис. 40: [w]rtrg(n)ssn. Ср. иные чтения этих надписей: *Дьяконов М. М.* Надписи на парфянских печатях из древней Нисы.— ВДИ, 1954, № 1, с. 172 сл.; *Harmatta J.* Die sassanidische Siegelinschriften als geschichtliche Quellen,—AAH t. XII, 1964, S. 219, 220.

[17] Документ на дереве 12/1948 (не опубликован). Имя S's'nk в этом документе носит один из рабов ('BDn'), входивших в состав большой семьи (BYT'). Следует учитывать, что имена рабов в топраккалинских документах по своему характеру не отличаются от имен полноправных членов семьи (домовладыка, его сыновья и зятья), так что речь идет скорее всего не об иноземцах (рабах-военнопленных), а о хорезмийцах — долговых рабах или какой-то другой категории рабов.

[18] См. также *Лившиц В. А.* Парфянский теоним Сасан. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годичная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения)». М., 1977, с. 93—97.

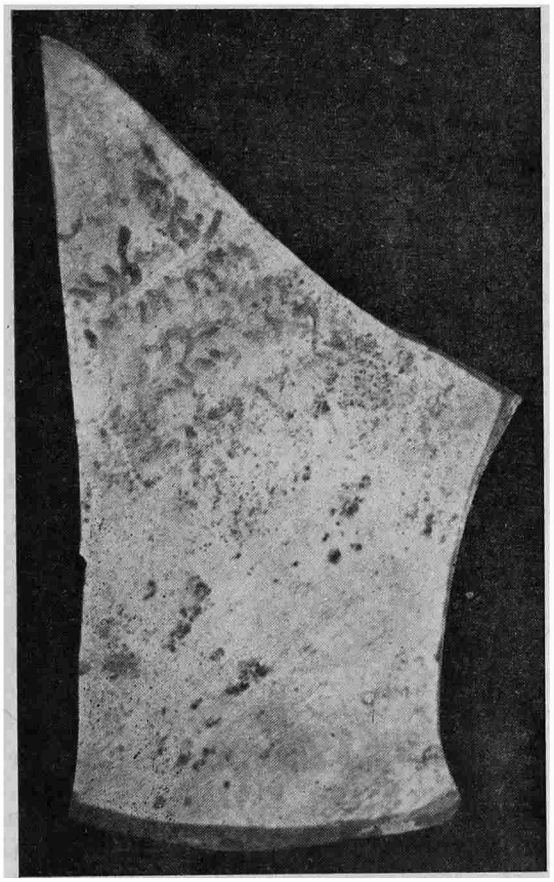
[19] *Harmatta J.* Die parthischen Ostraka ..., S. 127.

Текст:

$_1$(')L pr(n)yš
$_2$ŠL(M) LYK(W?)
$_3$(p)rm(t)r (KN)
$_4$SḤY(..)M[ ]
$_5$KẒY '(Ṭ?)Y(Q?)[ ]
$_6$('L?..š?..)[ ]

'Фарничу. Благополучие тебе и управителю. Так (?) ... прежде (?) старый (?) ... к...'.

Судя по строкам 1—3, в которых читается имя адресата и формула приветствия, перед нами краткое письмо. В строке 2 после ŠLM 'благополучие, мир' (в парфянском этой идеограмме соответствует, очевидно, drōt) [20] из нескольких возможных вариантов чтения — LYK(W), LYK(Y)или LYN(Y/W) — следует скорее всего предпочесть первый и видеть в нем сочетание LYK + союз W 'тебе и'. Написание LYK вместо обычного LK (идеограмма для парфянского tō 'тебе, тебя') несколько раз выступает в документах из Нисы[21]. В строке 3-й (p)rm(t)r, если согласиться с таким чтением полуразрушенного слова, означает буквально 'распорядитель', framātār. В надписи ŠKZ парф. prmtr, среднеперсидское prmt'r соответствует греч. ἐπίτροπος 'управитель; эконом, интендант', сходное значение имеет и армянское hramatar (заимствование из парф. framātār), выступающее как эквивалент греч. οἰκονόμος [22],



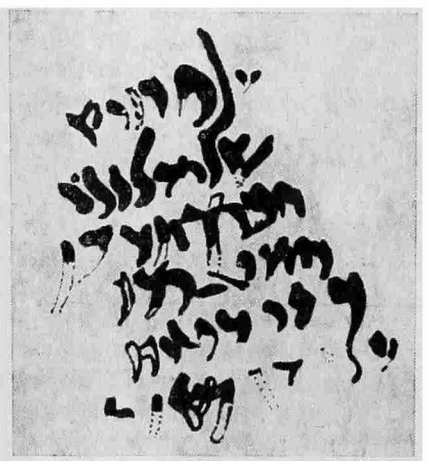


Рис. 2а. Остракон № 2, внутренняя сторона

Рис. 2б. Остракон № 2, внутренняя сторона, прорисовка

[20] *Harmatta J.* The Parthian Parchment from Dura-Europos (Dura Parchment No. 12), —AAH, V, 1957, p. 282.

[21] Например, в № 2644 (31-а), 2658 (54 внутр.) см.: *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Документы из Нисы I в до н. э. М., 1960, с. 70, 71. Союз w в арамейском всегда проклитика, но как идеограмма, соответствующая парфянскому ut 'и', W в парфянских текстах пишется либо слитно с последующим словом, либо отдельно от него, иногда даже в другой строке, как в рассматриваемом случае.

[22] *Hübschmann H.* Armenische Grammatik, t. I, Leipzig, 1895, S. 182. О функциях сасанидских чиновников, носивших титулы framātār и wuzurg framātār, см. *M.-L. Chau-*

ср. также согдийское prm'nδ'r 'управитель, глава дворцового хозяйства' в документах с горы Муг.

В конце строки 3-й идеограмма KN 'так, итак' обозначает переход от вступительной формулы письма к изложению сообщения, но строки 4—6 сильно разрушены и восстановить их нам не удалось. Идеограммы KZY 'прежде' или 'как' и '(T)Y(Q) 'старый' в строке 5 известны по другим парфянским памятникам. Имя Farnič, prnyš в строке 1, чтение которого можно считать вполне надежным, принадлежит к группе многочисленных в парфянском антропонимов, образованных посредством суффикса -ič. Буквальное значение этого имени —'счастливенький', уменьшительное от Farn; ср. древнеиранское Farniča-, засвидетельствованное в арамейской передаче Prnyš [23] и в эламских передачах Parnizza, Barnizza [24] для ахеменидского времени.

Имени или иного обозначения отправителя в письме на внутренней стороне остракa не было. По аналогии с документами Нисы, среди которых имеются писцовые учебные упражнения с начальными эпистолярными формулами [25], а также несколько черновиков кратких деловых записок [26], можно было бы предположить, что и рассматриваемый текст является не более чем черновиком краткого письма, и что писец, не смыв этот черновик, воспользовался другой стороной черепка для написания нового, не связанного с предыдущим, документа. Так поступали нередко парфянские писцы в Нисе — несколько нисейских остраков содержат на одной стороне хозяйственный учетный документ (не предназначенный для длительного хранения), а на другой — писцовое учебное упражнение. Однако нельзя исключить и возможность того, что в рассматриваемом остраке из Коша-депе письмо предваряет реестр, написанный на наружной (выпуклой) стороне черепка.

Этот текст (рис. 3а, б) содержит 5 строк длиной от 4 до 6 см, всего 61 знак. Сохранность гораздо лучшая, чем на внутренней стороне.

Текст:

$_1$MN tyrynk
$_2$Wẖštrs(n)
$_3$'wpsyk (Q)H I
$_4$dhzyn 'w(p)syk
$_5$LYWM'W ptwyšyk
$_6$'wpsyk LYWM' (')I

'От Тиренака и Хшахрсана долг — 1 хин м(уки); (от) Дахзена долг на сегодня (?) и (от) Патвечика долг на сегодня (?) — 1 ардаб'.

Предлог MN 'от, из', употребленный лишь один раз, в начале документа, но относящийся ко всем именам, позволяет заключить, что этот текст является реестром поступлений [27]. Аббревиатуры ' и H, выражающие те же меры объема, что и в остраке № 1, показывают, что речь идет о муке, а потому в аббревиатуре Q следует видеть QMḤ' 'мука'.

Наибольший интерес в этом реестре вызывает термин 'wpsyk. Этот термин встречается в одном документе из Нисы в сочетании ḤLP 'wpsyk, букв. 'вместо 'wpsyk', возможно в значении 'в счет'wpsyk' [28]. Этимологи-

---

mont. Chiliarque et curopalate à la cour des Sassanides,— Iranica Antiqua, X, 1973, p. 148—150.

[23] Элефантинский папирус. *Ср.* 51:11.

[24] *Mayrhofer M.* Onomastica Persepolitana. Wien, 1973, §§ 8. 1285; 11.1.7.

[25] См., напр., № 2647 (902), 2658 (54 внутр.), см.: *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Документы из Нисы ..., с. 71, 99.

[26] Напр., № 2644(31-а).

[27] В реестрах Нисы конструкции с опущением предлогов очень редки, но остраки из Дура-Европос дают примеры аналогичного употребления MN только в начале перечня поступлений; см.: *Harmatta J.* Die parthischen Ostraka .., S. 103 sqq.

[28] Док. № 1613(813), на двух сторонах черепка, фиксирует поступление вина; начало документа не сохранилось: '[В этом хуме из ..., из виноградника податного]... + 3 [мари вина]. (Внесено) на год 170. Принес Патвечик, [доставщик вина]. В этом

чески этот термин восходит к древнеиранскому *upa-sayaka- ‘установленное’; написание 'wpsyk в парфянских текстах I в. до н. э. — I в. н. э. должно отражать upsēk или apsēk. Среднеперсидский эквивалент этого термина засвидетельствован в сасанидском «Судебнике» в сочетании absēg ('psyk) ī pidarān. А. Г. Периханян переводит absēg как ‘рента’, abseg ī pidarān — ‘унаследованная от отца задолженность по уплате ренты’ [29]. Исходным значением парфянского 'wpsyk, как и среднеперс. 'psyk, было, вероятно, ‘долг, задолженность’. Для остраков Коша-депе и Нисы можно также предположить это значение, но более точно его определить трудно [30]. Сочетание 'wpsyk LYWM' следует, очевидно, понимать как ‘долг на день’, имея в виду день составления документа, т. е. ‘задолженность на сегодня’; толкование ‘задолженность за (один) день’ кажется невозможным, поскольку в строках 4—6 рассматриваемого текста речь идет о весьма значительном количестве муки — 1 ардаб, согласно нашим расчетам, около 30—35 *л*. Идеограмма LYWM' не засвидетельствована в документах из Нисы; в парфянской версии надписи ŠKZ сочетание YWM'LYWM' имеет значение ‘на каждый день’ (букв. ‘день за днем’), ср. арам. ywm lywm в письмах Аршамы в том же значении.

Рис. 3а. Остракон № 2, наружная сторона

Рис. 3б. Остракон № 2, наружная сторона, прорисовка

же хуме вместо (*или* ‘в счет’) 'wpsyk из ви[нограднika податного], который в (имении) Барзмехан, 8 мари вина’. См. текст этого документа (только внутренняя сторона): *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Документы из Нисы ..., с 97.

[29] *Периханян А. Г.* Сасанидский судебник. Ереван, 1973, с. 389сл., 420, 439.

[30] Положение осложняется тем, что в документах из Нисы помимо 'wpsyk выступает этимологически родственный термин ptsyk (patsēk). Точное его значение также неизвестно: судя по контекстам, это наименование особой категории поборов. В табличках из Персеполя в эламской передаче зафиксированы древнеперсидские термины ахеменидского времени *patiθaika-, *patiθaičapa- и *pariθaika-, происходящие от того же корня, что и парф. ptsyk, 'wpsyk. Судя по контекстам персепольских табличек, эти древнеперсидские слова имели значения ‘возмещение’, ‘эквивалент’ — в табличках речь идет о выдаче вина либо в качестве определенной части оплаты, либо в счет задолженности по оплате. См.: *Gershevitch I.* apud *Hallock R. T.* Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969, p. 16; ср. *Hinz W.* Neue Wege..., S. 90, 91; Altiranisches Sprachgut ..., S. 180, 189.

Из имен собственных, упомянутых в этом тексте, два — Tīrēnak (tyrynk) и Patwēčīk (ptwyšyk) известны и для документов Нисы. Tīrēnak входит в группу очень популярных у парфян имен, образованных от древнеиранского Tīrī, названия божества. Первое место среди таких имен занимало, несомненно, Tīridāt 'созданный богом Тиром' (имя нескольких царей Парфии и Армении, многих представителей парфянской знати, но также — как мы знаем по Нисе — и рядовых парфян), и можно полагать, что имя Tīrēnak в конечном счете возникло как усеченное от Tīridāt. Имя Patwēčīk, согласно объяснению Я. Харматты [31], происходит из др.-ир. *pati-vaiča- 'избранный, намеченный'.

Впервые в остраке представлено имя Xšahrsān (ḫštrsn), которое значит либо 'возвышающий царство' (Xšahrsān), либо 'поднимающийся к божеству Хшатра' (Xšahrsan) [32]. Последнее, четвертое имя в остраке — Dahzēn, dhzyn, букв. 'оружие дахов', оно напоминает о важной роли племенного союза дахов, греч. Δάαι , древнеперс. Daha-, в истории аршакидской Парфии. Это имя имеет близкую аналогию в хорезмийском Дахакинак (δahākīnak, δh'kynk) 'меч (акинак, ἀκινάκης) дахов' — имени, представленном в еще неопубликованной хорезмийской надписи с городища Бурли-кала.

Если тексты на внутренней и наружной сторонах остракa № 2 составляли одно целое, то письмо должно предшествовать реестру. В этом случае остракa предназначался, очевидно, для передачи Фарничу, который был как-то связан с «управителем», prmtr. Приняв это предположение, мы могли бы определить помещения, в котором найдены остраки, как резиденцию «управителя» или подчиненной ему канцелярии. С этой точки зрения примечательны находки в соседних помещениях печати из камня и, особенно, глиняной буллы, на поверхности которой сохранилось пять оттисков разных печатей, а в изломе виден белый шнурок [33]; эта находка показывает, что в некоторых помещениях здания хранились документы на коже.

При раскопках юго-западного холма Коша-депе монет не обнаружено, поэтому остраки приходится датировать по палеографическим данным, прежде всего на основе сопоставления с документами из Нисы, охватывающими период от конца II в. до конца I в. до н. э.[34], а также с более поздними парфянскими памятниками. В документах из Нисы представлено не менее 30 различных почерков, в них заметны варианты в начертаниях ряда букв у разных писцов, однако в целом графическая система этих документов единообразна и может считаться характерной для раннего этапа парфянской письменности. Дальнейшие ее этапы характеризуются постепенным переходом к курсиву, увеличением числа лигатур и изменением форм некоторых букв. Эта эволюция наиболее четко прослеживается по парфянским остракам и документам на пергаменте; письмо парфянских надписей на камне (они известны в основном для III в. н. э.) более консервативно.

Характерной особенностью раннего этапа парфянской письменности является употребление букв h (арам. hē) и ḥ (арам. ḥēṯ) как в арамейских идеограммах, так и в «раскрытых» (неидеографических) написаниях для обозначения, соответственно, парфянских фонем /h/ и /x/. В поздних парфянских памятниках h выступает только в идеограммах, причем лишь в

---

[31] *Харматта Я.* Из истории алано-парфянских отношений.— ААН, XIII, 1965, с. 141 сл.

[32] Ср. парф Mihrsān (mtrs'n) в остраке из Дура-Европос, букв. 'возвышающий Митру', а также хорезмийское имя Āpwaxsan ('pwxsn), 'поднимающийся к божеству благих вод', в надписи на оссуарии из Ток-калы, см. *Гудкова А. В.* Ток-кала. Ташкент, 1964, табл. I, № 2. строка 3.

[33] См. статью В. Н. Пилипко в этом номере.

[34] Подавляющее большинство документов из Нисы относится к 80—40 гг. до н э.

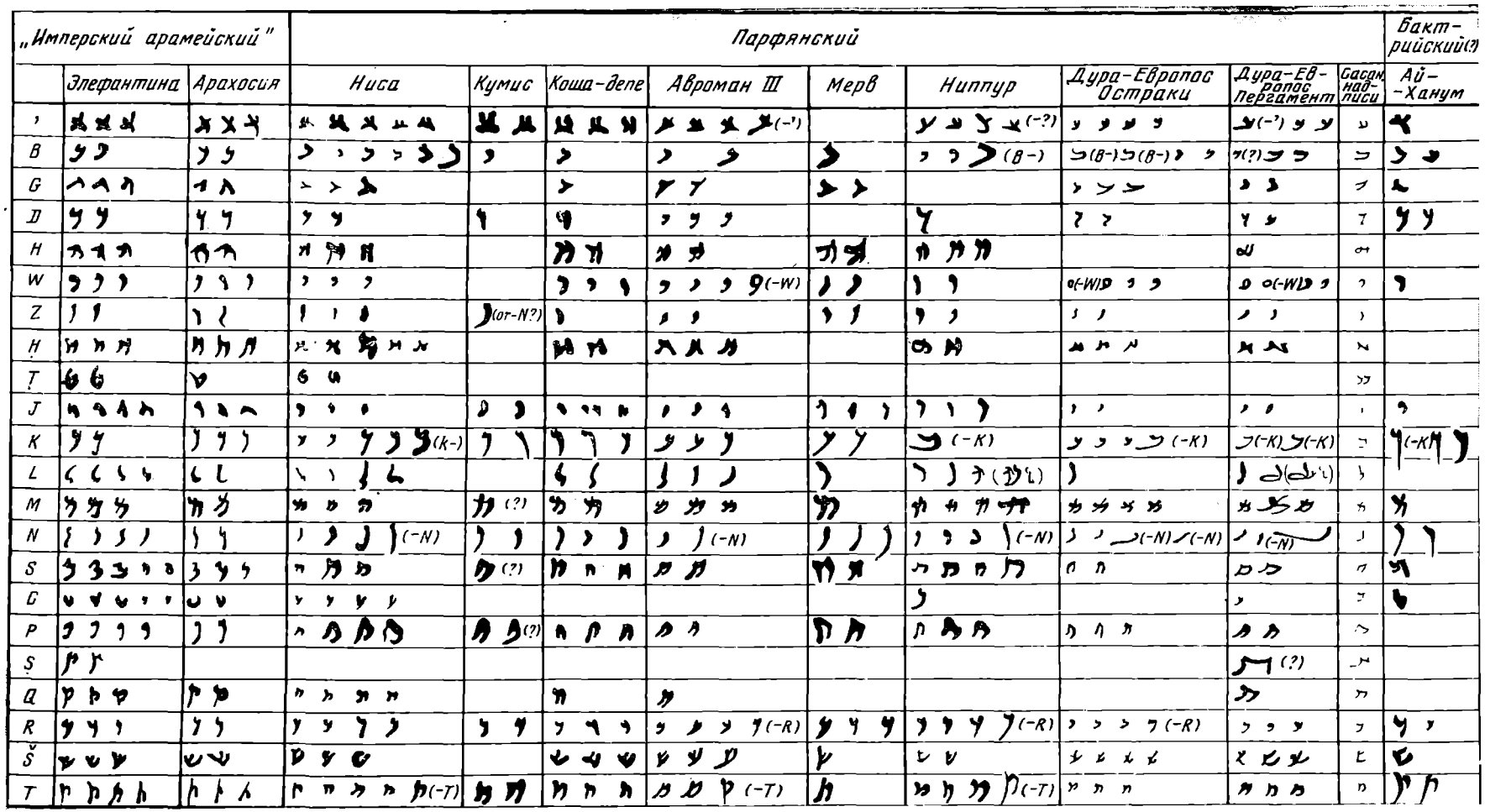


Рис. 4. Палеографическая таблица парфянского письма

конечной позиции. В документах из Нисы h и ḥ последовательно различаются, однако уже в Авроманском пергаменте III, относящемся к 53 г. н. э., наблюдаются случаи употребления ḥ вместо h.

В остраках из Коша-Депе эти буквы (рис. 4) [35] четко различаются по форме и, как можно судить по написанию имени Dahzēn (dhzyn), для выражения фонемы /h/ употребляется h, а не ḥ. Отсутствие лигатур также позволяет отнести остраки Коша-Депе к раннему этапу парфянской письменности. На несколько более позднюю, сравнительно с документами Нисы, дату может указывать лишь один из вариантов начертания буквы ' ('āleph), представленный в остраке № 2. Для этого варианта характерна скошенная и укороченная левая черта буквы (см. конечное -' в LYWM', № 2 нар., строки 5—6). Такая форма 'āleph в дальнейшем становится для парфянского «рукописного» (остраки и пергаменты) письма основной, она представлена последовательными вариантами в документе Авроман III и почти во всех более поздних парфянских памятниках[36]. Однако заслуживает внимания, что в остраках Коша-депе наряду с этой формой 'āleph в позиции начала слова употребляется ранний вариант, обычный для документов Нисы (см. '- в 'wpsyk, № 2 нар., а также аббревиатуру ' в № 1 и 2 нар.).

Из других особенностей письма остраков Коша-депе отметим еще форму буквы w (wāw), сходную с документами Нисы (в более поздних парфянских памятниках wāw нередко имеет закругленную форму); несколько разновидностей l (ср. LYWM', № 2 нар., строки 5, 6; [ʿ]L, LYKW в № 2 внутр., строки 1, 2), а также варианты конечного -k (например, в 'wpsyk).

Наиболее вероятной датой рассматриваемых остраков можно считать первую половину I в. н. э. Поселение Коша-депе расположено на расстоянии около 80 *км* от нынешнего аула Багир, где находятся развалины парфянской Нисы. В аршакидской Парфиене уже по крайней мере в I в. до н. э. существовала развитая канцелярия, в которой применялась парфянская письменность арамейского происхождения. Судя по именам писцов, засвидетельствованным в документах Нисы, в этой канцелярии работали только парфяне. В распоряжении аршакидской администрации был, таким образом, значительный по численности аппарат канцелярских служащих, для которых парфянский язык был родным и которые хорошо знали парфянскую письменность.

---

[35] В таблице для арамейских прототипов парфянских букв приводятся формы, засвидетельствованные в документах из Элефантины и в надписях на каменных ступках, пестиках и блюдах, обнаруженных при раскопках Персеполя, но происходящих из Арахосии (при составлении соответствующих граф таблицы использованы работы: *Golomb D.* The date of a new papyrus from Elefantine.— BASOR, № 217, February 1975, p. 50—53; *Delaunay J. A.* L'araméen d'empire et les débuts de l'écriture en Asie Centrale— Acta Iranica, № 2, Téhéran — Liège, 1974, pl. I—II). Для парфянской письменности в таблице, помимо остраков Нисы (для них выбраны наиболее типичные варианты начертаний), Кумиса, Коша-Депе (№ 1 и 2 наружная сторона) и Дура-Европос, пергаментов Авроман III, Дура-Европос № 12 и парфянских версий сасанидских надписей, представлены также еще неопубликованные памятники— надписи на глиняных сосудах из Старого Мерва (вероятно, I в. н. э.), остраки и надписи на глиняных сосудах из Ниппура (I—II вв. н. э.). В последней графе таблицы приведены для сравнения начертания букв фрагментированного остракa (также еще неопубликованного), найденного в 1970 г. при раскопках «храма с уступами» в Ай-Ханум (Северный Афганистан.) Этот остракон может, очевидно, считаться первым памятником бактрийского письма арамейского происхождения. (О находке этого остракона см.: *Bernard P.* La campagne des fouilles de 1970 à Aï Khanoum,— CRAIBL, 1971, avril — juin, p. 432).

[36] Архаичная форма 'āleph выступает в нескольких поздних парфянских надписях на камне (стела Хвасака из Суз, 215 г. н. э., наскальная надпись и некоторые граффити из Кал- и Джангаль, конец II или III в. н. э.), тогда как в парфянских версиях сасанидских наскальных надписей архаичный вариант этой буквы употребляется наряду с более поздним. Ср. *Brunner C. J.* The Iranian epigraphic remains from Dura-Europos,— JAOS, vol. 92, 1972, p. 493.

V. A. Livshits

PARTHIAN OSTRACA FROM QOSHA-DEPE

Summary

The article is a publication of two Parthian ostraca found during the excavations of the south-western mound of Qosha-depe. On the basis of palaeographic data these finds can be dated to the first half of the Ist century A. D. Ostracon N 1 contains a register of the delivery of meal. The text is badly preserved, but 5 names could be read — all of them are Parthian (Sāsān, [Warhr]agnbāt, Mihrsāsānak, Wahpān, Bagēn), having close analogies in the Parthian documents from Old Nisa. The measures of volume of meal are designated by abbreviations — 'for *ardab* and II for *hin*. Ostracon N 2 contains two texts. On the inner side of the sherd a part of a letter is preserved, addressed to *Farnič* and to *framātār* — an official, who was in charge of the entry and delivery of food. On the outer side of the sherd is whole the text of a register of entry of meal (paying off a debt); all names, mentioned in this register are also Parthian (Tīrēnak, Xšahrsān, Dahzēn, Patwēčīk).

Заметки

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ, В. М. ГАГАШЬЯН

АШЕЛЬСКОЕ РУБИЛО ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ТУАПСЕ

Ручные рубила в раннем палеолите Черноморского побережья Кавказа являются довольно редкими находками, не образующими комплексов наподобие индустрий с бифасами, известных, например, в Армении и Юго-Осетии [1]. Здесь они встречены в виде единичных находок в Абхазии на террасовых местонахождениях Яштух, Ачичвара, Гали и др.[2], а к северу от нее в прибрежной зоне установлены лишь в мустьерском слое Ахштырской пещеры недалеко от г. Адлера [3]. Вследствие этого казалось, что на обширном северо-западном отрезке кавказского Причерноморья (севернее г. Сочи) ашельские изделия типа ручных рубил вообще отсутствуют, или же в этих районах можно ожидать открытия двустороннеобработанных изделий сравнительно поздних типов, близких в какой-то мере ахштырским рубилам или бифасам из Ильской мустьерской стоянки на Кубани [4].

Теперь нет сомнений, что северо-западный участок Черноморского побережья Кавказа входил в ареал расселения ашельских охотников, изготовлявших ручные рубила, и первая находка здесь типичного ашельского бифаса является сейчас как бы связующим звеном между двумя территориально обособленными группировками ашельских местонахождений, расположенными, с одной стороны, в Абхазии, а с другой — в Прикубанье.

Рубило, о котором идет речь, обнаружено у г. Туапсе, на западной окраине мыса Кадош, в 2,5 км к северо-западу от турбазы «Туапсе» [5]. Оно было извлечено из неглубокой промоины на поверхности одной из древних морских террас, расчлененных в настоящее время глубокими балками на многочисленные узкие и длинные останцы, протянувшиеся

---

[1] *Паничкина М. З.* Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-Дар.— МИА, 1953, № 39, с. 35, 36; *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, с. 27—30; *Любин В. П.* Ашельская эпоха на Кавказе.— Всесоюзная конференция «Новейшие достижения советских археологов». М., 1977, с. 3.

[2] *Замятнин С. Н.* Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря. Очерки по палеолиту. М.— Л., 1961, с. 80—83, 96, 97; *Коробков И. И.* Новая находка ручного рубила на Яштухе.— КСИА АН СССР, 1964, № 101, с. 77—80.

[3] *Замятнин С. Н.* Палеолитические местонахождения..., с. 116, 117; *Векилова Е. А., Грищенко М. Н.* Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг.— МИА, № 185, 1972, с. 50, 51.

[4] *Замятнин С. Н.* Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения.— Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, т. V. М.— Л.— Новосибирск, 1934, с. 207, 218, табл. I, II; *Городцов В. А.* Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки.— МИА, № 2, 1941, с. 7—25, рис. 3.

[5] Рубило найдено в 1965 г. студентами, которые передали его в Туапсинский историко-краеведческий музей и показали нам место этой замечательной находки.

от склона прибрежного горного хребта и круто срезаемые современной береговой линией моря.

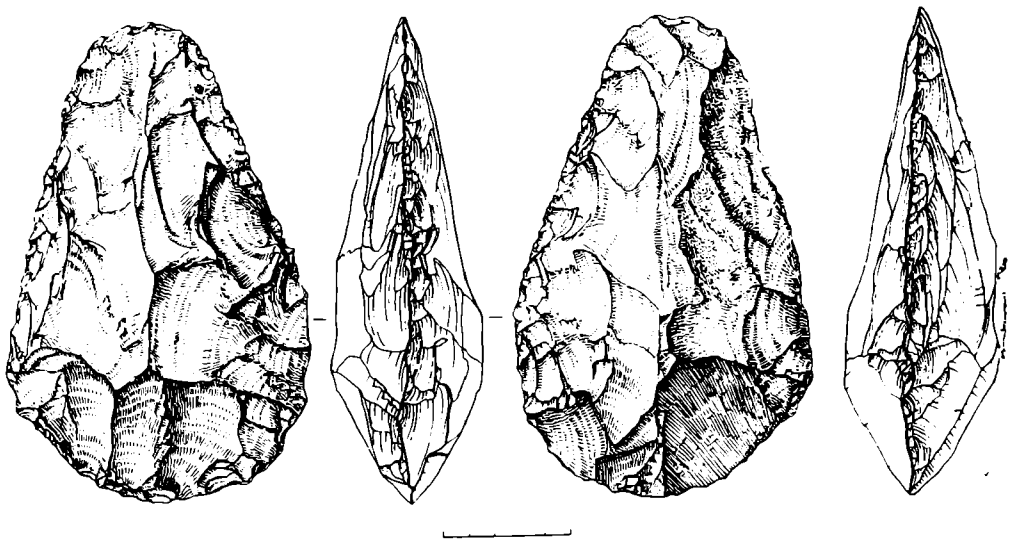
Сильная расчлененность местности затрудняет точное определение геологических условий находки. До проведения специальных исследований можно сказать, что она связана со слабо наклоненной к морю поверхностью останца длиной около 600 *м* и шириной от 35 до 100 *м*, высота которого на бровке вблизи берегового обрыва составляет 55 *м*, а у тылового шва, в основании гористого склона достигает 80 *м*. Кажется также несомненным, что этот останец включает в себя остатки поверхностей, по крайней мере, двух древних морских террас — древнеэвксинской и узунларской (шадской), разделяющий уступ которых сглажен эрозией. Рубило располагалось на расстоянии 200 м от крутого горного склона мыса и в 400 *м* от берегового обрыва, в осевой и наиболее суженной части останца, где ширина его не превышает 35—40 *м*, на высоте около 70 *м* над уровнем моря. По схеме плейстоценовых морских террас Черноморского побережья Западного Кавказа, предложенной А. Б. Островским [6], оно приурочено, таким образом, к пониженной части поверхности, скорее всего древнеэвксинской морской террасы, хорошо представленной на мысу. В составе континентальных отложений этой террасы на месте находки обращает на себя внимание прежде всего мощная пачка (не меньше 5 *м*) грубообломочных склоновых отложений, состоящих из переслаивающихся прослоев щебнистых желтовато-зеленоватых суглинков и щебня, которые перекрывают морские галечники, прослеживающиеся кое-где на склонах балок. Кровлю же этого делювия образуют коричневато-желтые тяжелые суглинки с мелкой оглаженной щебенкой мергелей. Изделие было извлечено как раз из этих суглинков и залегало в них в наклонном положении на глубине около 20 *см* от поверхности. Судя по нахождению рубила на значительном расстоянии от крутого склона, можно заключить, что оно не было смыто с более высоких участков рельефа и не претерпело существенного переотложения с момента оставления человеком.

На это же указывает и хорошая сохранность поверхности изделия. Благодаря залеганию в суглинках рубило не имеет каких-либо следов повреждений, столь частых у находок из подъемных коллекций. Оно совершенно не окатано; края и ребра оббивки острые, лишь слегка выветрены, а вся поверхность покрыта равномерной буровато-коричневой патиной.

Наиболее яркими отличительными чертами рубила являются его крупные размеры, исключительно тщательная двусторонняя отделка поверхности и краев по всему периметру, удивительная симметрия частей и выверенность пропорций орудия (см. рисунок 1). По своей выразительности оно, несомненно, принадлежит к лучшим образцам такого рода изделий. Рубило изготовлено из крупного плоского куска серого, очень плотного тонкозернистого песчаника, имеющегося в окрестностях местонахождения в склоновых осыпях и коренном залегании. Длина его 18,7, ширина 11,9, толщина 6 *см*, вес 955 *г*. По форме оно относится к типу сердцевидных удлиненных ручных рубил с обработанным, «режущим», округлым основанием, довольно редких на Кавказе. Заслуживают внимания и некоторые другие показатели линейных измерений изделия (по Ф. Борду) [7], уточняющие его морфологический облик. Так, отношение длины рубила к промежутку между его максимальной шириной и проксимальным краем составляет величину 3,5; округленность боковых краев (отношение ширины на половине длины орудия к его максимальной ширине $\times 100$) — 90%; отношение общей длины к ширине 1,6; показатель же уплощенности (отношение максимальной ширины к толщине) едва до-

[6] *Островский А. Б.* О морских террасах Черноморского побережья Кавказа между Анапой и устьем Шахе.— Докл. АН СССР. Сер. геолог., т. 181, № 4, 1968, с. 950, рис. 1.

[7] *Bordes F.* Typologie du paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961, Mémoire № 1, p. 49—53.



Ашельское ручное рубило с мыса Кадош (Черноморское побережье Северо-Западного Кавказа)

стигает 2. Надо сказать, что этот последний показатель — весьма небольшая уплощенность кадошского рубила — является, как видно, единственным признаком, характерным, по Ф. Борду, не для сердцевидных, обычно более уплощенных, а для миндалевидных ручных рубил, отличающихся известной массивностью.

Более частные детали морфологии и технологические признаки рубила представляют не меньший интерес. Профиль рубила двояковыпуклый, особенно ближе к основанию, хотя в продольном сечении оно слегка аспимметрично, что связано, очевидно, как с приемом оббивки изделия, так и с характером использованной для него исходной заготовки. Наиболее уплощенной и широкой является часть изделия, которая приходится на $^3/_4$ его длины (если мерить от дистального конца), где с обеих сторон орудия имеются рельефные поперечные ребра, полученные путем снятия сколов от линии проксимального края. Эти ребра служат границей, отделяющей основную часть рубила (продольные края и дистальный конец) от его основания.

Последнее укорочено. В плане оно образует форму правильной дуги радиусом 5,0 *см*, причем вершина этой дуги располагается на продольной оси орудия. Сечение же его имеет притупленно-клиновидную форму за счет двусторонней обработки преимущественно крупными сколами; негативы этих сколов на верхней, более выпуклой стороне имеют удлиненные очертания. Линия края основания орудия выровнена, и на ней прослеживаются отчетливые следы забитости.

Дистальный конец рубила также специфичен. Этот конец является наиболее уплощенной частью изделия и в какой-то мере сходен с дистальными концами ланцетовидных рубил. Он не образует острия, а имеет форму наподобие утиного носа и сужен до 3,5 *см*. Линия края его ровная и в плане закруглена мелкими сколами, снятыми преимущественно с нижней стороны.

Верхняя сторона рубила имееет более интенсивную обработку по сравнению с нижней стороной. Здесь хорошо выражено продольное возвышение — гребень, совпадающий с продольной частью орудия, образованный путем ограничения длины крупных сколов оббивки, отделяемых от боковых краев. Крупными сколами, очевидно, осуществлялось основное оформление орудия. Последующая же «доводка» его, включающая в себя и выравнивание краев, производилась сколами более мелкими. Многие негативы сколов оббивки на этой стороне, хотя и располагаются ярусами,

довольно плоские, вееровидных очертаний и имеют на концах заломы. Такие негативы наводят на мысль об использовании при изготовлении рубила мягких отбойников. Ретушь краев ограничивалась снятием единичных прерывистых фасеток, дополняющих мелкую оббивку. Оба края орудия (левый почти прямой, правый слабо выпуклый) тщательно выровнены, без крупных зарубин и извилин. Однако на нижней половине левого края видны следы затупленности и забитости, аналогичные следам изнашивания на основании, которые, возможно, указывают на применение рубила в ударных функциях.

На нижней, более уплощенной стороне рубила обработка не сплошная. На правой половине ее сохранился значительный участок плоской необработанной поверхности исходного куска песчаника, рационально использованной при оформлении орудия. На прилегающем крае обработка незначительная, несколько небольших и стелящихся негативов легкой выравнивающей оббивки располагаются здесь только на перегибе края к основанию. Левый край и вся левая половина этой стороны, напротив, интенсивно оббиты сначала крупными сколами, которые лишь на немного переходят осевую продольную линию орудия (гребень, протягивающийся почти по продольной оси орудия, на этой стороне также прослеживается, но он очень пологий), а затем мелкими сколами и прерывистыми фасетками ретуши. Как на верхней стороне, негативы обработки в массе своей плоские и вееровидных очертаний, однако заломы у них менее выступающие.

На месте находки описанного нами ручного рубила не обнаружено каких-либо других археологических находок и это в значительной мере затрудняет его датировку. К тому же оно не имеет прямых аналогий среди находок ни в Абхазии, ни в Прикубанье. Вместе с тем надо сказать, что ручные рубила из абхазских и прикубанских местонахождений, хотя и не образуют между собой типологического единства и разновременны в пределах ашеля [8], в основном выглядят как будто более поздними по сравнению с кадошским ручным рубилом. В массе своей они отличаются довольно небольшими размерами (исключением является одно великолепное рубило ланцетовидного типа с Яштуха [9], размеры которого почти совпадают с размерами кадошского рубила) и во многих случаях имеют не до конца обработанное, иногда массивное основание с сохранившейся на нем желвачной коркой. Большую часть этих рубил В. П. Любин справедливо считает верхнеашельскими [10]. Что же касается более ранних ручных рубил на Северо-Западном Кавказе, то они пока еще очень слабо изучены. К среднему ашелю на рассматриваемой территории, по мнению В. П. Любина, могут относиться только некоторые находки, в частности, с Яштуха (Абхазия) и из Игнатенкова кутка (Прикубанье) [11]. В последнем случае имеется в виду, по-видимому, прежде всего весьма архаичное рубило, обнаруженное в пойме р. Псекупса и опубликованное С. Н. Замятниным [12] и А. А. Формозовым [13], которое по технико-типологическим критериям, несомненно, древнее кадошской находки [14]. Учитывая все эти обстоятельства и отмеченные крупные размеры, значительную ширину и массивность, а также тип ручного рубила с мыса Кадош, нам представляется сейчас возможным отнести это рубило к развитому ашелю или, точнее будет сказать, ко второй половине ашеля и предварительно датировать его карангатским (риссвюрмским) или даже предкарангатским (верхнерисским?)

[8] *Любин В. П.* Ук. соч., с. 3.

[9] *Коробков И. И.* Ук. соч., с. 79, рис. 22.

[10] *Любин В. П.* Ашельская эпоха..., с. 3.

[11] Там же.

[12] *Замятнин С. Н.* Находка орудий шелльского времени близ станицы Саратовской на р. Псекупсе. Очерки по палеолиту. М.— Л., 1961, с. 64, рис. 6.

[13] *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 17, рис. 6.

[14] От мыса Кадош до ст. Саратовской на Псекупсе по прямой не больше 80—90 *км*.

временем на Черноморском побережье Кавказа. Косвенным свидетельством такой геологической датировки находки являются охарактеризованные выше четкие геоморфологические условия залегания ее in situ в самой верхней части мощной толщи делювиальных отложений, несомненно довюрмских, на поверхности среднеплейстоценовой древнеэвксинской морской террасы.

И. Л. ЧЕРНАЙ

ПЕКТОРАЛЬ ИЗ СЕЛЕЦКОГО ГОРОДИЩА

Во время археологических раскопок в 1977 г. на Селецком городище дьяковской культуры в Раменском р-не Московской обл. наряду с обычными находками была обнаружена полностью сохранившаяся пектораль из цветного металла, выполненная в технике скани (рис. 1, *1*) [1]. Она представляет собой широкую ажурную серповидную пластину из гнутой и витой проволоки.

Основная часть пекторали состоит из трех соединенных концами незамкнутых колец разных размеров, изготовленных из медной проволоки толщиной 3,1 *мм*. Внешние и внутренние кольца изготовлены из одного куска проволоки, путем перегибания ее под прямым углом в месте соединения колец на концах. Среднее кольцо прикрепляется с помощью муфточек, согнутых из расплющенных концов. На каждое кольцо с лицевой стороны плотно уложены полувитки из проволоки толщиной 1,7 *мм*, имитирующей ряды плотно завитой на кольца проволоки. На внутреннем и внешнем кольце полувитки наклонены вправо, на среднем кольце — влево. Полувитки были изготовлены заранее путем навивания на стержень того же диаметра, что и кольца, с последующей разрезкой на две части, вследствие чего получалось два комплекта деталей. У концов пекторали в местах окончания рядов полувитков наложены по 8 скобок из проволоки толщиной 1,7 *мм*, имитирующих перевязку трех колец. Собранная основная часть пекторали пропаяна с лицевой стороны более легкоплавким, чем медная проволока, медным припоем.

Вторая часть пекторали — обрамление, представляет собой незамкнутое кольцо из медной проволоки толщиной 2,1 *мм* с припаянными к нему ажурными секторами, собранными из проволочек толщиной 1,7 *мм*.

Эта часть пекторали была изготовлена в следующем порядке. Каждый ажурный сектор собирается из заранее заготовленных проволочек нужной длины с концами, согнутыми в петельку. В каждом секторе две группы по 9 проволочек обращены петельками в противоположные стороны. Собранные секторы накладываются петельками на проволочное кольцо и припаиваются с лицевой стороны припоем. Готовая вторая часть пекторали припаивается концами проволочных секторов с обратной стороны к внешнему кольцу основной части. Для придания пекторали большей прочности с оборотной стороны к кольцам основной части припаиваются пять радиально расположенных накладок, изготовленных из расплющенной толстой проволоки (рис. 1, *2*).

Тщательно разработанная технология изготовления пекторали, унификация ряда деталей и предельно рациональное использование проволоки различной толщины дают основание предполагать, что древние мастера обладали умением применять различные припои и флюсы, а также получать проволоку методом волочения. Измерения проволоки выявили стабильность ее толщины по всей длине, что невозможно получить путем

[1] Анализ металла произведен в кабинете спектрографии АН СССР Т. Б. Барцевой (таблица).

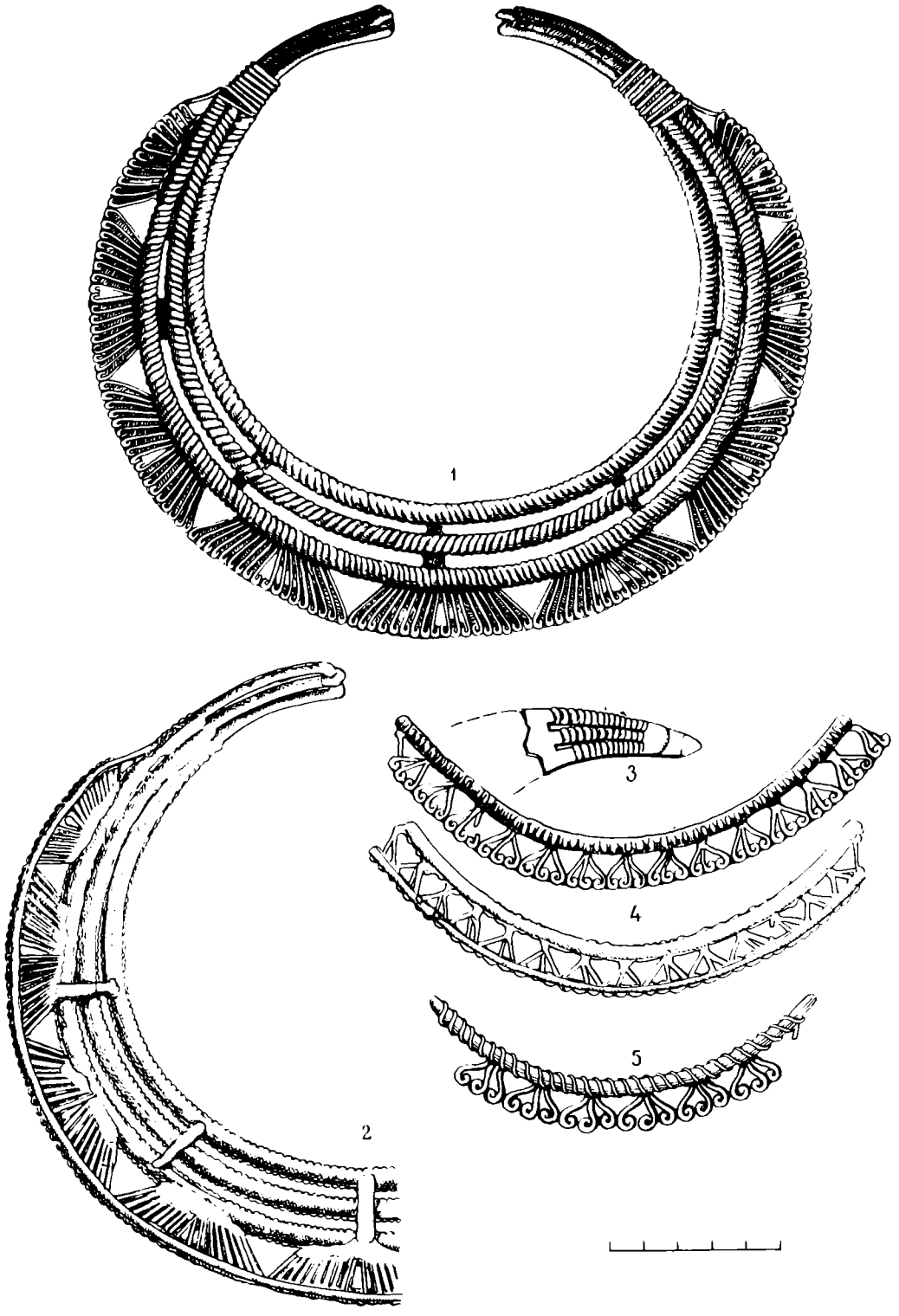


Рис. 1. Нектораль из Селецкого городища и обломки гривн из городищ раннего железного века. *1, 2* — нектораль из Селецкого городища (лицевая сторона и часть оборотной стороны); *3, 4* — обломки гривн из Мокрядинского городища; *5* — обломок гривны из Мамонова городища

Спектральный анализ пекторали из Селецкого городища

Шифр лаборатории	Образец	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
23.830	Проволока	Осн.	0,3	0,02	0,01	0,0005	0,0008	0,01	0,15	0,008	0,006	0,01	0,003
23.830-а	Соединен.	»	0,1	0,02	0,02	0,001	0,005	0,02	0,10	0,003	0,007	0,01	0,003
23.830-а	»	»	0,3	0,02	0,01	0,0007	0,001	0,03	0,15	0,15	0,01	0,01	0,003
23.830-б	»	»	0,3	0,02	0,02	0,0007	0,001	0,03	0,20	0,008	0,008	0,03	0,003
23.830-б	»	»	0,3	0,01	0,02	0,001	0,001	0,03	0,15	0,003	0,006	0,04	0,003
23.830-в	»	»	0,8	0,05	0,009	0,003	0,001	0,04	0,10	0,04	0,002	0,002	0,003
23.830-г	»	»	0,3	0,06	0,07	0,002	0,002	0,01	0,10	0,01	0,01	0,4	0,003
23.830-г	Проволока	»	0,3	0,03	0,06	0,0009	0,001	0,02	0,10	0,002	0,01	0,02	0,003
23.830-г	»	»	0,25	0,02	0,02	0,0005	0,0008	0,02	0,10	0,008	0,006	0,01	0,003

ковки или методом вытягивания. Вероятнее всего, в этот период уже были известны волочильные доски с калиброванными отверстиями для получения проволоки различного диаметра. В Восточной Европе о раннем применении проволоки в производстве украшений позволяет судить обмотанная проволокой бронзовая булавка Сабатиновского селища срубного времени, а также литая имитация витья из проволоки в украшениях всаднического инвентаря из кургана у с. Зольное. Спиральные, скрученные из проволоки подвески встречаются на памятниках чернолесской и других культур раннескифского времени [2].

Широкое распространение получило производство украшений из гнутой и витой проволоки в скифо-сарматское время. На городищах раннего железного века неоднократно отмечались находки проволочных спиралей, рукоятей ножей, обмотанных проволокой, и их литые имитации [3]. Об умении изготавливать сканные украшения в средний и поздний период раннего железного века можно судить по обвитым проволокой кольцевым застежкам, умбоновидным подвескам, выполненным из проволоки или отлитым по сканным образцам [4]. Вероятнее всего, с широким производством скани следует связывать находки пинцетов очень близких по форме к пинцетам, применяемым в настоящее время мастерами скани [5].

О производстве изделий, выполненных в технике скани, можно судить по обломкам гривн, найденных на Мокрядинском и Мамоновом городищах. Эти гривны почти

---

[2] *Граков Б. Н.* Ранний железный век. М., 1977, рис. 95, *4*; 10, *1а*; *3*, *4*; 121.

[3] *Качанова В. И.* О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры.– В сб.: Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИИРМ, вып. 5, 1954, рис. 20, *6*; *Романовская С. В.* Материалы из раскопок городища «Казенный бугор».– Сборник научно-археологического кружка МГУ, вып. I. М., 1928, табл. I, рис. 10; *Третьяков П. Н.* Древнейшие городища Верхнего Поволжья.— СА. IX, 1947, рис. 11а.

[4] *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище.– В сб.: Дьяковская культура. М., 1974, табл. X, *1—7*, *9—11*, *17*, *18*; XI, *3*, *5—7*, *15*, *16*; XIII, *13*; XX, *1*, *2*, *10*; XXII, *4*, *6*, *7*; *его же.* Троицкое городище. Древнее поселение в Подмосковье.— МИА, № 156, 1970, табл. 17. *1—5*; 18, *1—13*, *17*.

[5] *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище, табл. 19, *23*; *его же.* Щербинское городище, табл. XIII, *23*. Пинцеты с характерными расширенными концами были найдены на Боршевском городище. *Крис Х. И.* Отчеты об археологических раскопках на подмосковном Боршевском городище. 1973–1976 гг.– Архив ИА АН СССР.

идентичны, представляют собой литые копии сканных образцов, близких по технике изготовления к пекторали из Селецкого городища. Они имеют вид колец из толстой проволоки с уложенными на них рядами полувитков более тонкой проволоки. К обручам припаяны группы из трех проволочек с согнутыми в волюты концами, соединенные пайкой со вторым более тонким обручем[6] (рис. 1, *4*, *5*).

В этот период существовало два вида производства украшений, требующих различных навыков и мастерства. К первому виду следует отнести производство паянных из гнутой проволоки украшений, для которого необходимо умение получить проволоку различного диаметра, обладать навыками соединения разнородных металлов с помощью пайки. Производство изделий в технике скани едва ли могло быть доступно любому мастеру и вероятнее всего было специализированным. Предельная рациональность технологии изготовления гривн, унификация деталей позволяет предположить о выделении специализированного ремесла скани, имеющего глубокие традиции.

Вторым видом производства украшений следует считать литье по сканным образцам, которое существовало на многих поселениях и было доступно почти любому мастеру-металлургу. Свидетельством производства литых украшений служат многочисленные находки льячек, тиглей, литейных форм, бронзовых выплесков на городищах раннего железного века. Находки обломков бронзовых украшений в виде кладов свидетельствуют о переплавке вышедших из моды украшений. Ограниченное количество находок изделий из скани пока не позволяет ответить на вопрос о времени появления этой техники у племен дьяковской культуры.

Пектораль из Селецкого городища была найдена у прохода на площадку городища в слое пожара, уничтожившего оборонительные сооружения первого строительного периода. В этом же слое найдены роговой грузик, костяные наконечники стрел, в том числе с одним шипом, сетчатая керамика, железный наконечник стрелы со шпорцей.

Пектораль из Селецкого городища уникальна, не имеет аналогий, поэтому датировка ее пока затруднительна. Следует, однако, отметить, что целый ряд изделий из металла, найденных на дьяковских городищах (фибулы, сюльгаммы, обвитые проволокой рукояти ножей), несут на себе следы применения пайки цветных и черных металлов, применения проволоки, в том числе полуколец, имитирующих витье. Это говорит о том, что, несмотря на сравнительно небольшое число предметов, изготовленных в этой технике, не исключено изготовление пекторали из Селецкого городища местными мастерами.

[6] *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, рис. 42; *Качанова В. И.* Ук. соч., рис. 20.

М. Ф. ГУРИН

МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ АБИДНИ (БЕЛОРУССИЯ)

Поселение раннего железного века, расположенное в урочище Абидня близ дер. Адаменки Быховского р-на Могилевской обл. Белорусской ССР,— памятник так называемого позднего этапа зарубинецкой культуры, датируется II—V вв. н. э. К такому выводу пришел Л. Д. Поболь после многолетних (1960—1967 гг.) полевых археологических изысканий на этом селище. Исследователь вскрыл четвертую часть территории названного поселения, где обнаружил 29 полуземлянок, остатки жи-

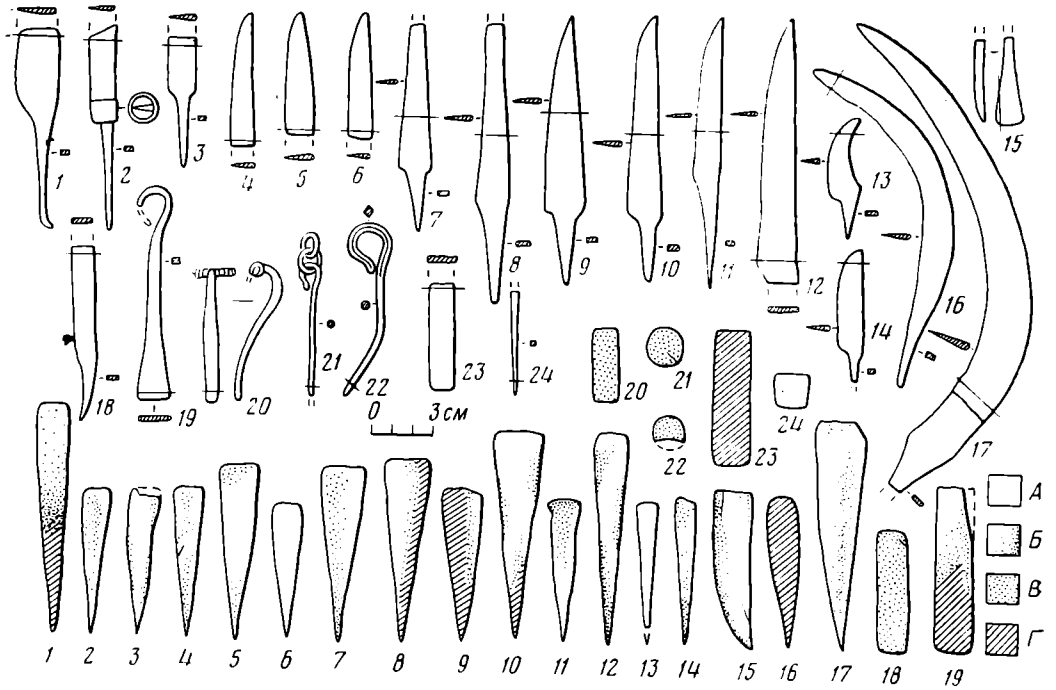


Рис. 1. Железные предметы из селища Абидня с указанием мест взятия образцов для микроструктурного анализа и технологическими схемами их изготовления: *1—14* — ножи; *15* — долотце; *16, 17* — серпы; *18, 23* — поделки; *19* — кресало; *20* — фибула; *21, 22* — булавки; *24* — стержень. *А* — железо, *Б* — науглероженное железо, *В* — сталь, *Г* — закаленная сталь

лищ столбовой конструкции, глиняные, железные, бронзовые и другие изделия[1].

В статье приведены результаты исследований 24 железных предметов; из них 14 хозяйственных ножей, 2 серпа, долотце или зубильце, кресало, фибула, 2 посоховидные булавки, стержень и 2 изделия или фрагмента неизвестного назначения (рис. 1).

Исследуя железные изделия, мы преследовали цель определить качество металла и сделанных из него орудий труда, технологические схемы их изготовления, по возможности установить степень их совершенства в сравнении с аналогичными предметами соседних территорий и народов, выявить элементы наследования традиций предшествующих поколений, взаимоотношений с мастерами соседних поселений в области кузнечного ремесла и т. п.

Выбор места и взятие образцов для микроструктурного анализа производились с таким расчетом, чтобы видимая на них структура была характерной для всего изделия. Образцы заделывались с помощью сплава Вуда в стальные цилиндрические струбцинки, шлифовались и полировались сначала с помощью алмазной пасты, а затем водной суспензии окиси хрома.

Металлографические исследования проводились на приборах Научно-исследовательского института порошковой металлургии. Определение качества металла на нетравленых шлифах, которое металлографически оценивается долей шлифа, занятой порами и включениями (по ГОСТу 11778-62), проведено на английском микроскопе «Квантимет-720», осна-

[1] Очерки по археологии Белоруссии, ч. I. Минск, 1970, с. 171—175. Пользуюсь случаем выразить благодарность Л. Д. Поболю за предоставленные для анализа материалы

Результаты металлографических наблюдений, измерений микротвердости и твердости по Виккерсу железных предметов из Абидни

№ п. п.	Наименование предмета	Вес, г	Составляющие структуры	Зерно, №	Микротвердость, кг/мм²	Твердость, кг/мм²	Примечания, выводы
1	Нож	16	Феррит, перлит,	7	113 281	286	Закалена только режущая часть лезвия
			троостит, мартенсит		464 549	509	
2	»	17	Феррит, перлит	4–7	112 272	336	Неравномерное науглерожение
3	Нож (фрагмент)	7	»		114 239	126	»
4	Нож (лезвие)	7	»	4–12	188 232	198	Неоднородная зернистость в виде полос
5	»	9	»	5–7	99 206	124	Перлит только в спинке ножа, есть нитриды
6	»	7	Феррит	7	128	161	
7	Нож	19	Феррит, перлит	2–5	157	162	Перлит в полосках
8	»	18	Феррит, перлит, мартенсит	4–7	142 237	128 317	Лезвие науглерожено с одной стороны, мартенсита немного
9	»	23	»		116 274 724	642	Полоска феррита с одной стороны лезвия
10	»	23	»		105 168 743	137	Неравномерное науглерожение, рабочая часть закалена
11	»	15	Феррит, перлит	5–7	138	142	Перлита мало
12	»	19	»	4–11	149 233	212	Неравномерное науглерожение
13	»	5	Феррит	8	108	119	
14	»	5	Феррит, перлит	5,7	114 262	128	
15	Долотце	6	»	6	137 227	219	Цементация рабочей части предмета
16	Серп	20	Феррит, троостит, мартенсит		141 502 689	549	Полосчатая структура
17	»	57	Феррит, перлит	8–12	116 266	154	В средней части шлифа углерода больше
18	Поделка	15	»		127 201	177	Неравномерное науглерожение
19	Кресало	11	Феррит, перлит, троостит, мартенсит	3–8	111 237 657	103 232 549	»
20	Фибула	10	Феррит, перлит		122 206	176	
21	Булавка	7	»	6	160 186	206	
22	»	5	»		146 315	284	
23	Поделка	15	Феррит, мартенсит		644	572	
24	Стержень	4	Феррит, перлит	8	166 208	172	Неравномерное науглерожение

щенном малой электронно-вычислительной машиной, телевизионным экраном и автоматическими приборами для удобного визуального наблюдения, регистрации пор и включений, с моментальной выдачей цифровых данных о количестве их и занимаемой ими площади на конкретном участке шлифа. Затем шлифы протравливались 3%-ным раствором азотной кислоты в этиловом спирте и изучались на микроскопе МИМ-7 при уве-

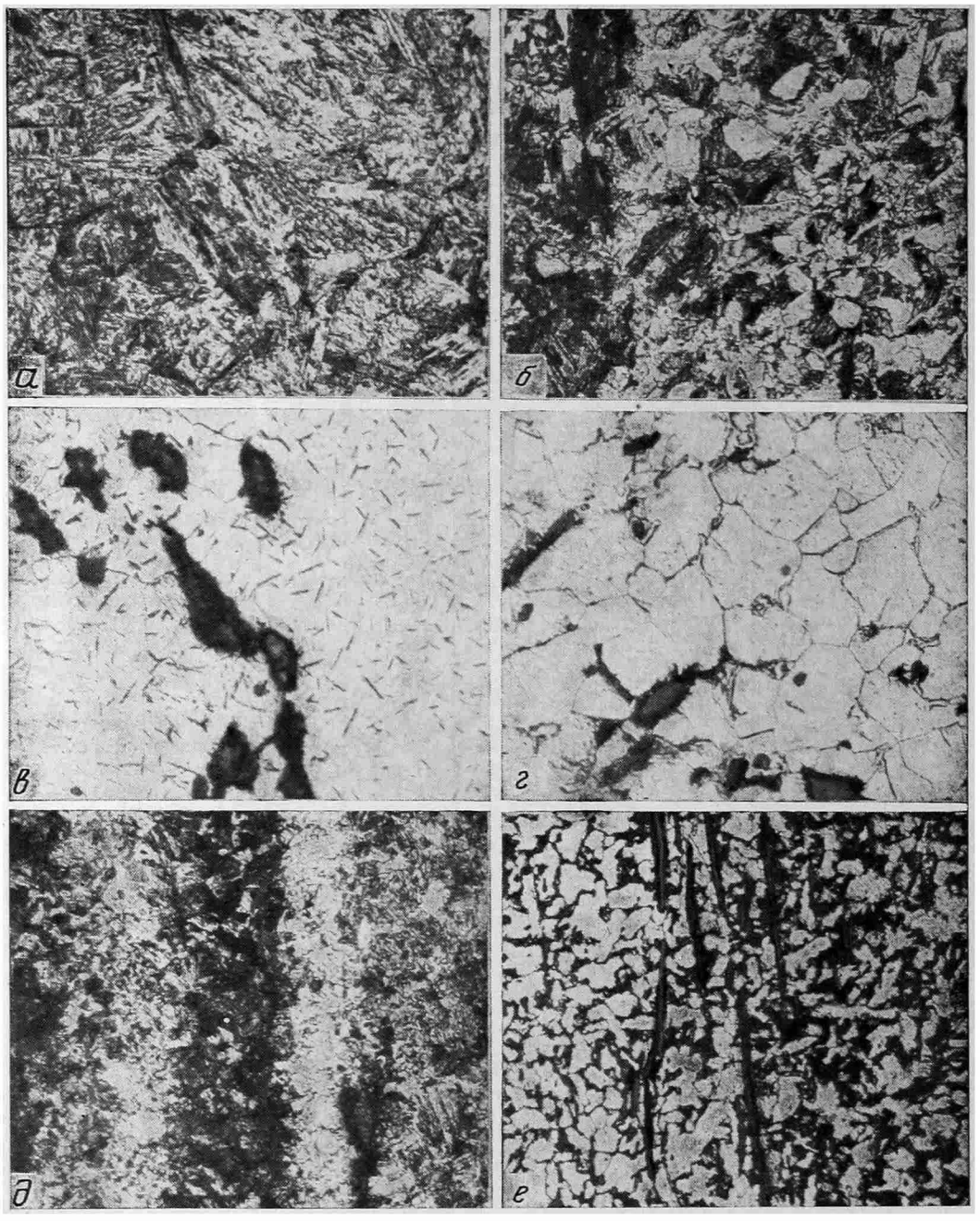


Рис. 2. Микроструктуры ножей и серпов: *а* — нож № 1, мартенсит, включения шлака, ×500; *б* — нож № 2, феррит, перлит, включения шлака, ×200; *в* — нож № 5, включения шлака и нитриды, ×500; *г* — нож № 13, феррит, включения шлака, ×200; *д* — серп № 16, феррит, мартенсит, полосчатая структура, ×200; *е* — серп № 17, феррит, перлит, включения шлака, ×200; все травлены 3%-ным раствором азотной кислоты в спирте

личениях в 60—500 крат. Микроструктуры сфотографированы на австрийском микроскопе МеF-2 фирмы «Райхерт». Микротвердость измерена на приборе японской фирмы «Акаси» при нагрузке 25 *г* в продолжение 5 сек, твердость — на приборе ТП-2 при нагрузке 5 *кг* в течение 10 сек. Номер зернистой структуры установлен, согласно ГОСТ 5639-65, в зависимости от количества зерен на 1 *мм*^{2} площади шлифа по методике Ц. Джеффриса (второй вариант) [2].

[2] *Салтыков С. А.* Стереометрическая металлография. М., 1970. с. 256.

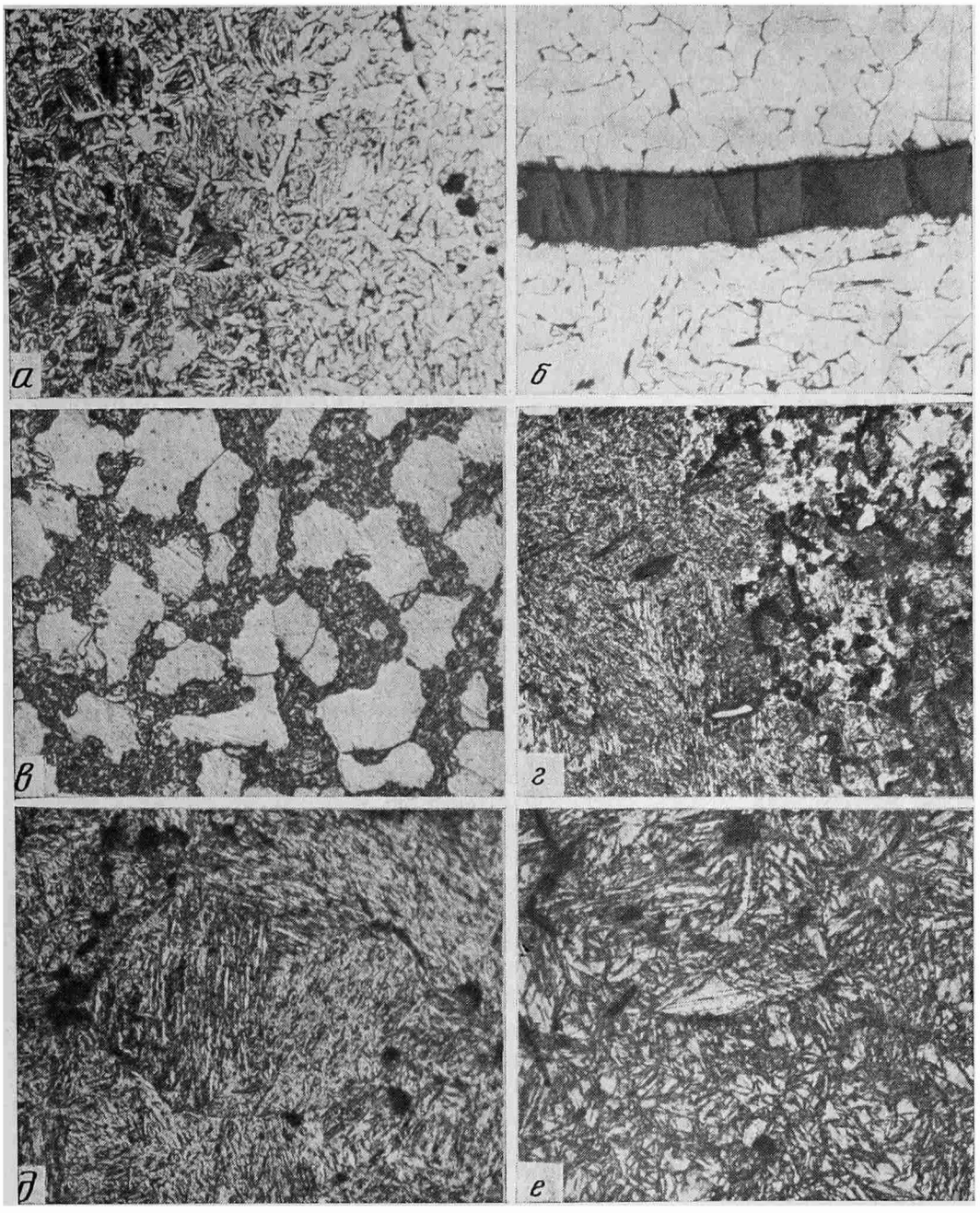


Рис. 3. Микроструктуры различных железных предметов: *а* — долотце № 15, феррит, перлит, цементационный слой, включения шлака, ×100; *б* — включение шлака в центральной части шлифа долотца № 15, ×200; *в* — поделка № 18, феррит, перлит, ×500; *г* — кресало № 19, феррит, перлит, троостит, мартенсит, переходная зона, ×200; *д* — поделка № 23, мартенсит, включения шлака, ×500; *е* — микроструктура в другом месте того же предмета, феррит, мартенсит, ×500; все шлифы травлены 3%-ным раствором азотной кислоты в спирте

Технологические схемы изготовления изученных предметов показаны на рис. 1, результаты металлографического анализа приведены в таблице. Судя по характеру и степени науглероженности металла, по количеству шлаковых включений и пор, можно утверждать, что для большинства изделий кузнецами было использовано кричное железо, неравномерно науглероженное при восстановлении из руды непосредственно в сыро-

дутной печи. Лишь два ножа (№ 6 и 13) сделаны из металла с чисто ферритной структурой. Четыре предмета (серп № 16, фибула № 20, булавка № 22 и поделка № 23) имеют более или менее равномерное распределение углерода в металле, что соответствует структурам сталей, хотя и среди них встречаются полосчатые структуры (например, в серпе № 16), для которых характерно наличие углеродсодержащих и ферритных чередующихся полос (см. рис. 2, *д*).

Качество металла сравнительно неплохое. Так, например, остаточная пористость в исследованных предметах колеблется в пределах 0,75—1,62%, а загрязненность металла включениями шлака — 0,91—2,83%. По классификации Е. Пясковского [3], шлаковые включения в основном относятся к типу А (сплошной черный или темно-серый цвет), реже встречается тип В (двухфазная структура, в которой на темном фоне основы выступают светлые округлые выделения), а включения в долотце № 15, видимо, следует отнести к типу Д4, так как в них темная и светлая фазы наблюдаются в виде полос (рис. 3, *б*). Изучение химического состава шлаковых включений, проведенное К. Сэнковским с использованием микрозонда, позволило установить, что светлая фаза этих включений представляет собой окись железа или же низкомарганцевую окись железа и марганца, а темная — это силикат с различным химическим составом [4].

Основным способом подготовки металла и изготовления исследованных предметов была пластическая обработка — горячая свободная ручная ковка. Не обнаружено таких технологических приемов, как пакетирование сырья, или сварка железа и стали в одном изделии как основы технологической схемы и конструкции предмета. Интересная и целесообразная схема выявлена в ноже № 1. Расположение термообработанной зоны на режущей части лезвия (рис. 2, *а*), постепенное снижение концентрации углерода по направлению к спинке и отсутствие сварного шва, т. е. следов сварки металла разного состава, наводит на мысль о локальной цементации этого ножа с последующей закалкой его рабочей части. Подобие цементационного слоя наблюдается с одной стороны в ноже № 8, в долотце № 15 (рис. 3, *а*). В ноже № 10 имеются углеродосодержащие участки в разных местах шлифа и, что особенно важно, на режущей кромке, которая была закалена. В общем, анализом выявлено довольно много для первой половины I тысячелетия н. э. термообработанных изделий. Структуры закалки имеются в четырех ножах (№ 1,8—10), в серпе № 16, в кресале № 19 (рис. 3, *г*), в поделке № 23 (рис. 3, *д*, *е*). В единственном предмете — ноже № 5 обнаружены включения соединений азота — нитриды (рис. 2, *в*).

Результаты проведенных исследований и работы других исследователей в области древней металлообработки железа позволяют сопоставить полученные данные и получить некоторое представление об уровне кузнечного дела на селище Абидня.

Можно предположить, что основная масса железных предметов была изготовлена на месте путем кузнечной обработки металла, полученного из болотной руды, которая имеется поблизости в пойме Днепра. На местную металлургию железа указывает обнаружение на селище во время раскопок крицы и большого количества кусков шлака [5]. Кричное железо с неравномерным науглероживанием было в употреблении не только у местных мастеров. Это характерная черта черного металла для раннего железного века на огромной территории Евразии. Так, например, ана-

[3] *Piaskowski J.* Klasyfikacja struktury wtrąceń żużla i jej zastosowanie dla określania pochodzenia dawnych przedmitów żelaznych.— KHKM, R. XVII. Nr 1, 1969, s. 65.

[4] *Sękowski K.* Skład chemiczny wtrąceń żużla w dawnych wyrobach z żelaza dymarskiego.— In: Studia i materiały z dziejów nauki Polskiej. Seria D, z. 9. Warszawa, 1978. s. 147.

[5] Очерки по археологии Белоруссии, с. 173.

логичный металл получали и в крупном древнем железоделательном центре в Польше [6], на Урале [7] и в Южной Сибири [8].

Неравномерное распределение углерода в кричном железе в известной мере вызвано самой сущностью крично-рудного способа получения металла, в ходе которого не происходит его расплавления. Исследования показали, что фосфор, сера и другие примесные элементы распределены в древнем металле неравномерно [9]. Только плавка в значительной степени способствовала бы усреднению и более равномерному распределению этих химических элементов в черном металле. Несомненно, что ликвационные процессы являются также причиной неоднородной зернистости железа, которая нередко усугублялась неравномерным нагревом при пластической обработке, а также температурой металла при окончании ее [10]. О ковке при высоких температурах свидетельствует наличие в исследованных предметах крупных и средних зерен феррита, а также крупноигольчатость мартенсита (рис. 2, *а*; 3, *д*, *е*). В результате неравномерного распределения углерода структура часто приобретала полосчатость, которая выступает и в современных сталях, снижая их качество [11]. Наличие полосчатых структур в древних изделиях, как справедливо отметил Е. Пясковский [12], осложняет исследования, потому что их можно ошибочно принять за пакетирование сырого металла с целью повышения его плотности и твердости (за счет сварных швов). В предметах из Абидни оно не наблюдается, хотя в это время использовалось кузнецами на близлежащем поселении Тайманово, а также мастерами черняховской культуры [13], в Прибалтике [14].

Отсутствие пакетирования, сварки внахлест и наличие на селище Абидня изделий довольно крупных размеров (серп № 17 и другие предметы, описанные автором раскопок) [15] позволяют предположить, что местные кузнецы имели в своем распоряжении относительно большие для своего времени железные крицы.

На наш взгляд, сквозная цементация железных заготовок с целью превращения их в сталь вряд ли практиковалась местными кузнецами по причине того, что они умели получать стальные крицы непосредственно в сыродутной печи. К такому выводу автор пришел в результате металлографического изучения продуктов и отходов металлургии железа из Абидни, Тайманова и других поселений [16]. Аналогичный вывод сделали А. Мазур и З. Мазур после исследования куска железа с незначительной степенью пластической обработки из Машковиц (Польша) [17]. Среди исследованных готовых изделий из Абидни не выявлено экземпляров, в которых бы насыщение металла углеродом было проведено со

---

[6] *Piaskowski J.* Hutnictwo żelazne w Górach Swiętokrzyskich w świetle badań metaloznawczych.— ZOW, R. XXVI, 1960, z. 3. s. 236.

[7] *Россадович А. И., Щеткина Н. А., Дамаскина Т. П.* Исследование металлических изделий из раскопок на Среднем Урале.— СА, 1968, № 4, с. 266.

[8] *Хоанг ван Кхоан.* Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э.— XII в. н. э.).— СА, 1974, № 4, с. 123.

[9] *Гурин М. Ф.* Исследование железных изделий на микрозонде.— СА, 1977, № 3, с. 288.

[10] *Różański W., Mazur A.* Czy istotnie «metal świętokrzyski»? — KHNT, R. XI, 1966, No 4, s. 378.

[11] Металлография железа, т. 2. М., 1972, с. 11; *Лившиц Б. Г.* Металлография. М., 1971, с. 306.

[12] *Piaskowski J.* Kryteria określania technologii wyrobów z żelaza dymarskiego.— AP, t. XVII, z. 1, s. 18.

[13] *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры.— МИА, № 187, 1972, с. 17.

[14] *Anteins A.* Melnais metāls Latvija. Riga, 1976, c. 188.

[15] Очерки по археологии Белоруссии, с. 174.

[16] *Гурын М. Ф.* Да гісторыі старажытнай металлургіі железа ў Беларусі.— ВАН БССР, № 2, 1977, с. 108—114.

[17] *Mazur A., Mazur Z.* Badania znalczisk żelaznych przy użyciu nowoczesnej techniki mikroskopii: elektronowej transmisyjnej i optycznej.— AP, t. XXI, 1976, z. 1, s. 32.

всех сторон, поэтому можно говорить лишь о локальной цементации рабочих частей или одной из сторон предметов. Е. Пясковский, подробно касаясь вопросов цементации [18], полагает, что локальная цементация в ряде случаев может быть на самом деле результатом разумного использования древними мастерами первичного науглерожения. Кузнецы, зная о наличии в крицах науглероженных участков, каким-то образом выявляли их и при изготовлении изделий пускали на рабочие кромки [19]. Однако есть веские основания утверждать, что не все кузнецы и не всегда хорошо разбирались в металле. Этот вывод вытекает из того, что предметы украшений (фибула, булавки) сделаны из стали, в то время как несколько орудий труда изготовлены из железа, которое целесообразнее было бы употребить на булавки. Учитывая, что науглероженные рабочие части предметов из Абидни подвержены в большинстве случаев последующей термообработке, применение локальной цементации представляется бесспорным. К тому же этот целенаправленный технологический процесс выявлен в кузнечной продукции более раннего и синхронного периодов у многих народов, например в изделиях из Тлийского могильника в Закавказье [20], из археологических памятников Польши [21], Литвы [22].

Г. А. Вознесенская исследовала 70 предметов, происходящих из могильников и поселений полесской, верхне- и среднеднепровской групп зарубинецкой культуры. Металлографическое изучение показало, что основная масса изделий изготовлена свободной ковкой малоуглеродистого металла. Ввиду этого кузнечная продукция не имеет следов закалки. Цементация встречена только в одном серпе, а конструктивной сварки железа и стали вообще не удалось выявить [23].

Результаты наших исследований показывают, что на позднем этапе зарубинецкой культуры происходит качественный сдвиг на пути совершенствования кузнечной технологии. Как и на раннем этапе, кузнецы не применяют горячей сварки ни для псевдопакетирования при подготовке сырья, ни для соединения железа со сталью. Зато часто стала практиковаться локальная цементация и, что особенно важно, термообработка изделий. Этот качественно новый элемент металлообработки в зарубинецкий период с рубежа нашей эры, по наблюдениям В. Д. Гопака, довольно широко распространился в Среднем Поднепровье и Южном Побужье (термообработано 33% стальных орудий труда) [24].

Наличие локальной цементации, высокий процент (25%) закаленных изделий по технологическим признакам сближают железные вещи из селища Абидня с кузнечной продукцией черняховской культуры [25], а также с предметами синхронного периода, изготовленными мастерами дъяковской культуры [26]. Однако отсутствие пакетирования, наварки стальных

---

[18] *Piaskowski J.* Über die Kennzeichen der Zementation und des Schweissenes an den frühmittelalterlichen eisernen Gegenständen.— AAC, Bd XII, 1971, Fasc. 1—2, S. 135.

[19] *Piaskowski J.* Metaloznawcze badania wyrobów żelaznych ze «skarbów» i osad łużyckich Wielkopolski.— AP, t. III, 1959, z. 2, s. 366.

[20] *Вознесенская Г. А., Техов Б. В.* Технология производства кузнечных изделий из Тлийского могильника (X—VI вв. до н. э.).— СА, 1973, № 3, с. 160.

[21] *Cabalska M., Nosek E.* Zabytki żelazne ze stanowiska na Babiej Górze w Zabrzeży, pow. Nowy Sącz.— MA, t. IX, 1968, s. 307.

[22] *Stankus J.* Geležies dirbinių gamybos Lietuvoje II—IV amžiais technologija.— LTSR MADA, 1972, t. 4 (41), c. 99.

[23] *Вознесенская Г. А.* Металлообрабатывающее производство у лесостепных племен Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., с. 15; *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 30.

[24] *Гопак В. Д.* Кузнечное ремесло славян Днепровско-Днестровского лесостепного междуречья в VI—XIII вв. н. э. Автореф. канд. дис. Киев, 1976, с. 15.

[25] *Вознесенская Г. А.* Обработка железа у племен черняховской культуры.— КСИА АН СССР, № 121, 1970, с. 35.

[26] *Хомутова Л. С.* Металлообработка на поселениях дьяковской культуры.— СА, 1978, № 2, с. 75.

лезвий на железную основу и других технологических приемов, характерных для изделий названных выше культур, говорит об особых традициях местного кузнечного мастерства, которое требует дальнейших исследований.

В. А. ГАРЯИНОВ

ГУННСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ПЕЩЕРЕ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

В августе 1977 г. во время геолого-спелеологических исследований в междуречье Урала и Илека автором открыто неизвестное ранее погребение. Оно было найдено в небольшой горизонтальной пещере, выработанной водами в толще кунгурских гипсов [1]. Пещера расположена в пределах Кызыладырского карстового поля на границе Беляевского и Кувандыкского районов Оренбургской области [2]. Это карстовое поле в виде сравнительно узкой полосы с типичным карстовым ландшафтом прослеживается от с. Кызыл-Адыр в юго-восточном направлении до фермы № 2 совхоза «Приуральный».

Пещера с погребением находится примерно в 7 *км* северо-западнее фермы № 2 совхоза «Приуральный». Вход в нее расположен в обрывистой стенке гипсов, обращенной на юго-восток, в сторону небольшого осинового лесочка (рис. 1). От входа в главный зал пещеры ведет коридор, в узкой части которого путь преграждают плиты песчаника, стоящие на торце. Они принесены из соседних обнажений и поставлены здесь так, чтобы закрыть вход в пещеру. В последующем плиты наклонились в сторону входа и между их концами и потолком пещеры возникла щель, через которую можно попасть в довольно просторный зал.

Правая стена и потолок зала сложены различными по окраске гипсами; пол покрыт слоем влажной глины, мощность которой местами достигает 1 *м*. В левой стенке обнажены верхнепермские аргиллиты, контактирующие с гипсами по плоскости сброса. Около этой стенки на полу пещеры в глине отчетливо выделяется продолговатая яма с оплывшими пологими краями. На правом краю ямы лежал котел, почти полностью скрытый слоем элювиальных глин. Вблизи широкой части ямы найдены кость лошади (?) и сильно окисленный железный меч без рукояточного стержня (рис. 2). Его длина 63 *см*, ширина в самой широкой части 6 *см*, в узкой — 4,5 *см*. В изломе отчетливо различимы три металлических слоя, разделенные гидроокислами железа.

Наибольший интерес представляет котел (рис. 3). Форма котла цилиндрическая, слегка сужающаяся книзу. Край отогнут наружу. Высота котла 28,5 *см* (с ручками 34,5 *см*), диаметр у верхнего среза 24,5 *см*, дна — 13,5 *см*. Дно частично разрушено. На нижней половине корпуса заметны две небольшие пробоины. На том же уровне с противоположной стороны корпуса виден старый пролом, соединяющийся с поврежденными участками днища.

Ручки котла прямоугольные, плавно изогнутые внутрь. Внешняя часть каждой из них увенчана тремя грибообразными выступами. Крайние выступы имеют одинаковую высоту, средние превышают их на 1 *см*. Слева и справа от оснований ручек на корпусе котла имеется еще по одному грибообразному выступу. С наружной стороны на стволе каждой ручки широкие бороздки.

Плечики котла украшены пояском из двух горизонтальных валиков, а корпус напротив ручек и с двух противоположных сторон — такими же

[1] Верхняя часть нижнего отдела пермской системы.

[2] На карстовом поле автором и его коллегами Ю. И. Аганиным, Ф. М. Гилязовым и В. А. Глазовым открыто более 10 пещер.

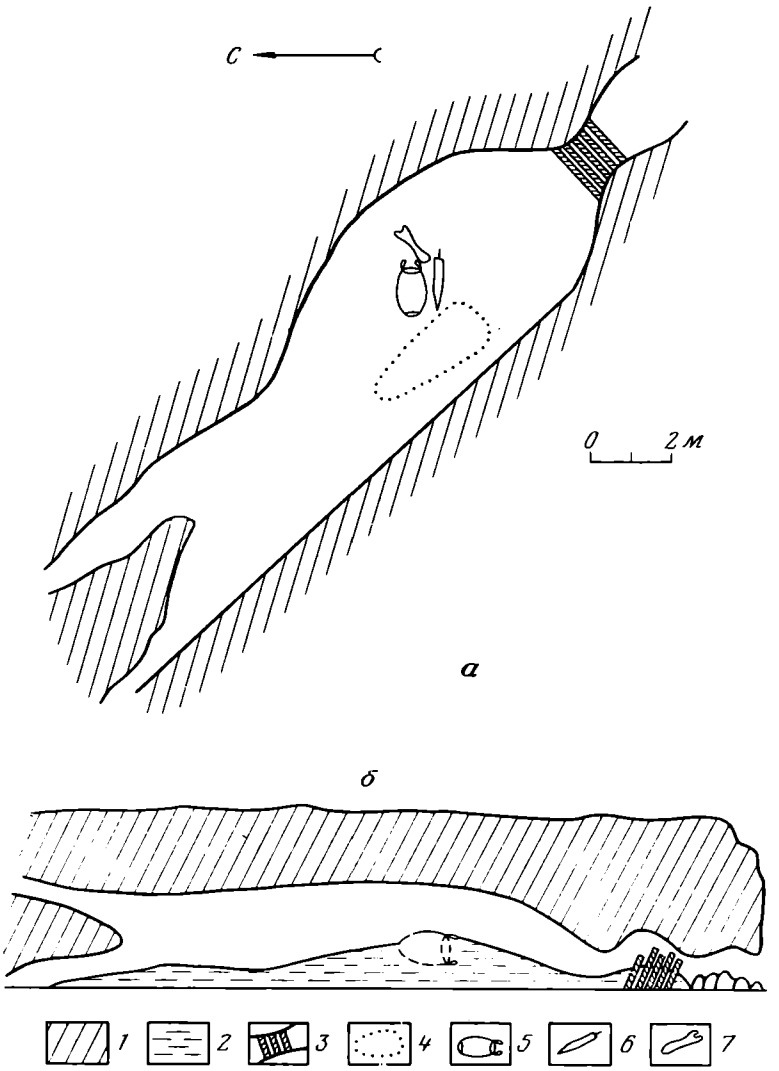


Рис. 1. Пещера с погребением: *а* — план; *б* — разрез; *1* — скала; *2* — глина, *3* — плиты песчаника; *4* — контур могильной впадины; *5* — котел; *6* — меч; *7* — кость лошади (?)

поясками, но из трех вертикальных валиков. Вертикальные валики делят корпус котла на четыре равные части. При этом крайние валики вертикального пояса соединяются с нижним валиком горизонтального пояса, а средние сливаются в четырех точках с верхним горизонтальным валиком. Ширина горизонтального пояса 1,8 *см*, вертикальных — 2,8—3 *см*.

Котел был отлит из меди с небольшой примесью свинца и серебра. Ныне поверхность котла покрыта вторичными минералами меди (в основном медный купорос, халькозин и малахит), возникшими в результате окисления и последующих реакций. Наибольшая толщина вторичных минералов меди наблюдается на внутренней поверхности той стенки котла, на которой он лежал. Здесь они образовали шишки и вздутия, что может свидетельствовать о вероятном присутствии в этом месте органических веществ (мясо, кости), послуживших геохимическим барьером на пути миграции меди после того, как котел оказался на склоне ямы в лежачем положении.

Значительное увеличение мощности медной зелени и малахита заметно на внешней поверхности стенки, соприкасавшейся с глинистым субстратом. Наличие в этом месте вторичных минералов и их агрегатов во вмещающей глине указывает на то, что основная миграция меди в форме

растворов происходила после того, как котел был извлечен из погребальной ямы.

В пробах, взятых со стенок котла и из протолочек кусочков корпуса, спектральным анализом обнаружены следующие элементы [3]:

№ проб	Место отбора проб	Содержание элементов в % $n \cdot 10^{-3}$							
		Cu	Ti	Pb	Sr	Ba	Ag	Ni	Sn
1	Внешняя поверхность котла, верхняя часть, из малахитовых наростов	1000	200	100	30	10	0,5	2	0,1
2	Внутренняя поверхность, верхняя часть корпуса	1000	200	45	20	10	0,5	2	0,1
3	Черные пятна на внешней поверхности корпуса	500	45	30	–	–	сл.	–	–

Химический анализ образца из наростов, покрывающих внутреннюю поверхность котла, показал следующее:

п.п.п.	SiO_2	Al_2O_3	TiO_2	Fe_2O_3	FeO	SO_3	CaO	MgO	N_2O	K_2O	CuO
24,81	13,48	3,59	0,27	2,52	0,57	11,96	–	–	0,40	0,92	40,81

Сравнение данных, приведенных выше, с результатами химических и спектральных анализов медных руд типа медистых песчаников южных районов Приуралья и медноколчеданных месторождений центральных районов Урала позволяет предполагать, что описываемый котел был отлит из местных руд. Последние довольно часто встречаются в восточных районах Предуральского прогиба и в том числе известны в непосредственной близости от места находки, где рудовмещающие медистые песчаники выходят на поверхность.

Интересные данные получены при измерении котла. Во многих случаях размеры основных параметров и деталей котла выражаются не целыми числами, а с дополнением пяти десятых после запятой. В связи с этим можно предположить, что мастер, изготовивший форму, пользовался при работе измерительным приспособлением или прибором, позволяющим делать замеры с точностью до 5 *мм*.

Найденный котел по размерам и форме наиболее близок к котлу из местонахождения ст. Ивановской, близ устья Дона [4]. Этот котел отличается от описываемого лишь несущественными деталями: его высота на 4,5 *см* больше, а диаметр устья на 2,5 *см* меньше, чем у кызыладырского котла. Число грибообразных отростков у обоих котлов одинаковое — 10 (6 на ручках, 4 на корпусе).

О сходстве с другими котлами можно судить лишь предположительно, поскольку эти находки представлены отдельными фрагментами. Удивляет полное совпадение деталей строения ручек кызыладырского котла с оформлением ручек на двух обломках котла из местонахождения на юге Валахии (дер. Бошнячу Бухарестской обл.), датированных первой поло-

[3] Анализы выполнены в лабораториях НИИ геологии СГУ: спектральный — Л. А. Никитиной, химический — В. А. Рущековой.

[4] *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila — Reiches. München, 1956.

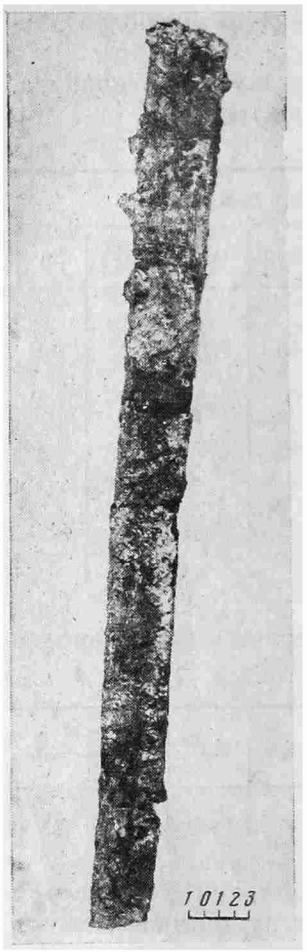


Рис. 2. Железный меч

Рис. 3. Медный котел

виной V в. н. э.[5] Близкой формой с кызыладырским котлом, по-видимому, можно считать фрагмент из местонахождения Бенниши[6].

Оставленный на склоне ямы котел с момента ограбления могилы до наших дней можно рассматривать как своеобразный датчик, позволяющий рассчитать примерную скорость накопления пещерных глин, выстилающих пол. Замеренная мощность глин, накопившихся за счет растворения гипсов, равна 25 *см*. Датируя котел V в. н. э., определяем, что средняя скорость накопления глинистого элювия равна около 0,16 *мм/год*.

Дальнейшие выводы будут сделаны после проведения раскопок и получения дополнительных данных. Описанное местонахождение является пока единственным пещерным погребением гуннов на землях Оренбургского Предуралья и юга Европейской части СССР. Однако широкое распространение карстовых форм рельефа в предгорьях Южного Урала позволяет оптимистически оценивать возможности открытия здесь новых следов материальной культуры гуннов и других племен и народов. В этом отношении гипсовые пещеры галерейного типа, подобные описанной выше, являются наиболее перспективными.

---

[5] *Mitrea B., Anghelescu N.* Fragmente de cazan hunic descoperite in sud-estul Munteniei.— SCIY, v. XI, 1960, p. 155—158.

[6] *Takács Z.* Catalaunischer Hunnenfund und seine ostasiatischen Verbindungen.— Acta Orientalia Hungarical, t. V, Fasc. 1—2, 1955.

П. Б. КОНОВАЛОВ

К КОЛЛЕКЦИИ ХУННСКИХ БРОНЗ

Бронза широко применялась в декоративно-прикладном искусстве хунну. Кроме относительно небольшого количества находок из собственно хуннских комплексов (могильников и поселений) Забайкалья и Северной Монголии существует множество больших и малых коллекций художественной бронзы, вполне обоснованно приписываемых этому народу и происходящих большей частью из Ордоса и Внутренней Монголии, а также из Южной Сибири. Коллекции состоят из декоративных ажурных и рельефных пластин, пряжек, блях, застежек, пуговиц, нашивок, набоек, наконечников, наверший, зооморфных фигур, прочих предметов художественного творчества. Вполне естественно, они издавна привлекают внимание исследователей, и наиболее примечательные из них, главным образом изображения в зверином стиле, широко вошли в научную литературу об искусстве степных племен Евразии [1].

За последнее время на территории Бурятии (Западное Забайкалье) сделан ряд новых находок бронзовых художественных изделий хуннского происхождения. Среди них пряжка рельефно-ажурная в форме усеченного овала с изображением противопоставленных S-образных фигур с грифовыми головами, пряжка (?) или нашивка ажурно-решетчатая прямоугольной формы и фигурка лошадки силуэтно-ажурная, как и предыдущее изделие, лишенная приспособления для застегивания [2].

В настоящей заметке мы представляем еще несколько вновь найденных образцов хуннской художественной бронзы.

1. В среднем течении р. Чикой у с. Шарагол в 80 *км* к юго-востоку от г. Кяхта в 1972 г. школьниками обнаружены остатки разрушенного захоронения. Под обрывом правого берега реки, в осыпи, были собраны: пластина бронзовая ажурно-рельефная прямоугольная (рис. 1). Примерно одна треть ее с левого конца обломана и отсутствует, ширина пластины 5,9 *см*, толщина 0,3—0,4 *см*, длина сохранившейся части 8,5—9 *см*. С лицевой стороны пластина позолочена. На обратной стороне с края имеется коротенькая, выступающая углом, расположенная поперек пластины скобочка или, точнее, петелька. Посредством двух таких петелек пластина прикреплялась, очевидно, к поясу. Большинство исследователей считают такие пластины поясными, и это убедительно доказано находкой, сделанной А. В. Давыдовой на Иволгинском могильнике [3].

Изображение на пластине своеобразно, и не все в нем понятно. Определенно можно сказать лишь, что изображен дракон со змееподобным извивающимся телом, с большой повернутой назад головой с ушами и рогами, с раскрытой пастью, с длинным высунутым тонким змеиным языком. У него, похоже, одна передняя нога, тонкая наподобие птичьей, с длинными кистеобразными когтями, вторая передняя нога, отставленная назад, изображена неудачно, без когтей. Зато рядом изображена более выразительная, в резких изгибах, похожая на птичью ногу, направленная

---

[1] *Borovka G.* Scythian Art. London, 1928; *Rostovtzeff M.* The animal style in the Sauth Russia and China.— In: Prinsoton Monographs in Art and Archaeology, t. XIV. Leipzig — London, 1929; *Ростовцев М. И.* Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929; *Andersson J. G.* Hunting magic in the animal style. The museum of the Far Eastern Antiquities, bull. 4. Stockholm, 1932; *Salmony A.* Sino-Siberian art in the Collection of C. T. Loo. Paris. 1933; *ibid.* Le plaquettes de bronse de Minoussinsk.— Gasette des beaux arts, Janvier. 1934. Paris, 1934; *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири.— МИА, № 9, 1949; *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973; *Дэвлет М. А.* О происхождении минусинских ажурных пластин.— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

[2] *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976, с. 189, табл. XXI, *4, 5*; с. 192, табл. XIX, *18*.

[3] *Давыдова А. В.* К вопросу о хуннских художественных бронзах.— СА, 1971. № 1, с. 93—105.

Рис. 1. Разрушенное погребение у с. Шарагол. Поясная бронзовая пластина

в противоположную от головы сторону и принадлежащая, очевидно, другому какому-то персонажу, узнать который, однако, невозможно ввиду излома пластины. Все изображение заключено в рельефную раму, орнаментированную цепочкой прямоугольных ячеек, тоже позолоченных. Позолота сохранилась во впадинах, тогда как на выпуклостях она стерта и затянута окисью меди. Примечательно, что, хотя пластина литая, рельеф изображения кое-где подправлен резцом. Вместе с пластиной были найдены обломки бронзового котла и ручка от него (рис. 2, *1*), бронзовый кельт простейшей формы, без орнамента (рис. 2, *2*), две каменные пластины — украшения (?), одна из желтовато-серого нефрита, дугообразной формы, другая такой же формы, но побольше размером, изготовленная из серовато-зеленой серпентиновой породы (серпентинит). Кроме того, найдены лезвие железного ножа и мелкие фрагменты глиняной посуды от двух или даже трех разных горшков. И наконец, все перечисленное сопровождалось обломками человеческого черепа — по одному фрагменту свода, основания и лицевой части.

Выявить подробнее условия нахождения описанных предметов нам не представилось возможности. Судя по характеру окружающей местности, не исключено, что там могло быть древнее кладбище и, возможно, даже с поселением, т. е. такой же комплекс памятников, который мы имеем на р. Селенге близ г. Улан-Удэ (Иволгинское городище с могильником).

Связывать эти находки с хунну нам позволяют: каменные дугообразные пластины, аналогичные найденным в ноинулинском кургане (предполагается, что это нагрудные нашивки на одежду) [4]; ручка котла (рис. 2, *1*), близкая по форме и орнаменту бронзовым хуннским котлам из Забайкалья, Монголии и Ордоса [5]; керамика, на некоторых фрагментах которой видна типично хуннская техника изготовления — лощеные полосы, темная заглаженная поверхность.

Примечателен бронзовый кельт (рис. 2, *2*), характерный для комплексов эпохи бронзы и раннего железа Забайкалья и Монголии [6]. Вряд ли будет ошибкой сказать, что по образцу таких орудий делали свои кельты из железа хунну Иволгинского городища [7]. Так что данный кельт

---

[4] *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.— Л., 1962, с. 48.

[5] *Руденко С. И.* Ук. соч., с. 36, 37; см. также: *Сосновский Г. П.* О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикой.— КСИИМК, XIV, 1947, с. 38.

[6] *Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, с. 49—53, 60, 61, табл. I, IX, XXX—XXXII.

[7] *Давыдова А. В.* Новые данные об Иволгинском городище.— Тр. БКНИИ, вып. 3, сер. востоковедения. Улан-Удэ, 1960, с. 163, рис. 8, *3, 4*.

может служить косвенным указанием сравнительно ранней (в пределах хуннского времени) датировки описываемого погребального инвентаря с р. Чикой.

Что касается художественной пластины (рис. 1), то по форме и назначению она без всякого сомнения вписывается в ряд так называемых поясных пластин хунну, а по стилю и композиции своего изображения являет собой новый образец подобного рода изделий. Однако при всей своей новизне она сопоставима прежде всего с двумя пластинами из погребения 100 Иволгинского могильника с изображением одной и той же сцены схватки дракона с двумя тиграми [8]. Дракон на вновь найденной пластине в принципе такой же, но несколько иначе стилизован или трактован. Иначе оформлены и обрамления сравниваемых пластин: у иволгинских они в виде цепочки листовидных ячеек, у настоящей пластины — в виде прямоугольных ячеек. Существует точка зрения, что рамы в виде прямоугольных выемок типологически древнее, чем рамы из листовидных ячеек [9]. Если это так, то шарагольская пластина древнее иволгинской, что согласуется с вышесказанным предположением о сравнительно ранней датировке погребения, в котором она обнаружена. Попутно заметим, что дэрестуйские пластины с изображением дерущихся лошадей (или куланов, по мнению некоторых исследователей) с обрамлениями в виде аналогичных продолговатых ячеек также указывают на относительно бóльшую древность некоторых комплексов Дэрестуйского могильника, в частности могил 9 и 10.

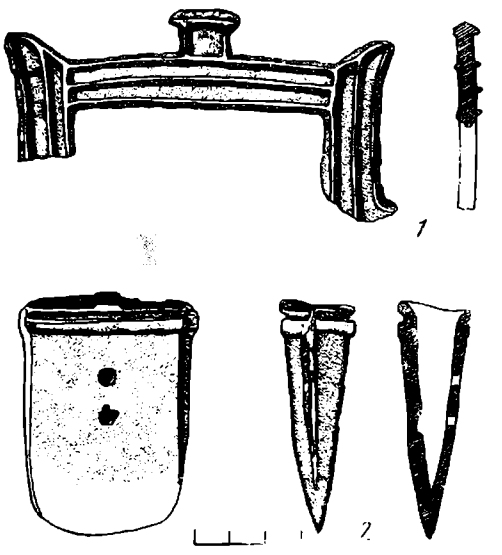


Рис. 2. Бронзовые изделия из погребения у с. Шарагол. *1* — ручка котла, *2* — кельт

Итак, есть уже два типологических признака, по которым шарагольское погребение можно отнести к ранней поре забайкальской истории хунну и связать, возможно, с первыми поселенцами хуннского происхождения на этой территории. Хронологически это время должно соответствовать ранним комплексам дэрестуйского этапа, датируемого II—I вв. до н. э. [10] Следовательно, шарагольское погребение можно отнести ближе к нижней границе указанного хронологического диапазона, а может быть, и к несколько более раннему времени — к концу III в. до н. э.

2. На Дэрестуйском могильнике на р. Джиде в 50 *км* к северо-западу от г. Кяхты в 1977 г. нами обнаружено разрушенное выдувами захоронение. Рассеянные на песчаном откосе совершенно истлевшие и раскрошившиеся обломки костей скелета (черепа нет) не позволяют уверенно определить пол погребенного. Не способствуют этому и обломки железных удил, псалий, мелкие фрагменты керамики и несколько разнородных бусин, ибо все эти предметы встречаются у хунну как в мужских, так и в женских погребениях. Лишь обнаруженный здесь же железный наконечник стрелы дает нам основание предположить, что найдены остатки мужского захоронения.

[8] *Давыдова А. В.* К вопросу..., с. 96, рис. 2.

[9] *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973, с. 164.

[10] *Кызласов Л. Р.* О памятниках ранних гуннов.— В сб.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 115—124; *Давыдова А. В.* О классификации памятников хунну.— В сб.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов на конференции, ноябрь 1975. Л., 1975, с. 34, 35.

Пополнение коллекции художественной бронзы хунну позволило нам затронуть вопросы хронологии некоторых забайкальских памятников, а в будущем, надеемся, будет способствовать углубленному изучению духовного мира и культурных связей этих племен.

М. Л. ШВЕЦОВ

СТЕЛА V—VII ВВ. ИЗ ПРИАЗОВЬЯ

В 1939 г. в Ждановский музей краеведения В. М. Евсеевым была доставлена стела с изображенной на ее лицевой стороне фигурой мужчины. Находка была сделана в кургане у дороги, ведущей в хут. Пикузы, расположенном на левом берегу р. Кальмиус на СВВ от г. Жданова. Издан этот интереснейший памятник не был и, по-видимому, утрачен в период Великой Отечественной войны [1]. В фотоархиве Донецкого областного краеведческого музея сохранились фотография и негатив находки, позволяющие ввести ее в научный оборот [2].

Стела представляла собой треугольную плиту песчаника (99×40×16 *см*) с выделенным и частично сохранившимся основанием (рисунок) [3]. На сохранившейся части рельефно изображена в фас фаллическая фигура обнаженного мужчины. На голове остроконечный головной убор, вероятно, шлем. Лицо скуластое, с полными щеками. Нос прямой, рот маленький, круглый. Слабо выделена массивная шея, переходящая в округлые плечи. Кисти слегка расставленных рук опущены на ноги к коленям и как бы раздвигают полусогнутые ноги. Ступни направлены в разные стороны. Рельеф изображения выступает на 0,17 *см* и заглажен. На поверхности видны следы повреждений — две линии, пересекающие правое плечо и подбородок.

Полных аналогий этой находке мы не знаем [4]. Однако поза и основные черты изображения характерны для так называемых амулетов в виде схематических стилизованных человеческих фигурок из бронзы, известных на широкой территории евразийских степей [5]. Рассматривая антропоморфные изображения джеты-асарской культуры, Л. И. Левина датирует их IV—V вв. Это примитивные скульптурки из глины, бронзы и налепы на стенках сосудов [6].

С появлением тюркского элемента и проникновением гуннов и тюрок в Закавказье, Подонье и па Боспор связывают находки подобных стилизованных человеческих фигурок, относя их к амулетам и оберегам, И. Т. Кругликова [7], Л. И. Левина [8], Б. Ю. Михлин [9], И. С. Каменецкий и В. В. Кропоткин [10]. Все они датируют фигурки IV—V вв. Трудно со-

---

[1] В инвентарных книгах Ждановского музея стела не значится. Сообщение директора музея Р. И. Саенко.

[2] Фотоархив ДОКМ, инв. № 1287. Пользуюсь случаем принести благодарность дирекции музея за ознакомление с архивом и предоставление возможности публикации.

[3] Считаю своим долгом выразить большую признательность Д. С. Цвейбель за помощь в работе с архивом В. М. Евсеева.

[4] Выражаю большую признательность А. К. Амброзу за консультацию.

[5] *Толстой И. и Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890, вып. III, с. 140—142; *Попов Х. И.* Каталог Донского музея, 1914 (?); *Кругликова И. Т.* Погребение IV—V вв. в дер. Айвазовское.— СА, 1957, № 2, с. 253.

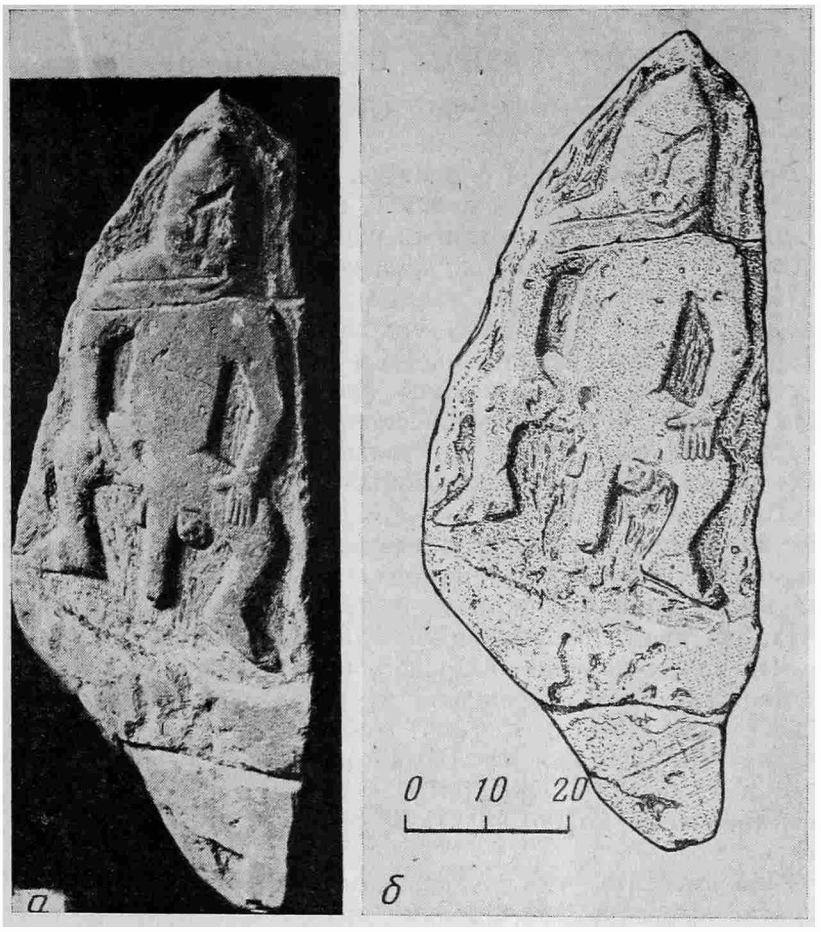
[6] *Левина Л. И.* К вопросу об антропоморфных изображениях в джеты-асарской культуре.— В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 171.

[7] *Кругликова И. Т.* Ук. соч., с. 253—256.

[8] *Левина Л. И.* Ук. соч., с. 178.

[9] *Міхлін Б. Ю.* Гуннський амулет з Ждановського музею.— Археологія, № 5, 1972, с. 95, 96; рис. 1.

[10] *Каменецкий И. С., Кропоткин В. В.* Погребение гуннского времени близ Танаиса.— СА, 1962, № 3, с. 235—240.



Стела, найденная близ хут. Пикузы. *а* — фотография, *б* — прорисовка по фотографии

гласиться с М. Д. Хлобыстиной, отнесшей аналогичную подвеску к эпохе поздней бронзы [11].

По мнению В. Ф. Гайдукевича, подобные сюжеты «проникли через алано-сарматскую среду на европейскую сторону Боспора в период, когда последний испытывал особенно сильное сарматское культурное воздействие» [12]. Мнение В. Ф. Гайдукевича подкрепляется тем фактом, что подавляющее большинство известных в настоящее время антропоморфных амулетов найдено в аланских могильниках Северного Кавказа, датирующихся, согласно новым исследованиям, VI—VIII вв.

Подводя итог обзора, мы должны отметить несомненную сюжетную близость антропоморфных подвесок-амулетов к изображению на стеле. Наиболее близкими, по нашему мнению, являются подвески из северокавказских могильников VI—VII вв.

Именно к этому времени можно, очевидно, отнести и публикуемую в настоящей заметке стелу.

---

[11] *Хлобыстина М. Д.* К семантике карасукских лапчатых подвесок.— СА, 1967, № 1, с. 248, 249, рис. 2, *7*.

[12] *Гайдукевич В. Ф.* Боспорская экспедиция.— КСИИМК, XXVII, 1949, с. 42.

Х. М. МАМАЕВ

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ИЗ ЯЛХОЙ-МОХКА
(Юго-Восточная Чечня)

В 1977 г. на юго-восточной окраине с. Ялхой-Мохк Ножай-Юртовского района ЧИАССР, на берегу небольшой реки Може-Булк была случайно найдена каменная форма для отливки раннесредневековых металлических зеркал [1] (рис. 1). Это первый случай находки подобной формы на территории Чечено-Ингушетии и, видимо, второй на Северном Кавказе [2].

Форма изготовлена из плитки мягкого серого песчаника почти правильной круглой формы, толщиной 36 и диаметром 133 *мм*. В центре ее лицевой, тщательно отшлифованной поверхности вырезана собственно форма для отливки зеркал. Она несколько повреждена выщерблинами. Зеркало с центральным ушком для подвешивания, которое отливалось в ней, имело диаметр 91 *мм* и рельефный орнамент в виде двух концентрических окружностей и двух розеток (рис. 1, 2). Симметрия изображения во внутренней зоне несколько нарушена мастером, который не сумел равномерно разместить орнамент.

Форма имела конический литок и цилиндрический канал для удаления воздуха во время заполнения ее расплавленным металлом. Не исключено, что таких каналов было два, как у одной из форм с Кольцогоры, но наша находка повреждена на месте, соответствующем второму каналу. Она принадлежит к типу жестких двустворчатых разъемных форм, предназначенных для изготовления больших серий одинаковых литых изделий. В Ялхой-Мохке найдена только одна створка, однако по известным аналогиям можно полагать, что вторая имела ровную гладкую поверхность [3].

Интересно отметить, что на боковой грани формы, с обратной стороны, аккуратно вырезаны два широких углубления, ранее не отмечавшихся на аналогичных северокавказских изделиях из камня (рис. 3). Очевидно, они предназначались для более плотного стягивания створок формы с помощью какого-то приспособления (ременной петли, деревянного зажима?).

Судя по хорошо заметному изменению цвета камня у литка и поверхности изображения, форма неоднократно использовалась для отливки зеркал. Вместе с тем ее хорошая сохранность свидетельствует о том, что она довольно быстро вышла из употребления. Однако мы можем ожидать находки зеркал, отлитых в этой форме, по крайней мере в могильниках ущелья р. Гумс.

Зеркала подобного типа принято считать аланскими, а формы для их изготовления рассматриваются как орудия аланского ремесленного производства [4]. В данном случае это заключение справедливо [5].

Пребывание аланского этноса на равнине, прилегающей к Ичкерии (Юго-Восточной Чечне), и в ее предгорных районах, в общем характе-

---

[1] Ученики Ялхой-Мохской средней школы, нашедшие форму, передали свою находку краеведу Г. Асхабову, благодаря которому она и сохранилась для науки.

[2] Литейные формы для отливки зеркал были найдены однажды в окрестностях Кисловодска. См. *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 106.

[3] Там же, с. 108.

[4] Там же, с. 106.

[5] Однако в целом это положение нуждается в уточнении. Такие зеркала обнаружены не только в аланских могильниках (См., например: *Хазанов А. М.* Раннесредневековые зеркала Восточной Европы.— В сб.: Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1963, с. 84—94; *Минаева Т. М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 149). Все более многочисленными они становятся и в аборигенных некрополях Чечено-Ингушетии (Харачой, Рагета, Кенхи и др.), что позволяет предполагать не только их импорт с равнины, но и изготовление в горах.

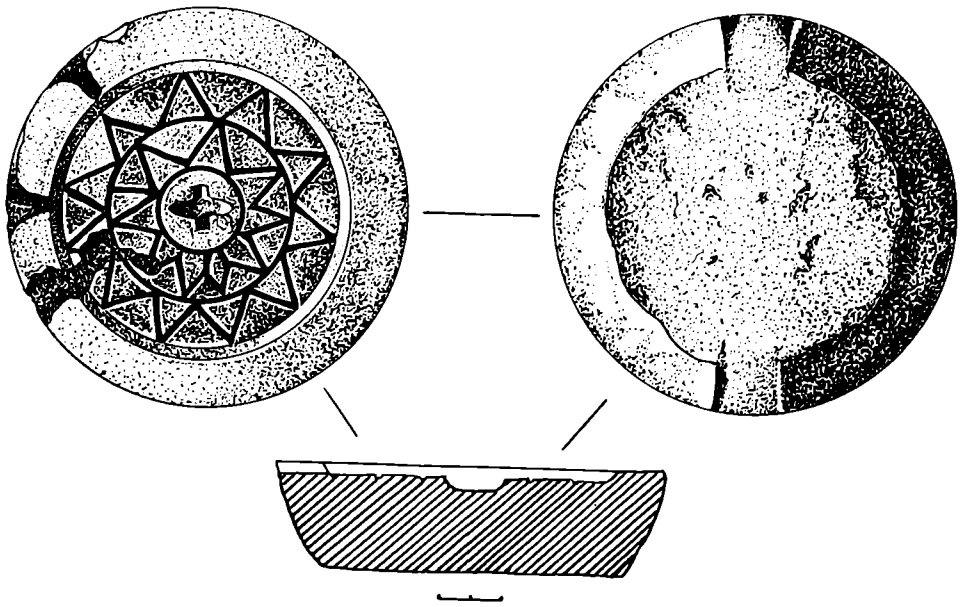


Рис. 1. Прорисовка литейной формы из Ялхой-Мохка

ризующихся этнической пестротой и чересполосицей алано-аборигенотюркского населения, сейчас не вызывает особых сомнений [6]. Появление алан в нижней части долины р. Гумс в эпоху раннего средневековья подтверждается не только Ахкинчу-Борзоевским катакомбным могильником VIII—IX вв. н. э.[7], но и результатами последних разведок, выявивших в непосредственной близости от места находки формы катакомбный могильник V—VII вв. н. э.

Конкретный возраст находки определить трудно. Вероятно, она происходит с территории одного из многочисленных раннесредневековых поселений округи с. Ялхой-Мохк и Ахкинчу-Барзой [8]. Зеркала с подобным орнаментом, появившись в первые столетия эпохи раннего средневековья, бытуют довольно долго [9].

Возможно, дату Ялхой-Мохской находки уточняет близкое по декоративному оформлению зеркало из Верхнего Алкуна, обнаруженное в комплексе IX в. н. э.[10]

Значение находки первой литейной формы для раннесредневековых зеркал в Чечено-Ингушетии велико. Если ранее о высоком уровне раз-

---

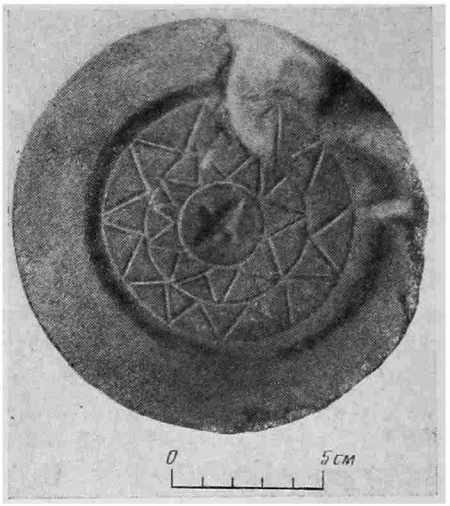
[6] *Виноградов В. Б., Чокаев К. З.* Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен.— АЭС, 1966, с. 73—75; *Виноградов В. Б.* Аланы в Европе.— ВИ, 1974, № 8, с. 111—121; *Мамаев Х. М.* Новые аланские могильники в плоскостной и предгорной Чечено-Ингушетии.— Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 39, 40; *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья.— В сб.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 140—153; *Мамаев Х. М.* Из истории связей раннесредневековой Ичкерии с Дагестаном.— V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 89—91; *Магомедов М. Г.* О происхождении раннесредневековой культуры Терско-Сулакского междуречья.— В сб.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг. Махачкала, 1978, с. 7—9.

[7] *Дударев С. Л., Мамаев Х. М.* Разведки в Чечено-Ингушетии.— АО — 1976. М., 1977, с. 96, 97.

[8] *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Петренко В. А.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии.— АО — 1973. М., 1974, с. 101—103.

[9] ***Хазанов А. М.*** **Ук. соч., с. 90 сл.**

[10] *Крупнов Е. И.* Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Супжи.— Тр. ГИМ, вып. 17, 1947, с. 39; *Мамаев Х. М.* О хронологии раннесредневековых катакомбных могильников Чечено-Ингушетии.— VIII Крупновские чтения. Нальчик, 1978, с. 89, 90.



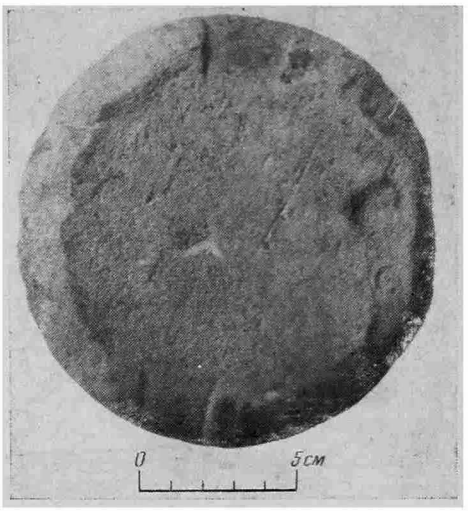


Рис. 2. Литейная форма из Ялхой-Мохка, фотография

Рис. 3. Обратная сторона литейной формы, фотография

вития металлообработки у населения равнины и предгорий края можно было судить априорно, по наличию конечной продукции производства — разнообразного и многочисленного металлического инвентаря в погребениях, то теперь в распоряжение исследователей начинают поступать собственно орудия литейного производства.

В. С. ФЛЕРОВ, В. М. КОСЯНЕНКО

САЛТОВО-МАЯЦКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ СОСУДЫ С НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ

Из всех ремесел носителей салтово-маяцкой культуры деревообделочное остается наименее изученным. Основная причина этого — плохая сохранность деревянных изделий, определяемая как почвенно-климатическими условиями, так и особенностями памятников (маломощные, близко расположенные к современной поверхности культурные слои подавляющего большинства поселений и городищ; преобладание грунтовых могильников, не защищенных от проникновения влаги и воздуха курганными насыпями).

Тем не менее, судя по ряду признаков, у алано-болгар Подонья дерево находило самое широкое применение при изготовлении орудий труда, оружия, в строительстве. Оно использовалось в погребальных сооружениях, а также для изготовления гробовищ [1]. Помимо остатков самих деревянных изделий известны и немногочисленные находки орудий по обработке дерева [2].

Особое место среди деревянных поделок занимает посуда. Находки ее на памятниках салтово-маяцкой культуры чрезвычайно редки. Небольшая, но очень выразительная коллекция деревянной посуды была получена лишь при раскопках Нижне-Лубянского катакомбного могильника (Белгородская обл.) [3], где найдены чаши, ковши, солонка, столик-

[1] *Плетнева С. А., Николаенко А. Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник.— СА, 1976, № 3, с. 282—285, рис. 2, *4, 5*.

[2] *Сорокин С. С.* Железные изделия Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 75, 1959, с. 140.

[3] Известна по публикации в Волоконовской районной газете. *Николаенко А.* Деревянные находки волоконовских археологов.— «Красный Октябрь», № 153—156, 1975 г.

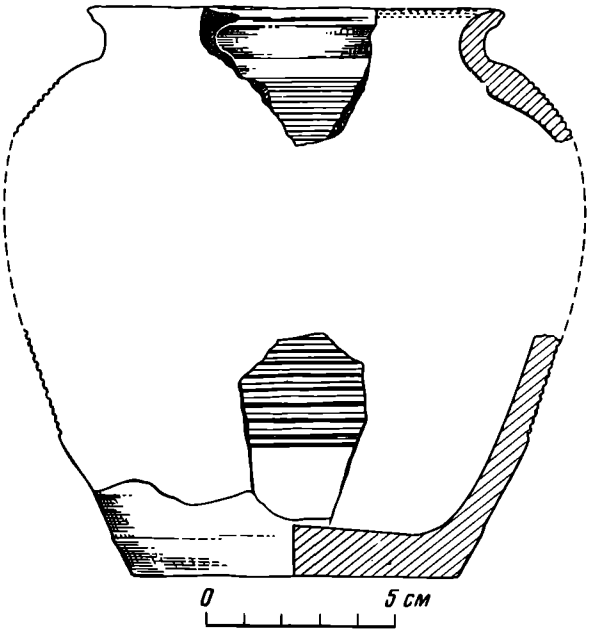


Рис. 1. Маныч. Глиняный горшок

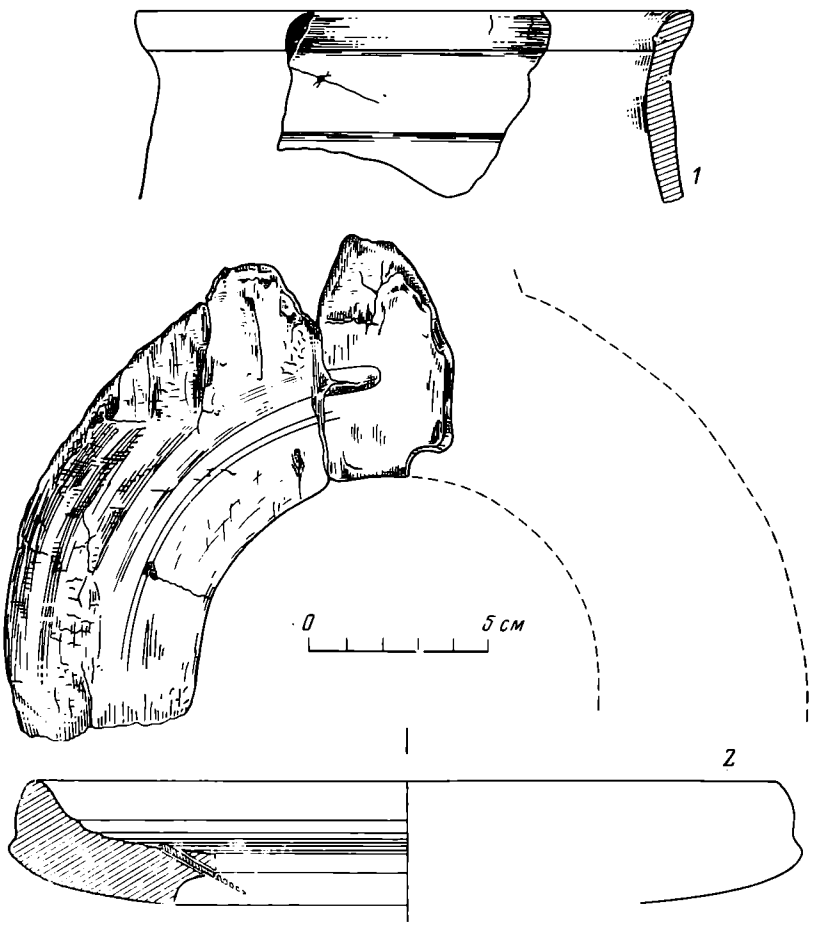


Рис. 2. Маныч. Деревянные сосуды

блюдо на четырех ножках. По степени сохранности эта посуда является редким исключением. Что касается степей левобережья Нижнего Дона, то здесь находки деревянной посуды вообще не были известны. Тем больший интерес представляют хранящиеся в фондах Ростовского областного музея фрагменты двух деревянных сосудов, найденные в 1952 г. в Багаевском р-не Ростовской обл.[4]

Принадлежность этих находок к памятникам салтово-маяцкой культуры определяется обнаруженными вместе с ними фрагментами характерного округлобокого горшка, темно-серая поверхность которого покрыта линейным орнаментом, а внутренняя поверхность венчика — наклонными оттисками гребенчатого штампа (рис. 1). Его высота и диаметр тулова равны примерно 15 *см*. Горшок изготовлен на ручном гончарном круге. Подобные горшки широко представлены на памятниках салтово-маяцкой культуры [5].

Первый деревянный сосуд представлен большим фрагментом стенки с венчиком, позволяющим реконструировать верхнюю часть сосуда (рис. 2, *1*). Сохранность дерева [6] очень хорошая, цвет светло-желтый. Заостренный венчик (диаметр 15,8 *см*) слегка отогнут, плавно переходит в расширяющееся книзу тулово с прямыми стенками. Толщина стенок 0,7—0,8 *см*. Основание венчика по внешней и внутренней поверхностям подчеркнуто тонкими врезанными линиями. Гладкая поверхность первоначально была, видимо, отшлифована.

Особый интерес представляет второй сосуд (рис. 2, *2*). Сохранность его несколько хуже первого. Дерево потрескалось, приобрело коричневый цвет. Сосуд был сделан не из целого куска дерева, а состоял из двух частей. В нашем распоряжении фрагмент верхней части. Она имела форму блюда с невысоким бортиком. Внешний диаметр 22, 6 *см*. Толщина донной части 1,7 *см*. Выкрошившийся выступ на краю блюда показывает, что здесь имелась, вероятно, плоская, горизонтально расположенная ручка. Центральная, не сохранившаяся часть дна была выточена из другого куска дерева и крепилась к верхней части с помощью тонких деревянных шпилек, пронизывавших сверху вниз верхнюю часть сосуда и вонзавшихся в нижнюю. Таких шпилек было 8—10. Надо полагать, что помимо шпилек обе части сосуда скрепляло и какое-то клейкое вещество. Судя по выемке внизу верхней части сосуда, его нижняя, не сохранившаяся часть выступала за плоскость дна. Таким образом, этот деревянный сосуд первоначально имел форму блюда или невысокой вазы на кольцевой ножке.

Оба сосуда, судя по остаткам на их поверхности окислов зеленого цвета, были украшены бронзовыми или медными накладками, крепившимися при помощи маленьких гвоздиков. Следы гвоздиков сохранились на внутренней стороне венчика и на внешней стороне стенки первого сосуда.

В определении технологии изготовления описанных деревянных сосудов сомнений нет. Правильные очертания, наличие характерных концентрических следов резца свидетельствуют о применении токарного станка. Лишь оно могло обеспечить плотное и точное соединение двух частей второго сосуда.

Находки на Маныче деревянных сосудов не только дополнили наше представление о развитии деревообделочного ремесла у носителей сал-

---

[4] Документация, сопровождающая сосуды, ограничивается надписью: «№ 34. Между х. Веселым и х. Кудиновым. Остатки хазарской посуды в обрыве на глубине 6 *м*. 28.VII.1952 г.». Сосуды, видимо, происходят из разрушенного оползнями погребения на берегу р. Маныч.

[5] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, № 142, 1967, с. 106—108.

[6] Оба деревянных сосуда, по определению доцента кафедры ботаники Ростовского-на-Дону университета Г. Д. Пашкова, выточены из липы обыкновенной.

тово-маяцкой культуры, но в совокупности с волоконовскими и другими, в том числе северокавказскими, находками [7] заставляют осторожнее подходить к характеристике инвентаря как катакомбных, так и ямных погребений. Следует иметь в виду, что в тех погребениях, где отсутствуют керамические сосуды, могли находиться деревянные, как уже говорилось, сохраняющиеся очень редко.

[7] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, № 106, 1962, с. 38, 39.

В. А. ЛЕКВИНАДЗЕ

ВИСЛАЯ ПЕЧАТЬ С ИМЕНЕМ СЕРГИЯ ИЗ ГРУЗИИ

Период истории Византийской империи с конца VII до середины IX вв. крайне слабо освещен историческими источниками, что заставляет придавать особое значение многочисленным византийским вислым свинцовым печатям этого времени [1]. Все сказанное относится и к Западному Закавказью (Лазика и Абазгия ранневизантийских источников), территориям, которые в течение части указанного периода и предшествующей эпохи (возможно, уже с конца VI в.) являлись частью Византийской империи [2]. Недавно были изданы семь или восемь печатей византийских сановников, служивших в Лазике и, возможно, в Абазгии [3], однако места их находок неизвестны. Обнаруженных в самом Западном Закавказье вислых печатей гораздо меньше. Это найденные в древнем Питиунте (соврем. Пицунда) печать правителя Абазгии, Константина, датирующаяся VII—VIII вв.[4], и печать епископа Феодора, датирующаяся VI—VII вв.[5], а также найденная в древней Анакопии (соврем. Новый Афон) печать эпарха Петра, датирующаяся VI—VII вв.[6]

В 1973 г. в Западном Закавказье обнаружена четвертая печать, особое значение которой заключается и в том, что найдена она была на этот раз не в Абхазии и не в прибрежных пунктах, как три вышеописанные печати, а в самом центре Западной Грузии, точнее Лазики, на территории ее столицы, известной под названием Археополиса (соврем. с. Нокалакеви Цхакаевского р-на ГССР), неоднократно упоминающегося ранневизантийскими письменными источниками [7]. Эту печать нашел на нокалакевском городище местный житель А. А. Гвасалия и передал ее

[1] История Византии, т. 2. М., 1967, с. 7.

[2] Эту мысль, но в отношении лишь VIII в. и несколько в иной форме высказал еще акад. С. Н. Джанашия: «В Эгриси (т. е. в Лазике — *В. Л.*) было введено непосредственное имперское управление». См. *Джанашия С. Н.* Абхазия в I—X вв. Рукопись, с. 46, 47, архив Абхазского ин-та языка, литературы и истории АН ГССР (Цит.: *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, прим. 3 на с. 72).

[3] *Zacos G., Veglery A.* Byzantine lead seals, vol. I. Basel, 1972, № 150, 164, 178, 179, 204, 208, 221, 2764 bis.

[4] *Леквинадзе В. А.* Вислая печать Константина Абхазского.— Сообщ. АН ГССР, т. XVI, № 5, 1955, с. 403 сл.

[5] *Дундуа Г. Ф.* Кто был епископ Феодор? — «Дзеглис мегобари», № 33, Тбилиси, 1973, с. 73 (на груз. яз.).

[6] *Хрушкова Л. Г.* Моливдовул из Анакопии.— Изв. АИЯЛИЧ, т. V. 1976, с. 146 сл.

[7] Procop., B. G., VIII — 13, 14, 17; Agath., Hist., II — 19, 20; III — 5—7, 17, 18; Corpus juris civilis, III, nov. XXVIII (ed. fratres Kriegelii). Stuttgart, 1887.

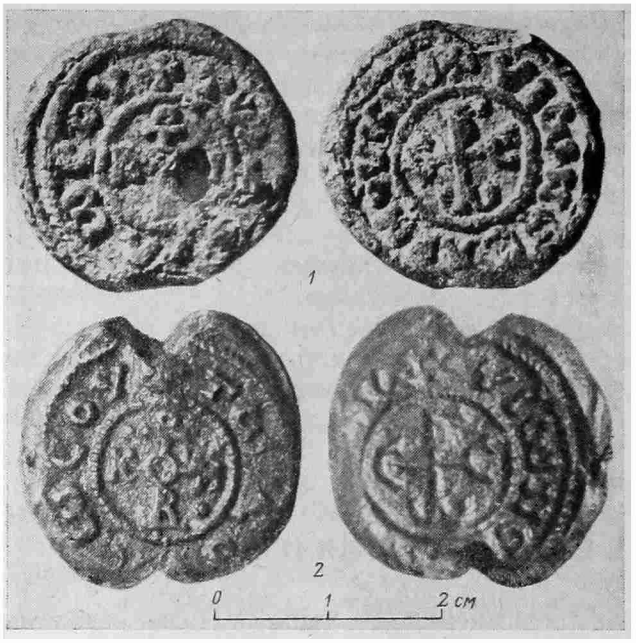


Рис. 1. Вислые печати Сергия: *1* — нокалакевская; *2* — эрмитажная

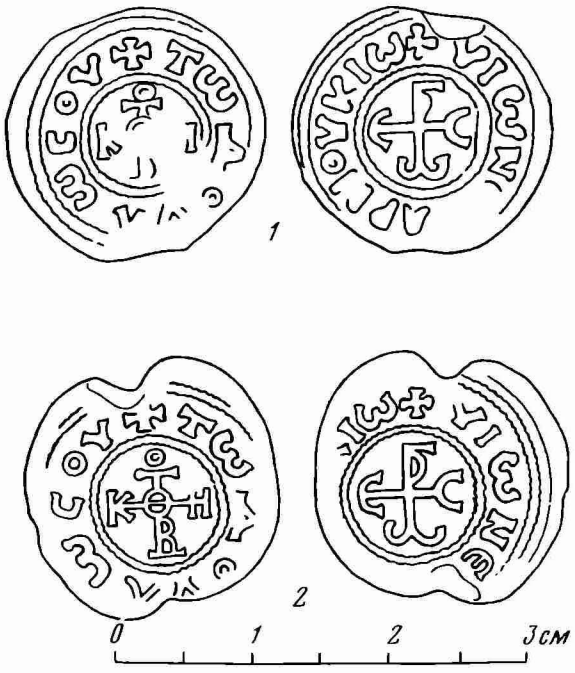


Рис. 2. Прорись печатей Сергия: *1* — нокалакевской; *2* — эрмитажной

работающей здесь археологической экспедиции Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашия АН ГССР.

Нокалакевская находка относится к категории так называемых монограммных печатей — на обеих ее сторонах изображены крестообразные монограммы, встречающиеся и на многих других византийских вещах[8]. Вокруг монограмм за охватывающими их ободками расположены круговые легенды, начинающиеся сразу же после маленьких крестиков, изображенных в верхней части печати над монограммами. Легенды с крестиками в свою очередь были охвачены круговым ободком. На гурте печати видны выходы шнура (рис. 1, *1*; 2, *1*).

Несколько букв монограммы лицевой стороны и легенд у обеих сторон на нокалакевской печати не читаются — там, где надписи повреждены. Однако традиционный характер монограмм лицевой стороны и расположенных здесь же надписей позволяет полностью реконструировать надпись. Монограмма состоит из букв, составляющих два слова — «богоматерь помоги» θεοτόκε βοήθει в легенде же — «рабу твоему» τῷ δούλῳ σου. Следует отметить, что Г. Шлюмберже считает встреченный на рассматриваемой печати порядок слов указанной религиозной формулы редким, так как обычный порядок слов на печатях иной — τῷ σῷ δούλῳ[9]. Н. П. Лихачев, рассматривая одну группу византийских печатей конца VII – нача-

[8] Так, например, в Нокалакеви найден был еще верхний ажурный диск бронзового хороса, на котором изображена крестовидная монограмма имени, расшифровывающаяся, по-видимому, как Евстрат (об этой монограмме см. *Laurent V.* Documents de sigillographie la collection C. Orghidan. Paris, 1952, pl. LXIX, № 584).

[9] *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, MDCCCLXXXIV, p. 35.

ла IX в., считает, что печати с таким же порядком слов формулы, как на нокалакевской печати, являются древнейшими в этой группе [10].

Прочтение надписей на оборотной стороне печати представляет значительные трудности, в связи с чем мы обратились за помощью к специалисту по сфрагистике В. С. Шандровской, которая указала, что легенда начинается со слова «сын» и познакомила нас с неопубликованной печатью из собрания вислых печатей Государственного Эрмитажа, аналогичной нокалакевской (инв. № 1226 [11]; рис. 1, *2*; 2, *2*). Обе печати оттиснуты различными матрицами.

Среди тысяч опубликованных византийских вислых печатей нам удалось пока отыскать всего лишь девять печатей, в легендах которых упоминаются не только имена и титулы их владельцев, но и их отцы, в связи с чем в этих легендах и фигурирует слово «сын» [12]. В пяти случаях в легендах этих печатей упоминается и имя и титул отца, в трех — только титул и лишь в одном случае — только имя отца.

Следующие за словом «сын» буквы легенды нокалакевской печати явно не соответствуют никакому названию известного византийского титула, поэтому здесь может быть только имя отца владельца печати. Это имя оказалось настолько «негреческим», что мы не решились бы его прочесть, если бы счастливая случайность не сохранила бы его в письменных источниках — в ранневизантийских, сирийском и, по-видимому, в грузинских.

Указанный второй экземпляр рассматриваемой печати из Эрмитажа происходит из собрания бывшего Русского археологического института в Константинополе (место находки неизвестно). На нем сохранилось и меньше букв, чем на нокалакевской печати. Экземпляр из собрания Эрмитажа, однако, сохранил одну букву из не сохранившихся на легенде оборотной стороны нокалакевской печати. Это «Е» — вторая буква имени в легенде. Теперь вся легенда оборотной стороны обеих одинаковых печатей — нокалакевской и эрмитажной выглядит так: υἱῷ Νε[β]αρνουκίῳ (т. е. «сыну Небарнукия»). Не хватает в ней лишь третьей буквы имени, но и ее мы восстанавливаем, ибо считаем, что почти полностью наметившееся здесь имя должно быть сопоставлено, во-первых, с двумя формами одного и того же имени, которое носил правитель Лазики, упомянутый Феодором Спудом как Лебарникий [13], а Феофаном Исповедником как Барнукий [14]. То, что оба эти источника упоминают одно и то же лицо, отмечал еще А. Бриллиантов [15], и имя именно этого лица, очевидно, фигурирует на оборотной стороне нокалакевской и эрмитажной печатей.

Чем объяснить, что в письменном источнике разбираемое имя начинается с «Л», а на печатях с «Н»? По-видимому, мы имеем дело или с ошибкой, допущенной в письменном источнике, или, как это отмечал А. Бриллиантов, со «смешиванием» обеих этих букв, что характерно было, в частности, для сирийского письма. Подобное явление произошло, по-

---

[10] *Лихачев Н. П.* Датированные византийские печати.— ИРАИМК, т. III, Л., 1924, с. 155 сл.

[11] Пользуемся случаем выразить здесь В. С. Шандровской нашу глубокую благодарность за консультации.

[12] *Schlumberger G.* Op. cit., p. 336, 477, 566; *Панченко Б. А.* Каталог моливдовулов коллекции Русского археологического института в Константинополе.— ИРАИК, т. XIII. София, 1908; с. 84; *Мушмов Н. А.* Византийски оловни печати от сбирката на Народния музей.— ИБАН, 1934, т. VIII. София, 1935, с. 342, № 26, обр. 192; *Zacos G., Veglery A.* Op. cit., № 2713, 2725, 2730.

[13] *Devreesse R.* Le texte grec de l'Hypomnesticum de Théodore Spoudée, Analecta Bollandiana, t. LIII, fasc. 1—2. Bruxelles — Paris, 1935, p. 68.

[14] Theophanis chronographia. A. M. 6189, vol. I (ed. Weberi), Bonnae, 1839.

[15] *Бриллиантов А.* О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника.— Христианский Восток, т. VI, вып. 1. Пг., 1917, прим. 1 на с. 47.

видимому, и в другом связанном с Западным Закавказьем случае — мы имеем в виду упомянутого в пицундской мозаичной надписи Орела, который отождествляется с известным христианским мучеником, сирийцем по происхождению, Орентием [16].

Разумеется, печать точнее передает интересующее нас имя, которое оказывается аналогичным тому, которое носил в миру и известный христианский подвижник, маюмский епископ, грузинский царевич (восточногрузинского, а не лазского происхождения), настоящий автор сочинения, приписывавшегося Дионисию Ареопагиту — Петр Ивер [17]. Его мирским именем, судя по наиболее достоверному, сирийскому варианту его жития, было Набарнугий [18].

Между именем на печати и мирским именем Петра Ивера есть небольшая разница — вторая буква здесь в одном случае «Е», а в другом «А», однако эта разница, возможно, лишь уточняет звучание имени, в котором второй буквой могла быть открытая иранская «а» — звук средний между «е» и «а», но более близкий к «а» и передаваемый в греческом то как «а», то как «е» [19]. Мирское имя Петра Ивера подтверждает правильность восстановления нами третьей буквы в имени на печати; с другой же стороны, что, по-видимому, не менее важно, и нокалакевская печать говорит о том, что Петра Ивера в миру действительно звали Набарнугием или Небарникием, против чего возражал когда-то Н. Я. Марр, считавший это имя негрузинским, «неизвестным грузинам» и появившимся в сирийском житии Петра Ивера в результате искажения здесь грузинского имени Мерван, которым назывался Петр Ивер в миру, судя уже по грузинскому варианту его жития. Однако Н. Я. Марр был прав, когда тут же говорил в отношении Восточной Грузии, что имена здешних царей и знати того времени, если не все, то в значительном большинстве имеют иранское происхождение [20].

Это указание Н. Я. Марра полностью распространяется и на имя «Небарнукий», являвшееся несомненно иранским и происходившим, возможно, от слова «варна» или «барнак», обозначающего по-русски «веру». С этим же словом, например, Ф. Юсти связывает другое иранское имя «Еубарнак» [21]. Приставка «не» или «на» весьма предположительно объясняется Вс. Миллером как искажение осетинской частицы «ана», обозначающей по-русски «без» [22]. Если предположение о значении иранских слов, составляющих имя Небарнукия, окажется верным, то тогда это имя должно быть отнесено, по-видимому, к категории так называемых «унизительных» имен.

Таким образом, «иранизм» проявлялся не только в Иберии (Восточная Грузия), но и в Лазике (Западная Грузия). Это обстоятельство хорошо подтверждается в первую очередь данными письменных источников. Так, например, имеются сведения о том, что лазский царь Губаз прибыл в V в. в Константинополь, где добивался расположения императора с помощью «знаков» своего христианства и, несмотря на это, был все-таки одет в **персидское платье** и окружен телохранителями по **мидийскому обычаю** [23]. Имеются сведения и о том, что лазский царевич Цате в начале VI в. **«соблюдал все обряды персов» и был маздеистом** [24].

[16] *Лекванидзе В. А.* О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках.— ВДИ, 1970, № 2, с. 190.

[17] *Нуцубидзе Ш. И.* Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942.

[18] *Raabe R.* Petrus der Iberer. Leipzig, 1895, S. 4.

[19] *Миллер Вс.* Эпиграфические следы иранства на юге России.— ЖМНП, ч. CCXLVII, октябрь. СПб., 1886, с. 238.

[20] *Марр Н. Я.* Житие Петра Ивера царевича-подвижника и епископа Маюмского.— Православный палестинский сборник, вып. 47 (т. XVI, вып. 2). СПб., 1896, с. XXVIII сл.

[21] *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, S. 488, 517, 525.

[22] *Миллер Вс.* Ук. соч., с. 262.

[23] *Priscus Panites*, IV—34 (SC, ВДИ, 1948, № 4).

[24] Joanis Malalae chronographia, XVII, rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831

Наконец иранскими были имена у таких лазских царей, как Губазы (их было двое), Покор[25] и, по-видимому, Дамназ. Особенно интересен тот факт, что явно иранское имя Покора носил лазский царек, правивший еще в середине II в. н. э.[26] Проявление «иранизма» в Западной Грузии, разумеется, не является необычным явлением, так как Колхида входила сперва в состав XIX сатрапии ахеменидского Ирана[27], а затем в состав «полуиранского» Понтийского царства Митридата. В позднеантичную эпоху с Колхидой с севера граничили сарматские (т. е. североиранские) племена, причем путь проникновения «иранизма» в Колхиду с севера можно проследить по также иранским именам царьков тех областей, которые были расположены к северу от лазов и находились или в непосредственном соседстве с сарматским миром, или же вообще были в него включены[28]. Мы имеем в виду иранские имена правителей абазгов и санигов — Ресмага и Спадага (аналогия имени Спадага известна лишь в одной из ольвийских надписей)[29], которых в начале II в. н. э. упоминал Арриан[30]. Говоря о связях Западной Грузии с североиранскими племенами, здесь необходимо, конечно, упомянуть и те североиранские по своему происхождению имена представителей иберийской знати — Ксефарнуг и Аспаврукий[31], с которыми также обнаруживает ближайшее структурное родство имя Небарнукий. Таким образом, существование вислой печати с иранским именем не является неожиданным фактом, тем более что византийские печати с именами этого рода (например, Варасвакурий, Артавазд, Ваасакий) известны[32].

Имя «Небарнукий» должно быть сопоставлено также с одним упоминающимся уже в грузинском письменном источнике именем (в так называемом «Диване» абхазских царей), составленном в XI в. В одном варианте этого «Дивана» указанное имя звучит как «Барук»[33], а в другом — «Капарук»[34]. П. Ингороква впервые высказался о том, что этот Барук-Капарук и упомянутый выше Барнукий-Лебарникий византийских источников является одним и тем же лицом, а сам список царей в «Диване» перечисляет не абхазских царей, а лазских[35], против чего с возражениями выступил З. В. Анчабадзе, отстаивавший абхазское происхождение перечисленных в упомянутом списке правителей на основании существования опубликованной нами вислой печати Константина Абхазского[36], несомненно упомянутого в указанном списке и названного в печати именно «Абхазским». Однако все то, что называлось до конца VIII в. Лазикой, с указанного времени стало называться, как известно, Абхазией, поэтому составленный в XI в. «спорный» список мог оказаться и «компромиссным», ибо в нем могли быть упомянуты и лазские, и в основном, конечно, абхазские правители, причем, как это отмечается

---

[25] *Justi F.* Op. cit., S. 119, 238.

[26] *Julius Capitolinus, Antoninus Pius*, 9 (SC, ВДИ, 1949, № 3).

[27] *Болтунова А. И.* Колхи и держава ахеменидов.— XIV Международн. конференция античников социалистических стран. Ереван, 1976, с. 37.

[28] О включении областей абазгов и санигов в Сарматию см. *Cl. Ptolemaei.* Geographia, V—87 (SC, ВДИ, 1948, № 2).

[29] *Justi F.* Op. cit., S. 260, 306.

[30] *Arrian.* PPE (SC, ВДИ, 1948, № 1).

[31] *Абаев В. И.* Вокруг Армазской билингвы.— Сообщ. АН ГССР, т. V, № 8, 1944, с. 827; *Толстой И. И.* Из области боспорской ономастики.— ВДИ, 1955, № 1, с. 13.

[32] *Шандровская В. С.* Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже.— ВВ, 1968, т. 29, с. 246.

[33] *Такайшвили Е.* Что содержала так называемая история Абхазии царя Баграта, которую использовал иерусалимский патриарх Досифей в своей истории иерусалимских патриархов.— «Дзвели Сакартвело», т. II. Тбилиси, 1913, отд. III, с. 46 (на груз. яз.).

[34] *Brosset M.* Additions et éclaircissements á l'histoire de la Géorgie. St.-Péterbourg, 1851, p. 174.

[35] *Ингороква П.* Георгий Мерчул. Тбилиси, 1954, с. 192 (на груз. яз.).

[36] *Анчабадзе З. В.* Ук. соч., с. 78.

рядом исследователей, далеко не полно и, возможно, вначале даже не по порядку. О том же, что в этот список был включен, по-видимому, и упомянутый в печати Небарнукий, говорят, нам кажется, убедительные обстоятельства — очевидное сходство его имени с именем Барук-Капарук и то, что последний занимает в списке место, соответствующее приблизительно времени правления Небарнукия.

Как уже говорилось, в нокалакевской печати Небарнукий фигурирует не сам по себе, а в качестве отца владельца печати. Имя же последнего передает монограмма, которую мы не обнаружили среди довольно многочисленных расшифрованных византийских монограмм[37], но которую теперь легко расшифровать после того, как выяснилось, что Небарнукий может быть отождествлен с Барнукием, упомянутым Феофаном Исповедником. Дело в том, что и Барнукий упоминается Феофаном «не сам по себе», а в качестве отца правителя Лазики патрикия Сергия. Буквы имени Сергия и составляют монограмму нашей печати, владелец которой оказался лицом, также упомянутым в письменном источнике, но только один раз. Мало того, рассматриваемая печать и датируется указанным источником, в котором говорится, что правитель Лазики, патрикий Сергий, сын Барнукия, восстал против Византии и передал свою страну арабам в 697 г.[38], так что печать датируется самым концом VII или самым началом VIII вв. Содержание всех монограмм и надписей печати гласит:
θεοτόκε βοήθει τῷ δούλῳ σου Σεργίῳ υἱῷ Νεβαρνουκίῳ «Богородица помилуй раба твоего Сергия сына Небарнукия».

Следует здесь вкратце коснуться, по-видимому, и того, что представляли собой правители Лазики и сама Лазика. До середины VI в. византийские источники называют их царями, чему соответствовал и статус Лазского царства во взаимоотношениях с Византийской империей. Судя по этим источникам, лазские цари утверждались на престоле императорами, высылавшими при восшествии их на лазский престол инсигнии и платившими им, по-видимому, даже жалованье. Лазы не платили византийцам никаких податей, не участвовали в военных походах византийцев, войска последних не стояли в Лазике. Лазика должна была не пропускать через свою территорию воинственные племена Предкавказья в пределы Византийской империи[39]. Возможно, что картина взаимоотношений Лазского царства с Византией воссоздана римско-византийскими источниками несколько в идиллических тонах, так как те же источники сообщают и об упорных попытках лазов избавиться от опеки римлян, а затем византийцев еще до середины VI в. и о восстаниях лазов против римлян и византийцев[40].

С середины первой половины VI в. источники уже прямо или косвенно сообщают о притеснениях лазов византийцами, которые сначала вводят в Лазику свои войска, затем начинают завышать цены на свои товары, ввозимые в Лазику, и занижать на лазские; отбирают у Лазики ее вассальную область — Абазгию[41], заставляют лазов нести морскую повинность[42], предусматривающую поставку судов и морского снаряжения[43], и участвовать в своих военных походах[44], посылают в Лазику пленных болгар, где они несут военную службу[45], а важнейший торго-

---

[37] Особенно много монограмм расшифровано в следующих работах: *Laurent V.* Op. cit.; *idem.* Les sceaux bizantins du medailler Vatican. Vaticano, 1962; *Zacos G., Veglery A.* Op. cit.
[38] Theophanis chronographia, A. M., 6189.
[39] Procop., B. P., II — 15, 29. СПб., 1876.
[40] Priscus Panites, IV — 34; Procop., B. P., II — 15, 16.
[41] Procop., B. P., II — 15; B. C., VIII — 9.
[42] Corpus juris civilis, p. III, nov. CLXIII.
[43] *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. М.— Л., 1959, с. 31.
[44] Theophanis chronographia, A. M. 6114.
[45] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи, т. I. СПб., с. 798.

вый центр Лазики — город Фасис с окрестными пастбищами — отдают армянам, бежавшим из своей страны от арабов [46].

Уже в первой половине VI в. лазы, со слов Прокопия, заявляли, что византийцы «оставили царю нашему только вид царского достоинства, а сами присвоили себе власть во всех делах. Царь, подвергшись участи служителя, страшится повелевающего ему воеводы» [47]. Во второй половине VI в. или в первой половине VII в. византийцы вообще лишают лазских потомственных правителей царского титула и дают им взамен лишь византийский титул (не очень высокого ранга) патрикия.

О полном включении лазской экономики в экономическую систему Византийской империи ярко говорят те опубликованные Г. Закосом и А. Веглери хорошо датированные индиктами византийские вислые печати конца VII — начала VIII в., которые принадлежали коммеркиариям геникона (чиновникам государственной казны). В руках этих чиновников, как известно, находилась вся организация и управление экономической жизнью и торговлей провинций, ее таможнями и складами для патуральных податей. Особенно интересны печати коммеркиариев геникона, компетенция которых распространялась в 689—693 гг. и на Лазику, и на Керасунт, и на Трапезунд одновременно, что отождествляло, по-видимому, Лазику в экономическом отношении с исконно византийскими городами. Интересна и печать логофета геникона в Лазике, которому подчинялись здешние коммеркиарии. Характерно, что и этот логофет и даже некоторые коммеркиарии Лазики носили тот же самый титул патрикия [48], которым должен был довольствоваться теперь и наследственный правитель Лазики, возможно, специально не указавший на рассмотренной печати своего и отцовского титула, так как он, по-видимому, унижал местных правителей. В этом отношении рассмотренной печати аналогична и упоминавшаяся выше печать Константина Абхазского, который вряд ли не имел какого-нибудь византийского титула, также не указанного на его печати.

[46] *Бердзнишвили М.* Сообщение Гевонда о Поти.— Тр. Тбилисск. ун-та, т. XXVI-B, 1944, с. 201 (на груз. яз.).

[47] Procop., B. P., II — 15.

[48] *Zacos G., Veglery A.* Op. cit., p. 135—136; № 150, 164, 178, 179, 204, 208, 221, 2764 Bis.

Л. В. ДУДОРОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ДРЕВНИХ ВОРОТ В ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ ВЛАДИМИРЕ

Город Владимир был довольно сильно укреплен. Этому способствовали как выгоды его топографического положения на возвышенном участке в междуречье Клязьмы и Лыбеди, так и созданные его жителями оборонительные сооружения в виде насыпных валов и деревянных стен поверх них. Сообщение с внешним миром осуществлялось через крепостные ворота.

Ипатьевская летопись, говоря о строительстве ворот во Владимире в годы княжения Андрея Боголюбского, сообщает, что князь город «сильно устроил к нему же ворота златые досне, а другы серебром учини» [1], т. е. в XII столетии упоминаются Золотые и Серебряные ворота.

В летописных сообщениях XIII в. есть сведения и о других воротах, существовавших в городе. Так, в рассказе о татаро-монгольском нашествии говорится следующее: «Татарове... взяша град до обеда, от Золотых

[1] ПСРЛ, т. II, ст. 582.

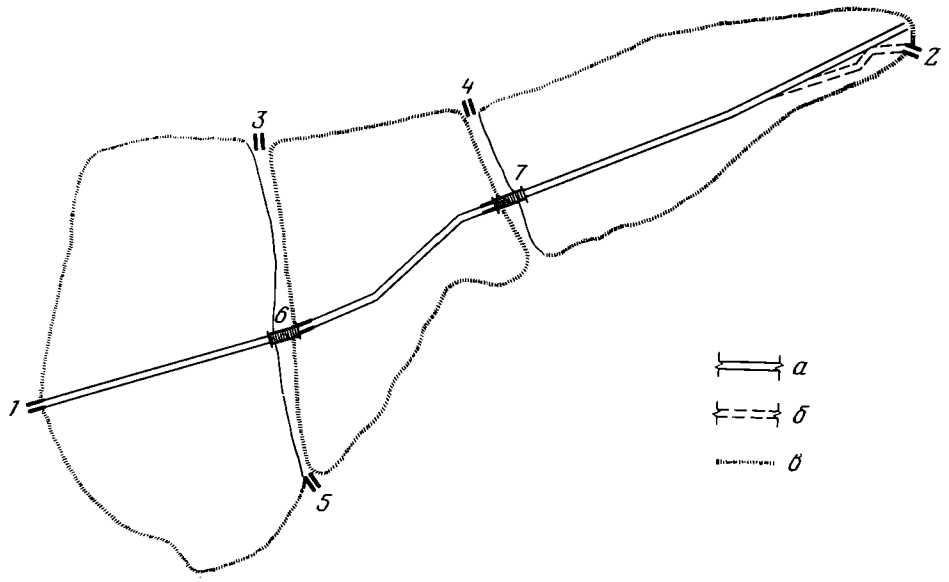


Рис. 1. План города Владимира XII в. *1* — Золотые ворота, *2* — Серебряные ворота, *3* — Ирининны ворота, *4* — Медные ворота, *5* — Волжские ворота, *6* — Торговые ворота и мост, *7* — Ивановские ворота и мост. *а* — Большая улица; *б* — старое направление Большой улицы; *в* — насыпные валы

ворот у святого Спаса внидоша по примету в город, а сюде от северныя страны от Лыбеди к Орининым воротам и к медяным а сюде от Клязьмы к Волжским воротам и тако вскоре взяша новый град»[2]. Упоминавшиеся здесь Медные и Ирининны ворота, выходившие к Лыбеди, а также Волжские, выводившие к Клязьме, несомненно, существовали и в XII в., причем все они располагались в той части, которая называлась «Новым городом». Как известно, древний Владимир состоял из трех частей. Центральное ядро города — наиболее древнее. Печерний город, как он называется в летописях,— это город, основанный еще в 1108 г. Владимиром Мономахом. При Андрее Боголюбском, спустя полстолетия, с запада и с востока к этому древнему ядру присоединяются еще две части.

Поскольку в документах XVII в. восточная часть названа «Ветчаным» или «Ветшаным» городом[3], то наименование Нового города исследователи присвоили западной трети города. Связано это было прежде всего с тем, что владимирские краеведы XIX в.— председатель Владимирской ученой архивной комиссии К. Тихонравов и владимирский архитектор Н. Артлебен — полагали, что восточная треть города не являлась его древней частью, т. е. не входила в состав города в XII в.

В соответствии со своими взглядами, К. Тихонравов так располагает ворота в древнем Владимире[4]: Ирининны — в конце современного Ерофеевского спуска, Медные — возле Никитской церкви, Волжские — в конце Муромской улицы, перед существовавшим ранее деревянным мостом через Клязьму, а Серебряные — при выезде из центральной части на восток, т. е. там, где опись владимирского кремля 1626 г. указывала Ивановские ворота[5]. Об этом же местоположении Серебряных ворот говорит и Н. Артлебен[6].

---

[2] ПСРЛ, т. I, с. 197.

[3] Выпись с крепостных владимирских книг 1646 года о дворах и землях соборных в городе, на посаде и в слободах.— Владимирские губернские ведомости (далее ВГВ), 1877, № 8.

[4] *Тихонравов К.* Город Владимир в начале XVIII столетия.— ВГВ, 1871, № 15.

[5] Описная книга владимирского кремля-города 1626 г.— ВГВ, 1977, № 2.

[6] *Артлебен Н.* Владимирский кремль-город по описной книге 1626 г.— Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета, т. II. Владимир, 1878.

Используя те же источники, что и указанные выше авторы, т. е. описную книгу Кремля 1626 г. и план города Владимира 1769 г., другой дореволюционный автор А. Бунин пришел к выводу, что восточная часть города, или Ветшаный город, тоже относится к XII в. Причем Серебряные ворота, по его мнению, располагались в восточной трети города [7].

Правда, под старым городом, или городом Мономаха, А. Бунин понимал как восточную треть, так и центральную часть города, а сообщение летописи за 1194 г. о закладке Всеволодом III детинца представлял как обособление Кремля и устройство по его периметру насыпных валов с деревянными стенами.

Н. Н. Воронин опроверг эту точку зрения, доказав благодаря своим раскопкам, что детинец Всеволода был белокаменным и занимал лишь часть Мономахова города [8]. В ряде своих работ Н. Н. Воронин дал исчерпывающий анализ истории планировочной структуры Владимира [9].

Взяв за основу бунинскую схему размещения ворот в древнем городе, Н. Н. Воронин внес в нее небольшое изменение: он поместил Серебряные ворота гораздо севернее, нежели они показаны у Бунина, т. е. на современную улицу им. Фрунзе, перед бывшим здесь мостом через р. Лыбедь. В то же время Н. Н. Воронин писал, ссылаясь на исследования владимирского геолога А. А. Добролюбова: «...в древности рельеф этой части города был иным: южнее современной улицы Фрунзе шла ложбина, по которой могла проходить дорога, ведшая к Серебряным воротам» [10].

Однако новые материалы, обнаруженные в фондах государственного архива Владимирской области, позволили установить, что современное направление эта улица получила лишь в 1834 г., когда через Владимир проводили линию московско-нижегородского шоссе, при этом для организации нового выезда из города пришлось прорезать древний вал, ограждавший эту часть города [11]. Новое направление центральной улицы показано на плане 1834 г., где написано: «Линия для шоссе» [12]. А старая дорога, как свидетельствуют документы Владимирского архива, осталась справа от нового шоссе. Она была столь узкой, что по ней с трудом могли разъехаться два экипажа, а расширить ее можно было, лишь срыв юго-восточную часть насыпного вала, на что не пошли устроители шоссе.

Следовательно, в конце этого старого направления большой улицы перед выездом из города надо искать Серебряные ворота, т. е. там, где они показаны на схеме А. Бунина. Серебряные ворота выходили на дорогу к Боголюбову, а затем — к Нижнему Новгороду. Золотые ворота — на Московскую дорогу, Волжские — на Муромскую. От современного Ерофеевского спуска начинается дорога на Юрьев-Польский. Здесь, несомненно, также находились какие-то ворота. Все исследователи помещают здесь Иринины ворота.

А куда выводили бы Медные ворота, если их разместить у Никитского спуска? Никаких дорог, выходивших за пределы Владимира, здесь никогда не было. В то же время, кроме перечисленных выше дорог, из Владимира выходила еще одна — на Суздаль. Современная Суздальская улица — небольшой участок ее, начинающийся почти у Лыбеди. Самый ближайший выход на нее — по Ивановскому спуску (ныне улица Ось-

---

[7] *Бунин А.* К исторической топографии города Владимира на Клязьме.— Тр. ВУАК, кн. II. Владимир, 1900.

[8] *Воронин Н. Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков, т. I, гл. XVII, М., 1961.

[9] *Воронин Н. Н.* Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и чертеж 1715 г.— СА, VIII, 1946; *Воронин Н. Н.* Из истории планировки города Владимира.— газета «Призыв», № 195, 219 за 1945 г.

[10] *Воронин Н. Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков, с. 515.

[11] Государственный архив Владимирской области, ф. 40, оп. 1, д. 9102, лист 3 об. 4.

[12] ЦГИА, ф. 1293, оп. 168, д. 17.

мова). Весьма возможно, что именно в конце этого спуска и находились Медные ворота.

Однако как же быть с указанием летописи на то, что Медные ворота находились в Новом городе? Поскольку восточная часть города появилась в одно время с западной, то обе они по отношению к центральной части, более древней, были новыми. Тогда местоположение Медных ворот не противоречит летописному указанию. Следовательно, завоеватели вначале проникли в западную и восточную трети города, а потом уже преодолели укрепления Мономахова города [13].

[13] Н. Н. Воронин, которому были известны изложенные здесь соображения, согласился с ними (см. письмо Н. Н. Воронина владимирскому краеведу Н. С. Сафронову от 10.IX.1975 г.).

П. М. АЛЕШКОВСКИЙ

ЯЗЫЧЕСКИЙ АМУЛЕТ-ПРИВЕСКА ИЗ НОВГОРОДА

В 1975 г. в Новгороде на Троицком-2 раскопе, в северной траншее (кв. 117—122), была найдена бронзовая привеска в виде человечка (рис. 1). Фигурка плоская, литая, изображение только с одной стороны. Сохранность амулета хорошая. Высота его 68 *мм*.

Амулет датируется XII в.[1] Этот идол представляет собой мужчину с бородкой, в шапочке, переходящей в ушко для подвешивания, одетого в длинную рубаху до колен с подчеркнутыми складками на ней. Правая рука, не пропорциональная всей фигуре, уперта в бок, левая — в бедро.

Аналогичные новгородскому идолу привески были найдены в городах Пермь, Чердынь, Вятка (Киров).

Происхождение пермского экземпляра (рис. 2) неизвестно[2]. Ясно только, что он был найден в окрестностях г. Перми.

Амулет-привеска из Чердыни (рис. 3) был передан местным краеведом в Чердынский краеведческий музей еще до революции и с тех пор хранится там [3].

Оба описанных выше идола совершенно идентичны новгородскому, только у пермского амулета отломана левая нога. Высота подвесок также 68 *мм*. Но техника обработки Прикамских амулетов несколько иная. Если у новгородского экземпляра складки рубахи — результат отливки в форме, то у прикамских идолов рубахи проработаны по уже литой модели резцом. Тела пермского и чердынского божков покрыты вырезанными схематическими кольцами, в которых легко улавливается изображение кольчуги.

Еще один идол, найденный в свое время в г. Вятке (рис. 4), аналогичный трем предыдущим, был опубликован А. А. Спицыным [4]. Однако след этой фигурки затерялся, и мы теперь располагаем только рисунком ее в натуральную величину. Левая рука у вятского экземпляра тоже уперта в бок, а правая в отличие от описанных держит загнутый и расширяющийся кверху предмет — очевидно, рог. Ушко для привешивания у этой фигурки массивнее, чем у остальных трех, поэтому высота ее 71 *мм*.

Данные амулеты привлекали внимание ряда авторов. Н. Первухин, описывая вятскую статуэтку, считал, что она представляла собой Воршуд-

[1] *Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция.— АО — 1975. М., 1976, с. 49.

[2] Хранится в ГИМ (инв. № 40 724), куда он попал в результате покупки в 1903 г.

[3] Чердынский краеведческий музей. Инв. № 985.

[4] *Спицын А. А.* Несколько статуэток.— ИАК, № 53, 1913, с. 125.

Рис. 1. Амулет-привеска из Новгорода (фото всех четырех фигур даны в натуральную величину)

Рис. 2. Амулет из г. Перми

Рис. 3. Амулет из г. Чердыни

Рис. 4. Амулет-привеска из г. Вятки

ное божество — божество-покровителя каждого вотяцкого рода [5]. Он указывает на то, что местные жители, описывая ему древнюю одежду вотяков, упоминали крескалы — низки бус, посредине которых раньше висел Воршуд, тогда как теперь его заменяет христианский крест.

О пермской, чердынской и вятской статуэтках упоминает также в своей работе В. Ф. Ульянов [6]. Он считает, что длинные узкие бороды фигурок-амулетов указывают на их монголоидное происхождение.

В указанной работе Н. Первухин не приводит веских доводов относительно этнической интерпретации вятского амулета, однако его мнение, что подвеска служила идолом-оберегом, представляется верным. По-видимому, эти языческие амулеты-обереги носили на груди посредине низки бус и в связи с христианизацией заменены были крестом, мыслившимся бывшему язычнику таким же амулетом-оберегом [7].

Известные нам 4 экз. найдены в разных районах, достаточно удаленных друг от друга, так что трудно считать теперь их амулетами одного рода, как это делал Н. Первухин. Ведь каждый языческий род должен был иметь своего Воршуда, а следовательно, и свое изображение данного бога. Да и определенный канон в изображении божества скорее говорит о принадлежности его не одному роду, а всему народу в целом или, скорее, определенной социальной верхушке общества, нуждающейся в воинственном божестве-покровителе.

Нам кажется, что узкие бороды у фигурок-амулетов скорее указывают не на их монголоидное происхождение, как это считает В. Ф. Ульянов, а подчеркивают принадлежность идола к разряду суровых дружинных богов, таких, как Перун, Тор, и им подобных, о чем свидетельствуют динамичность поз изображений, наличие кольчуги, а также рог в руке одной статуэтки — атрибуты воина-дружинника. Недаром ведь за один внешний вид новгородская фигурка условно была названа Перуном [8]. А. А. Спицын, публикуя вятского идола, назвал его вотяцким богом грома [9].

Каким же образом попал этот амулет в Новгород? Возможно, он был завезен туда дружинником — сборщиком дани с подвластных Великому Новгороду территорий; ему должен был быть понятен семантический смысл амулета. Возможно, идол завезен и прикамским язычником, попавшим вместе с дружиной новгородской в ее столицу в XII в.

Так или иначе, но находка говорит о связях Новгорода Великого с пермскими землями в XII столетии.

Летописи не раз говорят о попытках новгородцев проникнуть в XII в. на просторы Севера. В 1169 г. Даньслав Лазутинич отправляется в экспедицию за Волок [10], в 1187 г. летопись извещает об избиении печорских и югорских данников [11]. В 1193 г. воевода новгородский Ядрей с отрядом отправляется в Югру за данью, взимаемую пушниной — той

---

[5] *Первухин Н.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1886, эскиз № 1, с. 22.

[6] *Ульянов В. Ф.* Металлические антропоморфные изображения Урала эпохи железа 1 тыс. до н. э.— нач. 2 тыс. н. э. (Дипломная работа, защищена в ПГУ в 1973 г.), с. 54.

[7] При раскопках Э. А. Савельевой Лоемского могильника XII—XIV вв. была обнаружена похожая низка бус, в середине которой находилась массивная бляха с проросшим крестом. *Савельева Э. А.* Отчет Северодвинского археологического отряда за 1971 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4463, погр. 41, рис. 10.

[8] *Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Ук. соч., с. 48—51.

[9] В указанной статье А. А. Спицын считает вятский амулет вотяцким богом грома, ссылаясь на свою статью «Как вотяки представляли себе бога грома», опубликованную им в Вятских губернских ведомостях в 1886 г., № 80. Но описываемый там идол не имеет ничего общего с вятским экземпляром. Таким образом, отождествление А. А. Спицына остается недоказанным.

[10] НПЛ, 6677 (1169 г.), с. 33.

[11] НПЛ, 6695 (1187 г.), с. 38.

валютой, которой расплачивается Новгород Великий со своими торговыми партнерами [12].

Археологические материалы также подтверждают наличие русских поселений в Прикамье в XII—XIV вв. Слой XII в. со славянской гончарной керамикой встречается на ряде городищ: Котельническом, Втором Моломском, Ковровском, Шебалинском, Топорковском, Никулицком, Подчуршинском и Шестаковском [13].

В Пермской области также часты находки, характерные для славян XII—XIV вв.: трапециевидные костяные гребни с циркульным орнаментом, крестики с желтой эмалью, овручские шиферные пряслица, глиняное яйцо-писанка, гончарная славянская керамика [14].

Учитывая, что летописи называют эти земли подвластными Новгороду Великому, можно предположить частично новгородское происхождение этих вещей.

Часть прикамских вещей попадала в свою очередь в Новгород, в числе которых и был рассматриваемый новгородский амулет.

---

[12] НПЛ, 6701 (1193 г.), с. 40.

[13] *Эмаусский А. В.* К вопросу о времени основания города Вятки. Киров, 1971, с. 13.

[14] *Оборин В. А.* К вопросу о ранних этапах проникновения русской культуры в Прикамье.— В кн.: Из истории нашего края. Пермь, 1956; *Оборин В. А., Балашенко Л. А.* Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья.— Уч. зап. ПГУ, № 191, 1968, с. 45.

И. Д. МАЛАНИН

КАМЕННЫЙ КРЕСТ ИЗ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Летом 1977 г. автором настоящей заметки и В. И. Бочарниковым в дер. Курский Рядок Бологовского р-на Калининской обл. у местного жителя А. Алексеева приобретен каменный крест, который передан в Бологовский краеведческий музей. Сообщение о кресте в редакцию районной газеты «Новая жизнь» сделал тракторист из с. Березовый Рядок А. Милов. С его письмом редакция любезно познакомила автора данной заметки.

По словам А. Алексеева и А. Милова, крест был найден на левом берегу р. Березайки между деревнями Курский Рядок и Тугановичи [1] при взятии грунта для ремонта близлежащей дороги. Осмотр места находки дает основание предполагать наличие здесь разрушенного жальника, так как встречаются человеческие кости и крупные камни, большая часть которых при распашке этого участка была смещена к реке.

Четырехконечный крест (рисунок) изготовлен из песчаника. Расширяющаяся к основанию нижняя часть имеет выступ для крепления. В связи с тем, что он частично обломан, полную высоту памятника установить не представляется возможным. Исключая выступ, размер креста составляет 61×41×9 *см*. Вес чуть более 25 *кг*. На лицевой, значительно попорченной, стороне имеются изображения двух крестов, прочерченные монограммы и несложный орнамент.

Верхний рельефный четырехконечный крест, концы которого от центра расширяются к краям, имеет размер 9×8,5 *см*. Нижний его конец рассечен поперек титлом (?) расположенной ниже надписи. Изображение такого креста встречается на некоторых памятниках, описанных А. А. Спицыным, И. А. Шляпкиным, М. Н. Бочкаревой [2], и, согласно

---

[1] Все три указанных населенных пункта находятся рядом и фактически объединяются общим названием с. Березовый Рядок.

[2] *Спицын А. А.* Заметка о каменных крестах, преимущественно Новгородских.— ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, с. 207, рис. 327; с. 218, рис. 355; *Шляпкин И. А.* Древние

Каменный крест из с. Березовый Рядок Бологовского р-на Калининской обл.

таблице А. Донини, по своей форме приближается к так называемым мальтийским крестам [3].

Второй, находящийся в средокрестии описываемого памятника крест тоже выпуклый. Концы его, кроме нижнего, утвержденного на П-образной Голгофе, немного расширяются к краям. Размер 22×15 *см*. Данное изображение также имеет аналогии (большинство, правда, с прямыми концами) на многих известных каменных крестах [4].

Монограммы IC и ХЪ под титлами размещены слева и справа от поперечной перекладины рельефного креста на Голгофе. Выше указанного креста высечены буквы NH, ниже — КА, под титлами которые составляют слово НИКА (т. е. «сим победиша»). Зубцевидный орнамент и эти надписи, столь характерные для намогильных (жальничных) крестов новгородского типа [5], в совокупности с описанными изображениями позволяют предположительно датировать рассматриваемый памятник не старше XV в. Более точную дату его изготовления могли бы, вероятно, дать раскопки на месте разрушенного жальника у р. Березайки.

русские кресты, I. Кресты Новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы. СПб., 1906, табл. XI, XV, 327; *Бочкарева М. Н.* Новгородские каменные кресты из собрания Ростовского музея.— В сб.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 109, рис. 2, *3, 4*.

[3] *Донини А.* Люди, идолы и боги. Очерки истории религий. М., 1966, с. 201, рис. 12.

[4] *Спицын А. А.* Ук. соч., с. 209, рис. 331; с. 211, рис. 334, 336; с. 213, рис. 342; с. 215, рис. 350; с. 217, рис. 352; с. 219, рис. 359, 360; с. 221, рис. 363; *Шляпкин И. А.* Ук. соч., табл. XII, *363*; XVI, *331*; XVII, *334*; XXI, *342, 350*; XXII, *352*; XXIV, *336, 359, 360*.

[5] *Спицын А. А.* Ук. соч., с. 222.

Критика и библиография

Léon Pales et Marie Tassin de Saint Péreuse. Les gravures de La Marche. II—Les Humains. Ed. Ophrys. Paris, 1976. 178 p., 42 fig., 11 tables et 188 planches hors de texte.

Наука о палеолитическом искусстве обогатилась необычайно ценным трудом — публикацией гравированных человеческих изображений, происходящих из грота Ла Марш около г. Люссак-ле-Шато (деп. Вьенн, Франция). Этот объемистый великолепно изданный том — второй в задуманной серии монографий, охватывающей все многообразие искусства Ла Марш. Событием большой важности в свое время явилось издание первого тома, посвященного изображениям хищников, в котором вместе с тем можно найти все сведения общего характера [1]. Второй том имеет исключительное значение из-за его содержания. Благодаря его выходу репертуар не слишком многочисленных, как известно, воспроизведений человека в искусстве палеолита увеличился, на 113 изображений, т. е., если не учитывать достаточно однообразных стилизованных фигур, недавно открытых в Гоннерсдорфе (ФРГ), почти на $^1/_5$. По сравнению с каждым из сюжетов, гравированных на каменных плитках в Ла Марш, это наиболее представительная серия, за которой следуют изображения лошадей, оленей, хищников, мамонтов, козлов, бизонов и некоторых других животных. Знаменательно предпосланное книге посвящение: «... памяти граверов из Ла Марш, которые не были конформистами». Это посвящение авторы объясняют тем, что, изображая своих сородичей с различной степенью реализма, далекого от стереотипа и тем более от карикатуры, шаржа или антропоморфизма, граверы мадленского времени Ла Марш восстановили значение человеческого образа, до сих пор занимавшего положение бедного родственника в палеолитической иконографии (с. 7). Это с полным правом можно отнести и к авторам книги. Многолетний титанический труд по дешифровке фигур, зачастую выделенных из сложного хаоса переплетающихся линий («дешифровка — настоящее физическое испытание» — с. 12), с применением различных методов исследования, дополняющих и подкрепляющих друг друга, позволил полностью преодолеть скептицизм, существовавший в научных кругах и порожденный произвольными дешифровками и поспешными публикациями первооткрывателей грота [2].

В конце 1974 г. благодаря любезности доктора Леона Паля, известного антрополога, друга А. Брейля, по настоянию которого он и приступил к изучению гравюр Ла Марш, мне удалось ознакомиться с методикой исследования и теперь, после выхода книги, беру на себя ответственность заявить, что речь идет не о пылкой игре воображения, не о подделках или заранее заданной интерпретации переплетающихся тонких линий. Нет, это строгий научный анализ бесспорных произведений палеолитического искусства, найденных в таком стратиграфическом положении и в таком состоянии сохранности, что всякая подделка исключена. Если у авторов возникали сомнения в правильности прочтения того или иного контура, выделения

[1] *Pales L. et Saint Péreuse M. de.* Les Gravures de La Marche. I — Félins et Ours Bordeaux, 1969.

[2] Ср., напр., *Lwoff St.* La Marche. Gravures à représentations d'humaines du Magdalénien III.— Bulletin de la Société préhistorique française, t. 38, 1941, p. 145—161.

той или иной линии, что специально оговаривается и во всех случаях из дальнейшего рассмотрения исключается все более или менее сомнительное.

Работа состоит из введения, в котором освещены основные цели и задачи исследования, 12 глав, дающих не только всесторонний анализ камней и нанесенных на них гравировок, но и сравнительное изучение человеческой иконографии в палеолитическом искусстве, списка использованной литературы (241 наименование) и альбома, включающего фотографии высокого качества и прорисовки.

В краткой главе I дается перечисление коллекций, общественных или частных, в которые входят 62 камня с изображениями человека. Общественные коллекции находятся в Музее Человека (вклад С. Львова) и в Музее Национальных Древностей в Сен-Жермен-ан-Ле под Парижем. Частные коллекции принадлежат производившим раскопки грота Л. Перикару (Люссак-ле-Шато), Л. Праделю (Шательперо) и С. Львову (Париж). Все камни были предоставлены для работы, хотя случается, что фрагменты одного камня, воссоединенные авторами, принадлежат разным владельцам. Статистическим подсчетам было подвергнуто 108 изображений, но в последний момент в Музее Сен-Жермен была найдена плитка с гравюрами пяти человеческих голов, из которых три поистине замечательны. Плитка была новой для авторов, но в действительности первой из описанных С. Львовым.

Глава II посвящена описанию каменной основы, на которой выполнены гравюры. Отмечено, что фактура гравировки на камне зависит в большинстве случаев от природы материала, его твердости, размеров его поверхности, состояния этой поверхности, которая может быть гладкой или шероховатой, а также от орудия, которым пользовался мастер. Различия между гравюрами часто заключаются в комплексе этих факторов, тогда как стиль изображений единый. 62 камня с человеческими образами состоят из 37 плиток (35 — известняк, 2 — песчаник), 14 крупных плит и 6 блоков (все — известняк) и 5 окатанных галек. Камни, за исключением блоков,— уплощенные с двумя фасами, поэтому 84% плиток гравированы с двух сторон. Известняки в Ла Марш обычно твердые, такого типа, что линии, нанесенные на них без повторений, тонкие. Линий множество, к тому же дешифровка гравюр затруднена изнашиванием камня. Гальки очень окатаны, их поверхность гладкая и исключительно твердая, использованное для гравировки тонкое и острое орудие оставило крайне тонкие и чистые линии, но эти линии бесчисленны и образуют запутанное переплетение. $^2/_3$ камней имеют небольшие размеры: максимальная длина и ширина их — менее 15 *см*. Самая крупная плитка 59×87 *см*. Это позволяет авторам книги поставить вопрос, относятся ли камни из Ла Марш к наскальному искусству или это произведения искусства малых форм, что на русский язык иногда переводится буквально, как подвижное искусство (l'art mobilier). Авторы замечают, что большинство камней, гравированных человеческими фигурами, держатся в руке без усилия. Гравер мог поворачивать плитку во всех направлениях и переходить с одной стороны на другую. Если камень более крупный и имеет большую толщину, можно представить, что граверы ставили его на подставку. На наш взгляд, вопрос ясен: если даже плитками украшали стены грота, что не всегда кажется возможным, они от этого не становятся наскальным искусством, так как выполнялись не на неподвижной основе и были лишены постоянного закрепления.

Преобладает естественный серый цвет камня различных оттенков. Натуральная древняя патина камня прорезана острием гравера. Имеется искусственная окраска, приписываемая человеческому воздействию, хотя трудно определить было ли оно намеренным. В 8 случаях прослеживаются следы обжига, но только в одном случае можно уверенно сказать, что действие огня было после нанесения гравюры.

Из 62 камней 25 были раздроблены после гравировки, причем из 37 плиток разбиты 19. Авторы справедливо отмечают, что этот факт не мог быть случайным, ибо почти $^1/_3$ массивных и плотных плиток разбиты умышленно, в то время как тонкие и хрупкие плитки оставлены целыми. Такое явление может подтверждать гипотезу намеренного разбивания произведений искусства в палеолите, хотя по-прежнему нельзя его интерпретировать. Как и прежде, стоит вопрос: почему после такой тщательной, терпеливой, искусной гравировки люди относились к этим камням столь небрежно или решительно их разбивали? Известны случаи уничтожения своих произведений современными художниками (так, Ж. Руо уничтожил в 1948 г. 315 своих

полотен), но можно ли приписывать такое поведение палеолитическим мастерам? Не исключено и вмешательство посторонних разрушителей и наличие какого-то обряда. Напомним, что все эти вопросы стояли перед П. П. Ефименко после того, как он обнаружил намеренное разбивание произведений искусства на поселении Костенки I, но, как и тогда, они остаются без ответа. Любопытно, что в Костенках I разбиты по преимуществу посредственные фигурки из камня, а высокохудожественные женские статуэтки из более хрупкого материала — бивня мамонта — старательно сохранялись. В любом случае, как замечают авторы, защитники магической теории получают еще один козырь.

В главе III дан анализ самих изображений, из которых учтено 57 изолированных голов и 51 фигура (из них 14 лишены головы), причем только в 9 определенных и 4 неясных случаях фигура изображена полностью, в 13 определенных и 3 неясных случаях фигура обладает головой, но прорисована неполностью и 8 случаев неполных и неясных. В целом, голова изображена 79 раз, но авторы исключают неясные случаи и рассматривают только 67 голов. Для облегчения сравнительного изучения изображения и голов и тел сведены в таблицах к одному масштабу и одинаково ориентированы вправо. Наличие такого количества изображений на одной стоянке уникально, как уникально и их качество. Большое внимание уделено распределению сюжетов на одной или обеих сторонах каменной основы, но особенно любопытно сочетание на одной основе или группы изображений, или сочетания образа человека и животного. Вместе с человеком изображены мамонт (4 случая), медведь (3 случая), лошадь и северный олень (каждый в 2 случаях), бизон и какой-то бык (каждый в 1 случае). Ни на одной плитке не сочетаются изображения людей и хищников из семейства кошачьих, достаточно хорошо представленных в Ла Марш. Вместе с тем следует заметить, что четыре вида животных; бизон, лошадь, мамонт и медведь нанесены на одной плитке с мужским изображением. Предвосхищая определения пола, авторы добавляют, что рядом с фигурой медведя в полный рост нанесена, по-видимому, женская фигура; другая дана рядом с гравюрой головы северного оленя, возможные изображения мужчины и женщины выгравированы рядом с фигурами мамонта. Таким образом, заключают они, нет ничего, что подтверждало бы взгляды Е. Сакказан-делла Санта или А. Ламинь-Эмперер и А. Леруа-Гурана о сочетании мужского и женского начал в анималистическом искусстве палеолита. Взгляды Е. Сакказан-делла Санта едва ли когда-либо подтвердятся, но в защиту А. Ламинь-Эмперер и А. Леруа-Гурана необходимо сказать, что если нет подтверждающего, то нет и противоречащего. Их концепция выросла на материалах наскального искусства и вряд ли ее можно безоговорочно распространить на разрозненные, не имеющие пространственных связей произведения искусства малых форм.

Что касается ориентации изображений, то, помимо двух неопределенных голов, представленных в фас, все человеческие головы и почти все тела даны в профиль. Из 57 изолированных голов 35 смотрят вправо, 22 — влево; из 22 тел, где головы хорошо видны, 17 даны полностью в профиль, 5 — в фас или $^3/_4$, но голова в профиль. В целом, из 51 тела 33 повернуты вправо, 18 — влево. Таким образом, вправо смотрят 68 изображений, или 63%, влево — 40, или 37%. Эти цифры находят соответствие в общем подсчете человеческих изображений палеолитического искусства Запада: из 167 фигур 100, или 60%, смотрят вправо, 67, или 40%,— влево; впрочем, авторы указывают на случайность подобного рода сопоставления и приводят в качестве примера Ла Марш. Общеизвестна редкость и несовершенное исполнение человеческих изображений в позднем палеолите, но если бы о них судили по этому единственному памятнику, то считалось бы, что мадленские граверы оказывали предпочтение людям, а не каким-либо видам животных.

Одним из сложных вопросов в изучении искусства в Ла Марш явилось определение пола изображенных. В результате тщательного анализа характерных анатомических признаков, авторам удалось установить, что 18 изображений — мужские (из них 6 сомнительные), 27 — женские (8 достоверных, 16 предполагаемых и 3 вероятных) и 69 сюжетов неопределенного пола.

Следующие две главы IV и V посвящены подробному описанию и анализу анатомических особенностей различных элементов головы, верхних и нижних конечностей, туловища. Авторы подчеркивают при этом, что «никоим образом нельзя делать

антропологические заключения на документах доисторической иконографии, как бы хорошо они ни были выполнены» (с. 36). Вместе с тем они дают пространные анатомические описания. Однако как контуры черепа, так и отдельные детали головы и лица очень далеки у изображений из Ла Марш от реальности, в частности очень различны и своеобразны изображения носа и глаза, а изображение уха только в одном случае более или менее соответствует натуре. Поэтому представляется, что подробные анатомические экскурсы, сопровождаемые тщательными рисунками обобщенного плана, интересны для чтения, но не имеют прямого отношения к вопросу. Правда, еще во введении авторы оговаривали необходимость таких отступлений для будущего, когда на основании этих признаков займутся установлением стилистических особенностей. И хотя «из всех контуров и органов человеческой головы граверы особенно тщательно и заботливо изображали нос» (с. 42), экскурс в область физиогномистики (примеры того, как форма носа отражает характер человека) и, более того, рассуждение о возникновении и распространении сифилиса, кажутся излишними. Все же некоторые выводы представляют интерес. В ряде случаев выпуклый высокий контур черепного свода составляет целое с юношеским характером лица, что позволяет думать о портретах детей и подростков. Ухо заметно только у 14 изображений, 7 мужских образов из 12 определенных имеют ухо, у 6 из них оно одинаковой формы — в виде ракетки. Курносый нос обычно бывает женским, как и обильные волосы, хотя в целом шевелюра не является половым индикатором. Несмотря на новое упоминание, что изображения голов не могут иметь в действительности антропологического и, еще менее, антропометрического значения, интересно наблюдение, что ни одна мужская голова не имеет прогнатизма, в то время как из 9 женских определенных — 4 ортогнатных и 5 прогнатных (обычная вещь для современности, замечают авторы).

Подробно рассмотрен вопрос об ацефалии изображений. Поскольку преобладают плитки мелких размеров, сюжеты в полный рост занимают всю свободную поверхность и голова находится на самом краю. Следовательно, отсутствие головы может объясняться двумя причинами: или из-за излома плитки, или гравер, рисуя тело, намеренно не изобразил голову. В то же время у сюжетов в полный рост, с головой отсутствие ног или их суммарное исполнение обычны. Что касается связи ацефалии с полом, то из 14 изображений, лишенных головы, нет ни одного мужского; 3 неопределенного пола и 11 женских бесспорных или предполагаемых. Авторы, как и во многих других случаях, избегают интерпретации этого факта, хотя его, безусловно, следовало бы сопоставить с подобным явлением в мелкой скульптуре. Здесь с сожалением можно отметить, что, несмотря на знание авторами материалов, происходящих с территории СССР, о чем свидетельствует включение их в каталог, наши материалы используются неполно и недостаточно. Так, упоминая о том, что палеолитические скульптуры не передавали черты лица на статуэтках, за исключением двух головок: из Брассампуй (Франция) и Долни Вестонице (Чехословакия), авторы забывают о необычайно выразительном лице, вырезанном на одной из статуэток Мальты (раскопки М. М. Герасимова, 1956). Далее, рассматривая вопросы реконструкции палеолитического человека по костным остаткам, авторы полностью умалчивают о достижениях советской школы антропологии в этой области и о научной методике М. М. Герасимова наращивания мягких тканей на костную основу. Это большое упущение, если исходить из цели, которую ставят перед собой авторы. По их словам, цель исследования — поиски морфологических черт палеолитического человека, а не образа, который придавал своим современникам первобытный художник. Поэтому авторы действуют как анатомы.

Из 51 сюжета 5 тел представлено в фас, 46 — в профиль и ни одно из них не идентично другому, «что подтверждает общее правило доисторического искусства» (с. 62). Рассматриваются раздельно верхние и нижние конечности и отдельные их части, само туловище и отдельно тазобедренная область. Интересен вывод, что когда художник располагал необходимым пространством, он изображал у женщин довольно толстые руки, что более соответствует реальности. Изображение кисти заметно у 18 персонажей, но только у 9 из них выделены пальцы, и только в единственном случае кисть изображена более или менее реалистически: «... возможно, это наиболее законченное изображение кисти из всех доисторических гра-

вюр и скульптур» (с. 65). Это находится в очевидном противоречии с тщательным изображением конечностей хищников и особенно травоядных на той же стоянке, а также с многочисленными наскальными аппликациями человеческой кисти, позитивными или негативными, целыми или изуродованными, но всегда верными природе.

Ступня изображена только в виде простого контура, не всегда закрытого на дистальном конце, она заметна в 16 случаях, но объем и длина могут быть оценены только в 12 случаях. Наиболее часто изображена очень маленькая ступня, что находит соответствие в скульптуре.

Туловище нарисовано в 44 репризах, но только в 38 случаях оно выделяется отчетливо, удовлетворительное описание можно сделать лишь в 22 случаях. Очень редкие изображения переданы в фас, два могут рассматриваться как воспроизведенные в $^3/_4$. Авторы позволили себе применить часть антропологических методов, хотя и здесь отметили, что «антропометрическая строгость не имеет места; чтобы конкретизировать факты, достаточны приблизительные измерения» (с. 69). Длина туловища считается от ключицы до лобка, длина ноги от лобка до опоры. Измерения показывают, что для фигур из Ла Марш характерна удлиненность туловища и укороченность ног. Весь вопрос в том, было ли это нарушение пропорций ненамеренным, ошибочным или нарочитым? Если верно последнее, то остается неясной причина нарочитости, поскольку это явление перерастает рамки гравированных изображений и прослеживается как на барельефах, так и статуэтках.

В главе VI рассматривается положение тела и конечностей. Авторы отмечают, что в палеолитическом искусстве мало застывших человеческих изображений, бо́льшая часть их оживлена движением, наиболее часто движением рук или ног, иногда головы. Эта динамика дала место различным интерпретациям, приписывающим художнику и через его посредство изображенному персонажу простые или сложные мотивации. Естественно приписывать человеку вертикальное положение, а животному — положение четвероногого. Однако вертикальное положение для фигуры человека часто устанавливается произвольно. Рассматривая образы наскального искусства, зритель склонен считать, что они нанесены на стену пещеры в зависимости от того горизонтального уровня, на котором он стоит. И хотя передко фигуры находятся в позах, несовместимых с природой, репродукции публикуются в согласии с естественным положением животного. Эта произвольность репродукции часто искажает намерение художника, и интерпретация может быть очень далека от первоначального смысла. Особенно усложняется проблема, если изображение нанесено на потолке пещеры или в узкой нише и если речь идет о персонажах с поднятыми вверх руками. Издавна этим фигурам, кисти рук которых находятся на уровне лица, присвоено название «орант» по аналогии с изображениями в позе мольбы более поздних эпох. Однако, замечают авторы, ничто не доказывает, что эта поза характерна именно для вертикального положения.

Что касается искусства малых форм, то здесь наблюдатель обладает полной свободой, чтобы придать изображениям любую ориентацию, хотя обычно помещает фигуру в соответствии с ее естественным положением. Явление, которое авторы назвали произвольной вертикальностью, означает представление в репродукциях заведомо горизонтальных фигур в виде вертикальных. Это касается прежде всего гравюр из Ложери-Бас: «женщины с оленем» и «охотника на зубров», где поза животных бесспорно указывает на горизонтальное положение людей. И наоборот, произвольной горизонтальностью можно назвать перемещение в позу лежащих фигур, естественное положение которых — вертикальное. В качестве примера упоминается костяная пластинка из Истюриц с гравировкой двух неполных фигур, которые ранее считались изображениями женщины и мужчины, а теперь, по мнению А. Леруа-Гурана (авторы к нему присоединяются), фигурами двух женщин. Рисунок груди женщины «анатомически подтверждает ее вертикальную позу» (с. 81). На наш взгляд, и превращение мужчины в женщину, и придание вертикальности пластинке из Истюриц, что противоречит положению бизонов на обратной ее стороне, не представляется убедительным, но суть не в этом, а в положении рук всех упомянутых изображений, которое позволяет авторам пересмотреть проблему «орант».

В Ла Марш из 53 более или менее полных изображений тел 20 исключены из

анализа. Оставшиеся 33 имеют различное положение рук: у 6 одна или обе руки падают вдоль тела, у 18 руки более или менее горизонтальны, 9 находятся в позе «оранты» (3 из них стоят, 5 сидят, 1, возможно, на коленях). Следовательно, частота «орант» довольно высокая — 27,2%. Вместе с тем эти 33 фигуры включают 3 мужские изображения, 20 женских, определенных или предполагаемых, и 10 неопределимых по полу. В позе «оранты» находится 1 мужское, 6 женских и 2 неопределимых изображения. Серии слишком незначительные, чтобы можно было установить процентное отношение, однако, по-видимому, поза «оранты» была более частой для женских изображений. Тут же авторы оговариваются, что это впечатление может быть обманчивым, поскольку анализ всех «орант» в палеолитическом искусстве не дает столь отчетливой картины. И действительно, приведенный ими набор «орант» (19 фигур) слишком мал для анализа; к тому же набор этот не безупречен, так как он включает: безусловно более позднюю роспись из Лез Эглиз; антропоморфов из Альтамиры и Хорнос де ла Пенья, которые вряд ли допустимо отнести к мужским реалистическим; антропоморфа из Фонтане, не являющегося собственно человеческим изображением; фигуры из Ла Мадлен «с целью», не имеющие позы «орант».

Далее авторы отмечают, что как в наскальном искусстве, так и искусстве малых форм все изображения «орант» всегда рассматривались в вертикальном положении, за исключением, может быть, «женщины с оленем» из Ложери-Бас. На самом же деле, только единичные фигуры из Лез Эглиз и Хорнос де ла Пенья даны стоящими, фигуры же на потолке Альтамиры были подчинены произвольной вертикальности. Из 10 произведений искусства малых форм только 4 бесспорно в вертикальном положении. Здесь авторы допустили в исследовании методическую ошибку, смешав воедино различные и по жанру, и по хронологическому положению типы изображений. Произошло же это потому, что все их размышления были подчинены идее доказать произвольную вертикальность: коль скоро «оранты» находятся в горизонтальном положении, значит, они не «оранты». Досадно упущение статуэтки из Гагарина с поднятыми к лицу руками, которая вместе с фигуркой человека из Ложери-Бас не может быть помещена в иное, чем вертикальное, положение.

Авторы замечают, что изображения людей из Ла Марш позволили им приступить к пересмотру этой проблемы. Разнообразие поз показывает, что фигуры из Ла Марш не являются ни застывшими, ни стереотипными, поэтому поза «оранты» должна быть подвергнута сомнению. «Горизонтальная оранта» — «женщина с оленем» из Ложери-Бас — создала прецедент, который может иметь свое продолжение в Ла Марш. Трем фигурам из Ла Марш (37 I, 40 и 48) можно придать желаемую ориентацию, чтобы эти фигуры получили горизонтальное положение. Можно ли тогда настаивать, что «оранты» находятся в позе мольбы, и не будет ли их жест иметь другое значение? На наш взгляд, помещение изображений в горизонтальное положение является чисто произвольным. Такой позе противоречит рисунок конечностей: если бы фигуры лежали на спине, ноги были бы подняты вверх, такая акробатическая поза для массивных ног ничем не оправдана; если на животе — то фигуры стояли бы на четвереньках и положение рук было бы крайне неудобным. Вместе с тем остаются фигуры с поднятыми руками, например мужской персонаж (60 I), которому при всем желании нельзя придать горизонтальное положение. Поэтому представляется, что проблему «орант» независимо от того, какое содержание за ними скрывается, нельзя считать решительно отвергнутой.

Глава VII носит название «Морфология доисторического человечества». Авторы отмечают, что в течение 80-летнего накопления фактов неоднократно делались попытки каталогизировать изображения человека, но очень мало сделано в области анализа анатомических форм. Э. Пьетт рассматривал искусство как верную реплику натуры и поэтому старался различать характерные антропологические черты как в гравюре, так и в скульптуре. Ж. Люке установил морфологическую классификацию лишь «палеолитических Венер». Стремясь уничтожить «дискриминацию» других изображений, авторы начинают свой анализ с мужских фигур. Они справедливо отмечают, что характерные мужские изображения, имеющие истинно человеческую форму, редки и те, что воспроизводились, почти не снабжены комментариями. Иное дело антропоморфные и антропозооморфные существа, особенно снабженные мужским знаком пола, которые обычно рассматриваются как «замаскированные» или

«колдуны». Эти изображения ни в коей мере не способствуют знанию палеолитической мужской анатомии. Умышленно звероподобные или замаскированные головы этих персонажей не реальны. Контуры тела трактованы суммарно. Перечисляя известные мужские изображения (странно отсутствие в этом перечне выразительных мужских фигур из Брно и Холенштайн-Штадель), авторы отмечают, что только изображения из Ла Марш с их бородатыми лицами дают если не портрет, то по крайней мере мужчин, достойных этого названия. «Они не отличаются от нас, и это не могло быть иначе» (с. 93).

Что касается изображений женщин, то художники выразили в этой области искусства то разнообразие, которое, несомненно, должно было существовать у их современниц. Но невольно в нашем сознании облик палеолитической женщины сложился под влиянием первых находок женских статуэток, и в первую очередь фигурок из Виллендорфа и Леспюг. Сила воздействия этих образов столь велика, что они неотступно приходят на память, когда говорят о человеческих изображениях палеолита. И это естественно. Из всего палеолитического репертуара женские статуэтки и по своему числу, и по своей природе не могут не производить впечатления, несмотря на неопределенность, с которой связано нахождение большей части их в Западной Европе. Авторы объясняют их воздействие также бесчисленными публикациями, как научными, так и популярными: «статуэтки отпечатаны в визуальной памяти на манер бесчисленных рекламных панно» (с. 93). Авторы цитируют обобщенное описание палеолитической женщины, сделанное А. Леруа-Гураном, и подвергают его детальному критическому разбору. С одной стороны, непонятно столь придирчивое внимание к одному из многочисленных описаний женского образа, а с другой стороны, А. Леруа-Гуран, создавая набор характерных черт, несомненно, имел в виду все статуэтки Евразии, в то время как авторы часто не принимают во внимание чехословацких и русских находок. Он дал описание женского образа, представленного в палеолитическом искусстве, а не морфологию тела палеолитической женщины. Учитывая это обстоятельство, можно принять конечный вывод авторов: «Доисторическая женщина, судя по искусству, не имела ничего очень отличного от того, что мы знаем у наших современниц, учитывая свободу выражения одних художников и особые намерения других» (с. 99).

Очень интересны и вполне приемлемы мысли авторов о стилизованных женских изображениях. Они замечают: «По мнению некоторых, изобразительное искусство после того, как достигло своего апогея, эволюционировало к стилизации форм, чтобы дегенерировать вплоть до своего исчезновения. Факты не дают такой схематической упрощенности» (с. 100). Рассмотрение многочисленных женских изображений в различной степени стилизации приводит авторов к правильному, на наш взгляд, заключению, что стилизация женского тела была применена художниками очень рано и не является признаком упадка искусства. Вполне возможно, что стилизация наиболее широко распространилась в конце палеолита, но ее понятие и реализация столь же древние, как и зарождение искусства.

Глава VIII посвящена сюжету «Половые связи в палеолитическом изобразительном искусстве». Большое внимание, уделенное авторами этому вопросу, связано с полемикой против взглядов А. Леруа-Гурана. Известно, что в палеолитическом искусстве очень многочисленны изображения человеческих тел, суммарных, лишенных знака пола. И вместе с тем имеются изолированные воспроизведения половых органов. Однако во всем палеолитическом искусстве неизвестно ни одной сцены человеческого коитуса, более того, нет ни одного случая, чтобы итифаллическая мужская фигура была в непосредственном соседстве с женской фигурой [3]. А. Леруа-Гуран упоминает только три дискуссионных сцены — гравюры из Комбарелль, где две задние части тел бизонов из-за перекрывания фигур напоминают человеческую пару; барельеф с антиподально расположенными фигурами из Лоссель и гравированную плитку из Ла Марш, представляющую женщину в фас, в которой А. Брейль видел два сплетенных персонажа в профиль. Именно эта последняя, названная А. Брейлем «брачным свидетельством», и является предметом дискуссии. Авторы замечают, что «отсутствие прецедента не может быть аргументом, поскольку иконография Ла Марш ока-

[3] *Leroi-Gourhan A.* Préhistoire de l'Art occidental. Paris, 1965, p. 90.

залась необычной» (с. 110). Однако изображение настолько затеряно в сложном переплетении бесчисленных линий, что возможны самые различные толкования. Кажется, под влиянием идеи авторам изменяет их обычная объективность, но можно признать их право на собственное мнение. Убедительных доказательств наличия «брачных сцен» ни на этой плитке, ни на других не наблюдается, и поэтому, склоняясь к точке зрения А. Леруа-Гурана, мы считаем, что, пока не будет бесспорного свидетельства, ее нельзя считать опровергнутой. Бесспорным не является и новое прочтение авторами «женщины с оленем» из Ложери-Бас. Над телом лежащей женщины они видят предельно суммарный, по их определению, согнутый человеческий силуэт с округлой головой. Сцена якобы имеет странное сходство с гравюрой из Ла Марш. Но трудно усмотреть не только сходство, но и человеческую фигуру в двух изогнутых тонко процарапанных линиях (при осмотре кости я не увидела контура головы). Форма линий и техника их нанесения вряд ли могут быть связаны с сюжетом изображения.

В главе IX «Иконография, ее природа и ее основы, ее взаимоотношение с топографией» рассматривается важный вопрос о характере памятника. Наличие двух очагов, расколотых костей животных, обилие каменного и костяного инвентаря, украшения из резцов лошади свидетельствуют, что грот служил жилищем. Вместе с тем в культурном слое сохранилось более 1500 гравированных камней всех форм и размеров: крупные и мелкие плитки, блоки, камни. Гравировки представляют собой фигуры людей и животных и множество переплетенных, по-видимому, неорганизованных линий. Единственным аналогом Ла Марш является открытая стоянка Лимейль в Дордони, где вместе с обильным инвентарем финального мадлена находилось более сотни плиток, тонко гравированных фигурами северных оленей, лошадей и быков. Авторы ставят вопрос: правомочно ли называть эти памятники «мастерскими искусства» или «школами искусства», как это делали их первооткрыватели? Число и качество произведений делают эти названия справедливыми, но «школы» или «мастерские» должны обеспечивать распространение произведений искусства в более или менее обширном районе, оказывать влияние на их стиль и технику выполнения в соседних памятниках. Однако ничто в окрестностях Ла Марш не позволяет при настоящем уровне знаний подтвердить это. До более полной информации можно считать, что все гравировки в Ла Марш были созданы только для самих себя, на крайне ограниченном пространстве. Интенсивное передвижение обитателей под узким скальным навесом неизбежно вело к утаптыванию и разбиванию гравированных камней, если они были так же расположены в ту эпоху, как найдены, т. е. почти повсюду. Помимо намеренного раскалывания можно говорить и об определенной небрежности обитателей, мало совместимой с понятием святилища, приписываемого глубоким пещерам. К сожалению, очень мало известно о расположении плиток во время раскопок (не особенно квалифицированных). Возможно, плитки имели какой-то порядок в расположении, были организованы в панно, имеющие смысловое значение, но это только предположение. Справедливо замечание авторов, что иконография малых форм по самой своей природе может рассматриваться как рассеянные листки и очень трудно доказать намеренность положения, в котором они найдены. Наскальная же иконография зафиксирована, собрана в виде листков, сброшюрованных в книгу. Даже если некоторые страницы переставлены или исчезли, остается неизменная канва (с. 139). Вопрос о том, был ли грот Ла Марш святилищем, остается открытым.

Глава X «Палеолитическая иконография человека. Ее художественные жанры и ее персонажи, их отношения между собой и топографией», как видно из названия, представляет классификацию и сравнительный анализ всего известного репертуара человеческих изображений палеолита. Изображения подразделены на две серии в зависимости от их географического положения по обе стороны от 10° в. д. по Гринвичу. Внутри их авторы различают изображения реалистические: мужские, женские и человеческие, пол которых не определен; изображения гуманоидные — те, которые обычно считают грубыми, несовершенными, даже гротескными и называют антропоидными; изображения сложные или составные (composites), которые сочетают определенный человеческий облик с атрибутами разных животных («переодетые», «танцоры», «шаманы» или «колдуны»), объединяемые названием антропозооморфы.

Эти ансамбли подвергнуты всестороннему сравнительному анализу с подсчетом процентных соотношений, представленных в таблицах. Можно не соглашаться с тем или иным определением или включением в ту или иную группу, можно сетовать, что далеко не все материалы учтены (особенно это касается восточной группы) и что приведенная параллелизация запад — восток не является точной, но в целом такой анализ, основанный на каталоге (глава XII), данном со схематическими рисунками и библиографическими ссылками, имеет чрезвычайно важное значение.

Вызывает восхищение и альбом изображений из Ла Марш, состоящий из 175 таблиц вне текста и содержащий не только фотографии, часто превосходного качества, но и аналитический результат прочтения каждого фаса плиток — прорисовки с многочисленными вариантами, свидетельствующими об исключительной научной скрупулезности. Стоит перелистать этот альбом, чтобы воочию убедиться в том огромном труде, который вложен авторами в дешифровку изображений. Таблицы сопровождаются описанием предмета с исчерпывающей библиографией. Значительная часть рисунков не была издана полностью или частично и теперь впервые прочитана авторами.

Глава XI «В виде заключения» предшествует альбому и каталогу и подводит краткие итоги всей проделанной работе, имеющей не только источниковедческое значение. Тщательный всесторонний анализ источников позволил авторам по-новому осветить сложнейшие проблемы палеолитического искусства, и хотя исследование ставит больше вопросов, чем их разрешает, осторожность авторов оправдана. Они не настаивают на той или иной версии, но снабжают читателя обширным материалом для размышлений.

З. А. Абрамова

Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., «Наука», 1977. с. 216, рис. 54

Территория Прибалтики, особенно Восточной, всегда занимала большое место в археологических, историко-этнологических и антропологических исследованиях. Это объясняется рядом обстоятельств — сложностью палеогеографической истории, сравнительно поздним заселением, хронологически ограничившим роль расовых, языковых и культурных смешений, разнообразием и разнонаправленностью миграционных потоков. Накопленная информация разбросана по сотням трудов и, хотя и была неоднократно предметом обобщения, нуждается в дальнейшем анализе и более глубокой систематизации.

Все эти обстоятельства сразу же подчеркивают актуальность работы Л. В. Кольцова, предпринявшего систематизацию археологических памятников и полученных при их раскопках материалов на хронологическом рубеже, как раз следующим за этапом заселения Прибалтики человеком. Этот рубеж характеризовался уже оформлением стойких культурных традиций, нашедших отражение в многообразных историко-культурных комплексах, частично территориально сосуществовавших на протяжении выбранного для анализа отрезка времени. Естественно, что такая ситуация еще и в силу обилия раскрытых памятников доступнее для однозначной интерпретации, чем предшествующая эпоха заселения, характеризовавшаяся, очевидно, как это демонстрируют более многочисленные материалы по Скандинавии, а также известная информация об азиатской и американской Арктике, некоторой «смазанностью» культурных традиций и неотчетливостью границ между отдельными типологическими комплексами. Видимо, роль случайных движений населения в процессе заселения любой территории достаточно велика, что, кстати сказать, демонстрируется и этнографическими данными [1].

[1] Интересны в этом отношении предания эскимосов о людях и группах людей, случайно унесенных на льдинах на далекие расстояния от мест своего жительства и включенных в состав других групп. Предания эти наиболее полно собраны и опубликованы К. Расмуссеном: *Rasmussen K.* Intellectual culture of the Iglulik Eskimos. Copenhagen, 1932; *idem.* The Netsilik Eskimos. Social life and spiritual culture. Copen-

Фантастически быстрое накопление эмпирических наблюдений давно уже сделало составление добросовестных сводок одним из самых важных моментов науки сегодняшнего дня. Книга Л. В. Кольцова представляет собою прекрасный пример такой сводки, опирающейся на охват огромной литературы предмета, самостоятельную проработку музейных коллекций и частично собственные введенные в науку материалы. При этом автор не ограничивается сведением материалов из более частных региональных сводок, которых по этому району немало и которые посвящены отдельным локальным областям, но доходит до первоисточников, что хорошо фундирует всю эмпирическую базу исследования. Охвачено огромное число памятников, что видно и из текста, и из сопровождающих его карт.

Но исследование Л. В. Кольцова — не только сводка материалов, пусть по большому и интересному району и важному хронологическому периоду. Исторические события динамики археологических культур широко сопоставляются с фактами изменения природных условий и вообще рассматриваются на фоне геологической истории и палеографической обстановки района. За типологией каменного инвентаря автор пытается, где возможно, увидеть хозяйственную деятельность и реконструировать ее основные формы. Переселения носителей тех или иных культур и распространение тех или иных культурных элементов фиксируются не сами по себе, а в увязке с вызвавшими их социальными и географическими причинами. Одним словом, перед нами в лучшем смысле слова историческое исследование комплексного профиля.

В этом комплексном исследовании много частных моментов, привлекающих внимание в то же время своей важностью в историко-культурной реконструкции. Мы знаем, какую важную роль играют находки янтаря в оценке обменно-культурных связей между отдельными группами древнего человечества. Немалая роль в этом отношении принадлежит и сорту кремня. Автор тщательно суммирует имеющуюся информацию и последовательно восстанавливает направления культурной диффузии в межкультурных и внутрикультурных контактах. К числу несомненных достоинств работы относится и строго планомерная оценка конкретного влияния тех или иных географических факторов на расселение и хозяйственную динамику человеческих коллективов. Географические условия учитываются не спорадически, не от случая к случаю, как это, увы, еще встречается на страницах исторических работ, а с полным пониманием многосторонности связей, существующих и постоянно вновь возникающих в процессах взаимодействия общества и природы на всех этапах развития этого взаимодействия. Конкретно это выражается в указании на бедность песчаных дюнных почв как на задерживающий фактор в переходе к земледелию (здесь еще можно было бы назвать и высокую влажность климата), в демонстрации связи расселения свидерских племен с экологией и миграциями северного оленя, точнее говоря, с уменьшением и перемещением на северо-восток его ареала и т. д. Примером комплексной оценки географической среды под углом зрения ее значимости для жизни человеческих коллективов является и рассмотрение проблемы происхождения янисла вицкой культуры: культура эта поставлена в связь с культурой маглемозе, а ее отличия от маглемозе и развитие в пределах нового ареала объясняются последовательной цепью причин, в основании которой лежит неотектоника, палеографически и геологически фиксируемое опускание суши в районе Датских проливов в VII тысячелетии до н. э., а другой конец которой составляют перенаселенность и избыточная миграция, которые и привели в конечном итоге к перенесению традиций культуры маглемозе на новые территории.

Отмечу еще два, с моей точки зрения, чрезвычайно важных момента. Первый из них — предлагаемая типология наконечников свидерского типа: пионерский, насколько мне известно, достаточно фундированный опыт в этом отношении заслуживает всяческого внимания. Второй — ограниченность метода геоморфологической привязки памятников, конкретно говоря, привязки их к речным и озерным террасам в датирующих целях. Неотектонические движения в хронологических пределах голоцена в Прибалтике, шире говоря, в пределах северного побережья Европы и Скан-

hagen. 1931; *idem*. Intellectual culture of the Copper Eskimos. Copenhagen. 1932; *idem*. The Mackenzie Eskimos. Copenhagen. 1942; *idem*. The Alaskan Eskimos. Copenhagen, 1952.

динавии вообще, движения, нарушавшие последовательность локализации памятников в том виде, в каком она фиксируется нами сейчас, продемонстрированы на ряде убедительных примеров. Противоречия локальной привязки с археологически устанавливаемой периодизацией и радиокарбоновыми датами в ряде случаев справедливо подчеркивают крайнюю необходимость осторожности, с какой следует всегда относиться к современному географическому положению памятника: ведь тектонические движения для многих районов ойкумены в принципе вообще явление достаточно распространенное, и они могли иметь место там и тогда, когда геологи и палеогеографы их пока не фиксируют.

Все сказанное нацелено на то, чтобы продемонстрировать фундаментальность рецензируемого труда и большой вклад, сделанный автором в понимание раннеголоценовой истории населения Прибалтики. Добавлю к этому несколько дополнительных соображений, оттеняя те моменты, аргументация вокруг которых могла бы быть расширена, а трактовка которых представляется мне иногда спорной. Прежде всего два общих замечания. Автор в начале исследования так формулирует свой подход к оценке границы между финальным палеолитом и мезолитом: «Под мезолитом применительно к лесной зоне мы понимаем историческую эпоху между палеолитом и неолитом, характеризующуюся значительным развитием индивидуальной охоты, становлением постоянного рыболовства и, возможно, усложненного собирательства в хозяйстве и окончательным оформлением племенных сообществ в социальном устройстве» (с. 5). Последняя часть этой формулировки подразумевает, по-видимому, насколько я понимаю, оформление племен в социальной структуре мезолитического общества в целом. Дело, однако, не в этом. Важнее, как кажется, то обстоятельство, что среди неолитических культур тоже были такие, которые вполне могли бы подойти под это определение,— разница их с мезолитическими лишь в том, что они не занимали промежуточного места между палеолитом и мезолитом, т. е. что их хронологическая позиция была другой. Какие-то типологические характеристики, очевидно, необходимы в дополнение к цитированной формулировке.

Я не понял, какое содержание автор вкладывает в выделяемые им этапы развития отдельных культур. Этапов таких обычно три, что само по себе заставляет относиться к ним с осторожностью. Если этап в развитии культуры есть выражение каких-то социальных трансформаций, происходящих внутри соответствующего общества, то число таких этапов должно быть неодинаково в ходе развития разных культур и должно определяться конкретными условиями жизни именно данного общества. Если же мы вносим в оценку какие-то категории оценки уровня развития, скажем, «начало» или «оформление», «расцвет», «упадок», то что нам это конкретно дает в понимании именно данной культуры, а не какой-нибудь иной?

Рассматривая могильник Звейниеки в Латвии, Л. В. Кольцов пишет о наличии в составе населения, оставившего могильник, двух комбинаций морфологических признаков, одна из которых типично европеоидна, а другая сдвигается в монголоидном направлении. Он ориентируется на капитальную книгу Р. Я. Денисовой по палеоантропологии Прибалтики и ее предварительные публикации [2] (в списке литературы, правда, ни книги, ни предварительных публикаций нет). При этом не учитывается очень существенная в историческом отношении оценка результатов Р. Я. Денисовой, произведенная И. И. Гохманом, показавшим, во-первых, условность морфологической границы между этими двумя комплексами, а во-вторых, что важнее, неубедительность трактовки второго из них в качестве несущего в своем составе монголоидную примесь [3].

На карте распространения памятников аренсбургской культуры (с. 55) выделены две группы. Автор объясняет их распространение в бассейнах Одера и Немана тем, что в бассейне Вислы, по его мнению, густо концентрировалось свидерское население. Однако на карте свидерского ареала (с. 93) видно, что наибольшая концентра-

---

[2] *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975. Предварительные публикации: *Денисова Р. Я.* Антропологический состав и генезис мезолитического населения Латвии.— СЭ, 1973, № 1; *ее же.* Антропология древних и современных балтов. Автореф. докт. дис. М., 1973.

[3] *Гохман И. И.* Рец.: *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975.— СЭ, 1976, № 6.

ция свидерских памятников падает опять на бассейн Немана, а не на Вислу и ее притоки. Хотелось бы мне пожелать и большей иллюстративной оснащенности главе, посвященной палеогеографии исследованного района.

Совершенно естественно, что ни одна сколько-нибудь крупная работа, вносящая новую информацию (информацию в широком смысле слова, т. е. не только новые факты, но и новую их трактовку), не принимается специалистами безоговорочно — так принимаются только пустые работы. Сделанные замечания имеют характер таких оговорок и сами по себе свидетельствуют о том, что рецензируемая книга Л. В. Кольцова и обширна по фактическому материалу, и интересна по выводам, и фундированна в части аргументов. Это капитальная монография, вносящая большую новую информацию и представляющая собою значительный вклад в литературу по археологии поздних этапов каменного века Северной Европы.

В. П. Алексеев

Patay P. Das Kupferzeitliche Gräberfeld von Tiszavalk—Kenderföld. Akadémia Kiado. Budapest, 1978, 60 S., XVII Taf., 54Abb.

Рецензируемая книга представляет собой том серийного издания Fontes archaeologici Hungariae. Она посвящена публикации могильника Тисавалк-Кендерфёлд бодрогкерестурской культуры эпохи позднего энеолита, расположенного в среднем течении Тисы.

Бодрогкерестурская культура относится к широкому кругу земледельческих культур эпохи энеолита, куда входит и находящаяся на территории нашей страны трипольская культура.

Могильники, являющиеся почти единственным источником изучения этой культуры, известны в довольно большом количестве, им посвящен ряд публикаций и монографий [1]. Книга П. Патаи существенно дополняет имеющиеся работы благодаря интересным материалам, которые вводятся в научный оборот, и ряду ценных наблюдений, позволяющих судить о локальных и хронологических особенностях памятника, а также характерных деталях погребального обряда. Материалы могильника могут быть использованы при решении проблем социальной организации общества земледельцев энеолита.

Книга П. Патаи состоит из введения и пяти глав. Наиболее обширная глава посвящена характеристике 57 погребений, раскопанных в 1966, 1967 и 1975 гг. Публикация памятника имеет все основания считаться полной. Погребения и инвентарь описаны с большой подробностью, почти каждое погребение иллюстрировано чертежом, а некоторые также и фотографией. Таблицы отражают весь инвентарь и дают о нем точное представление.

В главе, посвященной погребальному обряду, следует отметить интересные наблюдения, сделанные автором над позами погребенных. Нередко степень их скорченности столь велика, а могильная яма имеет столь малые размеры (погр. 12, 43), что это заставляет предполагать, что погребение производилось, когда суставы становились подвижными. Таким образом, захоронение совершалось через некоторое время после смерти. И. Богнар-Куциан считает, что длительность этого промежутка могла быть иногда довольно значительной, так как в некоторых погребениях нарушение анатомического порядка костей позволяет полагать, что разложение в момент погребения зашло достаточно далеко [2].

Для могильника Тисавалк-Кендерфёлд характерно положение погребенных по оси З — В с сильным отклонением к СЗ — ЮВ. Ориентировка З — В и отклонение к СЗ — ЮВ характерны и для других могильников северной части Венгерской равнины, в Тисавалке же это отклонение больше обычного. Автор считает это локальной особенностью данного памятника.

---

[1] *Hillebrand I.* Das Frühkupferzeitliche Gräberfeld von Pusztaistvanhaza.— AH., v. IV, 1929; *Bognár-Kutzián I.* The Copper Age Cemetery of Tiszapolgar-Basatanya.— AH. v. XLII, 1963; *Hillebrand I.* A bodrogkeresztúri ásatásokrol.— Anthropologia Hungarica, v. I, 1923.

[2] *Bognár-Kutzián I.* Op. cit., p. 367.

П. Патаи выделяет две группы погребений — А и В — с ориентировкой соответственно к З — СЗ и к В — ЮВ. Более многочисленные погребения группы В (с восточной ориентировкой) локализуются в южной и восточной части могильника. В эту же группу В входят самые богатые погребения (29, 21, 28, 40), как мужские, так и женские. По-видимому, дело здесь не просто в переходе к другой ориентировке, как считает П. Патаи (с. 58). В таком случае не поддается объяснению сохранение системы планировки в южной части могильника, где соседствуют погребения обеих групп,— здесь могилы образуют те же правильные ряды, идущие в направлении СЗ — ЮВ и ЮЗ — СВ независимо от ориентировки. Возможно, различие ориентации погребенных отражает какое-то внутреннее деление коллектива, которому принадлежал могильник (фратрии, дуально-экзогамная система?).

Положение костяка всегда определяется полом погребенного (мужчины хоронились на правом, женщины — на левом боку), что характерно для всех могильников культуры Бодрогкерестур. Инвентарь мужских и женских погребений различен. П. Патаи считает, что по инвентарю можно безошибочно определять пол в детских захоронениях (с. 36). В мужских захоронениях встречаются каменные и медные топоры, медные шилья и иглы, кремневые ножи, скребки, сверла, наконечники стрел, медные браслеты, амулеты из кабаньего клыка и челюсти свиньи. Для женских погребений характерны золотые подвески, низки мраморных бус, песты, зернотерки, так называемые «цветочные вазы» — сосуды горшковидных форм, и сосуды с крышками, по-видимому, связанные с приготовлением пищи. Подобное различие инвентаря мужских и женских погребений характерно и для других сходных памятников. Однако целый ряд исключений показывает, что этот признак не может использоваться как безусловный показатель пола погребенных. В могильнике Тисаполгар-Башатанья в женских погребениях, относящихся к бодрогкерестурскому периоду, встречаются кремневые орудия труда — ножи и скребки (погр. 85, 87, 90, 113, 123), медные браслеты (погр. 87 — два экземпляра) и даже челюсть свиньи (погр. 85). Есть исключения и в положении костяков. В том же могильнике отмечены два женских погребения на правом боку (86 и 113) и семь мужских погребений на левом боку (7, 70, 106, 135, 137, 140, 146) [3].

При исследовании могильника Тисавалк-Кендерфёльд не делались определения возраста погребенных. Между тем это, вероятно, позволило бы проследить ряд закономерностей в распределении инвентаря среди различных возрастных групп и сделать некоторые выводы об их социальном статусе. На примере могильника Тисаполгар-Башатанья можно говорить о том, что среди мужских погребений по богатству и разнообразию инвентаря выделяются захоронения индивидуумов в возрасте около 35 лет, а также старше 50 лет. Погребения мужчин моложе 25 лет самые бедные и, как правило, содержат только две категории вещей — кремневые ножи и сосуды. Среди женских погребений наиболее богатыми как по разнообразию набора вещей, так и по количеству сосудов оказываются, напротив, захоронения индивидуумов молодого возраста — 18—30 лет.

Почти обязательной принадлежностью каждого погребения являются так называемые «молочные кринки», они встречены в 93,5% могил (с. 37). Эта форма широко распространена в бодрогкерестурской культуре. Она является датирующей: время ее появления — средний энеолит. Много в могильнике и мисок различных форм (встречены в 81% погребений). Интересно, что миски весьма распространены в погребальном ритуале позднетрипольских племен (Выхватинский могильник, Усатовские курганы) и культуры Гумельница (могильник Голямо-Делчево). Известны в Триполье и «молочные кринки», хотя и не в погребальных комплексах [4]. Частая взаимовстречаемость этих двух форм сосудов несомненно указывает на их тесную функциональную связь, что подтверждается и случаями нахождения мисок в устьях кринок (20 случаев).

В главе, посвященной типологии погребального инвентаря, П. Патаи подробно разбирает все типы вещей, привлекая многочисленные аналогии из других могильников культуры Бодрогкерестур.

---

[3] *Bognár-Kutzián I.* Op. cit.

[4] *Титов В. С., Маркевич В. И.* Новые данные о западных связях позднего Триполья.— СА, 1974, № 3.

Убедительны попытки установить длину рукояти топоров, исходя из их местоположения в могильной яме. Было бы интересно сравнить результаты этих измерений с вычислением длины рукояти топора по способу В. А. Желиговского и В. П. Левашовой [5]. Автор считает оба боевых топора — медный и каменный, найденных в богатом погребении 29, знаками власти. В случае с медным топором это мнение подтверждается отсутствием на лезвии следов использования, но о каменном топоре этого не сказано. К тому же расположение их различно: рукоять медного топора находилась в руках погребенного, а каменный топор — за его спиной. Так же расположены и приводимые в качестве аналогии топоры из погребения 66 в Мадьярхоморог. Такое постоянство в размещении топоров приводит к мысли об их функциональном различии. Если медный топор можно считать парадным предметом, знаком власти, то каменный, видимо, являлся настоящим оружием, имевшим практическое употребление. Можно было бы довольно просто решить этот вопрос, достаточно исследовать рабочую часть каменных топоров под бинокулярной лупой.

В могильнике довольно часто встречаются украшения. Пожалуй, наиболее интересное из них — золотая подвеска, найденная в погребении 40 (захоронение девочки). Подобные подвески известны в культуре Бодрогкерестур. П. Патаи приводит аналогию из могильника Ясладань, погребение 16, где найдены две таких подвески [6]. Широкое распространение золотых подвесок такого типа в Карпатском регионе в различных культурах эпохи среднего и позднего энеолита [7] может послужить материалом для хронологических сопоставлений этих культур. Подобная работа была предпринята Г. Думитреску [8], но некоторые предположения этого автора не могут быть приняты в настоящее время. Так, в связи с общим удревнением энеолита Юго-Восточной Европы гипотеза о происхождении золотых подвесок данного типа от скрипкообразных идолов Трои II—III оказывается несостоятельной. Видимо, подвески являются местной формой, возникшей в культуре Бодрогкерестур самостоятельно, как писал П. Патаи в 1944 г. [9] Сырье для изготовления подвесок, скорее всего, могло поступать из Трансильвании. Доказательством контактов этих двух регионов в рассматриваемую эпоху является находка типичного бодрогкерестурского сосуда в Тыргу Муреш. Таким образом, подвеску, найденную в Траяне в жилище $^{1}/_{4}$ [10], вероятно, следует считать импортом. Хронологическая позиция этой находки не противоречит такому мнению — период Кукутени АВ синхронизируется с Бодрогкерестуром, а также с концом Гумельницы А и началом Гумельницы В [11]. Последнее соотношение ставит под сомнение тезис Г. Думитреску о более раннем производстве золотых подвесок данного типа в Гумельнице [12], так как находка подвески в слое А2а Гумельницы в свете приведенной синхронизации не может служить доказательством хронологического первенства гумельницких подвесок перед бодрогкерестурскими.

П. Патаи устанавливает определенные закономерности положения различных категорий инвентаря в могильной яме. Так, кремневые ножи в 85% случаев помещаются у головы погребенного; наконечники стрел чаще всего в ногах, возле рук и в области живота. Амулеты из клыков кабана в обоих случаях (погр. 29 и 48) лежали вместе с мелкими предметами — шильями, скребками — за спиной погребенного, образуя компактные скопления. Вероятно, все эти вещи были положены в мешочек. Подобные случаи встречаются и в Тисаполгар-Башатанье. Еще более на-

---

[5] *Желиговский В. А.* Эволюция топора и находки на Метрострое.— В кн.: По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936; *Левашова В. П.* Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни. X—XIII вв.— Тр. ГИМ, № 32, 1956. с. 45.

[6] *Patay P.* Rézkori temetö leletei Jászladányból.— AE, ser. III, 1944—1945, vol. V—VI, pl. V. *18*; VIII. *15*.

[7] *Bognár-Kutzián I.* The Beginning and Position of the Copper Age in the Carpatho-Pannonian Region. Actes du VIII congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques. Beograd, 1973.

[8] *Dumitrescu H.* Connections between Cucuteni-Tripolie cultural Complex and the neighbouring eneolithic Cultures in the Light of the utilization of golden pendants.— Dacia, v. V, 1961.

[9] *Patay P.* Op. cit., s. 183 old.

[10] *Dumitrescu H.* Op. cit.

[11] *Bognár-Kutzián I.* The Beginning and Position....

[12] *Dumitrescu H.* Op. cit.

глядно постоянство размещения некоторых категорий керамики. Так, молочные кринки в 73% случаев находились перед лицом погребенного, а крупные горшковидные сосуды — всегда в ногах. Нахождение низок мраморных бус на поясе скорее связано с костюмом, чем с погребальным ритуалом. Судя по их расположению, бусы нашивались на пояс.

Таким образом, высокая степень унификации погребального обряда выражается не только в стандартности позы и ориентировки погребенных, различном положении мужчин и женщин, планировке могильника правильными рядами, но и в том, что многие категории инвентаря имеют свое четко определенное место в могильной яме.

В пяти погребениях встречены челюсти дикой и домашней свиньи. П. Патаи считает эти предметы культовыми, имеющими магическое назначение, и пишет, что их ритуальная роль подтверждается широким распространением челюстей свиньи в погребениях периода раннего энеолита и исчезновением в позднем энеолите (с. 48, 49). Более обоснованной кажется точка зрения И. Богнар-Куциан, которая считает челюсти свиньи, находимые почти в каждом мужском погребении культуры Тисаполгар (в женских и детских могилах они отсутствуют), отражением тотемистических воззрений [13]. К заупокойной пище челюсти не могут быть отнесены; в тех же могилах присутствуют кости овцы, козы и других животных. Тот факт, что в могильнике Тисаполгар-Башатанья в период культуры Бодрогкерестур челюсти свиньи встречаются в мужских погребениях редко и вместе с тем появляются в женских могилах, можно связывать с постепенным стиранием их тотемистического значения: то, что раньше считалось неотъемлемой и исключительной принадлежностью захоронения мужчины-охотника, начинает использоваться в погребальном ритуале вообще. Именно в период среднего энеолита в бодрогкерестурской культуре ритуально-тотемистическое значение челюстей свиньи сомнительно.

Следует отметить, что употребление терминов «магический» и «ритуальный» у П. Патаи не совсем четкое. Магическими предметами он считает браслеты из мраморных бус (с. 46), подвеску из зуба оленя (с. 47), челюсти свиньи, цветные гальки округлой формы (с. 49). Между тем ни об одном из перечисленных предметов нельзя с уверенностью сказать, что он употреблялся для совершения магических церемоний,— а только к таким вещам приложимо слово «магический». Вместе с тем само нахождение предмета в могиле отражает его использование в погребальном ритуале, так что весь погребальный инвентарь в какой-то мере «ритуальный». Видимо, следует очень осторожно пользоваться этими определениями.

Керамическому комплексу могильника Тисавалк посвящена отдельная глава. Каждой категории сосудов (кринки, миски, кубки на полой подставке, «вазы») даются определения, внутри категорий выделяются типы, приводятся аналогии. В целом керамика Тисавалка обычна для бодрогкерестурской культуры как по формам, так и по орнаменту — в основном он состоит из прочерченных меандров и зигзагообразных узоров. Интересен двуручный кубок из погребения 37 (табл. XI, *2*). П. Патаи ссылается на И. Богнар-Куциан, которая считает появление этой формы в культуре Бодрогкерестур результатом влияния Эгейского культурного региона, распространявшегося через Балканы (с. 50). Обращают на себя внимание несколько сосудов, найденных в разрушенных погребениях (рис. 53, 54) и в погребениях 39 и 43 (табл. XI, *10*; XIII, *7*). Все они, по мнению П. Патаи, связаны с воздействием группы Хуньяди-халом (с. 51, 52). Миска и кубок с двумя ручками из разрушенных погребений прямо связываются с этой группой по форме ушек, а также по изогнутому краю венчика кубка. Глубокая связь и взаимовлияние двух соседних культур подтверждается находками в обычных бодрогкерестурских погребениях Тисавалка мисок с орнаментацией рельефными валиками (погр. 39 и 43), не характерной для Бодрогкерестура и распространенной в группе Хуньяди-халом.

В главе «Вопросы хронологии» П. Патаи в основном рассматривает соотношение культуры Бодрогкерестур с группой Хуньяди-халом и приходит к выводу, что могильник Тисавалк относится к финальной стадии Бодрогкерестура. Элементы группы Хуньяди-халом отмечены в погребениях 39, 43, 44, 51, включенных в группу В с восточной ориентировкой, которую автор считает более поздней, чем ориентировка

[13] *Bognár-Kutzián I.* The Copper Age Cemetery..., p. 382—385.

к западу. Однако поздняя датировка группы погребений В не находит подтверждения при сравнении ее керамического комплекса с керамикой группы А. П. Патаи пишет, что ни по керамическим формам, ни по топографии погребений не удается установить какой-либо хронологической последовательности захоронений (с. 55). Это заставляет еще раз усомниться в правомерности деления могильника на две хронологические группы, тем более, что сам автор считает свои материалы приблизительно одновременными и датирует весь могильник в целом поздней фазой Бодрогкерестура, или концом среднего энеолита. Вопросов хронологического соотношения с другими культурами П. Патаи не касается, хотя кажется небезынтересным сопоставление такого позднего памятника, как Тисавалк, с культурами конца энеолита на соседних территориях — Кукутени-Триполье, Гумельница, имеющими разработанную периодизацию. При этом, возможно, удалось бы уточнить хронологическую позицию не только золотых подвесок, но и редкой для Бодрогкерестура находки двуручного кубка из погребения 37.

В главе, посвященной социальным вопросам, П. Патаи излагает свою точку зрения на длительность функционирования могильника и численность группы населения, которой он принадлежал. Считая разрушенную часть могильника примерно равной сохранившейся, П. Патаи предполагает, что количество погребений приближалось к ста. Видимо, могильник функционировал в течение жизни 2—3 поколений, что подтверждается единообразием керамического комплекса. В таком случае, по мнению П. Патаи, численность коллектива, которому принадлежал могильник, следует определять в 30—40 человек.

Выше уже упоминалось о резком различии в инвентаре мужских и женских погребений. П. Патаи считает, что это явление отражает высокую степень дифференциации труда — мужчины занимались охотой и рыболовством, женщины — приготовлением пищи (с. 56, 58). Поскольку кости различных видов домашних животных встречаются часто и в основном в мужских захоронениях, можно предположить, что скотоводство было достаточно развито, и в этой области ведущее положение также занимали мужчины.

Среди погребений Тисавалка по своему богатству выделяется погр. 29, которое П. Патаи считает захоронением вождя. Автор выдвигает некоторые положения теоретического плана, на основании которых можно судить о социальном статусе погребенных. Так, по его мнению, в захоронении главы рода или семьи должно содержаться большое количество инвентаря или вещи, обозначающие его высокое положение: оружие, знаки власти. Выдающиеся члены коллектива относятся к его зрелой и старшей части (с. 57).

Судя по оценке погр. 29, критериями богатства погребения П. Патаи считает не только количество, но и разнообразие набора типов вещей. Если для женских погребений применимо деление на богатые и бедные по количеству сосудов, являющихся основной категорией находок, то для мужских, где инвентарь более разнообразен, следует применять иные критерии. Наиболее перспективным кажется способ учета вещей, а также числа их типов. При равном числе типов более богатым считается погребение с бóльшим числом вещей одних и тех же типов [14]. Кроме того, при учете ценности инвентаря погребений данной эпохи следует особое внимание обращать на металлические изделия: они выделяются как редкостью материала, так и степенью затраченного на их производство труда [15]. Наличие металлических изделий является одним из важнейших показателей богатства и социального ранга погребенного.

Интересен инвентарь детских захоронений. Только одно из них (24) безынвентарное. В погребениях девочек число сосудов не меньше, чем у взрослых женщин; в погр. 40 найдены золотая подвеска, медная спиральная подвеска, низки бус. В погребениях мальчиков находились медные шилья, кремневые орудия труда. В целом, как справедливо указывает П. Патаи, инвентарь детских погребений не беднее, а в некоторых случаях даже богаче, чем в погребениях взрослых. Это явление отмечено

---

[14] *Алёкшин В. А.* Некоторые аспекты социологической интерпретации погребений земледельцев энеолита Южной Туркмении.— СА, 1976, № 2.

[15] *Klein L. S.* Reiche Katakombengräber.— EAZ, 1968, Ht 3.

и в других культурах эпохи энеолита — следует вспомнить находки медных кинжалов в детских погребениях Усатова.

Подводя итог рецензии, следует отметить, что книга П. Патаи представляет большой интерес для археологов, занимающихся проблемами энеолита, благодаря новому материалу, вводимому в научный оборот, и как образцовое издание подобного рода.

Л. И. Авилова

СПРАВОЧНИКИ ПО АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ

На Украине проводится большая работа по систематизации памятников и обобщению археологических материалов республики. В Институте археологии АН УССР создана большая картотека, на основании которой уже издан краткий список археологических памятников [1]. По картотеке Министерства культуры УССР числится около 10 тыс. наиважнейших памятников, на которые составлены специальные паспорта. При областных организациях Украинского общества охраны памятников истории и культуры также создаются картотеки памятников археологии.

Президиум Украинского общества охраны памятников истории и культуры принял решение издать полный список археологических памятников Украины в виде областных справочников. В связи с этим Институт археологии АН УССР совместно с Украинским обществом охраны памятников истории и культуры начал подготовку и издание серии «Справочник по археологии Украины». Уже вышли в свет справочники по археологии Киевской, Харьковской и Львовской областей [2].

Изданные книги имеют единую и, по нашему мнению, принципиально правильную структуру. Они открываются кратким введением, затем следует общая характеристика археологических памятников области. Далее в алфавитном порядке по районам и селам на территории каждого из районов даются списки археологических памятников с указанием их местоположения и со ссылкой на источник. При составлении указанной части справочников авторы использовали литературные данные, материалы архивов, отчеты о раскопках и коллекции, хранящиеся в Институте археологии АН УССР, в музеях, высших учебных заведениях и в некоторых школьных музеях и кабинетах. Книги завершаются указателями археологических памятников.

Сводные характеристики памятников по областям, помещенные в первой части рецензируемых изданий, содержат сжатые описания и исторические выводы, касающиеся древней истории областей от эпохи палеолита до средневековья. Этот раздел, по нашему мнению, удачен во всех трех справочниках. Списки включают значительные материалы. Так, на Харьковщине учтено 23 180 археологических объектов (стоянок, селищ и городищ — 916; курганов — 8087; бескурганных могильников и отдельных погребений — 40; каменных изваяний — 56; отдельных находок — 61; древних монет — 14 011; монетных кладов — 19).

Большинство археологических объектов неизвестно широкой общественности. Поэтому справочники дают теперь возможность работникам сельского хозяйства, гидромелиорации и строителям учесть наличие памятников при планировании и проведении строительных и хозяйственных работ. Книги способствуют также работе краеведов в деле охраны археологических памятников и их популяризации. Они пригодятся и ученым — археологам, историкам, этнографам.

Первые областные справочники имеют и некоторые недостатки. Сводной картой-схемой основных археологических памятников Киевской обл., например, чита-

---

[1] Археологічні пам'ятки Української РСР. Короткий список. Київ, 1966.

[2] *Шендрик Н. І.* Довідник з археології України. Київська область. Київ, 1977, 142 с.; *Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П.* Справочник по археологии Украины, Харьковская область. Київ, 1977, 154 с.; *Свешніков І. К.* Довідник з археології України, Львівська область. Київ, 1976, 96 с. Ответственный редактор серии Д. Я. Телегин.

телю пользоваться будет трудно. Она дана в столь мелком масштабе, что почти невозможно прочитать названия населенных пунктов. Несколько лучше выглядят в этом смысле карты-схемы, помещенные в справочниках по Харьковской и Львовской областям. Здесь дано по нескольку карт с памятниками различных исторических периодов. Думается, что общую карту-схему всех основных памятников области следует печатать в более крупном масштабе в виде вклейки. Кроме того, в справочнике могут быть помещены и карты-схемы археологических памятников по отдельным районам, особенно тем, которые наиболее насыщены древностями.

Было бы целесообразно, на наш взгляд, кроме указателей археологических памятников, помещенных во всех трех справочниках, иметь еще и алфавитный указатель, что облегчило бы работу краеведов и представителей государственных и хозяйственных органов, интересующихся памятниками археологии. Это особенно важно в связи с принятием нового законодательства об охране, использовании и пропаганде памятников истории и культуры.

Указанные замечания следует, видимо, иметь в виду при подготовке к печати справочников по другим областям Украины. Уже подготовлены и редактируются археологические справочники по Черновицкой, Полтавской и Ровенской областям. Подготовлен к изданию справочник по Херсонской области. Завершается работа по подготовке археологических справочников по Винницкой, Закарпатской и Хмельницкой областям. Это, несомненно, способствует дальнейшему развертыванию археологических исследований на территории республики, а также привлечению к делу охраны, изучения и популяризации памятников широкой общественности.

И. С. Винокур

Хроника

СОВЕЩАНИЕ ПО ХРОНОЛОГИИ — ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА

2—10 октября 1978 г. в г. **Сигнахи (Грузинская ССР)** состоялось Всесоюзное совещание по вопросам периодизации и хронологии памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа Кавказа. Совещание проводилось по инициативе Центра археологических исследований Института истории и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР совместно с Институтом археологии АН СССР. В работе совещания приняли участие археологи-кавказоведы Москвы, Ленинграда, автономных республик Северного Кавказа, Краснодарского края и союзных республик Закавказья.

Совещание открыл председатель Оргкомитета, вице-президент АН ГССР акад. А. С. Прангишвили. С приветственным словом обратился к участникам совещания первый секретарь Сигнахского РК КП Грузии Н. С. Бучукури.

На совещании заслушано 27 докладов и сообщений по общим и частным вопросам хронологии и периодизации культур Кавказа второй половины II—I тысячелетия до н. э. Вопросы периодизации, хронологии и синхронизации памятников Кавказа и Евразии освещались в докладах Р. М. Абрамишвили, К. Ф. Смирнова, В. И. Марковина, Н. В. Анфимова, В. Г. Котовича, И. Б. Брашинского, М. Н. Погребовой, В. Г. Петренко, С. Л. Дударева.

Доклад Р. М. Абрамишвили (Тбилиси) «Основные этапы вековой истории изучения вопросов хронологии — периодизации памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа Кавказа, цель и задачи совещания» был посвящен историографии проблемы и основной программе совещания. В докладе М. Н. Погребовой (Москва) «О значении некоторых памятников зарубежного Востока для хронологии Закавказья конца II—I тысячелетия до н. э.» освещался ряд источников, связывающих Закавказье с Ближним Востоком и помогающих тем самым делу разработки хронологии. Особенно актуально прозвучали в докладе положения о материалах скифского типа, известных в настоящее время на территории Закавказья. По мнению автора доклада, они свидетельствуют о присутствии там скифской культуры в этническом понимании этого слова. М. Н. Погребова выразила сожаление, что пока этот пласт вещей периода активных действий скифов в Передней Азии невозможно точно связать с каким-либо определенным населением Закавказья.

Доклад И. Б. Брашинского (Ленинград) «Значение греческой импортной керамики для выяснения хронологии памятников VI—V вв. до н. э. на территории Грузии» был посвящен картографии греческого импорта (амфоры и аттические чернолаковые и краснолаковые сосуды) на территории Закавказья, от Колхиды до высокогорий Западной Грузии (Брили). По мнению автора доклада, присутствие такой керамики в закрытых комплексах, например в могилах, уточняет до десятков лет дату тех или иных погребений. Так, для погр. 9 (21) могильника Гуадиху в Колхиде предложена дата 460—440 гг. до н. э. Погр. 1 (12) Красномаяцкого могильника И. Б. Брашинский датирует 480 г. до н. э., а погр. 6 (29) в том же некрополе — в пределах 470—460 гг. до н. э.

К. Ф. Смирнов (Москва) в докладе «О мечах синдо-меотского типа» остановился на определенной группе вооружения VII—II—I вв. до н. э., встречающейся на Северном Кавказе, в Закавказье и на территории расселения ранних сарматов прохоровской культуры (IV—III вв. до н. э.). К ранним сарматам такого типа мечи и кинжалы попали с Северного Кавказа в результате тесных контактов аборигенного населения, прежде всего синдо-меотов и непосредственных потомков населения кобанской культуры. Все известные экземпляры (их более 50) картографированы и датированы по этапам от VII—VI вв. до н. э. и по II—I вв. до н. э., причем в основном их развитые формы падают на IV — начало III в. до н. э. Генезис этой формы оружия К. Ф. Смирнов связывает с некоторыми вариантами мечей переднеазиатского типа.

Доклад В. И. Марковина (Москва) «Вопросы хронологии древностей эпохи бронзы Северного Кавказа» был посвящен историографии вопроса периодизации — хронологии памятников бронзового века указанной территории. Особенное внимание было заострено на некоторых спорных моментах вопроса синхронизации срубной культуры и кобанских древностей, предложенной В. А. Сафроновым; на проблеме хронологии и периодизации каякентско-хорочоевской культуры, разрабатываемой в последние годы дагестанскими археологами; на разночтениях в вопросе о характере некоторых памятников контактной зоны каякентско-хорочоевской и кобанской культур. В докладе В. Г. Петренко (Москва) «Некоторые вопросы хронологии скифских памятников Северного Кавказа» предложена разработка детальной хронологии степных памятников Ставрополья и Прикубанья. По мнению автора доклада, эти памятники отражают уже сложившуюся во всем вещевом комплексе, искусстве и религиозных представлениях культуру ранних скифов предкелермесского этапа второй половины VII в. до н. э. В докладе В. Б. Виноградова, С. Л. Дударева (Грозный), А. П. Рунича (Пятигорск) «Новый источник по хронологии предскифского времени в Пятигорье» предложена попытка абсолютной датировки некоторых комплексов предскифского времени Белореченского 2-го могильника (район Кисловодска). На основании проведенного анализа датировка ранних погребений устанавливается в рамках середины VIII—VII вв. до н. э.

В докладе Н. В. Анфимова (Краснодар) «Хронология и периодизация культур эпохи раннего железа Северо-Западного Кавказа» поставлен вопрос о связи протомеотской культуры, известной по ряду могильников VIII—VII вв. до н. э. (Николаевский, Кубанский и др.), с более ранними материалами из поселений конца II — начала I тысячелетия до н. э., выявляемых постепенно на указанной территории (Николаевское). Докладчик исключил из круга протомеотских материалов некоторые синхронные памятники типа поселения «Заслонка», обнаружившие тесные связи с кобанской культурой района Пятигорья. В докладе особо подчеркнуто мнение об отсутствии смены населения в Прикубанье с эпохи бронзы до времени исторически засвидетельствованных меотов. Доклад О. М. Давудова и В. Г. Котовича (Махачкала) «Опыт хронологического расчленения некоторых памятников Северо-Восточного Кавказа конца II — начала I тысячелетия до н. э.» содержит попытку хронологии — периодизации некоторых памятников Дагестана и Юго-Восточной Чечни. В докладе отмечена необходимость уточнения, а в некоторых случаях и пересмотра выработанной в 30—50-е годы периодизации и хронологии памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа Северного Кавказа вообще, а его северо-восточной области в особенности. В основу предложенной авторами доклада трехчленной периодизации (XIII — первая половина XII в. до н. э.; XII—X вв. до н. э.; IX — первая половина VII в. до н. э.) положены наблюдения над изменениями предметов вооружения и конской узды.

На совещании обсуждались также вопросы хронологии и периодизации памятников Армении. Было заслушано шесть докладов. Доклад Э. В. Ханзадян (Ереван) «Хронология и стратиграфия Мецаморского поселения» посвящен периодизации, в основу которой положены материалы указанного поселения и синхронных с ним памятников середины II тысячелетия до н. э. и до VIII в. до н. э. на территории Армении. Стратиграфические и сравнительно-типологические наблюдения позволили выделить здесь четыре слоя от XIV в. до н. э. до урартского времени. По мнению автора доклада, поселение было сожжено во время походов Аргишти I в 18 г. VIII в. до н. э. В докладе Г. Е. Арешяна (Ереван) «Становление индустрии раннего железа на Южном Кавказе в связи с проблемой взаимодействия локально-исторических культур» изложена попытка выявить местные истоки закавказского железоделательного производства и причины широкой экспансии оружия урартских форм в местных культурах Закавказья. По мнению докладчика, основной причиной являлась централизация металлопроизводства на территории, занятой урартами, и вытеснение в связи с этим бронзового металлопроизводства доурартских мастерских, что привело в конечном результате к исчезновению локальных типов оружия более раннего времени. Двум погребениям XIV—XIII вв. до н. э. из могильника Лори-Берд, погребальный инвентарь которых находит близкие соответствия в хеттском мире, посвятила свое сообщение С. Г. Даведжян (Ереван). Об исследовании интересной каменной гробницы с разновременными захоронениями рубежа II—I тысячелетий до н. э. и VI—V вв. до н. э. из Лчашена сообщила А. Исраелян (Ереван). О новых раскопках в Шпракаване было доложено в сообщении Р. Торосяна, О. Хнкикян и Л. Петросяна (Ереван). Доклад К. Х. Кушнаревой (Ленинград) «Металлообрабатывающая мастерская предурартского времени на территории Двина» был посвящен металлообрабатывающему комплексу и святилищу X—VIII вв. до н. э. в Армении. По мнению автора доклада, гибель памятников связана с походами урартов во времена Аргишти I.

Специально обсуждались на совещании проблемы хронологии и периодизации памятников колхидской и кобанской культур Кавказа. Доклад Б. В. Техова (Цхинвали) «Проблема хронологии археологической культуры эпохи поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа (по материалам Тлийского могильника)» был посвящен периодизации кобанской культуры на основе погребальных комплексов. Доклад содержал попытку расчленения могил Тлийского могильника на пять после-

довательных хронологических групп (XIV — первая половина XII в. до н. э.; вторая половина XII—X в. до н. э.; конец X—IX в. до н. э.; VIII — первая половина VII в. до н. э. и вторая половина VII—VI в. до н. э.). Основа хронологии — синхронизация с материалами из памятников Закавказья. Доклад В. И. Козенковой (Москва) «Место кобанских древностей в системе хронологии Кавказа и Европы» касался некоторых спорных и противоречивых моментов датировки вещевого комплекса кобанской культуры. Автор доклада проанализировала причины, затрудняющие выработку на современном этапе изучения культуры убедительной унифицированной шкалы синхронизации ее с культурами сопредельных районов. В докладе В. Б. Ковалевской и В. И. Козенковой (Москва) «Хронология памятников раннего железного века долины реки Эшкакон» предложена попытка датировки поселения и могильника кобанской культуры Уллубаганалы II юго-западнее Кисловодска. Основанием для установления относительной и абсолютной хронологии памятника послужили стратиграфия и сопоставление материалов с уже известными комплексами начала и середины I тысячелетия до н. э. По мнению докладчиков, поселение может быть датировано X—VIII вв. до н. э., а могильник и поздний слой поселения — концом VII — началом VI в. до н. э.

М. В. Барамидзе (Тбилиси) и В. В. Бжания (Москва) в докладе «Хронология — периодизация памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Абхазии и некоторые вопросы синхронизации с основными памятниками колхидской культуры» попытались представить поэтапное развитие культуры Колхиды второй половины II — начала I тысячелетия до н. э. Доклад содержал систему хронологической классификации памятников с XIV по VI в. до н. э. колхидской культуры, расцвет которой, по мнению авторов доклада, падает на VIII—VII вв. до н. э. В докладе Л. Н. Панцхава (Тбилиси) «К вопросу о датировке кавказского „звериного" стиля» предпринята попытка установления ступеней возникновения и развития декора на предметах колхидской и кобанской культур. По мнению автора доклада, кавказский «звериный» стиль — явление эпохальное, порожденное особым социально-экономическим укладом общества в начале I тысячелетия до н. э. (конец IX — начало VI в. до н. э.). На основе системы декора и метода сравнительной датировки произведена корректировка дат некоторых погребений Тлийского могильника и ряда кладов эпохи поздней бронзы — раннего железа Закавказья.

Доклад А. Т. Рамишвили (Тбилиси) «Некоторые вопросы хронологии эпохи поздней бронзы и раннего железа Западной Грузии» был посвящен преимущественно кладам бронзовых изделий XVI—VIII вв. до н. э. По мнению докладчика, колхидская культура — продукт эпохи поздней бронзы и начальных этапов раннего железа. Вместе с тем зачатки этой культуры он видит еще в конце эпохи средней бронзы, а пережитки — в эпоху широкого освоения железа. А. Т. Рамишвили считает, что колхидская культура неодновременно распространялась во всех районах даже самой Колхиды, так как памятники ранних этапов (XVI—XI вв. до н. э.) в основном встречаются в прибрежной полосе Западной Грузии, а позднего времени (XI—VIII вв. до н. э.) — в горных и отдаленных от побережья районах. По мнению А. Т. Рамишвили, лишь на позднем этапе колхидская культура синхронна с кобанской культурой. Доклад Э. М. Гогадзе (Тбилиси) «Хронология и периодизация памятников колхидской культуры по материалам Носири-Мухурча» был посвящен классификации материалов Носирского поселения (вторая половина II — начала I тысячелетия до н. э.) и погребений Мухурского могильника VIII—VI вв. до н. э. (обряд вторичного захоронения и трупосожжения). По мнению автора доклада, материалы памятников доказывают раннюю нижнюю дату бытования колхидской культуры. Верхняя же скорее всего может быть определена периодом широкого освоения железа, не позднее первой половины VII в. до н. э. Сообщение Г. Т. Квирквелиа (Тбилиси) касалось корректировки дат ряда погребений старшей группы Красномаяцкого могильника в Абхазии. Основанием для передатировки послужило сопоставление материалов погребений с материалами предантичных и раннеантичных слоев поселений Колхиды. Некоторые могилы, датированные М. В. Барамидзе XII—XI вв. до н. э., автор доклада посчитал необходимым отнести ко времени не ранее VII в., а наиболее поздние, которые датировались VII—VI вв. до н. э.— к VI—V вв. до н. э.

На отдельном заседании были заслушаны доклады, посвященные проблемам хронологии и периодизации памятников Центрального Закавказья и Восточной Грузии. Кроме информации о новейших находках (К. Н. Пицхелаури — о святилище конца II тысячелетия до н. э. в сел. Шилда; Л. Н. Цитланадзе — о поселении эпохи поздней бронзы Мчадижвари; Ш. Иремашвили — о погребальных комплексах XIII—VII вв. до н. э. в сел. Репе) были представлены два основных доклада, включавшие анализ важнейших материалов эпохи поздней бронзы — раннего железного века Закавказья. В докладе К. Н. Пицхелаури (Тбилиси) «Хронология и периодизация памятников Центрального Закавказья второй половины II тысячелетия до н. э.» на основании хорошо документированного материала выделяются последняя ступень эпохи средней бронзы и переходный период от эпохи средней к эпохе поздней бронзы и подчеркивается генетическая связь между этими этапами. Вслед за переходным периодом автор для всего Центрального Закавказья выделяет еще один этап, который в Шида Картли предшествует комплексам с листовидными кинжалами. Последние синхронизируются с комплексами, содержавшими «кахетские» бронзовые кинжалы

с составной рукояткой. По К. Н. Пицхелаури, в Центральном Закавказье в этот период существуют две культурные области, одна из которых представлена комплексами типа лчашенских курганов (1, 3, 8 и т. д.), а вторая — материалами типа ранних погребений Артика, Гадрекили, Певреби, Катланихеви и др. Лори-бердские курганы содержат материалы, характерные как для одной, так и для другой области.

Датировка первого этапа эпохи поздней бронзы основывается К. Н. Пицхелаури на переднеазиатских цилиндрических печатях из Артика, ряде радиокарбоновых дат, стратиграфии поселений и на бронзовых предметах переднеазиатского облика из памятников Центрального Закавказья. Для первого этапа эпохи поздней бронзы предложена дата — конец XIV—XIII в. до н. э.

Р. М. Абрамишвили (Тбилиси) в докладе «Хронология и периодизация памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа Восточной Грузии и синхронизация с ними основных комплексов Закавказья» поставил целью заложить основу унифицированной хронологической шкалы памятников Закавказья по материалам Самтаврского и Трельского могильников, расположенных в зоне стыка почти всех археологических культур Закавказья и содержащих основные элементы этих культур. От рубежа эпохи средней и поздней бронзы (XVI — первая половина XV в. до н. э.) до V в. до н. э. Р. М. Абрамишвили выделил семь хронологических этапов. По его мнению, на II этапе (вторая половина XV—XIV в. до н. э.) оформились основные археологические культуры Закавказья эпохи поздней бронзы, истоки которых прослеживаются на предыдущем этапе. Позднее происходит их трансформация и изменение границ.

При абсолютной датировке хронологических групп Р. М. Абрамишвили были учтены результаты относительной хронологии, стратиграфия, типология предметов, наблюдения за развитием техники отдельных ремесел, изменения химического состава металла и особенно тех комплексов, где встречены аналогичные предметы, хорошо датируемые в памятниках Евразии.

По мнению Р. М. Абрамишвили, в хронологической шкале К. Н. Пицхелаури памятники разных археологических культур или их локальных вариантов рассмотрены как разновременные комплексы одной культуры, а разновременные комплексы — как памятники, относящиеся к локальным вариантам одной культуры, что нарушает картину исторического развития общества Центрального Закавказья.

В дискуссии по докладам приняли участие К. Ф. Смирнов, В. Г. Котович, Б. В. Техов, О. М. Давудов, В. И. Марковин, В. Г. Петренко, М. Н. Погребова, В. И. Козенкова, А. Т. Рамишвили, М. В. Барамидзе, Э. М. Гогадзе, О. М. Джапаридзе, Э. В. Ханзадян, Н. Н. Тушишвили, К. Н. Пицхелаури, Р. М. Абрамишвили. Наибольшее внимание при обсуждении было уделено вопросам пребывания скифов на Северном Кавказе и в Закавказье, хронологии кобанской культуры, происхождению и хронологии колхидской культуры и проблеме выделения переходных памятников в группе материалов начала второй половины II тысячелетия до н. э. Центрального Закавказья и Восточной Грузии. К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко, М. В. Барамидзе поддержали мнение М. Н. Погребовой о том, что ряд скифоидных комплексов в Закавказье сигнализирует о наличии там собственно скифского этнического компонента. Б. В. Техов посоветовал М. Н. Погребовой более обстоятельно выяснить характер и значимость скифских комплексов Закавказья. По его мнению, местные «скифские» вещи отличаются от собственно скифских. В. Г. Петренко не согласилась с Б. В. Теховым в его стремлении подчеркнуть своеобразие предметов скифского типа на Кавказе. При всех особенностях эти предметы не меняют свой «скифский» облик. Э. М. Гогадзе высказался за необходимость корреляции всех имеющихся в Закавказье скифоидных элементов. По его мнению, здесь возможны оба явления — наличие собственно скифской культуры и простое заимствование ее элементов местным населением.

Выступая по докладу Н. В. Анфимова, В. Г. Петренко высказала сомнение в правильности точки зрения докладчика о принадлежности меотам Келермесских курганов. При обсуждении доклада В. Г. Петренко К. Ф. Смирнов, О. М. Давудов отметили яркость ставропольских комплексов, убедительность хронологических построений автора доклада, что дает возможность считать эти памятники эталонными для второй половины VII в. до н. э. В. И. Козенкова согласилась с В. Г. Петренко в части хронологии, но предостерегла автора доклада от категоричности и определенности в отнесении материалов Ставропольского плато только к ранним скифам, так как не полностью ясен погребальный обряд и значительна доля кавказского компонента в вещевом комплексе и в конструкции погребальных сооружений. Нельзя исключить и точку зрения на то, что эти памятники могли принадлежать кавказцам, подвергшимся сильному степному влиянию. В. И. Козенкова не согласилась с В. Г. Котовичем в части его доклада, касающейся хронологии Сержень-Юртовского могильника. По ее мнению, пока нет твердых оснований заниженной дате ранних комплексов могильника. О том, что построенному на основе анализа оружия и конской узды докладу В. Г. Котовича не хватает историзма, говорил В. И. Марковин.

Выступавшие по докладу Б. В. Техова отметили великолепные и богатые комплексы Тлийского могильника и большую работу, проделанную автором доклада по классификации комплексов. Но в выступлениях было указано также, что предложенная таблица-схема периодизации уже не может удовлетворять современному состоя-

нию обработки материалов. Необходима таблица высшего качества, построенная на типологии и корреляции вещей (К. Ф. Смирнов), недостаточно убедительна датировка некоторых комплексов (Л. Н. Панцхава). При обсуждении доклада В. И. Козенковой В. Г. Котович, Б. В. Техов, О. М. Давудов, В. И. Марковин, М. В. Барамидзе поддержали ее мнение о необходимости выделения опорных комплексов для создания шкалы периодизации и хронологии кобанской культуры. Б. В. Техов согласился с В. И. Козенковой в оценке погребений в Терезе как раннекобанских, не отметил, что они все же не классические памятники этой культуры. М. В. Барамидзе не согласился с мнением В. И. Козенковой об омоложении даты полуовальных пряжек со спиралями кобанского типа, известных в Самтавро. По мнению М. В. Барамидзе, основание для удревнения этой категории вещей дают комплексы Красномаяцкого могильника в Колхиде, где имелись близкие экземпляры таких пряжек. К. Ф. Смирнов, Б. В. Техов, В. И. Козенкова поддержали точку зрения Н. В. Анфимова о выделении раннемеотских материалов рубежа II—I — начала I тысячелетия до н. э.

Большие разногласия обнаружились при обсуждении докладов по колхидской культуре, в первую очередь по вопросу датировки раннего и заключительного ее этапов. А. Т. Рамишвили и М. В. Барамидзе зачатки колхидской культуры находят в конце эпохи средней бронзы, а конец XV в. до н. э. считают началом этой культуры. О XIV в. до н. э. как начальном ее периоде говорил Э. М. Гогадзе. В пользу убедительности типологии раннеколхидских материалов высказался В. Г. Котович. Не возражая против датировки, предложенной А. Т. Рамишвили для начала колхидской культуры, О. М. Джапаридзе напомнил, что она базируется преимущественно на типологии кладов, и высказался о необходимости для решения вопроса привлечения других материалов, в частности из Самтаврского могильника и Прикубанского металлургического очага. По поводу ранней даты колхидской культуры возражала В. И. Козенкова. По ее мнению, хронологическая близость таких памятников, как Эшери, Красный маяк и Гуадиху («настоящей колхидской культуры», по выражению О. М. Джапаридзе), кобанским комплексам не позволяет ранние материалы середины II тысячелетия до н. э. из Колхиды, представленные кладами, считать в полном смысле этого слова культурой, поскольку необходим комплекс признаков, который здесь пока отсутствует. Контраргументы прозвучали в выступлениях М. В. Барамидзе и Э. М. Гогадзе. Ими был назван ряд поселений Колхиды, где в чередовании слоев прослежено непрерывное развитие культуры с XIV в. до н. э. и до раннеантичного времени. Сложность в том, что пока в ранних слоях поселений не встречены металлические предметы, типичные для кладов. В пользу синхронности формирования колхидской и кобанской культур высказался О. М. Джапаридзе. Не видит оснований в пользу полной синхронизации этих культур А. Т. Рамишвили. Менее единодушны были специалисты по колхидской культуре в вопросе о заключительной ее дате. По мнению А. Т. Рамишвили, в прибрежных и равнинных районах «начало заката» этой культуры наступает на рубеже II и I тысячелетий, а в горных районах — с VIII в. до н. э. М. В. Барамидзе и Э. М. Гогадзе считают колхидскими могильники VII—VI вв. до н. э. типа Красного маяка и Мухурского.

Все выступавшие по докладам Р. М. Абрамишвили и К. Н. Пицхелаури (О. М. Джапаридзе, Э. В. Ханзадян, М. В. Барамидзе, В. Г. Котович, Э. М. Гогадзе, Н. Н. Тушишвили, К. Х. Кушнарева) поддержали мнение о наличии переходного периода между эпохами средней и поздней бронзы. По мнению В. Г. Котовича, оба доклада были интересны по комплексам и аргументации, а потому трудно пока отдать предпочтение той или иной точке зрения. Видимо, создание унифицированной шкалы хронологии Кавказа — это дело будущего. Вместе с тем по частным вопросам предложенных периодизаций выявились и несогласия, обусловленные отсутствием общего мнения о характере древностей начала II тысячелетия до н. э. Восточного Закавказья, и в первую очередь отсутствие ясности в вопросе о том, была ли здесь одна или две культуры в эпоху средней бронзы. О. М. Джапаридзе и Э. В. Ханзадян не согласились с Р. М. Абрамишвили относительно переходного характера таких памятников, как Кироваканский курган и погребение 6 в Лчашене. По их мнению, эти памятники типичны для средней бронзы. О. М. Джапаридзе представляется заниженной в докладе Р. М. Абрамишвили дата Трельского могильника. Р. М. Абрамишвили, отвечая оппонентам, указал, что на переходный характер Кироваканского кургана указывают элементы в металлическом инвентаре (листовидные кинжалы, долото, плоский топор), а в погребении 6 в Лчашене — керамика. Что касается мнения о заниженной дате, то, по Р. М. Абрамишвили, Трельский могильник и поселение хорошо увязываются между собой и с синхронными памятниками других областей Кавказа.

К. Н. Пицхелаури не согласился с мнением О. М. Джапаридзе относительно ослабления связей с Передней Азией после эпохи средней бронзы, поскольку новые материалы из Кахетии свидетельствуют об обратном.

В заключение совещания принята резолюция, в которой были подведены общие итоги работы и изложены перспективы на будущее. В связи со 100-летием V археологического съезда, исполняющегося в 1981 г., в резолюции предложено созвать в Тбилиси совещание по вопросам синхронизации памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа Кавказа и Евразии. Был также оглашен предварительный список

состава Оргкомитета. Резолюция включала общее пожелание об издании к совещанию каталогов ряда основополагающих памятников Северного Кавказа и Закавказья. За время работы совещания участники ознакомились с организацией полевой, камеральной и научной работы Кахетской археологической экспедиции и посетили археологические памятники в Кварельском и Телавском районах Грузии, осмотрели экспозицию краеведческого музея в г. Сигнахи. Центром археологических исследований предполагается издание материалов прошедшего совещания.

Особо необходимо отметить большой интерес к работе совещания и заботу об успешном его проведении, проявленные со стороны ведущих научных учреждений Академии наук Грузии и районных партийных и общественных организаций Кахетии.

В. И. Козенкова

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ПЕНДЖИКЕНТЕ

С 26 по 31 августа 1977 г. в городе Пенджикенте Таджикской ССР состоялась Всесоюзная научная конференция «Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана». Организаторами конференции явились Научный Совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана Института археологии АН СССР (председатель — В. М. Массон) совместно с Институтом истории им. А. Дониша АН ТаджССР. Большую работу по подготовке и проведению конференции провел оргкомитет под председательством Б. И. Искандарова и его заместителя Н. Н. Негматова, был опубликован сборник тезисов [1].

На первом заседании с вступительным словом выступила заведующая ЛОИА АН СССР д-р ист. наук Н. Н. Гурина, отметившая большие успехи, достигнутые археологами Средней Азии в изучении раннесредневекового периода. С приветствием к участникам конференции обратился первый секретарь Пенджикентского ГК КП Таджикистана С. З. Зарипов.

Затем выступил В. М. Массон с докладом «Согдийская эпоха и культурная интеграция», в котором подчеркивалось значение согдийского культурного комплекса в сложении культуры народов Средней Азии эпохи раннего средневековья. Доклад о результатах 30-летнего археологического исследования городища древнего Пенджикента сделал начальник Пенджикентской археологической экспедиции д-р ист. наук А. М. Беленицкий.

Всего на конференции было заслушано 45 докладов и сообщений, которые по тематике могут быть разделены на шесть групп: доклады по общим вопросам археологии Средней Азии, по археологии Согда и Уструшаны, по южным и северным областям Средней Азии и Казахстана, по искусству и архитектуре раннесредневековой Средней Азии, по культуре Средней Азии в связи с последствиями арабского завоевания.

Среди сообщений по общим вопросам надо отметить доклад А. М. Беленицкого, Б. И. Маршака и В. И. Распоповой о значении итогов многолетних раскопок в Пенджикенте для раннесредневековой археологии Средней Азии. Примененная методика выделения синхронных горизонтов позволила нарисовать картину социальной и культурной жизни раннесредневекового города. В своих выступлениях Б. А. Литвинский, Г. А. Федоров-Давыдов, Л. Р. Кызласов, В. М. Массон высоко оценили методы и результаты работ Пенджикентской экспедиции, отметив, что этот памятник получил эталонное значение в раннесредневековой археологии Средней Азии. Доклад Б. А. Литвинского был посвящен проблемам культуры Средней Азии в свете исследований памятников Северного Тохаристана. О городской культуре Ташкентского оазиса поры раннего феодализма рассказал Ю. Ф. Буряков. Для этого времени характерно большое число маленьких городков, есть данные, в частности, об интенсивном росте ремесленных городских пунктов в предгорьях, рядом с горнорудными промыслами. Значение широких международных связей Средней Азии в V—VIII вв. подчеркнул в своем докладе Б. Я. Ставиский. Благоустройству раннесредневекового города было посвящено сообщение А. Анарбаева. Об антропологическом составе населения раннесредневековой Средней Азии, отражающем сложную картину этнических процессов, шла речь в сообщении Т. К. Ходжайова.

Среди сообщений второго раздела большой интерес представляет доклад В. А. Лившица о правителях Пенджикента V — начала VIII в. Автор отождествляет упомянутого в монетной легенде Бильге (старое чтение Бидийан) с известным по документам с горы Муг правителем Пенджикента Чекин-чур Бильге, сыном Бычута. Пенджикентский престол не передавался по наследству (во всяком случае по мужской

---

[1] Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана.— Тез. всес. научн. конф. в г. Пенджикенте Таджикской ССР (26—31 августа 1977 г.). Душанбе, 1977, 183 с.

линии), и нет оснований говорить о согдийской династии в Пенджикенте. Несколько сообщений было посвящено результатам работ в Пенджикенте и его отдельных частях. О раскопках жилого квартала доложил И. Рахматуллаев, об оборонительных сооружениях — Г. Л. Семенов, о городской архитектуре — Л. Л. Гуревич.

Г. В. Шишкина выступила с сообщением, в котором опровергла мнение о культовом назначении здания под Кафыркалой. О культовых сооружениях, открытых в Бухарском оазисе, рассказал Р. Сулейманов. Сообщение Г. Я. Дресвянской, А. С. Сагдуллаева и З. И. Усмановой было посвящено анализу значения топографических признаков для классификации поселений среднего течения Кашкадарьи. С сообщением о культуре и связях Кеша в раннее средневековье выступила Н. И. Крашенинникова. Выступление О. В. Обельченко было посвящено сосуществованию в Согде оссуариев различных типов. А. А. Абдуразаков доложил о стеклоделии в Согде. Хронологическую классификацию керамики верхних слоев Еркургана (IV—VI вв.), основанную на данных микростратиграфии, предложил М. Х. Исамиддинов. В докладе «Уструшанский компонент среднеазиатской культуры раннего средневековья» Н. Н. Негматов познакомил с замечательными находками последних десятилетий. Сообщение У. П. Пулатова представляло собой информацию о раскопках культового сооружения Актепа в Уструшане, которое интерпретируется автором как «дом огня».

Третий раздел конференции был посвящен южным областям Средней Азии. С сообщениями о новых памятниках материальной культуры раннего средневековья, обнаруженных в Кулябской области Таджикской ССР, выступили Е. П. Денисов и Э. Гулямова.

Оборонительные сооружения Кафыркалы под Колхозобадом послужили темой сообщения В. С. Соловьева, о буддийском святилище на Калаикафирниган доложил А. Седов. Сообщение А. Губаева было посвящено зданию с алтарем огня, открытому в Южной Туркмении, а сообщение М. А. Бубновой — святилищу огня на Памире. Таким образом, в ряде докладов была затронута малоисследованная тема среднеазиатского зороастризма.

К четвертому разделу сообщений конференции относится ряд докладов о влиянии согдийской культуры на восточные районы Средней Азии. К. М. Байпаков отметил влияние городских центров Согда и местных традиций оседлости на формирование городских центров Южного Казахстана. В своем сообщении М. И. Филанович выделила две группы памятников Ташкента: одну — примыкающую к каунчинской культуре, и вторую — более тесно связанную с городской культурой Согда. Г. А. Брыкина проследила культурные связи Ферганы в I тысячелетии н. э. Киргизские археологи выступили с докладами о городище Бурана (В. Д. Горячева) и о классификации каменных женских изображений Семиречья (В. П. Мокрынин).

Несколько докладов было посвящено изобразительному искусству. Г. А. Пугаченкова предложила отнести Аниковское блюдо к южной части Средней Азии VII—VIII вв. и связать изображение на нем с неким точно не определенным эпизодом богатырского эпоса. В ответном выступлении Б. И. Маршак доказывал, что технические особенности Аниковского блюда показывают на его изготовление в IX—X вв. христианами Семиречья. Совместный доклад Н. Н. Негматова и В. М. Соколовского был посвящен реконструкции и сюжетной интерпретации росписей малого зала дворца афшинов Уструшаны. В. Г. Шкода показал, что сцены с персонажами на тронах, помещаемые на торцовые стены согдийских и уструшанских парадных залов, можно однозначно истолковать как изображения богов. Искусство Пенджикента и искусство мусульманской Средней Азии сопоставили в своих докладах Л. С. Айни и М. А. Рузиев. Л. А. Лелеков зачитал совместный с Г. А. Кошеленко доклад об особенностях тематики и художественно-образного строя раннесредневекового искусства Средней Азии. В. А. Мешкерис выступила с докладом «Традиции и новаторство в раннесредневековом искусстве Средней Азии». История ранних среднеазиатских караван-сараев была с большой полнотой освещена в сообщении Н. Б. Немцевой. Два доклада — В. М. Соколовского и Г. С. Василенко — были посвящены вопросам реставрации монументальной живописи на лессовой штукатурке.

Доклад А. Д. Джалилова, открывший обсуждение последней группы вопросов, был направлен против преувеличения роли арабского завоевания в истории культуры Средней Азии, хотя докладчик и не отрицал большого значения этого исторического события. Преемственности материальной и духовной культуры Согда в мусульманской Средней Азии было посвящено сообщение Д. Абдуллаева. Опираясь на сведения Наршахи, Г. Гоибов предложил хронологию бухарских правителей VII—VIII вв. Анализ топонимических данных позволил А. Л. Хромову утверждать, что с приходом арабов в Среднюю Азию не произошло резкой смены топонимики.

В резолюции, принятой на конференции, было отмечено, что в результате раскопок в Пенджикенте открывается впечатляющая картина материальной и духовной жизни разных слоев согдийского общества, отмечалась необходимость создания здесь музея под открытым небом, организации постоянной охраны памятника. Рекомендовалось усилить комплексное изучение раннесредневековых наслоений на Афрасиабе, возобновить изучение памятников этого времени в Семиречье, для чего целесообразно создать совместную экспедицию АН КазССР и АН КиргССР.

Г. Л. Семенов, В. Г. Шкода

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ГЕРАСИМОВИЧА КОТОВИЧА

31 мая 1979 г. после тяжелой болезни ушел из жизни известный археолог-кавказовед, неутомимый исследователь Дагестана, Владимир Герасимович Котович.

Владимир Герасимович родился 25 сентября 1925 г. в Первомайске (Одесская область).

В самом начале 1943 г. В. Г. Котович, студент геолого-разведочного факультета Казахского горно-металлургического института, был призван в ряды Советской Армии. За мужество, проявленное при защите Родины, Владимир Герасимович был награжден орденом Красной Звезды и шестью медалями.

Окончив в 1952 г. с отличием Ленинградский университет, Владимир Герасимович связал всю свою дальнейшую жизнь с Дагестаном. Он поступает на работу в Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, в котором проходит путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором археологии.

Основные научные интересы В. Г. Котовича первоначально были связаны с изучением каменного века. В 1962 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию. Работа «Каменный век Дагестана», изданная в 1964 г., свидетельствует о незаурядном даровании этого вдумчивого ученого и большого энтузиаста. До исследований В. Г. Котовича в Дагестане были известны лишь отдельные случайные местонахождения каменного века. После публикации работ Владимира Герасимовича стало возможным говорить о целой, ранее неисследованной эпохе в истории края.

Интересы В. Г. Котовича не замыкались в рамках одной, узкой темы. Он много и плодотворно работал над изучением памятников бронзового века Дагестана, проводил раскопки Гонобского могильника, Утамышских курганов и других памятников, занимался разработкой хронологии поздних этапов эпохи бронзы, в том числе и каякентско-хорочоевской культуры.

Большое место в работах В. Г. Котовича занимают проблемы древней экономики. В статьях, освещающих хозяйственную деятельность древнего населения Дагестана, исследователь оспаривает существовавшие ранее представления о ее исключительно скотоводческой направленности. Основу хозяйства местного населения, начиная с неолита, составляли, как доказывает в своих работах Владимир Герасимович, земледелие и скотоводство. Исследователь подтвердил археологическими материалами правильность гипотезы академика Н. И. Вавилова о существовании одного из древнейших очагов происхождения злаковых культур на территории Дагестана и поставил вопрос о возможности отнесения его к числу ранних очагов земледелия.

Сложной и важной теме — времени и путям возникновения на территории Кавказа черной металлургии — были посвящены специальные исследования В. Г. Котовича. Много внимания уделял исследователь и разработке проблемы возникновения и развития древних и средневековых городов Дагестана, раскрытию их социально-экономической природы. Целая серия статей Владимира Герасимовича посвящена средневековой тематике, наиболее спорным, полемическим вопросам. Это работы о местоположении городов Беленджера, Семендера, Варачана и Таргу, о роли Прикаспийского пути в истории Дагестана, о маршрутах арабских походов на Кавказ в VII—VIII вв.

В главах и разделах «Очерков истории Дагестана» (1957 г.), четырехтомной «Истории Дагестана» (1967 г.), а также подготовляемой к печати «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней», написанных В. Г. Котовичем, следует отметить выделение специфических особенностей древних культур Дагестана, которое позволило ученому охарактеризовать роль местного субстрата в этногенетических процессах V—II тысячелетий до н. э. Незадолго до смерти Владимир Герасимович завершил работу над монографией «Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана».

Как основатель и бессменный руководитель сектора археологии Института истории, языка и литературы, В. Г. Котович проявил незаурядный организаторский талант. Он уделял большое внимание подготовке квалифицированных, профессионально подготовленных кадров для дагестанской археологии. Своими консультациями и советами он оказывал большую помощь молодым дагестанским археологам, проявлял постоянный доброжелательный интерес ко всем их нуждам и делам. Многогранная научная деятельность В. Г. Котовича была отмечена Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР и Президиума Академии наук СССР.

Человек кипучей энергии, неутомимый труженик, веселый, отзывчивый и глубоко принципиальный — таким знали Владимира Герасимовича друзья, близкие и товарищи по работе. Таким он останется в нашей памяти.

М. Г. Гаджиев, В. И. Марковин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБНИИ — Абхазский научно-исследовательский институт
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода
АМ ХГУ — Археологический музей Харьковского государственного университета
АО — Археологические открытия
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
БКНИИ — Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
БМНИИК — Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры. Улан-Удэ
Бюлл. САГРУ — Бюллетень Среднеазиатского геолого-разведочного управления
ГМГ — Государственный музей Грузии АН ГССР
ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока
ВАН БССР — Весці Акадэміі навук Беларускай ССР, серыя грамадскіх навук
ВВ — Византийский временник
ВГБИЛ — Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИА — Всеобщая история архитектуры
ВЦНИЛКР — Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных ценностей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб.
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИАН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. обществ. наук
ИАН КиргССР — Известия Академии наук Киргизской ССР. Сер. обществ. наук
ИАН ТаджССР — Известия Академии наук Таджикской ССР
ИБАН — Известия на Българския археологически институт
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
Изв. АН ТССР — Известия Академии наук Татарской ССР
Изв. СКНЦВШ — Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИОИКМ — Измаильский объединенный историко-краеведческий музей
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРИ — История русского искусства
ИЭ АН СССР — Институт этнографии АН СССР
КД — Каракумские древности. Ашхабад
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея
МАД — Материалы по истории Дагестана
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии. Ленинград
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИИРМ — Музей истории и реконструкции Москвы
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитаж
ПАЭ — Поволжская археологическая экспедиция
ПВЛ — Повесть временных лет, ч. I, II. М.— Л., 1950
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических формаций
ПСА — Проблемы скифской археологии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Алма-Ата

ТИИАЭ КиргССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Киргизской ССР. Фрунзе
ТКОПОРГО — Труды Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
ТРИЯЛИ Кирг. ФАН — Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук
Тр. ВУАК — Труды Владимирской ученой архивной комиссии
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. КАЭ — Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТТПЭ — Труды Таджикско-Памирской экспедиции
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
Уч. зап. Каз. ГПИ — Ученые записки Казахстанского государственного педагогического института им. Абая. Алма-Ата
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
AAC — Acta archaeologica Carpathica. Kraków
ADAJ — Annual of the Department of Antiquities of Jordan
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AO — Archiv für Orientforschung. Berlin
AP — Archeologia Polski. Wrocław-Warszawa-Kraków- Gdańsk
AS — Anatolian Studies. London
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris
BSA — The Annual of the British School at Athens. London
CRAIBL — Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendues des séances
EAZ — Ethnografisch-Archäologische Zeitschrift. Berlin
FM — Finskt Museum
IA — Iranica Antiqua. London
IPEK — Jahrbuch für Prahistorische Ethnographische Kunst
JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
KHKM — Kwartalnik historii kultury materialnej. Warszawa
KHNT — Kwartalnik historii nauki i techniki. Warszawa
LTSR MADA — Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai
MA — Materialy archeo'ogiczne. Kraków
MDAFA — Mémoires de la Delegation Archeologique Française en Afghanistan. Paris
MDAI — Mémoires de la Délégation Archeologique on Iran
MDP — Mémoires de la Délégation en Perse
OIP — Oriental Institute Publications. Chicago
PEQ — Palestine Exploration Quartely. London
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. Cambridge
RA — Revue archéologique. Paris
SA — Sprawozdania archeologiczne. Warszawa-Wroclaw-Kraków
SC — Scythica et Caucasica.— В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. 1893—1906
SMYA — Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki
ZOW — Z otch'ani wiekow. Wroc'aw-Poznań

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1980 ГОД

	№	стр.
110-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина	4	5
Абрамова З. А. Pales L. et Tassin M. de Saint Péreuse. Les gravures de la Marche. v. II. Paris, 1976	4	289
Авилова Л. И. Patay P. Das kupferzeitliche Gräberfeld von Tiszavalk — Kenderföld. Budapest, 1978	4	300
Алексеев В. П. Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977	4	297
Алексеев Л. В. Новые книги по археологии белорусских городов	2	269
Алешковский П. М. Языческий амулет-привеска из Новгорода	4	284
Амброз А. К. Bierbrauer V. Die ostgottischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975	1	321
Амирханов Х. А., Аникович М. В., Борзияк И. А. К проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа	2	5
Андреева Е. Г. Остеологические материалы из Гнёздова	1	56
Антонова Е. В. О некоторых чертах погребального обряда древних земледельцев Средней Азии и Месопотамии	4	16
Асеев Ю. С. К вопросу о времени основания Киевского Софийского собора	3	128
Бадальянц Ю. С. Новые хронологические соответствия личных имен на родосских амфорах	2	161
Барцева Т. Б. О химическом составе металла наверший скифского времени	3	77
Батчаев В. М., Керефов Б. М. VIII Крупновские чтения (Нальчик, 1978 г.)	2	279
Батчаев В. М., Керефов Б. М. Оленный камень из Кабардино-Балкарии	3	289
Башилов В. А., Большаков О. Г., Куза А. В. Древнейшие слои хассунского поселения Ярым-тепе I в Северном Ираке	1	106
Белецкий С. В., Пронин Г. Н. Проблемы этнической истории Северной Руси (в сборниках кафедры археологии ЛГУ)	1	330
Белоцерковская И. В., Сапожников Н. В. О вятичских древностях из Смоленска	2	251
Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкесия)	3	225
Бодунов Е. В., Жилин М. Г., Воробьев В. М. Позднемезолитическая стоянка Староконстантиновская II близ Калинина	2	220
Брашинский И. Б., Марченко К. К. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа	1	211
Буров В. А. Новгородские актовые печати XIV-XV вв. и социальный состав владельцев усадеб	1	313
Буряков Ю. Ф. К датировке и атрибуции некоторых шахматных наборов (в свете находок 1977 г. на Афрасиабе)	3	162
Веймарн Е. В., Амброз А. К. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288)	3	247
Векслер А. Г., Николаева Т. В. Иконка Дмитрия Солунского из Подмосковья	3	308
Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила. Политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н. э.	3	92
Винокур И. С. [Рец.] Справочники по археологии Украины	4	305
Воронов Ю. Н. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа, М., 1978	3	321
Гаряинов В. А. Гуннское погребение в пещере Южного Приуралья	4	259

	№	стр.
Гей О. А. Черняховские памятники Северного Причерноморья (к постановке проблемы)	2	45
Гмыря Л. Б. Кухонные горшки Андрейаульского городища	1	306
Горбунов В. С., Обыденнов М. Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии	3	173
Гришин Ю. С. О некоторых случайных находках из Забайкалья	1	264
Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. О ремесленном производстве на киевском Подоле	2	203
Гуревич Ф. Д. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг.	4	87
Гурин М. Ф. Металлографические исследования железных предметов из Абидни (Белоруссия)	4	251
Дашевская О. Д. О скифских курильницах	1	18
Димитров К. Монеты неизвестных типов из раскопок Севтополя	3	284
Домбровска Э. Проблема так называемых «великих городов» у западных славян в раннем средневековье	2	56
Дудорова Л. В. Новые данные о местонахождении древних ворот в древнем городе Владимире	4	281
Егоров В. Л. Мавзолеи Водянского городища	1	74
Залесская В. Н. Группа свинцовых ампул-эвлогий из Фессалоники	3	263
Засецкая И. П. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве	1	46
Зданович Г. Б., Зданович С. Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка	3	183
Ивакин Г. Ю., Пуцко В. Г. Импостная капитель из киевских находок	1	293
Исмагилов Р. Б. Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного	1	219
Кирчо Л. Б. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе	1	158
Кожомбердиев И., Кузьмина Е. Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии	4	140
Козенкова В. И., Найденко А. В. Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край)	1	195
Козенкова В. И. VII Крупновские чтения (Черкесск, 1977)	2	275
Козенкова В. И. Совещание по хронологии — периодизации памятников Кавказа	4	307
Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Малоокуловский грунтовой могильник волосовской культуры	4	132
Коновалов П. Б. К коллекции хуннских бронз	4	263
Копылов В. П., Марченко К. К. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону	2	155
Корепанов К. И. О находке зеркала на Селитренном городище	1	283
Корпусова В. Н., Белозор В. П. Могила киммерийского воина у Джанкоя, в Крыму	3	238
Косменко М. Г., Витенкова И. Ф. Мезолитический слой поселения Муромское VII	4	120
Косяненко В. М. Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.)	3	214
Котигорошко В. Г. Итоги изучения могильника Иза I в Закарпатье	1	229
Котович В. Г., Давудов О. М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе	4	38
Краснов Ю. А. Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе	3	15
Кривицкий В. В. Бронзовый предмет со скульптурным изображением быка	1	272
Кригер В. А., Железчиков Б. Ф. Позднекочевнические погребения у поселка Рубёжка и Алебастрово Уральской обл.	1	300
Кызласов И. Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в	2	80
Леквинадзе В. А. Вислая печать с именем Сергия из Грузии	4	275
Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса)	2	67
Лившиц В. А. Парфянские остраки из Коша-депе	4	232
Лисицын И. П. Раннесарматские погребения в урочище Сазды Гурьевской обл.	1	258
Лисицын Н. Ф. Палеолитические стоянки в районе Батеневского кряжа на Енисее	3	270
Маланин И. Д. Каменный крест из Калининской области	4	287
Мамаев Х. М. Литейная форма из Ялхой-Мохка (Юго-Восточная Чечня)	4	270
Мамонтов В. И. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье	1	175
Марковин В. И. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. САИ, вып. В2-5. М., 1977	1	318
Масленников А. А. О населении прибрежных районов Восточного Крыма в VI—I вв. до н. э.	1	5

	№	стр.
Масленников А. А. К истории населения хоры Европейского Боспора в I в. до н. э.	4	65
Медведская И. Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э.	4	23
Мирошина Т. В. Скифские калафы	1	30
Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника	3	194
Могильников В. А., Суразаков А. С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил	2	180
Мясникова Н. В. К дендрохронологии Смоленска (по материалам раскопа XI по улице Соболева)	2	246
Никольская Т. Н. К пятисотлетию «стояния на Угре»	4	102
Ольговский С. Я. Цветной металл с Березани	4	190
Пачкова С. П., Орлов Р. С. Борисоглебский энколпион из раскопок древнерусского городища у с. Гринчук	3	298
Переводчикова Е. В. Типология и эволюция скифских наверший	2	23
Петренко В. А. Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке	1	275
Петренко В. П. Urtans V. Senākie depositi Latvijā (līdz 1200 g), Rīga, 1977	1	327
Петрин В. Т., Шорин А. Ф. Антропоморфная скульптура эпохи бронзы с Южного Урала	2	226
Пилипко В. Н. Парфянский слой поселения Коша-депе у Бабадурмаза	4	213
Пичикян И. Р. Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии	4	202
Плейнерова И. О характере раннеславянских поселений пражского и корчакского типов	2	51
Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище	4	181
Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII века	3	142
Розенфельдт И. Г. Детали ритуальных поясов с позднедьяковских городищ	1	267
Романовская М. А. Керамический штамп из окрестностей с. Рудь	1	290
Рубан В. В. Раннеэллинистические лепные кратеры из Нижнего Побужья	1	287
Рузанов В. Д. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры	4	55
Рындина Н. В. Металл в культурах шнуровой керамики украинского Предкарпатья, Подолии и Волыни	3	24
Рындина Н. В., Дегтярева А. Д., Рузанов В. Д. Результаты химико-технологического исследования находок из Шамшинского клада	4	154
Сагдуллаев А. С. Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6	2	228
Сапрыкин С. Ю. К типологии двух групп монет Херсонеса	3	43
Сарианиди В. И. Культовый сосуд из Маргианы	2	167
Семенов Г. Л., Шкода В. Г., Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977	2	264
Семенов Г. Л., Шкода В. Г. Всесоюзная конференция в Пенджикенте	4	312
Сергин В. Я. Sklenář K. Nejstarší lidská obydeí v Československu. Praha, 1977	3	312
Сидоров В. В., Трусов А. В. Луково озеро I — стоянка льяловской культуры	2	126
Симонова Е. Н. Средневековое поселение в Залавар-Резеш	2	240
Скрипкин А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия	1	273
Смирнов Ю. А. Погребение с бычьими черепами в Нижнем Подонье	4	173
Сокольский Н. И. Тамапский клад бронзовых орудий	2	144
Сокульский А. Л. К локализации летописного Олешья	1	64
Станюкович А. К. Совещание по применению физико-математических методов в археологии (Москва, 1978)	3	331
Субботин А. В. Скифский курган близ Новочеркасска	3	294
Татаринов С. И. Железоделательный горн бондарихинской культуры	3	280
Телегин Д. Я. Палеолитическая стоянка Збраньки на Житомирщине	1	248
Титов В. С., Эрдели И. Первые итоги раскопок Венгеро-Советской экспедиции на территории ВНР	1	130
Титов В. С. Kalicz N., Makkay J. Die Linienbandkeramik in der Grossen Ungarischen Tiefebene. Budapest, 1977	2	254
Третьяков В. П. О классификации неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой	3	5
Федоров-Давыдов Г. А. Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника	2	235
Флёров В. С., Косяпенко В. М. Салтово-маяцкие деревянные сосуды с Нижнего Подонья	4	272
Формозов А. А. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978	3	317
Фролова Н. А. История правления Рискупорида V (242—276 гг. н. э.) по нумизматическим данным	3	58

Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Могильник эпохи ранней бронзы Пархай II в Туркмении 1 251
Цетлин Ю. Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита 4 9
Чариков А. А. Группа скульптур из Джамбула 3 301
Чемякин Ю. П. Новый могильник в Сургутском Приобье 3 276
Чернай И. Л. Пекторали из Селецкого городища 4 248
Чернецов А. В. Три резных посоха XV века 2 94
Чернецов А. В. Kadar Z. Survivals of Greek zoological illuminations in Byzantine manuscripts. Budapest, 1978 . . . . . 3 325
Чернов Г. А. Новые мезолитические стоянки на реках Сандибейю и Колве (Большеземельская тундра) 1 147
Черных Е. Н. О химическом составе металла Таманского клада 2 150
Швецов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников 2 192
Швецов М. Л. Стела V—VII вв. из Приазовья 4 268
Шинаков Е. А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец 3 110
Шитова Т. Б. Ближневосточная керамика IX в. из Старой Ладоги . . . 2 238
Шляхова В. И. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ) 4 75
Щелинский В. Е., Гагашьян В. М. Ашельское рубило из окрестностей Туапсе 4 244
Юшко А. А., Чернов С. З. Из исторической географии Московской земли (по итогам полевых работ 1976 г.) 2 116
Яблонский Л. Т. Мусульманский некрополь Водянского городища . . . 1 90
Памяти Отто Николаевича Бадера 2 286
Памяти Владимира Герасимовича Котовича 4 314

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.07.80 Подписано к печати 02.10.80 Т-12776 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0 Уч.-изд. л. 30,5 Бум. л. 10,0 Тираж 3492 экз. Зак. 3294

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10